РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

3 (37)

Июль–Август—Сентябрь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2012

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, академик РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов,* д.п.н. *О. В. Гневэк,*
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков,* д.п.н. *З. М. Уметбаев,* д.филол.н. *С. Г. Шулежкова,*
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov,
I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov, Z. M. Umetbayev.

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2012
© Магнитогорский государственный университет, 2012
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2012

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Древняя Греция и Рим

© 2012

Н. В. Ефремов

К ВОПРОСУ О ТОРГОВЫХ ПУТЯХ В ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД, ИЛИ ОБ ОДНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ МИФЕ[1]

В статье анализируется тема торговых путей из Закавказья в Индию. На основании анализа письменных источников — Страбона и Плиния Старшего — автор приходит к выводу, что идея этого торгового пути никогда не приобретала реального воплощения. Вопрос о его использовании вставал вместе с изменением политической ситуации в регионе, когда последний попадал в поле зрения «мировых держав». Препятствием к его осуществлению служили недостаточные географические представления, трудности этнического и социально-политического порядка. Письменные и археологические данные позволяют утверждать, что товары с Востока поступали по суше по Великому шёлковому пути, откуда через Армению они направлялись в Закавказье. Одновременно функционировал «северный путь» из Мидии через Дербенские ворота на север и в обратном направлении. Закавказье хотя отчасти и являлось перевалочным пунктом в торговле Востока с Западом, но никогда не играло в ней ведущей роли.

Ключевые слова: Закавказье, Каспий, Колхида, Плиний, Страбон, торговля

«В эпоху эллинизма через Колхиду (и другие области Закавказья) проходил один из больших торгово-транзитных путей, связывавших страны Востока с Западом. Сведения Страбона, восходящие через Эратосфена и Аристобула к Патроклу, Плиния, который заимствовал их у Марка Теренция Варрона, анонимного перипла V в., а также ряд археологических материалов свидетельствуют о том, что этот путь шёл из Индии до Каспийского моря и дальше через Закавказье (по р. Кура — через Сурамский перевал — по р. Фасису), достигал берегов Чёрного моря у г. Фасиса»[2]. Эта, разработанная патриархом грузинского антиковедения О. Д. Лордкипанидзе более полувека назад, концепция взаимоотношений Колхиды с эллинистическим миром не стала за прошедший период объектом научной

Ефремов Николай Васильевич — PhD, доцент Университета им. Эрнста Морица Арндта, (г. Грайфсвальд). E-mail: nikolai.jefremow@gmx.de

[1] Частично эта проблематика уже затрагивалась мною в статье «Некоторые вопросы экономической истории Восточного Причерноморья» (в печати).

[2] Лордкипанидзе 1957, 377–384; 1968, 232; 1985, 52; Алиев 1975, 155; Шелов 1980, 34, прим. 40, 42; Lordkipanidze 1996, 114–120. «*broadly in agreement with his conslusions*»: Braund 2002, 287.

ревизии[3], но принималась как аксиома. Вместо объективного анализа письменных источников в подкрепление приведённого тезиса приводились лишь возрастающие год от года данные археологии[4]. На основании некоторых малоинформативных, порой противоречивых сообщений античных авторов, прежде всего «*этнографических*» свидетельств Страбона постулировался тезис о превращении черноморских (колхидских! — Н.Е.) городов в крупные торгово-промышленные центры[5]. Наконец усилиями ряда учёных сам процесс торговой активности Колхиды приобрел всеобъемлющий характер, что нашло выражение в тесисе того же О. Д. Лордкипанидзе: «*В эллинистический период в процесс международного товарообмена были вовлечены широкие слои населения Колхиды как её низменных, так и горных районов. Интенсивность внешних торговых связей способствовала дальнейшему росту товарного производства*» (Strab. XI. 2.16. (497))[6], приобретя черты теории об «*особой роли*» Колхиды в экономике и торговле античного мира. В аспекте торговых контактов между Востоком и Западом рассматривался также *Великий шёлковый путь*, северное ответвление которого вело от Кашгара к Каспию, а затем через Закавказье к Фасису[7]. По мнению О. Д. Лордкипанидзе, кавказский отрезок этого пути интенсивно функционировал уже в предэллинистический период[8]. Таким образом Колхида превратилась в один из основных перевалочных пунктов торговли античности и была безаппеляционно занесена в число эллинистических государств[9]. Стоит отметить, что такой подход ничем не обоснован и означает либо незнание, либо полное игнорирование работ коллег, где Колхида если и играла какую-либо роль в «*международной торговле*», то далеко не первостепенную[10]; либо, действительно, горячее желание выдать желаемое за действительное и доказать какую-то исключительность страны «*золотого руна*». При этом для Колхиды не всегда в должной мере учитывается влияние мифологии с популярностью Прометея, Диоскуров, аргонавтов со своего рода паломничеством греков и римлян к «*святым местам*» (Strab. XI. 2.17. (498))[11].

При рассмотрении имеющихся источников необходимо, во-первых, дифференцировать их хронологически, а во-вторых, по-возможности точно увязывать с геополитической ситуацией конкретного отрезка времени. Большое количество находок импортных, прежде всего греческих, вещей в Колхиде является неоспоримым. Целый ряд предметов поражает высоким уровнем художественного

---

[3] Исключение составляет лишь коротая статья: Braund 2002, 287–296.

[4] Ср. замечание: Ehrhardt 1990, 13: "...*gerade hinsichtlich der Nachrichten bei sogenannten Geographen und Historikern unter den antiken Autoren ist man naturgemäß schneller bereit eine Bestätigung durch archäologisches Material zu suchen*".

[5] Лордкипанидзе 1968, 233.

[6] Лордкипанидзе 1968, 235; 1985, 52. Ср.: Tsetskhladze 1992, 106; Цецхладзе 1992, 109: «*Есть все основания предполагать, что благодаря „международным" торговым путям через Колхиду рос объём торговли с эллинистическими государствами Востока*». Ср.: Lordkipanidze 1991, 132–145; 1996, 5.

[7] Lordkipanidze 2002, 9. С конечным пунктом в Диоскуриаде: Акопян 1984, 79, 83, рис. 6.

[8] Ельницкий 1961, 147; Lordkipanidze 1991, 135; 1996, 117; 2002, 8, 13.

[9] Tsetskhladze 1990, 101.

[10] Ср., например: Tarn 1951, 488–490; Голенко, Раджабли 1975, 75, прим. 21; Braund 1994, 40f.

[11] Braund 1994, 11f., 17ff., 22, 31, 33. Лишь после появления «*Аргонавтики*» Аполлона Родосского в III в. до н.э. Колхида перестала быть сказочной страной и приобрела черты реального мира. Ehrhardt 1990, 20. В целом о роли эпоса: Скржинская 1991, 10 сл.

оформления[12]. Но присутствие импорта само по себе не обязательно должно свидетельствовать о наличии торговых контактов, тем более постоянных и напрямую. Как известно, вещи могли попадать в чужую среду в результате даров, миграций, разбоя, войн и т.д.[13] Именно в варварскую среду направлялся поток художественных изделий в обмен на сырьё, рабов и т.д., где эти артефакты тезаврировались как знак состояния, высокого положения в обществе (Strab. XI. 2.3. (493); 2.10 (495); Polyb. IV. 38.4)[14]. Особенной популярностью пользовались металлическая посуда и ювелирные изделия[15]. Колхида не составляла здесь никакого исключения. Несмотря на «*общепризнаную высокую степень эллинизации*», именно «*варварский подход*» к оценке продукции «*цивилизованного мира*» свидетельствует об обратном. В этом нет никакой особой исключительности «*античной Грузии*». Тогдашние «*нефтяные шейхи*» ни в коей мере не останавливались перед возможностью обмена соплеменников на художественную керамику, оружие, изделия из драгоценных металлов. Именно такой подход Демосфен охарактеризовал как торговлю «*мелкими изделиями*» (XXXIV. 36)[16]. Если сравнить с Колхидой, к примеру, импорты в варварскую среду Фракии, то сходство ассортимента неоспоримо, а сам регион можно без всяких ограничений также записать в один из перевалочных центров античной торговли[17]. Кроме того, не стоит забывать, что вещи могли перевозиться на большие расстояния и поступать окольными путями через разного рода посредников[18]. Упоминаемый периодически, прежде всего в географических трудах, «*путь к Фасису*», который, по мнению О. Д. Лордкипанидзе должен свидетельствовать об особенно оживлённых торговых контактах с Колхидой[19], являлся прежде всего ориентиром крайней точки на восточной стороне Понта[20]. Греческий импорт, обильно представленный среди находок в регионе, несмотря на некоторые спорные вопросы о его интенсивности и характере, роли отдельных производственных центров, адресате в местной среде и т.д. не вызывает никаких трудностей касательно маршрутов его поступления, ибо доставлялся морем. Сложности появляются, как только речь заходит о сухопутных торговых путях. Как раз здесь особенно очевидна модернисткая тенденция, когда сложившиеся в течение многих веков инфраструктуры без должного критического под-

[12] Lordkipanidze 2002, 11f.; Knauss 1999, 218–222, fig. 81–82.

[13] Snodgrass 1980, 132f.; Брашинский 1984, 22; Tsetskhladze 1998, 54ff.; 1998a, 12.

[14] О произведениях искусства в могилах колхидских *nobiles*: Braund 1994, 101f.; Tsetskhladze 1994, 91–95.

[15] Braund 1994, 80; Tsetskhladze 1998a, 60, n. 269; Knauss 1999, 219f.; Dzhavakhishvili 2007, 117–128.

[16] О вывозе рабов см.: Strab. XI. 2. 3 (493); Polyb. IV. 38, 4–5; Procop. BG IV. 15.5; Блаватский 1954, 45; Гольденберг 1953, 200–209; Finley 1962, 51–59; Tsetskhladze 1990a, 151–159; Braund, Tsetskhladze 1989, 114–125. Торговый ассортимент сохранился почти неизменно вплоть до XIX в. См.: Юрченко 1877, 209.

[17] См., например: Gold der Thraker. Archäologische Schätze aus Bulgarien. Ausstellung anlässlich der 1300-Jahresfeier des Bulgarischen Staates. Mainz. 1980; Der thrakische Silberschatz aus Rogozen. Mainz. 1989.

[18] Укажу лишь некоторые примеры из Северного Причерноморья: Членова 1983, 47–66; Колобов, Кулябина, Мельничук 1999, 46–52; 2001, 103–107; Кропоткин, Обыденнов 1985, 242–246; Берлизов 1996, 8–9.

[19] Лордкипанидзе 1968, 234.

[20] Arr. PPE 10; Schol. Ad Aisch., Prom. (Dindorf III. Oxf., 1851) P. 117; Strab. I. 3.2 (47); II. 1.39 (91); 41 (94); 5.22 (125); 25 (126); XI. 1.5 (491); 15f. (497–98); Diehl 1938, 1892; Braund 2006, 206, n. 8.

хода экстраполируются в античный период. Уже беглый просмотр источников, на которые обычно опираются для доказательства означенного тезиса, показывает искусственность выдвинутых предположений. Совершенно очевидна была труднодоступность Колхиды с континента, что делало её частью понтийского мира, в отличие от Иберии, открытой на восток (Plin. NH. VI. 4 (418); Procop. BP. I. 12.2; 13–16; Agath. II. 19; IV. 31)[21]. Это членение нашло отражение в административном устройстве в римское время с подчинением Колхиды Каппадокии, а Иберии Сирии[22].

Но обратимся *ad fontes*. До похода 10000 греки вообще не имели никакого представления о внутренних регионах Персии[23]. Их «*информация*» на этот счёт ограничивалась, как правило, мифическими или полумифическими рассказами. Характерно замечание Страбона (о восточных регионах: «*Но ни те, кто писал об этих землях в более поздние времена, ни те, кто отправляется туда сейчас на кораблях, не сообщают ничего достоверного*» (Strab. XV. 1.3 (686))[24]. Поход Александра не принёс существенных изменений в исследование Каспия. Его цели и задачи в этот период имели иную направленность. Оценивая познания о Каспийском море и впадающих в него реках после возвращения Александра из Индии, Арриан отмечает, что они были весьма и весьма поверхностны (Arr. Anab. V. 3.3; VII 16.2–4; Strab. II. 1.6 (69); XI. 7.3. (509)), и это, несомненно, соответствует действительности. Ещё категоричнее Страбон, именующий историков Александра «*явными баснописцами*» (Strab. XI. 6.3 (507)), которым нельзя верить, «*ибо они также легко принимают всё на веру, частично из-за славы Александра, частично потому, что поход его достиг пределов Азии, удалённых от нас, а удалённое трудно опровергнуть*» (Strab. XI. 6.4 (508)).

Весьма показательно, что не исключалась возможность того, что Каспий является океанским заливом, незначительно удалённым от Чёрного моря (Strab. X. I 6.1 (507); Arr. Anab. VII 16:2; 4)[25]. Далее предполагалось, что из Бактрии в него впадают Окс и Яксарт (Eratosth. apud Strab. XI. 6.1 (507); Arr. Anab. VII 16.2), причём *apriori* постулировалась возможность его соединения с Азовским морем. Поэтому незадолго до своей смерти Селевк, якобы, даже намеревался соединить каналом Меотийской море с Гирканским (Plin. NH. VI. 12 (426))[26]. Весьма распространена была, кроме того, идея о круглом мире, где колхи — это индийские скифы, скифы

[21] Браунд 1991, 37 сл.; Braund 1994, 42.

[22] Лордкипанидзе 1968, 233, прим. 3; 1985, 59; 1985a, 79, 88; Braund 1994, 42, n. 15; Vinogradov 1996, 593. Ср. с Арменией: Акопян 1979, 26–39. Неудивительно, что, практически повсеместно в Колхиде встречается синопский импорт и монеты: Зограф 1945, 36; Голенко 1957, 290–298; 1961, 42–59; Tsetskhladze 1994, 387, 389. Самым восточным пунктом, где присутствует синопский импорт, является с. Чочнари в 7–8 км восточнее Кутаиси. См.: Лордкипанидзе 1968, 234.

[23] Braund 2002, 288.

[24] Ср.: Plin. NH. VI. 19 (434): «*Ни о какой другой стране нет бóльшего непостоянства авторов*» (*nec in alia parte maior auctorum inconstantia*). Перевод В. В. Латышева, на мой взгляд, не совсем точен: «*В отношении других областей между писателями большое несогласие*». Прежде всего для греческих логографов и их последователей характерно смешение мифа с реальностью. Так, например, Геродот выдумал «*Оловянные острова*» (III 115), а Посейдоний связал с ними существующие торговые пути (FGrHist 87. F. 47. Ср. Diod. V. 38, 4–5); Malitz 1983, 109; Ehrhardt 1990, 26.

[25] Tarn 1901, 17–19; Meißner 1992, 352.

[26] Ср.: Strab. XI. 7.4 (509): «*О этом море также рассказывается много небылиц, чтобы польстить славе Александра.... придумали хитрость, соединив на словах Меотиду с Каспием*».

вторгаются в Индию через Кавказ и через него же течёт река Ганг[27]. На этом основании выводились родственные и религиозные связи египтян с колхами, а также последних со спартанцами, из мифа же обосновывалось поселение колхов в Иллирии, на Коркире, основание ими Пантикапея[28].

Попытка найти мифический короткий путь в Индию была предпринята в последние годы жизни Селевка Никатора между 285 и 281 гг., для чего на Восток был отправлен адмирал (*praefectus classis eorum*) Патрокл[29]. Вся скудная информация об этом сохранилась только у Страбона. Экспедиция не была научной, но носила чисто прагматический характер[30]. Объединив под своей властью огромные территории на востоке царства Александра, Селевк стремился интегрировать периферию, а исходя из неверных географических представлений своего времени — сделать это кратчайшим путём через Закавказье в Индию. Результаты миссии Патрокла неизвестны. Но незадолго до своей смерти вскоре после возвращения[31] он изложил их в докладной записке, адресованной обоим царям соправителям, в которой разъяснял возможность ведения торговли с Индией и Бактрией этим путём[32]. Немаловажен тот факт, что до данного отрезка времени всяческая информация об этом торговом пути отсутствует. Лишь когда регион попал в поле зрения «*мировых держав*», встал вопрос о целесообразности его эксплуатации.

Страбон (Strab. II. 1.5 (69); XI. 6.1 (507)) отмечал, что не следует точно воспринимать сообщения об этом регионе и о настолько удалённых землях в целом, особенно касательно расстояний, а В. В. Тарн, основываясь на современных ему данных геологии, считал, что Окс (Аму-Дарья) никогда не впадал в Каспийское море, в чём с ним соглашаются и современные исследователи[33]. Неизвестно, насколько далеко добрался Патрокл, исследуя Среднюю Азии. Однако неоспорим факт, что он никогда не видел устья Окса[34]. Его доклад был скорее всего квинтэссенцией информации предшественников и расспросов на местах, приправленных личными домыслами. Если действительно верно мнение учёных, что Узбой — рукав, по которому Аму-Дарья могла соединяться с Каспием, — пересох уже в V в. до н.э.[35], то, кроме прочего, Патрокл в своём докладе отразил гидрографическую ситуацию столетней давности.

Патрокл не был первопроходцем. Незадолго до него военные операции в Средней Азии до Сыр-Дарьи вёл селевкидский стратег Бактрии-Согдианы Де-

[27] Braund 1994, 17–19, 22, 42; 2002, 293. Кроме того: Eustath. Ad Hom., 332, 20; Aisch. Prom. 439; Schol. Ad Aisch., Prom. (Dindorf III. Oxf., 1851), 420; Palephat. VII Fr. 1.; Kallimach. Hypomn. F. 265; Lykophr. Alex. 1021–1027; Schol. Ad Apoll. Rhod. IV 507, 1002; Tzetzae. Ad Lykophr. 175.

[28] Herod. II. 103–105; Paus. III. 19.7; 24.5; Eustath. Ad Hom. P. 332.20. (ad II 735); Plin. NH III 23 (129); VI 4.13 (419); 5.16 (420); Strab., I. 2.39 (45); 3.21 (61); V 1.8 (214); Schol. ad Lycophr. Alex. 1022; Braund 1994, 17–19, 33, 34 n. 158; 2002, 287, 293. Об иберах см.: Euseb. Euang. Parat. IX. 41.

[29] Plin. NH VI 21 (436f.) = FGrHist 712 T 3b; Strab. II. 1.6 (69); 17 (74) = FGrHist 712 T 3a; Neumann 1884, 165–185; Bevan 1902, 182; Gisinger 1949, 2263–2273; Tarn 1940, 93; 1951, 112; Müller 1972, 246; Meißner 1992, 350; Anm. 103, 462–464 (с дальнейшей литературой).

[30] Tarn 1901, 14; Schnabel 1912, 60; Stähelin 1921, 1230; Meißner 1992, 352.

[31] Gisinger 1949, 2264.

[32] Strab. II. 1.17 (74) = Patrocl. FGrHist 712 F 4a; XI. 11.6 (518) = FGrHist 712 F 4b; Kiessling 1914, 463–470; Tarn 1951, 488–490; Meißner 1992, 352, 361c Anm. 128, 463; Anm. 275; Braund 2002, 291.

[33] Tarn 1901, 12, 25; Tsvetsinskaya, Vainberg, Glushko 2002, 368. Иначе: Casson 1918/1919, 175–193.

[34] Tarn 1901, 15.

[35] Tsvetsinskaya, Vainberg, Glushko 2002, 369.

модам[36]. Его сообщения наряду с докладами бематистов Александра могли быть использованы Патроклом при подготовке экспедиции[37], а также для написания «*отчёта*». По апологетическому мнению В. В. Тарна, Патрокл никогда не сообщал о морском пути из Каспия в Индию, а его данные были просто неверно истолкованы. Патрокл был послан разведать возможность торговли с Индией в обход Аравии, где пути были монополизированы египтянами. Ситуация оставалась неизменной ещё и в VI в., хотя к тому времени поменялись хозяева пути: «*Эфиопам покупать шёлк у индов было невозможно, т.к. персидские купцы, населяя соседнюю с индами страну, всегда оказываются у тех самых пристаней, куда индийские корабли причаливают прежде всего, и обычно покупают у них все грузы*» (Procop. BP I 20.12). Даже если бы корабли заходили в Персидский залив, то транспорт товаров караванами был всё равно значительно дороже, чем морем в Красное море и Нил. Поэтому доклад Патрокла обнадёживал и открывал новые перспективы: «*По Гиркании текут Ох и Окс... Аристобул называет Окс самой большой после Инда рекой Азии. Он также сообщает* (*опираясь как и Эратосфен на Патрокла*), *что по нему нетрудно плыть на корабле и по нему перевозится много индийских товаров в Гирканское море, откуда их переправляют в Албанию и по Киру и по соседним с ним областям в Понт Эвксинский*» (Strab. XI 7.3 (509))[38]. Если Патрокл постулировал возможность торгового пути, то Лордкипанидзе именно после этой экспедиции датирует время начала его функционирования[39]. Принципиально возможность торгового пути существовала. Однако это не был прямой водный путь, а наряду с морскими и речными отрезками необходимо было везти товары по суше через пустыни и горы, через территории различных племён и народностей. Всё это означало многочисленных посредников и увеличивало конечную стоимость товара (Agath. II. 19; V. 1)[40]. Если даже допустить, что Патрокл и доставил товары по указанному пути до Чёрного моря, то сомнительно, чтобы это повторил кто-то другой[41]. В конечном итоге практические результаты экспедиции сводились к нулю. Александр не основал ни одного города в устье Окса, дабы обезопасить торговлю по нему[42]. Селевкиды также не предприняли или не успели предпринять никаких шагов для дальнейших исследований в этом направлении, а гибель Селевка Никатора в 280 г. и последовавшая за этим война за его наследство привели к переориентации внешней политики Антиоха I с отказом от большинства восточных владений.

Прочие нарративные свидетельства относятся к более позднему времени, чем информация Страбона. Кроме того, в них нет полного указаний на сухопутный путь из Индии, а лишь намёки на него в связи с описанием Колхиды. Самым ран-

[36] Tarn 1940, 91; 1951, 488–490; Мнение М. И. Ростовцева (Rostovtzeff 1955, 134, 354–361; Meißner 1992, 352, 464), что, будучи военным предприятием, поход Демодама преследовал ещё и торговые цели, не подкрепляется источниками. Bevan 1902, 282; Meißner 1992, 352 Anm.108 также считают, что во всех случаях, начиная с Александра, в исследовании Каспия превалировали торговые интересы. Но Арриан (Anab. VII. 16.2–3) говорит о причине: ибо «*никто ещё не открыл, где начинается море Каспийское*».

[37] Meißner 1992, 338, 415; Anm. 125, 463; Anm. 270.

[38] Tarn 1901, 19. Об источниках см.: Neumann 1884a, 319–354.

[39] Лордкипанидзе 1968, 232.

[40] Tarn 1901, 25; Braund 2002, 292.

[41] Tarn 1901, 19, 23. См. замечания о Гиркании, Нисее и Парфии. Strab. XI. 7–82 (509–511).

[42] Tarn 1901, 24 (со ссылкой на Дройзена).

ним из них является сочиненеие Псевдо-Скимна, датируемое II в. до н.э. После характеристики страны гениохов и регионов до Каспийского моря он переходит к описанию региона Фасиса, выводя его истоки ошибочно из Армении: «*Если войти (на судне) в реку, то по левую сторону Фасиса расположен* (930) *эллинский полис милетян, называемый Фасис. Говорят, что в него сходятся из внутренних регионов 40 народов, говорящие на разных языках. И среди них, говорят, приходят некоторые варвары из Индии и Бактрианы*» (Ps.-Skymn. F 20 (925–937)).

Практически аналогично, лишь с разницей в количестве племён, сообщение Анонимного перипла V в. н.э.: «*При входе в реку на левой стороне Фасиса лежит основанный милетянами греческмй город, называемый Фасисом, в который как говорят, сходятся 60 племён, говорящих на разных языках; в их числе, говорят, приезжают варвары из Индии и Бактрианы*» (Anon. PPE 44. 25–26).

Расплывчитое выражение τινες λεϐγουσιν может означать какие угодно «*источники*» вплоть до мифических слухов, хотя вероятно заимствование из Патрокла-Эратосфена и т.д. Если даже принять это мнение за достоверное, то присутствие индийцев и бактрийцев преподносится как нечто удивительное и редкое. Не столько сообщаямая информация, сколько аналогичная лексика говорят о том, что здесь был использован один общий источник, причём в редакции Анонима, видимо, через третьи руки. Идентичную информацию даёт Тимосфен (FGrHist 2051 F 11), помещая, однако, само торжище в Диоскуриаду. в чём ему следует Плиний при перечислении народностей побережья Колхиды: (Plin. NH. VI. 5.15 (420)): «*...кораксы в сегодня заброшенном городе Диоскуриаде на реке Антемус. Этот город был когда-то настолько знаменит, что, как рассказывает Тимосфен, в него спускались (с гор) 300 народностей с разными языками, а позднее там велись дела 130 нашими переводчиками*». Плиний однозначно говорит о соседних с Диоскуриадой народностях. Более подробно это изложено у Страбона (XI 1.16 (498)), который здесь также ни словом не упоминает торговцев из Индии: «*Именно Диоскурида является также началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и совместным рынком для живущих над ним и соседних народностей. Якобы туда сходятся 70 (по другим иисточникам, которые не заботятся о достоверности, даже 300) народностей, с различными языками, ибо живут поодиночке по причине самодостаточности, нелюдимости и дикости. В большинстве своём это сарматы, но все кавказцы*»). В то время как авторы периплов пишут о многочисленных языках, на которых изьясняются представители этих народностей, упоминая в этой связи далекие страны, чтобы придать занимательности рассказу и «*создать впечатление международного торгового и транспортного центра*», Страбон и Плиний относят это известие за счёт кавказских народов и локальной торговли, что звучит убедительнее, так как ни Диоскуриада, ни Фасис не являлись торговыми метрополиями «*первой категории*», а многочисленные языки используются на Кавказе на узком пространстве и до сих пор[43]. Кроме того, не стоит забывать, что после сомнительной по своим результатам экспедиции Патрокла не было предпринято никаких усилий для дальнейших географических исследований в регионе. Особенно важно, что в описании восточного маршрута от Гиераполя на Евфрате Клавдий Птолемей ни словом не обмолвился о водном

[43] Korenjak 2003, 111. Ср.: Strab. XI. 2.16 (498); XI. 2.19 (499); 5.6 (506) и эмпории Херсонес, Керкинитиду, Синдскую гавань.

пути, что он не преминул бы сделать, если бы такой путь активно использовался (Ptol. Geogr. I. 11, 2)[44].

Интерес к Закавказью вновь пробудился в период кавказских походов Помпея. До этого момента римляне не имели ни малейшего представления о нём[45]. Страбон не преминул отметить, что «*власть римлян и парфян немного больше расставила вещи по своим местам, чем прежняя традиция. Писатели теперь излагают правдивее, чем их предшественники, ибо они сами исследовали эти регионы*» (Strab. XI. 6.4 (508))[46]. Несмотря на то, что знания «*немного*» расширились, отчего выиграла их «*достоверность*», существенные «*пробелы*» ввсё же остались. После рассказа о свойствах воды в Каспийском море Плиний пишет: «*он же* (Варрон) *добавляет, что в результате похода Помпея стало известно, что из Индии можно за семь дней добраться до реки Бактр, которая впадает в Окс, а оттуда по Каспию войти в Куру и в течении пяти следующих дней сухопутного пути доставить привезённые индийские товары к Фасису на Понте*» (рис. 2) (Plin. VI. 19 (434))[47]. В этом свидетельстве нет никакого указания на существующий ранее торговый путь из Индии. Единственное, что сообщает Плиний, — это вероятность налаживания подобного пути[48]. В отличие от Патрокла «*экспедиция*» Помпея не носила такого размаха, не достигнув ни Каспийского моря, ни Гиркании, ни тем более закаспийской Средней Азии[49]. Тем более нет никаких оснований относить к «*результатам*» похода Помпея данные о торговом пути с востока. Наряду с личными, скорее всего весьма ограниченными впечатлениями, Варрон черпал свою информацию у Эратосфена, а соответственно, опосредственно из того же Патрокла[50], чем и объясняется сходство его известий с данными Страбона. Несмотря на неоднократно высказанное мнение об интересе Помпея, а следовательно *a priori* уже Митридата[51], к этому «*торговому пути*» их цели в Закавказье носили геополитический характер, концентрируясь на гегемониальном аспекте[52]. Добившись серьёзных успехов в борьбе с Митридатом и продвинувшись в Закавказье вплоть до Каспийских ворот, Помпей не удержался от честолюбивых планов хотя

[44] Tarn 1901, 26.

[45] Dreher 1996, 191. О походе см.: Plut. Pomp. 34, 1–36.2 = Zonar. X 4; App. Mithr. 103; Dio. XXXVI. 53.5; XXXVII 1f.; Strab. XI. 1.6 (491); Liv. Per. 101; Flor. I. 40, 28; Oros. VI. 4.8; Eutr. VI. 14.1; Vell. II. 40.1; Magie 1950, 1226, n. 14, 1230 n.,30; Wirth 1984, 574–580.

[46] Ср. I. 2.1 (14). Но ещё при Юстиане Великом Прокопий Кесарийский писал о Северном Причерноморье: (BV I 1, 10): «*Местности же вокруг Понта Эвксинского, простирающиеся от Византия до Меотийского озера, описать всё точно невозможно, т.к. из-за варваров, обитающих к северу от Истра, называемого Данувием, этот берег совершенно недоступен для римлян*».

[47] О источнике Плиния Варроне: Münzer 1897, 275; Sallmann 1971, 245.

[48] Tarn 1951, 488–490; Braund 1994, 40 f. Lordkipanidze 1996, 117 считает, что «*sowohl der Handel als auch der Warentransport auf diesem Wege bereits geregelt waren*». Ссылка на Strab. XI 6.1 (507) как дополнительное указание на этот путь доказывает скорее обратное, ибо там описывается несуществующее устье Окса в Каспийском море.

[49] См. подробно: Dreher 1996, 188–207, особ., 203.

[50] Lordkipanidze 1996, 116. Однако, несколькими строками ниже он почему-то утверждает, что источники у них были разными.

[51] Болтунова 1963, 167; Шелов 1980, 35, 40; Dreher 1996, 206. Но в глубине Колхиды нет его укреплений и нет никаких указаний, что он стремился контролировать Иберию. Ср.: Dreher 1996, 191 с Anm. 15, 199.

[52] Некоторые указания, однако, с преувеличением экономической подоплёки: Шелов 1980, 31, 33 сл. См.. критику: Тодуа 1988, 139 сл. Далее: Sherwin-White 1984, 195, 198; Dabrowa 1989, 67.

бы в миниатюре повторить достижения своих предшественников. Но это не был колумбов поиск пути в Индию. В то время как Митридат стремился к созданию Черноморской державы, Помпей руководствовался идеей «*империя без границ*»[53]. *Laudator temporis* Помпея Варрон своим рассказами, очевидно, лишь попытался придать больше веса мнимым и действительным достижениям патрона. Весьма сомнительные успехи в Закавказье, трудно контролируемом и существенно удалённом от мест дислокации римских легионов и провинций, делали необходимым доказать их целесообразность.

Ещё более фантичен пересказ Солина, местами дословно воспроизводящего Плиния. Отмечая пресноводность Каспия, он говорит, что это доказано (*probatum est*) Александром Великим и затем Помпеем, который якобы, по сообщению Варрона, лично удостоверился в этом. «*Не умолчу, что в то же время тому же Великому удалось в восемь дней пройти из Индии в Бактрию до реки Далиера, где она впадает в реку Окс, затем к Каспийскому морю, а оттуда через Каспий проникнуть к течению реки Кира, которая течёт по границе Армении и Иберии. От Кира он не более как в пять дней прибыл к руслу Фасиса сухим путём, волоча с собой суда. Его походами доказано, что к Понту можно проехать из Индии по воде*» (Solin. 19, 3–5; Plin. NH. VI. 19 (434)[54].

Наступивший вскоре после кавказских побед Помпея период гражданских войн в Риме и воцарившийся следом *pax Romana* Августа на некоторое время существенно ослабили интерес империи к Закавказью. Он снова появился, что не удивительно, с началом парфянских войн при Нероне. К этому времени относятся римские гарнизоны в Гарни, установление зависимости колхов, гениохов и других племён Закавказья (Joseph. BJ. II. 16, 47; Tac. Ann. XII 44)[55]. Особая роль отводилась Армении. При этом важнейшим приоритетом были стратегические цели с заходом парфянам во фланг и стремлением держать «*открытой Каспийскую дорогу*» от Колхиды к южному берегу Каспийского моря[56]. Однако вплоть до 69 г. н.э. в Закавказье не было постоянных гарнизонов римлян, кои появляются там при Веспасиане, когда была учреждена провинция Каппадокия, в которую вошёл Полемоновский Понт, местоприбывание двух римских гарнизонов[57]. Не стоит переоценивать римское участие в Колхиде, ибо там они контролировали лишь побережье. Римские владения ограничивались узкими полосками земли с укреплениями Апсар, Фасис и Себастополь, за которыми лежали владения местных царьков (Arr. PPE 7; 12; 14; 26)[58]. Одной из приоритетных задач в период принципата была борьба с пиратами и охрана путей, по которым могли вторгнуться кочевые племена[59]. Одной из таких карательных экспедиций, вероятно, против

[53] Нейхардт 1962, 595 сл.; Шелов 1967, 219 сл.; Hind 1994, 501; Morgan 1980, 143–54.

[54] Солин путает в этом месте Александра Великого с Помпеем.

[55] Ельницкий 1950, 193; Браунд 1991, 34–52; Мамуладзе, Халваши, Асланишвили 2002, 33–39.

[56] Ельницкий 1950, 193. Но нельзя согласиться с его мнением, что этот путь имел для римлян в I в. н.э. существенное торговое значение. Схоже: Charlesworth 1961, 106f.; Plin. NH VI 15 (428) рассмотрен выше.

[57] Кудрявцев 1955, 70; Леквинадзе 1969, 76.

[58] Леквинадзе 1969, 77–80; Braund 1994, 178.

[59] Леквинадзе 1969, 90; Braund, Tsetskhladze 1989, 117, 119. Иначе, Charlesworth 1961, 106.

сармат, явился поход к «*Каспийским воротам*» (Дербентскому проходу), предположительно в правление Домициана[60].

Что же представляла собой географически и геологически транзитная страна — с «*колхами, обитающими у обрывистых кавказских скал*» (Ant. Pal. XVI 33)? Страбон отмечает четыре пути в Колхиду: 1) через укрепление Сарапана и узкие перевалы к Фасису; 2) сложный горный путь от северных народов, переходящий в речную долину Арагви[61] и затем тропой для одного человека и укреплением в конце его; 3) горную тропу из Албании в Алазанскую долину; 4) из Армении через перевалы у Кира и Арага (Strab. XI. 3.4. (500))[62]. Этим последним путем следовали Помпей и Канидий[63]. Особую трудность представляла собой транспортировка грузов между Колхидой и Иберией через Сурамский перевал (Procop. BG. IV. 3–6; Agath. IV 31)[64]. Подтверждение этому находим в частности у Прокопия Кесарийского. *«Путь из Иверии в Лазику труднопроходим. Две крепости на границе Лазики и Иверии у лазов, охрана которых издревле возложена на местных жителей, хотя они и терпели здесь большой недостаток во всём, ибо нет тут ни зерна, ни вина, ни чего-либо другого, необходимого для жизни. А из иных мест доставить что-либо невозможно из-за горных теснин, разве что люди принесут это на себе»* (BP. I. 13–16)[65]. Вторым серьёзным припятствием являлось наличие многочисленных племён, живших по большей части грабежом. Так, например, достигнув Колхиды и её «*соседей*», Помпей узнал, что «сухопутная дорога ведёт далее через территорию многочисленных незнакомых и воинственных племён, а морской путь ещё сложнее из-за отсутствия гаваней и обитающего там населения» (Dio. XXXVII. 3.1; Strab. I. 2.1 (14))[66]. Не иначе было и с гирканским отрезком пути. «*По* (Каспийскому — Н.Е.) *морю не ходят корабли.... по причине того, что суша по соседству полна разбойников, кочевников и пустынь*» (Strab. XI. 7.2 (509))[67]. Здесь присутствует явное противоречие с высказанным выше мнением о транспортировке товаров из Индии по Каспию. Более того, ни один из народов по обе стороны Каспийского моря не являлся мореходным. В отношении Албании, например, это подтверждает Страбон: «*Реки заболочены и запирают путь*

[60] Ельницкий 1950, 194. Несомненно, этим же путём прошли в 35 г. н.э. сарматы, приняв участие в борьбе иберов и парфян за армянский престол. Tac. Ann. VI. 33; Виноградов 1994, 158–164. Ср. о гуннах: Procop. BP I 10, 7;

[61] О использований путей вдоль рек: Lordkipanidze 1996, 119.

[62] Lordkipanidze 1996, 77–79, 68–75 (о границах Колхиды).

[63] Strab. XI. 3.5 (501); Diod. XLIX. 24.1; Dreher 1996, 192, 207; Акопян 1994, 72.

[64] Braund 2002, 292. Помпей вернулся из Колхиды в Албанию не коротким путём а через Армению: Dio. XXXVII. 3.3; Magie 1950, 492, n. 15.

[65] Ср. BG. IV. 1; BP. II. 29.24, II. 15.31: «*Хосров стал спрашивать, можно ли отправиться в земли Колхиды с большим войском. Он сказал, что слышал раньше из многих рассказов, будто страна эта и для легковооружённого воина труднопроходима, будто горы её необыкновенно крутые и на большом пространстве она покрыта густыми лесами из громадных деревьев. Те же стали его уверять — можно рубить деревья и бросать из в тпруднопроходимые теснины*». Ср. о Сванетии: Procop. De aed. III 6.9; 11, где по приказу Юстиниана делаются просеки и проводятся дороги.

[66] Ситуация мало изменилась и в византийское время: Procop. BP II 15, 31. О цанах, живших грабежом и разбоем: Anon. PPE. 49, 38; Proc. BP. I 15, 21; De aed. III. 6, 1.

[67] Ср. XI. 8, 3 (511): (между Гирканией и Парфией вплоть до ариев находится большая безводная пустыня, где обитают кочевники, которые то нападают на соседей, то примиряются с ними). Аналогичная ситуация и в Новое время: Юрченко 1877, 210.

к морю. Также и прибрежные воды заболочены, а кроме того, они не нуждаются в море.... даже землю, приносящую любой фрукт, даже самый прихотливый и всякие растения они не используют по назначению» (Strab. XI. 4.3 (502). Ср. XI. 4.2 (501)).

Далее важно помнить, что сухопутная торговля в доримский период не играла существенной роли. Прежде всего это было обусловлено её дороговизной, многократно перекрывавшей морские перевозки.[68] Вместе с тем не стоит недооценивать того факта, что внутренние перевозки могли осуществляться по речным артериям (рис. 1). Основным условием этого, однако, является наличие подходящих для этого рек. Если Страбон отмечает судоходность Фасиса до Сарапана, то, по всей вероятности, он имеет в виду какое-то торжище во внутренних регионах страны, до которого могли доходить корабли из Понта: «*и откуда можно проделать путешествие до р. Кира* (Куры*) за четыре дня на повозке*» (Strab. XI. 2.17 (498); 3.4 (499))[69]. С другой стороны, этот факт девальвируется тем, что в качестве такого «*рынка*» назван Фасис. Едва ли «*полис*» отказался бы от столь прибыльного дела и позволил иноземным купцам самим доставлять товары кавказским аборигенам. Да и «*заморским купцам*» было проще торговать в прибрежной гавани, чем отправляться в небезопасное путешествие вглубь страны. Страбон называет Фасис «*эмпорием колхов*» (Strab. XI. 2.17 (498); 2.8 (495))[70]. В этом сообщении могла найти отражение его роль для царства колхов в классический период. В любом случае значение порта Фасиса в качестве «*ярмарки*» неоспоримо. Именно оттуда товары развозились по Колхиде и направлялись далее в горы. Сам термин «*эмпорий*» был достаточно многозначным. Он мог означать торговую факторию в уже существующем населённом пункте на побережье или в глубине страны[71]. Понятие суходности Фасиса стоит понимать ограниченно, ибо, как отмечает Плиний, «*по нему можно подниматься и далее на мелких судах*» (Plin. NH. VI. 4.13 (418)). Особенно «*фантастично*» в этой связи объяснение Р. В. Путуридзе, что «*колхидские*» («*коричневоглиняные*») амфоры изготовлялись для транспортировки товаров по суше, а перехват на тулове сосудов предназначался для вёревки, чтобы нести их на спине[72].

---

[68] См., например, Cic. Verr. II 3. 191; IGRP III Nr. 409; Broughton 1938, 867; Брашинский 1984a, 178.

[69] Ср.: Anon. PPE. 45, 29; Skyl. 81; Plin. NH. VI 4.13 (418f.); Procop. BP II 29, 19; Agath. III. 20; 99; IV 22. Lordkipanidze 1996, 98–101, 104f.; 118. Товары достигали внутренних регионов Колхиды по Фасису уже в VI–IV вв. до н.э. Лордкипанидзе 1968, 232, прим. 3. О речных артериях Колхиды см.: Ломоури 1957, 98, 101, рис. 2. Судоходен был, кроме того, ещё целый ряд рек: Arr., PPE 7; 13; Anon., PPE 43, 22; 47, 31; Lordkipanidze 1996, 104. О транспортировке товаров по рекам см.: Strab. V. 1, 8 (214); Diod. V. 26–27; Брашинский 1984a, 178 (с литературой); Schaal 1928, 370–423; Braund 2010, 120. Характерным случаем «речного» эмпория в глубине Фракии являлся Пистирос: Hansen 2006, 20–22; Tzochev 2010, 97.

[70] Ср.: Hippokr. De aer. 15. В качестве милетской торговой колонии рассматривает его и Lordkipanidze 2002, 9. Ср. Дундуа 1987, 29.

[71] Tsetskhladze 1994, 127–145; 1998a, 17; Боузек 2006, 34–38. О торговом эмпории Танаисе см.: Strab. XI. 2.3 (493).

[72] Путуридзе 1977, 69. О различных методах транспортировки амфор см.: Koehler 1986, 49–67. Находки амфор в глубине страны концентрируются вдоль рек или в междуречье. См.: Брашинский 1984, 185, карта 14; Кропоткин, Кропоткин 1988, 168–184. По суше вино транспортировалось прежде всего в бурдюках и мехах: Граков 1971, 51, а также в деревянных бочках по рекам: Strab. V. 1.8 (214).

Для периода римской империи известны два сухопутных сообщения от черноморского побережья во внутренние районы Малой Азии, Закавказье и в Переднюю Азию: 1) от Трапезунда через Зинган на Байбурт, Эрзурум и далее в Закавказье с ответвлением на Мцхету, через ущелья Арагви и Дарьяли или на юг в Месопотамию; 2) из Амиса на Цезарею в Киликию[73]. Наличие этих традиционных путей делало излишним транспортировку товаров к средиземноморскому побережью через Закавказье и Колхиду в частности. Важнейшей артерией для всей Азии ахеменидского периода и позднее являлась «*Царская дорога*» из Экбатан в Сарды со многими ответвлениями по пути[74]. Но её основное предназначение было военно-административным. Таким образом, если торговый путь и существовал, то им пользовались лишь спорадически[75], и скорее всего он не являлся прямым сообщением с Индией. Сама идея такой торговли имела бóльшее значение, чем её реальное воплощение[76]. Товары вывозились из Индии в западном направлении, а затем минуя многих посредников и переходя из рук в руки, какая-то их незначительная часть могла достигнуть и побережья Понта.

В пользу существования торгового пути приводятся монетные клады, в частности, с территории Азербайджана, один из которых содержал 539 монет, в том числе 5 бактрийских[77]. Просмотр его даёт следующую картину: 7 драхм Александра Великого, 2-Лисимаха, 131 — Селевкидов, 5 — тетрадрахм Греко-Бактрии, 5 драхм — Аршакидов, 3 подражания селевкидским тетрадрахмам и 440 подражаний драхмам и тетрадрахмам Александра. Первое, что бросается в глаза, — это временной разброс монет от прижизненных (?) или постумных эмиссий Александра и Лисимаха до эмиссий Антиоха VII (138–129 гг.) и Фраата II (137–127 гг.). Драхмы Александра сильно потёрты, что говорит о том, что они долго находились в обиходе. Они и ранее встречались в азербайджанских кладах с более поздними монетами[78]. Бактрийские монеты известны также с территории Грузии: 6 в Тбилиси, одна в долине Арагви и одна согдийская эмитация тетрадрахм Эвфидема[79]. Но как раз с монетами из Тбилиси места их находок неизвестны. Находки сами по себе ни в коей мере не являются указанием торгового пути через Каспийское море, ибо импорт, в том числе и из Индии, мог поступать и через Мидию. Другим подтверждением считается находка «*массы*» амисских сиклов в Колхиде и Старой Нисе[80]. В самом деле количественный аспект монетных находок архиважен для выяснения как торговых путей, так и интенсивности их функционирования. Хорошо известно, что монеты Синопы и Амиса воспринимались в варварской

[73] Tab. Peut. IX. 2 (Miller); Itin. Ant. 216, 4–217; Munro 1901, 52–66; Charlesworth 1961, 86; Broughton 1938, 532, 862, 864; Magie 1950, 1078 n. 25; Максимова 1956, 77, 81 сл.; Birmingham 1961, 185; Winfield 1977, 151, 153–155, 158. fig. 2; Comfort, Ergeç 2001, 19–49. В целом о римских дорогах: French 1988.

[74] Calder 1925, 7–11; Müller 1997, 48–61; French 1998, 15–43.

[75] Tarn 1901, 25, 28; Lordkipanidze 1996, 119.

[76] Braund 2002, 292.

[77] Lordkipanidze 2002, 9 с ссылкой на: Бабаев, Казиев 1972, 16–32; Алиев 1975, 156 сл.; Акопян 1984, 72.

[78] Бабаев, Казиев 1972, 17.

[79] Lordkipanidze 2002, 8 n. 3–4 со ссылками на: Зограф 1945, табл. 72; Казаманова 1961, 120, № 26. «*Колхидки*» найдены в Фергане: Lordkipanidze 2002, 13 n. 34. Античные монеты из Азербайджана и Армении: Алиев 1975, 157; Акопян 1984, 73.

[80] Lordkipanidze 1996, 117.

среде как равноценные денежные знаки и имитировались там[81]. Что же даёт на этот счёт «*масса амисских монет*»? По наиболее полным на сегодняшний день данным[82], на территории Грузии обнаружено 2 амисские драхмы, что не идёт ни в какое сравнение, например, с чеканами Синопы. В Старой Нисе найден клад из 8 монет Амиса[83]. Этим и исчерпывается монетный материал. С другой стороны, известно надгробие синопейца из Суз, драхма Синопы из Хамадана и монетный клад Синопы, Амиса и Тарса у дороги: Амис-Цезарея-Тарс[84]. Есть все основания полагать, что этот «*импорт*» попал в глубины Азии скорее по «*Царской дороге*» или её ответвлениям, чем по мифическому окружному пути через Колхиду. Не исключено, что и «*колхидки*», упоминаемые среди находок в Фергане, о чём ниже, попали туда по маршруту: Трапезунд-Эрзурум-Хамадан-Средняя Азия. Расцвет Селевкии в Парфии в парфянское время был связан с посредничеством в торговле с востоком, путь куда по морю для Селевкидов был закрыт, а когда парфяне во II в. н.э. перекрыли это сухопутное сообщение, то римляне попытались найти новый путь в обход по морю[85]. Именно морским путём основная часть позднеэллинистического и римского импорта попадала в Индию, на Мальдивы и в Шри-Ланку[86].

Одним из важнейших аргументов в пользу высокого уровня развития товарно-денежных отношений является факт обильного чекана так называемых «*колхидок*»[87]. По мнению Г. Ф. Дундуа, они, эмитировавшиеся в Фасисе или Диоскуриаде как синопские драхмы по двум весовым системам: эгинской и персидской, выполняя одновременно функцию городской монеты и торгового эквивалента в сношениях с внутренними регионами Колхиды[88]. Однако откровенно хозяйственная, торговая направленность чеканов вовсе не обязательна. Так, например, относительно эмиссий фракийских правителей исследователи отмечают следующие мотивы, которые могли их инициировать: как знак царской власти; полисы могли чеканить их в качестве трибута местным династам либо для обмена на товары и услуги; династы превращали в монету на монетных дворах полисов свои запасы благородных металлов[89].

Находки колхидских монет за пределами Колхиды архиредки и, очевидно, до сих пор они известны лишь из Нимфея и Херсонеса[90]. Несмотря на неоднократно высказаные предположения о том, что их появление в инородной среде явилось следствием торгового обмена, трудно представить, чтобы иностранная монета,

---

[81] Голенко 1961, 48, 50; Загинайло 1989, 80.

[82] Дундуа 1987, 35, 15–16.

[83] Максимова 1956, 82.

[84] Максимова 1956, 95.

[85] Tarn 1901, 27.

[86] Бухарин 2002, 341–350; Wheeler 1954, 164, 209; Tomber 2004, 393–402; Lyding 2004, 433–440.

[87] Приведу лишь некоторые работы: Болтунова 1973, 92–108; Голенко, Капанадзе 1966, 31–61; Капанадзе, Голенко 1957, 88–95; Лордкипанидзе 1966, 131–134; Doundoua 1982, 53–60; Дундуа 1987, 9–33; Braund 1994, 118–121.

[88] Лордкипанидзе 1966, 131–134; Дундуа 1987, 29, 33, 132. О чеканке варварских монет в полисах и специально для хинтерланда Розанова 1956, 197–208, табл. I–II; Златковская 1971, 71 сл., 234 сл.; 1968, 4 сл.; Peter 1997, 52; Anm. 186, 87, 105, 137, 151.

[89] Дундуа 1987, 33–35; Peter 1997, 11, 50, 87, 150.

[90] Скуднова 1952, 240 сл. Ср. Голенко 1961, 50. Район Трапезунда не учитывается, ибо он относился к территории расселения колхских племён. О находках «*колхидок*» там. См.: Дундуа 1987, 37.

тем более настолько малообращаемая свободно обращалась на рынках Боспора и Херсонеса Таврического. Хорошо известно как строго проводились в жизнь протекционисткие меры по защите местной валюты[91]. Совершенно очевидно, что следует поискать иное объяснение их появления там[92]. Прекращение производства «*колхидок*» было связано, очевидно, с началом проникновения в Западное Закавказье золотых статеров александровского типа[93]. Мы не знаем, насколько высоко были развиты товарно-денежные отношения в Колхиде. Сам по себе факт довольно значительного количества находок местных и импортных монет из драгоценных металлов еще не является показателем в пользу «*рынка*» или подтверждением «*оживлённых торговых связей*»[94]. Существовали различные способы поступления драгоценных металлов в варварскую среду. Важнейшим из них могло стать географическое положение в качестве перевалочного пункта между Северным Причерноморьем и Азией. Монеты в основном из благородных металлов: чеканы Александра Великого, Лисимаха, Митридата, аттические тетрадрахмы «*нового стиля*»[95]. Обильны городские бронзовые эмиссии Понта и Каппадокии времени понтийского владычества в то время как находки, например, боспорских, херсонесских или ольвийских монет-единичны. Как раз этот факт — т.е. практически полное отсутствие разменных номиналов и бронзовых эмиссий вплоть до правления Митридата Евпатора[96] весьма примечателен. На территории Армении, Азербайджана в Дербенте присутствуют птолемеевские, сирийские, римские, парфянские монеты[97]. Нельзя не сказать о местных подражаниях монетам Александра и Лисимаха, утрачивающие качество изображения вплоть до стилизрованного по мере уменьшения притока извне[98], которые, очевидно, чеканили колхские скептухи и даже аланские племена[99], что не обязательно означало хозяйственную направленность эмиссий. Греко-варварская торговля была в основном натуральной[100]. Не сомневаюсь, что последующие замечания вызывут взрыв негодования сторонников теории о «*высокоцивилизованных колхах*», но факты — вещь упрямая. Так, Геродот (Herod. III. 97.) однозначно говорит, что колхи, в отличие от более «*цивилизованных*» и меркантильных народов, уплачивали Ахеменидам добровольно натуральные налоги и подать «*кровью*»[101]. Это как раз в то время, когда обильно чеканились «*колхидки*». Колхидское царство, если оно и существовало при Геродоте, то самое позднее в III в. было уже далёким прошлым[102]. Страбон

[91] См. в частности: IOSPE I2 24; Виноградов, Карышковский 1976, 21–42.

[92] Это мог быть способ вывоза драгоценных металлов, хотя Колхида не была богата ими.

[93] Голенко 1961, 51.

[94] Против Лордкипанидзе 1968, 233.

[95] Капанадзе 1959, 143 сл.; Дундуа 1987, 34 сл., 49 сл.

[96] С конца II в. до н.э. медную монету чеканила Диоскурия: Дундуа 1987, 105 сл., 126; Капанадзе 1959, 147. Это могло, однако, быть инициировано соображениями престижа.

[97] Акопян 1982, 84–89; Тирацян 1985, 153, табл. XXXIX; Алиев 1975, 154, 156 сл.; Кудрявцев 2006, 86, 88.

[98] Капанадзе 1959, 114; 1955, 36 сл.; Капанадзе, Шенгелия 1968, 154, табл. I. 5, 158 сл., табл. II; Дундуа 1987, 81–102.

[99] Дундуа 1987, 101; Яценко 1994, 20.

[100] Брашинский 1984, 183. Ср.: Strab. XI. 2.3 (493).

[101] О персидской власти: Лордкипанидзе 1985а, 80; Braund 1994, 91–95.

[102] Лордкипанидзе 1979, 48–73; Vinogradov 1996, 594; Лордкипанидзе 1992, 198, прим. 47; Dreher 1996, 190; Braund 1994, 91, n. 77, 122, 144, 154 считает, что центральная власть сохранилась до Митридата.

отмечает, что «*албаны более скотоводы и очень близки кочевническому образу жизни, но не очень дики и потому не очень воинственны...*», «*они ведут лишь меновую торговлю товарами и не знают мер и весов*» (Strab. XI. 4.1; 4 (501))[103]. Пример торгового посредничества приведён в рассказе о сарматах-аорсах в правление Митридата: «*Ибо они обладали огромной территорией и господствовали почти над всем побережьем Каспия, ввозя на верблюдах индийские и вавилонские товары, которые они получали от армян и мидийцев и по причине богатства носили золотые украшения*» (Strab. XI. 5.8 (506)). Здесь описывается северная трасса с Северного Кавказа через «*Каспийские ворота*» в Мидию (Herod. I. 104; Proc. BP. I 10, 4; 12.2; Strab. XI. 3.5 (500))[104]. Боспорские статеры и бальзамарии поступали в Иберию, очевидно, этим путём[105]. Какая-то часть средиземноморских и северопонтийских товаров, в том числе в амфорах, достигала Иберии и даже Албании и Дагестана[106]. Однако объём его был незначителен. Кроме того, в Самадло-Настакиси присутствует черно- и краснолаковая керамика из Малой Азии, украшения из египетской голубой пасты, каменные и стеклянные бусы сирийского и малоазийского производства, драгоценные и полудрагоценные камни из Средней Азии, Индии и Аравии, металлические изделия из Италии[107]. Но товары не обязательно поступали напрямую из производящих их центров[108]. Как раз в последнем случае при отсутствии аналогичного импорта в Колхиде предполагается, что он доствлялся не морским, а сухопутным путём из Малой Азии через Армению в Мцхету, откуда уже развозился по стране[109]. Также, очевидно, греческие мастера были заняты в некоторых производственных отраслях, прежде всего в строительстве[110].

Не менее важен вопрос о товарах Колхиды. Они уже неоднократно приводились в литературе[111], и посему нет необходимости подробно останавливаться на этом. Большая часть исследователей выступает за их торговую направленность греческой колонизации Колхиды[112]. Но при всей массе археологического материала и наличии немногих малосодержательных упоминаний в источниках характер известных там греческих поселений неоднозначен. Вывод Н. Эрхардта, что «*при отсутствии любых указаний на городское устройство отнесение этих населён-*

[103] Это неубедительно оспаривают: Бабаев, Казиев 1972, 17 сл.; Тревер 1959, 18; Алиев 1975, 151, 154 сл., 157, 162, 164 сл. Для Колхиды Нового времени см.: Юрченко 1877, 208.

[104] Lordkipanidze 1996, 120; Алиев 1975, 157, прим. 40; Смирнов 1964, 284; Виноградов 1965; Лукьяшко 1984, 161–165; Берлизов 1993, 29–37; Виноградов 1994, 151–170; Яценко 1994, 19–21; Скрипкин 1994, 32–37; Халилов 1992, 68–75. Кудрявцев 2006, 85–95.

[105] Голенко 1964, 35; Халилов 1985, 97 сл.

[106] Цкитиашвили 1977, 91, рис. 4; Лордкипанидзе 1985a, 80, 87; Lordkipanidze 1996, 118; Anm. 196; Licheili 2010, 143–145; Кудрявцев 2006, 86 сл.; Алиев 1975, 156 сл.

[107] Лордкипанидзе 1985a, 88. Ср. в Дербенте: Кудрявцев 2006, 87 сл.

[108] Cook 1997, 264; Tsetskhladze 1998, 52, 61.

[109] Лордкипанидзе 1985b, 80. Также сухопутным путём поступали, например, амфоры Гераклеи Понтийской в Гордион: Lawall 2010, 162, 165. Какие-то эпизодические контакты южного побережья Чёрного моря с Эгеидой и Малой Азией существовали уже в геометрический период по суше: Иессен 1947, 16–20; Bittel 1976, 528; French 1991, 238–240; Saprykin 1991, 241–254. Ср. Лордкипанидзе 1985b, 88; Tsetskhladze 1994c, 113 (с литературой).

[110] Цкитиашвили 1977, 90, рис. 3; Лордкипанидзе 1985a, 86; Алиев 1975, 154, прим. 27; Licheili 2010, 146.; Церетели 1960, 123–133.

[111] См. подробно: Braund 1994, 53–58.

[112] Лордкипанидзе 1985, 18.

ных пунктов к «нормальным» апойкиям по меньшей мере сомнительно, при том что альтернативный термин «эмпорий» *в достаточной мере охватит характер этих поселений*»[113], не утратил свою актуальность. Несмотря на преподносимое источниками сказочное богатство золотом властителей Колхиды и Фригии, археологические данные дают в этих регионах бронзовые изделия[114]. Само легендарное золото имело в мифах «*прикладной характер*». Относясь к подземному мира, оно образовывало своеобразную границу с миром живых[115]. Если для изделий из металла просто архисложно определить их происхождение[116], то вывоз металлов из Колхиды не находит никакого потверждения[117]. Основой экономики являлось сельское хозяйство. Из зерновых культур производилось прежде всего просо, а с первых веков н.э. также рис.[118]. Далее несомненным было широко распространо садоводства и, видимо, оливки[119]. Однако одно перечисление производимых в Колхиде сельскохозяйственных культур ни в коей мере не означает товарный характер производства. В самом деле, если Ксенофонт и называет различные продукты у колхов и их соседей, то для него это прежде всего чисто практический интерес снабжения собственного войска. И если косточки винограда и найдены при раскопках в Сухуми, в Пичвнари винодавильня, а в Вани вотивный тарапан, то это всё же не означает, что «*особое место занимали виноградорство и виноделие*» и уж тем более, что они не носили товарный характер[120]. Например, хранилища вина в Иберии засвидетельствованы археологически[121], равно как и производство вина и керамики в кавказской Албании, Гиркании, Ариане, Бактрии, Армении и т.д.[122] Многочисленные находки зернотёрок как раз и свидетельствуют о патриархальном способе хозяйствования. В VI в. Прокопий Кесарийский пишет следующее о Колхиде, в то время Лазике: «*С римлянами они никогда не отправлялись в походы, но всегда вели морскую торговлю с римлянами, живущими у моря*. (5) *Нет у них ни соли, ни зерна, никаких других благ; продавая невыделанные шкуры, кожи и добытых на войне рабов, они приобретают себе всё необходимое*» (Procop. BP. II. 15.4)[123]. И уже Гиппократ писал о районе Фазиса: «*Эта страна*

[113] Ehrhardt 1984, 158. Ср. Ломоури 1988, 125 сл. Не снимает вопросов критика: Asheri 1998, 271.

[114] Vassileva 1998, 74, n. 54 (с литературой). Однако, о сванах: Plin. NH. VI. 11. (425); Муравьёв 1988, 157 и о золотых рудниках в Персоармении: Proc. BP. I. 15, 18; 27. Strab. XV. 1. 57 (711) сообщает о золоте в Иберии, но это может быть и Испания. Однозначно метафорически «*богатая златом Колхида*» у: Arist. Epitaph. (PLG Bergk II. 345). В пользу античной традиции Strab. I. 2.39 (45); XI 2.19 (499); App. Mithr. 103; Plin. NH. XXXIII. 15 (52) выступают: Брашинский 1973, 180; Лордкипанидзе 1979, 149–153; Lordkipanidze 1996, 49, 58, 121–124.

[115] Vassileva 1998, 74.

[116] Онайко 1966, 12.

[117] Против Lordkipanidze 1996, 121, 124–126 и, очевидно, единственного свидетельства: Strab. I. 2.39 (45). См.: De Jesus 1978, 97–102; Tsetskhladze 1995, 307–310; Tsetskhladze, Treister 1995, 1–32; Vassileva 1998, 74. С другой стороны, там имелись в избытке медь и олово. См.: Vinogradov 1996, 580. О металлургии в Колхиде: Инанишвили, Майсурадзе, Гобеджишвили, Муджири 2001, 18–24.

[118] Лордкипанидзе 1978, 97; 1985, 50, 57; Braund 1994, 53 n. 61.

[119] Лордкипанидзе 1985, 50 сл.

[120] Против Лордкипанидзе 1985, 50 сл.; Braund 1994, 55; 2010, 123. В целом по проблематике: Chaniotis 1988. Bd. VII 1, 63, 67.

[121] Лордкипанидзе 1985a, 85; Licheili 2010, 147. Ср.: Prokop. BG IV 3.

[122] Strab. II. 1.14 (73); XI. 2.19; 3.1. (499); 3.2. (500); 4.3 (502); 7.2… (508); XII 14.4 (528); Xen. Anab. IV 4.9; 26; 29; V. 4.29; Proc. BP I. 15.26; Халилов 1985, 96 сл.

[123] Ср. О цанах: De aed. III. 6.3; 5; 21. О приграничных с Иберией районах: BP I. 12.15; 15.21. О рабах колхах см.: Braund, Tsetskhladze 1989, 114–125. С мнением высо коценимого им Прокопия

болотистая, тёплая, водянистая и густо заросшая, и во всякое время года там идут дожди, частые и сильные. Люди проводят жизнь на болотах и имеют дома деревянные и тростниковые, устроенные на воде; редко посещают города и рынки, но на лодках, выдолбленных из одного дерева, переезжают вверх и вниз, так как каналов там весьма много... Плоды, которые там рождаются, не имеют никакого роста, ослаблены и несовершенны вследствие обилия вод и потому не дозревают» (Hippocr. De aer. 15)[124]. Примечательно, что эти нравы сохранились и значительно позднее. Выше уже приводился рассказ Страбона, что различные племена горцев спускаются в Диоскуриаду за солью (Strab. XI. 2.16 (498); 5.6 (506); Plin. VI. 5. (420); Procop. BP. II. 15.11)[125]. Была ли эта соль привозной или местной не играет особой роли. Эквивалентом обмена при этом могли служить рабы — наиболее ходовой товар того времени[126]. Важно, что Страбон подчёркивает важнейшую статью обмена в торговле с «*варварами*». А в торговле этого типа далёким купцам из экзотических стран места просто не оставалось.

Всё вышесказанное вовсе не означает отсутствие сухопутных путей сообщения, равно как и пользование ими по меньшей мере в классический период, как это однозначно показывает знаменитый Анабасис 10000. Основной задачей работы было показать малую вероятность существования в античный период торгового пути из Бактрии и Индии в Колхиду и отсутствие особой роли последней в качестве торгового посредника между Востоком и Западом. Возникший в Средневековье знаменитый «*Шёлковый путь*» на Восток едва ли явился полным новшеством, но наверняка ориентировался на «*достижения*» предшествующих времён. И на этом пути Закавказье играло лишь роль побочной магистрали, да и то, очевидно, лишь начиная с I в.н.э.[127] Слишком велики и непреодолимы были наряду с пустынями, горами, реками и морями трудности геополитического и экономического порядка, чтобы инвестировать огромные силы и средства в довольно сомнительное торговое предприятие. Кроме того, лишь в короткие временные отрезки жители эллинистических метрополий или городов Римской империи готовы были платить большие деньги за восточную роскошь. Спрос определял предложение, а последнее, в свою очередь, формировалось экономической состоятельностью государства и его граждан. Возникнув при Августе, мода на восточную экзотику достигла своего апогея при Траяне и начала блёкнуть после Марка Аврелия, прак-

---

совершенно расходится Agath. III. 5, пишущий о цивилизованых, благопристойных лазах, которые «*совершают морские путешествия, когда это возможно, и извлекают выгоду из торговли*». Для Агафия прежде всего важно, что они христиане и византийские подданые, что он подчёркивает предложением: «*Их... никак нельзя назвать варварами, и не так они живут, но общением с римлянами они приведены к гражданственности и законному порядку*“. Равным образом он оценивает, например, франков и лазов, одновременно негативно отзываясь о цанах и зороастрийских персах. Неубедительно звучит мнение Дж. Браунда (Braund 1994, 68), что негативное мнение Прокопия о Лазике было вызвано невозможностью страны прокормить византийскую армию. О лазах см.: Жордания 1996, 123–139.

[124] Ср.: Юрченко 1877, 193, 209 сл. О источниках Гиппократа см.: Ростовцев 1926, 18 сл.

[125] Braund 1994, 58 относит ввоз соли к экспорту Ольвии и Херсонеса, что едва ли обосновано. О вывозе соли из Ольвии: Dio. Chrys. XXXVI. 3.

[126] Braund, Tsetskhladze 1989, 115. Ср.: Юрченко 1877, 209, где турки привозят в «*Колхиду*» мануфактурные товары и соль, вывозя в обмен на это мёд, воск, нитки, воловьи кожи, меха, самшитовое дерево, а также рабов!

[127] Акопян 1984, 72, 74.

тически сойдя на нет в III в. н.э., не играла более особой роли вплоть до византийского времени[128]. Кроме того, товары из Китая и Бактрии попадали в Поволжье по Восточному Туркестану вдоль Аму-Дарьи на север к низовьям Волги, Дона и далее в Закубанье и на Запад[129]. Не следует забывать, что как раз морская торговля Рима с Востоком получила новый импульс во II в. н.э., когда парфяне взяли под свой контроль азиатский и ближневосточный участки «*Великого шёлкового пути*»[130].

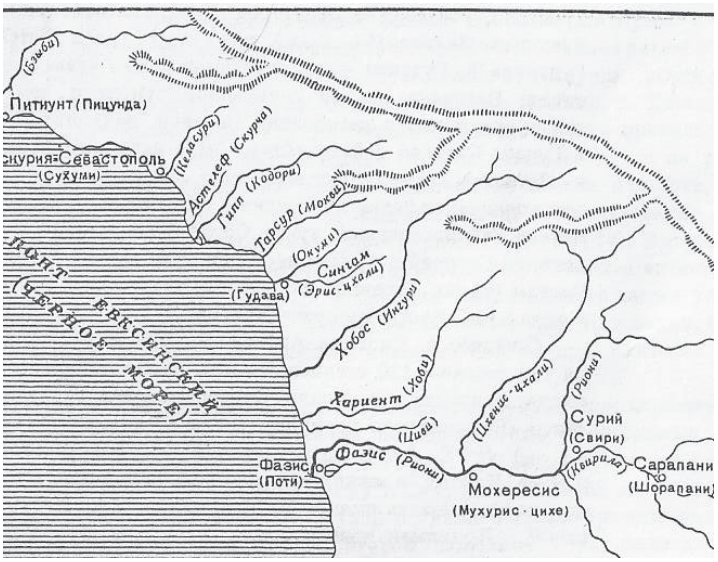


Рис. 1. Гидрография Колхиды (по Н. Ю. Ломоури)

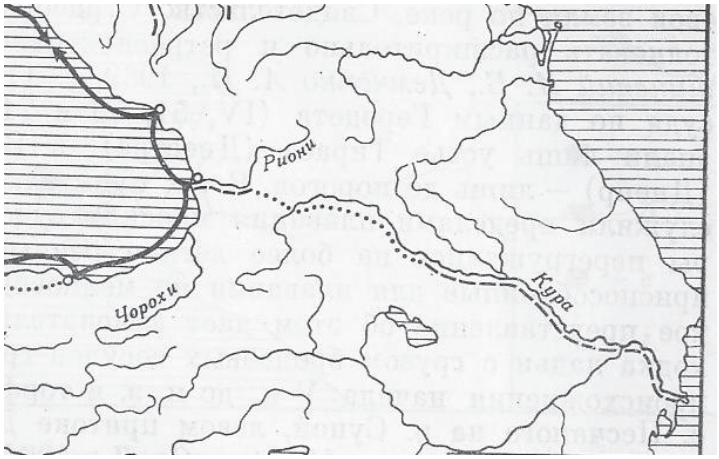


Рис. 2. Закавказский торговый путь (по И. Б. Брашинскому)

128 Sewell 1904, 593–617; Бухарин 2002, 341сл., 343, 345, 349.
129 Берлизов 1993, 33; Яценко 1994, 19; Скрипкин 1994, 33.
130 Кудрявцев 2006, 88.

ЛИТЕРАТУРА

Акопян А.М. 1979: Связи Армении и Кавказской Албании с Парфией // СА. 4, 26–39.

Акопян А.М. 1982: Клад медных парфянских монет из Апарана // ВДИ. 2, 84–89.

Акопян Г.П. 1984: Древняя Армения в торговле Запада с Востоком // СА. 2, 70–90.

Алиев И. 1975: К интерпретации параграфов 1, 3, 4 и 5 IV главы XI книги «Географии» Страбона // ВДИ. 3, 150–165.

Бабаев И.А., *Казиев С.М.* 1972: Кабалинский клад монет эллинистическокой эпохи // НЭ. IX, 16–32.

Берлизов Н.Е. 1993: Сарматы на Великом шёлковом пути // Кочевники Евразийских степей и античный мир. Ч. II / Б.А.Раев (ред.). Новочеркасск, 29–37.

Берлизов Н.Е. 1996: К интерпретация ахеменидского импорта в сарматских курганах Южного Приуралья и Прикубанья // АЦВМ, 8–9.

Блаватский В.Д. 1954: Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА. 20, 31–56.

Болтунова А.И. 1963: Античные города Грузии и Армении // Античный город / А. И. Болтунова (ред.). М., 153–169.

Болтунова А.И. 1973: Колхидки // ВДИ. 4, 92–108.

Боузек Я.Г. 2006: Эмпориии во Фракии, их значение в системе этнокультурных отношений, и их параллели в других странах периферии античного мира // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное время / В. П. Копылов (ред.). Ростов-на-Дону, 34–38.

Браунд Д. 1991: Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. 4, 34–52.

Брашинский И. Б. Синопа и Колхида 1973: // Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник. Т. IV. Тбилиси, 180–190.

Брашинский И.Б. 1984: Методы исследования античной торговли. Л.

Брашинский И.Б. 1984а: Торговля // АГСП, 178.

Бухарин М.Д. 2002: Средиземноморско-южноазиатская торговля в III в. н.э. // Муща. Сборник научных трудов, посвящённых памяти профессора В. Д. Жигунина / Г. П. Мягков, Е. А. Чиглинцев, О. Л. Габелко (ред.). Казань, 341–350;

Виноградов В.Б. 1965: Сиракский союз племён на Северном Кавказе // СА. 1, 108–121.

Виноградов Ю.Г. 1994: Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 2, 158–164.

Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О. 1976: Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до н.э. // ВДИ. 4, 21–42.

Голенко К.В. 1957: Кобулетский клад серебряных монет середины IV в. до н.э. // СА. 22, 290–298.

Голенко К.В. 1961: Клад синопских и колхидских монет из Кобулети // ВДИ. 1, 42–59.

Голенко К.В. 1964: Денежное обращение Колхиды в римское время. Л.

Голенко К.В., Капанадзе Д.Г. 1966: Четыре клада колхидок // НЭ. VI, 31–61;

Голенко К.В., Раджабли А.М. 1975: Али-Байрамлинский клад и некоторые вопросы обращения парфянских монет в Закавказье // ВДИ. 2, 71–93.

Гольденберг В.А. 1953: Северное Причерноморье как рынок рабов для Средиземноморского мира // ВДИ. 1, 200–209.

Граков Б.Н. 1971: Скифы. М.

Дундуа Г.Ф. 1987: Нумизматика античной Грузии. Тбилиси.

Ельницкий Л.А. 1950: Северночерноморские заметки (По следам новых публикаций и исследований) // ВДИ. 1, 188–197.

Ельницкий Е.А. 1961: Знания древних о северных странах. М.

Жордания Э. 1996: Этнический состав населения Понта в XIII–XV вв. Ч. I: Лазы // BS.LVII.1, 123–139.

Загинайло А.Г. 1989: Надчеканеные и перечеканенные монеты Амиса // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья / Н. П. Буравчук (ред.). Киев, 70–81.

Златковская Т.Д. 1971: Возникновение государства у фракийцев. М.

Златковская Т.Д. 1968: Ранние монеты южно-фракийских племён // НЭ.VII, 3–22.

Зограф А.Н. 1945: Распространение находок античных монет на Кавказе // ТОНГЭ.1, 29–85.

Иессен А.А. 1947: Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.

Инанишвили Г.В., Майсурадзе В.Г., Гобеджишвили Г.Г., Муджири Т.П. 2001: К истории горно-металлургического производства Колхиды // РА. 3, 18–24.

Казаманова Л. 1961: Имитации тетрадрахм Эвтидема // ВДИ. 3, 120–127.

Капанадзе Д.Г. 1959: К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным // ПИСПЭ, 131–151.

Капанадзе Д.Г. 1955: Грузинская нумизматика. М.

Капанадзе Д., Голенко К. 1957: К вопросу о происхождении колхидок // ВДИ. 4, 88–95;

Капанадзе Д.Г., Шенгелия И.Г. 1968: Триморфная Геката с колхидской дидрахмы V в. до н.э. // АИКСП, 154–162.

Колобов А. В. Кулябина Н. В., Мельничук А. Ф. 1999: Римская фалера из Пермского Приуралья // ВДИ. 1, 46–52

Колобов А. В. Кулябина Н. В., Мельничук А. Ф. 2001: Античная гемма из Пермского Приуралья // АЭСП. 1, 103–107.

Кропоткин А.В., Кропоткин В.В. 1988: Северная граница распространения римских амфор в Восточной Европе // Могильники Черняховской культуры / Кропоткин В.В. (ред.). М., 168–184.

Кропоткин В.В., Обыденнов М.Ф. 1985: Находки античных монет в погребении кочевника на Южном Урале // СА. 2, 242–246.

Кудрявцев А.А. 2006: Место древнего Дербента в истории развития(международной караванной торговли на Кавказе // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное время. Т. XI / В. П. Копылов (ред.). Ростов-на-Дону, 85–95.

Кудрявцев О.В. 1955: Провинция Каппадокия в системе римской восточной политики (17–72 гг.) // ВДИ. 2, 48–72.

Леквинадзе В.А. 1969: «Понтийский лимес» // ВДИ. 2, 75–93.

Ломоури Н.Ю. 1957: Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. 4, 96–110.

Ломоури Н.Ю. 1988: О «политии фасисцев» Гераклида // ВДИ. 3, 123–134.

Лордкипанидзе О.Д. 1957: О транзитно-торговом пути из Индии к Чёрному морю в античную эпоху // Сообщения АН ГССР. XIX. 3, 377–384 (*non vidi*).

Лордкипанидзе Г.А. 1966: О колхидской весовой системе // Культура античного мира / А. И. Болтунова (ред.). М., 131–134.

Лордкипанидзе О.Д. 1968: Торгово-экономические и культурные взаимоотношения античного мира с Колхидой в эпоху эллинизма // АИКСП, 232–237.

Лордкипанидзе Г.А. 1978: Колхида в VI–II вв. до н.э. Тбилиси.

Лордкипанидзе О.Д. 1979: Древняя Колхида. Тбилиси.

Лордкипанидзе О.Д. 1985: Западное Закавказье // ДГКСА, 48–59.

Лордкипанидзе О.Д. 1985b: Иберия // ДГКСА, 79–83.

Лордкипанидзе О.Д. 1985c: Закавказье в раннем железном веке. Западное Закавказье. Колхида // ДГКСА, 18–23

Лордкипанидзе О.Д. 1992: Город Вани в общекавказском контексте // ВДИ. 1, 189–208.

Лукьяшко С.И. 1984: О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время / А. И. Мелюкова и др. (ред.). М., 161–165.

Максимова М.И. 1956: Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л.

Мамуладзе Ш.Х., Халваши М.С., Асланишвили Л.Г. 2002: Римские гарнизоны Апсара // ВДИ. 1, 33–39.

Муравьёв С.Н. 1988: Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа // ВДИ. 1, 156–161.

Нейхардт А.А. 1962: К вопросу о политике Эвмела на Понте Эвксинском // Древний мир / Н. В. Пигулевская Н.В. (ред.). М., 595–602.

Онайко Н.А. 1966: Античный импорт в Прикубанье и Побужье в VII–V вв. до н.э. М.

Путуридзе Р.В. 1977: Колхидские амфоры из Вани // КСИА. 151, 68–71.

Розанова Н.П. 1956: Монеты царя Фарзоя // МИА. 50, 197–208.

Ростовцев М.И. 1926: Скифия и Боспор. Петроград.

Скржинская М.В. 1991: Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев.

Скрипкин А.С. 1994: О начале и некоторых особенностях функционирования северного ответвления Великого шёлкового пути // АЦВМ. Ч. I. Новочеркасск, 32–37;

Скуднова В.М. 1952: Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее // ВДИ. 2, 238–248.

Смирнов К.Ф. 1964: Савроматы. М.

Тирацян Г.А. 1985: Армения в III–I до н.э. // ДГКСА, 60–69; 144–153 .

Тодуа Т.Т. 1988: Крепости Митридата VI в Колхиде // ВДИ. 1, 139–146.

Тревер К.В. 1959: Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э.-VII в. н.э. М.; Л.

Халилов М. Д. 1992: Сарматия-Кавказская Албания // АЦВМ. Ч. I. Новочеркасск, 68–75.

Халилов Д.А. 1985: Кавказская Албания // ДГКСА, 93–106.

Церетели Г.В. 1960: Греческая надпись эпохи Веспасиана из Мцхеты // ВДИ. 2, 123–133.

Цецхладзе Г.Р. 1992: Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры / В. И. Кац, С. Ю. Монахов (ред.). Саратов, 90–110.

Цкитиашвили Г.Г. 1977: Результаты работ на «Цихиа-гора» (1971–1974 гг.) // КСИА. 151, 87–93.

Членова Н.Л. 1983: Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА.1, 47–66.

Шелов Д.Б. 1967: Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество / Т. В. Блаватская и др. (ред.). М., 219–224.

Шелов Д.Б. 1980: Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ. 3, 28–43.

Юрченко П. 1877: Описание Колхиды или Мигрелии о. Ламберти, миссионера когрегации для распространения Христианской веры // ЗООИД. 10, 178–224.

Яценко С.А. 1994: Контактные зоны аланов I–IV вв. н.э.: Боспор и Закавказье // АЦВМ, 19–21.

Asheri D. 1998: The Achaeans and the Heniochi. Reflections on the Origins and History of a Greek Rhetorical Topos // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / G. R. Tsetskhladze (ed.). Stuttgart, 265–285.

Bevan E.V. 1902: The House of Seleucus. Vol. I. London.

Birmingham J.M. 1961: The Overland Route across Anatolia in the Eighth and Seventh Centuries B.C. // AS. 11,185–195.

Bittel K. 1976: Das zweite vorchristliche Jahrtausend im östlichen Mittelmeer und im Vorderen Orient // Gymnasium. 8, 513–533.

Braund D. 1994: Georgia in Antiquity. London.

Braund D. 2002: Indian Traders at Phasis: Neglected Texts on Ancient Georgia // Pont-Euxin et Commerce. Actes du IXe Symposium de Vani / O. Lordkipanidze, P. Leveque (eds.). Paris, 287–296.

Braund D. 2006: Writing and re-writing colonial origins // Greek Colonisation. An Account of Greek Colonies and other Settlements Overseas. Vol. I / G. R. Tsetskhladze (ed.). Leiden, 287–296.

Braund D. 2010: Amphorae in the Eastern Black Sea: Context of Geography and Exchange // PATABS I, 119–125.

Braund D.C., Tsetskhladze G.R. 1989: The Export of Slaves from Colchis // CQ. 39.1, 114–125.

Broughton T.R.S. 1938: Roman Asia Minor // An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. IV/ T. Frank (ed.). Baltimore, 499–916.

Calder W.M. 1925: The Royal road in Herodotus // CR.XXXIX, 7–11.

Casson St. 1918/1919: Herodotus and the Caspian // BSA. 23, 175–193.

Chaniotis A. 1988: Vinum Creticum Excellens: Zum Weinhandel Kretas // MBAH.VII.1, 62–89.

Charlesworth M.P. 1961: Trade Routes and Commerce of the Roman Empire. Hildesheim.

Comfort A., Ergeç R. 2001: Following the Euphrates in Antiquity: North-South Routes around Zeugma // AS. 51, 19–49.

Cook R.M. 1997: Greek Painted Pottery. 3rd ed. London; New York.

Dabrowa E. 1989: Policy in Transcaucasia from Pompey to Domitian // The Eastern Frontier of the Roman Empire / D. H. French, C. S. Lightfoot (eds.). Vol. I. Oxford, 67–76.

De Jesus P.S. 1978: Metal Resources in Ancient Anatolia // AS. XXVIII, 97–102.

Diehl F. 1938: Phasis Nr. 1 // RE.19.2, 1886–1895.

Doundoua G. 1982: Les Kolkhidki // DHA. 8, 53–60.

Dreher M. 1996: Pompeius und die kaukasischen Völker: Kolcher, Iberer, Albaner // Historia. 45.2, 188–207.

Dzhavakhishvili K. 2007: Achaemenid Seals Found in Georgia // ASCS. 13, 117–128.

Ehrhardt N. 1984: Zur Gründung und zum Charakter der ostpontischen Griechensiedlungen // ZPE. 1984.56, 153–158.

Ehrhardt N. 1990: Zur Geschichte der griechischen Handels- und Kolonisationsfahrten im östlichen Mittelmeer im Spiegel von Epos und Periplus-Literatur // Orientalisch-ägäische Einflüsse in den europeischen Bronzezeit. Kolloquium Mainz 16.–19.10.1985. RGZM Monogr. 15 / T. Bader u. a. (hrsg.). Bonn, 13–32.

Finley M.I. 1962: The Black Sea and Danubian Regions and the Slave Trade in Antiquity // Klio.40, 51–59.

French D. 1988: Roman Roads and Milestones of Asia Minor. London.

French D. 1991: The Iron Age on the Black Sea Coast // Thracia Pontica. IV, 238–240.

French D.H. 1998: Pre-and Early Roman Roads of Asia Minor. The Persian Royal Road // Iran. 36, 15–43.

Gisinger F. 1949: Patrokles Nr. 5 // RE.18.4, 2263–2273.

Hansen M.H. 2006: Emporion. A Study of the Use and Meaning of the Term in the Archaic and Classical Periods // Greek Colonisation. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas Vol. I / G. R. Tsetskhladze (ed.). Leiden; Boston, 20–22.

Hind J. 1994: The Bosporan Kingdom // CAH.VI.2nd, 488–502

Kiessling E. 1914: Hyrkania // RE. 9.1, 463–470.

Knauss F. 1999: Ein silbernes Trinkhorn aus Mtisdziri. Die Kolchis zwischen Achämeniden und Griechen // Proceed. of the XVth Intern. Congr. of Classical Archaeology / R. F. Docter, E. M. Moormann (eds.). Amsterdam, 218–222.

Koehler C.G. 1986: Handling of Greek Transport Amphoras // Recherches sur les amphores grecques. BCH. Suppl. XIII / J.-Y. Empereur, Y. Garlan (eds.). Paris, 49–67.

Korenjak M. 2003: Die Weltrundreise eines anonymen griechischen Autors („Pseudo-Skymnos"). Einleitung, Text, Übersetzung und Komentar. Hildesheim.

Lawall M. 2010: Pontic, Aegean and Levantine Amphorae at Gordion // PATABS. I, 159–165 Pl. 93–97.

Licheili V. 2010: Hellenistic Amphorae in Caucasian Iberia: attributes of Trade Route // PATABS. I, 143–145.

Lyding Will E. 2004: Mediterranean Amphoras in India // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean / J. Eiring , J. Lund (eds.). Aarhus, 433–440.

Lordkipanidze O. 1991: Archäologie in Georgien. Weinheim.

Lordkipanidze O. 1996: Das alte Georgien (Kolchis and Iberien) in Strabons Geographie. Neue Scholien. Amsterdam.

Lordkipanidze O. 2002: Trade on the Black Sea. An historical forerunner on the Great Silk Road // Vani IX, 7–13.

Magie D. 1950: Roman Rule in Asdia Minor. Princeton.

Malitz J. 1983: Die Historien des Poseidonius. Göttingen.

Meißner B. 1992: Historiker zwischen Polis und Königshof. Göttingen.

Morgan M.G. 1980: Imperium sine finibus: Romans and World Conquest in the First Century B.C. // Panhellenica. Essays in Honor of T. S. Brown / S. M. Burstein, L. A. Okin (eds.). Lawrence, 143–54.

Müller D. 1997: Topographischer Bildlkommentar zu den Historien Herodots. Tübingen.

Müller K.S. 1972: Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung Bd. I. Wiesbaden.

Münzer F. 1897: Beiträge zur Quellenkritik der Naturgeschichte des Plinius. Berlin.

Munro J.A.R. 1901: Roads in Pontus, Royal and Roman // JHS. 21, 52–66.

Neumann W.J. 1884: Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meer // Hermes.19, 165–185.

Neumann K. 1884a: Strabons Landeskunde von Kaukasien. Eine Quellenforschung // Jahrbücher für Classische Philologie. 13, 319–354.

Peter U. 1997: Die Münzen der thrakischen Dynasten (5.–3. Jh. V. Chr.). Politische und wirtschaftliche Hintergründe ihrer Münzprägung. Berlin.

Rostovtzeff M. 1955: Gesellschafts-und Wirtschaftsgeschichte der hellenistischen Welt. Darmstadt.

Sallmann K. 1971: Die Geographie des Älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Berlin; New York.

Saprykin S. 1991: Paflagonica // Thracia Pontica. IV, 241–254.

Schaal H. 1928: Flußschiffsfahrt und Flußhandel im Altertum // Festschrift zur 400. Jahrfeier des Alten Gymnasiuns zu Bremen. Bremen, 370–423.

Schnabel P. 1912: Berossos und Kleitarchos. Diss. Jena. Leipzig.

Sewell R. 1904: Roman Coins Found in India // JRAS. 24, 593–617;

Sherwin-White A.N. 1984: Roman Foreign Policy in the East 168 B. C. to A.D. 1. London.

Snodgrass A. 1980: Archaic Greece. The Age of Experiment. Berkeley; Los Angeles.

Stähelin F. 1921: Seleukos Nr. 2 // RE.II. A1, 1208–1234.

Tarn W.W. 1901: Patrocles and the Oxo-Caspian Trade Route // JHS. 21, 10–29.

Tarn W.W. 1940: Two Notes on Seleucid History // JHS. 60, 84–94.

Tarn W.W. 1951: The Greeks in Bactria and India. Cambridge.

Tomber R. 2004: Amphorae from the Red Sea and Their Contribution to the Interpretation of Late Roman Trade beyond the Empire // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean / J. Eiring, J. Lund (eds.). Aarhus, 393–402.

Tsetskhladze G.R. 1990: Organization of Ceramic Production in Colchis during the Hellenistic Period // Eirene.XXVII, 93–102.

Tsetskhladze G.R. 1990a: Zu den kolchischen Sklaven in der griechischen Welt // Klio.72.1, 151–159.

Tsetskhladze G.R. 1992: Kolchis im System des antiken Handels // MBAH.XI.1, 80–107.

Tsetskhladze G.R. 1994: Colchians, Greeks and Achaemenids in the 7th–5th Centuries BC.: a Critical Look // Klio.76.1., 91–95.

Tsetskhladze G.R. 1994a: Archaeological investigation in Georgia in the last ten years and some preblems of the ancient history of the eastern Black Sea region // REA. 96, 385–414.

Tsetskhladze G.R. 1994b: Greek Colonization of the Eastern Black Sea Littoral (Colchis) // DHA.20.1, 127–145.

Tsetskhladze G.R. 1994c: Greek Penetration of the Black Sea // The Archaeology of Greek Colonisation / G. R. Tsetskhladze, F. De Angelis (eds.). Oxford, 111–136.

Tsetskhladze G.R. 1995: Did the Greeks Go to Colchis for Metals? // OJA.14.3, 307–310.

Tsetskhladze G.R. 1998: Trade on the Black Sea in the Archaic and Classical Periods: Some Observations // Trade, Traders and the City / C. Smith, H. Parkins (eds.). London; New York, 54–74.

Tsetskhladze G.R. 1998: Greek Colonization of the Black Sea Area: Stages, Models, and Native Population // The Greek Colonization of the Black Sea / G. R. Tsetskhladze (ed.). Stuttgart, 9–68.

Tsetskhladze G.R., Treister M. 1995: The Metallurgy and Production of Precious Metals in Colchis Before and After the Arrival of the Ionians // The Bulletin of the Metall Museum. 24.2, 1–32.

Tsvetsinskaya E.A., Vainberg B.I., V. Glushko E.V. 2002: An integrated assessment of landscape evolution, long-term climate variability, and land use in the Amudarya Prisarykamysh delta // Journal of Arid Environments.51, 363–381.

Tzochev C. 2010: Between the Black Sea and the Aegean: the diffusion of Greek Trade Amphorae in Southern Thrace // PATABS. I, 97–101.

Vassileva M. 1998: Greek Ideas of the North and the East // The Greek Colonization of the Black Sea Tsetskhladze G.R. (ed.) Stuttgart, 69–84.

Vinogradov J.G. 1996: The inscribed bronze from Vani // Pontische Studien / H. Heinen (hrsg.). Mainz, 577–601.

Winfield D. 1977: The Northern Routes across Anatolia // AS. 27, 151–166.

Wirth G. 1984: Pompeius im Osten // Klio.66, 574–580.

Wheeler R.E.M. 1954: Rome beyond the imperial frontiers. London.

TRADE ROUTES IN EASTERN BLACK SEA REGION DURING THE HELLENISTIC PERIOD OR A HISTORICAL MYTH

I. V. Yefremov

The article deals with trade routes from Transcaucasia to India. The analysis of Strabo and Pliny leads the author to the conclusion that the idea of the trade route had never been translated into reality. The changing political situation in the region brought forth the idea of the trade route when the latter came into the view of “world powers”. Its implementation was blocked

by insufficient knowledge of geography, ethnic and socio-political problems. Written sources and archaeological data make it possible to state that the Silk Road was used to deliver Oriental goods that later were shipped to Transcaucasia via Armenia. At the same time, they used the northern route from Media via Derbent Gates to the North and back. Transcaucasia had never been foremost in the trade between West and Orient though partially it played the role of a transient point.

Key words: Transcaucasia, the Caspian Sea, Colchis, Pliny, Strabo, trade

---

© 2012

В. А. Каретникова

ПОДГОТОВКА К СОИСКАНИЮ МАГИСТРАТСКИХ ДОЛЖНОСТЕЙ В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ III–I вв. до н.э.: АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО КАНДИДАТА*

В статье выявляются личностные черты будущего претендента на магистратскую должность, которые помогали ему завоевать популярность и голоса на выборах. Хотя знатность кандидата вносила существенный вклад в его победу на выборах, роль, которую каждый гражданин играл в государстве, в значительной степени зависела от него самого. Отчасти это было обусловлено существованием высокой конкуренции среди представителей знатных родов, стремившихся к магистратурам. Кроме того, множество homines novi старались завоевать известность и отстоять своё право занимать высокое положение в государстве. Увеличить шансы на успех в электоральных комициях могли военные подвиги, совершённые претендентом на должность, а также слава блестящего оратора. Щедрость со стороны каждого человека, стремившегося к магистратурам, считалась залогом победы на выборах. Хорошие шансы обеспечить в будущем поддержку римских граждан имел человек, добившийся эдилитета и с блеском исполнивший свои должностные обязанности. Кандидату необходимо было проявлять приветливость и доброжелательность по отношению к избирателям.

Ключевые слова: Рим, магистратура, выборы

Служение государству на посту магистрата было почётной обязанностью римского гражданина и составляло основу его социального статуса[1]. По замечанию Ю.Б. Циркина, *honos* (честь) как награда за такую службу являлась одной из ключевых ценностей римского общества[2]. Римский гражданин, стремившийся занять одну из магистратур, шёл к этой цели на протяжении всей своей жизни,

---

Каретникова Вера Александровна — кандидат исторических наук, документовед Научно-образовательного Центра антиковедения ЯрГУ. E–mail: karetnikova_va@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках Госконтракта 16.740.11.0104 на выполнение научно-исследовательских работ по теме «Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование»; при поддержке РФФИ, грант 10–06–00140-а «Системный анализ античной государственности на основе информационных подходов и создания проблемно-ориентированных баз данных».

[1] Кнабе 1988, 145.

[2] Циркин 2006, 38.

не ограничиваясь относительно кратким периодом проведения предвыборной кампании. Чтобы повысить вероятность избрания на должность, человек должен был в первую очередь завоевать популярность, а значит, добиться уважения подавляющего большинства людей. Для этого необходимо было с детства развивать в себе различные добродетели, позитивно воспринимаемые обществом.

Вместе с тем, как справедливо отметил Б. Манен, в ситуации выбора избирателям нужно по меньшей мере одно основание, чтобы предпочесть одного кандидата другому. При этом граждане более склонны голосовать за человека, для которого является характерным то качество, которым другие претенденты не обладают или обладают в меньшей степени[3]. Подобный порядок выбора руководителей, по мнению древних, был предусмотрен самой природой — вождями племён с древности становились люди, превосходившие других телесной силой и душевной отвагой (Polyb. VI. 5. 7–9; Lucr. V. 1105–1112). Позже стали цениться и другие способности, как врождённые, так и приобретённые.

На протяжении длительного времени зарубежные и отечественные исследователи принимали за аксиому тезис, что основания успеха соискателя магистратской должности закладывались задолго до проведения выборов, а их исход был, за редким исключением, предсказуемым. Как сторонники, так и противники теории Маттиаса Гельцера, считали знатность (*nobilitas*) одним из важнейших факторов успеха на выборах[4]. Предполагалось, что члены правящей элиты полностью контролировали электоральные комиции, за счёт чего конкуренция была сведена к минимуму[5].

Действительно, не следует отрицать тот факт, что в Римской республике III–I вв. до н.э. существовал круг влиятельных семей, представители которых издавна отправляли высшие магистратуры, в том числе консулат. Можно согласиться также с мнением, что те избиратели, которые не знали лично ни одного из кандидатов, были склонны голосовать за обладателя знакомого им родового имени[6]. Однако для того, чтобы надёжно обеспечить избрание соискателя на ту или иную должность, одной знатности едва ли было достаточно[7]. Несмотря на то, что римский гражданин в целом признавал коллективное право правящей элиты на признание и почести, у него было достаточно внутренней, психологической, свободы, чтобы сделать свой выбор, принимая во внимание личные качества отдельных претендентов на магистратуру[8].

Поэтому необходимо выделить такие личностные черты и обстоятельства жизни, которые, во-первых, могли принести их обладателю известность, а, во-вторых, положительно воспринимались электоратом. При этом важно помнить, что каждое из них могло принести успех на выборах только в том случае, если, во-первых, избиратели решали, что человек именно с такими данными в этот период времени принесёт государству наибольшую пользу на этом посту, а во-вторых, другие кандидаты были наделены этими талантами и качествами в меньшей сте-

[3] Манен 2008, 174–178.

[4] Millar 1984, 10, 13; Трухина 1986, 35–36; Gruen 1991, 251–252; Lintott 1999, 164, 169; Yakobson 1999, 232; Strolle 1999, 12; Mouritsen 2001, 102, 109; May 2002, 7.

[5] Gelzer 1983; Shackleton Bailey 1986, 255–260; Burckhardt 1990, 77–99; Егоров 2008, 45–55.

[6] Gruen 1991, 261; Mouritsen 2001, 102.

[7] Каретникова 2011, 3–10.

[8] Yakobson 2010, 289. Ср. Mouritsen 2001, 97, 100.

пени. Таким образом, решается одна из задач исторической антропологии — изучаются представления об окружающем мире и обществе, которые были свойственны римским гражданам, принадлежавшим к разным социальным группам.

Воинская доблесть (*virtus*) всегда ценилась в Риме очень высоко[9]. В.Н. Токмаков подчёркивал, что воинская служба превращала римлянина в гражданина и рассматривалась как неотъемлемое качество доблести[10]. Поэтому военные заслуги кандидата в период классической и поздней Республики являлись одним из важнейших условий избрания на высшие магистратские должности (Liv. XXXIX. 40. 5).

В описании античной традиции консул 277 г. до н.э. Публий Корнелий Руфин был прекрасным, опытным военачальником, однако человеком алчным и вороватым; тем не менее, Гай Фабриций, консул предыдущего года и руководитель выборов, человек, отнюдь ему не симпатизировавший, способствовал его избранию. При этом он утверждал, что предпочтёт быть ограбленным своим соотечественником, чем чужеземцем (Cic. Orat. II. 268; Gell. IV. 8. 2–4). Когда подвиги Марка Клавдия Марцелла на войне стали известны народу, его избрали курульным эдилом (Plut. Marc. 2). Консула 218 г. граждане сделали выбор в пользу кандидатуры Публия Сципиона, поскольку полагали, что он способен победить Ганнибала (Liv. XXI. 39. 8; XXVIII. 38. 9). Квинт Фабий Максим перед выборами посоветовал избирателям вспомнить о том, что тем кандидатам в преторы и консулы, за которых они проголосуют, предстоит отправлять на смерть римских юношей (Liv. XXIV. 8. 19). Марка Валерия выбрали в консулы потому, что нужен был новый военачальник в войне с карфагенянами (Liv. XXVI. 22. 12). Луция Эмилия Павла выбрали в консулы, чтобы он добился завершения Македонской войны (Liv. XLV. 39. 8; App. Pun. 17), а его сына Сципиона Эмилиана — чтобы тот одержал окончательную победу над нумантинцами (App. Hiber. 84). Аргумент Тита Квинкция Фламинина, что без помощи брата он не одержал бы победы, помог последнему получить эту магистратуру (Liv. XXXV. 10. 8). Вероятно, к тем же доводам прибегал и сам Сципион Старший. В 190 г. до н.э. его друг Лелий и родственник Луций были избраны консулами для того, чтобы завершить войну с Антиохом (Liv. XXXVI. 45. 9).

Во времена Цицерона люди с выдающимися военными заслугами продолжали пользоваться большим уважением (Cic. Mur. 24, 30, 38). В частности, на поле брани родилось величие Помпея (Plut. Pomp. 23; App. B.C. I. 80). Ф. Марш отмечал, что политическое влияние последнего было во многом основано на популярности среди представителей тех классов, из которых набирались добровольцы в легионы[11]. Авл Габиний, консул 58 г. до н.э., также, по всей вероятности, был талантливым полководцем[12].

Воинскими подвигами мог быть достигнут первый благоприятный отзыв о молодом человеке на его пути к славе (Cic. Off. II. 45). Так, Гай Марий благодаря своим способностям стал военным трибуном[13]. Увеличить шансы на успех могли

[9] Кнабе 1988, 144; Mackie 1992, 53–54; Егоров 2008, 48.
[10] Токмаков 2007, 174.
[11] Marsh 1927, 33.
[12] См. подробнее: Badian 1959, 89.
[13] Sall. Iug. 63. 4: faciem eius ignorantibus facile notus per omnis tribus declaratur.

военные подвиги кандидата, совершённые им во время отправления предыдущих должностей. Выдающиеся военные способности помогали получать консулат так называемым «новым людям» и даже тем гражданам, которые в мирное время пользовались дурной славой.

Этому можно найти, по меньшей мере, три объяснения. Во-первых, в период военных действий Республика нуждалась в людях, которые защищали бы её перед лицом внешнего врага. Во-вторых, выдающиеся подвиги человека вызывали всеобщее уважение и заслуживали награды, каковая выражалась в предоставлении должностей ему самому, а также его родственникам и близким друзьям. В-третьих, полководец, завоевавший популярность своих солдат, на выборах располагал их голосами. Нельзя недооценивать и тот факт, что победоносный полководец имел возможность из своих средств финансировать проведение общественных игр и таким образом завоёвывать популярность[14].

Мы разделяем точку зрения Х. Мауритсена, который считает, что эта популярность выдающихся военачальников весьма способствовала их политической карьере[15]. Голоса солдат имели важное значение на выборах III–I вв. до н.э. (Cic. Mur. 38; Att. IV. 1б. 6), причём не только прямое, но и косвенное — путём формирования общественного мнения. Слухи о своевременных и эффективных действиях Сципиона Эмилиана под Карфагеном способствовали его первому избранию в консулы, хотя в то время он ещё не занимал никаких магистратур и не был прославлен своими блестящими победами. Они проникали в Рим благодаря письмам легионеров к своим близким (App. Pun. 112); возможно, некоторые из них сами отправлялись в город, чтобы оказать содействие своим военачальникам.

Добиться поддержки армии можно было разными способами. Одни полководцы заискивали перед своими воинами, раздавали обещания, всячески льстили им и распределяли между ними часть военной добычи (Plut. Sull. 12). К числу таких людей относились Спурий Карвилий (Liv. X. 46. 15), Сципион Старший (Plut. Cat. Mai. 3), Публий Клодий (Plut. Luc. 34). Другие, напротив, добивались дисциплины и почтительного отношения к себе суровостью и строгостью — подобным образом действовали Луций Папирий Курсор (Liv. X. 46. 5–6), Луций Эмилий Павел (Plut. Aem. 3, 31), Луций Лициний Лукулл (Plut. Luc. 7, 34). Нужно отметить, что три последних военачальника сумели добиться от своих легионеров уважения, но не пользовались их любовью.

Представители третьей группы военачальников соединяли снисходительность к небольшим проступкам с жёсткими наказаниями за крупные: эту тактику избрал Гай Юлий Цезарь (Suet. Iul. 65, 67). Четвёртые предпочитали демонстрировать воздержанность в частной жизни, дружеское отношение, простоту обращения и делили с солдатами все их труды. Таким образом вели себя Гай Марий (Sall. Iug. 100. 5; Plut. Mar. 8), Луций Корнелий Сулла (Sall. Iug. 96. 2–4), Катон Младший (Plut. Cat. Min. 9), Марк Антоний (Plut. Ant. 4; Brut. 18). Последний метод, по всей вероятности, был наиболее эффективным (ср. также Amm. Marc. XVII. 1. 2).

По мнению С. Стэвли, сама электоральная активность центурий могли быть обусловлена преданностью солдат (или ветеранов) своим военачальникам[16]. Дей-

[14] Strolle 1999, 22–23.
[15] Mouritsen 2001, 101.
[16] Staveley 1972, 134.

ствительно, у Плутарха мы читаем, что ветераны Суллы приходили на выборы, чтобы поддержать Катилину, бывшего сторонника своего предводителя (Plut. Cic. 14). Длительное же командование войсками увеличивало власть отдельных полководцев — они, как пишет Э. Линтотт, фактически монополизировали навык управления крупными военными силами[17], и их избирали на должности снова и снова. А.В. Махлаюк отметил, что «особые отношения армии с военными лидерами позднереспубликанского времени сыграли исключительно важную роль в процессе перехода к принципату»[18].

Для римского политика чрезвычайно важным было наличие такого качества, как **красноречие**. В латинских источниках чаще всего встречается термин eloquentia, реже употребляется facundia. Греческие авторы (Плутарх, Аппиан), характеризуя человека как хорошего оратора, нередко использовали выражение ὁ δεινὸς εἰπεῖν.

Ливий писал, что красноречие вполне могло вознести человека на вершину почестей (Liv. XXXIX. 40. 5). Уважение к ораторскому слову в Риме было древним и традиционным — согласно утверждению М.Л. Гаспарова, в мирное время римлянин служил отечеству в первую очередь произнесением речей в сенате и народном собрании[19]. По мнению ряда авторов, оратор, умевший убедить толпу, был ключевой фигурой в римской политике[20]. Р. Морстейн-Маркс отметил, что римская политическая культура была преимущественно устной, поэтому умение грамотно излагать свои аргументы было необходимым[21]. Путь к должностям открывался для каждого, кто владел искусством произнесения речей[22], и соответствующие навыки вырабатывались с юности. Прилежание и трудолюбие, даже при отсутствии выдающегося таланта, часто приносили успех кандидатам.

Так, по утверждению Цицерона, Гай Фламиний имел большое влияние на народ именно благодаря красноречию (Cic. Brut. 57). Лициний, консул 205 г. до н.э., имел славу в высшей степени искусного оратора (*facundissimus habebatur*) и обладал даром убеждать и разубеждать слушателей (Liv. XXX. 1. 5). Последнее качество можно считать чрезвычайно важным, поскольку своим соперникам и их обвинениям надо было уметь противостоять. В этом смысле весьма показателен один случай, когда плебейский трибун Гай Публиций обвинил Марцелла в неумении вести войну, и плебс уже готов был к нему прислушаться, однако Марцеллу с помощью искусно произнесенной речи удалось не только опровергнуть эти обвинения, но и убедить народ избрать его консулом на следующий год (Liv. XXVII. 21. 2–5).

Квинт Фульвий Флакк, который в 185 г. до н.э. добивался претуры вопреки закону, склонил народ на свою сторону, создав у всех впечатление успеха: в искусно составленной речи он заранее поблагодарил плебеев за то, что они хотят сделать его претором. Эта речь принесла ему такую популярность, что, по мнению Ливия, народ обязательно сделал бы его претором, если бы консул, председатель-

[17] Lintott 1999, 195.
[18] Махлаюк 2005, 37.
[19] Гаспаров 1972, 15.
[20] Смышляев, Одегова 2006, 66, 73–74; Бобровникова 2001, 143; 2006, 22–23.
[21] Morstein-Marx 2009, 109.
[22] Моммзен 2005, 57.

ствовавший на выборах, не отказался внести имя Фульвия Флакка в кандидатские списки[23]. В итоге от доизбрания претора отказались вообще. Тиберий Гракх, по утверждению Флора, добился первенства в том числе благодаря искусству красноречия (Flor. III. 14).

Потенциальный претендент на должность, если он был красноречив, мог привлечь к себе внимание народа, выступая в судебных процессах[24]. Такое начало карьеры было характерно для многих выдающихся политических деятелей. Т. Моммзен назвал Катона Старшего, сделавшего успешную карьеру, самым влиятельным адвокатом и политическим оратором своего времени[25]. Опубликовав речи против Верреса, Цицерон заложил фундамент своей широкой известности — эти выступления должны были оставить в памяти народа более глубокий след, чем игры, строительные проекты и празднества, которыми он обязан был заниматься, став эдилом[26].

Талантливый оратор в течение всей жизни имел возможность принести пользу многим гражданам, отстаивая их интересы. Таким образом он расширял круг своих личных связей, а также завоёвывал репутацию грамотного и услужливого человека. Одни питали к нему благодарность, другие надеялись на защиту, третьи испытывали страх перед обвинением и судебным преследованием (Comm. Pet. 55). Катон Цензор приобретал выступлениями в суде почитателей и друзей (Plut. Cato Mai. 3). Защищая сограждан в судах, считает Ф. Миллар, можно было заручиться их поддержкой в грядущем соискании, тем более что *lex Cincia*, принятый в 204 г. до н.э., сделал незаконными более конкретные выражения благодарности[27].

Двухкратный консул Сципион Назика, Луций Лентул, Квинт Нобилиор, Тит Анний Луск, Луций Эмилий Павел, Тиберий Гракх, сын Публия — все эти консулы отличались красноречием (Cic. Brut. 79–80). Речь же Квинта Элия Туберона была грубой и суровой — именно поэтому, с точки зрения Цицерона, карьера этого человека не была такой успешной, как этого можно было бы ожидать (Cic. Brut. 117). По утверждению Валерия Максима, Марк Лоллий Паликан, достаточно красноречивый человек, одержал бы победу на консульских выборах, если бы председательствовавший магистрат согласился поставить его кандидатуру на голосование (Val. Max. III. 8. 3).

В I в. до н.э., когда предвыборная борьба была чрезвычайно острой, красноречие стало одним из наиболее ценных качеств политического деятеля. По замечанию А.В. Махлаюка, идеал государственного деятеля, умевшего и грамотно руководить и войсками, и настроением народных масс, всё больше становился достоянием прошлого[28]. Теперь оратор должен был уметь при необходимости «обуздать бешенство трибунов, возбуждение в народе успокоить»[29]. При посред-

[23] Liv. XXXIX. 39. 12: haec vero tam obstinata vox tantum ei favorem accendit, ut haud dubius praetor esset, si consul accipere nomen vellet.

[24] Буассье 1993, 80; Бобровникова 2006, 22.

[25] Моммзен 2005, 636.

[26] Vasaly 2002, 91–92.

[27] Millar 1984, 12.

[28] Махлаюк 2004, 34.

[29] Cic. Mur. 24: comprimat tribunicios furores, concitatum populum flectat. Пер. В.О. Горенштейна. Ср. Cic. Orat. I. 30. II. 35.

ничестве таких людей организовывались публичные примирения враждующих группировок[30]. Марк Красс упражнялся в ораторском искусстве, стремясь таким образом завоевать известность у народа (Plut. Crass. 3); у нас есть сведения о красноречии Цезаря (Plut. Caes. 4; App. B.C. II. 1), а наиболее яркий пример оратора-политика (причём «нового человека») являл собой Цицерон (App. B.C. II. 2). Его талант оратора, как справедливо отметил Д. Бэрри, во многом способствовал его блестящей карьере[31]. Красноречие, писал Квинт Цицерон, всегда доставляло величайший почет, ибо тот, кого признают достойным быть защитником консуляров, не может считаться недостойным консульства (Comm. Pet. 2).

Сам Марк Туллий Цицерон говорил, что речь по какому-либо вопросу часто приносит хорошему оратору славу, так как граждане полагают, что он понимает суть дела и разбирается в нём лучше, чем другие[32]. Красноречивый человек мог управлять толпой, подчинять себе её волю, регулируя тембр, громкость и силу своего голоса, вызывая слёзы радости или сочувствия на глазах своих слушателей и заставляя их руководствоваться в принятии решений не разумом, а душевными порывами. С другой стороны, важным было умение угодить плебеям, в некоторых случаях отказавшись от высказывания собственных взглядов, которые могли им не понравиться.

Искусно произнесённая речь производила большое впечатление на тех людей, которые приезжали на выборы из сельской местности и не были избалованы красотой и пышностью слога публичных выступлений; часто они были уже наслышаны о славе того или иного оратора, а увидев его, могли на этом основании предпочесть его кандидатуру всем остальным. Любопытно, что среди выдающихся ораторов, которых перечисляет Веллей Патеркул, практически все были консулами (Vell. Pat. II. IX. 9). Всё же Г. Буассье не склонен был переоценивать влияние красноречия на принятие решений во времена Цицерона — этот автор полагает, что оно служило лишь инструментом навязывания толпе точки зрения, выработанной элитой[33]. Так или иначе, мы можем говорить о том, что умение кандидата произносить речи, без сомнения, могло помочь ему завоевать расположение избирателей.

Щедрость (лат. *benignitas*, *largitio,* греч. ἡ ἀφειδία) со стороны каждого человека, стремившегося к магистратурам, считалась залогом успеха на выборах (Comm. Pet. 41, 55; Cic. Off. II. 63). Именно поэтому, по мнению ряда историков, должности доставались, в первую очередь, состоятельным гражданам[34]. Да и саму политическую карьеру мог себе позволить только богатый человек[35]. Это утверждение особенно справедливо для I в. до н.э. Чаще всего античные авторы повествуют именно о материальной щедрости соискателей должностей.

Так, добивавшийся цензуры Маний Ацилий Глабрион, несмотря на то, что его значительная военная слава и без того привлекала внимание избирателей, раз-

[30] Cape 2002, 114, 124.

[31] Berry 2003, 235.

[32] Cic. Off. II. 48: quae autem in multitudine cum contentione habetur oratio, ea saepe universam excitat [gloriam]; magna est enim admiratio copiose sapienterque dicentis; quem qui audiunt, intellegere etiam et sapere plus quam ceteros arbitrantur.

[33] Буассье 1993, 84–85.

[34] Моммзен 2005, 618, 633; Квашнин 2004, 7; Mouritsen 2001, 93, 97; Ward 2004, 113.

[35] Brunt 1982, 16; Millar 1984, 11.

дал много подарков и тем обеспечил себе поддержку значительной части горожан (Liv. XXXVII. 57. 11). С другой стороны, достаточно знатному Квинту Туберону, внуку Луция Эмилия Павла, было отказано в претуре, поскольку он организовал слишком скромные поминки своему дяде, Сципиону Младшему (Cic. Mur. 75–76).

Щедростью желали завоевать расположение не только тех людей, по отношению к которым её проявляли, но также их друзей и родственников. Состоятельный человек, безусловно, имел больше возможностей оказывать разного рода благодеяния (Cic. Fin. II. 84). Однако античные авторы указывают, что, во-первых, истинная щедрость должна быть бескорыстной, как и в случае с услугами, создавая только лишь благоприятную для человека репутацию, а во-вторых, она не должна быть основана на несчастьях других людей[36] (Comm. Pet. 44; Cic. Leg. I. 48; Off. I. 42; II. 85; Gell. XVII. 5. 11). При этом щедрым мог считаться только тот, кто при этом был и доброжелателен, поскольку в таком случае всякий дар приписывался доброте, а не воспринимался как подачка (Sall. Iug. 103. 6).

Щедрость предполагала не только прямые раздачи. Кандидату необходимо было и в частной жизни демонстрировать своё богатство (изысканный образ жизни, великолепный дом с прекрасным убранством), но не чересчур, чтобы не вызвать зависти (Cic. Off. I. 25). Ещё больше ценилась пышность в общественных делах (Cic. Mur. 76). Традиционной была организация публичных обедов, сначала в дни государственных праздников, а также поминок выдающихся людей, потом и в обычные дни. На такие пиры могли приглашаться должностные лица, влиятельные сенаторы, члены трибы, в которой голосовал сам кандидат, а также простые граждане (Cic. Verr. IV. 44; Plut. Crass. 3, 12).

Щедрость будущего соискателя, считает А. Якобсон, обеспечивала ему поддержку в первую очередь городского плебса[37]. Марк Цицерон в речи, произнесённой в защиту Тита Анния Милона, открыто признал, что последний истратил три своих наследственных состояния, чтобы ублажить плебс (Cic. Mil. 95). Вероятно, именно поэтому Милону удалось заручиться поддержкой простолюдинов (Cic. Fam. II. 6. 3; Q. fr. III. 1. 13; Asc. Mil. 3). Этот человек пользовался любым случаем, позволявшим ему организовать игры и завоевать ещё б***о***льшую популярность[38]. Х. Мауритсен отрицает направленность таких даров на *plebs urbana* в целом. С его точки зрения, масштабы пиров, игр и раздач были гораздо более скромными: они были «тщательнейшим образом адресованы конкретным группам и трибам», возможно, членам влиятельных сельских триб, но отнюдь не городских[39]. Однако в источниках нет данных, которые свидетельствовали бы о том, что кандидаты стремились сократить свои расходы подобным образом.

Очень важным для политической карьеры человека считалось отправление должности эдила. В обязанности этих магистратов входила забота о снабжении Рима продовольствием и проведение торжественных игр[40]. В некоторых случаях последние могли быть повторены несколько раз (Liv. XXIII. 30. 17; XXXI. 50. 3;

---

[36] Кандидат мог проявлять щедрость по отношению к потенциальным избирателям за счёт чужих состояний, тратя взятые взаймы деньги, либо обманом лишая других наследства.

[37] Yakobson 1992, 35.

[38] Lintott 1974, 66.

[39] Mouritsen 2001, 111.

[40] Подробно о деятельности эдилов см.: Телин 2011.

XXXIII. 42. 9). Эдилы также могли организовывать раздачи дешёвого или даже бесплатного (за свой счёт) зерна гражданам. В период классической Республики эдилы (не только курульные, но и плебейские) часто становились преторами (Liv. XXVIII. 10. 3; 38. 11; XXX. 26. 11; XXXI. 4. 4; 49. 11; XXXII. 7. 13; 27. 6; XXXIII. 24. 2). О некоторых из них известно, что они заслужили благодарность народа именно распределением хлеба (Liv. XXX. 40. 5; 49. 11; XXXIV. 54. 2). Секст Элий Пет через год после такой раздачи даже был избран консулом (Liv. XXXII. 7. 12).

От состоятельных граждан требовали особенно блистательного эдилитета[41]. Публий Красс Богатый, Луций Красс, Гай Клавдий, оратор Гортензий, Публий Лентул, Марк Скавр, Лукуллы во время отправления этой магистратуры устраивали великолепные игры (Cic. Off. II. 55, 63). При этом каждый из них старался превзойти своих предшественников богатством устраиваемых зрелищ. В I в. до н.э. эдилы стремились перещеголять друг друга в отделке сцены. Валерий Максим сообщает, что Клавдий Пульхр раскрасил её в разные цвета, Публий Лентул Спинтер украсил серебряным орнаментом, Квинт Катул отделал слоновой костью, Гай Антоний серебром, Петрей — золотом, Лукуллы сделали её поворачивающейся (Val. Max. II. 4. 6).

Опасения, что игры Антония понравились народу больше, чем его собственные, не давали покоя Цицерону, хотя сам он организовывал их трижды (Cic. Mur. 40), а Марк Целий Руф в своём письме великому оратору писал, что ему не хотелось бы добиваться эдилитета, имея соперником более состоятельного человека (Cic. Fam. VIII. 3. 1). Цицерон отмечал, что в его время народ уже невозможно удовлетворить обычными способами устройства игр — необходимо удивлять их изысканностью (Cic. Orat. III. 92). Т. Моммзен назвал организацию пышных представлений обязательным условием избрания в консулы[42].

Эдилитет доставлял много тревог и труда не только тем, кто был избран на эту должность, но и их друзьям, которые помогали им деньгами и заботились о покупке животных и декораций (Cic. Att. V. 21. 5; VI. 1. 21; Fam. II. 11. 2; VIII. 2. 2; 3. 1; 4. 5; 9. 3; 8. 10; 6. 5; Verr. IV. 6; V. 37; Plut. Cic. 36). Однако если человек пытался уклониться от этой магистратуры, то он навлекал на себя подозрения в скупости и в последующих должностях ему могло быть отказано (Cic. Off. II. 58; ср. Plut. Sull. 5). Зато тем, чьи игры особенно понравились народу, впоследствии гораздо легче было получить претуру и даже консулат (Cic. Att. IV. 1б. 6). Поэтому А. Якобсон считает расходы, которые были вынуждены нести эти должностные лица, долговременными вложениями, предпринимавшимися с целью облегчить путь к высшим магистратурам[43].

Таким образом, для того чтобы претендовать на должность эдила (а значит, и на следующие), нужно было располагать значительным состоянием. Поэтому Моммзен указывал, что несостоятельные граждане фактически были лишены пассивного избирательного права[44]. Немало людей брало на себя непосильные долговые обязательства и даже разорялось, пытаясь завоевать сторонников своей щедростью. Не случайно Цицерон, утешая проигравшего выборы кандидата

[41] Cic. Off. II. 57: ut splendor aedilitatum ab optimis viris postuletur.
[42] Моммзен 2005, 57.
[43] Yakobson 1999, 37.
[44] Моммзен 2005, 190.

в эдилы, назвал этот отказ милостью плебса, которая избавляет его от больших расходов (Cic. Planc. 52).

Общественные игры могли организовывать не только эдилы, но и преторы, и, конечно, сами претенденты на эти и другие должности. Введённый в 63 г. до н.э. запрет на устройство игр в течение двух лет, предшествовавших соисканию должности (Cic. Sest. 133), свидетельствует о том, что граждане были склонны голосовать за того кандидата, игры которого им понравились больше всех остальных. Иногда играми и раздачами продовольствия сопровождались похороны родственников или близких друзей, предоставлявшие будущему политику дополнительную возможность продемонстрировать свою щедрость. Ещё одним способом привлечения голосов на выборах, как пишет Ф. Миллар, можно считать игры, которые проводились в связи с триумфами полководцев[45]: так, в рамках празднования побед Луция Фульвия Нобилиора в Этолии, в 186 г. до н.э. в Риме прошли первые атлетические состязания (Liv. XXXIX. 5. 7–10; 22. 1).

Начиная со II в. до н.э., когда армия постепенно становится профессиональной, распространяется щедрость полководцев по отношению к солдатам и ветеранам (Plut. Sull. 21; Pomp. 51). Неимущие солдаты надеялись, что военачальник обеспечит их землёй и/или деньгами, последний же, в свою очередь, гарантировал себе поддержку с их стороны; таким образом, создавалась опасная взаимозависимость. А. Якобсон справедливо отметил, что это сыграло далеко не последнюю роль в падении Римской республики[46].

По мнению Х. Мауритсена, все магистраты должны были принадлежать к слою очень богатых людей: только они имели возможность безвозмездно служить государству, а значит, выборы сводились к отдаче предпочтения тому или иному нобилю[47]. Однако не следует забывать о том, что богатыми людьми могли быть не только члены нобилитета. Так или иначе, игры и зрелища могли существенно повысить шансы кандидата на высшую должность[48]. Наиболее расточительные претенденты на должности рисковали быть обвинёнными в подкупе избирателей, следовательно, они уверены были в важности привлечения голосов именно таким образом. Саллюстий даже выдвинул предложение вообще уничтожить деньги, чтобы предотвратить проявления чрезмерной щедрости (Sall. Ad Caes. II. 7).

Важным качеством кандидата была обходительность. Античные авторы, описывая поведение соискателей магистратских должностей в ходе избирательных кампаний III–I вв. до н.э., часто использовали такие понятия, как *assiduitas*, *blanditia, officium* (в значениях «внимательность, вкрадчивость, услужливость, предупредительность»). Учтивость в обращении с собеседником (*urbanitas*) философы-стоики относили к числу добродетелей (Cic. Fam. III. 7. 5). Среди других черт, присущих обходительному человеку, следует отметить доброжелательность, которую Буассье считал врождённым качеством Марка Туллия Цицерона[49]. Сам оратор утверждал, что приветливость помогает поддерживать дух доброжелательности в общении с другими людьми (Cic. Planc. 22).

[45] Millar 1984, 11.
[46] Yakobson 1999, 231.
[47] Mouritsen 2001, 93–94.
[48] Yakobson 1992, 39.
[49] Буассье 1993, 60.

Нужно было проявлять по отношению к избирателям не только приветливость, но и дружелюбие, добиваясь их расположения. Очевидно, это было особенно трудно для тех, кто прославился военными подвигами и привык к беспрекословному повиновению солдат. Однако даже они, приезжая в Рим, как правило, вынуждены были поступать наперекор своему обыкновению (см., например Cic. Fam. III. 9. 1).

Известно, что ласковым в обращении такой видный политический деятель, как Сципион Старший (Polyb. X. 4. 1–3, 5. 1–9). Плутарх отметил, что народу нравились обходительность (ἡ δεξίωσις) Марка Лициния Красса, который всегда был очень внимателен к тем, кто к нему обращался (Plut. Crass. 3, 5, 7). Цезарю, по мнению того же автора, удалось добиться блестящих успехов в том числе благодаря своей вежливости и ласковой обходительности (Plut. Caes. 4; Suet. Iul. 26). Приветливым обращением отличался и Помпей (Plut. Pomp. 1; App. B.C. II. 17).

Для облегчения доступа к себе будущие соискатели порой переезжали в центральные части города (Cic. Cael. 18; Plut. Mar. 32; Cic. 8; Pomp. 66). Ц. Яветс указал, что некоторые аристократы, собиравшиеся добиваться общественных должностей, переселялись в бедные кварталы, стремясь таким образом завоевать симпатии малообеспеченных граждан[50]. Обычно кандидатов посещало довольно много людей (Cic. Att. VI. 2. 5, 10), причём не только затем, чтобы выразить уважение или попросить помощи, но и для того, чтобы понаблюдать, как данный человек обращается с просителями. Квинт Цицерон писал брату, что внимательность по отношению к людям, являющимся с приветствиями по утрам, способствует формированию репутации обходительного человека и привлекает многих, расширяя круг возможных клиентов (Comm. Pet. 35, 49). Молва о доступности и обходительности человека была чрезвычайно полезной для его карьеры.

Важно было всегда быть на виду у народа (Polyb. XII. 27. 1; Cic. De Orat. II. 365; Att. IV. 2. 6; Fam. II. 2. 2; Sall. Hist. fr. 47. 4). Уехавшего из города будущего претендента на должность толпа легко забывала, а значит, по возвращении ему приходилось прилагать ещё больше усилий, чтобы вернуть её расположение. Подвиги, совершённые человеком за время его отсутствия, могли казаться таковыми только ему самому (за исключением побед в крупных сражениях), а народ в Риме ничего о них не знал (Cic. Brut. 318; Planc. 64–65; Plut. Cic. 6).

Таким образом, несмотря на то, что принадлежность кандидата к аристократическому роду обеспечивала ему поддержку некоторой части избирателей, для победы на выборах этого было недостаточно. Соискатель должен был обладать и другими преимуществами перед своими соперниками.

Одним из важнейших условий избрания на высшие магистратские должности в период, главным образом, классической, но также и поздней Республики были военные подвиги кандидата, совершённые им во время отправления предыдущих должностей. Навыки произнесения речей имели большое значение при соискании должностей, поэтому соответствующие умения вырабатывались с юности. Прилежание и трудолюбие в этой области, даже при отсутствии выдающегося таланта, часто приносили успех кандидатам. Щедрость со стороны каждого человека, стремившегося к магистратурам, вносила весомый вклад в достижение им успеха

[50] Yavets 1958, 506.

в электоральных комициях и даже считалась залогом победы на выборах. Проявляя это качество, будущие кандидаты желали завоевать расположение не только тех людей, к которым она была обращена, но также их друзей и родственников. Римский кандидат должен был также выказывать приветливость и доброжелательность по отношению к избирателям, которая проявлялась, в первую очередь, в демонстрации готовности оказывать им услуги.

ЛИТЕРАТУРА

Бобровникова Т. А. 2001: Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. М.

Бобровникова Т. А. 2006: Цицерон: интеллигент в дни революции. М.

Буассье Г. 1993: Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времён Цезаря. СПб.

Гаспаров М. Л. 1972: Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 4–73.

Егоров А. Б. 2008: Римская аристократия, её состав и историческая роль: теоретические аспекты // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 1 (69), 45–55.

Каретникова В. А. 2011: Homines Novi: проблема доступа к консулату в I в. до н.э. // ПИФК 1, 3–10.

Квашнин В. А. 2004: Государственная и правовая деятельность Марка Порция Катона Старшего. Вологда.

Кнабе Г. С. 1988: Категория престижности в жизни Древнего Рима // Быт и история в античности / Г. С. Кнабе (отв. ред.). М., 143–169.

Манен Б. 2008: Принципы представительного правления. СПб.

Махлаюк А. В. 2004: Роль ораторского искусства полководца в идеологии и практике военного лидерства в древнем Риме // ВДИ. 1, 31–48.

Махлаюк А. В. 2005: Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимперском Риме // ВДИ. 3, 36–57.

Моммзен Т. 2005: История Рима. СПб.

Смышляев А. Л., *Одегова Е. А.* 2006: Проблема римской демократии в современной зарубежной историографии // Академический клуб. Исторические науки. Античная история и классическая археология / В.В. Дементьева (отв. ред.). М., 64–78.

Телин А. Е. 2001: Эдилитет и вигинтисексвират в Римской республике и раннем Принципате: функции низших магистратов: дисс… канд. ист. наук. Ярославль.

Токмаков В. Н. 2007: Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн. М.

Трухина Н. Н. 1986: Политика и политики «золотого века» римской Республики. М.

Циркин Ю. Б. 2006: Гражданские войны в Риме. Побеждённые. СПб.

Badian E. 1959: The Early Career of A. Gabinius (Cos. 58 B.C.) // Philologus. 103, 87–99.

Berry D. 2003: Equester Ordo Tuus Est: Did Cicero Win His Cases Because of His Support for the Equites? // CQ. 53, 222–234.

Brunt P. A. 1982: Nobilitas and Novitas // JRS. 72, 1–17.

Burckhardt L. 1990: The Political Elite of the Roman Republic: Comments on Recent Discussion of the Concepts Nobilitas and Homo Novus // Historia. 39, 77–99.

Cape R. W. 2002: Cicero's Consular Speeches // Brill's Companion to Cicero. Oratory and Rhetoric / J.M. May (ed.). Leiden.

Gelzer M. 1983: Die Nobilität der Römischen Republik. Stuttgart.

Gruen E. 1991: The Exercise of Power in the Roman Republic // City States in Classical Antiquity and Medieval Italy. Athens and Rome. Florence and Venice / A. Molho, K.A. Raaflaub, J. Emlen (eds.). Stuttgart, 251–267.

Lintott A. 1974: Cicero and Milo // JRS. 64, 62–78.

Lintott A. 1999: The Constitution of the Roman Republic. Oxford.

Mackie N. 1992: Popularis Ideology and Popular Politics at Rome // RhM. 135, 49–73.

Marsh F.B. 1927: The Policy of Clodius from 58 to 56 B.C. // CQ. 21, 30–36.

May J.M. 2002: Cicero: His Life and Career // Brill's Companion to Cicero. Oratory and Rhetoric / J.M. May (ed.). Leiden.

Millar F. 1984: The Political Character of the Classical Roman Republic, 200 — 151 B.C. // JRS. 74, 1–19.

Morstein-Marx R. 2009: Political History // A Companion to Ancient History / A. Erskine (ed.). Chichester, 99–111.

Mouritsen H. 2001: Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambridge.

Shackleton Bailey D.R. 1986: Nobilis and Novi Reconsidered // AJPh. 107, 255–260.

Staveley E.S. 1972: Greek and Roman Voting and Elections. London.

Strolle R. 1999: Ambitus et Invidia. Römische Politiker im Spannungsfeld zwischen persönlichem Ehrgeiz und Forderungen der Standesloyalität 200–133 v. Chr. Frankfurt am Main.

Vasaly A. 2002: Cicero's Early Speeches // Brill's Companion to Cicero. Oratory and Rhetoric / J.M. May (ed.). Leiden, 71–111.

Ward A. 2004: How Democratic Was the Roman Republic // New England Classical Journal. 31, 101–119.

Yakobson A. 1992: Petitio et Largitio: Popular Participation in the Centuriate Assembly of the Late Republic // JRS. 82, 32–53.

Yakobson A. 1999: Elections and Electioneering in Rome. A Study in the Political System of the Late Republic. Stuttgart.

Yakobson A. 2010: Traditional Political Culture and the People's Role in the Roman Republic // Historia. 59, 282–302.

Yavets Z. 1958: The Living Conditions of the Urban Plebs in Republican Rome // Latomus. 17, 500–518.

PREPARATION FOR MAGISTRACY IN THE ROMAN REPUBLIC OF THE 3rd — 1st CENTURIES BC: A CASE FOR A POTENTIAL CANDIDATE

V.A. Karetnikova

The article reveals personal features of a magistracy aspirant, which helped him to win popularity and the vote. Though the candidate's noble origin was essential for his electoral victory, to a large degree he depended on himself for the role he played in the state as a citizen. It stemmed partly from tough competition among representatives of nobility seeking magistrate's position. Besides, many homines novi tried to gain popularity and assert their rights for high position in the country. It is aspirant's feat of arms and brilliant orator's fame that could increase his chances at electoral comitias. Generosity won each aspirant half the battle in the elections. An edile who brilliantly perfumed his duties had good chances to ensure future support of Roman citizens. A candidate should treat his voters kindly and be affably.

Key words: Rome, magistrates, elaborations

© 2012

А. А. Павлов

РИМСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПЛЕБЕЙСКОГО ТРИБУНАТА: МАРК ВЕРРИЙ ФЛАКК

Статья посвящена анализу концепции института плебейских трибунов, представленной в труде «О значении слов» римского грамматика эпохи Августа М. Веррия Флакка. В отличие от предшественников (Цицерон, Варрон), он рассматривает трибунат как специфическую плебейскую магистратуру, специфичность которой базируется на сословном характере института, специфике его создания, неприкосновенном характере, связи с собраниями по трибам. Его концепция в ряде элементов созвучна идеям, реализованным в конструкции власти Августа.

Ключевые слова: плебейский трибунат, магистратура, Марк Веррий Флакк

В современной романистике и антиковедении существуют многообразные и противоречивые концепции римского института плебейских трибунов[1]. Различия в современных оценках трибуната во многом базируются на различиях герменевтического и политического свойства, имевших место уже у античных авторов. Поскольку юридические работы республиканского времени практически не сохранились, систематические воззрения на трибунат могут быть лучше всего восстановлены через посредство философской и антикварно-грамматической историографии. Среди авторов этих направлений свои концепции трибуната оставили нам, например, Цицерон[2] и Варрон[3].

Иная концепция трибуната представлена в глоссографическом сочинении «О значении слов» римского грамматика и антиквара эпохи Августа Веррия Флакка[4]. Хотя хронологически Флакка от Цицерона и Варрона отделял небольшой временной промежуток, качественно ситуация его времени была кардинально иной. Эпоха ожесточенного противостояния оптиматов и популяров, оказывавшего значительное влияние на оценки римского публично-правового порядка, ушла в прошлое. Не будучи участником политических баталий, не принадлежа к старой римской знати, Флакк мог более объективно подойти к оценке рассматриваемого института. Вместе с тем, имея статус вольноотпущенника, входя фактически в круг новой формирующейся при Августе служилой знати, будучи воспитателем его внуков и завися от последнего, в том числе материально, он едва ли мог абсолютно свободно выражать собственное мнение, в связи с чем должно полагать, что его труд, при всей кажущейся аполитичности глоссографического жанра, следовал задачам проводимой Августом политики[5]. Поскольку Август, создавая

Павлов Андрей Альбертович — доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета. E-mail: aapavlov@rambler.ru

[1] См.: Lobrano 1972, 235–262; 1983; Catalano 1971; а также: Кофанов 1996, 69–75; 1998, 35–54; Токмаков 1998, 67–77.

[2] О концепции Цицерона см.: Perelli 1979, 285–299; Павлов 2004, 19–39; 2010, 159–178.

[3] См.: Павлов 2012а.

[4] Подробней об авторстве и тексте см.: Павлов 2012б.

[5] Связь с идеологией Августа проглядывает не столько в оценках, сколько в структурном и содержательном построении труда (см.: Glinister 2007, 11–32). Имеющиеся редкие упоминания Авгу-

новый политический режим (принципат), очень серьезно относился к трибунской власти (tribunicia potestas), сделав ее одной из составных частей власти принцепса[6], можно допустить, что влияние Августа (или влияние созданной им конструкции власти) могло найти отражение и в концепции трибуната Флакка.

Труд Веррия, выстроенный по алфавиту, представлял, как обычно считается[7], собрание устаревших либо малоупотребительных и непонятных слов и выражений с подробным их изъяснением и примерами употребления в ранней римской традиции. Труд не сохранился; мы знаем о нем благодаря грамматику II в. Сексту Помпею Фесту, сделавшему его сокращенное переложение[8], и ученому-монаху VIII в. Павлу Диакону, оставившему, в свою очередь, эпитому сочинения Феста; именно эта эпитома, сохранившаяся полностью, вкупе с фрагментированным текстом Феста, составляют основу наших знаний о труде Флакка[9]. В силу этого концепция Флакка рассматривается нами через посредство текстов Феста и Павла Диакона.

Текст «О значении слов», даже в том плачевном виде, в котором он дошел до нас, дает ценнейший материал о римской республиканской конституции. Источник содержит ссылки на 89 авторов III–I вв. до н.э., чьи сочинения сегодня в большинстве своем утрачены. Основная масса цитат в тексте Феста приходится на поэтические сочинения, а также труды Катона[10], однако автор не раз обращается и к анналам, антикварным и юридическим сочинениям, а также документальному материалу[11]. К сожалению, несмотря на большое число упоминаемых им источников, автор[12] никогда прямо не сообщает о своих источниках по трибунату.

Прямая информация о трибунате, которая сохранилась в тексте Феста, неве-

ста в фрагментированном тексте Феста (s.v. Mutini titini. P. 142L; Octaviae. P. 188L), а также глосса «Augustus», сохраненная Павлом Диаконом (P. 2L), позволяют говорить о комплиментарном отношении автора к принцепсу.

[6] Август получил всю полноту трибунской власти, сделав ее одним из фундаментов своей власти, в 23 г. до н.э. См., например: Вержбицкий 2003, 260–282.

[7] См., например: Дуров 2000, 315. Подобное представление, на самом деле, не совсем верно. Наряду с таковыми, лексикон содержал глоссы, отражавшие реалии времени автора. В этом смысле имевшиеся в тексте глоссы можно рассматривать как репрезентативную словарную выборку, наиболее адекватно отражающую мир интересов и представлений римлянина I в. до н.э.

[8] Труд Феста также сохранился очень плохо. Имеется единственная рукопись XI в. (Codex Farnesianus). В тексте отсутствуют полностью глоссы до буквы M, остальная часть крайне лакунирована. О рукописи см.: Moscadi 2001, VI–IX.

[9] Веррий Флакк подытожил многообразную деятельность глоссаторов II–I вв. до н.э., создав фундаментальное по объему и замыслу лексикографическое сочинение, которое по своему значению вполне соответствовало труду Варрона «Человеческие и божественные древности» в области антикварного знания. Объем его неизвестен, но современные авторы говорят о 40 (Lhommé 2007, 39) и даже 60 (Pieroni 2004, 19) книгах. Фест сократил их число до 20, в соответствии с традицией и запросами аудитории своего времени. Павел Диакон, радикально сократив текст, отказался и от деления его на книги. О характере произведенных им сокращений см.: Cervani 1978.

[10] North 2007, 49.

[11] Из анналистов и историков автор упоминает работы Целия Антипатра, Л. Цинция Алимента, Фабия Пиктора, Саллюстия, Сантры, Сизенны, Ливия; неоднократно он обращается к юридическим работам Кв. Муция Сцеволы, Мессалы, Л. Цинция, Элия Галла, Кв. Антистия Лабеона, Атея Капитона, Сер. Сульпиция Руфа; приводит ряд цитат из законов царской и республиканской эпохи (особенно из XII Таблиц), магистратских эдиктов, песен салиев и т.д.

[12] Использование нами понятия «автор» носит условный характер. Речь идет о совокупном сохранившемся массиве текста Феста и Павла, который рассматривается нами как носитель концепции Флакка.

лика, однако рассмотрение ее через призму общих представлений автора о римском республиканском публично-правовом устройстве позволяет как определить в нем место трибуната, так и выявить специфику авторской концепции института. В сохранившемся тексте Феста плебейские трибуны упоминаются лишь в трех глоссах: «Sacrosanctus» (P. 422L), «Sacer mons» (Ibid), «Scitum populi» (P. 442L). Трибунские законы, в которых их трибунский характер отмечен автором, появляются в глоссах «Publica pondera» (P. 288L), «Praeteriti senatores» (P. 290L), «Sacer mons» (P. 422L), «Sacramentum aes» (P. 468L). Помимо того, трибунские законы упомянуты в глоссах «Obsonitavere» (P. 220L), «Percunctatum» (P. 280L), «Rufuli» (P. 316L), «Recepticium» (P. 356L), «Sempronia horrea» (P. 370L), «Rogat» (P. 356L), «Tappulam» (P. 496L).

Центральное место в римском республиканском устройстве у Феста занимают магистратура, сенат и народ, наряду с которыми, однако, важнейшее место он отводит жрецам и священнодействиям; то и другое составляют в совокупности единый сакрально-правовой порядок римской *civitas,* где трибунат, наряду с плебсом, оказываются хотя и специфическими, но интегрированными частями этого порядка.

В отличие от Варрона, у Феста мы находим не только толкование термина *magistratus*, но и развитую систематику магистратуры. Автор производит существительное *magistratus* (как и различного рода magistri) из глагола *magisterare*, происхождение которого, в свою очередь, связывает с наречием *magis* (s.v. Magisterare. P. 113L). Согласно трактовки автора, магистраты — это те, кто, в отличие от частных лиц (privati), обладает властью (imperium) и по этой причине может больше их. Помимо собственно этимологии (magis>magistrare>magistratus), Фест дает важные характеристики магистратуры. Во-первых, он отмечает, что она тесным образом связана с функцией управления. Фест выражает ее через ряд глаголов-синонимов (s.v. Magistrare. P. 139L): *magisterare* (magistrare) есть *moderari, regere, temperare* (управлять, править, обуздывать)[13]. Во-вторых, связывая магистратуру с властью, автор использует термин *imperium*, а не *potestas*, тем самым демонстрируя нам, с какой именно властью ассоциируется магистратура: власть магистратуры есть власть царская, восходящая к сакральному первотворению римской общины. Автор дает нам также понять, что магистратская власть имеет иерархическую природу, которая проявляется как внутри одной должности, так и внутри системы магистратур. Так, он отмечает, например, что старшим из магистратов является консул (s.v. Maior magistratus. P. 121L). При этом внутри консулата имеется своя иерархия, как и внутри претуры (s.v. Maior consul. P. 155L). Известна ему и архаическая магистратура преторов, также строившаяся на принципе иерархии (s.v. Maximum praetorem. P. 152L). Этот иерархический принцип лежит в основе не только магистратуры, но и всего публично-правового порядка, частью которого она является (s.v. Ordo sacerdotum. P. 198L; Minorum pontificum maximus. P. 152L; Maximus pontifex. P. 213L; Adlecti. P. 6L; Qui patres. P. 304L; Minora. P. 148L).

У Феста, помимо этимологии термина *magistratus*, мы встречаем практически все известные нам по античной традиции виды римской республиканской магистратуры. Они появляются как в составе специально посвященных им глосс, где

[13] См. подробнее: Павлов 2011, 213–232.

фигурируют вместе с классифицирующими их признаками, так и вне таковых. Ему известны *currules magistratus* (s.v. Currules magistratus. P. 43L), магистраты *cum imperio* (s.v. Cum imperio est. P. 43L) и *cum potestate* (s.v. Cum potestate est. P. 43L), *maiores et minores magistratus* (s.v. Minora. P. 148L), *magistratus populi Romani* (s.v. Oratores. P. 196L; Praebia. P. 264L), *magistratus publici* (s.v. Struppi. P. 472L), а также *magistratus patricii* (s.v. Scitum populi. P. 442L) и *magistratus plebei* (s.v. Plebeius magistratus. P. 258L).

Важной отличительной чертой систематики Флакка является социальное деление магистратуры. Деление магистратуры на патрицианскую и плебейскую у него отражает не только социальную двойственность магистратуры как таковой, но и всего публично-правового порядка.

Рассмотрим сначала оппозицию двух типов магистратур. Согласно Фесту, плебейские магистраты — это специфический вид (genus) магистратуры, что подтверждается словоупотреблением автора в лакунированной глоссе «Plebeias tabernas»[14]. Из этой же глоссы следует, что в их число входили плебейские эдилы, которые, по его мнению, были созданы ушедшим от «отцов» плебсом[15]. Как видно из приведенной глоссы «Plebei aediles», стержнем в этимологизации термина «плебейские эдилы» служит та же их связь с плебсом, что и в основе типологизации плебейской магистратуры как таковой[16]: плебейскими они именуются оттого, что происходят из плебса. Плебейских трибунов автор нигде прямо не называет магистратами плебса, однако это становится очевидным из глоссы, определяющей критерий (принадлежность к плебсу) отнесения должностных лиц к плебейским магистратам (Ibid), и глоссы «Sacer mons» (P. 422, 424L; см. ниже), сообщающей об избрании плебейских трибунов плебсом во время сецессии на Священную гору, где, по мнению автора, были созданы и плебейские эдилы (s.v. Plebei aediles. P. 259L). То, что те и другие созданы плебсом, не является для автора основанием выводить эдилов и трибунов за пределы магистратуры, но ведет к ее социальной спецификации.

Помимо ее создания плебсом, автор указывает и на некоторые другие ее особые черты. Так, Фест говорит об особой функции трибунов, отличной от собственно магистратской функции управления: трибуны созданы для помощи плебсу (sibi essent auxilio — s.v. Sacer mons. P. 424L). Напротив, в связи с трибунатом он ничего не говорит о должностной иерархии: трибунат не встроен в иерархический порядок магистратуры, а противостоит ему в силу «негативного» характера своей власти. Важные особенности трибуната выявляются из анализа основания должности, а также полномочий трибунов. Автор замечает, подкрепляя свое утверждение ссылкой на М. Катона, что плебейские магистраты (как трибуны, так и эдилы) являются неприкосновенными (sacrosancti) в силу того, что установлены

[14] Fest. s.v. <Plebeias tabernas>. P. 258L: «…<Plebeias apell>amus a genere magistratus. Eas enim faciendas curaverunt M. Iunius Brutus, Q. Oppius aediles plebis» (…Плебейскими мы называем их от [соответствующего] вида магистратов. Ведь они (tabernae) были построены по приказу плебейских эдилов М. Юния Брута и Кв. Оппия).

[15] Fest. s.v. Plebei aediles. P. 259L: «Плебейские эдилы были созданы ушедшим от “отцов” (patres) плебсом».

[16] Fest. s.v. Plebeius magistratus. P. 258L: «Плебейского магистрата не позволено избирать ни из кого, кроме как из плебеев. Всякий магистрат, что прозывается этим именем, [именно] такого происхождения».

посредством клятвы (iure iurando)[17]. Фест, как и *iuris interpretes* у Ливия (III. 55), считает клятву фундаментом трибунской неприкосновенности, однако его позиция кардинально расходится с трактовкой упомянутых юристов[18]. Наряду с клятвой он говорит также и о священных законах (leges sacratae), которые клятвенным образом были приняты плебсом на Священной горе, нарушение которых вело к объявлению человека *sacer* и влекло за собой посвящение его и его имущества богам (s.v. Sacratae leges. P. 422L; см. ниже)[19]. Помимо клятвы и священных законов Фесту известен и некий плебисцит, который грозил смертью каждому, кто покусился бы на неприкосновенность трибуна (s.v. Sacer mons. P. 424L). Очевидно об этом же плебисците идет речь и в плохо сохранившейся глоссе Феста «Plebei aediles» (P. 258L)[20]. Учитывая тесную связь, которая прослеживается у Феста в создании двух плебейских должностей, следует думать, что речь идет об одном и том же плебисците, принятом плебсом на Священной горе в отношении плебейских трибунов и эдилов. Таким образом, Веррий сохранил для нас сведения о трех нормативных актах, связанных с установлением трибунской власти и наделением трибунов неприкосновенностью. Вопрос о фундаменте трибунской власти чрезвычайно важен для понимания трибуната[21]; ему посвящена большая литература[22]. Останавливаться на нем здесь специально нет возможности. Более важно сейчас обратиться к анализу места и значения этой информации в общей авторской картине трибуната и публично-правового строя в целом.

Сведения о всех трех актах (клятве, священном законе и плебисците) содержатся в трех находящихся рядом глоссах (s.v. Sacrosanctum. P. 422L; Sacratae leges. P. 422L; Sacer mons. P. 422, 424L). Все три глоссы у Феста, вне их зависимости от объема, имеют сложноструктурный характер. Эта структура намеренно заложена автором и отражает не только его позицию, но и сложноструктурный характер римского публично-правового порядка как такового. Глоссы «Sacrosanctum» и «Sacratae leges» состоят из двух частей. Первая часть в той и другой дает общее определение понятия:

Fest. s.v. Sacrosanctum. P. 422L:

«Sacrosanctum говорится о том, что установлено посредством клятвы (iure iurando); если кто причинит вред тому, [кто или что является священным и неприкосновенным], то да будет он подвергнут смертной казни».

Fest. s.v. Sacratae leges. P. 422L:

«Священными (sacratae) являются те законы, которыми установлено, что всякий, кто их нарушит, будет посвящен кому-либо из богов вместе со всем своим имуществом».

---

[17] Fest. s.v. Sacrosanctum. P. 422L. См.: Liv. III. 55. 10; Dionys. VI. 89. 2; Cic. Balb. 33.

[18] С точки зрения не названных Ливием iuris interpretes, клятва придала неприкосновенность только трибунам. См.: Sini 1996, 80–94.

[19] Священный закон, связанный с созданием трибуната, известен также Ливию (II. 33) и Цицерону (Tull. 47); о законе, подкрепленном клятвой, говорит Дионисий Галикарнасский (Dionys. VI. 89). О священных законах см., например: von Fritz 1953, 893–905; Bayet 1954, 145–153; Altheim 1940; Fiori 1996; Миницкий 1977, 52–59; Михайловский 1986, 44–62; Кофанов 2006, 168–179; 259–262.

[20] Fest. s.v. Plebei aediles. P. 258L: «Plebei <…> quae a plebiscito <…> suffragium tu<…>s sunt constitu<…>unt, qui una cum<…>[create sunt dissid]ente plebe a pa[tribus]».

[21] См.: Lobrano 1972, 235–262; 1983; Gioffredi 1945, 36–64.

[22] О роли тех или иных нормативных актов в сложении фундамента трибуната имеются различные точки зрения. См.: Fabbrini 1973, 784.

Во второй производится его соотнесение с плебсом:

«Этого вида — плебейские трибуны, того же рода и [плебейские] эдилы; это подтверждает М. Катон в той речи, в которой он написал, что плебейские эдилы являются священными и неприкосновенными (sacrosancti)».

«Говорят, что священные законы — это те, что плебс, поклявшись, принял на Священной горе».

Таким образом, вторая часть подается автором как специфический случай определяемого в первой части феномена. Такое построение выражает двойственность римского публично-правового порядка, которая нашла отражение и в делении магистратуры на патрицианскую и плебейскую, где патрицианская магистратура отражает всеобщность публично-правового порядка, а плебейская — его специфическую часть. Для автора ни клятва, ни священные законы не являются институтами специфически плебейскими, появившимися в ходе первой сецессии 494 г. до н.э.[23] Это видно не только из текста данных глосс, но и информации, предоставляемой автором в других местах[24]. Подобное понимание согласуется с данными и других источников[25].

Глосса «Sacer mons» состоит из трех частей. В первой дается определение рассматриваемого понятия:

Fest. s.v. Sacer mons. 422, 424L:

«Священной называется гора, [расположенная] за [рекой] Анien, несколько далее третьего милевого столба, [потому что] ее посвятили Юпитеру уходившие, когда плебс покинул “отцов”, избрав для помощи себе плебейских трибунов».

Во второй части содержится определение *homo sacer*:

«Человеком, обреченным подземным богам (homo sacer), называется тот, кого римский народ (populus) осудил за злодеяние; [хотя] не подобает убивать его, но тот, кто [все же его] убьет, не осуждается как убийца; ибо первым трибунским законом (lex tribunicia prima) установлено: “если кто того, кто на основании этого плебисцита будет посвящен богу, убьет, убийцей (parricida) считаться да не будет”. Исходя из этого, любого зловредного и негодного человека обычно именуют “обреченным подземным богам” (sacer esto)».

Переход от *Sacer mons* к *homo sacer* связан, с одной стороны, с общим в обеих частях понятием *sacer*, с другой — с тем, что на этой горе были установлены

[23] Некоторые современные авторы связывали leges sacratae именно с установлением трибуната (Mommsen 1874, 257; Tondo 1981, 163).

[24] Согласно господствующей историографии, священными назывались законы, снабженные санкцией sacer esto. Фест сообщает о нескольких законах царской эпохи, имевших таковую, а поэтому имевших характер leges sacratae. См.: s.v. Aliuta P. 5L; Plorare. P. 260L; Termino 505L.

[25] Так Ливий говорит о клятве (Liv. II. 2. 5), а затем и leges sacratae (Liv. II. 8. 2), принятых народом, которые объявляли sacer всякого, кто помыслил бы о царской власти. В числе leges sacratae Ливий называет, например, центуриатный закон Валерия-Горация, запретивший избирать магистрата без права провокации (Liv. III. 55. 5), и lex militaris 342 г. до н.э., принятый диктатором М. Валерием Корвом (Liv. VII. 41. 4). Сведения грамматика I в. н.э. М. Валерия Проба (III. 13), как и данные речи Цицерона (Pro Balb. 14, 33), также, по мнению Б. Альбанезе, позволяют считать, что категория sacrosanctum относится не только к решениям плебса, но и народа (Albanese 2002, 46–54).

должностные лица посредством акта, который установил сакрацию любого, нарушившего неприкосновенность их власти, какового и именовали *homo sacer*. Здесь, в отличие от первой части, где речь идет только о плебсе, вновь сначала дается общее определение *homo sacer*, а затем выводится связь последнего с плебсом (трибунским законом и плебисцитом)[26].

Рассмотренные глоссы имеют не только общую структурную дихотомичность, но и важное содержательное единство. Несмотря на анализ в них различных понятий, соотношение которых является предметом дискуссии[27], автор во всех придерживается общей концепции сословного учреждения трибуната, которая вполне гармонирует с его пониманием трибуната как плебейской магистратуры: плебс сам избирает себе трибунов на Священной горе (s.v. Sacer mons. P. 422L), он сам там же принимает *leges sacratae* (s.v. Sacratae leges. P. 422L). При этом для автора не возникает вопроса о легитимности учреждения трибуната, ибо как клятва, так и священные законы являются частью общего публично-правового порядка. На сословный характер учреждения указывает и упоминание автором плебисцита, содержавшего санкцию *sacer esto*, который несомненно может быть связан с решением плебса на Священной горе.

Важное отличие между патрицианской и плебейской магистратурами проявляется у Феста и в глоссе «Scitum populi» (P. 442L), сохранившейся в плохом состоянии и реконструированной Т. Моммзеном:

«Решение народа есть то, что патрицианский магистрат внес [на рассмотрение народного собрания], а народ утвердил своим голосованием <…> Плебисцит есть то, что плебейский трибун или эдил предложил, т.е. внес на обсуждение, а плебс принял. Плебс же — это весь народ за исключением патрициев»[28].

Как видим, автор противопоставляет решения народа (populus) и плебса (plebs), а вместе с тем и магистратов, которые могли вносить законопроект в соответствующее собрание. Та же оппозиция встречается и в глоссе «Scita plebei» (P. 372L), сохранившейся в полном виде:

«Плебисцитами именуются те [решения], которые утвердил плебс своим голосованием без патрициев, по внесении [их] плебейским магистратом»[29],

а также в лакунированной глоссе «Populi comm<une suffragium>» (P. 264L), реконструированной К. О. Мюллером:

[26] Третья часть, представляющая мнение Элия Галла, содержит определение sacrum, где противопоставление носит характер оппозиции publicum — privatum.

[27] Так, Н. И. Миницкий склонен различать клятву и священный закон, хотя и рассматривает последний лишь как правовой обычай. Ф. А. Михайловский допускает их последовательный характер, считая, вслед за Р. Блохом, что двойной термин sacrosanctus мог происходить от двойной сакрации (iusiurandum + lex sacrata). К. Фриц считает клятву и священный закон единой нормой, которая была заключена, по его мнению, в виде плебисцита (von Fritz 1953, 893–905).

[28] «Scitum populi <est quod cum magistr>atus patricius <rogavit populusque suis su>ffragis iussit <…> Plebisci<tum est, quod tribunus <aedilisve plebe eam ro>gavit, id est consu<luit plebesque scivit. Plebes autem est <populus universus> praeter patricios».

[29] «Scita plebei appellantur ea, quae pleps suo suffragio sine patribus iussit, plebeio magistratu rogante».

«Общее голосование народа есть голосование “отцов” совместно с плебсом, ибо центуриатные комиции состоят из патрициев и плебса, разделенных по центуриям. А когда плебеи собираются в трибутных комициях без патрициев, то, что плебс решил, именуется решением плебса, а не народа»[30].

Представленные в трех рассмотренных выше глоссах оппозиции позволяют говорить о том, что плебейские магистраты имели право созывать плебс и вносить на его рассмотрение предложения, которые по принятии плебсом становились *plebiscita*; напротив, патрицианские магистраты ассоциируются с *populus*: они могут созывать его и вносить на его рассмотрение законопроекты, которые по принятии становились *populiscita*. Конструкция фраз для *populiscita* и *plebiscita* у Феста симметрична, что предполагает такой же характер и самих решений. Фест различает типы собраний (populus и plebs) и созывающих их магистратов (magistratus patricii/plebei), но не говорит ни о различиях в законности, ни в статусе того и другого решения. О времени правового уравнения *lex* и *plebiscitum*, которое античными авторами относится к закону диктатора Гортензия 287 г. до н.э. (Gai. I. 3; D.1.2.2.8; Gell. XV. 27. 4), автор не сообщает. Но то, что такое уравнение существовало не только в теории, но и на практике, видно из его глоссы «Sacramentum aes», в которой он излагает закон плебейского трибуна Л. Папирия[31]. Сосуществование двух типов собраний, концептуально представленных в рассмотренных глоссах, подтверждается примерами довольно многочисленных законов, встречающихся в тексте Феста. Именно с законодательством связаны все конкретные примеры деятельности трибунов. Как и другие римские антиквары, Фест редко сообщает, кто был инициатором того или иного закона — был ли он предложен трибуном или исходил от другого магистрата. Большинство законов, приведенных автором, тем не менее, были законами (плебисцитами), предложенными трибунами. Среди таковых — закон плебейского трибуна Овиния[32], урегулировавший порядок производства цензорами *lectio senatus* правилом включения в списки сената лучших из всех *ordines*[33], позволяющий говорить о включении (к этому времени) плебеев в курии, закон трибунов П. и М. Силиев (s.v. Publica

[30] «Populi comm<une suffragium est patrum> cum plebe suffragium <nam comitia centuriata> ex patribus et plebe <constant in centurias divisis: at> cum plebes sine patri<bus tributis comitiis convenit,> quod plebes scivit, plebi<scitum, non populi suffragium> appellatur, <…>».

[31] Fest. P. 468L: «<…> Законом плебейского трибуна Л. Папирия было постановлено о том в следующих выражениях: “Всякий претор, который рассматривает дела среди граждан, пусть предложит народу избрать триумвиров по уголовным делам; и после того, как все эти триумвиры будут избраны, пусть они потребуют [внести] процессуальные залоги (sacramenta) и пусть судят, и в силу того же права пусть будут требовать и судить так, как подобает по законам и плебисцитам” <…>». Время принятия закона Л. Папирия не известно. Согласно Дж. Никколини, закон приходится на время между 242 и 122 гг. до н.э. (Niccolini 1934, 396; см. также: Rotondi 1962, 312).

[32] Fest. s.v. Praeteriti senatores. P. 290L.: «“Praeteriti senatores” («прежние сенаторы») не были когда-либо в поношении, поскольку как [прежде] цари выбирали их для себя и подбирали тех, кого они включали в государственный совет, также и после их свержения консулы и военные трибуны с консульской властью выбирали [в сенат] ближайших к себе из патрициев, а затем и из плебеев, пока не появился трибунский [закон] Овиния, которым было установлено, чтобы цензоры включали в состав сената лучших из всех сословий, [отобранных] по куриям. Чем было обусловлено то, что те, кто были [в сенате] до того и утратили [свое] место, оказались униженными». См.: Zonar. XII. 19. 7.

[33] Точная дата закона неизвестна. Обычно его датируют временем до цензуры Аппия Клавдия 312 г. (318–312 гг.), но порой и более поздним временем. См.: Niccolini 1934, 389.

pondera. P. 288L), урегулировавший меры веса и объема неизвестной даты[34], закон плебейского трибуна Л. Папирия (s.v. Sacramentum aes. P. 468L), определявший порядок избрания и деятельности триумвиров по уголовным делам (tresviri capitales), закон плебейского трибуна Орхия 281 г. до н.э., первый в череде многих так называемых сумптуарных законов, регулировавший численность пирующих (s.v. Obsonitavere. P. 220L; Percunctatum. P. 280L), закон Рутилия Руфа, вероятно 169 г. до н.э., регламентировавший избрание военных трибунов (s.v. Rufuli. P. 316L), закон плебейского трибуна Кв. Вокония Сакса 169 г. до н.э. о наследственных правах женщин (s.v. Recepticium. P. 356L). Очевидно о законе Г. Гракха о хлебных раздачах идет речь в глоссе «Sempronia horrea» (P. 370L; ср.: Plut. C. Grach. 6. 2); некоторые приписывают *lex Baebia* (очевидно de ambitu)[35], трибуну 180 г. до н.э. (s.v. Rogat. P. 356L); плебисцитом по своему характеру является и *lex Tappula* (s.v. Tappulam. P. 496) неопределенной даты, регулировавший число участников пиров[36]. О законах, восходящих к другим магистратам, Фест говорит достаточно редко[37].

Из перечисления видно, что законы, принятые в собраниях под руководством трибунов (comitia tributa), были нормальной и доминирующей формой законодательства III–I вв. до н.э., а сама законодательная деятельность трибунов была нормативной. Законы трибунов регулировали сферу как частной, так и публичной жизни. Практически все упомянутые автором трибунские законы относятся ко времени III–I вв. до н.э., т.е. ко времени, когда решения собраний плебса (plebiscita) и народа (leges) получили равную силу, лишь *lex Ovinia* восходит к периоду до 287 г. до н.э. Несмотря на то, что концептуально решения плебса и народа названы им как *plebiscita* и *populiscita*, на практике все вышеприведенные решения плебса Фест называет законами (leges)[38]. Ему не приходится задумываться об этом противоречии, поскольку юридическое уравнение плебисцитов и законов нивелировало и практику словоупотребления (стоит отметить, однако, что нивелирование это произошло в сторону понятия lex, а не plebiscitum). О том, что подобная практика стала нормой, а не является специфическим словоупотреблением Феста, говорит и Авл Геллий (X. 20. 9)[39].

Термин *plebiscitum*, за исключением глосс, в которых дается его определение, практически не используется автором. Мы встречаемся с ним лишь дважды в упоминаниях им событий первой сецессии: с плебисцитом он связывает создание плебейских эдилов (s.v. Plebei aediles. P. 258L) и установление неприкосновенности трибунов (s.v. Sacer mons. P. 422, 424L). Фраза Феста, в которой он приводит содержание этого плебисцита[40], неоднозначна, что привело к двойственности ее

---

[34] Время принятия закона неизвестно. Дж. Никколини помещает его после 244 г. Л. Ланге, Ф. Мюнцер, Дж. Ротонди относили его к концу III в. См.: Niccolini 1934, 394–395.

[35] См.: Rotondi 1962, 277.

[36] Rotondi 1962, 486.

[37] См.: s.v. Peculatus. P. 268L; Sesterti. P. 470L; Prorsus. P. 268L; Unciaria lex. P. 516L.

[38] Термин lex использован автором во всех случаях, за исключением характеристики плебисцитов Овиния и Силиев.

[39] См. также: Cic. Ad Att. IV. 2. 3; Flacc. 15; Balb. 42; Capito ap Gell. X. 20. 2–6; etc.

[40] Fest. s.v. Sacer mons. P. 424L: «…ибо первым трибунским законом установлено: “если кто того, кто на основании этого плебисцита будет посвящен богу, убьет, убийцей считаться да не будет”…».

толкования в современной историографии. Курт фон Фриц полагал[41], что *lex tribunicia prima* был не трибунским законом, а комициальным, и связывал его с одним из законов Валерия-Горация, восстановившим власть плебейских трибунов, в чем следовал словоупотреблению Цицерона (Leg. III. 9, 22; Verr. I. 15, 44), называвшего закон о восстановлении трибунской власти, принятый в центуриатных комициях консулом Помпеем в 70 г. до н.э., *lex tribunicia*. Вслед за Г. Де Санктисом он считал, что *lex tribunicia prima* и плебисцит, который им цитируется, — два различных нормативных акта; он, однако, не согласился с трактовкой Де Санктиса определения *prima*, видя в нем указание на то, что это был первый (комициальный) закон о трибунах. По мнению К. фон Фрица, этот закон подкрепил ранний плебисцит (автор уподобляет его клятве и leges sacratae плебса), который не рассматривался как законный и сохранял возможность наказания тех плебеев, которые, следуя ему, могли подвергаться наказанию за убийство *sacer*. В ряде случаев его трактовка совпадает с таковой Карла Джоффреди, который также различал плебисцит, давший неприкосновенность трибунам, и комициальный закон, который включил решение плебса в общую юридическую систему государства[42]. В противовес этим рассуждениям следует отметить, что Фест использует термин *lex tribunicia prima* в глоссе, где говорит о создании трибуната. Кроме того, римский юрист II в. Помпоний (D.1.2.2.3), говоря о времени после свержения царей, упоминает трибунский закон (lex tribunicia), в соответствии с которым предыдущие законы потеряли силу; под ним может пониматься только закон, принятый по инициативе трибунов. То же мы видим и в ряде выражений Цицерона, где *lex tribunicia* означает закон, предложенный трибуном[43]. Грамматическое построение глоссы, на что ссылаются некоторые исследователи, также не позволяет говорить о хронологическом различии между упомянутыми в глоссе *plebiscitum* и *lex tribunicia*. Термин *lex tribunicia prima* вполне мог быть более поздним употреблением, введенным в оборот тогда, когда различия между *lex* и *plebiscitum* стали стираться. Использование термина *lex* для плебисцита («lex plebis») может быть объяснено и достаточно широким семантическим контекстом употребления *lex* (e.g.: lex data, lex censoria, etc.). В то же время античные авторы, говоря о *lex sacrata*, принятом на Священной горе в 494 г. до н.э., не полемизируют относительно понятия *lex*, акцентируя внимание на второй его части, считая, соответственно, возможным принятие такового плебсом. Современные авторы также склоняются к тому, чтобы считать *lex tribunicia prima* плебисцитом, принятым в 494 г. до н.э.[44] Таким образом, *lex tribunicia prima* — первый плебисцит, принятый под руководством трибунов на Священной горе, который знаменовал сложение плебейской организации под руководством трибунов и плебейского собрания, параллельного комициальному, которое изначально приобрело важное значение в римской законодательной практике[45].

Подобная лексика автора, которая покоится на традиции словоупотребления II–I в. до н.э. и опирается в значительной мере на работы юридического характе-

[41] von Fritz 1953, 901.
[42] Gioffredi 1945, 36–64. См. также: De Martino 1972, 343–344.
[43] Cic. Leg. Agr. II. 21, 36; Post red. in sen. 11; De domo suo. 127; Pro Sest. 56.
[44] Albanese 2002, 50–51; Mastrocinque 1989, 127–131. См. также: Serrao 2008.
[45] См., например: Mastrocinque 1996, 62–68.

ра, позволяет говорить о двух типах суверенности: первый — суверенность народа — имеет исторически первичный и всеобщий характер, второй — суверенность плебса — имеет исторически вторичный и специфический характер.

Появление суверенности плебса автор исторически связывает с сецессией плебса (494 г. до н.э.). Ее специфический характер он увязывает: 1) с особым типом магистратуры (magistratus plebei), созданной посредством плебисцита (=lex tribunicia prima); она является неприкосновенной (sacrosanctus); ее неприкосновенность базируется на клятве плебса (iusiurandum); 2) с определенным социальным слоем (plebs); 3) со специфическим источником права (plebiscitum). Фактически в трех глоссах автор выразил всю основную (с точки зрения глоссатора) специфику, присущую трибунату и плебейской организации. Отсутствие упоминаний о плебсе и плебейских магистратах в других глоссах говорит о том, что авторы, чьи тексты использовал Флакк, прибегали к использованию этих терминов только в случаях, когда было необходимо показать их специфику, для чего требовалось их противопоставление *populus* и его решениям, с одной стороны, и *magistratus patricii* — с другой; во всех остальных они рассматривались как часть *populus* и *magistratus* соответственно.

В рамках какого собрания плебс под руководством трибунов реализовывал свою суверенность? В тексте Феста имеется плохо сохранившаяся глосса «Populi commune suffragium» (P. 264L; см. выше), в которой возможно упоминались трибутные комиции. Если принять реконструкцию К. О. Мюллера, то можно видеть, что ее содержание вполне соответствует дихотомии, произведенной автором в других глоссах. Помимо того, важным моментом здесь является оппозиция центуриатных и трибутных комиций. Фест, как и другие антиквары, чаще вместо термина, указывающего на тип собрания (comitia), использует *populus/plebs*. Здесь же эта оппозиция, данная через состав собрания и его руководителя, оказывается тесно увязанной и с типологией комиций, из чего видно, что собрания по трибам имеют тесную связь с плебсом (и плебейскими трибунами), тогда как собрания по центуриям — с *populus* (и магистратами с imperium). Таким образом, мы можем видеть, что Флакк придерживался единой конструкции двух типов суверенности, специфический вид которой был связан с плебсом, собраниями по трибам и плебейскими трибунами.

Подведем итоги. Несмотря на то, что информация о трибунате содержится у Феста в нескольких достаточно кратких глоссах, она демонстрирует нам наличие у автора четкого и системного представления о месте трибуната в римской республиканской конституции, которое отличается как от антикварной концепции Варрона, так и политико-философской концепции Цицерона. Если в конструкции смешанной конституции Цицерона трибунат был институтом, находящимся за ее пределами (и вместе с тем не магистратурой), предназначенным, прежде всего, для защиты свободы плебса от произвола консулов, но вместе с тем способствовавшим большей стабильности смешанной конституции и сдерживанию произвола со стороны народа, а в концепции Варрона он был слит с унитарной магистратурой как ее неотъемлемая и низкая по статусу составная часть, то конструкция Флакка есть, по сути, отказ от этих двух крайних воззрений. Трибунат для него — это специфический вид магистратуры (magistratus plebei), чья специфичность связана с временем (сецессия плебса 494 г. до н.э.) и способом ее созда-

ния (plebiscitum/lex sacrata), а также неприкосновенным ее характером (sacrosanctus), установленным посредством клятвы плебса (iusiurandum). Автор, в отличие от Цицерона и Варрона, не акцентирует внимание на негативных полномочиях трибунов, напротив, все внимание сосредотачивая на важнейшем из их позитивных полномочий — на законодательстве трибунов. Создание трибуната, по представлению автора, привело к сложению специфической дихотомии суверенности римской *civitas*, где наряду с собраниями народа действовало собрание плебса, принимавшее плебисциты, служившие источником римского права наряду с законами.

В сохранившемся тексте автор нигде не говорит о трибунате самого Августа. Действительно, его труд, глоссографический по характеру, не мог и не был апологетическим сочинением. Вместе с тем влияние Августа могло быть гораздо более тонким. Исследователи отмечают отражение такового в новом алфавитном принципе организации знания, а также в содержательном контенте, очерчивающем базовые принципы новой старой *res publica*[46]. В этой связи в концепции трибуната Флакка возможно найти черты близкие конструкции власти Августа. Причем эта связь имеет двусторонний характер: не только Август влиял на концепцию трибуната Флакка, но и сам республиканский трибунат оказал свое влияние на оформление власти Августа (и последующих принцепсов)[47]. В чем концепция Флакка могла быть созвучной времени и интересам Августа? Можно видеть, что новое время стимулировало отход от крайних воззрений предшественников. Прямую параллель с властью Августа имеет специальная акцентуация автором сакрального характера трибунов. Как известно, Август получил сакральную неприкосновенность трибунов еще в 36 г. до н.э. (App. B. C. V. 132; Oros. VI. 18; Tac. Ann. I. 2; Dio. XLIX. 15), т.е. до того, как получил трибунскую власть в полном объеме (23 г. до н.э.)[48]. Примечательно, что Фест говорит нам не о сакральном характере власти, а именно личности трибунов. Кроме того, важно напомнить, что после конституционной реформы 23 г. до н.э., поводом к которой послужил заговор Фания Цепиона и Варрона Мурены[49], Август отошел от практики ежегодного возобновления консульской власти — власть принцепса стала покоиться на проконсульском империи (imperium proconsulare) и трибунской власти (tribunicia potestas). Сосредоточив в своих руках *imperium* и *potestas tribunicia*, Август не просто объединял два противоположные типа республиканской должностной власти, символизировавшие единство республиканской управленческой машины, но и оказывался лицом, сублимировавшим в себе историческое единство различных составных частей общины, как бы они ни воспринимались в I в. до н.э. — патриции и плебеи, знатные и незнатные, оптиматы и популяры, став символом социального единства римской *res publica*, что нашло в конечном итоге выражение в провозглашении его *pater patriae*. Эта дихотомия властных полномочий как нельзя лучше отражена в концепции Флакка в дихотомии *magistratus patricii* и *magistratus plebei* и дихотомии суверенности римской общины, выраженной в соответствующем со-

[46] Glinister 2007, 11–32.

[47] Не имея возможности здесь на этом останавливаться, отсылаем читателя к доступным специальным работам: Михайловский 1996, 129–134; Великанова 2004, 32–39.

[48] См., например: Михайловский 1986, 59; Вержбицкий 2003, 260–282.

[49] О заговоре и его роли: Портнягина 1983, 141–145; Вержбицкий 2002, 153–154.

циальном делении — *populus/plebs*, различии собраний (comitia centuriata/tributa) и их решений (populiscita/plebiscita). Неслучайной, на наш взгляд, является и еще одна параллель между информацией Флакка и властью Августа. Как говорилось выше, решение о создании трибуната, названо в тексте Феста *lex tribunicia prima*. Определение prima, использованное автором, задает определенный ряд подобных законов, в число которых мы можем включить трибунский закон, упомянутый в Дигестах, а также законы, приведенные у Цицерона (см. выше). Говоря о своей трибунской власти, Август также говорит о том, что получил ее в соответствии с законом (RGDA. 10), а надпись коллегии арвальских братьев, относящаяся ко времени принятия принципата Отоном и Вителием, сообщает нам о предоставлении им трибунской власти через специальные комиции (Dess. 241)[50]. Учитывая то, что власть народа в эпоху Августа перешла к сенату (D. 1. 2. 2. 9), а *imperium* принцепсу (Августу) предоставлялся посредством сенатусконсульта, предоставление трибунской власти через комиции (теперь, конечно, не разделяемые социально) символизировало сохранение представлений о двойственности республиканской суверенности, ибо они рассматривались как продолжение суверенных собраний плебса: тем самым закон, принимаемый этими комициями о трибунской власти принцепса, имел прямую аналогию с *lex tribunicia prima*. Все вышесказанное, как нам представляется, доказывает тесное переплетение концепции Флакка и конструкции трибунской власти Августа. Его подход не был случайным, а был выбором человека времени и круга Августа.

ЛИТЕРАТУРА

Великанова Е. Н. 2004: Трибунская власть в политической системе принципата начала I в. н.э. // Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике. Т. 2 / В. В. Дементьева (ред.). М., 32–39.

Вержбицкий К. В. 2002: Laesa maiestas и auctoritas Augusti // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1(9), 153–154.

Вержбицкий К. В. 2003: Правовое оформление и реальные основы власти Августа // Проблемы античной истории: Сб. научных статей: к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / А. Ю. Дворниченко (ред.). СПб., 260–282.

Дуров В. С. 2000: История римской литературы. СПб.

Кофанов Л. Л. 1996: Создание трибуната: изначальная идея трибунской власти // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1, 69–75.

Кофанов Л. Л. 1998: Атрибуты власти магистратов в архаическом Риме // Древнее право. 1(3), 35–54.

Кофанов Л. Л. 2006: Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М.

Миницкий Н. И. 1977: Политический и правовой аспекты римского религиозного института lex sacrata // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 52–59.

Михайловский Ф. А. 1986: Основание народного трибуната и lex sacrata // Античная гражданская община. М., 44–62.

Михайловский Ф. А. 1996: Роль трибунских полномочий при передаче власти в период первых принцепсов // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1, 129–134

Павлов А. А. 2004: Плебейский трибунат в системе смешанной конституции Полибия и Цицерона // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1(13), 19–39.

[50] См.: Михайловский 1996, 132–133.

Павлов А. А. 2010: Плебейский трибунат между магистратурой и представительством народа: к систематике трибуната у Полибия и Цицерона // Мнемон. 9 / Э. Д. Фролов (ред.). СПб., 159–178.

Павлов А. А. 2012а: Римские концепции плебейского трибуната: Марк Теренций Варрон // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 41 / Л. П. Репина (ред.). М. (в печати)

Павлов А. А. 2012б: Павел Диакон и его эпитома «О значении слов» // ВДИ. 2, 219–230.

Павлов А. А. 2011: Магистратура и плебейский трибунат в римской антикварно-грамматической и юридической историографии // Мнемон. 10 / Э. Д. Фролов (ред.). СПб., 213–232.

Портнягина И. П. 1983: Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата: дисс.… канд. ист. наук. Л.

Токмаков В. Н. 1998: Tribunicia potestas в Ранней республике: военно-правовой аспект // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1(3), 67–77.

Albanese B. 2002: Prob. 3, 13 e plebisciti // Annali del dipartamento di storia del diritto dell'università degli studi di Palermo. 47. 4, 46–54.

Altheim F. 1940: Lex sacrata. Die Anfange der plebeischen Organisation. Amsterdam.

Bayet J. 1954: L'organisation plébéienne et les «leges sacratae» // Live-Tite. Histoire romaine. III. 145–153.

Catalano P. 1971: Tribunato e resistenza. Torino.

Cervani R. 1978: L' epitome di Paolo del 'De verborum significatu' di Pompeo Festo. Struttura e metodo. Roma.

Fabbrini F. 1973: Tribuni plebis // NNDI. XIX. Torino, 778–822.

Fiori R. 1996: Homo sacer. Dinamica politico-costituzionale di una sanzione giuridico-religiosa. Napoli.

von Fritz K. 1953: Leges sacratae and plebei scita // Studies presented *to D.* M. Robinson. II. St. Louis, 893–905.

Gioffredi C. 1945: Il fondamento della «tribunicia potestas» e i procedimenti normativi dell'ordine plebeo (sacrosanctum — lex sacrata — sacramentum») // SDHI. 11, 36–64.

Glinister F. 2007: Constructing the Past // Verrius, Festus and Paul. Lexicography, Scholarship and Society / F. Glinister, C. Woods, J.A. North, M.H. Crawford (eds.). L., 11–32.

Lhommé M.-K. 2007: Varron et Verrius au 2ème siècle après Jésus-Christ // Verrius, Festus and Paul. Lexicography, Scholarship and Society / F. Glinister, C. Woods, J.A. North, M.H. Crawford (eds.). L., 33–48.

Lobrano G. 1972: Fondamento e natura del potere tribunizio nella storiografia giuridica contemporanea // Index. 3, 235–262.

Lobrano G. 1983: Il potere dei tribuni della plebe. Milano.

De Martino F. 1972: Storia della costituzione romana. I. Napoli.

Mastrocinque A. 1989: Lucio Giunio Bruto. Ricerche di storia, religion e diritto sulle origini della repubblica romana. Trento.

Mastrocinque A. 1996: Aspetti dei tribunato alle origini della repubblica // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1, 62–68.

Mommsen Th. 1874: Römisches Staatsrecht. II. Leipzig.

Moscadi A. 2001: Il Festo Farnesiano (Cod. Neapol. IV. A. 3). Florence.

Niccolini G. 1934: Fasti dei tribuni della plebe. Milano.

North J. A. 2007: Why does Festus quote what he quotes? // Verrius, Festus and Paul. Lexicography, Scholarship and Society / F. Glinister, C. Woods, J.A. North, M.H. Crawford (eds.). L., 49–68.

Perelli L. 1979: Note sul tribunato della plebe nella riflessione Ciceroniana // Quaderni di storia. 10, 285–299.

Pieroni P. 2004: Marcus Verrius Flaccus' De significatu verborum in den Auszügen von Sextus Pompeius Festus und Paulus Diaconus. Einleitung und Teilkommentar (154, 19–186, 29 Lindsay). Frankfurt am Main.

Rotondi G. 1962: Leges publicae populi Romani. Elenco cronologico con una introduzione sull'attività legislativa dei comizi romani. Hildesheim.

Serrao F. 2008: Secessione e giuramento della plebe al monte sacro // Diritto&storia. 7.

Sini F. 1996: Interpretazioni giurisprudenziali in tema di inviolabilità tribunizia (a proposito di Liv. 3, 55, 6–12) // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1, 80–94.

Tondo S. 1981: Profilo di storia costituzionale romana. Milano.

ROMAN CONCEPTION OF PLEBEIAN TRIBUNATE: MARCUS VERRIUS FLACCUS

A. A. Pavlov

The article deals with the analysis of the plebian tribune institution conception presented in "De Verborum Significatu" by Marcus Verrius Flaccus, a Roman grammarian of Augustus epoch. Unlike his predecessors (Cicero, Varro), M. Verrius Flaccus regarded trubunate as a specific plebeian magistrate based on social order of the institution, its origin, integrity, and links with tribe meetings. His conception is in keeping with the ideas realized in Augustus power structure.

Key words: plebeian tribunate, magistrate, Varcus Verrius Flaccus

---

© 2012

Е. С. Данилов

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ИМПЕРАТОР МАРК ОКЛАТИНИЙ АДВЕНТ*

Статья посвящена личности военного и политического деятеля рубежа II–III вв. н.э. Марка Оклатиния Адвента. Приведены свидетельства античной традиции, реконструированы этапы карьеры. Уделено внимание взаимоотношениям Адвента с императором Макрином. Сделано предположение о разведывательном характере деятельности Адвента не только в качестве спекулятора и фрументария, но и на постах прокуратора и преторианского префекта. Поставлена под сомнение адекватность характеристики Оклатиния Адвента Дионом Кассием.

Ключевые слова: Римская империя, Макрин, Марк Оклатиний Адвент, Дион Кассий, Геродиан, префект претория

Данилов Евгений Сергеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. E-mail: explorator@list.ru

* Исследование проводится при поддержке Министерства образования и науки РФ (Госконтракт № 16.740.11.0104), а также РФФИ, грант № 10–06–00140-а.

Карьера римского полководца и государственного деятеля Марка Оклатиния Адвента является показательным примером индивидуальной социальной мобильности, характерной для Римской империи при последних Антонинах и Северах[1]. Между тем, в отечественной историографии пока не предпринято ни одной попытки обратиться к биографии этой неординарной, почти загадочной личности. Данный очерк, не претендующий на всеохватность и глубину выводов, начнет заполнять образовавшуюся лакуну.

Адвент родился, как предполагается, около 160 г. и имел незнатное происхождение[2]. Место его появления на свет неизвестно. Впрочем, судя по когномену, не исключено, что это могла быть провинция Африка[3]. Оклатиний не только не мог похвастаться риторическим образованием, но даже, если полагаться на предвзятое суждение Диона Кассия, не умел читать. Он начал военную карьеру, должно быть, при Марке Аврелии. Его первые зафиксированные должности — διοπτήρ (лазутчик) и ἐρευνητής (расследователь, ср. Athen. VI. 256a) (Dio Cass. LXXVIII. 14. 1). Ближайший латинский аналог этих слов — speculator[4]. Легионные speculatores за время своего существования в качестве армейской службы сменили несколько ипостасей (курьеры, телохранители, палачи), но всегда ассоциировались с разведкой и никогда не теряли свою функцию по собиранию сведений.

Такая же судьба ожидала и Оклатиния Адвента, который перешел в письмоносцы (ἔς τε τοὺς γραμματοφόρους) и, вероятно, оказался в Риме (Dio. Cass. LXXVIII. 14. 1). Грамматофоры или frumentarii были известны, по крайней мере, с правления Адриана как политические шпионы (SHA. Hadr. XI. 4–6). Адвенту удалось стать их начальником, т.е. πρόκριτος, или princeps peregrinorum[5]. Дион Кассий (LXXVIII. 14. 3), наш основной источник по этапам карьерной лестницы Адвента, отметил, что Оклатиний служил солдатом за жалованье и исполнял обязанности палачей (δημίων), разведчиков (προσκόπων) и центурионов (ἑκατοντάρχων). Хотя греческие термины затрудняют подбор соответствующих римских должностей (приложение № 1), все же думается, что это не что иное, как еще одно указание на деятельность Адвента в качестве спекулятора и командира фрументариев (centurio frumentarius).

После долгой службы на этом поприще при первом из Северов Адвент получил назначение в Британию, подвергавшуюся постоянным нападениям пиктов и скоттов (Herod. III. 14. 1). По-видимому, Септимий решил направить в неспокойную провинцию доверенное лицо, способное на месте оценить обстановку и доложить о ситуации в приграничных районах до начала широкомасштабной военной кампании[6]. Прокураторскую должность Адвент исполнял при наместнике Луции Алфене Сенеции, т.е. примерно в 205–208 гг.[7] Имена обоих стоят на надписи из Райзингхэма (Habitancum) рядом с именем Эмилия Сальвиана, трибу-

[1] Stein 1963, 169–170; Garnsey, Saller 1989, 174–177.
[2] Winkler 1975, 1632; Cancik, Schneider, Orton 2007, 5.
[3] Kajanto 1965, 349.
[4] Dessau 1897, 424.
[5] Baillie Reynolds 1923, 178.
[6] Austin, Rankov 1995, 194; Birley 2005, 192, 312.
[7] Rankov 1987, 243–245; Handy 2009, 130.

на 1-й тысячной конной когорты вангионов[8] (CIL. VII. 1003 = RIB. I. 1234 = ILS 2618), и на инскрипции из Честера (Cilurnum), прославляющей 2-ю астурийскую алу[9] (CIL. VII. 1346 = RIB. I. 1462). Интересно, что в Хабитанкуме, месте дислокации cohors I Vangionum milliaria equitata, располагалось также кавалерийское подразделение разведчиков (exploratores Habitancenses — RIB I. 1235). Если археологам удастся найти еще хотя бы одно эпиграфическое свидетельство пребывания Адвента в Британии, то оно, скорее всего, будет связано с пунктом расквартирования какой-либо из войсковых частей в районе Vallum Hadriani (приложение № 2), например, с Незерби (Castra Exploratorum). Можно предположить, что миссия прокуратора Адвента заключалась, кроме прочего, в инспектировании армейских соединений разведывательной направленности. Это пока только гипотеза.

Вероятно, Марк Оклатиний достойно исполнял свой долг. Геродиан дважды отзывается об Адвенте как о настоящем воине (στρατιωτικὸς γεγενῆσθαι δοκῶν IV. 12. 1, 14. 2).

Каракалла назначил Адвента одним из префектов претория. Оклатиний, возможно, заменил на этом высоком посту Марция Рустия Руфина (вряд ли известного юриста Эмилия Папиниана) в 212 г. Доподлинно известно, что его коллегой являлся Марк Оппелий Макрин (Eutrop. VIII. 21; Oros. VII. 18. 3). Оба были удостоены в 216 г. титула vir clarissimus (Cod. Just. IX. 51. 1). Судя по эпитету — «дельный» (οὐ φαυλον), которым наградил Адвента автор «Истории императорской власти после Марка», — коллега Макрина, будучи недостаточно образованным, зарекомендовал себя именно в качестве проверенного военачальника и в рамках префектуры был далек от административных функций.

Макрин, устроив убийство Каракаллы по его возвращении из парфянского похода, предоставил армии выбор преемника императора (SHA. Car. VI. 6. VIII. 9). Согласно Геродиану, Адвент был первой кандидатурой, предложенной военными. Однако он отказался, ссылаясь на возраст (Herod. IV. 14. 2). По Диону, отказав, Адвент рекомендовал выбрать Макрина, который и стал следующим принцепсом (SHA. Macr. II. 1).

После воцарения Макрина Адвент остался префектом претория, ему было поручено вернуться в столицу и организовать пышные похороны Антонина (SHA. Macr. V. 3; Eutrop. VIII. 20. 2). Наверняка Макрин, сомневающийся в расположении к нему военных кругов (Herod. IV. 14. 3), при посредничестве Адвента пользовался услугами фрументариев. Юлий Капитолин сообщает, что новый император через тайных агентов следил за поведением своих солдат (SHA. Macr. XII. 4).

Милости сыплются на Адвента как из рога изобилия. Оклатиний становится префектом Рима и вводится в состав сената. Правда, вскоре он был заменен Марием Максимом (Dio Cass. LXXVIII. 14. 3). Дион воспринимал возвышение

---

[8] [Impp(eratoribus) Caess(aribus) L(ucio)] / [Sept(imio) Severo Pio Pertin] / [aci Arab(ico) Adi] ab(enico) Part(h)[i]co maxi(mo) / co(n)s(uli) III et M(arco) Aurel(io) Antonino Pio / co(n)s(uli) II Augg(ustis) [[et P(ublio) Sept(imio) Getae nob(ilissimo) Caes(ari)]] / portam cum muris vetustate di/ lapsis iussu Alfeni Senecionis v(iri) c(larissimi) / co(n)s(ularis) curante Oclatinio Advento proc(uratore) / Augg(ustorum) nn(ostrorum) coh(ors) I Vang(i)onum m(illiaria) eq(uitata) / cum Aem[i]l(io) Salviano trib(uno) / suo a solo restit(uit).

[9] [Impp(eratoribus) Caess(aribus) L(ucio)] Sept(imio) / [Severo Pio Pertin]ace / [et M(arco) Aur(elio) Antonin]o Pio / [Augg(ustis) [et [[P(ublio) Sep(timio) Get]a]]e / [nob(ilissimo) Caes(ari) ala II Ast(urum) cu]rante / Alf[eno Senecione co(n)]s(ulari) et / Oc[latinio Advento p]roc(uratore) / instante.

Адвента как шутку, унижение сенаторского сословия. По его мнению, Макрин таким способом стремился отвлечь внимание от своей собственной карьеры, ибо завладел императорской властью, будучи всего лишь всадником. Мы должны понимать, что назначение на высокие посты людей низкого происхождения — это целенаправленная кадровая политика, стремление создать прослойку верных людей в государственном аппарате[10]. Похожие мероприятия проводил Коммод (SHA. Comm. III. 3. 8. VI. 9). При Макрине, видимо, произошел опасный для общественной стабильности перекос, когда аристократичность рода, опыт работы и заслуженный авторитет при занятии ключевых должностей перестали учитываться, т.е. был нарушен паритет между сословиями.

Как бы то ни было, в 218 г. Адвент разделил с Макрином консульство (CIL. VI. 131. 367. 793. XIV. 4562, 4). Дион язвительно подчеркнул, что Оклатиний, претендуя на высшую магистратуру, «не мог ни с кем в сенате вести беседу подобающим образом и по этой причине в день выборов притворился больным» (Dio. Cass. LXXVIII. 14. 2. Пер. К. В. Маркова). Сам император отсутствовал в Городе, он предпочитал жить в Антиохии и не обременять себя делами (Herod. V. 2. 3, 4. 1; SHA. Macr. VIII. 4). По большому счету, за столицу он не беспокоился, ее, насколько это было возможно, контролировал Оклатиний. Несмотря на показные гонения на доносчиков (Dio. Cass. LXXVIII. 21; SHA. Macr. XII. 10), Макрин был в курсе всего, что говорили и делали его подданные, в первую очередь чиновники (Гай Юлий Аспер — Dio. Cass. LXXVIII. 22. 3) и члены императорской фамилии (Юлия Домна — Dio. Cass. LXXVIII. 23. 2–3). Мы видим в этой осведомленности не последнюю роль Адвента. Тем не менее, опасность для Макрина пришла не со стороны Рима. Сирийские легионы, подкупленные золотом рода Вариев, склонились к государственному перевороту и поддержали малолетнего жреца из Эмесы (Herod. V. 4). Макрин и его наследник Диадумениан были убиты.

В Фастах жрецов культа божественного Антонина (Fasti sodalium Antoninianorum) от 14 июня 218 г. коллегой консула Оклатиния Адвента значится не кто иной, как Гелиогабал под именем императора Антонина Благочестивого Счастливого (CIL. VI. 2001)[11]. Тот факт, что Гелиогабал вписывает свое имя вместе с именем Адвента (Dio. Cass. LXXIX. 8. 2), а не уничтожает его, как имя Макрина, дает

[10] Basset 1920, 57.

[11] [Imp(eratore) Antonino Pio] Felic[e] Aug(usto) [IIII] D(ecimo) Caelio [Balbino II co(n)s(ulibus)] / [a(nno) p(ost) R(omam) c(onditam) DCCCCLXV] IIII Non(as) Mai(as) in aede divi [Pii et divae] / [Faustinae ex lit]teris Imp(eratoris) Antonini Pii Feli[cis Aug(usti) et] / [omnium consen]su f(actus) L(ucius) Egnatius Victor Loll[ianus] / [Imp(eratore) Antonino P]io Felice Aug(usto) et Oclatinio [Advento co(n)s(ulibus)] / [a(nno) p(ost) R(omam) c(onditam) DCCCCLX]X pr(idie) Id(us) Iul(ias) in aede divi Pii [et divae Faustinae] / [Imp(erator) Caes(ar) M(arcus) Aureli]us [[[Antonin]us]] Pius Felix Aug(ustus) [pont(ifex) max(imus) tribunic(ia)] / [potestat(e) co(n)s(ul) p(ater) p(atriae) proc]o(n)s(ul) ex s(enatus) c(onsulto) cooptatus / [Grato et Seleuco c]o(n)s(ulibus) a(nno) p(ost) R(omam) c(onditam) DCCCCLXXIII VI Id(us) Iul(ias) in a[ede divi Pii] / [et divae Faustinae] ex s(enatus) c(onsulto) / [M(arcum) Aur(elium) [[Alexandru]m]] nobilissimum Caes(arem) imperii [consortem cooptaverunt] / [3 Se]vero et Ti(berio) Claud(io) Quint[iano co(n)s(ulibus)] / [a(nno) p(ost) R(omam) c(onditam) DCCCCLXX]XVIII VIII Kal(endas) April(es) in [aede divi Pii et] / [divae Fausti]nae / [Imp(erator) Caes(ar) C(aius) Iulius Verus Maximinus Pius Felix Aug(ustus)] / pont(ifex) max(imus) trib(unicia) po]t(estate) p(ater) p(atriae) proco(n)s(ul) ex s(enatus) c(onsulto) c(ooptatus) / [Imp(eratore) Caes(are) C(aio) Iul(io) Vero Maximino] Pio Fel(ice) Aug(usto) et M(arco) [Pupienio Afri]/[cano] [co(n)s(ulibus) anno p]ost Romam condita[m DCCCCLXXXVIII 3] / [C(aius) Iulius Verus Maximus] Caes(ar) [in aede divi Pii et divae] / [Faustinae ex s(enatus) c(onsulto) s]upra [numerum cooptatus].

возможность говорить о том, что соратник последнего умер своей смертью. Возможно, новый император, за которым стояла всесильная Юлия Соэмия Бассиана, принял во внимание его преклонный возраст и просто отправил в отставку.

Дальнейшая судьба Оклатиния Адвента неизвестна. С его именем связана еще одна загадка. Был ли Адвент знаком с компилятором Гаем Юлием Солином, написавшим в III в. «Собрание достойных упоминания вещей»? Эта гипотеза, основанная на посвятительном вступлении «SOLINVS ADVENTO SALVTEM» и высказанная, в частности, Т. Моммзеном, в настоящее время не пользуется поддержкой[12]. Все же, если мы допустим такую возможность, то тогда получается, что Адвент не был таким уже неучем, каким его представляет Дион Кассий, и если чего-то не знал, то, скорее всего, греческий язык. Ведь странно было бы думать, что в среде римской военно-политической элиты оказался абсолютно неграмотный квирит, когда даже от новобранцев требовалось как минимум знание латыни[13].

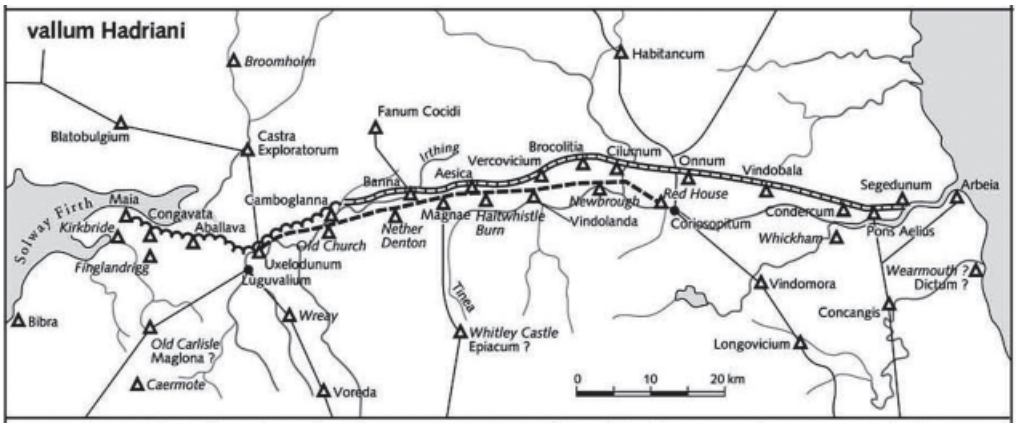
Адвент мог стать одним из числа так называемых «солдатских» императоров, но предпочел относительно безопасный карьерный рост под началом признательного ему человека. Ему было свойственно то благоразумие (frugalitas), которого были лишены некоторые его честолюбивые современники («воздержанный старец» Пертинакс, «ненасытный стяжатель» Дидий Юлиан, «уравновешенный» Гордиан, «почтенные» Бальбин и Пипиен). Не обладая достаточным политическим багажом, Оклатиний смог удержаться от опрометчивых поступков и убедиться на чужом опыте, как трудно сохранить высшую власть, соблюдая зыбкий баланс между интересами армии и сената.

1. Реконструкция некоторых должностей Марка Оклатиния Адвента

Греческий термин	Значение	Предполагаемая должность
διοπτήρ	лазутчик	speculator
ἐρευνητής	расследователь	
δήμιος	палач	
πρόςκοπος	разведчик	
γραμματοφόρος	письмоносец	frumentarius
ἑκατόνταρχος	центурион	centurio frumentarius
πρόκριτος	главный, начальник	princeps peregrinorum

[12] Mommsen 1895, V–VI.
[13] Le Bohec 2002, 75.

2. Адрианов вал в I–II вв. н.э.



ЛИТЕРАТУРА

Austin N., Rankov N. B. 1995: Exploratio. Military and political Intelligence in The Roman World. London.

Baillie Reynolds P. K. 1923: The Troops Quartered in the Castra Peregrinorum // JRS. 13, 168–189.

Basset H. J. 1920: Macrinus and Diadumenianus. Menasha.

Birley A. R. 2005: The Roman Government of Britain. Oxford.

Cancik H., Schneider H., Orton D. E. 2007: Brill's New Pauly: Encyclopaedia of the Ancient World. Vol. 10. Leiden; Boston.

Dessau H. 1897: Prosopographia Imperii Romani. Pars II. Berolini.

Garnsey P., Saller R. 1989: Das Römische Kaiserreich. Wirtschaft, Gesellschaft, Kultur. Hamburg.

Handy M. 2009: Die Severer und das Heer. Berlin.

Kajanto I. 1965: The Latin Cognomina. Helsinki.

Le Bohec Y. 2002: L'armée romaine sous le Haut-Empire. Paris.

Mommsen T. 1895: C. Ivlii Solini collectanea rervm memorabilivm. Berlin.

Rankov N. B. 1987: M. Oclatinius Adventus in Britain // Britannia. 18, 243–249.

Stein A. 1963: Der römische Ritterstand: ein Beitrag zur Sozial- und Personengeschichte des römischen Reiches. München.

Winkler G. 1975: Oclatinius // Der Kleine Pauly. Bd. 5. München, 1632.

MARCUS OCLATINIUS ADVENTUS, A MIGHT-HAVE-BEEN EMPEROR

Ye. S. Danilov

The article deals with the personality of Marcus Oclatinius Adventus, a military and political figure of the turn of the 2nd — 3rd centuries AD. It gives evidence of antique tradition, and reconstructs the pattern of his career with special emphasis on his relationship with Macrinus, the Roman emperor. The author argued that Adventus pursued intelligence activities being a

speculator and a frumentarius, as well as a procurator and a pretorian prefect. The author also disputes appropriate characterization of Oclatinius Adventus by Dionus Cassius.

Key words: Roman Empire, Macrinus, Marcus Oclatinius Adventus, Dio Cassius, Herodian, pretorian prefect

---

© 2012

А. Н. Жаровская

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭЛИТА ВРЕМЕН ТИБЕРИЯ: МАРК ГАБИЙ АПИЦИЙ*

Статья посвящена Марку Габию Апицию, который характеризуется в ней как представитель неформальной элиты римского общества времен Тиберия. Апиций еще при жизни стал широко известен тем, что эпатировал общественность организацией роскошных пиров и огромными тратами на них. Апиций, подобно другим мотам и гурманам, своим примером проповедовал любовь к жизненным наслаждениям, знал то, что было модно, и сам диктовал моду на развлечения и увлечения, среди которых было и поварское искусство. Апиций был популярен и востребован в обществе; организуемые им светские мероприятия являлись своеобразным социально-политическим регулятором, выполняя коммуникативную функцию. Автор статьи полагает, что Апиций был человеком, имевшим своеобразную собственную жизненную позицию и подстраивавшим образ жизни под запросы высшего общества.

Ключевые слова: Римская империя, Тиберий, Марк Габий Апиций, общественная жизнь

Общепринят тезис о том, что Римская империя погрязла в роскоши и чувственных удовольствиях; необходимо, на наш взгляд, дополнить исследованием личностей, которые были причастны к формированию ментальных установок высших слоев общества. Одним из таких людей был Марк Габий Апиций, живший во времена Тиберия и еще при жизни ставший широко известен тем, что эпатировал общественность организацией роскошных пиров и огромными тратами на них. Апиций проводил жизнь в окружении влиятельных и знаменитых людей. На его пирах устанавливались и укреплялись контакты между политиками, что делало Апиция причастным к формированию в общественном сознании образа правившей элиты и процессу ее самоидентификации. Он был знаком с первыми людьми государства, его застолья посещали самые авторитетные политики Рима. Гурманство становилось одним из социальных признаков аристократии.

Жаровская Анна Николаевна — кандидат исторических наук, ведущий эксперт Центра Антиковедения ЯрГУ. E-mail: afroloff@mail.ru

* Исследование проводится при поддержке Министерства образования и науки РФ: Госконтракт № 16.740.11.0104, Аналитическая ведомственная программа развития научного потенциала высшей школы, а также РФФИ, грант № 10–06–00140-а.

Когда речь идет о римской элите, то имеются в виду в основном политические лидеры и их сподвижники, дружеское окружение. Однако общественная жизнь включала в себя и неформальное общение, в котором участвовали, в том числе, богатые и известные личности, официально не задействованные в политике. Они своим примером проповедовали любовь к жизненным наслаждениям, знали то, что было модно, и сами диктовали моду на развлечения и увлечения, среди которых было и поварское искусство. Апиций был не единственным, кто вел такой образ жизни. По источникам четко прослеживается, что в I в. н.э. появляется ряд людей, двери роскошных домов которых были открыты для политиков первой величины.

Вопрос об авторстве «Кулинарной книги» остается дискуссионным в мировой исторической науке. В настоящее время оживленных обсуждений по этому поводу не ведется, ученые ограничиваются констатацией фактов, проанализированных исследователями еще в первой половине XX в. Как правило, историки ссылаются или на труд американского ученого Джозефа Велинга, который опубликовал перевод «Кулинарной книги» в 1936 году[1], снабдив его обширными комментариями и добротной вступительной статьей, или на краткую статью Е. Клебса и П. фон Родна[2] (специалистов в области римской просопографии) из энциклопедии Паули-Виссова.

В «Realencyclopädie» зафиксировано, что науке известно четыре личности, носившие имя Апиций[3]. Д. Велинг сформировал определенное научное мнение относительно одного из основных вопросов, связанных с временем жизни Апиция, мота и чревоугодника, упоминаемого во многих источниках[4]. Ученый сделал вывод о том, что Апиций, современник Тиберия, не был автором или даже составителем «Кулинарной книги». Д. Велинг отметил, что с большой долей вероятности мы можем говорить о том, что книга была написана человеком, жившим значительно позже Апиция (в конце III в.); ученый также допускал и то, что труд мог быть дополнен каким-либо из последователей Марка Апиция[5]. В целом, с тех пор в науке не появилось принципиально иных теории по данному вопросу.

В отечественной литературе циркулирует в основном лишь высказывание о том, что имя Апиция уже в древности стало нарицательным для обозначения кутилы, тратящего огромные средства на роскошные угощения, который может быть причастен к написанию «Кулинарной книги»[6]. А. А. Григорьева, филолог-классик, впервые в отечественной науке провела специальное исследование «текстов Апициевого корпуса» [7]. Нас же, в первую очередь, интересует личность самого Апиция, то, каким он был человеком в глазах окружающих, какое влияние оказал на образ жизни последующих поколений римлян

Как правило, ученых Апиций интересует с точки зрения того, мог ли этот человек быть причастным к написанию «De re coquinaria», и если да, то в какой степени его можно назвать автором, или же корректнее было бы использовать

[1] Vehling 1936.
[2] Klebs, Rohdn 1894, sp. 2802.
[3] Klebs, Rohdn 1894, sp. 2802.
[4] Vehling 1936, 9ff.
[5] Vehling 1936, 9ff.
[6] См., например: Сергеенко 1964, 394.
[7] Григорьева 2000.

определение «составитель»[8]. К примеру, Салли Грейнджер, осуществившая перевод «Кулинарной книги» на английский язык[9], в своей статье «Миф Апиция» основной упор делает на проблему авторства «Кулинарной книги» и не заостряет внимание на личности самого Апиция. В историографии укрепилось мнение, что «Кулинарная книга» — компиляция рецептов. Следовательно, автор собрал и переработал кулинарный опыт предыдущих поколений, а это означает, что рецепты книги не были его оригинальным изобретением[10]. Деятельность Апиция, вероятно, развивалась также в направлении систематизации поварских знаний. По свидетельству Сенеки, известный гурман интересовался кулинарией как наукой. В Риме он занимался обучением поварскому искусству[11], следовательно, Апицию необходимо было анализировать и упорядочивать сведения в этой отрасли знаний, обогатив информацию, накопленную предыдущими поколениями кулинаров, собственными наблюдениями (Sen. Ad Helv. X, 8). Обучение кулинарному делу должно было пользоваться спросом, ведь, как отмечал Марциал, было не редкостью, что повара готовили невкусно, и гости выходили из-за стола голодными (Mart. Ep. IX. 81).

Представляется, что личность Апиция должна обращать на себя внимание исследователей вне зависимости от того, был ли он автором «Кулинарной книги». Более того, проблема авторства не так важна для характеристики Апиция как человека, представителя элитарного общества. Особое внимание мы акцентируем на вопросе о том, каким представлен Апиций в античной традиции: был ли это собирательный образ или конкретный человек с его индивидуальными отличительными особенностями, который стал органичной частью своей эпохи. Апиций был популярен и востребован в обществе, организуемые им светские мероприятия являлись своеобразным социально-политическим регулятором. Они выполняли коммуникативную функцию; пиршества были зачастую весьма многочисленными, представители элитарных слоев с удовольствием посещали эти мероприятия. Апиций был одним из тех, кто мог организовать эти мероприятия, продумать меню до мелочей, сделать их запоминающимися. Следующий вопрос связан с кулинарными предпочтениями самого Апиция и тем, насколько они соотносились со вкусами и потребностям других представителей элиты в изысканной еде.

Упоминаний в источниках об Апиции содержится в достаточном количестве (в отношении и представленных авторов, и затронутых в их сочинениях аспектов). Однако полноценной биографии или реконструкции хотя бы какого-то отдельного периода его жизни составить не удастся, так как информация источников фрагментарна и зачастую дает лишь косвенные данные относительно рассматриваемой нами личности.

Страсть Апиция к роскоши была предметом активного обсуждения как в среде аристократии, так и в широких слоях общества. Плиний писал, что Апиций был изобретателен во всем, что касалось роскоши (Plin. Nat Hist. IX. 30). Марциал язвительно замечал, что на дорогие кушанья Апиций потратил шестьдесят миллионов сестерциев, а когда осталась лишь небольшая часть его состояния (около

[8] Grainger 2007.
[9] Grainger, Grocock 2006.
[10] Civitello 2008, 42.
[11] Sen. Ad Helv. X, 8: «…sunt scientiam popinae professus…».

десяти миллионов), то покончил с собой, приняв яд (Mart. Ep. III. 22). Сенека не указывал точную цифру состояния Апиция, отмечая лишь, что он был баснословно богат. Когда гурман истратил практически все деньги и у него осталось десять миллионов сестерциев, сумма, о которой, как полагал Сенека, не могли и мечтать большинство даже обеспеченных римлян, он покончил с собой. Философ задавался вопросом, каково же было изначальное состояние Апиция, если он считал, что не сможет прожить на десять миллионов (Sen. Ad Helv. X. 10). После ревизии имущества, оцениваемого в десять миллионов сестерциев, Апицию пришлось бы отказаться от привычного образа жизни. Организовывать пиры он был бы не в состоянии, хотя мог наслаждаться жизнью в достатке и посещать лучшие дома Рима. Вероятно, для Апиция было принципиально важным самому диктовать правила в этом деле, он мыслил себя законодателем мод в сфере развлечений. Следовательно, он получал удовольствие не столько от поглощения яств, сколько от того, что успешен как организатор роскошных застолий.

Сенека, рассуждая о соотношении наслаждений и добродетелей, осуждал страсть Апиция к еде и роскошествам (Sen. De Vita Beata. XI. 3. 4). Философ в диалоге негативно отзывался о нем и о других представителях римской знати, «осыпанных всевозможными дарами фортуны»[12], не знающих меры в достижении наслаждений. Причем Сенека был противником такого образа жизни, когда люди стремились к получению чувственных удовольствий. Желание жить в роскоши и достатке не отрицалось, если оно не противоречило добродетельному образу жизни. Более того, Сенека осуждал то, что люди выставляли напоказ свои слабости и пороки и не находили в этом ничего постыдного («позорная праздность получила отныне почетное звание») (Sen. De Vita Beata. XI. 3-XIII. 2).

В диалоге «Утешение к Гельвии» философ писал, что своим образом жизни Апиций привлекал, в первую очередь, молодежь, которая перенимает все новое и необычное. Экстравагантные и безрассудные поступки, по мысли Сенеки, принесли Апицию дурную славу; философ писал, что самым мудрым решением, которое гурман принял в своей жизни, было отравление ядом (*Sen.* Ad Helv. X, 8–10). Таким образом, Апиций представляется как человек, предающийся наслаждениям и как бы демонстрирующий, что он счастлив от обладания того, к чему стремится. Такой образ жизни притягивал все большее количество римлян, что, по мысли Сенеки, способствовало порче нравов и искажению исконных представлений о счастливой и гармоничной личности и добропорядочном гражданине.

Именно имя Апиция стало нарицательным для обозначения чревоугодника, однако были еще несколько подобных ему личностей, тративших деньги без меры на роскошь и удовольствия. Информацию об одном из них мы находим у Афинея. Пассаж древнего автора, в котором сравнивался Апиций и другой чревоугодник, киренский мыслитель Аристоксен, представляет Апиция в более выгодном свете по сравнению с философом. Про Апиция сказано, что он был человеком богатым и изнеженным. Он «проедал» огромные состояния, что хотя и характеризовало его с негативной стороны, но не свидетельствовало о чрезмерной странности. Апиций покупал дорогие креветки и омары больших размеров, выловленных у Смирны и Александрии. Узнав, что в Ливии водятся большие креветки, он

[12] Использован перевод С. А. Ошерова.

проделал огромный пусть, чтобы убедится в этом и приобрести дорогостоящих продуктов (Ath. 7a). Гурманы ценили редкие или диковинные продукты. Апиций выглядит весьма адекватным по сравнению с Аристоксеном, который на ночь приказывал поливать салат-латук водой, смешанной с медом и вином. Как писал Афиней, Аристоксен в этих случаях любил приговаривать, что земля приносит ему готовые пирожки (Ath. 7c). Это представлялось Афинею верхом безрассудства и расточительности.

В исследовательской литературе зачастую упоминается и анализируется упомянутый пассаж о поездке Апиция в Африку для ловли креветок[13]. В совместном труде Дж. Вилкинса и Ш. Хилл содержится весьма интересное замечание относительно этого эпизода. Ученые рассматривали соотношение различных видов мяса в рационе античных людей; было отмечено, что морепродукты присутствовали в изобилии на столах римлян, так как обитатели морских или речных вод без труда могли быть выловлены из них. Их не требовалось выращивать или доставлять из отдаленных местностей, поэтому они были доступны всем слоям общества. Однако отдельные экземпляры рыб или креветок, особенно крупных и редких, могли стоить довольно дорого[14]. Они покупались как раз такими богачами, вроде Апиция, которые этим хотели эпатировать гостей[15].

Косвенную информацию об Апиции мы можем получить, проанализировав круг тех людей, с именами которых упоминался этот человек. Марциал в одной из эпиграмм писал об Апиции и Меценате[16], которые славились тем, что вели светский образ жизни и искали чувственных наслаждений. Меценат, будучи поклонником эпикурейства, предавался удовольствиям до такой степени, какая даже римлянам того времени казалась чрезмерной. То, что Апиций был упомянут вместе с Меценатом, позволяет заключить, что личность кулинара была не менее известна, чем фигура Мецената. Мы не имеем данных, что Апиций, подобно известному покровителю искусств, занимался такого рода деятельностью, следовательно, данные строки эпиграммы Марциала мы не рассматриваем как свидетельство того, что Апиций помогал римской богеме[17].

---

[13] Роббер 2006,116.

[14] Wilkins, Hill 2006, 56.

[15] Необходимо отметить, что в «Кулинарной книге» при описании рецептов блюд из креветок не отмечено что-либо об их размерах или местности, в которой они должны быть выловлены. Однако такого рода уточнения были не редкостью для этой книги: к примеру, при описании способа приготовления полынного вина (Absinthium Romanum) оговаривалось, что полынь должна быть собрана или в округе городка Санто на юге Франции, или на побережье Понта (Apic. I. 3). Таким образом, получается, что Апиций, если верить Афинею, предпочитал креветок, выловленных в определенной местности, считая их самыми вкусными и пригодными для своего стола. Более того, он пустился в длительное путешествие, чтобы проверить слухи о том, что в Ливии водятся огромные креветки. Следовательно, эту характеристику продукта он считал очень важной для вкуса и качества кушаний из этих морепродуктов. Мы можем предположить, что он бы это упомянул в своем рецепте.

[16] Mart. Ep. X. 73:

Littera facundi gratum mihi pignus amici Pertulit, Ausoniae dona severa togae, Qua non Fabricius, sed vellet Apicius uti, Vellet Maecenas Caesarianus eques.

[17] В комментарии к английскому переводу эпиграмм Марциала относительно анализируемых строк отмечается, что Фабриций как символ простоты предков противопоставлялся Апицию и Марциалу, которые были олицетворением современной Марциалу роскоши (Martial 1920). О Фабриции ср.: Juv. Sat. XI. 90.

Благодаря пассажу Сенеки известно о том, во времена Тиберия жил еще один человек, способный тратить баснословные суммы на покупку продуктов питания. Это был Публий Октавий, отождествляющийся некоторыми комментаторами с известным из надписей наместником Египта при Августе[18]. Сенека описал историю того, как Тиберию была преподнесена огромная краснобородка (mullus), которую император решил отправить на продажу на рынок. Он предположил, что ей заинтересуются известные гурманы (gulo). Рыбу в итоге приобрел Октавий за пять тысяч сестерциев и отправил Тиберию в качестве подарка (Sen. Ad Luc. XCV. 42). Подобная история о покупке огромной рыбы за несоизмеримую ее реальной стоимости сумму передана также и Ювеналом (Juv. Sat. IV. 23–24). И опять-таки, Апиций не был тем человеком, кто ее приобрел. Ювенал писал, что Криспин купил рыбу за шесть тысяч сестерциев. Таких трат Апиций себе позволить не мог, поэтому он был назван автором «miser et frugi». Д. С. Недович перевел это как «жалкий и честный», однако нам представляется, что здесь имелось в виду другое значение слова «frugi» — умеренный, бережливый, экономный[19]. Тогда данную фразу можно трактовать как ироничное высказывание о том, что по сравнению с расточительным Криспином даже Марк Апиций выглядел экономным и бережливым.

Сенека вместе с Апицием упоминает и Номентана, также известного кутилу и чревоугодника (Sen. De Vita Beata. XI. 4). Таким образом, Апиций был не единственным, кто вел такой образ жизни и всячески это подчеркивал. Появляется ряд людей, чьи роскошные пиршества посещали самые известные представители политической элиты. Во время частных празднеств молодые политики могли искать себе покровителей из числа богатых и влиятельных римлян. Как отмечал Тацит, Сеян в ранней молодости был близко знаком с богачом и мотом Апицием, которому «продавал свою развращенность» (Tac. Ann. 4. 1).

Апиций был не одинок в своих пристрастиях к организации роскошных пиров. Желание сделать угощения запоминающимися толкало гурмана на дорогостоящие покупки, цена на которые диктовалась не рыночной стоимостью товаров, а их эксклюзивностью. Огромные средства тратились на создание атмосферы празднества: залы украшались лепестками цветов, пиры проходили при сопутствующем музыкальном сопровождении. Для того, чтобы поразить окружающих, предпринимались совершенно экстравагантные поступки, которыми славился и Апиций.

Для Луция Элия, известного своей неординарностью и любовью к роскоши, «Кулинарная книга», приписываемая Апицию, была настольной. Интересно и то, что соседствовала она с сочинениями Овидия и Марциала (SHA. Ael. V. 9), следовательно, увлечение поварским искусством было весьма популярно в самых высших кругах общества. Возможно, из этого труда Луций Элий черпал новые идеи для застолий, искал способы расширить вкусовую свою палитру.

Преклонение перед роскошью и людьми, которые могли ею себя окружить, было свойственно римской политической элите. Известна фраза Гелиогабала, который говорил, что как частное лицо он подражает Апицию, а как импера-

[18] Цит. по: Сенека 1977. Прим. 12 к письму. XCV.

[19] Дворецкий 2000, 338. frugi I frūgī 1) разумный, благоразумный, дельный (frugi bonae) добропорядочный, честный (homo, servus, vita); 2) умеренный, бережливый, экономный (cena ; victus).

тор — Нерону, Отону и Вителлию (SHA. Hell. 18. 4). Таким образом, даже в более поздние времена имя Апиция было известно в обществе и ассоциировалось с чревоугодием. Гелиогабал стремился быть похожим на Апиция, употребляя в пищу изысканные лакомства, такие как пятки верблюдов, гребни, срезанные у живых петухов, языки павлинов и соловьев (SHA. Hell. 20.5). Император также не скупился на угощения дворцовой охране, в рацион которой входили такие экзотические продукты как мозги фламинго, дроздов, яйца куропаток. Считалось, что его обеды не стоили меньше ста тысяч сестерциев; иногда траты на обед доходили до трех миллионов сестерциев. Вполне возможно, что при выборе вин, без которых не обходились пышные празднества, он также подражал Апицию. Гелиогабал любил розовое вино (Rosatum — Apic. I. 4), делая его более благовонным, добавляя сосновые шишки (SHA. Elag. XIX. 4; XXIV. 1). Этот император также предпочитал вино, настоянное на полыни (Apic. I. 3; SHA. Elag. XXI. 6). Гелиогабал стремился организацией роскошных пиршеств превзойти обеды Вителлия и Апиция (SHA. Hell. 24. 3–4). Таким образом, Апиций был в некотором роде примером для подражания, слава о нем как об аристократе, жившем «на широкую ногу», не давала покоя даже императорам.

Личность Апиция была популярна в обществе, он имел подражателей и последователей в самых высших его кругах, о чем сокрушался Сенека. Разговоры во время застолий и празднеств были, как правило, о политике. Темами застольных бесед были не только вопросы философии и художественного творчества (Plut. Quest. conv. I. 1), но также и проблемы внешней и внутренней политики; делались, к примеру, прогнозы относительно хода кампаний (Mart. Ep. IX. 35). Афиней хвалил богатого римлянина Ларенсия, пиры которого славились тем, что на них обсуждались «достойные разбора вопросы» (Ath. 2b-d). Интересно замечание автора о том, что празднество проходило не по «сценарию», брались актуальные вопросы из области политики и науки, обсуждение ситуации шло с применением сократовского метода. За столом собиралась образованная публика, это были политики, в том числе сведущие в религиозных церемониях, философы различных школ.

Нарративная традиция представляет Апиция как чревоугодника, полностью контролируемого гастрономическими пристрастиями. Как правило, этот подход к оценке данной личности повторяется и в исследовательской литературе. Мы не склонны считать, что Апиций был человеком неуравновешенным, преклоняющимся перед роскошью и неспособным устоять перед соблазном вкушать шедевры кулинарии. В конце концов, после того, как он частично израсходовал свое состояние, оставалась еще существенная его часть. Этого бы могло хватить на безбедное существование. Более того, Апиций мог бы себе позволить тратить деньги и на покупку деликатесов, а также присутствовать на самых пышных пирах. Однако Апиций уже не мог жить так, как привык и как, вероятно, хотел. Он был весьма успешен в том, чем занимался, став известным организатором застолий. Он привык, что был популярен и востребован той частью общества, которая посещала его пиры и ждала, чтобы ее удивили новыми кулинарными шедеврами. На наш взгляд, Апиций был человеком, имевшим своеобразную собственную жизненную позицию и подстраивавшим образ жизни под запросы высшего общества. Он добился того, что на его празднествах присутствовали самые известные

люди государства. Экстравагантные поступки сделали его героем сплетен, к чему, возможно, и стремился Апиций, заплатив за это в итоге слишком высокую цену.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьева А.А. 2000: Древнеримская кулинарная лексика: Проблема терминологии (на материале текстов Апициевского корпуса): дис…на соиск. уч. степени канд. филол. наук. М.

Дворецкий И.Х. 2000: Латинско-русский словарь. М.

Робер Ж.-Н. 2006: Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений. М.

Сергеенко М.Е. 1964: Жизнь древнего Рима. М.; Л.

Civitello L. 2008: Cuisine and Culture: A History of Food and People. Hoboken.

Grainger S., Grocock C. 2006: Apicius: A Critical Edition with an Introduction and an English Translation. Totnes.

Grainger S. 2007: The Myth of Apicius // Gastronomica. 7(2), 71–77.

Klebs E., Rohdn P. v. 1894: Apicius // RE. Bd. 1. Hb. 2. Stuttgart. Sp. 2802.

Martial. 1920: Epigrams. The Loeb Classical Library / C.A. Walter, M.A. Ker (trans.).Vol. II. London; New York.

Vehling J.D. 1936: Apicius. Cooking and Dining in Imperial Rome. Chicago.

Wilkins J. M., Hill S. 2006: Food in the Ancient World. Blackwell.

INFORMAL ELITE OF TIBERIAN TIMES: MARCUS GABIUS APICIUS

A.N. Zharovskaya

The article shows Marcus Gabius Apicius as a representative of Roman informal elite of Tiberian times. In his lifetime, Marcus Gabius Apicius became notorious for his sumptuous feasts of enormous cost. Similar to other spendthrifts and gourmets, Apicius set an example of deriving pleasure from life. He knew fashionable trends and he himself set a fashion for entertainment and hobbies, cuisine among them. He was very popular in society; social events organized by him were a kind of social and political regulator with a communicative function. The author assumes that Apicius was a person with his own stand in life adjusting his lifestyle to the requirements of high society.

Key words: the Roman Empire, Tiberius, Marcus Gabius Apicius, social life

© 2012

Н. В. Мишуров

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ РАБОТ, ПРИПИСЫВАЕМЫХ РИМСКОМУ ИСТОРИКУ СЕКСТУ АВРЕЛИЮ ВИКТОРУ*

В статье рассматривается дискуссионный вопрос об авторстве римского историка IV в. н.э. Аврелия Виктора в отношении четырёх работ, традиционно приписываемых ему: «De origine gentis Romanae», «De viris illustribus», «De Caesaribus и «De vita et moribus imperatorum Romanorum» или «Epitome de Caesaribus». Проведён анализ сообщений древних и средневековых авторов об Аврелии Викторе и о названных произведениях. Сделан вывод о том, что Аврелий Виктор является автором работы «De Caesaribus». Приведены аргументы в пользу возможного авторства данного историка в отношении «De vita et moribus imperatorum Romanorum» («Epitome de Caesaribus»). Утверждается, что произведения «De origine gentis Romanae» и «De viris illustribus», скорее всего, Аврелию Виктору не принадлежат.

Ключевые слова: Римская империя, Сект Аврелий Виктор, «De origine gentis Romanae», «De viris illustribus», «De Caesaribus», «De vita et moribus imperatorum Romanorum», «Epitome de Caesaribus»

Имя римского историка IV в. н.э. Секста Аврелия Виктора присутствует во многих исследованиях по истории Древнего Рима. Историческая традиция связала с его именем четыре произведения: *«De origine gentis Romanae» («О происхождении римского народа»), «De viris illustribus» («О знаменитых людях»), «De Caesaribus» («О Цезарях»)* и *«De vita et moribus imperatorum Romanorum» («О жизни и нравах римских императоров»),* или *«Epitome de Caesaribus».* Данные работы являются важными источниками по социально-политической и военной истории Рима, во многих случаях содержат сведения о событиях, не нашедших отражения в других трудах античных авторов. Интерес к этим произведениям со стороны историков и филологов не ослабевает[1]. При этом существенное значение имеет вопрос об авторстве и датировке данных работ, остающийся в исторической науке до конца нерешенным на протяжении уже нескольких веков.

Известно, что к началу XVI в. из названных произведений публиковались только *«De vita et moribus imperatorum Romanorum» и «De viris illustribus».* При этом *«De vita et moribus»,* сборник кратких биографий римских императоров от Октавиана Августа до Феодосия, считался работой Аврелия Виктора и издавался под его именем, например, в Фано (1504 г.), и в Страсбурге (1505 г.)[2].

Произведение *«De viris illustribus»,* по форме сходное с *«De vita et moribus imperatorum Romanorum»,* охватывает царский и республиканский периоды римской истории. Среди его возможных составителей указывались, без особых на то оснований, самые разные римские авторы I–II вв. от Тита Ливия до Светония

Мишуров Николай Владимирович — аспирант кафедры всеобщей истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова. E-mail: arrinor@rambler.ru

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант 10–06–00140-а и в рамках Госконтракта № 16.740.11.0104 на выполнение научно-исследовательских работ.

[1] Bird 1994; Rohrbacher 2002; Banchich 2007.

[2] Arntzenio 1733, 6.

Транквилла. В частности, в издании 1547 г. автором *«De viris illustribus»* назван Плиний Младший.

В 1579 году фламандский священник и любитель древностей Андрей Скотт опубликовал в Антверпене обнаруженные в рукописях XV века произведения *«De origine gentis Romanae», «De viris illustribus»* (со своими добавлениями) и *«De Caesaribus»,* а также *«De vita et moribus imperatorum Romanorum»* с подзаголовком *«Epitome de Caesaribus»,* и приписал их Аврелию Виктору[3]. *«De origine gentis Romanae»* охватывает праисторический период до Ромула и основания Рима, *«De Caesaribus»* представляет собой собрание биографий римских императоров от Октавиана Августа до Констанция II (до 360 г.). В дальнейшем публикация всех четырех произведений под именем Аврелия Виктора вошла в традицию и закрепилась в последующих изданиях.

Сомнения в авторстве Аврелия Виктора сопровождали эти издания с момента их появления. Уже Андрей Скотт сомневался в справедливости объявления Аврелия Виктора автором *«Epitome de Caesaribus».* В комментариях к изданию трудов Аврелия Виктора, выпущенного Аритцением в Амстердаме (1733 г.), вопрос об авторстве *«De origine gentis Romanae», «De viris illustribus»* и *«Epitome de Caesaribus»* остался открытым. В Парижском (1825 г.) издании сочинений Аврелия Виктора его авторство в отношении всех работ, кроме *«De Caesaribus»,* решительно отвергнуто[4]. Немецкий историк Б. Г. Нибур в своей «*Römische Geschichte»*, изданной в 1811–1832 гг., вообще считал данные труды, за исключением какого-то незначительного ядра античного происхождения, выдумками гуманистов XV–XVI вв.

Серьезная исследовательская работа в отношении этих сочинений началась во второй половине XIX в., после обнаружения самых полных рукописей[5] и выхода в свет работ Т. Моммзена и его учеников по данной проблематике.

Большинство исследователей в настоящее время считают твердо установленным несомненное авторство Аврелия Виктора в отношении *«De Caesaribus»*[6], а работу *«De vita et moribus imperatorum Romanorum»,* или все три работы, кроме «*De Caesaribus»*, — составленными позднее одним или несколькими неизвестными нам компиляторами[7]. В научной литературе это отражается, в частности, в том, что ссылки на труд *«De Caesaribus»* даются под именем Аврелия Виктора, а на остальные труды — под именем Псевдо-Аврелия Виктора. Вместе с тем, отдельные историки вполне допускают мысль об авторстве Аврелия Виктора как в отношении *«Epitome»*[8], так и *«De origine gentis Romanae»* и *«De viris illustribus»*[9].

Каковы же основания принимать или отвергать авторство Аврелия Виктора в отношении вышеуказанных работ? Для *«De Caesaribus»* основанием принятия такого авторства признается, главным образом, особый литературный стиль данного сочинения[10]. Мы считаем, что этого основания недостаточно, хотя бы по-

[3] Так называемый «Корпус Аврелия».
[4] Caillot 1825, III–IV.
[5] Оксфордский кодекс (0) и Брюссельский кодекс (p), или Пульмана.
[6] Bird 1994, VII–XXIX; Rohrbacher 2002, 44–47.
[7] Banchich 2007, 308–309.
[8] Schlumberger 1974, 2.
[9] Немировский 2000, 424; Бокщанин 1981, 31.
[10] Соколов 1964, 216; Bird 1994, XV–XXII.

тому, что стиль одного и того же автора может меняться как в зависимости от избранной формы произведения, так и по прошествии времени.

В качестве серьезного аргумента в пользу утверждения, что Аврелий Виктор — автор *«De Caesaribus»,* также часто рассматривается африканское происхождение автора произведения. Действительно, автор *«De Caesaribus»* в главе, посвященной императору Септимию Северу, которого он очень восхваляет, говорит, что тот был *«gentis nostrae»* (De Caes. XX. 6), т.е. его земляком, а африканское происхождение Севера известно (Eutrop. 18.1; SHA. Sev. I. 1–2). Однако для идентификации Аврелия Виктора в качестве автора *«De Caesaribus»* нужны доказательства, что и Аврелий Виктор был африканского происхождения.

В одном из подзаголовков к «Origo gentis Romanae», а как видно из текста подзаголовка, и ко всему сборнику работ, включая «De Caesaribus», Аврелий Виктор назван *Afer*: «От основателей Яна и Сатурна, через преемственных друг от друга царей и правителей до десятого консульства Констанция, извлечения из сочинений Веррия Флакка Антиста (как сам Веррий предпочел себя называть вместо Антия), затем из анналов понтификов и далее из сочинений Гнея Эгнатия Вератия, Фабия Пиктора, Лициния Макра, Варрона, Цезаря, Туберона, а также из всей истории древнейших писателей, как это подтвердил каждый из неотериков, именно Ливий и Виктор Афер» (перевод В. С. Соколова)[11].

Данный подзаголовок озадачивает (Тит Ливий и Аврелий Виктор «в одной компании» с неотериками) и, бесспорно, не принадлежит античности, а был составлен, скорее всего, в XVI веке Андреем Скоттом[12]. Следовательно, никаких доказательств построить на факте наличия в нем имени Виктор Афер нельзя.

Еще более неубедительно, хотя бы с позиции формальной логики, выглядит использование того факта, что стиль автора *«De Caesaribus»* — витиеватый и напыщенный — с античных времен именовался как «африканский». Чтобы изъясняться африканским стилем, быть африканцем вовсе не обязательно. Таким образом, сами по себе, в отрыве от других, объективных факторов, ни стиль, ни африканское происхождение, доказательством авторства Аврелия Виктора в отношении *«De Caesaribus»* служить не могут.

Более объективным и оправданным в данном случае представляется рассматривать этот вопрос, опираясь, прежде всего, на сообщения древних и средневековых авторов.

Хронологически первым упоминанием об историке Аврелии Викторе и его работах является сообщение Иеронима Далматского. Около 374 г. в письме к некоему старцу Павлу из Конкордии он просит прислать ему *«записки Фортунатиана и историю Аврелия Виктора ради сведений о подвергавших христиан преследованиям»* (Hieron. Ep. 10. 3, перевод В. С. Соколова)[13]. Значит, к 374 году имя Аврелия Виктора было известно как автора одного или нескольких исторических произведений. Но какое из сочинений Аврелия Виктора имел в виду Иероним,

[11] A Iano et Saturno conditoribus, per succedentes sibimet reges, usque ad consulatum decimum Constantii, digesta ex auctoribus Verrio Flacco, Antiate (ut quidem idem Verrius maluit dicere, quam Antia), tum ex annalibus pontificum, dein Cincio, Egnatio, Veratio, Fabio Pictore, Licinio Macro, Varrone, Caesare, Tuberone, atque ex omni priscorum historia; proinde ut quisque neotericorum asseveravit, hoc est et Livias et Victor Afer.

[12] Соколов 1963, 62–63.

[13] Commentarios Fortunatiani et propter notitiam persecutorum Aurelii Victoris historiam.

говоря об «Истории Аврелия Виктора»? Очевидно, это не мог быть труд *«De vita et moribus imperatorum Romanorum»*, законченный ее автором после смерти и погребения императора Феодосия (395 г.), но при жизни его сына Аркадия, умершего в 408 г. Вряд ли это могли быть работы *«О происхождении римского народа»* и *«О знаменитых людях»,* охватывающие период ранней римской истории и не содержавшие сведений о гонителях христианства, живших значительно позднее. Такие сведения из работ, включаемых сейчас в «Корпус Аврелия», содержатся только в труде *«О Цезарях»*. Более того, *«De Caesaribus»* охватывает период правления всех императоров — преследователей христианства, от Нерона до Юлиана Отступника, который также *«жестоко преследовал христианскую веру, но в то же время не допускал кровопролития»* (Eutrop. 16. 3, перевод В. С. Соколова). Именно поэтому «все исследователи, и в том числе Т. Моммзен, думают, что это (сообщение Иеронима — *Н.М.*) относится к книге Аврелия *«De Caesaribus»*[14]. Согласимся с этим и мы, тем более что в исторической науке высказано мнение, что Иероним запрашиваемую *«Историю» = «De Caesaribus»* Аврелия Виктора получил и использовал ее в своей «Хронике» (Chron. 213d; 217e; 226b) при переработке Евсевия[15].

Следующим хронологически, но повествующим и о более ранних событиях, является сообщение Аммиана Марцеллина. В своей «Истории» (XXI. 10. 6) он пишет, что император Юлиан *«вызвал историка Виктора, которого встретил в Сирмии, назначил его консуляром Второй Паннонии и почтил бронзовой статуей этого человека, достойного зависти за свой разумный образ мыслей — много позднее он был префектом города Рима»* (перевод Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни) [16].

Присутствие императора Юлиана в Сирмии датируется 361 годом[17]. К этому же периоду следует отнести и время написания труда *«De Caesaribus»,* доведенного до правления Юлиана. Среди префектов Рима мы находим имя Секста Аврелия Виктора упомянутым в 389 г. в надписи CIL VI. 1186. 6 = D1. 2945[18]. Таким образом, к моменту написания «Истории» Аммиана Марцеллина (ок. 390–391 гг.)[19], Аврелий Виктор был уже известен как историк и крупный чиновник. При этом, очевидно, среди его трудов и в этот период не могло быть произведения *«De vita et moribus imperatorum Romanorum»,* написанного после 395 г., т.е. после создания «Истории» Аммиана. Высказываемая иногда в исторической науке версия о том, что вышеупомянутое сообщение Аммиана по сути является некрологом, указывающим на то, что Аврелий Виктор к лету 391 г. уже умер, в современных исследованиях отвергается[20].

Следующее упоминание об Аврелии Викторе мы находим у ранневизантийского автора Иоанна Лида. В своем труде «О магистратах римского народа», со-

[14] Соколов 1964, 217.

[15] Bird 1994, XIV; 43; Albrecht 1997, 1374.

[16] ubi Victorem apud Sirmium visum scriptorem historicum exindeque venire praeceptum, Pannoniae secundae consularem praefecit et honoravit aenea statua, virum sobrietatis gratia aemulandum, multo post urbi praefectum.

[17] Nixon 1991, 113; 130.

[18] Jones, Martindale, Morris 1973, 960.

[19] Rohrbacher 2002, 16.

[20] Syme 1968, 9; Bird 1994, XXIV.

ставленном ок. 550 г., Иоанн Лид пишет, что историк Виктор в сочинении *«Ἱστορία τῶν Ἐμφυλιων»* упоминает должностных лиц фрументариев: *«…βίκτωρ ὁ ἱστορικὸς ἐν τῇ Ἱστορία τῶν Ἐμφυλιων φρουμενταρίους οἰδε τὸ πρὶν ὀνομασθῆναι ὅτι τῆς τοῦ παλατιου εὐθηνίας τὸ πρὶν ἐφρόντιξον»* (De mag. III. 7)[21]. Из рассматриваемых нами произведений, связанных с именем Аврелия Виктора, только в одном имеется такое упоминание, а именно в биографии Диоклетиана из произведения *«О Цезарях»*: *Neque minore studio pacis officia vincta legibus aequissimis ac remoto pestilenti frumentariorum genere, quorum nunc agentes rerum simillimi sunt* (De Caes. XXXIX. 44)[22].

Известно, что название *«De Caesaribus»* прослеживается по рукописям, начиная с XII столетия[23]. Видимо, поэтому название труда Аврелия Виктора в тексте «*De Magistratibus»* Иоанна Лида ранее переводилось как *«historia Caesarum»*[24]. На наш взгляд, *«Ἱστορία τῶν Ἐμφυλιων»* следует переводить как *«История Междоусобий»* (имеются в виду гражданские войны). Ряд исследователей (Anastasius C. Bandy; Thomas M. Banchich) в настоящее время предлагают перевод *«the History of the Civil Wars»*[25], считая, однако, что данное название относится только к главе XXXIX *«De Caesaribus»*, т.е. к биографии Диоклетиана[26]. По нашему мнению, название *«Ἱστορία τ οω;˜ν Ἐμφυλιων»* следует относить ко всему труду *«De Caesaribus»* и рассматривать как предпочтительное, поскольку оно фигурирует в работе более раннего автора. Перевод названия как *«История Междоусобий»* (или же *«История гражданских войн»*), на наш взгляд, лучше отражает содержание произведения. В подтверждение можно сослаться на мнение С. Никсона, считающего, что рассказ Аврелия Виктора в *«De Caesaribus»*, особенно для периода кризиса III века и господства сыновей Константина, является почти непрерывным каталогом гражданских войн и конфликтов[27].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что именно произведение, известное сейчас как *«De Caesaribus»*, Иоанн Лид называет *«Ἱστορία τ οω;˜ν Ἐμφυλιων»* и указывает на авторство Аврелия Виктора.

Что касается вопроса об авторе произведения *«De vita et moribus imperatorum Romanorum» («Epitome de Caesaribus»),* то внести определённую ясность могут сведения из географического трактата «*De terminatione provinciarum Italiae»*[28], датируемого VII в.[29] В этой работе анонимный автор ссылается на Аврелия Виктора и его «Историю», когда пишет о провинции Коттийские Альпы: «*Sunt qui Alpes Cottias et Apenninas, unam dìcunt esse provinciam: sed hos Victoris revìncit Historia, quae*

---

[21] «историк Виктор в «Истории Междоусобий» сообщает, что прежде их называли фрументариями, потому что ранее они заботились о достатке государства».

[22] «С не меньшей заботой была урегулирована справедливейшими законами и гражданская служба: отменена была разорительная [для народа] должность фрументариев, весьма похожих на теперешних agentes rerum». Перевод В. С. Соколова.

[23] Dufraigne 1975, VII–VIII.

[24] См., например: Ioannis Laurentii Lydi Philadelpheni 1812, 159.

[25] Bandy 1983, 141; Banchich 2007, 309.

[26] Bandy 1983, 304.

[27] Nixon 1991, 122.

[28] Glorie 1965, 349–363.

[29] Lenzi 2006, 133.

Alpes Cottias per sé provinciam appellat» (De term. IX.)[30]. Однако сообщение о данной провинции дословно повторяется как в *«De Caesaribus»*, так и в *«Epitome de Caesaribus»*: «Понт он обратил в провинцию с согласия [понтийского] царька Полемона, почему Понт стал называться Полемоновым; также и Коттийские Альпы — после смерти царя Коттия» (De Caes. V.1 = Epit. de Caes. V. 4; перевод В.С. Соколова)[31]. Но, поскольку в другом разделе трактата, приводится версия о происхождении названия Адриатического моря от имени города Адрия (De term. XII)[32], имеющаяся в *«Epitome»* (Epit. de Caes. XIV.1)[33], и отсутствующая *в «De Caesaribus»*, очевидно, что автор трактата имеет в виду именно *«Epitome».*

Историк VIII века Павел Диакон в своей работе *«De gestis Longobardorum»* (ок. 790 — 799 гг.) дословно воспроизводит текст трактата «*De terminatione provinciarum Italiae»* с информацией об Аврелии Викторе (De gest. Long. II. 18), а также сведения о происхождении названия Адриатического моря (De gest. Long. II. 19). Однако, скорее всего, источником для Павла Диакона был не только вышеуказанный трактат, но и работа *«Epitome de Caesaribus»,* широко использованная Павлом в более раннем труде, *«Historia Romana»* (ок. 775 г.)[34]. Версия о том, что Павел Диакон в *«De gestis Longobardorum»* имел в виду *«De Caesaribus»*[35], представляется в связи с этим ошибочной.

Таким образом, автор трактата «*De terminatione provinciarum Italiae»* (в VII веке) и Павел Диакон (в конце VIII века) упоминают Аврелия Виктора как автора «Истории», известной позднее как *«Epitome de Caesaribus».* Тем не менее, несмотря на данные сообщения, авторство Виктора Аврелия в отношении *«Epitome de Caesaribus»,* как сказано выше, большинством историков не признается, и объясняется ошибочным толкованием средневековыми авторами подзаголовков в рукописях, а также, возможной утратой после 550 г. текста *«De Caesaribus»*[36].

Ряд авторов доказывают, что *«Epitome de Caesaribus»* не принадлежит Аврелию Виктору, на том основании, что стиль данного произведения отличается от стиля *«De Caesaribus»*[37]. По нашему мнению, убедительным доказательством это служить не может, особенно учитывая временной интервал, разделяющий эти произведения. Поскольку *«De Caesaribus»* закончен в 361 году, а «*Epitome»* написана между 395 и 408 гг., этот интервал может составлять 35–40 лет и более. За такое время литературный стиль историка мог серьёзно измениться. К тому

[30] «Некоторые считают коттийские и апеннинские Альпы одной провинцией, но это противоречит историческому труду Виктора, который упоминает коттийские Альпы как отдельную провинцию». (Перевод Д. Ракова.)

[31] Pontum in ius provinciae Polemonis reguli permissu redegit, a quo Polemoniacus Pontus appellatur, itemque Cottias Alpes Cottio rege mortuo.

[32] civitates Firmus, Asculus et Pinnius et Adria, quae Adriatico pelago nomen dedit. Города Фирмус, Аскулус, Пинниус, и Адрия, который дал свое название Адриатическому морю.

[33] Aelius Adrianus, stirpis Italae, Aelio Adriano, Traiani principis consobrino, Adriae orto genitus, quod oppidum agri Piceni etiam mari Adriatico nomen dedit, imperavit annis viginti duobus. «Элий Адриан италийского рода, родившийся от Элия Адриана, двоюродного брата принцепса Траяна, происходившего из города Адрии в области Пицена, давшего свое имя Адриатическому морю, правил двадцать два года». Перевод В.С. Соколова.

[34] Roldan 2006, 33–35.

[35] Соколов 1964, 217.

[36] Schlumberger 1974, 2–3.

[37] Albrecht 1997, 1374–1375.

же разный стиль может быть продиктован разными целями и задачами, стоящими перед автором. Для *«De Caesaribus»* это оценка исторических деятелей, их действий и характеров, отсюда обстоятельность повествования, морализаторские и философские отступления, для *«Epitome»* — показ, в первую очередь, событийного ряда, отсюда фрагментарность и отрывочность. Вполне логично, что произведения разных жанров могут быть написаны в разном стиле у одного и того же автора.

По нашему мнению, фактологические противоречия, встречающиеся в этих двух сочинениях, также не могут быть серьёзным основанием для вывода о том, что данные произведения принадлежат разным людям. Автор мог найти новые исторические факты и изменить отношение к уже известным, что и могло отразиться в различиях содержания отдельных частей произведений. То, что *«De Caesaribus»* и *«Epitome»* имеют полное или значительное сходство по содержанию в пределах первых 11 глав (до биографии Домициана), а затем расходятся, скорее подтверждает, а не опровергает авторство Аврелия Виктора. Ведь логично допустить, что новые факты найдутся для более близких по времени событий (государственные документы, очевидцы, слухи). В частности, отдельные эпизоды *«Epitome»* из биографий Константина (Epit. de Caes. XLI.13;16) и Феодосия (Epit. de Caes. XLVIII.2) прямо свидетельствуют об использовании автором устной традиции.

С другой стороны, в пользу одного и того же автора, по нашему мнению, может свидетельствовать такое важное обстоятельство, что и в *«De Caesaribus»,* и в *«Epitome»* христианство не упомянуто ни единым словом.

Дополнительные аргументы в пользу авторства Аврелия Виктора в отношении *«Epitome de Caesaribus»* можно получить, по нашему мнению, при анализе сведений по Паннонии. Если Аврелий Виктор, занимавший с 361 г. в течение нескольких лет[38] высшие должности в Паннонии, является автором *«Epitome»,* то мы вправе ожидать в этом сочинении уточнения информации, связанной именно с данным регионом. Ряд эпизодов, на наш взгляд, это подтверждает.

Так, об императоре Деции в *«De Caesaribus»* сказано, что он родился в поселке близ Сирмия (De Caes. XXIX.1), а в *«Epitome»* сообщается название этого поселка — Бубалия (Epit. de Caes. XXIX.1). В *«De Caesaribus»* говорится о мятеже и захвате власти начальником пехоты Ветранионом в Верхней Мезии (De Caes. XLI.27). В *«Epitome»* уточняется, что это произошло в Паннонии, близ города Мурсии (Epit. de Caes. XLI.25). В *«De Caesaribus»* сообщается, что у императора Галлиена была любовница, дочь царя германцев по имени Пипа (De Caes. XXXIII. 6). В *«Epitome»* эта информация дополнена сведениями о том, что дочь царя Галлиен «взял по договору, пообещав вступить с ней в брак, от отца ее, царя маркоманнов, уступив ему при этом часть Верхней Паннонии» (Epit. de Caes. XXXIII. 1. Пер. В.С. Соколова).

Согласно *«De Caesaribus»*, император Галерий, чтобы приспособить для земледелия поля в Паннонии, вырубил для этого непроходимые леса и спустил в Дунай воды из озера Пельсо: *«emisso in Danubium lacu Pelsone»* (De Caes. XL. 9–10). Большинство историков отождествляют Пельсо с современным озером Бала-

[38] До 365 г., когда засвидетельствован другой наместник. См.: Rohrbacher 2002, 43.

тон[39]. Данная информация из *«De Caesaribus»* представляется сомнительной. Во-первых, Балатон находится на своем месте по сей день. Во-вторых, трудно представить, чтобы в условиях лесов и бездорожья при помощи примитивной техники начала IV в. римские солдаты могли спустить в Дунай целое озеро, да еще такое, как Балатон, площадью около 600 кв. км и глубиной до 15 м[40]. В *«Epitome»* информация об осушении Пельсо отсутствует. Вполне вероятно, что автор не включил ее, убедившись в недостоверности этих сведений, что естественно для наместника Паннонии. Одновременно в *«Epitome»* (XLI.5.) появляется отсутствующее в *«De Caesaribus»* упоминание о ночном захвате лагеря Лициния войсками Константина в Паннонии, на земле кибалов у озера Гиульк.

Сообщение о паннонском происхождении Аврелия Максимиана, по прозвищу Геркулий, также отсутствующее в *«De Caesaribus»*, сопровождается в *«Epitome»* описанием, характерным для очевидца, хорошо знающего местность: «*Еще и теперь недалеко от Сирмия возвышается холм с построенным на нем дворцом, где родители его работали как поденщики*» (Epit. de Caes. XL.10.Пер. В.С. Соколова). Обратим внимание, что все вышеуказанные сведения по Паннонии из *«Epitome»* являются уникальными и у более ранних авторов, включая Евтропия, не встречаются.

Значительно меньше оснований считать Аврелия Виктора автором *«De origine gentis Romanae» и «De viris illustribus»,* составленных, скорее всего, во второй половине IV в.[41] Пожалуй, единственным аргументом в пользу признания его авторства является то, что произведения *«De origine gentis Romanae»* и *«De viris illustribus»* с добавлением к ним или *«De Caesaribus»,* или *«Epitome»* образуют хотя и краткую, но вполне целостную и хронологически полную картину римской истории с древнейших времён до второй половины IV в. Некоторым историкам этого аргумента достаточно, чтобы в отношении *«De origine gentis Romanae» и «De viris illustribus»* об авторстве Аврелия Виктора «можно утверждать с определенной степенью уверенности»[42].

Однако данную картину можно составить и из сочинений, принадлежащих разным авторам. Труды *«De origine gentis Romanae»* и *«De viris illustribus»* приписал Аврелию Виктору только Андрей Скотт в XVI веке. В отношении авторства *«De viris illustribus»* сказано выше[43]. Составителем труда *«De origine gentis Romanae»* и после публикаций А. Скотта также часто признавался не Аврелий Виктор, а другие авторы, например, римский историк I века Квинт Асконий Педиан[44]. По нашему мнению, единственным основанием для А.Скотта приписать *«De viris illustribus»* Аврелию Виктору было то, что эта работа по стилю напоминает *«Epitome»*, связывавшуюся тогда с именем Аврелия Виктора, и составляет с ней хронологически цельную картину событий.

---

39 Колосовская 2000, 171.

40 Скржинская 2000, 212.

41 Banchich 2004, II; Albrecht von 1997, 1374.

42 Донченко, Высокий, Хорьков 1997, 311.

43 Сведения о Клеопатре, которые являются стержнем повести А. С. Пушкина «Египетские ночи», принадлежат не Аврелию Виктору, как ошибочно утверждается в повести, а добавлены в «De viris illustribus» Андреем Скоттом «по рукописным выдержкам из древних книг».

44 Caillot 1825, III — IV.

Таким образом, в отношении авторства и датировки работ, связанных с именем Аврелия Виктора, мы приходим к следующим выводам:

1. Труд *«De Caesaribus»,* законченный в 361 г., написан Аврелием Виктором.

2. Имеются, по нашему мнению, веские основания считать Аврелия Виктора также автором произведения *«Epitome de Caesaribus»*, датируемого 395–408 гг.

3. Сочинения *«De origine gentis Romanae» и «De viris illustribus»,* составленные, вероятно, во второй половине IV века, судя по всему, Аврелию Виктору не принадлежат.

ЛИТЕРАТУРА

Бокщанин А. Г. 1991: Источниковедение древнего Рима. М.

Донченко А. И., Высокий М. Ф., Хорьков М. Л. 1997: Последние историки великой империи // Римские историки IV века. / М. А. Тимофеев (отв. ред.). М., 297–318.

Колосовская Ю. К. 2000: Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв.н.э. М.

Немировский А. И. 2000: История Древнего мира: Античность. Ч.2. М.

Скржинская Е. Ч. 2000: Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 177–375.

Соколов В. С. 1963: Анонимные римские историки IV века н. э. // Вестник МГУ, серия «История». 1, 62–75.

Соколов В. С. 1964: Секст Аврелий Виктор — историограф IV в. н. э. // ВДИ. 4, 215–226.

Albrecht von M. 1997: A History of Roman Literatur. Vol. II. Brill Academic Publishers.

Arntzenio J. 1733: Sexti Aurelii Victoris Historia Romana. Amstelodami.

Banchich T. M. 2004: Introduction / Origo Gentis Romanae. The Origin of the Roman Race. Buffalo. New York.

Banchich T. M. 2007: The Epitomizing Tradition in Late Antiquity // A Companion to Greek and Roman Historiography. Vol. II. Oxford, 305–311.

Bandy A. C. 1983: Johannes Lydus. The magistracies of the Roman state. Philadelphia.

Bird H. W. 1994: Liber De Caesaribus of Sextus Aurelius Victor. Liverpool.

Caillot A. 1825: Galerie romaine, ou les hommes illustres de Rome et les Cesars. Paris.

Dufraigne P. 1975: Aurélius Victor: Livre des Césars. Paris.

Glorie F. (ed.) 1965: De terminatione provinciarum Italiae // Itineraria et alia geographica. Vol. 1. Turnholt.

Ioannis Laurentii Lydi Philadelpheni 1812: De Magistratibus Reipublicae Romanae. Libri tres. Parisiis.

Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. 1971: The Prosopography of the Later Roman Empire. V.1. Cambridge.

Lenzi F. 2006: Letteratura antica e itinerari per la storia della romanita in Emilia-Romagna. Bologna.

Nixon C. E. V. 1991: Aurelius Victor and Julian // Classical Philology. Vol. 86. 2, 113–125.

Schlumberger J. 1974: Die Epitome de Caesaribus. Untersuchungen zur heidnischen Geschichtsschreibung des vierten Jahrhunderts n. Chr. (Vestigia 18). München.

Rohrbacher D. 2002: The Historians of Late Antiquity. London; New York.

Roldan P. H. 2006: Pablo Diacono. Historia de los Longobardos. Cadiz.

Syme R. 1968: Ammianus and the Historia Augusta. Oxford.

THE AUTHORSHIP OF WRITINGS ACCREDITED TO SEXTUS AURELIUS VICTOR

N. V. Mishurov

The article considers a debatable issue concerning the authorship of four works traditionally accredited to Aurelius Victor, Roman historian of the 4th century AD. These are “De origine gentis Romanae”, “De viris illustribus”, “De Caesaribus” and “De vita et moribus imperatorum Romanorum” or “Epitome de Caesaribus”. The author analyzed information of ancient and medieval writers concerning Avrelius Victor and the works mentioned above and drew a conclusion that Avrelius Victor is the author of “De Caesaribus”. He also gives argument in favor of Avrelius Victor’s possible authorship of “De vita et moribus imperatorum Romanorum” (“Epitome de Caesaribus”). He also states that it is most unlikely that Avrelius Victor wrote “De origine gentis Romanae” and “De viris illustribus”.

Key words: Roman Empire, Sextus Aurelius Victor, “De origine gentis Romanae”, “De viris illustribus”, “De Caesaribus”, “De vita et moribus imperatorum Romanorum”, “Epitome de Caesaribus”

© 2012

В. А. Дмитриев

«НОЧНОЕ СРАЖЕНИЕ» ПОД СИНГАРОЙ: К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ СЕРЕДИНЫ IV в. н.э. В ВЕРХНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Статья посвящена проблеме датировки известного «ночного сражения» под Сингарой (Верхняя Месопотамия) между римской и персидской армиями, о котором источники сообщают весьма противоречивую информацию. Выделяются и анализируются две группы источников, одна из которых (речи Юлиана и Либания) позволяет датировать «ночное сражение» 344 г. н.э., вторая («Хроника» Иеронима, «Константинопольские консулярии» и «Хронологические каноны» Якова Эдесского) – 348 г. н.э. Автор выдвигает и обосновывает гипотезу, согласно которой под Сингарой произошло не одно, а два «ночных сражения», которые датируются 344 и 348 гг. Данный вывод позволяет внести некоторые коррективы и ясность в хронологию военно-политической истории Верхней Месопотамии середины IV в. н.э.

Ключевые слова: Римская империя, сасанидский Иран, римско-персидские войны, Сингара

Период в истории римско-персидских войн между 338 г., когда они возобновились после истечения срока действия Нисибисского мирного договора 298 г., и

Дмитриев Владимир Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета. E-mail: demetrius@rambler.ru

353 г. весьма скудно отражен в исторических источниках. В большинстве случаев мы располагаем лишь краткими и отрывочными данными о событиях, происходивших в указанный период во взаимоотношениях между Римской империей и сасанидским Ираном, которые, главным образом, содержатся либо в церковных историях той эпохи (прежде всего, сюда относятся сочинения Павла Орозия, Сократа Схоластика и Феодорита Киррского), либо в компендиях римской истории, написанных позднеантичными языческими авторами (Фест, Евтропий, Аврелий Виктор, Зосим). Только с 353 г. событийная сторона римско-персидских отношений, как и римской истории в целом, значительно проясняется благодаря монументальному труду Аммиана Марцеллина, в сохранившейся части которого (книги XIV–XXXI) повествование охватывает временной отрезок с 353 по 378 гг.

В связи с этим лишь немногие военно-политические события конца 330-х — начала 350-х гг. освещены в указанных литературных памятниках более или менее подробно, и к их числу относятся боевые действия римской и персидской армий, происходившие под Сингарой — крепостью, находившейся на римско-персидской границе в Верхней Месопотамии.

О том, что в 340-х гг. н.э. в районе Сингары произошли какие-то важные военные события, оставившие заметный след в истории противостояния Римской империи и сасанидского Ирана, говорит повышенный интерес к ним со стороны позднеантичных и средневековых историков. По меньшей мере, 11 писателей: Либаний (Liban. Or. XVIII. 208; Or. LIX. 99–120), Юлиан Отступник (Iul. Or. I. 23A – 25B), Фест (Fest. XXVII. 1–3), Евтропий (Eutrop. X. 10. 1), Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XVIII. 5. 7), Иероним (Hieron. Chron. 2363), Павел Орозий (Oros. VII. 29. 6), Сократ Схоластик (Socr. Schol. II. 25. 5), автор (или, скорее всего, авторы[1]) «Константинопольских консулярий» (Chron. min. P. 236), Яков Эдесский (Jac. Edes. Chron. can. P.311) и Иоанн Зонара (Zon. XIII. 5. 33) — сообщают о боевых действиях, происходивших в указанные годы под Сингарой. При этом почти все авторы уделяют особое внимание так называемому «ночному сражению» между римской и персидской армиями, а некоторые из них (прежде всего, Либаний и Юлиан) дают весьма подробные описания «ночного сражения». В результате, на первый взгляд, кажется, что научно-историческая реконструкция событий под Сингарой не может вызвать каких-либо серьезных затруднений[2] — действительно, далеко не все даже судьбоносные сражения античной эпохи могут похвастаться таким обилием упоминаний (а тем более — подробных описаний) в источниках.

Однако при более близком знакомстве с упомянутыми выше текстами мы тут же попадаем в по-своему парадоксальную ситуацию: при кажущемся обилии источникового материала нельзя дать определенного ответа ни на один (!) из вопросов, традиционно интересующих историка при анализе того или иного исторического факта, и прежде всего — на вопрос о датировке интересующих нас событий.

Данная проблема в силу своей неординарности уже давно привлекает внимание специалистов, и чуть ниже мы рассмотрим их точки зрения. Однако прежде

[1] О проблеме происхождения и авторства «Константинопольских консулярий» см.: Козлов 1990; Козлов 2008.

[2] В этой связи авторы «Кембриджской средневековой истории» применительно к Сингарской битве отмечают, что она была «единственным сражением [первой половины IV в. – В.Д.], о котором мы располагаем сколько-нибудь детальной информацией» (Gwatkin,Whitney 1911, 57).

следует сделать одно принципиально важное замечание: в конечном счете, все исследователи исходили из того, что в источниках (несмотря на все расхождения и противоречия между ними) сообщается *об одном и том же* сражении, происшедшем между римской и персидской армиями в районе Сингары. Насколько конструктивен и вообще приемлем такой подход, покажут результаты нашего исследования.

Многие исследователи XVII — начала XX вв., чьи труды по римской истории впоследствии стали классическими (Л.-С. Тиллемон[3], Э. Гиббон[4], О. Зеек[5] и др.), относили Сингарскую «ночную битву» к 348 г., в связи с чем эта датировка долгое время являлась общепринятой и фигурировала в наиболее авторитетных антиковедческих изданиях (например, в немецкой «Pauly's Real-Encyclopäedie der klassischen Altertumswissenschaft»[6]) или широко известных трудах по истории Ирана (например, в «Истории Персии» сэра Перси Сайкса[7] вплоть до начала Новейшего времени).

В то же время некоторые из более ранних ученых (Д. Петавиус, К. Келларий, К. Годефруа и др.[8]), а также ряд отечественных историков (Н. Г. Адонц[9], А. Г. Сукиасян[10])[11] придерживались иного взгляда и считали датой «ночной битвы» 345 г., однако эта точка зрения не приобрела широкой популярности и рассматривалась в лучшем случае как одна из возможных гипотез.

Третий вариант решения вопроса о датировке сражения под Сингарой был предложен английским исследователем Дж. Бьюри, по мнению которого битва произошла в 344 г.[12] Как показало дальнейшее развитие историографии, концепция Дж. Бьюри оказалась весьма плодотворной и нашла отражение уже в фундаментальной «Кембриджской средневековой истории»[13], вышедшей в свет спустя всего 15 лет после опубликования британским ученым своей статьи. В последующий период и вплоть до настоящего времени сражение под Сингарой датируется почти исключительно 344 г.[14]

На чем же основаны приведенные выше варианты датировки «ночной битвы» под Сингарой и, следовательно, что же стало основой дискуссии по данному вопросу?

Прежде всего следует отметить, что из всего корпуса источников, содержащих информацию о «ночном сражении», какие-либо указания на дату этого события можно найти лишь в пяти: это речь Юлиана, три хроники (сочинение Ие-

---

[3] Tillemont 1697, 672.
[4] Gibbon 1872, 494.
[5] Seeck 1921, 93.
[6] Seeck 1900, 1061; 1920, 2337.
[7] Sykes 1921, 413.
[8] См.: Bury 1896, 302–305.
[9] Адонц 1922, 254.
[10] Сукиасян 1963, 69.
[11] Крупнейший советский иранист В. Г. Луконин в одной из своих работ писал, что «в 345 или 348 г. римские войска потерпели жесточайшее поражение от персов при Гилейе и Сингаре» (Луконин 1969, 41).
[12] Bury 1896.
[13] Gwatkin,Whitney 1911, 58.
[14] См.: Portmann 1989, 2; Schippmann 1990, 33; Mosig-Walburg 1999, 371; 2009, 284 и др.

ронима, «Константинопольские консулярии», «Хронологические каноны» Якова Эдесского), а также (хотя и в меньшей степени) речь Либания.

Отнесение битвы к 348 г. базируется, главным образом, на сведениях схожих по своей жанровой принадлежности произведений анналистического характера: «Хроники» Иеронима, «Константинопольских консулярий» и «Хронологического канона» Якова Эдесского (для удобства в дальнейшем изложении назовем их «источниками группы А»).

Иероним, говоря о событиях двенадцатого года правления императора Констанция II, упоминает о «ночной битве с персами под Сингарой» *(bellum Persicum nocturnum apud Singaram)* (Hieron. Chron. 2363). Известно, что Констанций (как и два его брата – Константин и Констант) стал правителем после смерти Константина Великого 9 мая 337 г.[15] Следовательно, двенадцатый год пребывания у власти Констанция II — это период с мая 348 по май 349 гг. Учитывая, что Сингарская битва произошла летом (Iul. Or. I. 23B), единственно возможной датой этого события, если следовать данным Иеронима, является 348 г.

Что касается «Константинопольских консулярий», то в них упоминается о Сингарской битве как произошедшей в год консульства Филиппа и Салии *(Philippo et Salia. His conss. bellum Persicum fuit nocturnum)* (Chron. min. P. 236), т. е. также в 348 г.

Наконец, Яков Эдесский под 660 г. греческой (селевкидской) эры (348 г. н.э.) сообщает о том, что «римляне сразились с персами в бою, произошедшем ночью» (Jac. Edes. Chron. can. P. 311).

Характерно, что 348 г. как дата «ночного сражения» фигурирует исключительно в хрониках, общей чертой которых, в свою очередь, является диахронность; следовательно, их авторы жили либо несколько, либо значительно позже рассматриваемого нами события, не являлись его участниками или хотя бы современниками и могли опираться только на предыдущую письменную традицию или соответствующие устные предания. Кроме того, принимая во внимание разновременность появления трех рассмотренных выше хроник и имеющиеся почти буквальные совпадения между текстами этих сочинений (особенно «Хроники» Иеронима и «Константинопольских консулярий»), мы почти однозначно можем констатировать факт заимствования сведений о сражении под Сингарой одним источником у другого[16].

Два других варианта датировки «ночной битвы» (344 и 345 гг.) имеют один общий источник – им является написанный в 355 (или 356) г. в честь Констанция II панегирик Юлиана, в котором содержится весьма подробное описание сражения под Сингарой. Основой для определения даты Сингарского сражения, исходя из сведений Юлиана, является его указание на то, что восстание Магненция произошло спустя шесть лет после «ночной битвы» (Iul. Or. I. 26B). Между тем известно, что Магненций объявил себя императором 18 января 350 г.[17] Таким образом, из сообщения Юлиана, действительно, теоретически могут вытекать две даты Сингарской битвы: лето 344 г. (если он *не* включал год сражения в число прошедших между «ночной» битвой и восстанием Магненция шести лет) и (что крайне мало-

[15] Gregory 1991, 524.
[16] См.: Bury 1896, 303; Portmann 1989, 10; Mosig-Walburg 1999, 333.
[17] Jones, Martindale, Morris 1971, 532.

вероятно с точки зрения здравого смысла) лето 345 г. (в том случае, если год сражения Юлиан считал *первым* из указанных шести лет)[18]. Иными словами, данные Юлиана весьма четко указывают на 344 г. как дату Сингарского сражения[19].

Определенного внимания заслуживает в этой связи и панегирик Либания, также содержащий некоторые сведения о том, когда произошло описанное им и Юлианом[20] «ночное сражение». Дело в том, что антиохийский ритор дважды называет битву под Сингарой «последней» на момент создания им своей речи (Liban. Or. LIX. 99), в связи с чем вопрос о времени ее появления приобретает важное значение с точки зрения датировки «ночной битвы». Существуют две обоснованные даты написания LIX речи Либания: 1) конец 344 — начало 345 гг. и 2) конец 348 — начало 349 гг. Аргументация в пользу более ранней даты содержится в работе В. Портмана[21]; из более поздней датировки исходят, в основном, исследователи XIX — начала XX вв. (Р. Сиверс[22], Р. Форстер, О. Зеек[23]. Доказательства, приводимые В. Портманом, и, прежде всего, тот факт, что при написании Либанием своей речи в конце 348 — начале 349 гг. *«последним»* на тот момент сражением между римлянами и персами должна была являться отнюдь не битва под Сингарой, а имевшая широкий резонанс вторая осада Нисибиса (346 г.), о которой, однако, Либаний ничего не сообщает (при этом он говорит о первой осаде Нисибиса, произошедшей в 338 г.), почти не оставляют сомнений в обоснованности точки зрения немецкого исследователя[24].

Какой же из двух приведенных датировок «ночного сражения» под Сингарой (344 и 348 гг.) следует отдать предпочтение? И можно ли это сделать в принципе?

Прежде чем дать ответы на эти вопросы, вернемся к замечанию, высказанному нами выше. Представляется, что в рамках традиционной парадигмы изучения событий под Сингарой, которая, напомним, заключается в трактовке сведений *всех* источников о «ночном сражении» как относящихся к *одному и тому же* событию, указанная хронологическая дилемма решена быть не может, поскольку в этом случае мы неизбежно приходим к необходимости почти сугубо интуитивно, без каких-либо очевидных оснований отвергнуть как несоответствующую действительности информацию о дате Сингарского «ночного сражения», содержащуюся в источниках либо одной, либо другой группы. Можно ли считать такой подход конструктивным? Вряд ли. Подтверждением его бесплодности является тот факт, что дискуссия о дате «ночной битвы» длится уже фактически несколько столетий (!) без каких-либо шансов на устраивающее всех ее участников завершение в обозримой перспективе.

---

[18] См.: Bury 1896, 303.

[19] Показательно, что в своем специальном исследовании, посвященном сражению под Сингарой, К. Мосиг-Вальбург вообще не рассматривает 345 г. в качестве возможной даты «ночного сражения» (см.: Mosig-Walburg 1999).

[20] То, что и Юлиан, и Либаний, описывая битву под Сингарой, говорят об одном и том же событии, не вызывает абсолютно никаких сомнений. В связи с этим по аналогии обозначим произведения этих и других языческих авторов (Аммиана Марцеллина, Феста, Евтропия) как «источники группы В».

[21] Portmann 1989.

[22] Sievers 1868, 52, 56.

[23] Seeck 1921, 93.

[24] О вариантах датировки LIX речи Либания см. также: Lane Fox 1997, 246.

Судя по всему, несостоятельность традиционного подхода к изучению событий 340-х гг. под Сингарой подспудно ощущалась и самими его сторонниками. По крайней мере, со второй половины прошлого века в работах, затрагивающих интересующую нас тему, стали появляться сомнения в том, что в источниках, содержащих сведения о «ночной битве» в районе Сингары, говорится об одном и том же событии. В частности, Т. Д. Барнс[25], В. Портман[26] и К. Мосиг-Вальбург[27] высказывали плодотворную, на наш взгляд, мысль о том, что окрестности Сингары могли неоднократно становиться полем битвы между римлянами и персами в 340-х гг. и что именно этим могут быть обусловлены существующие в источниках расхождения в датировке и описании, казалось бы, одного и того же события.

Учитывая все вышесказанное, осмелимся выдвинуть предположение о том, что *обе группы источников* — как панегирики Юлиана и Либания, так и все три хроники — сообщают *достоверную* (прежде всего — с хронологической точки зрения) информацию, к тому же косвенно подтверждаемую, как мы постараемся показать ниже, и другими источниками. У нас есть все основания полагать, что в речах Юлиана и Либания, с одной стороны, и хронистов — с другой, говорится о *двух разных* «ночных сражениях», произошедших в *одной местности* (в районе Сингары), но в *разные годы* — в 344 и 348 гг.

Основанием такой гипотезы является очевидная самостоятельность традиции, отраженной в «источниках группы А», по отношению к сведениям Либания, Юлиана и ряда позднеримских писателей-историков — Аммиана Марцеллина, Феста, Евтропия. Иными словами, «Константинопольские консулярии», «Хроника» Иеронима и «Хронологические каноны» Якова Эдесского сообщают независимую по сравнению с «источниками группы В» информацию о сражении под Сингарой, что заставляет отнестись к ней с особым вниманием. В связи с этим, даже признавая наличие между хрониками явной преемственности, а также заимствований их авторами тех или иных сведений друг у друга, мы не можем однозначно игнорировать представленную ими традицию и отрицать, что в 348 г. под Сингарой действительно произошла какая-то «ночная битва»; в противном случае она не была бы упомянута хронистами, причем именно под этой датой.

Возникает вопрос: как же могут быть одновременно правы и Юлиан, относящий Сингарскую битву к 344 г., и его оппоненты — авторы хроник IV–VII вв., датирующие сражение под Сингарой 348 г.?

Ответ на него позволяет дать привлечение, пожалуй, наиболее объективных и точных (однако, к сожалению, весьма немногочисленных) данных о боевых действиях в Месопотамии, сообщаемых Аммианом Марцеллином. Помимо упомянутых выше сведений, явно относящихся к сражению, описанному в «источниках группы В», нарратив Аммиана в ряде случаев содержит информацию о связанных с Сингарой военных событиях, происхождение которой из-за утраты первых тринадцати книг его «Деяний» до конца не ясно. В сочинении Аммиана Марцеллина имеется три таких пассажа:

---

[25] Barnes 1980, 163 n. 13. При этом сам Т. Барнс в выстроенной им хронологии событий позднеримской истории середины IV в. относил «ночное сражение» к 343 г. (Barnes 1980, 163).

[26] Portmann 1989, 14.

[27] Mosig-Walburg 1999, 377.

1) «…Но теперь еще шесть легионов форсированным маршем поспешили предупредить вторжение персов <...> а именно <...> Супервенторы и Превенторы под командой Элиана, получившего уже ранг комита. Я уже рассказал о них выше[28] как, будучи еще свежими новобранцами, по внушению того же Элиана, тогда еще протектора, сделали они вылазку из Сингары и перебили множество погруженных в сон персов» (Amm. Marc. XVIII. 9. 3).

2) «…Стрелы стеной закрывали небо, и орудия, которыми овладели персы, разграбив Сингару, нанесли многим раны» (Amm. Marc. XIX. 2. 8).

3) «…Был подведен, помимо множества других осадных орудий, самый сильный таран и стал поражать частыми ударами круглую башню, с которой в прошлую осаду, как я о том сообщал[29], город [Сингара. — *В.Д.*] открылся для римлян» (Amm. Marc. XX. 6. 5).

В контексте рассматриваемой нами проблемы основное внимание следует обратить на первую из приведенных цитат. В ней Аммиан Марцеллин, говоря о прибытии в Амиду в 359 г. военных подкреплений, в том числе подразделений супервенторов и превенторов под командованием комита Элиана, параллельно сообщает о предпринятой когда-то персами осаде Сингары, во время которой два названных отряда римлян под руководством того же Элиана (на тот момент — еще протектора) совершили крупную и весьма успешную *ночную* (!) вылазку. Удачная операция Элиана явно приобрела широкую известность, поскольку даже спустя много лет о ней сообщается в «Деяниях», автор которых, поступив на военную службу только в 353 г., не мог являться ни очевидцем, ни участником тех событий. Упоминание Аммиана о том, что военная акция Элиана произошла именно ночью, позволяет с высокой долей уверенности утверждать, что этот эпизод и дал основание авторам «источников группы А» говорить именно о «ночном сражении» под Сингарой. Из их же сочинений мы знаем и дату этой второй «ночной битвы» — 348 г.

Фактически прямым указанием на то, что в районе Сингары произошло не одно, а два сражения (в 344 и 348 гг.), является также сообщение Феста: «В битвах при Сисаре, *Сингаре и снова при Сингаре* [курсив мой. — *В.Д.*] с участием Констанция... государство получало серьезные раны» *(Pugnis Sisaruena, Singarena et iterum Singarena, praesente Constantio... grave sub eo principe res publica uulnus accepit)* (Fest. XXVII. 1).

Более того, материал источников позволяет более или менее точно определить и место этой второй «ночной битвы», произошедшей в районе Сингары[30]. Аммиан Марцеллин и Фест — единственные авторы, которые, сообщая о событиях под Сингарой, упоминают еще один населенный пункт — Элейю *(Elia)* (Fest. XXVII. 3), или Гилейю *(Hileia)* (Amm. Marc. XVIII. 5. 7), находившуюся примерно в 27 км западнее Сингары также у подножия горы Джебел Синджар[31]. В данном контексте заслуживает внимания тот факт, что Аммиан, говоря о военных столкновениях римлян и персов под Сингарой и Элейей, употребляет слово «битва» *(bellum)* во

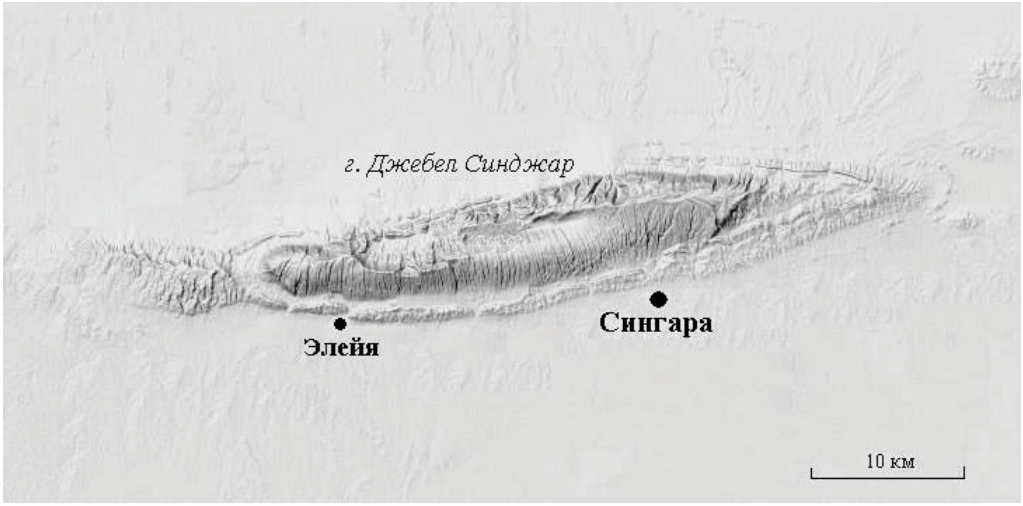
[28] В несохранившейся части «Деяний».

[29] В несохранившейся части «Деяний».

[30] Первая «ночная битва» под Сингарой произошла, судя по всему, восточнее города, на равнине, простирающейся в направлении Евфрата (см.: Дмитриев 2010, 87–90; ср.: Mosig-Walburg 1999)

[31] Vaux 1854.

множественном числе: *"...Post bellorum adsiduos casus et maxime apud Hileiam et Singaram..."* (Amm. Marc. XVIII. 5. 7), тем самым еще раз давая понять, что сражение под Сингарой и сражение под Элейей — это два разных события, произошедших, как было показано нами выше, в 344 и 348 гг. соответственно. Исходя из данных Аммиана Марцеллина и Феста, можно уверенно говорить о том, что события 348 г. происходили в местности к западу от Сингары в направлении Элейи (см. карту-схему). Видимо, именно в этом районе находилось расположение персидской армии, осадившей Сингару, и именно сюда совершили успешную ночную вылазку римские воины во главе с протектором (позднее — комитом) Элианом.



Карта-схема окрестностей Сингары[32].

Таким образом, сообщения как «источников группы А», так и «источников группы В» о произошедшем под Сингарой «ночном сражении» с точки зрения хронологии соответствуют действительности. При этом главная проблема (как источниковедческого, так и историографического характера) заключается в определенном внешнем сходстве сражения между римлянами и персами, упоминаемого в источниках одной и другой групп. Данное обстоятельство, в свою очередь, породило среди исследователей мнение о том, что все упомянутые нами авторы описывают одну и ту же битву; следствием этой установки и стала длящаяся по сей день дискуссия, участники которой пытаются обосновать достоверность сведений либо одних, либо других авторов, не допуская иного варианта решения проблемы.

Два других приведенных выше сообщения Аммиана (Amm. Marc. XIX. 2. 8; XX. 6. 5) позволяют внести некоторые весьма существенные дополнения в очерченную нами картину происходивших вокруг Сингары военных событий. Судя по всему, несмотря на успех предпринятой в ходе обороны крепости в 348 г. ночной вылазки Элиана, войску Шапура II все же удалось взять город, поскольку Аммиан Марцеллин упоминает об «орудиях, которые захватили персы, разграбив Сингару». Как следует из третьего отрывка (Amm. Marc. XX. 6. 5), после захвата Синга-

[32] Карта-схема подготовлена с помощью веб-сервиса «Google Maps», maps.google.com.

ры персам удалось на какое-то время закрепиться в городе, поскольку римлянам впоследствии пришлось брать его штурмом; определить точную дату взятия римлянами Сингары не представляется возможным из-за чрезвычайной лаконичности сообщения об этом у Аммиана Марцеллина, однако очевидно, что *terminus ante quem* в данном случае — это 353 г., поскольку с этого времени события на переднеазиатском театре боевых действий подробно освещены Аммианом Марцеллином, однако он ничего не сообщает о взятии Сингары римлянами в период после 353 г. Следовательно, к 353 г. Констанций II смог вернуть Сингару, и в 360 г. Шапур II был вынужден осадить ее вновь (Amm. Marc. XX. 6. 1–9).

В свете рассмотренных выше сообщений источников хронология военных событий середины IV в., связанных с Сингарой, приобретает следующий вид:

— 344 г. — первое «ночное сражение» под Сингарой;
— 348 г. — второе «ночное сражение» под Сингарой; осада и захват города персами;
— между 348 и 353 гг. — взятие Сингары римлянами.

Таким образом, проведенный нами с использованием нового подхода анализ корпуса источников, повествующих о событиях 340-х гг. в Верхней Месопотамии, не только открывает возможность решения одной из давних историографических проблем изучения истории римско-персидских отношений, но и позволяет уточнить и дополнить наши представления об истории и хронологии взаимоотношений между Римской империей и Сасанидской державой в военно-политической сфере.

ЛИТЕРАТУРА

Адонц Н.Г. 1922: Фауст Византийский как историк // Христианский Восток. 6, 235–272.

Дмитриев В.А. 2010: К вопросу о месте «ночного» сражения под Сингарой // Вестник Военного университета. 3(23), 87–90.

Козлов А.С. 1990: О тенденциозности «Константинопольских консулярий» // АДСВ. 25, 61–73.

Козлов А.С. 2008: Еще раз об источниках восточно- и западно-римских консулярий // АДСВ. 38, 40–63.

Луконин В.Г. 1969: Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. 2, 20–44.

Сукиасян А.Г. 1963: Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма (III – IX вв. н.э.). Ереван.

Barnes T.D. 1980: Imperial Chronology. A.D. 337–350 // Phoenix. 34, 160–166.

Bury J.B. 1896: The Date of the Battle of Singara // Byzantinische Zeitschrift. 5, 302–305.

Gibbon E. 1872: The Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. 1. London.

Gregory T.E. 1991: Constantius II // The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1. New York; Oxford.

Gwatkin H.M., *Whitney J.P.* (eds.) 1911: Cambridge Medieval History Cambridge Medieval History. The Christian Roman Empire and the Foundation of the Teutonic Kingdoms. Vol. 1. New York.

Hieronymus 1956: Hieronymus. Die Chronik des Hieronymus. Eusebius Werke / R.W.O. Helm (ed.). Berlin.

Jones A. H. M., *Martindale J. R.*, *Morris J.* 1971: The Prosopography of the Late Roman Empire. Vol. 1. AD 260–395. Cambridge.

Lane Fox R. J. 1997: The Itinerary of Alexander: Constantius to Julian // CQ. 47, 1, 239–252.

Mosig-Walburg K. 1999: Zur Schlacht bei Singara // Historia. 48, 330–384.

Mosig-Walburg K. 2009: Römer und Perser vom 3 Jahrhundert bis zum Jahr 363 n. Chr. Gutenberg.

Portmann W. 1989 : Die 59. Rede des Libanios und das Datum der Schlacht von Singara // Byzantinische Zeitschrift. 82, 1–18.

Schippmann K. 1990: Gründzuge der Geschichte des Sasanidischen Reiches. Darmstadt.

Seeck O. 1900: Constantius II // RE. IV. 1, 1061.

Seeck O. 1920: Sapor II // RE. IA. 2 (2. R.), 2337.

Seeck O. 1921: Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd. 4. Stuttgart.

Sievers G. R. 1868: Das Leben des Libanius. Berlin.

Sykes P. 1921: A History of Persia. Vol. 1. London.

Tillemont L.-S. 1697 : Histoire des Empereurs et des Autres Princes qui ont Régné Pendant les Six Premiers Siècles de l'Eglise. Vol. 4. Paris.

Vaux W. S. W. 1854: Eleia // Dictionary of Greek and Roman Geography / W. Smith (ed.). Vol. 1. Boston.

THE "NIGHT BATTLE" OF SINGARA: ON CHRONOLOGY OF MILITARY-POLITICAL EVENTS IN UPPER MESOPOTAMIA IN THE MIDDLE OF THE IV CENTURY A.D.

V. A. Dmitriev

The article deals with the problem of the date of well-known "Night battle" of Singara in Upper Mesopotamia between the Roman and Persian armies. Late Antique sources contain contradictory information about this event, especially about its date. The author picks out and analyzes two groups of sources. One of them (panegyric in honor of Constantius II written by Julian, and Libanius' panegyric in honor of Constantius II and Constant) lets us determine the date of the "Night battle" by A.D. 344, but according to the second group of sources (Jerome's "Chronicle", "Consularia Constantinopolitana" and "Chronological Canons" of James of Edessa) the Battle of Singara happened in A.D. 348 The author puts forward and gives proof of hypothesis that not one but two "Night battles" — in A.D. 344 and in A.D. 348 — took place near Singara indeed. This conclusion may make some amendments and clarity into chronology of military-political history of Upper Mesopotamia, Roman Empire and Sasanian Iran in the middle of the IV century A.D.

Key words: Sasanian Iran, Roman Empire, Roman-Persian wars, Singara

© 2012

Д. Л. Бродянский

СОВЫ В ПЕРВОБЫТНОМ ИСКУССТВЕ

Изображения сов найдены в культурах неолита и бронзового века в Приморском крае, Сибири, Японии и Орегоне (США). Иногда птицы являются частью изображения совы-лося-женщины или совы-женщины. В Приамурском крае филин считался помощником шамана, а совы, как верили, защищали детей. Существуют и сосуды в форме совы.

Ключевые слова: первобытное искусство, Приморский край, Орегон, полиэйконические изображения

В Приморье на памятниках неолита и палеометалла найдены семь изображений сов: мелкая пластика из камня, керамики (рис. 1), кости и два мобильных петроглифа: один неолитический (рис. 4) и один из янковской культуры палеометалла — филин на плите из бухты Аякс на острове Русский (рис. 5). Обилие таких находок побудило автора обратить внимание на изображение этих повсеместно распространённых птиц — ночных хищников. В Приморье обитают филин обыкновенный, рыбный филин (вес до 4 кг, размах крыльев до 2 метров), иглоногая сова, уссурийская совка, ошейниковая совка, длиннохвостная неясыть[1].

Первая такая находка сделана в 1955 г. при раскопках поселения Тетюхэ-Пристань[2]. Это маленькая ретушированная фигурка (рис. 1: 1) — сова-женщина. В 1970 г. автор получил из рук школьников села Петровичи мобильный петроглиф-скульптуру из слоя с рудненской керамикой. В этом полиэйконическом камне соединены два антропоморфных изображения: тигр и медведь в геральдическом противостоянии, всё это — внутри рыбы-сома, на торце, противоположном морде сома — две головки сов (рис. 4: 5). Мощным побудительным толчком заняться этой темой послужила полиэйконичная керамическая фигурка, найденная И. С. Жущиховской в маргаритовском комплексе Киевка (рис. 2). В этой фигурке соединены изображения женщины, лося и совы[3]. Керамическая фигурка совы найдена в слое бойсманской культуры в Бойсмана II (рис. 1, 2)[4]. Серия фигурок сов найдена на

Бродянский Давид Лазаревич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и антропологии ДВФУ. E-mail: hist@deans.dvgu.ru.

[1] Животный мир Уссурийской тайги, 234-238.

[2] Окладников1959, 54, рис. 19, 2.

[3] Бродянский, Жущиховская 1995.

[4] Бродянский 2002, рис. 31,5.

Лузановой сопке: 2 фигурки из позвонков рыб (рис. 1: 4, 5), сланцевая сова (рис 1: 6) — все в пункте Лузанова 2, в слое зайсановской культуры, сланцевая фигурка совы — женщины (и, возможно, лося) — в пункте Лузанова 6, в зайсановском слое (рис. 1: 6). Последняя фигурка очень похожа на сову из Тетюхэ-Пристань (Рудной Пристани). Последняя по времени находка — плита из бухты Аякс с изображением филина (рис. 5)[5]. На этой плите филин соседствует с уткой, удодом, тигром, змеёй, обезьяной, устрицей и весь этот зоопарк — в рыбе-гиероглифе.

Два изображения совы найдены на Нижнем Амуре (рис. 6). Это ретушированная полиэйконическая фигурка[6], найдена в Сакачи-Аляне и отнесена А. П. Окладниковым к мезолиту, и фрагмент венчика сосуда из Тахты с клювом совы — находка А. П. Окладникова 1969 года[7]. Эта находка — одна из серии сосудов вознесеновской поздненеолитической культуры. В. Е. Медведев включил Тахту в ряд древних культовых центров на Нижнем Амуре.

В Японии среди множества дзёмонских фигурок-догу[8] выделяется серия фигурок женщин-сов (рис. 7). «На голове статуэток изображаются несколько выступов, очертаниями напоминающих оперение рогатой совки «мимидзюку». Обычный размер этих фигурок 10-12 см»[9].

На Чукотке, на озере Тытыль, на неолитической стоянке Тытыль V М. А. Кирьяк (Дикова) нашла каменную фигурку совы или филина (рис. 9: 2)[10].

Широко известно изображение совы на верхнем фризе Томской писаницы (рис. 3): сова соседствует с фигурками лосей и фигурками человечков [11]. Автор дважды, в 1979 г. и 1998 г., видел эту сову, но только статья Е. А. Миклашевич побудила сравнить сюжет на Томской писанице с фигуркой из Киевки: сова-женщина-лось. В догу-совах птица объединена с фигурой женщины. Человек, лось, птица соединены в пермском зверином стиле.

И. С. Жущиховская познакомила археологов с книгой С. М. Эйкинса, Т. И. Коннэлли и Д. Л. Дженкинса «Археология Орегона». Обложку книги украшает каменный сосуд с изображением совы (рис. 8). Ниже совы хорошо видна рука-сова-человек. Сосуд найден в районе Даллес, на плато в долине р.Колумбия, там же изображение совы есть среди наскальных рисунков Лонг Нарроус [12]. В том же районе в низовьях р.Колумбия, штат Орегон, найдена каменная сова (рис. 9: 1)[13].

Две костяных фигурки сов (рис. 9: 3) найдены в знаменитом поселении Кубенино, на берегу реки Онеги в Архангельской области[14]. Поселение открыл в 1873 г. И. С. Поляков, а очерк о древнем искусстве русского Севера написала С. В. Ошибкина. Оба имени причастны к археологии Приморья: И. С. Поляков в 1881 г. поучаствовал в открытии культуры, которую с 1972 г. мы называем янковской, а пятикурсница МГУ С. В. Ошибкина участвовала в раскопках А. П. Оклад-

[5] Бродянский 2011.
[6] Бродянский 2002, рис. 1,1.
[7] Медведев 2005, рис. 1:1,2.
[8] Памятники древнего искусства 1973, 29, 68, 69.
[9] Соловьёва 2012, 109.
[10] Кирьяк (Дикова) 2003, вклейка 3.
[11] Миклашевич 2011, 80, рис. 2.
[12] Жущиховская 2012, 94-95.
[13] Фест 1985, 161, рис. 153.
[14] Иванов 1992, 45-54, рис. 71, 2, 3.

никова в Тетюхэ-Пристань в 1955 г., тогда же она написала отчёт об этих раскопках. Рукописный экземпляр этого отчёта долго хранился во Владивостоке в музее им. В.К. Арсеньева. Упоминается ли в нём фигурка совы, тогда же найденная, проверить, увы, нельзя: отчёт умыкнул из музея В.И. Дьяков, о чём сам и сообщил (редкостное откровение)[15].

Вне сомнения, автор привёл и использовал лишь малую часть находок изображений сов в искусстве первобытных культур. Вряд ли семантика этих фигурок и петроглифов может быть исчерпывающе дешифрована, но попробуем всё же разобраться.

Символу реакции времени Александра III Победоносцеву приписали «совиные крыла, распростёртые над Россией». Символом мудрости сову сделали на телевидении. Ни то, ни другое ничем не обосновано. Амурские нанайцы держали филинов и сов в доме, полагая, что они охраняют маленьких детей[16]. Филин числился среди помощников шамана [17]. У айнов сова — хранительница деревни [18].

В фольклоре амурских народов есть множество сюжетов, связанных с трансформацией персонажей: П.П. Шимкевич записал нанайское сказание о том, как лисица превращается в сокола, сокол — в женщину[19]. В эвенкийской и орочской мифологии существует божество по имени Бугады мусун — «дух-хозяин природы». Это божество женского пола. Оно обладает двоякой персонификацией — антропоморфной и зооморфной. С одной стороны, это прародительница рода, старуха, с другой — лосиха или оленуха[20]. У добрых шаманов помощники — птицы: орёл, сова, филин[21]. Идея своеобразного трансформера прослеживается в фигурке из Киевки (рис. 2) и в Томской писанице (рис. 3). Женская природа совы отражена в серии японских догу и в фигурках из Рудной Пристани и Лузановой 6. Сова-сосуд — Тахта и штат Орегон. Совы, филин — участники сложных многофигурных композиций в петроглифах из Петровичей и бухты Аякс. В последнем случае автором высказано предположение, что несколько камней с изображением ряда животных в жилищах янковской культуры (Бойсмана III, бухта Аякс) воспроизводят ритуалы новогоднего праздника фонарей с танцем дракона и рыб-созвездий в древнем Китае[22].

Сокол, орёл, в целом хищные птицы часто ассоциируются с Солнцем, может быть, ночные хищники — совы ассоциируются с Луной? Здесь автор вступил на шаткие мостки гипотез, ничем не подкреплённых. Надеюсь, что коллеги-археологи обнаружат множество неизвестных автору изображений сов и пополнят ряд наблюдений, приоткрывающих смысл и назначение этих изображений. В Приморье изображения сов найдены в трёх культурах неолита: бойсманской, рудненской, зайсановской — и в двух культурах палеометалла: маргаритовской, янковской. Не сомневаюсь, что в Сибири, на Урале, в Европейской России изображений сов не меньше, Томской писаницей и Кубенино дело не ограничивается.

[15] Дьяков 1992, 21-22.
[16] Смоляк 1976, 141-142.
[17] Смоляк 1976, 141-142.
[18] Арутюнов, Щебеньков 1992, 179.
[19] Шимкевич 1896, 127.
[20] Аврорин, Лебедева 1978, 29.
[21] Аврорин, Лебедева 1978, 51.
[22] Бродянский 2011.

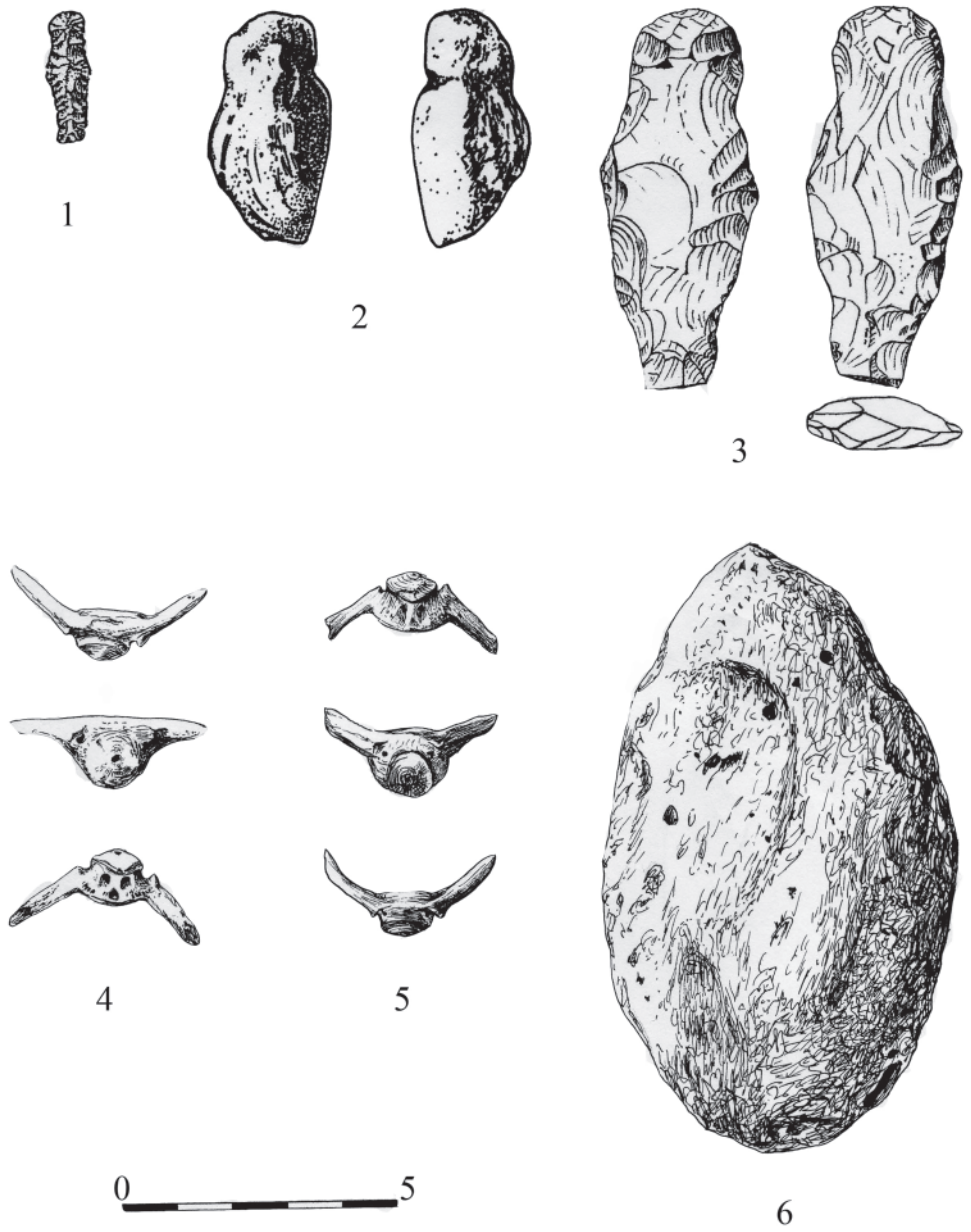


Рис. 1. Приморье, неолит: совы.
1 — Рудная Пристань, 2 — Бойсмана II, 3-5 — Лузанова II, 6 — Лузанова 6, 1, 5, 6 — камень, 2 — керамика, 3, 4 — кость.

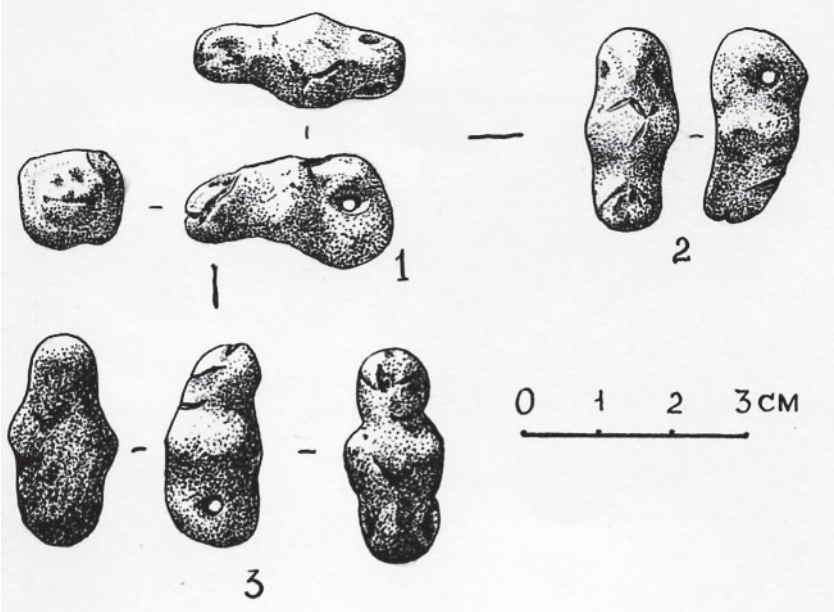


Рис. 2. Приморье, Киевка, маргаритовская культура: керамическая фигурка — 1 — лось, 2 — сова, 3 — женщина.

Рис. 3. Томская писаница.

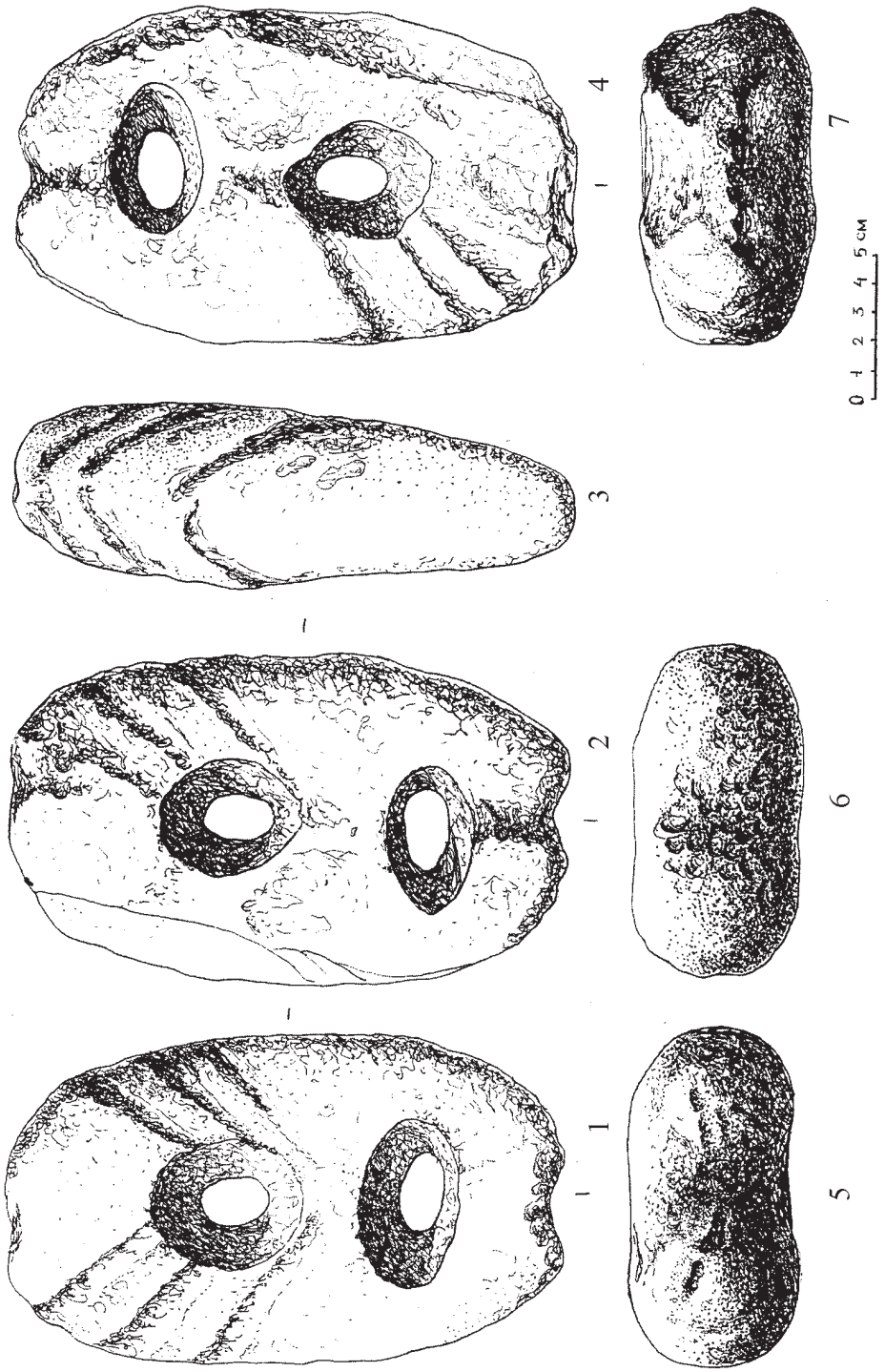


Рис. 4. Приморье, Петровичи, неолит: скульптура-петроглиф

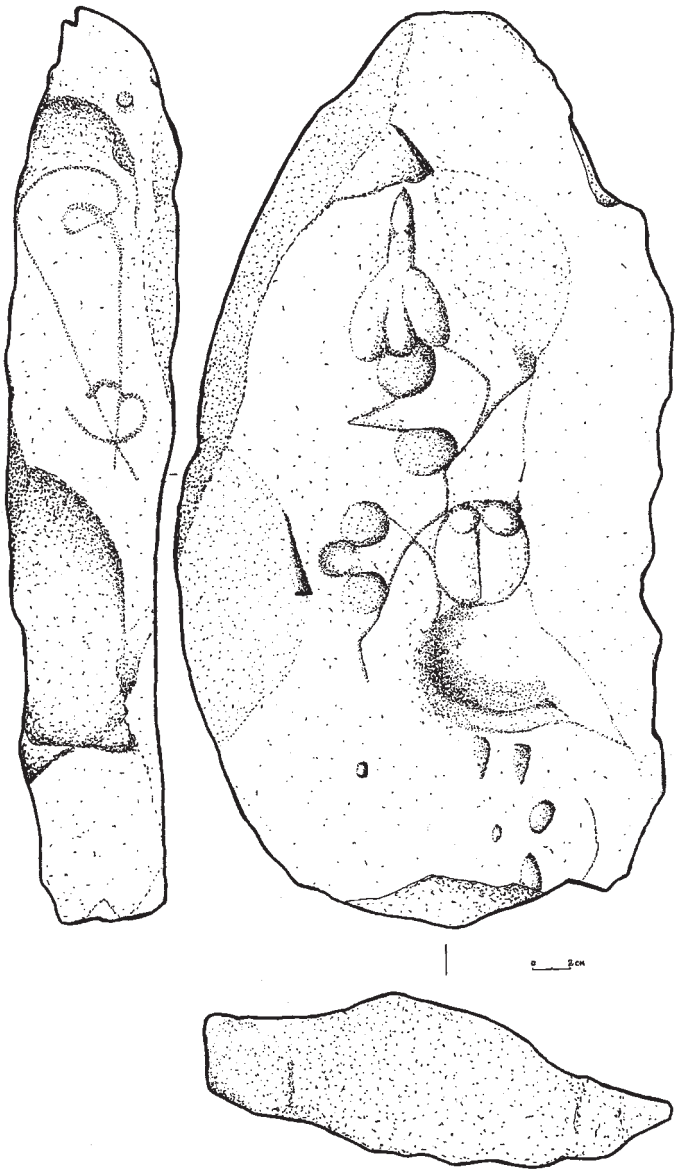


Рис. 5. Приморье, бухта Аякс, янковская культура: плита с петроглифами (песчаник).

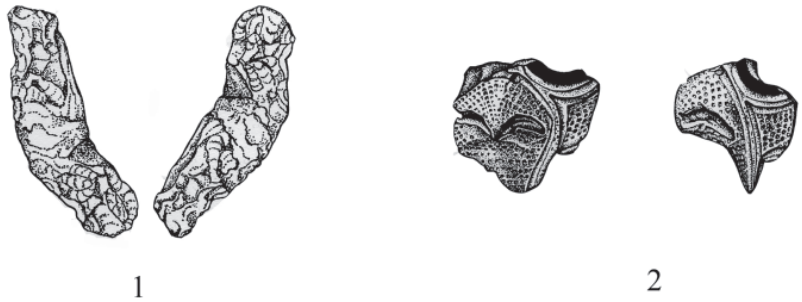


Рис. 6. Приамурье: 1 — Сакачи-Алян, мезолит, камень; 2 — Тахта, керамика.

Рис. 7. Япония, дзёмон, керамика

Рис. 8. Орегон, район Даллес, камень

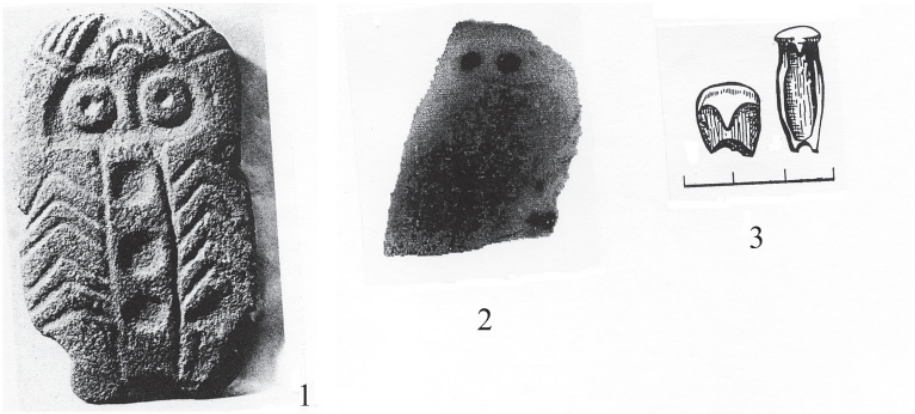


Рис. 9. Совы: 1 — Орегон, Даллес, камень; 2 — Чукотка, Тытыль V, камень; 3 — Кубенино, кость.

ЛИТЕРАТУРА

Аврорин В. А., *Лебедева Е. П.* 1978: Орочские тексты и словарь. Л.

Арутюнов С. А., *Щебеньков В. Г.* 1992: Древнейший народ Японии. М.

Бродянский Д. Л., *Жущиховская И. С.* 1995: Полиэйконическая фигурка из Киевки // Вестник ДВО РАН. 3, 105-108.

Бродянский Д. Л. 2002: Искусство древнего Приморья (каменный век — палеометалл). Владивосток.

Бродянский Д. Л. 2011: Две плиты и курант — Янковский звёздный зоопарк // Горизонты тихоокеанской археологии (Тихоокеанская археология). Вып. 20, 226-233.

Дьяков В. И. 1992: Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток.

Животный мир Уссурийской тайги: Полевой атлас-определитель животных юга Дальнего Востока России. Владивосток.

Жущиховская И. С. 2012: Археология Орегона: панорама прошлого // Древности Азии и Америки (Тихоокеанская археология). Вып. 22, 80-105.

Иванов В. В. (ред.) 1992: Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М.

Кирьяк (Дикова) М. А. 2003: Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век). Магадан.

Медведев В. Е. 2005: Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. 4, 40-69.

Миклашевич Е. А. 2011: Документирование повреждений петроглифов Томской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Т. 1. Кемерово.

Окладников А. П. 1959: Далёкое прошлое Приморья. Владивосток.

Смоляк А. В. 1976: Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.

Соловьёва Е. А. 2012: Оригинальные керамические изделия эпохи дзёмон в коллекции университета Тохоку (г. Сёндай, Япония) // Древности Азии и Америки (Тихоокеанская археология) Вып. 22, 106-113.

Памятники древнего искусства. Искусство догу и верования. 1973. Т.3. Токио. (на яп.яз.).

Фест К. Ф. 1985: Искусство коренных народов Северной Америки. М.

OWLS IN THE PREHISTORIC ART

D. L. Brodyansky

The images of owls can be found in the neolithic and bronze age cultures of Primorsky region, Siberia, Japan and Oregon (USA). Sometimes the images of the birds make up a part of such characters as owl-moose-woman and owl-woman. In the everyday life of the people of Priamursky region eagle-owls were considered to be the helpers of shamans and owls were believed to protect children. There are vessels made in the shape of an owl.

Key words: Pre-historic art, Primorsky region, Oregon, multi-image artworks

© 2012

Е. В. Когут

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ ПО АКТАМ АФОНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛОГОВ

В статье рассматривается вопрос о реализации на практике положения о неотчуждаемости приданого в Византии в XIII–XV вв. Исследование основывается на изучении актов афонских монастырей, которые позволяют проследить движение женской собственности и изменение в правах женщин на собственность в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Византия, приданое, брак, семья, собственность, актовый материал

Не вызывает сомнений, что Византия — как само государство, так и общество, его населяющее, — это явление уникальное, существенно отличающееся как от западноевропейского Средневековья, так и от мусульманского Востока. Изучение византийского общества, его особенностей и традиций, представляется весьма интересной и актуальной научной задачей. Гендерные исследования, ставящие критерием при стратификации общества половую принадлежность, помогают изучить нам положение женщины в целом вне зависимости от ее социального статуса. Таким образом, можно выявить общие черты в положении женщины, ее правовое и экономическое положение в семье, обществе и государстве. Одним из самых важных аспектов в жизни женщины является ее материальное положение. Основным видом женской собственности в Византии было ее приданое. Это особый вид собственности, характеризующийся различными ограничениями при его отчуждении. В принципе приданое считалось неотчуждаемой собственностью. Это объясняется тем, что приданое вместе с предбрачным даром являлось основным капиталом новой семьи. Приданое и предбрачный дар являлись основным капиталом семьи, неотчуждаемой собственностью, однако вопрос об отчуждаемости приданого обсуждался в юридических трактах и судебных источниках[1]. Наша задача в данной статье — проследить соотношение в XIII–XIV вв. правовой традиции и практики распоряжения приданным как мужем, так и самой женщиной.

Когут Екатерина Викторовна — аспирантка Государственного академического университета гуманитарных наук, м.н.с. музеев Московского Кремля. E-mail: nikia@mail.ru

[1] Saradi 1998, 72.

Основным источником для нашей работы стали акты Афонских монастырей, созданные в период с начала XIII в. до середины XV в., изданные как в «Actes de l'Athos», печатавшихся в «Приложениях» к Византийскому временнику с 1903 г., так и в рамках французской серии «Archives de l'Athos». В отличие от официального имперского законодательства частноправовые акты, как правило, в большей степени отражают реальную действительность, нередко противоречащую провозглашенному в законе принципу. Кроме того, значение актов Афонских монастырей как источников по гендерной истории Византии удостоверяется такими исследователями, как Э. Патлажеан[2] и Д. Николь[3].

Проблемам собственности в Византии посвящено достаточное количество работ, но нас интересует определенный аспект — собственность женщин и семейная собственность. Василики Кравари, используя акты Афонских монастырей, рассматривала проблему слияния семейной собственности, приходя к выводу, что члены богатых семей предпочитали сохранять свою собственность каждый за собой, а крестьяне были больше склонны к объединению семейной собственности[4]. Руфь Макридес занималась проблемой приданого, его защиты от посягательств как самого мужа, так и его кредиторов, и проблемой наследования приданого, опираясь на акты канцелярии Константинопольского патриарха и решения синодов[5]. Проблему отчуждаемости приданого в византийских актах XII–XV в. исследовала Е. Саради в одной из своих статей[6], приходя к выводу, что приданое чаще всего отчуждается законным методом, т.е. ввиду крайней необходимости денежных средств. Однако она отмечает, что в некоторых случаях ссылка на эту крайнюю нужду дается для того, чтобы придать сделке законный вид, чтобы покупатель был освобожден от каких-то притязаний со стороны женщины, приданое отчуждающей.

Приданое было двух типов: данное отцом или дедом по отцовской линии — profecticia и предоставленное другим лицом — dos adventicia.

Согласно византийскому законодательству, главная обязанность отца перед дочерью — обеспечение ее приданым, чтобы она могла выйти замуж. Обеспечение приданым — это некая социальная гарантия, позволявшая женщине не просто выйти замуж, а стать полноправным членом византийского социума. Замужняя женщина попадала под влияние мужа, что означало ее освобождение от власти отца или деда.

Приданым могли быть недвижимость (земля, дома, корабли), наличные деньги, драгоценности, рабы, животные, движимое имущество вплоть до одежды и утвари. Она получает поколение своих рабов, а плоды и приплод скота получает муж[7]. Благодаря одному из актов Дохиара, у нас есть возможность узнать, что же могло входить в приданое состоятельной женщины. Мария Деблицина имела в качестве своего приданого, согласно брачному договору, имущество на общую сумму 1584 иперпера. В ее приданое входили дома в квартале св. Димитрия

[2] Patlagean 1987, 561.
[3] Nicol 1994, 3.
[4] Kravari 1992,77–88.
[5] Macrides 1992, 89 – 98.
[6] Saradi 1998, 72–77.
[7] Matthaeus Blastares Hieromonachus 1904, 121.

в Фессалонике, стоимостью 10 либр иперперов, т.е. 720 иперперов; виноградник размером в 14 модиев, оцениваемый в 144 иперпера на момент заключения брачного контракта[8] (в 1384 г. — 94 иперпера[9], следовательно, виноградник за это время стал менее доходным); а также различная одежда, общая стоимость которой во времена ее замужества — 53 иперпера, а на момент описи 32 иперпера; драгоценности на сумму 154 иперпера. Кроме этого, у нее было так называемое дополнительное приданое (ἐπανωπροίκα), т.е. собственность, которая достается женщине уже после заключения брака (как правило, по наследству), но имеет статус приданого со всеми вытекающими последствиями. Дополнительное приданое состояло из одежды и драгоценностей на сумму 26 иперперов. Также она владела имуществом, доставшимся ей по наследству, ее деда Хониата общей ценностью 80 иперперов. В него входили в Фессалонике третья часть домов в квартале Цимиахея и треть дома в квартале Омфалов[10]. Далее в акте следует описание имущества ее мужа, о предбрачном даре в акте не упоминается. Данное описание сделано было после смерти Димитрия Деблизина, чтобы выяснить, что конкретно являлось его имуществом, а что входило в приданое его второй жены Анны, а потом распределить части его имущества между наследниками. Из наследников, кроме самой Анны, у него был сын от первого брака.

Кроме того, приданым могла быть не только та земля, что находится в собственности, но и арендуемая. Например, женский монастырь Святых мучеников бессребреников Кира и Иоанна сдавал в аренду Льву Павлу свой участок земли, чтобы он построил на нем дома. Южнее этого участка сдавалась земля в аренду знакомым Павла, возможно, его крестным родителям. Затем их земля передается ему в качестве приданого, и он стал платить за обе 6 иперперов в год, хотя за первую он платил две. Анна Дукорулина Месопотамитисса заключила с ним описываемый нами договор аренды, так как она являлась собственницей монастыря, не будучи при этом его игуменьей[11]. В данном случае мы видим пример харистикия — одного из феодальных институтов в Византии. Это было пожалование монастыря светскому лицу, получавшему право распоряжаться монастырским имуществом и доходами. Харистикий передавался императором или патриархом харистикарию (получателю харистикия) пожизненно или на несколько поколений. Для нас важен тот факт, харистикарием в данном случае является женщина.

По исследованиям А. Лайу в XI–XIII вв., приданое жены было в два раза больше брачного дара мужа, а в XIV в. — брачный дар составлял одну третью часть от размеров приданного[12].

Государственная власть стремилась к обеспечению имущественных прав женщины, в особенности жены и матери, все более настойчиво подчеркивая ее равноправие с главой семьи — мужем. Хотя на практике в указанный период имущество жены и мужа объединялось и все чаще становилось общей собственностью. Закон ограничивал права супруга на приданое, которое было собствен-

[8] К сожалению, дата, когда он был заключен, нам не известна.

[9] Как отмечает автор издания Ойкономидес, даже во втором случае виноградник был очень высоко оценен. См. Oikonomidès 1984, 260.

[10] Oikonomidès 1984, 262–263.

[11] Oikonomidès 1986, 100.

[12] Laiou 1981, 237.

ностью жены, находящейся в узуфрукте у мужа. Сохранение прав женщины на приданое являлось своего рода гарантией имущественного обеспечения ее и ее детей в случае какой-либо беды. Приданое судебные власти не имели права отбирать для погашения долгов несостоятельного должника-мужа[13]. Необходимо добавить, что во многом положение женщины в византийском социуме зависело от размеров ее приданого.

В юридической практике действовал принцип неотчуждаемости приданого. Это объясняется тем, что приданое вместе с предбрачным даром являлось основным капиталом новой нуклеарной семьи, образованной в результате заключения брачного союза. Однако вопрос о его неотчуждаемости обсуждался в юридических трактатах, споры по использованию приданого зафиксированы в судебных источниках[14]. Благодаря неотчуждаемости приданого, оно являлось резервной собственностью и предназначалось для обеспечения нормальной (без крайней нищеты) жизни семьи. Если женщина умирала, то решением суда приданое, как правило, отдавалось ее детям. Наследниками второй очереди являлись родители, третьей — братья, сестры. Далее им мог пользоваться вдовец, но только в том случае, если собственность принадлежала несовершеннолетним детям от этого брака. Проблемы наследства являются главными в традиционных обществах. Право передачи своего титула и своей собственности — это и есть правовые гарантии личности, поэтому законы очень конкретно определяли очередность наследования. Неотчуждаемость приданого во многом была защитой от кредиторов мужа. Приданое могло быть продано только в том случае, если это было необходимо для выживания семьи.

Безусловно, между реальной практикой и законодательством существовало определенное расхождение. Изучая «Пиру», Василики Кравари пришла к выводу, что в Византии применение закона, рассматривающего отчуждаемость приданого, было очень гибким и Юстиниановское постановление о невозможности отчуждения приданого не имело силы на практике. Однако отчуждаемость приданого была возможна только при условии согласия женщины[15]. Христофилопулос писал о том, что эта византийская традиция берет начало в Древней Греции, в которой право собственности на приданое принадлежало жене, а мужу только право узуфрукта, что давало ему право пользования имуществом, принадлежащим другому лицу, с присвоением плодов, но при условии сохранения существа вещи. На основании того, что, согласно римскому праву, собственником приданого является муж, а в нескольких византийских актах он обнаружил, что приданое может быть собственностью исключительно жены, исследователь делает вывод именно о греческом влиянии на эту часть византийского права и практики[16].

В палеологовскую эпоху в Византии женщина могла предъявить иск мужу в суд по поводу плохого управления ее приданым, ведь именно он им распоряжался в течение их семейной жизни. Ведь еще в IX в. жена получила право на специальный иск для защиты своих прав на приданое. «Пира» сообщает немало примеров его подачи. Так, в одном случае жена должника предъявила дотальный (т. е.

[13] Laiou 1981, 235.
[14] Saradi 1998, 72.
[15] Kravari 1992, 77–88.
[16] Χριστοφιλόπουλος 1939, 538–549.

связанный с приданым) иск кредитору, которому ее муж передал в залог имение, а в другом — мужу, продавшему ее приданое. В третьем случае женщина обвинила мужа в невыгодной продаже приданого, предъявив иск к лицам, заключившим сделку[17].

Эти примеры свидетельствуют о распоряжении замужними женщинами под контролем мужей своим приданым, однако, на наш взгляд, тезис Л. Ю. Костогрызовой об экономической самостоятельности женщины слишком категоричен[18]. В данном случае было бы уместнее говорить о достаточно высокой степени экономической самостоятельности женщины по отношению к владению и распоряжению приданым. Византийские законы XIII–XV вв. предполагали большее равенство в имущественных правах между женщиной и мужчиной по сравнению с классическим римским правом.

К XIV в. женщина все чаще и чаще сама управляла своим приданым. Однако акты Афонских монастырей редко дают нам примеры подобного рода, гораздо чаще мы встречаем распоряжение приданым со стороны женщины. Так, Феодота с согласия своего супруга Иоанна Фалкона продала одноэтажный дом, который она получила в приданое. Этот дом расположен в квартале Ипподром в городе Фессалоника, с северной стороны от двора, которым владеет Ватопед. Феодота получила за него 46 иперперов, т.е. 46 унций дукатов[19].

Все это свидетельствует о том, что, несмотря на законодательно закрепленную неотчуждаемость приданого, приданое в поздней Византии на практике в ряде случаев приближалось к обычной наследуемой собственности.

Как правило, законодательством ограничивались инвестиции приданого в рискованные предприятия, в целом не исключая возможность вложений в надежные предприятия. Известны и случаи продажи приданого, как правило, монастырям. Обычно это происходит только после решения суда[20] и только в исключительных обстоятельствах, т.е. когда иначе семья и дети окажутся на грани вымирания, будут голодать. Продажа дотального имущества в виду невозможности защиты собственности от набегов сербов, которые в XIV в. все чаще тревожили пограничные с их государством территории Византийской империи[21].

Достаточно свободное распоряжение собственностью-приданым видно из продаж и дарений монастырям. По данным Анжелики Лайу[22], в XII в. в тех актах, в которых женщины являются одной из участвующих сторон, — 11 %, для XIII в, эта цифра составляет 32 %, для XIV в. — 16 %, а для XV в. — 17 %, при этом доля, когда речь идет о приданом, составляет соответственно 14 %, 5 %, 16 %, 44 %. На первый взгляд, удивительно, что настолько мал процент приданого среди актов, в которых упоминаются женщины, особенно учитывая тот факт, что приданое — основной тип женской собственности (женщины, получая наследство прежде всего от родителей, получали его в виде приданого). Этому можно найти два возможных объяснения. Во-первых, отсутствие упоминаний собственности-при-

[17] Липшиц 1981, 127, 128, 136.
[18] Костогрызова 2001, 95.
[19] Bompaire, Lefort, Kravari, Giros 2001, 364.
[20] Laiou 1981, 238.
[21] Oikonomidès 1984, 238.
[22] Laiou 1981, 239.

даного связано с желанием избежать возможных юридических трудностей при заключении сделки. Во-вторых, среди этих случаев много тех, в которых речь идет о собственности аристократов, вернее, аристократок, поэтому это могла быть именно полноценная собственность, а не собственность-приданое.

О возможности на практике отчуждать приданое нам рассказывают несколько актов. Среди них акт, в котором Анна Кантакузина Палеологиня свободно (ἐκουσία βουλῆ καὶ αὐτοπροαιρέτω γνώμη) продавала монастырю землю, расположенную в Каламарии, называемую Мариана и являющуюся ее приданым, остальной же собственностью она владела вместе со своими братьями в течение всего мирного периода, когда власть латинян была крепка. Эта земля была захвачена сербами, затем Анна и ее семья смогли вернуть себе свою собственность, однако их положение было очень непрочным, поэтому они стали искать монастырь, который бы согласился купить у них эту землю за условленную цену. Разницу между ней и реальной ценой монастырь должен был оставить себе для помина души родителей Анны и ее самой. Ее муж Димитрий Палеолог согласился с ее действиями. Интересно, что в начале акта написано, то эта продажа осуществляется ее доброй волей, а конце оговорено, что ее муж согласен с продажей этой земли за 600 иперперов. Анна передает эту землю вместе со всеми деревьями, виноградниками, водяными мельницами, построенными и будущими, с париками, правом выгона, кроме одной мельницы, которая несколько ранее 1373 г. была передана Ватопеду[23].

Феодора Горгена продала дом вместе с двором и деревьями, расположенный в квартале Асоматов на территории, принадлежавшей клиру этой церкви[24]. Видимо, церковь была крайне была заинтересована в данном приобретении, так как это позволяло создать вокруг себя удобный хозяйственный комплекс.

О праве для женщины распоряжаться своим имуществом, в том числе и приданым, после смерти свидетельствует завещание Анны Торникины Панкерниссы, которая даровала часть своего дотального имущества– владение Белтица, в момент составления акта находящегося во владении Сербского государства. Ввиду деятельности стратопедарха Алексея и примикирия Иоанна появилась возможность вернуть эту землю под управление греков. В случае если она будет отобрана у сербов, половину этого владения Анна оставляла за собой и своими близкими (мужем и детьми), а вторую половину завещала монастырю, который планировали организовать братья Алексей и Иоанн (видимо, в благодарность за услуги — Е.К.). Показательно, что Анна специально отмечала, что не прибегнет к защите прав собственности на вторую половину, несмотря на то, что она знает, что закон дает ей такую возможность[25].

Таким образом, мы видим, что неотчуждаемость приданого, констатируемая в законодательстве и применимая на практике, и приданое могло терять данное качество как особый вид собственности, приближаясь тем самым к собственности со свободным правом распоряжения[26].

---

[23] Oikonomidès 1984, 238–239.
[24] Oikonomidès 1986, 108–109.
[25] Laiou 1981, 237.
[26] Lemerle, Dagron, Čircovič 1982, 104–105.

Приданое матери переходило по наследству к дочери[27], что становится ясным из акта, где действовала Филиппа Асанина жена Михаила Контопетра, будучи еще несовершеннолетней. В данном случае, судя по всему, не было найдено завещание, по крайней мере, о нем ничего не говорится. Но в ходе проверки выясняется, что половина земли принадлежит Филиппе, дочери Димитрия Асанина, а половина монастырю Ксеропотаму. После смерти бабушки и сестры, Филиппа даровала оставшуюся часть монастырю — в качестве представления своих интересов и для подписи за нее приглашается Константин Арменопул.

О том, как приданое постепенно становилось частью семейной собственности, косвенно свидетельствует акт № 61 Ивирского монастыря, в котором Иоанн и Евдокия и четверо их детей продают 1000 модиев[28]. В акте приводится пересказ брачного договора Иоанна и Евдокии, из которого ясно, что эта земля — часть приданого Евдокии[29], однако позднее эта земля воспринимает как семейная собственность (γονικῆν γὴν)[30].

Подобные ситуации были описаны в исторической литературе. Если В. Кравари в подобных ситуациях видит, в первую очередь, объединение семейной собственности[31], то Е. Саради считает, что это отчуждение приданого[32]. Стоит отметить, что этот случай, в отличие от многих, не объясняет отчуждение приданого особыми обстоятельствами. Акт выглядит так, как будто речь идет об обычной продаже. Однако, как нам кажется, объединение собственности и отчуждение приданого — достаточно взаимосвязанные вещи. Ведь став частью семейной собственности, подобное имущество теряло правовые ограничения по распоряжению приданым, поэтому лимитирование его отчуждения на практике больше не действовало и оно теряло свои защитные функции для обеспечения материального благосостояния семьи, детей[33].

Подводя итог, можно сказать, что, с одной стороны, неотчуждаемость приданого ограничивала экономическую активность женщины, сохраняя его «на черный день» для детей. С другой стороны, мы видим примеры сдачи приданого в аренду, передачи монастырю, вложения его в торговлю, в ремесленные мастерские, бани, доходные дома. Таким образом, приданое в Византии XIII–XV вв. становилось все более и более ликвидным на практике. Это стало одной из характерных черт имущественного положения византийской женщины в Палеологовский период.

ЛИТЕРАТУРА

Костогрызова Л. Ю. 2001: Правовое положение женщины в Византии // Российский юридический журнал. 3 (31), 93–98.

Липшиц Е. Э. 1981: Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л.

Bompaire J. (ed.) 1964: Actes de Xéropotamou. Paris.

Bompaire J., Lefort J., Kravari V., Giros Ch. (eds.) 2001 : Actes de Vatopedi. Paris.

[27] Bompaire 1964, 193–195.
[28] Lefort , Oikonomidès, Papachryssantou, Métréevéli 1994, 111, 3–5.
[29] Lefort , Oikonomidès, Papachryssantou, Métréevéli 1994, 111, 14.
[30] Lefort , Oikonomidès, Papachryssantou, Métréevéli 1994, 111, 31.
[31] Kravari 1992, 84.
[32] Saradi 1998, 74.
[33] Lefort, Oikonomidès, Papachryssantou, Métréevéli 1994, 111.

Χριστοφιλόπουλος Α.Π. 1939: ‘Η ἐκποίησις τῶν προικώων ἀκινήτων κατὰ τὸ βυζαντινὸν δίκαιον // Ἀρχεῖος Ἰδιωτικοῦ Δικαίου. 6, 538–549.

Kravari V. 1992 : Les actes privès des monastères de l’Athos et l’unité du patrimonial familial // Eherecht und Familiengut in Antike und Mittelaltar / D. Simon (ed.). Munich, 77–88.

Laiou A.E. 1981 : The role of women in Byzantine society // XVI. Internationaler Byzantinistenkongress (Wien 1981) Akten 1/1= Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 31/1, 233–260.

Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssantou D., Métréevéli H. (eds.) 1994: Actes d’Iviron. Vol. 3. Paris.

Lemerle P., Dagron J., S. Čircovič S. (eds.) 1982: Actes de Pantéléèmon. Paris.

Macrides R. 1992: Dowry and Inheritance in the Late Period: Some Cases from the Patriarchal Register // Eherecht und Familiengut in Antike und Mittelaltar / D. Simon (ed.). Munich, 89 – 98.

Matthaeus Blastares Hieromonachus 1904: Sintagma Alphabeticum // PG. Paris. T. 145, 9–212.

Nicol D.M. 1994: The Byzantine Lady: Ten Portraits 1250–1500. Cambridge.

Oikonomidès N. (ed.) 1984: Actes de Docheiarou. Paris.

Oikonomidès N. (ed.) 1986: Actes de Xénophon. Paris.

Patlagean E. 1987: The Byzantine empire // A history of private life. T. 1. From Pagan Rome to Byzantium / P. Veyne (ed.). London, 561–641.

Saradi H. 1998: The alienation of the dowry in the acts of Byzantine notaries // Византийский временник. Т. 55. Ч. 2. М., 72–77.

BYZANTINE WOMAN PROPRIETARY RIGHT ON EVIDENCE OF ATHOS MONASTERIES RECORDS OF OHE PALAEOLOGUS TIMES

Ye.V. Kogut

The article considers the issue concerning implementation of dowry inalienability provision in Byzantine Empire of the 13th — 15th centuries. The study is based on the analysis of Athos monasteries records that makes it possible to trace female property right evolution during the period under review.

Key words: Byzantine Empire, dowry, marriage, family, property, records

© 2012

А. Г. Иванов

СОВЕТСКО-КАНАДСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОБМЕНЫ КОНЦА 1950-х — 1960-ее гг.

В статье предпринимается попытка выделить специфику подходов СССР и Канады к реализации образовательных обменов в конце 1950-х — 1960-е гг. Автор приходит к выводу, что советская сторона, проявляя приверженность этатизму, была нацелена проводить обмены на основе конкретной договорно-правовой базы, по принципу плановости и подконтрольности государственным органам, а канадская сторона в соответствии с реалиями либеральной общественно-политической модели ключевую роль в обменах отводила организациям и университетам, заинтересованных в образовательных связях с СССР.

Ключевые слова: СССР, Канада, образовательные обмены, холодная война

Вторая половина 1950-х и первая половина 1960-х гг. характеризовались заметными переменами во внутренней и внешней политике СССР. Осуждение культа личности И. Сталина, некоторая либерализация общественной жизни, переход от активной конфронтации к политике «мирного сосуществования» с Западом оказали глубокое влияние на дальнейшее развитие Советского Союза.

Следствием нового курса стало расширение контактов СССР с капиталистическим миром, в том числе и на уровне образовательных обменов. По замыслу советского руководства, они должны были показать готовность СССР к диалогу с внешним окружением после длительного перерыва, открыто продемонстрировать преимущества социалистического строя над буржуазным, содействовать формированию положительного образа Советского Союза, улучшению отношений с Западом и снижению международной напряженности.

В этот период происходит становление советско-канадских образовательных обменов, которые складывались под влиянием принципиальных различий в функционировании двух общественных систем. Автор в этом сообщении имеет целью показать суть подходов СССР и Канады к осуществлению обменов.

Итак, советская сторона с присущими ее системе этатистскими установками была ориентирована на то, чтобы реализовывать обмены на основе четко определенной договорно-правовой базы, по принципу плановости и подконтрольности

Иванов Алексей Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета, руководитель Центра изучения истории Канады при МаГУ. E-mail: a-ivanov79@mail.ru

государственным органам. Руководство СССР не мыслило обмены без жесткой регламентации того, какие министерства и ведомства будут нести ответственность за их осуществление, какие организации и университеты будут принимать в них участие, откуда будут изысканы необходимые средства и пр. В силу самой специфики советского строя в Москве гораздо большее предпочтение отдавали работе с одним правительственным учреждением Канады, координирующим все обменные программы, чем взаимодействию с большим количеством вузов и профсоюзов, заинтересованных в развитии образовательных связей с СССР. Эти и другие мотивы заставляли советскую сторону добиваться от Канады подписания договора об обменах, подобного тому, который был заключен с Соединенными Штатами 27 января 1958 г. (Соглашение между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях)[1].

Для достижения этой цели советская дипломатия применяла самый широкий арсенал средств и инструментов: от использования влияния известных канадцев, которые в той или иной степени симпатизировали СССР и лоббировали заключение соглашения об обменах на правительственном уровне, до прямого давления на Департамент иностранных дел Канады. К примеру, в 1959 г. в Департаменте не сомневались, что Советский Союз перешел к шантажу, поставив в прямую зависимость осуществление запланированных еще в прошлом году визитов канадских делегаций в СССР от подписания договора об обменах[2].

Когда советскому руководству стало ясно, что канадцы оттягивают заключение межгосударственного соглашения, то оно было вынуждено несколько изменить тактику. Не отказываясь от прежнего плана, Советский Союз через Посольство в Оттаве стал устанавливать контакты с отдельными университетами Канады и предлагать им подписывать с вузами СССР прямые двухсторонние договора о сотрудничестве и обменах. Весной 1960 г. советский посол А.О. Арутюнян объехал ряд университетов Канады с выступлениями, в которых он рассказывал о достижениях науки и образования его страны, указывал на «широкое поле для сотрудничества канадских и советских университетов через обмены студентами, профессорами и публикациями» и предлагал личное содействие канадским университетам для налаживания обменных связей с интересующими их учебными заведениями в СССР[3]. Осенью того же года прибывшая в Канаду советская студенческая делегация также во время посещения многочисленных вузов призывала университетскую общественность не дожидаться, когда канадское правительство созреет для подписания соглашения с СССР, и уже сейчас приступить к организации обменов между университетами и студенческим организациями двух стран[4].

В 1960-е гг. советско-канадские образовательные обмены в отсутствии соглашения протекали в рамках двухстороннего межвузовского сотрудничества и взаимных визитов делегаций организаций молодежи, студентов и работников науки и образования. Усилия советской стороны к подписанию с Канадой межгосудар-

[1] Иванян 2007, 340.

[2] Documents on Canadian External Relations. Vol. 26. 1959. Doc. 356. Proposed cultural agreement between Canada and the USSR, http: // www.dfait.gc.ca/department/history-histoire/dcer/details-en.asp?intRefid=11174

[3] The Montreal Gazette 03.03.1960, 9; The Leader-Post 07.04.1960, 27.

[4] The Calgary Herald 24.11.1960, 22.

ственного соглашения увенчались успехом лишь в 1971 г., в условиях разрядки международной напряженности при благожелательном отношении к СССР либерального премьер-министра П.Э. Трюдо[5]. С обретением договорно-правовой базы образовательные обмены вышли на качественно иной уровень.

Отношение правительства Канады к обменам в области образования определялось спецификой общественно-политической системы страны, которая основывалась на принципах либерализма и в этом принципиально отличалась от советской. В противоположность СССР, где государство контролировало общество, полностью определяло его бытие и имело все необходимые инструменты для того, чтобы направлять образовательные обмены строго в соответствии с выбранной стратегией, государство в Канаде лишь обслуживало общество, не могло покушаться на автономию граждан и социальных институций, а значит было очень ограничено в своих возможностях самостоятельно реализовывать обмены. Вот почему, несмотря на настойчивые предложения Советского Союза подписать соглашение об обменах, канадская сторона столь же настойчиво уклонялась от этого.

Движущей силой обменов в Канаде выступали люди и организации, заинтересованные в них. Так, к примеру, в конце 1950-х гг. Национальная Федерация студентов университетов Канады (National Federation of Canadian University Students (NFCUS), далее НФКУС — А.И.) без участия правительства вступила во взаимодействие с молодежными организациями СССР, результатом чего стали взаимные визиты делегаций. Причем НФКУС свои поездки за океан и пребывание советских студентов в Канаде оплачивала полностью из собственных средств[6]. По сходному сценарию действовала и Федерация учителей Канады, обмениваясь визитами делегаций с профсоюзными организациями работников образования СССР. Что же касается академической среды, то там судьба установления связей с советскими вузами и развития обменных программ почти полностью зависела от активности отдельных энтузиастов. Это были ученые и менеджеры образования, заинтересованные в сотрудничестве с высшими учебными заведениями СССР в сфере изучения русского языка, подготовки кадров советологов или совместных исследований конкретных научных проблем. Они от лица своих университетов, по согласованию с Департаментом иностранных дел, выходили на интересующее учреждение в Советском Союзе, вели переговоры с руководством относительно условий и форм взаимодействия между университетами и в итоге, как правило, заключали двустороннее межвузовское соглашение об обменах. К числу таких энтузиастов относились Джон Гаррад из Карлтонского университета, Гордон Скиллинг из университета Торонто[7], Уолтер Джонс из Университета Альберты[8] и др.

Вообще фактор академической свободы был весьма существенным для становления и развития образовательных обменов с СССР. Канадские университеты, которые исторически пользовались широкой автономией, не только выступали

[5] Аггеева 2011, 146.

[6] Library and Archives Canada. RG25. Vol. 5375. File. 10438-v–5–40. Visits between Canada and the USSR in the field of education.

[7] Friedland 2002, 491–492.

[8] Johns 1981, 438–439.

инициаторами установления связей с вузами Советского Союза, но и ревностно относились к любым попыткам правительственных структур каким бы то ни было способом оказывать влияние на течение обменов. В этом смысле показательны воспоминания отца обменной программы между Университетом Торонто и МГУ профессора Гордона Скиллинга: «Мы должны были информировать наших канадских ученых о трудностях и опасностях жизни в Советском Союзе — сложная задача, которую мы выполняли на итоговом собрании в присутствии представителя Департамента иностранных дел. Я был настроен решительно против желания Королевской конной полиции участвовать в этом брифинге и интервьюировать наших кандидатов перед отъездом. Я чувствовал, что это могло бы создать серьезные проблемы для них, если бы их стали допрашивать советские спецслужбы. В сопротивлении этому прессу со стороны полиции я имел сильную поддержку президента университета»[9]. Достаточно красноречив и эпизод, связанный с обменами между Университетом Саскачеван и МГУ. Когда стало известно, что канадский университет в 1964 / 1965 учебном году пригласил для чтения лекций экономиста, профессора А.Б. Николаева, депутат от прогрессивно-консервативной партии в законодательном собрании провинции Саскачеван Кеннет Мор поднял шумиху вокруг этого факта[10]. Он заявил, что, принимая советского профессора, руководство университета потворствует пропаганде коммунизма среди студентов, обратился к Министру иностранных дел П. Мартину с просьбой разобраться, почему правительство разрешает подобные обмены, и потребовал немедленно отправить Николаева в СССР. В ответ на это «Студенческий совет обвинил Мора в посягательстве на академическую свободу университета, а Принципал Ридделл сказал, что отказ Николаеву в праве преподавать будет полностью соответствовать действиям тоталитарных обществ»[11]. В конечном итоге университет отстоял свое право самому выбирать, кого приглашать в качестве лекторов.

Таким образом, принуждать организации или учебные заведения вступать в образовательные связи с СССР, как и заставлять их прекращать контакты, канадской стороне было достаточно проблематично. Дипломатическому ведомству Канады всегда приходилось учитывать принцип автономии социальных субъектов при обсуждении тех или иных планов обменов с Советским Союзом. Это, в частности, подтверждает переписка ведомств канадского МИД относительно перспективы обменов визитами ректоров МГУ и Монреальского университета в 1961 г.: «Правительство в основном поощряет такие обмены контактами, но, естественно, предпочитает, чтобы инициатива исходила из интересующихся групп, и не хотело бы силой навязывать подобные визиты»[12]. Еще одним доказательством вышесказанного может служить фрагмент отчета сотрудника Европейского отдела Департамента иностранных дел Канады П.М. Робертса о беседе с сотрудником Посольства СССР Рэмом Красильниковым, которая состоялась 17 марта 1961 г.: «Обсуждался по существу только один вопрос — об увеличении обменов между

[9] Skilling 2000, 160.

[10] Pitsula 2006, 290291. См. также: Saskatoon Star-Phoenix 26.09.1964, 21; The Calgary Herald 08.10.1964, 4.

[11] Pitsula 2008, 173.

[12] Library and Archives Canada. RG25. Vol. 5375. File. 10438-v–5–40. Visits between Canada and the USSR in the field of education.

Канадой и СССР, и не только студентами. Я сказал, что в прошлом Советское правительство придерживалось позиции, что студенческие обмены могли бы приниматься только как часть генерального соглашения о культурных обменах между нашими странами, и это все еще является советской позицией. Он сказал, что советское правительство предпочитает решать вопросы через генеральное культурное соглашение, но он думает, что правительство мог бы заинтересовать некий отдельный договор по студенческим обменам, если соглашение о культурных обменах не может быть подписано сейчас... Я сказал, что мы поощряем обмены всех видов и что студенческие обмены особенно ценны. *Однако я думаю, что возникли бы серьезные технические различия, произрастающие из того, что канадские университеты не контролируются правительством* (курсив мой — А.И.)»[13].

Канадская практика взаимодействия между государственными органами и участниками обменов заметно отличалась от советской. К примеру, диалог по поводу обменов с СССР инициировал не Департамент иностранных дел, а сами общественные организации, заинтересованные в связях с советской стороной. Так, из архивных материалов следует, что президент Национальной Федерации студентов университетов Канады Брюс Роусон накануне намеченного на май 1961 г. визита делегации НФКУС в Советский Союз сам пришел в Европейский отдел Департамента иностранных дел и попросил его сотрудников обеспечить делегацию информацией о жизни в СССР[14]. К сожалению, нет сведений о том, была ли удовлетворена просьба Роусона об организации лекции, но точно известно, что в отделе ему предоставили перечень публикаций, которые, как казалось дипломатам, в наилучшей степени отражали суть советской действительности.

Стоит также отметить, что канадские организаторы и участники обменов затягивали с подготовкой отчетов о визитах в СССР или не всегда вовремя информировали государственные учреждения о текущих событиях. Та же НФКУС не посчитала нужным посвящать Департамент в детали визита своей делегации в Советский Союз в мае 1961 г., так что сотрудникам внешнеполитического ведомства самим пришлось навестить офис организации в Оттаве, чтобы собрать необходимые сведения о планах поездки и отправить их в Посольство Канады в Москве[15]. Бывали и случаи, когда о тех или иных мероприятиях в области обменов Департамент иностранных дел узнавал по факту. Об этом свидетельствует письмо НФКУС от 19 августа 1961 г., в котором организация сообщала о том, что коллекция фотографий, присланная Комитетом молодежных организаций СССР, прибыла в Канаду и уже начала выставляться в университетах страны[16].

В отсутствии соглашения об обменах с СССР деятельность МИД Канады в 1960-х гг., как видно из документов, концентрировалась преимущественно на сборе информации о развитии образовательных связей с Советским Союзом. Сотрудники ведомства обрабатывали сведения о канадских гражданах, проходящих

[13] Library and Archives Canada. RG25. Vol. 5375. File. 10438-v–5–40. Visits between Canada and the USSR in the field of education.

[14] Library and Archives Canada. RG25. Vol. 5375. File. 10438-v–5–40. Visits between Canada and the USSR in the field of education.

[15] Library and Archives Canada. RG25. Vol. 5375. File. 10438-v–5–40. Visits between Canada and the USSR in the field of education.

[16] Library and Archives Canada. RG25. Vol. 5375. File. 10438-v–5–40. Visits between Canada and the USSR in the field of education.

обучение в СССР или изъявивших желание учиться там, отслеживали визиты делегаций, оценивали достижения той или иной организации в развитии обменов с СССР.

С точки зрения оказания конкретной помощи гражданам работа Департамента была мало продуктивной. Без договора с Советским Союзом министерство ничем не помогало людям, мечтающим получить образование в СССР. При обращении в Департамент их ждал бы ответ, схожий с тем, что получила в начале 1962 г. некая И. Антанависиус. Девушка после обучения в Университете Торонто хотела поступить в МГУ и, отчаявшись решить этот вопрос через письма проректору университета Иванову, НФКУС, в Посольство СССР, Общество «Канада — СССР», наконец обратилась в МИД Канады. Вот что ей предстояло прочесть: «Канада не имеет культурного соглашения с СССР. По нашему мнению, и без формального соглашения о культурных отношениях между Канадой и зарубежными странами, они складываются дружественно к взаимной выгоде сторон. Мы думаем, что наши культурные отношения с Советским Союзом могут развиваться также взаимовыгодно на основе данного подхода. Поскольку наше правительство занимает такую позицию, вы свободны выбирать обучение там, где пожелаете. Вы должны быть, конечно, приняты Университетом, в котором вы хотите учиться. Я бы посоветовал вам написать в Московский университет, объяснив ситуацию. Я желаю вам успехов в ваших начинаниях»[17]. Представленный отрывок письма хорошо отражает полное бессилие Департамента в установлении образовательных связей с СССР. В переписке с экспертами сотрудники ведомства сами открыто признавали это. Так, в июне 1963 г. заместитель госсекретаря по международным отношениям Сеаборн писал профессору Торонтского университета Скиллингу: «Время от времени студенты, которые хотят обучаться или заниматься исследовательской деятельностью в СССР, связываются с нами — обычно после безрезультатных обращений к советским властям — с вопросом, не могли бы мы помочь им устроиться в советские образовательные институты. Поскольку официальная позиция правительства Канады по ряду причин не определилась, мы не способны предоставить практическую помощь таким заявителям»[18].

Важно подчеркнуть, что менеджеры университетов, подобные Г. Скиллингу, добившиеся гораздо более внушительных успехов в развитии обменов с советскими вузами, чем внешнеполитическое ведомство, становились для него незаменимыми помощниками в решении проблем образовательных контактов с Советским Союзом. Характерно, что в том же письме дипломат просил профессора проконсультировать желающих обучаться в советских вузах, а также рассмотреть возможность их отправки на учебу в СССР под видом студентов Торонтского университета, у которого уже была подписана обменная программа с МГУ[19].

И все же 1960-е гг. стали для правительства и МИД Канады достаточно важным периодом всестороннего изучения образовательных обменов с СССР, постепенного накопления опыта посредничества и формирования принципов политики

[17] Library and Archives Canada. RG25. Vol. 5375. File. 10438-

[18] Library and Archives Canada. RG25. Vol. 5375. File. 10438-v–5–40. Visits between Canada and the USSR in the field of education.

[19] Library and Archives Canada. RG25. Vol. 5375. File. 10438-v–5–40. Visits between Canada and the USSR in the field of education.

в этой сфере. Одним из них почти сразу стал принцип взаимности. «Наша политика, — говорилось в одном дипломатических документов, — состоит в том, чтобы пытаться сохранять некоторую степень взаимности в канадско-советских обменах и, если мы готовы видеть образовательные обмены, выходящими далеко за обмены крупными учеными (по программам Национального исследовательского Совета и Совета Канады), и включить в них студентов вузов и аспирантов гуманитарных наук, то мы должны сохранять взаимность также и в этом поле»[20]. К моменту подписания Соглашения обменах в 1971 г. канадская дипломатия была вполне подготовлена к тому, чтобы реализовывать их на новом, более серьезном уровне.

Подводя итог, можно сказать следующее. Подходы СССР и Канады к организации образовательных обменов различались настолько, насколько различался общественный строй двух стран. В советской версии детерминирующую роль играли партийно-государственные органы, которые определяли политику в сфере обменов, мобилизовали необходимые институты и ресурсы для их осуществления, контролировали их; в канадском варианте ведущая роль принадлежала не государству, а гражданам, общественным объединениям и вузам. По существу, это было столкновение этатистской и либеральной модели организации образовательных обменов, достоинства и недостатки которых предстоит еще более подробно изучить в рамках отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Аггеева И. А. 2011: Культурные связи эпохи холодной войны: СССР — Канада (1950–1970-е гг.). М.

Иванян Э. А. 2007: Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М.

Friedland M. 2002: The University of Toronto: A History. Toronto.

Johns W. H. 1981: A History of the University of Alberta. Edmonton.

Pitsula J. M. 2006: As One Who Serves: The Making of the University of Regina. Montreal.

Pitsula J. M. 2008: New World Dawning: The Sixties at Regina Campus. Regina.

Skilling H. G. 2000: Education of a Canadian: My Life as a Scholar and Activist. Montreal.

SOVIET-CANADIAN STUDENT EXCHANGE IN THE LATE 1950-s AND DURING THE 1960-s

A. G. Ivanov

The article is is an attempt to define specific approach to student exchange implementation by the USSR and Canada from 1950–1960-s. The author concluded that the Soviet side, committed to etatism, was focused on contract-law student exchange and accountability to state organs. The Canadian side in accord with liberal socio-political model assigned a key role to universities and institutions that are interested in educational ties with the USSR.

Key words: the USSR, Canada, student exchange, Cold War

[20] Library and Archives Canada. RG25. Vol. 5375. File. 10438-v–5–40. Visits between Canada and the USSR in the field of education.

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2012

А. Н. Макаров

СОВЕТСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ФОТОРЕПОРТАЖ 1930-х гг. КАК СРЕДСТВО СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматривается механизм формирования и внедрения в массовое советское сознание визуальных стереотипных представлений о процессе индустриализации и сопутствовавших ей явлений общественной жизни посредством фоторепортажа 1930-х гг. Новизна статьи заключается в привлечении массы оригинальных источников нетрадиционного типа — фоторепортажных снимков, а также в выявлении и систематизации методов придания публиковавшимся снимкам агитационно-пропагандистской направленности.

Ключевые слова: индустриализация, фотография, пропаганда, стереотип

Мощнейшим средством пропаганды и популяризации процесса индустриализации в 1930-е гг. стали средства массовой информации. Одним из основных методов пропаганды являлась стереотипизация, то есть психологическое воздействие с помощью создания иллюзорных стереотипов, составлявших основу стандартов поведения, политических и социальных мифов, на которых базировалась государственная идеология[1]. Стереотипизации подвергался не только текстовой, но и иллюстративный материал. Иллюстрации являлись способом создания и внедрения в сознание читателей ложных представлений о действительности[2].

Революционная власть, осознавая перспективность развития визуальной пропаганды, включила в арсенал ее средств фотографию. Известно, что фотоснимки, размещенные на страницах периодических изданий, оказывают на читателя гораздо большее воздействие, чем текстовая информация. Учитывая, что уровень грамотности населения страны в среднем не был высоким[3], фоторепортаж в годы

Макаров Алексей Николаевич — аспирант кафедры новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета. E-mail: makarovalex88@mail.ru

[1] Засурский 1978, 75.

[2] Засурский 1978, 141.

[3] По данным всесоюзной переписи населения 1926 г., грамотность населения страны составляла 51,1%, в том числе по РСФСР — 55%. При этом образовательный уровень оставался крайне низким: в середине 1930-х гг. средняя продолжительность школьного обучения рабочих составила 3,5 года (при нормативе в 4 года), а по жителям деревни официальную статистику вывести невозможно. Доля грамотного населения среди горожан в 1926 г. составляла 76,3%, а среди жителей села — 45,2%.

первых пятилеток стал важным источником информации о событиях, происходивших в стране и за рубежом.

Индустриальный фоторепортаж, под которым следует понимать оперативное отражение процесса проводившейся в СССР индустриализации и сопутствующих ей изменений общественной жизни посредством фотографии с текстовыми пояснениями, в конце 1920-х–1930-е гг. прошел в своем развитии несколько стадий, совпадающих с периодами повышения и снижения интереса фоторепортеров к новостройкам.

Первый этап пришелся на 1930–1933 гг. Огромное количество мелкоформатных снимков низкого качества на страницах газет можно объяснить высоким спросом на визуальную информацию со строительства промышленных предприятий и слабой технической стороной обеспечения фоторепортажа, низкими полиграфическими возможностями типографий тех лет. Второй этап, включающий 1934–1935 гг., стал временем удачного соединения идеологического запроса с адекватным уровнем развития фототехники[4] и характеризовался стабильно высоким интересом фоторепортеров к теме индустриализации. На страницах газет в эти годы публиковалось большое число крупноформатных снимков достаточно высокого качества. Третий период охватил время с 1936 по 1941 гг., когда интерес прессы к теме индустриализации заметно снизился и в периодике встречались немногочисленные снимки, отражавшие моменты пуска вновь выстроенных предприятий.

Индустриальный фоторепортаж, размещенный на страницах советских периодических изданий 1930-х гг., включал в себя снимки, которые тематически можно разбить на три группы.

Первую группу составляли снимки, отражавшие сам процесс строительства и функционирования промышленных предприятий в 1930-е гг. (панорамные фотографии и виды отдельных цехов и стройплощадок). Конструктивистская фотография соответствовала партийному лозунгу «Техника решает все», поэтому излюбленным и наиболее востребованным для любой газетной или журнальной редакции материалом в годы первых пятилеток стали снимки котлованов, строительных лесов, машин, труб, различных механизмов. Ко второй группе относились снимки, изображавшие урбанизацию, сопутствовавшую процессу индустриализации, а также иллюстрировавшие становление нового городского быта и демонстрировавшие высокий социокультурный уровень жизни населения городов-новостроек. В третью группу следует включить снимки отдельных ударников и стахановцев и их бригад, сопровождавшиеся подписями и цифрами достижений.

Фоторепортерами в 1930-е гг. был разработан и успешно использован ряд методов придания публикуемым снимкам агитационно-пропагандистской направленности.

Одним из них являлся метод фотомонтажа, применявшийся советскими фотографами с начала 1920-х гг., когда сфера его использования ограничивалась агитационным плакатом и стенгазетой. При создании фоторепортажей монтаж стал активно использоваться в годы первой пятилетки. В едином фотографическом по-

[4] Орлова 2005, 192.

вествовании путем «раскройки» и «склейки» снимков могли соединяться предприятия, не только находившиеся на большом друг от друга расстоянии (например, доменные печи Украины и Урала), но и относившиеся к разным отраслям промышленности. Снимок, обработанный аналогичным способом, мог демонстрировать не только вступившее в строй предприятие, но и его готовую продукцию. Указанные приемы были использованы в подборке снимков, размещенных в журнале «Смена», где рассказывалось о пуске Горьковского автомобильного завода[5]. Вынесенный на обложку журнала фотомонтаж включал два снимка, один из которых изображал момент строительства завода и сопровождался пояснением: «2 мая 1930 г. был заложен первый камень фундамента автозавода». Второй снимок, наложенный поверх первого, изображал автомобиль, который, казалось, выезжал прямо со стройплощадки, запечатленной на первом снимке. Подпись к этому снимку уточняла, что автозавод будет пущен 1 ноября 1931 г. Так Горьковский автозавод на страницах «Смены» уже «выпустил» готовую продукцию до реального пуска предприятия.

Монтажная техника позволяла встраивать в фотографическое изображение емкие по смыслу и понятные рядовому читателю фразы. Так, призыв «Больше чугуна и стали», неоднократно встраивавшийся в изображения доменных печей, апеллировал к рабочим повысить объемы плавок.

Значительное количество фотосерий строилось на технике монтажа. Фотоиздатом в 1934 г. планировалось выпустить ряд фотосерий, посвященных индустриализации: «Советские автомобили», «Вторая пятилетка» и «За что мы будем бороться в 1934 г.»[6]. В последней средствами художественного монтажа плакатного типа предполагалось показать основные цифры и задания плана на 1934 г. Наглядное иллюстрирование производственного плана, по мнению идеологов, «должно облегчить запоминание основных цифр и задач», а лозунги, помещенные рядом со снимками, «дополнят агитационно-пропагандистское содержание серии»[7].

Генеральным жанром фоторепортажа в начале 1930-х гг. являлась панорама — общий вид строительной площадки. Последняя могла иметь большую протяженность, поэтому фотографу приходилось снимать фронт строительства в несколько приемов с одной позиции, а затем в лаборатории склеивать отдельные фрагменты пленки[8]. Подобные снимки, размещенные на страницах периодических изданий и внушительно выглядевшие на фоне массы небольших по формату снимков, привлекали внимание читателя и создавали стереотипное представление о запечатленном строительстве как о монументальном и масштабном. Подобные фоторепортажи появились задолго до начала первой пятилетки. Например, в 1926 г. в газетах был опубликован снимок перспективного плана Днепровской плотины[9]. «Лицом» индустриальной эпохи 1930-х гг. стали панорамные снимки Магнитостроя и Кузнецкстроя.

Метод фотомонтажа использовался при освещении кампании за повышение производительности труда, развернувшейся в апреле-сентябре 1931 г. На вы-

[5] Кэмрад 1931, 28.
[6] Малкин 1934, 21.
[7] Малкин 1934, 21.
[8] Болтянский 1939, 116.
[9] Лельчук 1984, 98.

работку этой визуальной стратегии у редакции «Правды» ушло около месяца. На фоне борьбы с обезличкой на производстве у кампании появляется собственное «лицо». Сначала это рисованный шахтер в спецовке с фонарем в руке, потом — фото безымянного, но натурально улыбающегося горняка и, наконец, начиная с первой декады мая — фотопортрет персонально поименованного ударника, смонтированный с общим планом производственного процесса и цифрами достижений в той или иной отрасли. В 1932 г. «Правда» использовала другой, не менее эффективный способ популяризации ударнического движения. На страницах газеты из номера в номер помещались своеобразные «окошки», в правой части которых в виде графика приводились конкретные данные по выплавке стали и чугуна, а слева — фотопортреты ударников или ударниц с указанием фамилии и места работы. На фоне ударника, который показан одновременно работающим и добившимся результатов, призывы увеличить добычу угля и выплавки стали или овладеть конвейерным потоком выглядели не только осуществимыми, но и осуществляемыми[10].

Другим методом формирования визуальных стереотипов у населения стало сочинение к фотографиям грамотных, идеологически выверенных подписей, которые могли направить читателя в верное русло истолкования конкретного снимка. Фоторепортеров, которые затруднялись дополнить свои негативы грамотными текстовками, причисляли к «съемщикам» и не поручали такие ответственные задания[11].

В подстрочниках к снимкам, как правило, подчеркивалась авангардная роль многонационального пролетариата, комсомольской молодежи, партии, а иногда лично И. В. Сталина в строительстве конкретного предприятия, приводились технические характеристики изображенного на снимке агрегата, транспортного средства, механизма или инженерной конструкции, при этом часто подчеркивалось, что подобный механизм или сооружение строились в СССР впервые и не имели по своей мощности, производительности и размерам аналогов в мире.

Нередко снимки сопровождались цитатами из высказываний представителей власти. К примеру, фоторепортаж, рассказывающий о сборке 100-тысячного трактора на Сталинградском тракторном заводе, сопровождался выдержкой из доклада В. И. Ленина, сделанного им на VIII съезде РКП (б) 23 марта 1919 г.: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: ‘’Я за коммунию’’»[12]. Рассматривая на снимке трактор, зритель воочию убеждался в том, что недавние проекты претворялись в жизнь. В журнале «Смена» была помещена фотография рабочего, собиравшего автомобиль, а рядом приводилось высказывание И.В. Сталина: «Когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, — мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда определить в отсталые, а какие в передовые»[13]. Внушение сте-

[10] Орлова 2005, 193.
[11] Морозов 1939, 121.
[12] Комсомольская правда 15.04.1934.
[13] Кэмрад 1931, 15.

реотипных представлений в приведенных примерах велось без особых доказательств, логических построений, лишь со ссылкой на «авторитет»[14].

Часто подстрочники к снимкам подвергались тщательной художественной обработке. Пояснения к снимкам, основанные на приеме олицетворения («мартеновские цеха поднимают свои трубы, печи начинают выходить из котлованов, электростанция сбрасывает свои леса»[15] и др.) усиливали пропагандистский эффект, вызванный просмотром фотографий.

Для закрепления в сознании масс стереотипов пропаганда практиковала многократное, настойчивое повторение одних и тех же слов, фраз, которые в результате становились символами. Повторяемость сюжетов и высокая частота публикации снимков в периодических изданиях также являлись одним из приемом по приданию индустриальному фоторепортажу агитационно-пропагандистской направленности.

На страницах «Правды» в 1929–1932 гг. индустриальный фоторепортаж публиковался до 5–6 раз ежемесячно, в «Уральском рабочем» и «Комсомольской правде» — до 3–4 раз в месяц. При этом среди предприятий, строившихся в годы первых пятилетних планов, наибольшим спросом со стороны фотокорреспондентов пользовались металлургические и машиностроительные заводы. Например, в 1931–1932 гг. общий вид строительства второй магнитогорской домны появился четыре раза на страницах «Известий» и «Уральского рабочего», три раза в «Комсомольской правде», два раза в «Правде» и один раз в комсомольском журнале «Смена». Фоторепортажи со строительства Уралмаша, пущенного в строй в 1933 г., за период с 1931 по 1933 гг. четыре раза появились в газете «Уральский рабочий» и по два раза — в «Правде» и «Комсомольской правде». По меркам периодической печати тех лет подобная регулярность освещения строительства промышленного объекта находилась на достаточно высоком уровне.

Как правило, за месяц до пуска очередного предприятия газеты обеспечивали активное визуальное сопровождение предпусковых работ. Тем не менее, момент самого пуска предприятия часто оставался визуально не подтвержденным. Так получилось с Челябинским тракторным заводом, Краматорским заводом тяжелого машиностроения, Магнитогорским металлургическим комбинатом. Сложившуюся ситуацию нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, технические возможности типографий газет были невелики, и снимок мог «опоздать» в печать. С другой стороны, подобная ситуация могла возникнуть в связи с препонами, чинимыми фотокорреспондентам и редакциям газет цензурными инстанциями разных уровней.

Одним из приемов демонстрации мощи советской промышленности стало тиражирование снимков, изображавших готовую продукцию тех или иных предприятий. Показательным в этом отношении являлся фотомонтаж «Сделано в СССР»[16]. Снимки изображали произведенную в стране за годы первой пятилетки продукцию: от велосипедов и часов до тракторов и паровозов. В «Комсомольской правде» была опубликована фотографии доменных печей Кузнецка,

[14] Засурский 1978, 120.
[15] Пятаков 1932, 41.
[16] Известия 4.02.1932.

подпись к которой гласила: «Есть кузнецкая сталь. Первый слиток — товарищу Сталину»[17].

Поскольку базой индустриализации выступало машиностроение, среди фотокорреспондентов в 1930-е гг. наибольшей популярностью пользовалась продукция машиностроительных заводов. В «Смене» под заголовком «Полным ходом» была помещена подборка снимков, сделанных на Ростовском заводе сельскохозяйственных машин (от общих панорам до готовой продукции предприятия)[18]. Пуск Ростсельмаша, действительно, был знаковым событием в истории отечественной промышленности: с началом выпуска сельскохозяйственной техники СССР прекратил закупку машин за границей и перешел к экспорту собственных. В газетах публиковались снимки тракторов, собранных на Сталинградском[19] и Челябинском[20] тракторном заводах, танка-паровоза, выпущенного на ленинградском заводе им. Ленина[21], и других машин и механизмов.

Метод высокой частоты публикации снимков применялся при освещении движения стахановцев. За период с 9 сентября 1935 г. (в этот день в «Правде» впервые появился портрет А. Стаханова) по 9 сентября 1936 г. на страницах «Правды» было опубликовано порядка 40 фоторепортажей, повествующих об очередных достижениях стахановцев на различных предприятиях легкой и тяжелой промышленности страны[22]. Фотопортрет А. Стаханова за этот период на страницах «Правды» публиковался 13 раз, причем в сентябре 1935 г. это делалось дважды, в октябре 1935 г. — трижды, а в ноябре — четыре раза[23]. Сначала зритель видит знаменитого донбасского шахтера в забое, затем — в качестве инструктора, популяризатора нового метода работы, в следующих номерах газеты А. Стаханов — в своей квартире с дочерью, потом — в клубе с коллегами, и, наконец, на первом всесоюзном совещании стахановцев. Фоторепортаж, изображая «героя» на работе, в кругу семьи, на отдыхе, создавал иллюзию его процветания. Одним из главных направлений фотопропаганды становилась публикация в газетах и журналах снимков ударников и стахановцев в радиофицированных и обставленных «роскошной» мебелью квартирах.

Другим направлением фотопропаганды стало изображение досуга рабочих. Как рассуждали идеологи, семья стахановца «умеет иначе отдыхать, нежели отдыхала так недавно». Оказывается, запечатленная фоторепортером Д. Черновым ударница-текстильщица, сидящая в театре, являла собой «очень многозначительную картину», ведь «работница имеет свое привилегированное место»[24]. Фото М. Маркова и М. Озерского показывали, как осуществлялась культурная революция: семьи шахтеров, отдыхающие во Дворце культуры в Горловке (Донбасс); женщины, слушающие репродуктор у колхозной избы[25].

---

17 Комсомольская правда 20.09.1932.
18 Кэмрад 1931, 18.
19 Комсомольская правда 6.01.1932.
20 Правда 1.06.1936.
21 Комсомольская правда 4.02.1932.
22 Рассчитано по: Правда 1935–1936.
23 Рассчитано по: Правда 1935.
24 Пятаков 1934, 3.
25 Заковырина 2008, 140.

Агитационно-пропагандистскую направленность индустриальному снимку задавало его композиционное построение, специальные методы съемки, использование световых эффектов.

Излюбленным способом съемки у фоторепортеров была съемка снизу вверх или по диагонали. В первом случае промышленному объекту придавались гипертрофированные размеры, во втором — избегалось статическое состояние, изображенному придавалось движение. Почти всегда в 1930-е гг. доменные печи, трубы коксохимкомбинатов, нефтяные вышки снимались или снизу вверх, что визуально «растягивало» и без того высокие объекты, или по диагонали, что придавало моменту строительства динамизм. Даже сельскохозяйственная техника иногда снималась с непривычных ракурсов. Например, трактор «Сталинец», собранный в Челябинске, был снят по диагонали так, что возникает впечатление, будто машина, как необъезженная лошадь, «встает на дыбы», а тракторист за рулем кажется лихим наездником, укрощающим строптивое животное[26].

Своеобразным символом трудового героизма в 1930-х гг. стал шахтер со вскинутым на плечо отбойным молотком. Как правило, рабочий снимался с такого ракурса, чтобы у зрителя возникла визуальная иллюзия: невысокий мужчина на снимках мог выглядеть великаном. Например, в «Комсомольской правде» был размещен снимок молодого мускулистого рабочего с голым торсом, водрузившего кузнечный молот на плечо и смотрящего в неопределенном направлении[27]. Отсутствующая на снимке линия горизонта, а также съемка снизу вверх зрительно увеличили рост ударника. Обнаженное тело и тяжелый инструмент на плече добавляли в созданный образ элементы брутальности. Ударник производства, изображенный подобным образом, выглядел как сгусток энергии. Образ рабочего-великана, который в действительности не встречался, являлся персонификацией коллективных сил, представляя обобщенный образ советского пролетариата. Многие стахановцы изображались на снимках с дымящимися папиросами во рту, что, по мнению ряда исследователей, подчеркивало мужественность.

Иногда редакции газет с целью произвести сильное впечатление на читателя прибегали к использованию потенциала развивающейся полиграфии страны. Например, для изображения помещений цехов применялась публикация снимков большого формата. К фотографии кузнечного цеха Челябинского тракторного завода, по площади занимающей четверть страницы, давалось пояснение, в котором уточнялось, что «это не весь цех»[28]. У рядового советского читателя, не вникавшего в тонкости фотографической техники, могло сложиться впечатление, что в том случае, если бы фоторепортер решил запечатлеть кузнечный цех полностью, то редакции газеты пришлось бы отдать под такой снимок половину страницы, а может и больше.

Для придания снимку большей убедительности в изображении грандиозного строительства, ведущегося под руководством партии, фоторепортеры часто прибегали к «игре» со светом. На снимке А. Скурихина «Солнечный цех» (1931 г.), сделанном на Кузнецком металлургическом заводе, свет является важнейшим компонентом композиции. Фотография показывала зрителю огромный цех, про-

[26] Комсомольская правда 21.12.1934.
[27] Комсомольская правда 24.05.1931.
[28] Уральский рабочий 17.12.1933.

леты которого пронизаны вертикальными лучами света, проходящими сквозь недостроенную крышу. Игра света и тени, солнечные лучи, разрывающие затененное пространство цеха, делали снимок подчеркнуто патетичным. Хотя на снимке почти незаметны фигуры людей, становилось понятно, что «трудиться здесь — радостно»[29]. По наблюдению исследователя Б. Розенталя, образ света был широко распространен в советском искусстве 1930-х гг., причем, «чем мрачнее реальность, тем больше света на картинах»[30].

Особенное значение уделялось расположению снимка в номере. Индустриальная тематика в годы первых пятилеток переместилась на первые страницы журналов и газет. Снимки ударников и стахановцев к 1935–1936 гг. занимали, как правило, почетное место в верхнем правом углу страницы, что далеко не случайно. Самыми ценными в информационном смысле областями газетно-журнальной страницы считаются верхние левый и правый углы, потому что на них, по наблюдению психологов, чаще всего падает взгляд читателя, а потому информация, расположенная здесь, лучше усваивается.

Еще одним методом усиления агитационно-пропагандистского воздействия фотографии являлась фотосерия, представлявшая собой ряд снимков, объединенных в едином сюжете, с прилагавшимися к ним текстовыми пояснениями.

Редакция журнала «Смена» в 1929 г. поместила подборку снимков, которые впервые продуманно проиллюстрировали начало индустриализации. На первом снимке — ленинградский Гипромез, на втором — конные повозки, рабочие с лопатами (подпись к снимку дает понять, что на Урале будет возведен машиностроительный завод), на следующем снимке — комсомольцы-рабочие завода «Серп и молот», занятые сборкой металлолома, на четвертом снимке — общий вид недавно пущенных доменных печей Судаковского завода (Тульская область)[31]. Перед читателями журнала в общем виде выстраивалась картина предстоящей индустриализации: от чертежей Гипромеза и сборки металлолома до функционирующих доменных печей.

Образцом фотопропаганды за 1931 г. была признана фотосерия «24 часа из жизни московской рабочей семьи Филипповых». Ее публикация в западном коммунистическом издании («АИЦ») вызвала широкий резонанс: 52 снимка с сопроводительным текстом были восприняты как документальная повесть о положении рабочего класса в СССР. На примере семьи московского рабочего Филиппова зрители за границей должны были составить представление о новой, безоблачной жизни рабочих в Советском Союзе[32].

Успех «Семьи Филипповых» дал импульс к созданию ряда фотосерий. Качественно новую форму фоторепортажа предложил М. В. Альперт. Фотосерия «Гигант и строитель», основанная на приеме «восстановления фактов действительности», рассказывала о рабочем В. Калмыкове, за два года прошедшем на строительстве Магнитогорского металлургического комбината путь от завербованного на стройку крестьянина до ударника-бригадира, орденоносца[33].

---

[29] Вартанов 1986, 6.
[30] Розенталь 2000, 63.
[31] Кэмрад 1929, 6.
[32] Сарторти 2005, 151.
[33] Пятаков 1932.

Фотосерия «Уголь и розы» М. Маркова (1934 г.) рассказывала о донбасском шахтере-рекордсмене Н. Изотове. На снимках можно было увидеть Изотова, беседующего по возвращении из шахты с бригадой следующей смены, на производственном совещании, в домашней обстановке, в театре, а также его жену и детей. Однако из 14 негативов, предоставленных М. Марковым в Союзфото, в серию вошло лишь девять. Редакцией были «отсеяны» те снимки, которые заостряли внимание на частной жизни шахтера, «не уделяя места роли партии в борьбе за повышение качества продукции»[34].

Интересными по структуре и убедительными по содержанию являлись индустриальные фотоочерки 1930-х гг. В фотоочерке «Биография мирового гиганта» посредством пяти снимков перед читателем разворачивалась история с момента начала строительства под Сталинградом тракторного завода до спуска с конвейера стотысячного трактора[35].

В конце 1930-х гг. М. Альпертом был создан очередной фотоочерк, названный «Династия Коробовых», который был посвящен жизни трех поколений семьи доменщика Макеевского металлургического завода им. С. М. Кирова — И. Г. Коробова. Очерк создавался в то время, когда члены семьи Коробовых уже совершили «карьерный взлет»[36]. Фотографии позволяли читателю проследить за судьбой семьи макеевских металлургов, давая наглядное подтверждение быстрому продвижению Коробовых по служебной лестнице.

Помимо фотосерии, советскими фоторепортерами практиковался иной способ сочетания двух и более снимков. Среди приемов показа роста благосостояния советского государства и его граждан в годы первой пятилетки приоритет отдавался тиражированию в прессе снимков, построенных по принципу противопоставления «старого» «новому».

Параллельно с проводимой в стране индустриализацией шел процесс урбанизации, происходили изменения в социальной структуре и повседневной жизни общества. На годы советской индустриализации пришлось время попыток воплощения в конкретных архитектурных формах идеи нового социалистического быта, подразумевавшего максимальное обобществление жизни. Происходила перепланировка многих городов.

В 1930-е гг. важно было представить «новый» советский город как полное преобразование старого[37]. «Строительная газета» в 1930-е гг. практиковала выпуск иллюстрационной вкладки «Архитектура», которая содержала художественные красочные фотоснимки новых зданий в Москве, Ленинграде, и других городах СССР[38]. Одним из первых прием сравнения в снимках применил фотокорреспондент Б. Игнатович. Для журнала «СССР на стройке» им была проведена аэросъемка Ленинграда. Сопоставление снимков «Старый Ленинград» (купол

[34] Гришанин 1934.

[35] Комсомольская правда 15.04.1934.

[36] Глава семьи Иван Григорьевич Коробов стал обер-мастером Макеевского завода, депутатом Верховного Совета УССР, Павел Иванович Коробов — директором ММК, депутатом Верховного совета СССР; Николай Иванович Коробов — старшим инженером Главного Управления металлургической промышленности Урала и Востока; Илья Иванович Коробов– директором металлургического завода имени Г. Петровского в Днепропетровске.

[37] Кларк 2000, 123.

[38] Кузнецов 1972, 171.

Исакиевского собора) и «Новый Ленинград» (трубы завода) приводило к выводу, что в Ленинграде не только строилась промышленность, но и происходило обмирщение быта горожан.

Снимок М. Альперта, запечатлевший первую магнитогорскую плотину, будто говорил читателю: «Вот она какая — плотина сегодня!». С настоящим снимком контрастировала другая фотография: бревенчатый мостик, на котором женщины стирают белье[39]. Изменения, произошедшие за относительно короткий период времени, очевидны.

Благодатной средой для фотокорреспондентов являлись Донбасс и Кузбасс. На снимках сравнивались старые шахтерские поселения, представлявшие собой беспорядочное скопище хибарок, с шахтерскими городками, где возводились капитальные здания, а грязь и пустыри сменялись зелеными насаждениями и парками[40].

Согласно фоторепортажу, позитивные изменения в жизни горожан происходили повсеместно. Фотографии рассказывали о «победах на фронте рабочего быта», демонстрируя то, как преображаются Минск, Харьков, Грозный, Подольск, Иваново и другие рабочие города[41].

Снимки Д. Чернова, А. Грибовского, А. Скурихина были построены на приеме контраста: на одной фотографии зритель мог видеть покосившиеся деревянные лачуги — вчерашний день советского города, на другой — 4-х и 5-этажные каменные здания и многоэтажные дома. Например, снимок А. Скурихина, опубликованный сначала в «Комсомольской правде»[42], а затем в журнале «Смена»[43], изображал многоэтажное здание Госпромурала, возвышающееся над старыми купеческими домами: на смену деревянной застройке старого Екатеринбурга приходили крупные жилые комплексы Свердловска.

Характерным для советской предвоенной фотожурналистики становится прием непрямого сопоставления социально-экономической ситуации в СССР и странах Западной Европы и США. Международная фотохроника на протяжении 1930-х гг. оставалась одним из важнейших структурных элементов газетных и журнальных страниц. Как правило, советская пресса перепечатывала снимки, заимствованные из западных коммунистических изданий. Как правило, прямое сравнение социально-экономической ситуации в СССР и на Западе средствами фотографии в советской прессе 1930-х гг. не практиковалось. Однако во многих периодических изданиях наблюдалась следующая ситуация. На первой полосе размещался индустриальный фоторепортаж, демонстрирующий невиданный по темпам и масштабам промышленный рост Советского Союза, а на второй полосе — международная фотохроника, повествующая о бедствиях населения стран Европы и Америки. Например, в журнале «Смена» со снимком, демонстрирующим разгон полицейскими бастующих американских текстильщиц, и фотоколлажем «Кризис в капиталистическом мире», включавшим снимки нищих, безработных жителей стран Европы, соседствовала фотография, на которой запечатлены

[39] Пятаков 1932, 5.
[40] Гришанин 1934, 8.
[41] Кэмрад 1932, 3.
[42] Комсомольская правда 30.01.1932.
[43] Кэмрад 1933, 18.

доменные печи Макеевского металлургического завода[44]. В одном номере «Комсомольской правды» можно видеть благоустроенный поселок рабочих черной металлургии[45], в следующем — фото испанских безработных, устраивающихся на ночлег на улицах Мадрида[46].

Естественно, граждане СССР, ежедневно читая газеты и видя визуальные свидетельства безработицы, нищеты, голода за рубежом и благосостояния своей страны, сопровождавшиеся грамотными подстрочниками, настойчиво клеймившими капитализм, приходили к выводу о преимуществах коммунистического строя. Вера в то, что страна в недалеком будущем займет лидирующее положение в мире, позволяла советскому обывателю скептически относиться к зарубежному опыту.

Фоторепортажи, созданные с использованием вышеобозначенных методов, наполнялись агитационно-пропагандистской направленностью и, предлагая массовому читателю упрощенную визуальную модель индустриализации, способствовали утверждению в сознании советских граждан ряда стереотипов.

Во-первых, подобные снимки демонстрировали промышленное превосходство СССР над странами Западной Европы и США, а следовательно, и экономическую независимость страны от капиталистической экономики.

Во-вторых, индустриальный фоторепортаж мог визуально «подгонять» строительство отдельных предприятий, создавая иллюзию высоких темпов строительства, несмотря на реально низкие темпы. Так, из двух снимков Г. Петрусова (1931 г.), изобразивших первые магнитогорские домны, цензурой был забракован тот, на котором отчетливо просматривалась сетка металлической арматуры, что больше подчеркивало момент продолжающейся стройки. Недостроенная доменная печь не радовала глаз цензурных блюстителей, поэтому во все периодические издания тех лет попал снимок («Магнитка в строю»), сделанный с иного ракурса так, что на нем не видна сетка металла.

В-третьих, фоторепортаж, размещенный на страницах периодических изданий, превратился в годы первых пятилеток в один из основных способов технической пропаганды. Например, посредством растиражированных снимков магнитогорского строительства рядовой читатель становился очевидцем метаморфоз, происходивших на новостройке. На месте котлованов вырастали доменные и мартеновские печи, конные грабарки уступали место паровозам, а землекопы — экскаваторам. Однако механизация производства в начале 1930-х гг. была достаточно редким явлением. Большинство работ, особенно в годы первого пятилетнего плана, осуществлялось кустарным способом. Выполнение тяжелых видов работ вручную, без применения специальной техники использовалось советскими фоторепортерами в пропагандистских целях. Рабочий, вручную выполнявший технически сложные операции, являл собой пример трудового подвига. В период первой пятилетки строителей на фотографиях нередко изображали с лопатой, на фоне лошадей с подводами, с ломом в руках. Известен снимок, изображающий троих парней в резиновых сапогах, которые, взявшись за плечи, утаптывают бе-

[44] Кэмрад 1931, 25.
[45] Комсомольская правда 21.10.1934.
[46] Комсомольская правда 23.10.1934.

тон[47]. Но подобное положение дел представлялось официальной пропагандой как временное явление.

В-четвертых, фоторепортаж содействовал мобилизации населения СССР на индустриальные новостройки. В годы первых пятилетних планов крупным промышленным стройкам страны требовался постоянный приток рабочей силы. Реализация данной задачи фоторепортерами проводилась посредством изображения на снимках определенных групп населения, либо отправлявшихся на стройку конкретного промышленного объекта, либо уже ставших активными «строителями социализма». Например, один из номеров журнала «Смена» открывался фотографией, изображавшей в вагоне поезда женщин и девочек (сезонных работниц), ехавших на кирпичные заводы и торфяные разработки[48].

Снимки молодых жизнерадостных рабочих, размещенные на страницах периодических изданий тех лет, часто сопровождались лозунговыми текстовками типа: «Весь комсомол строит Магнитострой!»[49] или «Все пути ведут на Тракторстрой»[50]. В журнале «Смена» под общим заголовком: «Так бьется пульс ленинского комсомола» были опубликованы фотографии ударников с различных строек, колхозов и совхозов страны[51]. Фоторепортаж, в частности, заметно искажал реальное соотношение различных социальных групп среди рабочих Магнитостроя в пользу комсомольцев. Эта тенденция прослеживается в центральных и региональных изданиях, где доля снимков, на которых были изображены комсомольцы, составляла более 50% от общего числа снимков ударников и стахановцев Магнитостроя. Так в сознании советских граждан планомерно утверждалась идея о массовости комсомольского движения на всех новостройках страны, о решающем вкладе молодежи в строительство важнейших предприятий. Действительно, вдохновленная пропагандой, молодежь целенаправленно стремилась туда, где ее заведомо ждали трудности.

Наконец, индустриальный фоторепортаж вносил вклад в дело пропаганды ударнического и стахановского движений. В отдельных случаях опубликованный в газете фотопортрет становился для запечатленного человека своего рода поощрением, моральным стимулом (в условиях дефицита материальных) для дальнейшего высокопроизводительного труда. На одном из совещаний редакторов газет и рабселькоров, проходившем в Челябинской области 24 апреля 1934 г. фотографам был дан совет: «...приказом вы иногда добьетесь гораздо меньше, чем фотоснимком. Хороших ударников заснимете, напечатаете в газете, вы же знаете, ударник будет доволен»[52]. Несомненно, публикация фотопортретов ударников в газетах наряду с занесением их имен на доски почета и награждением различного рода ведомственными грамотами способствовало формированию уважительного отношения к труду рабочего человека, прежде всего, в рабочей же среде[53].

Снимки, повествующие о новом образе жизни советских рабочих, имели явно пропагандистский, популяризаторский характер и были призваны отразить успе-

[47] Лельчук 1984, 99.
[48] Кэмрад 1929, 4.
[49] Кэмрад 1931, 8.
[50] Кэмрад 1931, 11.
[51] Кэмрад 1931, 34.
[52] ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 91. Л. 24.
[53] Фельдман 2010, 119.

хи советской власти в сфере образования, здравоохранения, жилищной политики и так далее. Фотосерии позволяли наглядно продемонстрировать, как филипповы, калмыковы, изотовы, коробовы и стахановы благодаря советской власти сумели сделать успешную карьеру и даже занять высокие административные и государственные должности.

Таким образом, фоторепортаж в предвоенное десятилетие превратился в один из самых распространенных и доступных широким массам источником информации. В 1930-е гг. представления большинства советских жителей о внутренних событиях формировались во многом благодаря фотографиям, публиковавшимся в периодической печати. Индустриальный фоторепортаж, основанный на технике монтажа, выполненный при помощи особых приемов съемки, сопровожденный подписями, направляющими читателя на правильное восприятие запечатленного, публикуемый на страницах газет и журналов с необходимой частотой и размещенный в наиболее выгодных частях печатного поля, способствовал укоренению в общественном сознании стереотипных представлений о советской индустриализации.

ЛИТЕРАТУРА

Болтянский Г. 1939: Очерки по истории фотографии в СССР. Харьков.

Вартанов А. (ред.). 1986: Антология советской фотографии. М.

Гришанин В. 1934: По-новому живут строители социализма // Советское фото. 1, 5–8.

Заковырина Н. С. 2008: Эволюция журнала «Советское фото» (1931–1941) // Известия Уральского государственного университета. 60, 133–142.

Засурский Я. Н. 1978: Техника дезинформации и обмана. М.

Кларк К. 2000: Соцреализм и сакрализация пространства // Соцреалистический канон / Х. Гюнтер, Е.Добренко (ред.). СПб., 119–129.

Кузнецов И. В. 1972: Газетный мир советского Союза. 1917–1970 гг. М.

Лельчук В. С. 1984: Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.

Малкин И. 1934: Фотоиздат перестраивается // Советское фото. 3, 16–21.

Морозов С. А. 1939: Фотоиллюстрация в газете. В помощь редакционным работникам. М.

Орлова Г. 2005: «Воочию видим». Фотография и советский проект в эпоху их технической воспроизводимости // Советская власть и медика / Х. Гюнтер, С. Хэнсген (ред.).СПб., 188–204.

Розенталь Б. 2000: Соцреализм и ницшеанство // Соцреалистический канон / Х. Гюнтер, Е.Добренко (ред.). СПб., 56–69.

Сарторти Р. 2005: Фотокультура II, или «верное видение // Советская власть и медиа / Х. Гюнтер, С. Хэнсген (ред.). СПб., 145–163.

Фельдман М. А. 2010: История стахановского движения: между реальностью и мифологией // Трудовые отношения в условиях мобилизационной модели развития / Г.А. Гончаров, С. А. Баканов (ред.). Челябинск, 117–133.

SOVIET INDUSTRIAL PHOTOGRAPHIC COVERAGE AS A TOOL FOR STEREOTYPING PUBLIC CONSCIOUSNESS

A.N. Makarov

The article deals with the mechanism for forming and inculcating in the Soviet public consciousness visual stereotypes about industrialization and accompanying public life phenomena through photographic coverage of the 1930-s. The novelty value of the article consists in a number of original, non-traditional sources (e.g. photo spread) and in the revealing and systematizing of ways and means of making photographs propaganda-orientated.

Key words: industrialization, photograph, propaganda, stereotype

---

© 2012

М. Н. Потемкина

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭВАКУАЦИИ (1941–1945 гг.)

В статье рассматривает формирование исторического пространства эвакуации в период Великой Отечественной войны, которая расколола единое пространство СССР на две части, границей между которыми стала линия фронта. Привычный мир советского человека был разрушен: окружавшее его пространство менялось каждую минуту. В условиях войны появились специфические топосы: бомбоубежище, «теплушка», эвакопункт. Способом преодоления пространства в ходе эвакуации стали железные дороги. Новые места жительства эвакуированные воспринимали как «чужие» и временные.

Ключевые слова: отечественная история, Великая Отечественная война, историческое пространство, эвакуация

Восприятие пространства человеком — это совокупность его представлений о пространственных свойствах явлений и предметов, их пространственных отношениях и расположении относительно друг друга и самого воспринимающего субъекта. Структурирование пространства предполагает выделение, помимо природной и географической среды, макросоциальное и локальное, государственное, духовное, коммуникативное и другие виды пространств[1].

Великая Отечественная война расколола единое пространство страны на оккупированные территории и советский тыл. Главным маркером пространства стала линия фронта. Это была граница между своим и чужим миром. Пространство страны осознавалось не просто как территория на политической или физической карте, а как ценность, ради которой советские граждане были готовы пожертво-

---

Потемкина Марина Николаевна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета. E-mail: newhist@masu.ru

[1] Кринко, Тажидинова, Хлынина 2011, 56.

вать жизнью, независимо от того, угрожал противник местам их собственного проживания или нет[2].

В особой зоне риска оказались люди, попавшие в прифронтовую зону. Это пространство перемещалось и изменялось каждый час, что неизбежно порождало дезорганизацию и безвластие, чувство неизвестности и панику. Человек вынужден был привыкать к пространству, в котором рушился привычный порядок и ритм жизни, в котором изменилась ценность вещей, приходилось самому принимать решения. Все ценности теряли смысл, всё подчинено только одному: спасению собственной жизни. При этом это спасение напрямую зависело от спасения отечества.

Появились новые топосы, порождённые войной. Одним из них стало бомбоубежище. Вот как об освоении такого нового пространства *вспоминает М.* А. Водолагин: «Хотя эвакуация производилась уже несколько дней, но и в первых числах сентября при каждом новом обходе районов города можно было обнаружить в подвалах и убежищах, в дворовых щелях — большое скопление людей. В подвале дома на углу Московской и Советской улиц находилось до пятидесяти человек. Свечка могла гореть только при входе в подвал — дальше она гасла от спертого воздуха. В бомбоубежище под драматическим театром имени Горького находилось 400 человек. В убежище дома №69 по Республиканской улице — до тысячи человек. Освещалось убежище лучиной»[3]. Главной ценностью такого пространства была его относительная безопасность. Читаем в воспоминаниях писателя Аркадия Первенцева: «Внизу не было слышно шума артиллерии. Только когда падали бомбы, земля содрогалась, и это сейсмически отдавалось в нашем подземелье. Люди, спрятавшиеся здесь, не представляли еще всей картины, разыгравшейся вверху. Они сидели, немного прислушивались, шутили, смеялись. Некоторые спали. Убежище не было оборудовано. Спали на полу, на ящиках вешалок, где обычно ставят галоши…» [4].

Стремительное продвижение фашистских войск вглубь территории СССР и жестокая оккупационная политика на захваченных землях вызвали необходимость эвакуации материальных и людских ресурсов СССР в восточные районы страны. Главными задачами массового перемещения людей стали спасение человеческих жизней и обеспечение рабочей силой оборонных предприятий экономики страны. Масштабы эвакуации были значительны и беспрецедентны: на восток переместилось более 12 000 тысяч людей[5]. Эвакуационный процесс носил частично организованный, частично стихийный характер и регулировался целым рядом постановлений.

Расставание с близким и привычным пространством происходило непросто. Многие советские граждане редко куда выезжали за пределы своего города или района. И уехать куда-то, почти в неизвестность, за сотни километров казалось выше человеческих сил. Некоторых страшила неизвестность тех мест, куда предстояло ехать: «по рассказам … нам представлялось, будто жизнь на Урале едва те-

[2] Кринко, Тажидинова, Хлынина 2011, 62.
[3] Данишевский 1980, 134.
[4] Первенцев 2001, 8.
[5] Потёмкина 2002, 24.

плится; далеко один от другого расположены города и рабочие посёлки, а вокруг сплошные дремучие леса, почти круглый год снег выше человеческого роста»[6].

Сложно было решиться бросить дом и годами нажитое имущество. Но большинство людей понимало, что главная ценность — это человеческая жизнь. (Парадокс войны как раз и заключается в трансформации отношения к человеческой жизни: гибель сотен тысяч людей её снижает, но все остальные ценности теряют смысл перед человеческой жизнью.)

Отрыв от привычного пространства был и отрывом от привычного мира личных вещей. Ведь объём груза, который можно было взять с собой, был строго ограничен, если человек отправлялся организованным порядком. А если просто беженцем, то с собой в лучшем случае можно было взять только то, что умещалось в автомобиле или на телеге; а обычно — то, что можно было унести в руках. Как правило, люди старались взять с собой документы, деньги, продукты, тёплые вещи. Иногда инстинктивно брали с собой, казалось бы, ненужные с точки зрения полезности предметы, позволившие выжить, освоив непривычно чужое пространство в местах эвакуации. Четырёхлетняя Раиса Соколовская с братом, мамой и бабушкой в эвакуацию были привезены в глухой узбекский кишлак. «Долгое время мы жили в атмосфере какого-то вакуума: ни мы к кому, ни к нам кто». Ситуация усугублялась незнанием языка и неприязнью местного населения к «чужакам». Девочка привезла с собой куклу. «Когда я показала куклу, узбекские дети были ошеломлены. Они никогда не видели такого, играли совсем в другие игры. И боролись за право её потрогать». И дети начали общаться, быстро схватывая незнакомые слова. А вслед за этим «лёд растаял» и в отношениях взрослых. «И когда мы уезжали, то нас уже провожал весь кишлак»[7]. Но были и обратные пример, когда привезённые в эвакуацию вещи разрывали коммуникативное пространство. Так, часть эстонцев, прибывших в эвакуацию на Урал, смогла вывезти из угрожаемых оккупацией районов ценные вещи. Среди вещей были и такие, которые воспринимались сельским населением уральской «глубинки» как диковинные, даже «шпионские»: фотоаппараты, пишущие машинки, радиоприёмники, аптечки с большим ассортиментом медикаментов. Непривычные предметы не просто воспринимались как «чужие» и разрушающие привычное пространство, но и вызывали активное стремление к уничтожению. «Прибывшие граждане из Эстонии имеют в личном пользовании: пишущие машинки, радиоприемники, наркотики, фотоаппаратуру и т. д. Мне кажется, все эти и им подобные предметы должны быть изъяты, однако, органы НКВД медлят. Есть лица неблагонадежные и с явно антисоветскими настроениями» — докладывал своему начальству секретарь Верхнеуральского райкома партии В. Трофимов. Резолюция обкома партии обязала изъять пишущие машинки и радиоприёмники[8].

Пространство крупных промышленных центров отличалось большей мобильностью, поэтому значительную часть эвакуированных составляли городские жители. Вывозимые рабочие промышленных предприятий были горожанами; крупные железнодорожные узлы, где формировались эвакоэшелоны, располагались в городах; городским жителям было легче добраться до транспорта. Например, Д.

[6] Курганов 1973, 22.
[7] Эвакуация. Документальный сериал. Проект Самария Зеликина. 2006г. Фильм четвёртый.
[8] ОГАЧО. Ф. Р–1142. Оп. 1. Д. 112. Л. 44; Д. 164. Л. 24–25, 59.

Романовский, изучая историю маленького городка Чашники (население немногим более 3 тыс.) в Витебской области Белоруссии, пишет о ситуации, сложившейся в начале войны: «Заброшенность Чашников, их отдалённость от всех центров сослужили им дурную службу — отсюда мало кому удалось эвакуироваться. Сыграло свою роль не столько отсутствие хороших дорог, сколько какая-то общая неосведомлённость…Никакой организованной эвакуации не было. Транспорта, лошадей почти ни у кого не было»[9].

Для жителей двух столиц: москвичей и ленинградцев — пространство своего города представлялось в первые недели войны абсолютно надёжным. Казалось, что само название «города Ленина» имело сакральный смысл и придавало ему и его жителям особую защищённость. Поэтому люди никак не хотели верить в вероятность прихода фашистов. «Ленинградцы, несмотря на разъяснение опасности положения, не допускали и мысли о возможности подхода врага к стенам их города и не стремились эвакуироваться из него»[10].

Особое значение дома как ценности в своих воспоминаниях подчёркивали многие: «Для нашей семьи бездомность страшнее всяких налетов — решили остаться в родной Москве»[11]. А. Караваева вспоминала, что на *попытки А.* Фадеева убедить её мать эвакуироваться, та ответила, что «ей восемьдесят первый год, от её жизни остался один тонкий краешек… В грозное это время … для старого человека лучшее благо — умереть дома, в своей постели…»[12].

Одним из символов войны стали дороги. Огромные массы людей двигались пешком и на различных видах транспорта в русле различных миграционных потоков: мобилизованные — на фронт, раненые — в госпиталя, эвакуируемые — в тыл, депортируемые — в места поселений, репатриируемые — домой в СССР и т.д. Вот как рисует обстановку жительница Москвы Н. Семпер: «Стою на углу Садовой 16 октября 1941 г. Вся широкая улица вплотную загружена машинами, в них, согнувшись в три погибели, сидят на грудах вещей беженцы — пригородные обыватели, городские евреи, коммунисты, женщины с детьми. Втиснулись в поток автомобилей какие-то воинские части, пешеходы катят тележки с привязанными к ним чемоданами, толкают тачки и детские коляски. Спрессованная масса течёт по Садовому кольцу к трём вокзалам с утра до ночи непрерывно. А там — куда глаза глядят … под бомбёжки, в другие города, в чистое поле, на тот свет… Где-то стреляют, где-то грабят склады и магазины, где-то жгут партийные документы, над асфальтом вихрятся обгорелые клочки бумаги, падает чёрный снег. Где-то минируют улицы, чтобы взорвать столицу»[13]. Разрушение пространства, его дезорганизация — очень опасное явление. Привыкшие к порядку и педантичные немцы прекрасно это понимали и считали, что оставление своих домов и паническое бегство советских людей может стать дополнительным фактором для победы в советско-германской войне. В указании командования сухопутных войск вермахта о порядке захвата Москвы и обращении с её населением от 12 октября 1941 г. Прямо говорилось: «Чем больше населения советских го-

[9] Романовский 1992, 159.
[10] Ковалёв 1981, 85–87.
[11] Семпер (Соколова) 1997, 106–107.
[12] Караваева 1965, 268.
[13] Семпер (Соколова) 1997, 107.

родов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными нами восточными районами и использовать их»[14]. Советское руководство, в свою очередь, пыталось придать эвакуации организованный характер.

Самым распространённым способом преодоления пространства стали железные дороги. Н. С. Патоличев вспоминает: «Случалось, что в открытых полувагонах или на платформах ехали люди. Здесь же станки и материалы, кое-что из вещей эвакуированных. При более благоприятной обстановке 2–3 крытых вагона выделялись для женщин с детьми. Вместо 36 человек в них набивалось 80–100»[15]. В условиях эвакуации пространство ещё жёстче выступало как маркер социальной дистанции. В личном дневнике Григорий Шур так описывал первый день войны в г. Вильно Литовской ССР: «На пятой линии стоял поезд, в составе свыше 50 вагонов ещё без паровоза, а на первой линии — другой, малый поезд в составе только шести пассажирских вагонов, одного товарного и паровоза под паром. В большой поезд пускали всех желающих уехать, и он был битком набит, а в малый поезд могли попасть только начальствующие лица и туда впускали по специальным пропускам»[16].

Особым пространством эвакуации стала «дорога жизни», проходящая по льду Ладожского озера и давшая возможность вывезти из блокадного Ленинграда часть населения. Условия транспортировки были очень сложными: чтобы преодолеть «дорогу жизни» — расстояние в 32 км — требовалось 8 часов, а нередко и больше.

Низкая скорость движения эвакоэшелонов была серьёзной проблемой и вызывала ощущение бесконечности. Установлена она была 500–600 км в сутки, но, по официальным данным, в ноябре 1941 г. средний её показатель не превышал 180–200 км в сутки[17]. Причин тому было множество. Навстречу друг другу двигались два мощных людских и грузовых потока: с востока на запад — эшелоны воинские и с боеприпасами, с запада на восток — с ранеными и эвакуированными. А процент двухпутных линий составлял в среднем по стране 29,5 % от эксплуатационной сети. Недостаточным было количество станционных и специальных путей. Работавший в годы войны машинистом А. И. Жаринов вспоминает: «Когда потянулись в октябре эти заводы в эвакуацию, поезда шли трамвайным порядком — в хвост друг другу. На одном блок-участке по два эшелона. Тащишься, как улитка, а впереди, метрах в двух-трёх от твоего локомотива, мерцают огни последнего вагона впереди идущего поезда»[18]. Простои эшелонов по 5–10 суток на отдельных станциях и разъездах, скорость продвижения 30–80 км в сутки, отсутствие медицинской помощи, регулярного снабжения питанием, топливом, кипятком приводили к случаям заболеваний и смертей. С наступлением холодов, так как вагоны часто были необорудованными и неотапливаемыми, участились случаи обморожений. Иногда эшелоны часами и сутками простаивали на станци-

[14] Кульков, Мягков, Ржешевский 2001, 364–365.
[15] Патоличев 1977, 216.
[16] Порудомский 1993, 151–152.
[17] ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 44. Л. 77.
[18] Данишевский 1985, 449.

ях по причинам сортировки, переадресовки вагонов, недостаточной организованности и оперативности работников дороги.

В условиях длящейся неделями дороги пространство сжималось до вагона «теплушки». Люди пытались всячески организовать и обустроить пространство, т.е. социально освоить. «С трудом, частью с руганью, частью с просьбами, но запихнул свою корзину и подушку на верхнюю полку, у двери поставил стоймя чемодан и кое-как на него уселся. Слава Богу, хоть кое-как, хоть от двери и дует, но все же — в поезде, а значит уеду. Так мы сидели в темноте до отправки, которая состоялась около часа ночи. 30 км до Ладожского озера ехали с частыми и длительными остановками. Сильно замерзли мои опухшие ноги. О сне для меня, конечно, не было и речи».[19] Люди конструировали себе подобие жилища из подручных средств, привыкая жить в полной неопределённости. Приоритетными были задачи выживания, а не удобства. Всё внимание было сосредоточено на удовлетворении первичных потребностей. «В вагоне было тесно и темно, днём душно, ночью холодно. Наши места были на втором уровне нар (кажется, их было три). Слезать мне было неудобно, особенно ночью, когда приходилось «идти на горшок», т. е. к стоявшему у дверей ведру».

Ещё одним особым пространством войны стали эвакопункты как места временного пребывания мигрантов. Первоначально предполагалось, что люди не будут задерживаться на эвакопунктах в течение продолжительного времени. Но вскоре стало ясно, что ежедневно на эвакопунктах оседает значительное количество людей. Например, на Свердловском эвакопункте на момент проверки на 12 часов ночи 29 декабря 1941 г. находились 526 человек. Из них 50 человек обитали в этом помещении более 50 суток, 79 — от 15 до 30 суток, 61 — от 10 до 15 суток, 72 — от 5 до 10 суток[20]. Как правило, это были следующие категории населения: больные, беременные, женщины, чьи дети находятся в больнице, престарелые, нуждающиеся в отдыхе в связи с длительной поездкой, эвакуированные, ждущие отправки (так как комплектование и отправка эшелона требовала формирования до 40–50 вагонов)[21]. На эвакопунктах также останавливались семьи, переезжающие к месту жительства своих родных, и отдельные граждане, разыскивающие свои семьи. Неделями и месяцами прятались в толпе людей на эвакопунктах дезертиры и лица, уклоняющиеся от военной службы[22].

Проживая в местах эвакуации, абсолютное большинство приезжих продолжало воспринимать это пространство как чужое, живя надеждой возвращения на свою «малую родину». Выражая эти настроения, Ф. Мольц писал в редакцию газеты «Звезда»: «У каждого человека, эвакуированного из захваченных немцами районов, теснится в груди тоска по родине и неотвратимое желание вернуться туда...»[23]. Однако 16 февраля 1942 г. вышло постановление СНК СССР «Об освобождении жилой площади местных советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на восток». Изъятое жильё поступало в распоряжение местных советов. Оставшееся в квартирах имущество могло быть

[19] Кулябко 2004, 263.
[20] ГАСО. Ф. 540р. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.
[21] Иргалина, Мухаметдинова 1995, 281.
[22] ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 44. Л. 97.
[23] Звезда 10. 03. 1943.

передано оставшимся в городе родственникам, знакомым; или поступало в продажу в комиссионные магазины; или доставлено хозяевам по месту нового жительства. Постановление не распространялось на частный жилой сектор. Некоторые исключения были сделаны также для жителей столичных городов Москвы и Ленинграда[24]. Таким способом власти хотели закрепить людей на новых местах работы и создать возможность использовать пустовавшие квартиры. Ведь в результате связанных с войной разрушений в освобождённых и прифронтовых районах резко сократился жилой фонд. Естественно, никакой компенсации за потерю жилья люди не получили. По сути, тысячи эвакуированных лишились возможности в будущем вернуться на прежнее место жительства. Реализация постановления вызвала бурную реакцию среди эвакуированного населения. Люди писали письма родственникам по месту прежнего жительства, пытались навести справки о состоянии своего личного имущества. Недовольство иногда проявлялось и в более резких формах, таких как попытки самовольной реэвакуации и даже отказы от выхода на работу. Для иллюстрации вышесказанного приведём конкретные примеры по городу Молотову. На заводе № 33 конструкторы Чупятов и Корнеев, лётчик-испытатель Комаров отправили в Москву свои семьи. В тресте № 48 главный бухгалтер Акодис и начальник планового отдела Никифоров пришли в кабинет управляющего и сказали, что их обманули и они немедленно уедут. Часть руководящих работников пытались через главки и наркоматы перебраться в Москву или наложить на квартиры бронь. Например, заместитель начальника конторы снабжения треста № 12 Ковалёв добился отзыва в Москву; Кандалов также получил пропуск в Москву, но был задержан парторгом ЦК ВКП(б) Ермиловым и направлен по партийной мобилизации в военно-техническое училище. В том же тресте № 12 двое эвакуированных самовольно оставили работу и выехали в Москву, за что и были заочно осуждены[25].

Одной из объективных причин недовольства эваконаселения были тяжёлые жилищные условия в эвакуации. Средняя обеспеченность жилой площадью в 1940 г. составляла по стране в расчёте на одного городского жителя 6,5 кв. м. В сельской местности эта цифра была несколько выше[26]. Поскольку гражданское строительство в военные годы почти не велось, а сотни тысяч прибывших в эвакуацию людей необходимо было где-то расселить, то решили уплотнить жилое пространство местного населения до санитарного минимума, который был определён тогда в 2,5 кв. м на человека. На «освободившиеся метры» подселяли эвакуированных. Ситуация, приведённая в воспоминаниях бывшей в годы войны в эвакуации на Урале знаменитой балерины М. Плисецкой, совершенно типична: «В Свердловске мы разместились в квартире инженера Падучева. Его фамилию я запомнила. В тесную трёхкомнатную обитель, помимо нас, исполком поселил ещё одну семью с Украины. Четыре женщины, четыре поколения. Прабабушка, бабушка, мать и семилетняя дочь. Сам инженер — человек добрый и безответный — с пятью домочадцами остался ютиться в дальней третьей комнате. Так и жили мы: 4x4x6, почти как схема футбольного построения. Но и это не оказа-

[24] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 137. Л. 68, 70.

[25] ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 8. Д. 174. Л. 13–15.

[26] ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 51. Л. 143; Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник 1987, 9.

лось пределом. В одно прекрасное утро в падучевскую квартиру сумели втиснуться ещё двое. Родной дядя инженера с десятипудовой женой. Они тоже были из Москвы и тоже эвакуировались «по счастливому случаю». Вы будете сомневаться, но жили мы мирно, подсобляли друг другу, занимали места в километровых очередях, ссужали кирпичиком хлеба в долг или трёшницей до получки…»[27].

Границами личного пространства для эвакуированных в местах эвакуации иногда были даже не стены, а нечто условное. Вот, например, что вспоминает о своём военном детстве Нина Тантлевская-Лебедева: «Начало войны. Мне 7 лет, брату 4 года. Вместе с мамой эвакуированы на Урал. Живём в бараках. Внутри вместо стен развешаны простыни. За каждой такой «стеной» — семья. …»[28].

Степень комфортности жилищного пространства была низкой. Вот, например, как описывал в своём личном дневнике жильё эвакуированных рабочих журналист А. Магид: «23.12.1941 г. — Сегодня был в одном из бараков. Во всю длину огромной комнаты тянутся трехъярусные нары, напоминающие полки железнодорожного вагона. На нарах спят, сидят, свесив ноги. Лежат, привалившись к багажу, люди. Одни закусывают, другие перебирают вещи, тут же курят. Стоит неумолчный шум. Посреди барака в узком длинном проходе дымится ещё не обмазанная плита с множеством чайников, кастрюль, консервных банок»[29]. В условиях постоянного нервного и физического перенапряжения, лишённые привычной обстановки, эвакуированные воспринимали пространство эвакуации как что-то временное. При социальном его освоении люди заботились, прежде всего, о тепле и минимальном благоустройстве мест для сна, для приготовления пищи, для соблюдения личной гигиены. В воспоминаниях и личных дневниках практически не встречаем описаний создания «домашнего очага».

Качество реального пространства эвакуированных зачастую напрямую зависело от качества коммуникативного пространства, то есть отношений с коренными жителями восточных регионов страны. Прибывавшие в эвакуацию люди вызывали у местных жителей естественную реакцию любопытства и настороженности: непривычная одежда, особенный диалект. Звучание чужой речи на советской территории разрушало единое коммуникативное пространство и вызывало подозрение и отчуждение. Жители присоединённых к СССР незадолго до войны прибалтийских земель в большинстве своём плохо владели русским языком. В районах эвакуации иногда их принимали за врагов[30]. Негативное влияние оказывало то, что во время войны все жители тыловых районов находились в постоянном психологическом напряжении: горе в связи с гибелью близкого человека, ожидание писем с фронта и боязнь получить похоронку, тревога за детей. Монотонный, изнурительный труд без выходных и отпусков вызывал тяжёлое физическое переутомление. Состояние людей ухудшалось из-за недостаточного питания и бытовых трудностей. Хотя бы иллюзорное ощущение родного пространства помогало эвакуированным преодолевать невзгоды военного лихолетья. К. Н. Руднев — руководитель тульского оружейного завода, эвакуированного в г. Медногорск Чкаловской области, прекрасно понимал, как люди тоскуют по родному городу. И вот

[27] Плисецкая 1994, 74.
[28] Захарович, Трухачева 1996, 227–229.
[29] Магид 1969, 13.
[30] ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 117. Л. 84–87.

однажды: «Кругом смех и тут же слёзы. Во дворе, около цеха, красуется настоящая наша заречинская голубятня, и наши зареченские белокурые голуби делают большие круги в небе. Радости не было конца. А ведь за этими голубями ездил в Тулу специальный человек по заданию Константина Николаевича Руднева»[31].

Эвакуированное население, даже годами пребывая на новых местах продолжало себя ассоциировать с пространством прежнего проживания. Да и в сознании местного населения эвакуированные тоже воспринимались как москвичи, ленинградцы, сталинградцы и т. д. Р. Олевская вспоминает о тех военных годах: «… Голос Левитана был уже ликующим — снята блокада с Ленинграда! Мы бежали в 6-ю квартиру и кричали: «С вас снята блокада!» Потом освободили Киев — кубарем катимся на первый этаж, стучим в двери и кричим: «Ваш Киев освободили!» Взрослые плакали, целовали нас»[32]. Пространство в экстремальных условиях войны становилось огромной ценностью особенно для людей, оторванных от него — «выковыренных», как в народе называли эвакуированных. Вот как описывает в своих воспоминаниях освобождение родного Киева академик Е. О. Патон, находившийся в эвакуации на Урале: «Трудно передать, что в этот день творилось в институте и на заводе. Два года ждали мы этой великой минуты, два года читали в московских и украинских газетах о муках и страданиях родного города, два года верили в то, что для фашистов придёт час расплаты… В последние дни перед взятием Киева во всех квартирах радио не выключалось, всюду шли споры о дате освобождения города»[33].

ЛИТЕРАТУРА

Данишевский И. М. 1980: Кузница победы: Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. М.

Захарович И., *Трухачева Т.* (авт.-ред.) 1996: Недописанные страницы…: О детях-воинах, детях-жертвах и просто детях, живших в годы Второй мировой войны. М.

Иргалина Г. Д., *Мухаметдинова Г. Р.* (сост.) 1995: Башкирия в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Уфа.

Караваева А. 1965: Борец и организатор // Фадеев: воспоминания современников. М., 265–275.

Ковалёв И. В. 1981: Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М.

Кринко Е. Ф., *Тажидинова И. Г.*, *Хлынина Т. П.* 2011: Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону.

Кульков Е., *Мягков М.*, *Ржешевский О.* 2001: Война. 1941–1945. Факты и документы. М.

Кулябко В. 2004: Блокадный дневник // Нева. 3, 262–267

Курганов В. П. 1973: Так рождался Уралхиммаш. Свердловск.

Магид А. 1969: Солдаты в рабочих ватниках. Страницы дневника. М.

Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник.1987. М.

Новиков В. Н. 1988: Накануне и в дни испытаний. Воспоминания. М.

Патоличев Н. С. 1977: Испытание на зрелость. М.

Патон Е. О. 1955: Воспоминания. Киев.

Первенцев А. 2001: Москва опаленная. Дневник войны // Москва. 6, 3–33.

[31] Новиков 1988, 95.
[32] Магнитогорский рабочий 22.06.1988.
[33] Патон 1955, 295–296.

Плисецкая М.Я. 1994: Майя Плисецкая. М.

*Порудомский В.*1993: Знакомство полвека спустя. Из записок Григория Шура // Вестник Еврейского университета в Москве. 3, 142–182.

Потёмкина М.Н. 2002: Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урал: люди и судьбы. Магнитогорск.

Романовский Д. 1992: Чашники. Очерк о массовых расстрелах евреев в Белоруссии (1942 г.) с приложением воспоминаний // Вестник еврейского университета в Москве. 1, 157–199.

Семпер (Соколова) Н. 1997: Портреты и пейзажи. Частные воспоминания о 20-м веке // Дружба народов. 2, 86–130.

HISTORIC EVACUATION SPACE (1941–1945)

M.N. Potyomkina

The article deals with the formation of historic evacuation space during the Great Patriotic War that split a single whole of the USSR into two parts, with the front line as a boundary between them. The world that was familiar to the Soviet man was ruined; the surrounding space was continuously changing. War conditions brought forth specific space topoi: bomb shelter, teplushka (heated shelter), evacuation center. Railway bridged the gap between spaces during evacuation. Evacuees perceived new place of residence as alien and temporary.

Key words: home history, the Great Patriotic War, historic space, evacuation

---

© 2012

Т.С. Рябова

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ БЕСПРИЗОРНИКОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

В статье проанализированы повседневные практики и стратегии выживания беспризорников Челябинской области в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны, содержится попытка представить беспризорность военной поры через призму концепта «жизненный мир».

Ключевые слова: Южный Урал, Великая Отечественная война, беспризорность, стратегии выживания, жизненный мир, преступность несовершеннолетних

Одной из сложнейших проблем, возникших перед советским государством и общественностью в экстремальных условиях Великой Отечественной войны, была детская беспризорность.

Жизнь ребенка в период беспризорности была чрезвычайно сложной и опасной. В условиях отсутствия постоянного места жительства и воспитательного

Рябова Тамара Сергеевна — старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета. E-mail: tamara_astra@mail.ru

воздействия основным местопребыванием детей являлись общественные места: железнодорожные станции, вокзалы и привокзальные площади, театры и кинотеатры, парки, базары, бани[1]. Нередко беспризорники находили приют в земляных ямах, на чердаках домов, в подвалах, трущобах, заброшенных зданиях[2].

В каждом населенном пункте имелись места, где концентрировались бездомные дети. В Решении № 278 горисполкома г. Челябинска от 17 мая 1943 г. было зафиксировано 1 228 очагов, где скапливались беспризорники города[3]. Наибольшей популярностью среди обездоленных детей Челябинска пользовался вокзал. Причем данная ситуация была отмечена и на рубеже 1920–30-х гг., о чем свидетельствует «Челябинский рабочий». В заметке этой газеты «Вокзал кишит беспризорниками» от 23 октября 1929 г. повествуется: «Несмотря на то, что месячник борьбы с беспризорными уже на исходе, результаты его не очень видны. Беспризорные по-прежнему осаждают челябинский вокзал и терроризируют пассажиров…»[4]

Беспризорник периода Великой Отечественной войны — это, как правило, мобильный ребенок. Некоторые дети, волею судеб оказавшиеся в Челябинской области, исколесили чуть ли не половину Советского Союза. Причины перемещения могли быть различными: желание обосноваться в более «сытном» районе, где легче заработать или украсть, стремление разыскать родственников или попасть на фронт, потребность утолить сенсорный голод[5]. На необходимость получения детьми сильных впечатлений даже в сложнейшие периоды трансформации общества в свое время указывал С. Т. Шацкий. «…Серость жизни для детского возраста, для подростка и юноши, — писал он, — является настоящим ядом, вызывающим огромную жажду ярких, острых переживаний, в конечном итоге безразлично, в чем бы они не выражались»[6].

Как отмечал в докладной записке начальник отдела транспортной милиции Южно-Уральской железной дороги (ЮУЖД) Н. В. Боков, большое движение на дороге отмечалось в летний период[7]. На челябинском «отрезке» ЮУЖД только в ходе декадника по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, проходившего с 15 по 25 июня 1943 г., был задержан 231 ребенок[8]. Географический размах территорий, с которых прибывали бездомные дети в Челябинскую область, был достаточно серьезен. Например, в сводке о ходе борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью по г. Челябинску за 1–2 марта 1945 г. содержатся сведения о задержании трех ребят, которые приехали из городов Петропавловск, Куйбышев и Тармак (Омская область)[9].

Передвижение на поездах не только в летнее время, но и круглогодично являлось одним из распространенных занятий бродячих детей. Ведь на железнодорожном транспорте всегда находились люди, которые сочувствовали ребятам

[1] ОГАЧО. Ф. 488. Оп. 3. Д. 88. Л. 13.
[2] ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1182. Л. 15.
[3] ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 6. Д. 22. Л. 222.
[4] Челябинский рабочий 23.10.1929.
[5] Зинич 1994, 48.
[6] Монахов 1980, 294.
[7] Герман 2000, 181.
[8] ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 997. Л. 46.
[9] ОГАЧО. Ф. 488, Оп. 3. Д. 85. Л. 1.

и подкармливали их. Тем не менее, архивные материалы свидетельствуют, что в холодное время года значительное число беспризорников нашей области предпочитали вести оседлый образ жизни и даже останавливались у родственников и посторонних людей[10].

Внешний вид беспризорников военной поры был далек от детского: «Они поражали своей худобой, истощенностью, землистым цветом лица; у некоторых уже не было зубов, а торчали какие-то черные корешки, глаза провалились»[11]. Очень редко беспризорные дети выглядели на свой биологический возраст. Они либо выглядели старше, а в их облике «чувствовалась усталость, страшное переутомление — физическое и моральное»[12], либо младше своих лет, что было обусловлено негативным влиянием экстремальных условий существования на молодой организм. Одеты были бедно, в платье с чужого плеча, часто не подходящее по размеру или поношенное, а иногда и просто в грязные бесформенные лохмотья.

Состав беспризорных детей, обитавших в Челябинской области, был весьма пестрым: круглые сироты и дети, отставшие от родителей во время эвакуации; ребята, сбежавшие из различных детских учреждений, школ ФЗО и предприятий; ребята с образованием 6–7 классов и дети, не умеющие читать и писать; «матерые» беспризорники, имевшие судимость, и т. д.[13]

Беспризорники часто объединялись в коллективы таких же, как и они, причем в группы могли входить дети разных возрастов. У многих были прозвища: Кощей, Щепка, Никанор, Шмара[14].

Один из членов областной комиссии по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью писал об обездоленных детях: «Грязь физическая и грязь моральная — вот, что их окружает на улице. Будущего нет совершенно. Они живут минутой, ища по-своему счастья и радости в самых грубых, циничных, порой отвратительных эксцессах. «Общество», «человечество», как это понимается другими людьми, — для них чуждые понятия, многие из них уже теперь враги всех тех, кто живет за порогами их логовищ»[15]. Но вопрос о том, были ли сообщества беспризорников закрытыми по своему характеру, на наш взгляд, является спорным (известны случаи, когда преступления совершались группой сверстников, в которую входили не только беспризорные, но и «домашние» дети)[16].

Речевые ресурсы беспризорников были ограничены. Шел процесс огрубления языка, использования воровского жаргона, нецензурной лексики. Жительница г. Магнитогорска А. А. Боровина рассказывает, что в военные годы «на трамвайных остановках, базарах частенько встречались «оборвыши», которые курили, ругались матом»[17].

Долгое пребывание в уличной среде не способствовало укреплению здоровья детей. Практически все ребята были ослаблены, больны дистрофией и педику-

[10] Каменкина 2000, 58.
[11] Интервью с Боровиной Анной Алексеевной (1928 г.р.) // Место и время записи: г. Магнитогорск, 14.11.2011 г.
[12] Сергеева 1974, 29.
[13] ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 994 а. Л. 18.
[14] ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2872. Л. 180.
[15] ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 42. Л. 11.
[16] ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 227. Л. 24.
[17] Интервью с Боровиной Анной Алексеевной (1928 г.р.) // Место и время записи: г. Магнитогорск, 14.11.2011 г.

лезом. Встречались такие серьезные заболевания, как малярия, трахома, туберкулез, брюшной тиф, дизентерия и т. д[18]. У многих подростков отсутствовали элементарные навыки личной гигиены. Состояние здоровья беспризорных детей зачастую было крайне тяжелым, могло привести к летальному исходу. Но данных о смертности бездомных детей (например, о трупах подростков, обнаруженных на улицах городов и в сельской местности) нет.

Беспризорные дети Челябинской области употребляли алкоголь. Например, 7 апреля 1945 г. на базаре г. Магнитогорска в нетрезвом состоянии был задержан бездомный подросток Петр Сидоров, 1931 года рождения[19]. Конкретных данных об употреблении наркотиков беспризорниками Челябинской области обнаружить не удалось ни в центральных, ни в местных архивах. Но есть сведения, что в приемник-распределитель г. Троицка в августе 1944 г. были доставлены «истощенные, с черными кругами под глазами, с дрожащими руками и даже языком дети, у которых наблюдались слуховые и зрительные галлюцинации, бессонница»[20]. Вполне возможно, что эти ребята могли находиться под воздействием токсических или наркотических веществ.

По образу жизни, исходя из классификации исследователя А. Рожкова, беспризорники делились на три группы. Первую группу составляли нищие, или «кусочники», которые выпрашивали съестное или деньги, а иногда перебивались случайными заработками. Кроме того, существовала такая разновидность нищих как «певцы». Дети постарше (14–16 лет), причисленные ко второй группе, промышляли спекуляцией и мелким воровством. Третью группу, так называемую «элиту» беспризорных, составляли «жулики», занимавшиеся налетами и вооруженными грабежами[21].

Наиболее доступным классификационным критерием являются временные рамки пребывания детей в уличной среде. При этом целесообразно выделить три уровня. К первому могут быть причислены дети, лишенные крова до одного месяца. Они, как правило, пытаются заработать на жизнь попрошайничеством, сбором бутылок, продажей папирос и т.д. Второй уровень составляют те ребята, стадия беспризорности которых — от одного месяца до года. Они предпочитают заниматься мелким воровством. Третий уровень представлен обездоленными детьми, находившимися на улице более года, нередко совершавшими серьезные преступления[22].

Вполне применима к детям-беспризорникам нашей области периода Великой Отечественной войны классификация, предложенная еще в 20-е гг. XX в. О. Кайдановой, работником детского приемника-распределителя. Она подразделила беспризорников по психологическим наклонностям на следующие группы:

— порядочные, честные, живут внутренними переживаниями, стремятся к знаниям и приобретению профессии;

— дети, которые не хотят учиться, но позитивно относятся к работе в сельском хозяйстве, на предприятии и т.д.;

---

[18] ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1208. Л. 39.
[19] ОГАЧО. Ф. 488. Оп. 3. Д. 88. Л. 5.
[20] ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5763. Л. 4.
[21] Рожков 1997, 71.
[22] Челябинский рабочий 18.01.1943.

— бродяги — нищие, которые занимаются попрошайничеством;

— подростки из числа бывших воров, которые стараются обзавестись каким-либо имуществом, заработать деньги, потратить их на приобретение одежды, обуви, продовольствия;

— подростки, пережившие драматические жизненные ситуации (например, расстрел родителей) либо побывавшие в местах лишения свободы;

— дети, слабые по натуре, легко поддающиеся дурному влиянию, не имеющие желания заниматься трудовой деятельностью;

— беспризорники — преступники;

— дети со средним уровнем развития и психики, легко поддающиеся педагогическому воздействию[23].

Классификаций беспризорников, на наш взгляд, может быть представлено великое множество (критериями, например, могут служить причины беспризорности, уровень образования детей, состояние их здоровья и т.д.).

Каждая категория беспризорных детей имела свои отличительные особенности. Вокзальные беспризорные отличались от общей массы бездомных детей «особой злостью, хитростью, угрюмостью и увертливостью, поскольку им постоянно приходилось спасаться от милиции»[24]. Сильный душевный надлом может быть отмечен у детей, которые приобрели статус «беспризорник» во время эвакуации[25], а также в результате смерти родителей или родственников. Смерть близких — это тяжелое эмоциональное потрясение даже для взрослого человека. А что же должен испытывать ребенок с неокрепшей психикой, который остается один в экстремальных условиях существования?!! В одном из документов, хранящихся в архиве Челябинской области, можно обнаружить выдержки из рассказа беспризорной девочки, которая перенесла страшную утрату: «Когда я потеряла родителей, то поняла, что значит быть сиротой и каждый день ждать смерти»[26].

Терминологическая неурядица приводила к тому, что в сводках НКВД Челябинской области в качестве беспризорных фигурировали:

— дети, отправленные собственными родителями в различные районы страны (в том числе и в Челябинскую область) за продовольствием и вещами[27];

— ребята, чье отсутствие в течение нескольких дней дома было обусловлено боязнью телесных наказаний за проступки, которые они совершили[28];

— дети, занимавшиеся дромоманией вместе со своими родственниками.

Отнесение всех вышеобозначенных категорий к беспризорникам в классическом понимании этого слова, несомненно, условно.

Как уже было отмечено выше, источники средств существования беспризорников Челябинской области в годы войны были различными: попрошайничество, собирание остатков пищи, случайный заработок, который включал следующие виды работ: чистильщик обуви, носильщик, помощник в выполнении сельскохозяйственных работ[29]. Часть беспризорников владела секретами некоторых ви-

[23] Кайданова 1926, 23–24.
[24] ГАРФ. Ф. 259. Оп. 5. Д. 1547. Л. 126.
[25] Потемкина 2009, 108.
[26] ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 334. Л. 121.
[27] ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 912. Л. 28.
[28] ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 997. Л. 52.
[29] ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 6. Д. 18. Л. 128.

дов ремесел (например, сапожное дело, слесарные работы). Привычным делом для детей была спекуляция[30]. По завышенным ценам они торговали билетами на киносеансы, в театр и цирк, продуктами питания (маслом, молоком, булочками, мандаринами), табаком, папиросами[31]. Известен случай, когда электрослесарь Кировского завода г. Челябинска Г. А. Утробин похищал на производстве материал, варил в домашних условиях мыло, а затем распространял его на рынках города с помощью беспризорников[32].

Одной из стратегий выживания беспризорников Челябинской области в годы войны было совершение правонарушений и преступлений, перечень которых был разнообразен: хулиганство, воровство, грабежи, нанесение телесных повреждений, убийство и т.д. Достаточно часто беспризорники совершали действия, трактуемые как хулиганство: цепляясь крючками или веревками за автомашины и трамваи, катались на коньках по проезжей дороге («висуны»), выбивали оконные стекла, обливали прохожих водой[33].

В архивных материалах зафиксированы многочисленные случаи совершения преступлений беспризорниками на железнодорожном транспорте и вокзалах. Например, в сентябре 1943 г. была арестована группа воров в составе 6 человек от 14 до 16 лет, которые систематически занимались хищением носильных вещей на вокзале станции Челябинск[34].

Несовершеннолетние преступники занимались главным образом карманными и квартирными кражами. В мае 1943 г. нарсудом в г. Челябинске была осуждена группа беспризорников 14–16 лет по обвинению в грабеже. Они, вооружившись ножом, ночью 8 апреля 1943 г. проникли в квартиру гражданки Голотиной, а присутствовавшим там малолетним детям заявили: «Скажите матери, что были черные кошки». При этом беспризорник Синельников мяукал по-кошачьи[35].

Вызывает удивление широкое распространение случаев подстрекательства взрослых преступников или даже родственников к совершению противоправных деяний. Бандитская группировка несовершеннолетних из 5 человек держала в ужасе Челябинск в течение марта 1945 г. Под руководством дважды судимого Дмитрия Чухарева (1925 года рождения) подростки 15–16 лет ограбили ларек Особторга при кинотеатре «Пушкин». Охрану и обслуживающий персонал они закрыли в кабинете директора и похитили ценностей на сумму 40 000 рублей. Эта же банда совершила налет на модельно-обувную фабрику № 2[36].

В годы Великой Отечественной войны подростки Челябинской области совершали и такие тяжкие преступления, как изнасилования и убийства. Так, в 1943 г. челябинские беспризорники выслеживали в магазинах своих ровесников, а затем убивали их за городом с целью завладения хлебными карточками и продуктами[37].

---

30 ОГАЧО. Ф. 274 Оп. 3. Д. 1706. Л. 154.
31 ОГАЧО. Ф. 274 Оп. 3. Д. 1706. Л. 154.
32 ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 227. Л. 45.
33 ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 8. Д. 224. Л. 21.
34 Блинова, Хисамутдинова 2007, 87.
35 ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 227. Л. 17.
36 ОГАЧО. Ф. 916, Оп. 22. Д. 22. Л. 28.
37 Гусак 2005, 76.

Не стоит думать, что беспризорники военной поры не стремились изменить собственную жизнь. Некоторые дети самостоятельно приходили в детские учреждения, обращались за помощью к взрослым людям.

Валя Ялунина со своим младшим братом потерялась во время эвакуации из Ялты. За время скитаний она испытала немало лишений, узнала много подлинного человеческого горя. Но ни холод, ни голод не сломили волю девочки, не подчинили ее влиянию улицы. Валентина обратилась в детприемник г. Челябинска в 1942 г., просила устроить ее на работу, позаботиться о брате. Приемник-распределитель направил Валю учиться в ФЗО № 5 г. Челябинска. Прощаясь с коллективом учреждения временного содержания, Валя сказала: «Вот увидите, как я буду работать и как стану учиться. А в приемник буду письма писать, потому что нет у меня никого, кроме вас, что позаботились обо мне». 20 июля 1942 г. пришло первое письмо от Вали. Приводим фрагмент из него. «Здравствуйте, дорогие товарищи! Шлю вам свой привет и благодарность за внимание и заботу о нас, беспризорных детях, за то, что помогаете многим из нас найти приют и возможность учиться и выйти в люди»[38]. Подобный случай не единичен, о чем свидетельствуют архивные материалы и средства массовой информации Челябинской области.

К сожалению, не всегда беспризорные дети, твердо решившие встать на путь исправления, встречали сочувственное отношение со стороны посторонних людей. 24 июля 1942 г. в филиал механо-штамповочного завода г. Челябинска (директор Енин) в порядке трудоустройства было доставлено 7 беспризорников, которые самостоятельно обратились в милицию. Енин упорно отказывался их принимать, аргументируя свою позицию отсутствием общежития и питания. Когда вопрос с питанием ребят был решен начальником отдела службы и боевой подготовки Управления милиции и работниками городского отдела народного образования, Енин выдвинул новое требование к милиции: дать ему постоянного милиционера для их охраны. В противном случае принимать подростков не будет, так как женщина-охранник не справится «с этими разбойниками». Утром 27 июля 1942 г. в филиале завода осталось только 2 беспризорника[39]. Остальные дети, судя по всему, вернулись на улицу, порождая «рецидивную» беспризорность.

Собирательный образ беспризорника первой половины 40-х гг. XX в. — это оборванный, грязный, вечно голодный ребенок. Внешне он никогда не выглядит на свой возраст, в физическом и умственном плане отстает в развитии от своих сверстников, потому что ведет асоциальный образ жизни, постоянно курит, употребляет алкоголь. Состояние здоровья детей, чья жизнь была связана с улицей, сложно назвать удовлетворительным. Как правило, они были заражены каким-либо заболеванием. Общей бедой для всех была дистрофия.

Плохое физическое самочувствие беспризорников усугублялось отсутствием нормальных условий существования. Бездомные дети большую часть времени проводили в сомнительных местах, в часто меняющейся агрессивной уличной среде. Большинство ребят вели «кочевой» образ жизни, который давал временное пристанище, удовлетворение потребности во впечатлениях, еду.

Контингент бездомных детей, встречавшихся в Челябинской области в годы военного лихолетья, был пестрым. В неприемлемых условиях существования

[38] Челябинский рабочий 12.10.1942.
[39] ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 334. Л. 128.

могли оказаться дети, отличавшиеся сообразительностью, наблюдательностью, остроумием, высоким уровнем знаний. Под влиянием уличной среды интеллект разрушался, деформировались моральные принципы.

Беспризорный ребенок — это ребенок, переживший не одну трагедию: смерть родителей или родственников, голод, болезни, одиночество. Инстинктивно для обеспечения хотя бы продолжения своего физического существования ребенок переезжал в более «сытные» районы, оседал в местах, где можно было заработать или заняться попрошайничеством, объединялся в коллективы таких же, как и он. Но стратегии выживания этим не ограничивались. Достаточно часто улица втягивала детей в криминальную жизнь, и они, пытаясь выжить, вставали на путь совершения правонарушений и преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

Блинова В. В., Хисамутдинова Р. Р. 2007: Великая Отечественная война и органы НКВД Южного Урала. Оренбург.

Герман Р. Б. 2000: Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1960). Ростов на Дону.

Гусак В. А. 2005: Преступность в городе Челябинске и Челябинской области (1941–1945 гг.) // Исторические чтения: Материалы научной конференции Центра историко-культурного наследия г. Челябинска «Неизвестная война: малоизученные страницы Великой Отечественной». Вып. 9, 76–80.

Зинич М. С. 1994: Будни военного лихолетья 1941–1945. М.

Кайданова О. 1926: Беспризорные дети. Практика работы опытной станции. М.

Каменкина Е. А. (сост.) 2000: Эти детские военные годы (1941–1945). Челябинск.

Монахов Н. И. (сост.) 1980: Умом и сердцем: Мысли о воспитании. М.

Потемкина М. Н. 2009: «Умереть так, чтобы Родина гордилась!» Военное детство в контексте эвакуации // Дети войны. Bulletin Nr. 3. М., 90–108.

Рожков А. 1997: Беспризорники // Родина. 9, 68–75.

Сергеева А. Д. 1974: Дети войны. Из записок военных лет. Ижевск.

HOMELESS CHILD SURVIVAL STRATEGY IN CHELYABINSK OBLAST IN EXTREME CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

T. S. Ryabova

This is the analysis of daily practice and strategy of homeless children survival in Chelyabinsk oblast in extreme conditions of the Great Patriotic War with an attempt to present war-time child homelessness within the framework of the concept “life world”.

Key words: South Urals, the Great Patriotic War, homelessness, survival strategy, life world, juvenile delinquency

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2012

С. Г. Шулежкова

«ПОНЕЖЕ ЛЮБЛЮ СВОЙ ПРИРОДНОЙ РУССКИЙ ЯЗЫК…» (к 330-летию со дня смерти протопопа Аввакума)

В статье даётся оценка роли предводителя раскола протопопа Аввакума в формировании нового демократического направления русской литературы второй половины XVII столетия. Автор характеризует основные приёмы скрещения церковно-книжных и народно-разговорных элементов в публицистическом наследии писателя.

Ключевые слова: раскол, церковно-книжный, просторечие, природный русский язык, ирония, сатира, библеизм, духовенство

Протопоп Аввакум... Пожалуй, нет в истории русской литературы другого писателя, которого с такой бешеной злобой травили при жизни и так целенаправленно унижали после смерти. В каких только грехах не обвиняла Аввакума официальная печать! Его называли невеждой и изувером, полупомешанным и психопатом, отщепенцем и мракобесом.

200 лет сочинения вождя раскола и его сподвижников находились под запретом государства и церкви. Именно по отношению к литературе впервые прозвучало слово «подпольная». Печальная участь ожидала любое раскольничье писание. За хранение запретных «тетрадок» подвергали «градскому» (то есть гражданскому) суду, ссылали, казнили, резали языки, рвали ноздри, подвешивали за ребра, мучили на дыбах. Но пламенные послания Аввакума, дерзкие челобитные попа Лазаря, яростные трактаты дьякона Федора и других «коноводов» раскола гуляли по России. Их переписывали при свете лучины, читали, пересказывали, прятали от всесущих государевых людей.

В суровое «бунташное» время протопоп Аввакум встал во главе раскола и повёл дело своей партии с неистовой страстью прирождённого агитатора и борца. Это был человек необычайной «духовной и физической силы, с одинаковой неустрашимостью», по словам М. Горького, «выходивший на единоборство и с медведем, и с Никоном-патриархом, и с немилостивыми царскими воеводами»[1]. Не-

Шулежкова Светлана Григорьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и истории языка, научный руководитель Научно-исследовательской словарной лаборатории Магнитогорского государственного университета. E-mail: cathphil@masu.ru

[1] Десницкий 1937, 201.

довольство было «господствующей нотой» в настроении народных масс XVII века. Вооружённая борьба крестьян, посадских людей, стрельцов, казаков нуждалась в своей идеологии. «Чувства масс, — писал Ф. Энгельс относительно Средневековья, — вскормлены были исключительно религиозной пищей, поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»[2]. Высшее духовенство, духовная элита России, утопавшая в роскоши, преданно стояла на страже государственной власти и чинила произвол в подвластных ей епархиях. Челобитные XVII века обвиняют духовных начальников в том, что они «... любят сребро и злато, и украшение келейное... к подвластным зверообразни являются ... и сами в домех гостят упивающеся и объядающеся, бесом вожделенным пьянством с женами пирующе»[3]. Плебейская же часть духовенства, сельские священники и дьячки, не говоря о простых монахах, по своему положению и образу жизни мало чем отличалась от крестьян и рядовых посадских людей. Вполне естественно, что «в периоды оппозиционных движений именно из этой среды выходили теоретики и идеологи движения»[4].

Церковная реформа, ярым противником которой стал протопоп Аввакум, была только поводом для народных волнений. «Неужели оттого, что одни крестились двумя перстами, чтили старопечатные книги, осьмиконечный крест и пели сугубую аллилуйю, а закон других предписывал трёхперстное знамение, служение по исправленным патриархом Никоном книгам, почитание четырехконечного креста и тройную аллилуйю — неужели от этого 10 миллионов народа отпали от прочей массы русского населения, избегают общения с нею?» — спрашивает историк раскола В. В. Андреев и сам отвечает: «Крепостное право было главною причиною зарождения раскола как народного протеста»[5]. Другой историк XIX века, А. П. Щапов, характеризует раскол как «восстание против иноземных начал русской жизни, вопль против империи и правительства, смелый протест против даней многих»[6].

Классовый, а не догматический характер раскола осознавали и последователи Аввакума, и его гонители. На соборе 1666–1667 гг. раскольникам вменялась в вину не приверженность старым обрядам, а покушение на авторитет церкви и то, что они «возмущают народ буйством своим»[7]. Поэтому собор недвусмысленно назвал Аввакума «мятежником»[8].

У сына сельского попа была крепкая крестьянская закваска. Он с одинаковой сноровкой крестил младенцев, ловил рыбу, усмирял *бешеных*, правил *дощеником*, пахал землю и отлично владел пером. В 22 года Аввакум уже был рукоположен в дьяконы, в 24 стал священником села Лопатина и вскоре получил высший сан белого духовенства, сан протопопа. Неукротимому исправителю мирских нравов трижды пришлось бежать от преследований местных властей. С 1652 г. он обосновался в Москве, приобрёл влиятельных друзей в лице царского духовника Степана Вонифатьева, настоятеля Казанского собора Ивана Неронова, боярина

[2] Энгельс 1961, 314.
[3] Каптерев 1913, 178–179.
[4] Энгельс 1961, 314.
[5] Андреев 1870, 1, 11.
[6] Щапов 1859, 137.
[7] Субботин 2, 1875, 122.
[8] Субботин 2, 1875, 12.

Фёдора Ртищева. Образованность и блестящий дар проповедника сделали Аввакума одним из самых видных членов кружка «ревнителей благочестия» и снискали ему благосклонность царствующего семейства. В момент выдвижения Никона в патриархи и подготовки церковной реформы Аввакум служил в Казанском соборе, куда стекались прихожане со всех концов Москвы послушать обличительные проповеди протопопа. Арест Ивана Неронова выдвинул Аввакума в руководители поборников старины. За отказ подчиниться Никоновой реформе, за службу по старым книгам Аввакум был схвачен и заключён в подземелье Андроникова монастыря, где его «*за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плюют*». Ни уговоры, ни пытки не сломили упорства Аввакума, и в 1653 году вместе с детьми и только что родившей женой он был сослан в Сибирь. Начинается полная лишений жизнь ссыльного, с издевательствами, побоями, голодом, смертью маленьких сыновей. Но Аввакум с удвоенной энергией «кричит», учит «людей божиих» неповиновению. После более чем 10-летней сибирской ссылки, обласканный царём и боярами в Москве, получив самое лестное для себя предложение служить при Печатном дворе, Аввакум снова «заворчал», написал царю «многонько-таки» о бесчинствах никониан и о необходимости вернуть Россию в старое благочестие. Царь Алексей Михайлович, сам долгое время находившийся под обаянием личности Аввакума, понимает, какая притягательная, опасная сила таится в непокорном протопопе. «Расстриженный», «обруганный», лишенный сана, Аввакум сослан теперь в далёкий Пустозёрск. В земляной тюрьме холодной Мезени, навсегда разлучённые с ним, сидят его дети вместе с Настасьей Марковной, верной спутницей протопопа, предвосхитившей подвиг жён декабристов.

Упрятанный в мерзлую землю Пустозёрска, Аввакум не только не примирился со своею участью, но стал еще страшней для своих врагов. Именно здесь, в «студёной палатке», писательский и полемический талант протопопа достиг наивысшего расцвета. Здесь написано 60 из дошедших до нас сочинений Аввакума. «Сидя под спудом», «засыпан землёю», не имея на себе «ни нитки, токмо крест с гойтаном», он находит в себе мужество бичевать социальные пороки, жестокие нравы своей эпохи: «*Воистину и на свободе люди те нынешнее время равны с погребёными. Во всех концах земли ох и рыдание, и плач, и жалость, ... туга и навет сугубой: душевной и телесной*». Из Пустозерска тайными путями проникали в беспокойную Россию послания протопопа, взрывную, бунтарскую силу готовых не могла скрыть их религиозная оболочка. Здесь родилось самое удивительное его произведение — Житие.

Аввакум и его соратники выступили против церковного и государственного гнёта, и это обеспечило им народную поддержку. Со своими духовными детьми, с многотысячной паствой отцы раскола говорят языком простого люда. «Не менее, если не более важное значение, чем начитанность проповедника и его умение обращаться с текстами, имел в произведениях Аввакума самый язык писателя. Яркий, образный, переполненный смелыми сравнениями, выражавший все оттенки чувства и настроения, то нежный, то сжатый и энергетический, он вместе с тем не заключал в себе и тени ничего искусственного, книжного, а был как бы прямо из уст народа перенесён на бумагу. … Язык Аввакума блещет своей простотой и удопопонятностью, лишь изредка встречаются в нём иностранные слова,

и везде, не исключая и сочинений догматического характера, он отличается замечательной жизненностью и энергией»[9], — писал В. А. Мякотин, автор одной из первых биографий Аввакума.

Свою литературную манеру Аввакум назвал «вяканьем», и долгое время в науке господствовало мнение о стихийности, неосознанности его языковой и писательской деятельности. И. П. Ерёмин утверждал, что живописность «вяканья» Аввакума и его сторонников — «внелитературного происхождения; она коренится в самом языке»[10]. Даже В. В. Виноградов, которому принадлежат лучшие лингвистические исследования творчества протопопа, не находил художественного единства в Житии, построенном, по его мнению, «в форме речевой бесхитростной импровизации, беседы, “вяканья”». Тон, в котором ведёт повесть о своём житии протопоп Аввакум, В. В. Виноградов расценивал как «глубоко личный тон простодушно-доверчивого рассказчика, у которого рой воспоминаний мчится в стремительном потоке словесных воспоминаний и создаёт лирические отступления и беспорядочно-взволнованное сцепление композиционных частей»[11]. Что же касается церковной и буржуазной печати дореволюционной России, то она два столетия изощрялась в глумлении над языком выдающегося писателя XVII столетия и его друзей. В «простоте, природности» языка Аввакума отцы официальной церкви, а также придворная писательская братия видели проявление невежества вождей раскола. Хорошо оплачиваемые писатели-профессионалы Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, сам патриарх Иоаким обрушились изустно и печатно на нищих и гонимых раскольников, обвиняя их, «простолюдинов», в том, что они «не токмо грамматики, но и азбуки что есть не знают»[12], что они «неуки-простаки непросвещённые», «простии невежи». В XVIII и XIX вв. клерикальная наука, отказывавшая Аввакуму даже в здравом рассудке, в умственной и нравственной жизни, характеризует его язык не иначе, как «грубый» и «площадной», «резкий» и «циничный».

Язык Аввакума Петрова, действительно, стоил того, чтобы о нём писали и спорили целые столетия. Слово было единственным оружием несломленного борца. И оно, русское, ядрёное, хлёсткое, бичевало и разило, буйствовало и страдало, звало и увещевало в грамотках протопопа. «Только раз в омертвелую словесность, как буря, ворвался живой, мужицкий, полнокровный голос, — говорил А. Н. Толстой. — Это были гениальные Житие и послания бунтаря, неистового протопопа Аввакума... Речь Аввакума — вся на жесте, канон разрушен вдребезги, вы физически ощущаете присутствие рассказчика, его жесты, его голос. Он говорил на “мужицком”, “подлом” языке»[13]. Искушённым в «плетении словес» «философам» и схоластам этот язык казался грубым, «площадным». Зато он был предельно ясен любому русскому мужику.

Всё наследие Аввакума подтверждает мысль об осознанности его языковой программы. Он открыто декларирует свое отношение к природному русскому языку в предисловии к 3-й редакции знаменитого Жития, «жемчужины древнерусской

[9] Мякотин 1894, 126–127.
[10] Ерёмин 1961, 18.
[11] Виноградов 1980, 8.
[12] Иоаким Патриарх 1683.
[13] Толстой 1961, 263–264.

литературы». Пустозерский сборник Заволоко в Пушкинском доме хранит эти строки, написанные стремительной рукой протопопа: *«... и аще что речено просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить..., я и не брегу о красноречии — и не уничижаю своего языка русскаго»*. Обращаясь в Книге толкований к царю Алексею Махайловичу, Аввакум пишет: «*... рцы по русскому языку... Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком: не уничижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах*»[14].

Благодаря Аввакуму живая русская речь влилась в литературный язык «в объёме, ранее Руси неведомом». Это позволило писателю создать картины, насыщенные глубоким состраданием или едкой сатирой, лирической грустью или остроумной иронией. Как трагический памятник безвестным русским первопроходцам, погибшим в Сибири по вине жестокого воеводы Пашкова, звучат слова Аввакума из Жития: «*Стало нечева есть; люди учали с голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжёлые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрёт! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него* (Пашкова. — С.Ш.) *отступился!.. Все люди с голоду поморил… работай, никуда на промысел не ходи. И вербы, бедной, в кашу ущипать сбродит — и за то палкою по* лбу: *не ходи, мужик, умри на работе*!»

Великолепно удаются Аввакуму сатирические портреты врагов: Никонианин «*кудри бедной расчёсывает и ус расправливает посреде народа. Сильно хорош, и плюнуть не на ково. А прелюбодеица белилами, румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны ниски, словеса гладки, вопросы тихи, ответы мяхки, приветы сладки, взгляды благочинны, шествие по пути изрядно, рубаха белая, ризы красныя, сапоги сафьянные. Как быть хороша — вторая египтяныня... Посмотрит-ко, дурка, на душу свою, какова она красна. И ты, кудрявец, чосаная голова. Я отселе вижу в вас: гной и червие в душах ваших кипят…*».

Академик Д. С. Лихачев отмечал глубоко национальный характер творчества Аввакума[15]. Речь Аввакума усыпана русскими пословицами и поговорками: «*Да что много говорить?.. не рожон-де — не сын, не окуплен — не холоп, а не вскормя — ворога не видать*» [Письмо попу Исидору]; «*Да что на тебя и дивить! У бабы волосы долги, а ум короток* [Письмо боярыне Морозовой и княгине Урусовой]; «*Пускай оне нонеча бранят Христа, а нас мучат и губят: отольются медведю коровьи слезы*...» [Послание братии на всём лице земном].

Яркое своеобразие языка Аввакума, как пишет В. В. Виноградов, «заключатся в устранении резкой эмоциональной границы между группами символов — торжественно-книжных и вульгарно-разговорных»[16]. Погружённые в разговорно-просторечную стихию, традиционно-книжные обороты теряют ореол

[14] Цитаты из произведений протопопа Аввакума приводятся по изданию: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения 1979. Иркутск.

[15] См. работы: Лихачёв 1973, 1975, 1981.

[16] Виногадов 1980, 15.

торжественности: «*И я су... ко Богородице припал: Владычице моя, Пресвятая Богородице, уйми дурака тово, и так спина болит*»; «*Пашков же, возвед очи свои на меня, — слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да господь не выдаст!*»

Речь Аввакума в высшей степени афористична. Прирожденный проповедник, протопоп черпает уже готовые изречения из церковных книг, прекрасным знатокам которых он был. Богословские споры с Симеоном Полоцким в доме Ртишева в Москве, прения о вере с духовными властями на соборах 1653–1654 и I666 годов, проповеди в соборных церквях отточили «бритвенный» язык огнепального протопопа. В церковной литературе Аввакум отбирает цитаты, обладающие общечеловеческой ценностью: *«Не начный блажен, но скончавый», «В ню же меру мериши, возмерит ти ся», «Не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити»* и пр. Нередко библейские афоризмы, крылатые выражения из Нового Завета, своеобразно приспособленные, Аввакум вкладывает в уста своих героев, адресатов посланий. В новой своей роли канонические фразы приобретают второе дыхание, и обычный для Аввакума приём сталкивания церковно-книжных оборотов с разговорно-просторечной стихией приводит в таких случаях к глубокому художественному эффекту: «*Вскочил с перины Евфимей, пал перед ногама моима, вопит неизреченно: “Прости, государь,* ***согрешил перед богом и пред тобою!****”»; «Ей, сглупал,* ***отца своего заповедь преступил***». Аввакум и сам создает афоризмы, используя структурно-композиционные законы русских пословиц и поговорок: «*...аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы*», «*Ино диявол претит, а своя слабость престать не велит*», «*Вы постигосте верси горам, а мы получихом верси бедам*», «*Коли же кто изволил богу служить, о себе ему не подобает тужить*», «*Людем казался благ, а внутрь враг*» и др.

Создать такие безупречные по форме, глубокие по содержанию афоризмы мог только человек, прекрасно знающий и тонко чувствующий свой родной язык, свободно владеющий всеми его богатствами. Гениальное чутьё художника подсказывает Аввакуму новые приёмы рифмовки, аналогичные которым можно потом встретить у поэтов XX столетия: «*... лутче пустые* ***бродни****, чем по улицам* ***бродить***». Повторы, которыми так щедра русская народная поэзия, тоже не были чужды Аввакуму: «***Любил****, протопоп, со славными знаться,* ***люби*** *и терпеть, горемыка, до конца*»; «***Ездила, ездила*** *в коретах, да и в свинарник попала*». Но, пожалуй, наивысшего мастерства добивается протопоп в искусстве неожиданно сталкивать слова, каким-либо образом противопоставленные друг другу: «*Лис, собачий сын, а не чернец!*»; «*О* ***кале*** *тужит, а* ***злато*** *попирает*» и др.

В работах В. В. Виноградова, Н. С. Демковой, Д. С. Лихачева, В.И. Малышева, А. Н. Робинсона[17] и других отечественных исследователей высоко оценён писательский дар мятежного протопопа. Остаётся только сожалеть о том, что до сих пор не воздвигнут памятник Аввакуму, нет музея ни на его родине, ни в Тобольске, где он провёл 8 месяцев, ни в Забайкалье, ни в Поморье. В начале XXI века, оглядываясь на тысячелетний путь, пройденный русской литературой, особенно остро ощушаешь, каким подвигом было творчество Аввакума и какую неоценимую услугу оказал он русскому литературному языку. Дав литературные

[17] Помимо указанных выше работ см.: Гусев 1979; Демкова 1969; Малышев 1969; Робинсон 1963; Румянцева 1979; 1986 и др.

права живой разговорной речи, Аввакум необыкновенно расширил рамки нашей словесности. Ещё в XVII веке чутким сердцем художника и патриота он угадал тенденции и пророчески указал пути развития русского литературного языка на народной почве. Аввакум талантливо начал ту работу, которую блестяще завершил в XIX в. А. С. Пушкин.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев В. В. 1870: и его значение в народной русской истории. Исторический очерк. Петербург.

Виноградов В. В. 1980: О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Избр. труды. М., 3–55.

Виноградов В. В. 1938: Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.

Гудзий Н. К., *Гусев В. Е.*, *Демкова Н. С.*, *Елеонская А. С.*, *Мазунин А. И.* (подгот., коммент.), В. Е. Гусев (послесл.) 1979: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск.

Гусев В. Е. 1979: Великий писатель Древней Руси // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 236–264.

Демкова Н. С. 1969: К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXIY. Л., 88–232.

Десницкий В. А. 1937: Горький на родине. Сборник воспоминаний о жизни М. Горького в Нижнем Новгороде. Горький.

Ерёмин И. П. 1961: Русская литература и её язык на рубеже XVII–XIII веков // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 12–21.

Иоаким Патриарх 1683: Слово благодарственное «Об избавлении церкви от отступников и злых наветников». М.

Каптерев 1913: Партиарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Приложения. Сергиев Посад.

Лихачёв Д. С. 1981: Литература — реальность — литература. Л.

Лихачёв Д. С. 1973: Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л.

Лихачёв Д. С. 1975: Сочинения протопопа Аввакум // Великое наследие (Классические произведения литературы Древней Руси). М., 299–312.

Малышев В. И. 1969: Старейший список «Книги толкований и нравоучений протопопа Аввакума» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 266–273.

Мякотин В. А. 1894: Протопоп Аввакум, его жизнь и деятельность (биографический очерк). СПб.

Робинсон А. Н. 1963: Жизнеописания Аввакума и Епифания (Исследования и тексты). М.

Румянцева В. С. 1986: Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М.

Румянцева В. С. 1970: Неизвестные материалы о семье Аввакума // Русская литература. 2, 156–160.

Субботин Н. И. (ред.) 1875–1887: Материалы для истории а за первое время его существования. Кн. I–IX. М.

Толстой А. Н. 1961: Собрание сочинений. Т. 10. М.

Щапов А. П. 1859: Русский старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XYII веке и в 1-й половине XVIII. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского а. Казань.

Энгельс Ф. 1961: Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М., 269–317.

"WHY DO I LOVE MY NATIVE RUSSIAN…"
(on the 300th Anniversary of Archpriest Avvakum's Death)

S. G. Shulezhkova

The article provides an estimate of the role played by archpriest Avvakum, the leader of schism, in the shaping of a new democratic trend in Russian literature of the second half of the 17th century. The author traces principal methods of mixing church bookish elements with familiar colloquial, which are found in the writer's socio-political heritage.

Key words: schism, church bookish, the vernacular, native Russian, irony, satire, Biblical word, clergy

---

© 2012

Т. Е. Абрамзон

ПЛАЧИ ПО ЛОМОНОСОВУ: ПОЭТИКА СКОРБИ

Статья посвящена плачам по Ломоносову, написанным на смерть великого поэта и ученого. Особое внимание уделено речи Н.-Г. Леклерка на академическом заседании 15 апреля 1765 года, эпитафиям, сочиненным графом Андреем Петровичем Шуваловым, Иваном Голеневским и Лукой Сичкаревым. Произведения названных авторов образуют своеобразный пролог «ломоносовского текста» русской культуры. Этот памятный дискурс скреплен общими пафосом «славить и соболезновать» и концепцией личности и творчества Ломоносова, согласно которой его поэтические достижения являются главными, научные же — периферийными.

Ключевые слова: русская культура XVIII века, Ломоносов, поэтика скорби, жанр плача

4 апреля 1765 года, на второй день пасхальной недели, около пяти часов вечера, в собственном каменном доме на правом берегу Мойки, близ пешеходного Почтамтского моста в Санкт-Петербурге, умер профессор Академии Наук, статский советник Михайло Васильевич Ломоносов. За два дня до смерти он причастился и ушел в мир иной во время совершения над ним обряда соборования, в полном разуме, простившись с женой Елизаветой Андреевной[1], дочерью Еленой[2] и некоторыми знакомыми.

Абрамзон Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: ate71@mail.ru

[1] В девичестве Елизавета-Христина Цильх (1720 г. рождения), уроженка Марбурга, пережила мужа всего на полтора года (ум. 1766).

[2] Елена Михайловна Ломоносова, в замужестве Константинова (1749–1772) — единственная из четырех детей Ломоносовых, которая осталась в живых и по линии которой идут потомки Ломоносова. И если понимать «ломоносовский текст» русской культуры в широком смысле, то можно

И если дата рождения — начало его земного пути, то дата смерти — точка отсчета в истории ломоносовского бессмертия, в истории «ломоносовского текста» русской культуры.

На смерть Ломоносова коллеги по литературному цеху, они же и главные его соперники, ответили поэтическим безмолвием. Ни Сумароков, ни Тредиаковский не смогли переступить через личные обиды и забыть о литературных разногласиях, дабы почтить Ломоносова на языке муз. По иронии судьбы первые слова скорбной похвалы великому русскому прозвучали по-французски: в речи Н.-Г. Леклерка на академическом заседании 15 апреля 1765 года и в брошюре графа А. П. Шувалова (лето 1765 г.). Две эпитафии искренних почитателей ломоносовского гения — Ивана Голеневского («В память славному мужу Михайле Ломоносову на гробницу, воздвигнутую графом М. Воронцовым») и Луки Сичкарева («Надгробная песнь в бозе почившему ученому российскому мужу Михайле Васильевичу Ломоносову. От усерднейшего имени его почитателя Луки Сичкарева. 1765 году апреля 15 дня») — по неведомым причинам были напечатаны только годы спустя[3].

Названные произведения образуют своеобразный пролог «ломоносовского текста» русской культуры. Этот памятный дискурс скреплен общими пафосом «славить и соболезновать» и концепцией личности и творчества Ломоносова, согласно которой его поэтические достижения являются главными, научные же — периферийными. Поэтика каждого из этих произведений оригинальна и подчинена индивидуальной художественной системе автора, рассмотрение которой позволит увидеть как способы создания «ломоносовского текста», так и механизмы его бытования в культуре.

Первое публичное слово скорби было сказано человеком, по воле случая оказавшимся в академической среде. Похвальное слово покойному академику Ломоносову было частью благодарственной речи Н.-Г. Клерка (Леклерка, Nicolas-Gabriel Le Clerc, 1726—1798) по поводу его избрания в Петербургскую Академию Наук, что соответствовало традициям французской Академии, но еще не вошло в обыкновение российского академического быта.

Кандидатуру французского врача выдвинул на Академическом собрании 11 апреля 1765 года Я. Штелин, видимо высоко ценивший научные достижения Леклерка в области медицины: одно из них содержит сведения о свойствах ядов, другое — об эпидемических болезнях на Украине и о средствах против их возобновления[4].

Квалифицированный потомственный врач Николай-Габриель Клерк (Леклерк)[5] прибыл в Россию в поисках счастья и чинов, во многом увенчавших-

---

говорить о его биологическом (генетическом) измерении, воплощенном в потомках Ломоносова, пусть и по женской — дочерней — линии.

[3] Эпитафия «Здесь Ломоносов спит» вошла в сборник И. К. Голеневского «Дар обществу» (Голеневский 1779, 37-38); по указанию В. С. Сопикова «Надгробная песнь… Ломоносову…» Л. Сичкарева была напечатана в 1766 г. (см.: Сопиков 1905, 171).

[4] Clerc 1764.

[5] «Звание врача было как бы наследственным в его семействе в течение почти двухсот лет: Николай Клерк посвятил себя также медицине и скоро достигнул известности своими удачными нововведениями в лечении разных болезней. В 1759 году, будучи старшим врачом во французской армии, он, с дозволения своего правительства, отправился в Россию <…>» (Пекарский X, 1867, 178).

ся успехом[6]. Его пациентами были высокопоставленные лица российского двора: сначала он стал домашним врачом графа К. Г. Разумовского, затем — лейб-медиком наследника престола Павла.

«Чувствительный поэт и аферист», как назовет его В. О. Ключевский, на апрельском заседании Конференции выступит в своей первой ипостаси. Как «чувствительный поэт» он сделает то, чего не смогли сделать ни друзья-коллеги, ни враги-коллеги Ломоносова, ни официальные лица. 15 апреля 1765 года он произнесет поминальные похвалы Ломоносову, которые академикам покажутся излишне превозносящими заслуги русского ученого[7].

В протоколе от 22 апреля того же года записано, что «некоторые выражения в речи Клерка не всем понравились и что в будущее заседание следует поговорить с академиками, что в ней надобно исправить или выпустить». По-французски прозвучали поминальные слова о Ломоносове:

«Mais c'est trop vous parler de moi, Messieurs! L'avantage d'un particulier ne peut compenser une perte publique! Le même sentiment qui me rend si sensible à la faveur que vous m'avés accordés, doit se prêter à votre juste douleur, il doit s'attendrir avec vos Muses et porter le deuil avec elles. Il n'est plus cet homme dont le nom servira d'epoque dans les Annales de l'esprit humain; ce Genie vaste et lumineux qui avoit embrassé et éclairé plusieurs genres à la fois! Il n'est plus ce Poëte sublime qui dés l'instant de ses travaux vraiment glorieux, ainsi que cet oiseau qui s'élevant au-dessus des nües, fixe sans s'ébloüir d'immobiles regards sur le sein de la lumière!

Quel aiglon pourra imiter la hardiesse et la rapidité de son vol? Nourrisson des Muses, le feu de Pindare couloit dans ses veines; il avoit herité de la lyre d'Horace. Mais il n'est plus! La Société a joüi de ses lumières, vos fastes joüiront de sa gloire; il sera révéré partout, où il y aura des hommes de gout. La renommée ne parle jamais plus haut que quand l'homme n'est plus à portée de l'entendre: du même essort dont elle franchit les tems, elle franchit les lieux, et son etendue est le sçeaux de sa durée.

Quels regrets, Messieurs, pour cette Academie, et quelle perte pour cet Empire, que les travaux de Lomonosoff n'ayent pas été couronnés par le plus beau, le plus noble, et le plus grand de tous les succès, et en même tems le plus digue de ce poëte illustre? C'étoit à lui qu'il étoit réservé de donner à la Petréiade cette empreinte d'immortalité qui lui est propre: c'étoit à lui à rendre la vie au héros qui en est le sujet, et à nous retracer les grands desseins, et les grands mouvemens qui l'agitoient, et à les exprimer avec majesté: qui pourra suivre et perpétuer cet ouvrage si dignement ébauché? par quelle fatalité, Messieurs, le Créateur de cet Empire, l'Eleve de Mars, le Père des Muses, votre fondateur auguste, a-t-il echapé au pinceau mâle, au brillant coloris de cet Apelle? Il étoit fait pour Alexandre <…>»

[То же самое чувство, которое делает меня столь признательным к оказанной мне вами благосклонности, должно откликнуться и на вашу справедливую горесть. Оно должно умилиться вместе с вашими Музами, одеться в траур вместе с ними.

---

[6] О биографии Леклерка см.: Сомов 8, 1983, 97 -105; Biographie universelle ancienne et modern 8, 1966, 432.

[7] На заседании присутствовали Я. Штелин, И. Тауберт, И. Фишер, И. Браун, С. Котельников, А. Шлецер, А. Протасов.

Не стало человека, имя которого составит эпоху в летописях человеческого разума, обширного и блестящего гения, обнимавшего и озарявшего вдруг многие отрасли. Не стало возвышенного поэта, который в минуты своего поистине славного творчества равнялся той птице, которая, поднявшись выше облаков, неподвижно останавливает взор на светило, не ослепляясь его блеском!

Какой молодой орел в состоянии подражать смелости и быстроте его полета? В жилах питомца Муз тек огонь Пиндара; он наследовал лиру Горация. Но его уже нет! Общество пользовалось его знаниями; ваши летописи воспользуются его славой: его будут чтить повсюду, где будут люди просвещенные. Слава тогда говорит всего громче, когда человек лишен возможности слышать ее. Разом она перелетает и время и пространство; ея объем — печать ея продолжительности.

Сколько сожалений, милостивые государи, для Академии, и какая утрата для государства, что труды Ломоносова не увенчались прекраснейшим, благороднейшим, величайшим и в то же время наиболее достойным из всех успехов этого знаменитого поэта! Ему было предназначено придать «Петриаде» ей принадлежащий отпечаток бессмертия. Ему предлежало оживотворить героя, который был предметом ея, начертать нам великие замыслы, великие побуждения, его волновавшие, и изобразить их величественно. Кто в состоянии продолжить и увековечить это сочинение, так достойно начатое? По какому року, милостивые государи, творец этой империи, питомец Марса, отец Муз, ваш августейший основатель избегнул мужественной кисти, ярких красок этого Апеллеса?[8].

Посмертный панегирик Ломоносову, написанный заранее и произнесенный французским ученым-медиком, на первый взгляд не содержит каких-либо примечательных топосов или формул. Как и положено говорить об ушедших в мир иной, тем более недавно ушедших, Леклерк дает краткую похвальную характеристику личности и деятельности Ломоносова, используя условно-возвышенный язык эпохи. Но Леклерк оказался первым, кто заговорил о Ломоносове как общественно значимой фигуре, сказав об общественной утрате («une perte publique»), о справедливой горести («juste douleur») в связи с понесенной утратой, о Музах в траурных одеждах («avec vos Muses et porter le deuil avec elles»).

Ломоносов в речи Леклерка представлен в основном как поэт, «возвышенный поэт» («ce Poлte sublime»), сравниваемый с птицей, поднявшейся выше облаков, поэт, наследовавший образцовым — греческому и римскому — поэтам Пиндару и Горацию. Имя Горация влечет за собой переделку строк из его «Exegi monumentum».

О нелитературных успехах ушедшего в мир иной академика Леклерк говорит кратко в свернутом до предела высказывании о многих сферах, которые охватил своим гением великий русский. Неглубокая по сути репрезентация деятельности Ломоносова отражает одну из важных тенденций в его восприятии: Ломоносов-«лирик» затмил на некоторое время Ломоносова-«физика». Возможно, это произошло и потому, что вдохновенно сожалеть о поэте сподручнее, нежели петь о

[8] Пекарский X, 1867, 178–181. Список речи Леклерка (Discours prononcé par M. Clerk en médecine, le jour de la réception a l'académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg) хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), см.: Речь доктора медицины Клерка о Ломоносове и Петре Великом по случаю принятия его членом-корреспондентом Академии наук (ЦГАДА. Ф. 17. Госархив. Ед. хр. 23. Л. 1–7).

естественнонаучных открытиях. Осознание Ломоносова в первую очередь как ученого и лишь иногда или по необходимости как поэта произойдет позже. Заключает поминальное слово сожаление Леклерка, связанное с его пониманием основной стези Ломоносова. По его мнению, академическое собрание и вся российская империя должны сокрушаться о том, что Ломоносовым не закончено грандиозное по национальному значению дело — прославление Петра Великого в одноименной эпической поэме. Незавершенность этой поэмы Леклерк считает чуть ли не роковым событием («par quelle fatalité»). Таким образом, в речи Лелерка появляется топос «Петр Великий и Ломоносов», имеющий историческую параллель, закрепленную в культурной мифологии двумя греческими именами — именами Александра Македонского и живописца Апеллеса, единственного из художников, кому было дозволено рисовать великого императора. Однако здесь эти личности еще выступают в иерархических отношениях: великий российский император и поэт, который должен был запечатлеть его величие. Этот топос сохранит свою актуальность в «ломоносовском тексте», правда, позднее изменятся акценты: Петр I и Ломоносов предстанут равновеликими — реформаторами, первопроходцами.

Произнесенная Леклерком речь вызвала не только критические суждения академиков, позавидовавших Ломоносову даже после его смерти, но и обратила на себя внимание как на некую особую культурную практику, необходимый академический ритуал. В протоколе заседания Конференции от 18 апреля 1765 года сказано: «Собраны мнения академиков о похвалах Ломоносову и другим ранее умершим академикам, они должны быть записаны и предназначены для Комментариев»[9]. По стечению обстоятельств Ломоносов и здесь оказывается одним из первых (если не первым) российских ученых, кому посвящены посмертно похвальные слова. Российские академики, не умевшие еще подводить итоги оборвавшейся деятельности своих коллег и отдавать дань уважения ушедшим, перенимают французский обряд светского — академического — поминовения. Если же говорить о «ломоносовском тексте» русской культуры, то Леклерк является зачинателем его ритуально-словесного измерения. Как известно, французский профессор русской Академии добивался того, чтобы произнесенная им речь была опубликована. По разным причинам его выступление не дошло до печати, однако сама практика таких речей получит распространение позже. Кроме того, выступление академиков с критикой похвал в адрес Ломоносова, на наш взгляд, также является одной из линий развития «ломоносовского текста». Что и как хвалить в его деятельности? В каждую эпоху этот вопрос будет решаться по-разному, пока же для нас важно отметить парадигмальную черту «ломоносовского текста»: довольно часто на комплиментарное слово в адрес Ломоносова приходится если не критический отклик, то корректирующее его замечание, иногда отодвинутое во времени.

Но вернемся к Леклерку. Поминальное слово, позволившее потомкам назвать французского авантюриста «первым панегиристом Ломоносова»[10], было не единственной его речью в адрес великого россиянина. Дело в том, что в истории русской культуры Леклерк известен своими достижениями не по основной специальности, а по «смежной» профессии историка, которую он приобрел, на-

[9] Сомов 1983, 33.
[10] Билярский 1865, 738.

ходясь на российской службе. Произошло это отчасти благодаря могучему здоровью графа К. Г. Разумовского, которое предоставляло медику достаточно свободного времени, в том числе и для сбора разного рода сведений по российской истории, отчасти — благодаря близости к царскому двору, отчасти — приятельским отношениям с князем М. М. Щербатовым, лично передавшим ему немало материалов по русской истории[11]. Леклерк вернулся во Францию в 1775 году и спустя несколько лет, в 1783 году, начал издавать большой труд «История физической, нравственной и политической древней и новой России» в шести томах[12]. Это объемное сочинение и создало ему нелестную репутацию еще при жизни. Гневные, а иногда оскорбительные характеристики Леклерк получил не за свои лекарские способности, а за свои исторические изыскания. Его труд по истории России оказался провокационным и в какой-то мере инициировал Екатерину II заняться историческим описанием прошлого страны, ставшей для нее к 1780-ым годам родной[13]. В том же 1783 году императрица начинает публикацию «Записок касательно Российской истории» в журнале «Собеседник любителей российского слова», выступая в роли «защитницы отечественного прошлого перед лицом его дискредитации со стороны европейских авторов»[14]. История Леклерка была встречена с негодованием генерал-майором И. Н. Болтиным, по совместительству одним из российских историков, который ответил подробными комментариями «Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка» в двух томах и назвал Леклерка «наглым и лживым Сочинителем»[15].

Оставляя за рамками нашего внимания перипетии споров вокруг выдвинутых Леклерком исторических концепций (этому посвящена многочисленная литература), отметим ту часть труда Леклерка, которая имеет отношение к «ломоносовскому тексту».

Первая глава в первом томе «Истории новой России» Леклерка посвящена литераторам, причем большое внимание уделено Ломоносову[16]. Леклерк не только рассказывает об основных фактах биографии и главных научных открытиях Ломоносова, но и помещает, по-видимому, собственный прозаический перевод на французский язык поэмы «Петр Великий»[17], безусловно способствовавший популяризации русской истории и литературы и личности самого Ломоносова за пределами России. При этом для истории «ломоносовского текста» важна новая — иноязычная — плоскость его бытования.

Леклерковский перевод поэмы так же, как и исторические его построения, был подвергнут критике, детальной и жесткой, со стороны Болтина в «Примеча-

[11] Некрасов 1984, 160.

[12] Le Clerk 1793–1794.

[13] Екатерина II объясняла свое стремление высказаться по поводу российской истории в «Записках касательно Российской истории» в письме к барону Гримму от 19 апреля 1783 года, обращая свой гнев на французских авторов и их измышления российской истории: «<…> для вас переводится на немецкий язык первая эпоха истории России, т.е. от сотворения мира до 862 года <…> Это будет противоядие негодяям, уничижающим историю России, таким как врач Леклерк и учитель Левек, оба скоты, и, не прогневайтесь, скоты скучные и гнусные» (Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796). Грот 1878, 384.

[14] Стенник 2004, 144.

[15] Болтин 1, 1788.

[16] Le Clerc, Gabriel, 1–3, 1783–1785.

[17] Le Clerc I, 1783, 130–140.

ниях». Построение российским историком этого дискурса, уничижающего «наглого и лживого сочинителя» и патриотично защищающего прошлое и настоящее России, порождает систему отражений «ломоносовского текста». Болтин цитирует стихи из ломоносовского «Петра Великого», затем помещает собственный перевод на русский язык леклерковского перевода, для подтверждения приводит французский перевод Леклерка и снабжает эти три варианта цитат из Ломоносова своим комментарием, дабы продемонстрировать искажения и ошибки француза: «В стихах Ивану Ивановичу Шувалову, предположенных Пиеме, Сочинитель, посвящая ему труд свой, вещает:

Начало моего великаго труда
Прими, предстатель Муз, как принимал всегда
Сложения мои.....
И тем стремление к стихам давал мне ново.
Тобою поощрен в сей путь пустился я:

Переведено: по твоему побуждению осмелился я в первой раз вступить в Парнасския стези (Ce fut à ton inftigation que je hasardai mes premiers pas dans les fentiers du Parnaffe.)

Ломоносову известен был Парнас, прежде нежели Иван Иванович из детских лет вышел, доказательством тому Ода его на взятье Хотина, сочиненная в 1739 году. Говорит он здесь, что сим любителем Муз поощрен он был к сочинению Петриады, а отнюдь не о том, чтоб по его побуждению зделался Пиитом»[18]. Приведя несколько образчиков неуклюжего перевода Леклерка, Болтин укоряет его и в отсутствии таланта, и в невежестве, и в непонимании «пространного и знаменательного смысла» ломоносовских стихов. Таким образом, разбор переводческих ошибок Леклерка превращается в похвальную речь ломоносовской поэзии.

Уличая Леклерка во всякого рода историко-литературных грехах, Болтин указывает еще на один параграф о Ломоносове, связанный с переводом знаменитого «Письма о пользе Стекла» на французский язык, осуществленный графом Андреем Петровичем Шуваловым: «Стихотворство Ломоносова состоит в великом числе Од, в прекрасной Епистоле о Стекле, переведенной, сказывают, с Рускаго на Француской одним вельможею,… Еслиб Ломоносов жив был, удивился бы увидя себя столь пригожим во Француском мундире, которой на него надел Г. Граф Шувалов <…> Сам <Леклерк. — Т. А.> сказал, что слышал о переводе сея Епистолы, следовательно сам ея не видал, однако столько приписывает переводу сему достоинств, что и сам бы Ломоносов пригожству его удивился. Не самое ли сие есть низкое ласкательство»[19]. Понятно, что возмущение Болтина направлено против обманувшего его ожидания Леклерка, а не графа А. П. Шувалова. Последнему принадлежит не только перевод нескольких поэтических произведений Ломоносова, но и сама формула «ломоносовского текста».

Летом 1765 года в Париже в память о Ломоносове вышла брошюра графа Андрея Петровича Шувалова[20], которому искреннее уважение к Ломоносову и почитание его талантов достались «по наследству» от кровного родственника,

[18] Болтин 2, 1788, 82.
[19] Болтин 2, 1788, 70.
[20] Граф Андрей Петрович Шувалов (1744—1789) — сын фельдмаршала Петра Ивановича Шувалова; писатель, переводчик, общественный деятель.

дяди — знаменитого Ивана Ивановича Шувалова, фаворита Елизаветы Петровны и покровителя Ломоносова. Выпущенная по печальному случаю книжица включала небольшое вступление («Avertissment»), оду на смерть Ломоносова («Ode Sur La Mort De Monsieur Lomonosof De L'Académie Des Sciences De St. Pétersbourg») и прозаический перевод ломоносовского «Утреннего размышления о Божием Величестве» («Reflexions Du Matin Sur La Grandeur De Dieu»)[21]. Сам того не ведая, А. П. Шувалов создал модель текста о Ломоносове, которая будет затем варьироваться, где-то усекаться, где-то расширяться.

Первая часть книги «Avertissment» — краткая биография Ломоносова с панегирическим комментарием почти каждого ее факта. В таком ракурсе события ломоносовской жизни предстают фатально запрограммированными на успех: и литературный вкус проявился у Ломоносова еще в юности («Dés sa plus tender jeunesse, son goût pour les letters se manifesta»), и в учебе в Москве он выделялся своим гением («Il fit ses prémiéres études à Moscou, où son génie le fit distinguer»), и т.п.

Любопытным, на наш взгляд, является шуваловское указание на социальное происхождение Ломоносова: он — сын родителей не очень зажиточных, но занимавшихся торговлей («Monsieur Lomonosof nâquit à Archangel, de parens adonnés au commerce, mais peu aisés»). Пожалуй, это единственное в литературе XVIII века «повышение» социального статуса Ломоносова, объяснимое искренним почитанием и желанием графа возвысить ученого-поэта, пусть и несколько приукрасив действительность. Понятие «литературного вкуса» еще только входит в русскую культуру, но Шувалов уже преподносит его как достоинство Ломоносова и как критерий оценки художника в широком смысле.

Вторая часть книги — ода на смерть Ломоносова («Ode Sur La Mort De Monsieur Lomonosof De L'Académie Des Sciences De St. Pétersbourg»). Граф А. П. Шувалов скорбит о великом русском на языке французских муз, используя топосы высокой поэзии, ломоносовской в том числе:

Qu'entends-je! Quel accens! Quelle affreuse nouvelle!
Des filles de l'Enfer la troupe criminelle
D'un Chantre harmonieux termine les beaux jours.
On n'entend plus sa lyre,
C'en est fait, il expire,
On le perd pour toujours.
[Что слышу я! Какие звуки! Какое страшное известье!
Разбойничая клика дщерей Ада
Певца гармонии блаженны дни прервала.
И не слышна уж более лира,
Все кончено, ушел он с миром,
Мы навсегда утратили его][22].

Географический топос «от… до», используемый в одах Ломоносова для создания образа необозримого российского пространства, А. П. Шувалов употребляет в тех же целях, но с другим акцентом: вся Россия сожалеет о смерти Ломоносова.

Des confins du Sarmate aux climats de l'Aurore,

[21] Текст цитируется по следующему изданию (далее без указания страницы): Куник 1765, 202—210.

[22] Здесь и далее перевод оды А. Ф. Строева.

Où renait chaque jour l'Astre que l'on adore,
Des rochers du Caucase aux limites du Nord,
Tout est plein de sa gloire,
Tout chérit sa mémoire,
Et tout pleur — sa mort.
[*От* сарматских краев *до* владений Авроры,
Где рождается свет, обожаемый нами,
От кавказских хребтов *до* пределов Борея,
Все славою его полно,
Всем драгоценна его память,
И все оплакивают смерть его.][23]

Ломоносов изображен первопроходцем в области наук и создателем искусств в России, причем этот мотив первенства, архетипичный по своей природе, как мифы первотворения и первопредметов, станет неотъемлемой частью «ломоносовского текста» в его комплиментарном дискурсе:

Dans nos déserts glacés, dans nos antres humides,
Privé de tout secours, sans modèle et sans guides
Il osa le premier cultiver les beaux Arts,
Et du fond de la Grèce,
Fit couler le Permesse
En nos heureux remparts.
[В пустынях наших ледяных, в сырых пещерах,
Без помощи, без образцов, без провожатых
Дерзнул он первым насаждать искусства,
Из дальней Греции
Заставил течь Пермес
В земли наши счастливые].

Вольной проекцией горациевой строфы из «Exegi monumentum» на ломоносовское творчество Шувалов воплотил идею преемственности между греческой и российской культурами в любопытном образе — реки вдохновения, по воле Ломоносова даже изменившей свое течение. Этой же идее преемственности античной культуры служат бессмертные имена античных поэтов, ораторов и мыслителей, ставшие поэтическими именами Ломоносова:

Toujours réunissant, par le don le plus rare,
Les palmes d'Archimède aux lauriers de Pindare,
La plume de Tacite aux fleurs de Cicéron,
Sa voix avec courage,
Dans un pas Sauvage,
Enseigna la raison.
[Навек объединивши, даром редким,
Ветвь Архимеда с лаврами Пиндара,
Перо Тацита с красноречьем Цицерона,
Его голос отважно
В этом диком краю

[23] Курсив мой. — Т. А.

Проповедовал разум.]

В нескольких строфах нарисована печальная процессия: Аполлон и Музы в траурных одеждах провожают Ломоносова на небеса и покидают Россию. Однако скорбный пафос вдруг сбивается на обличительный тон, обращенный к подражателям и недоброжелателям Ломоносова:

Hé! Qui pourra jamais égaler son génie?
En vain de vils rivaux enflammés par l'envie,
Outragent ses talents, lui cherchent des défauts.
Leur étude avilie
Les couvre d'infamie,
Et redouble nos maux.
[Кто сможет с его гением сравниться?
Вотще презренные соперники, воспаленные завистью,
Оскорбляют его таланты, ищут недостатки.
Их гнусные потуги
Их самих покрывают позором,
И множат наши беды.]

Стремление преодолеть горечь потери гневом обличений, хорошо знакомое нам по лермонтовским упрекам «клеветникам ничтожным» и «насмешливым невеждам» после смерти Пушкина, может быть, впервые было прочувствовано А. П. Шуваловым. Его скорбь по Ломоносову обращается в личное негодование, адресованное вечному сопернику гения — А. П. Сумарокову:

L'un copiste*) insensé des défauts de Racine,
De l'Homère du Nord hait la muse divine;
D'autres**) versent le fiel sur son nom et ses moeurs.
Insectes méprisables,
De leurs trames coupables
On connait les horreurs.

*) Mr. Somorokof auteur de quelques Tragédies, où l'on remarque une imitation servile de Racine, et la manie de copier ce grand homme, jusques dans les faiblesses qu'on lui reproche. Ce Mr. Somorokof a détesté de tout tems le Poëte qu'on célèbre, uniquement à cause de ses talens supérieurs.

**) On me permettra de ne les point nommer.

[Копиист*) безрассудный дефектов Расина,
Гомера Севера порочит музу дивну;
Другие**) изливают желчь на честь его и нравы.
Презренные насекомые,
Их преступные замыслы
Их злодеяния ведомы всем.

*) Г-н Сумароков, автор нескольких трагедий, где заметно рабское подражание Расину и страсть копировать даже слабости великого человека, вызывавшие нарицания. Этот г-н Сумароков всегда ненавидел Поэта, которого славим, исключительно из-за великих его талантов.

**) Позвольте мне не указывать их имен.]

Как видим, Шувалов снабдил оскорбительные поэтические обвинения прозаическими пояснениями, дабы избежать неверных толкований: адресат их вечный

соперник Ломоносова. В заключение Шувалов предрекает перспективу творчества Сумарокова, вернее, ее отсутствие:

Fuiez monstres ingrats, coeurs abreuvés de haine,
Les crimes sont vos jeux, l'Enfer est votre arène,
Jamais le Dieu des vers n'inspirera vos chants.
Des gouffres du Tartar,
Une troupe barbare
Applaudit vos accents.
[Прочь, чудища неблагодарные, сердца, ненавистью упоенные,
Преступления — ваши игры, Ад — ваша арена,
Никогда Бог поэзии не вдохновит ваши песни.
Из ущелий Тартара,
Варварская клика
Рукоплещет вашим крикам.]

Впредь несколько десятилетий Сумароков в разных ипостасях будет частой фигурой «ломоносовского текста», превратясь из соперника в сопутника по вечности.

Финальная строфа, как и положено, отдана Ломоносову, живущему на Олимпе в славе и довольстве:

Du sommet de l'Olimpe, en contemplant leur rage,
Protecteur de nos bords, tu ris de cet outrage.
Qu'importe qu'on insulte à tes dons glorieux!
Tandis que Polimnie,
Te verse l'ambroisie
A la table des Dieux.
[С вершины Олимпа созерцая их ярость,
Защитник наших границ, тебе смешон их укор,
Что тебе до того, что поносят твои дарования славные!
Тогда как Полимния
Поит тебя амброзией
За столом Богов.]

«Ломоносовский текст» по формуле, сложившейся в шуваловском сочинении, включает три части: биографию (избранные факты жизненного пути Ломоносова), цитаты из сочинений Ломоносова (будь то поэзия или научные труды) и оценку ломоносовской деятельности (всей целиком или ее части). Брошюра Шувалова, таким образом, задавала параметры бытования «ломоносовского текста», знаменуя собой его французскую историю[24].

[24] «Ода» Ломоносова и ода Ломоносову прозвучали в Париже еще раз спустя полтора столетия на другом языке искусства. В рамках балетных «Русских сезонов» («Ballets russes») (1909—1929) Сергея Дягилева 6 июня 1928 года в Париже в театре Сары Бернар состоялся балет-оратория «Ода» по мотивам од Ломоносова («Вечернее размышление о Божием Величестве», «Утреннее размышление о Божием Величестве»). Это было сложное по своей структуре действо, представлявшее вокально-хореографическую поэму. По просьбе Дягилева молодым Николаем (Николасом) Набоковым к этому балету была написана музыка, которая принесла ему известность. Хореография принадлежала Леониду Мясину, либретто написаны Борисом Кохно, декорации выполнены Павлом Челищевым и Пьером Шарбонье. «Ода» в оформлении сюрреалиста и мистика Павла Челищева претендовала на космический масштаб: на сцене сходились планеты и центр мироздания — человек, на костюме

Итак, немногочисленные торжественные речи на смерть Ломоносова, поэтические плачи о нем и надгробные сочинения образуют траурное поле «ломоносовского текста». Главного героя славят, вписывая его имя в галерею великих людей различных времен и народов, и оплакивают, скорбя о его уходе как о потере личной и общественной. Почитатели гения Ломоносова вспоминают о его земных заслугах, в первую очередь поэтических, а затем уже научных, и рисуют его блаженство в мире небесном. Однако можно выделить те опорные мотивы, с помощью которых авторы презентируют Ломоносова. Это его величие и гений, разносторонность деятельности; он первопроходец и реформатор.

В истории развития «ломоносовского текста» рассмотренные выше сочинения траурно-поминального дискурса неравноценны по своей значимости. Думается, что речь Леклерка на французском языке способствовала скорее появлению нового академического ритуала — публичного поминовения коллег, нежели формированию концептуального взгляда на Ломоносова. О «Надгробной песне» Луки Сичкарева упомянет лишь Н. Новиков да современные нам литературные словари. В то же время брошюра А. П. Шувалова с ее трехуровневой подачей «ломоносовского текста» — биографической, похвально аналитической, самопрезентирующей (цитирующей ломоносовские произведения) и надпись Штелина/Голеневского на надгробном памятнике Ломоносову станут ключевыми в осмыслении деятельности великого русского и порождении новых произведений о нем. Различные и по языку, и по поэтике, и по качеству художественности эти сочинения едины в пафосе и функциях, одна из которых — прощание с Ломоносовым на языке богов и проводы его в царство мертвых.

ЛИТЕРАТУРА

Билярский П. С. 1865: Материалы для биографии Ломоносова. СПб.

Болтин И. Н. 1788: Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка. СПб.

*Голеневский И.*К. 1779: Дар обществу. СПб.

которого фосфором размечено золотое сечение. Ведущими исполнителями были Л. Мясин, С. Лифарь, А. Никитина. Алексей Ремизов делится своим впечатлением о происходившем на сцене: «Под гул из темноты высвечивают звезды, стальные треугольники, параллелограммы, ныряя сквозь свет гипотенузою профессор, и из сверкающего гула я слышу голос — Ломоносова:

Лицо свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тень…

“Русский язык самый звучный, речь с героическим звоном. Богатый — широта, человечность, теплое дыхание степей. Природа ему даровала в с е изобилие и сладость языка еллинского и всю важность и сановитость латинского, всякородное богатство и пространство. Русский язык — живость и бодрость”.

Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна, звезд полна, —
Звездам числа нет, бездне дна»
(Ремизов 1981, 162).

Среди всех балетных постановок проекта Дягилева балет-оратория по одам великого русского поэта и ученого — самый необычный. Балет «Ода» стал последней работой Мясина в дягилевских сезонах, правда, Дягилев сомневался, стоит ли вносить «Оду» в репертуар. Зрители благожелательно встретили этот балет, его затмила лишь самая удачная вещь сезона — постановка Баланчина «Аполлон Мусагет» на шедевральную, по мнению Дягилева, музыку Стравинского с декорациями Бошана и костюмами Коко Шанель.

Грот Я. 1878: Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796). СПб.

*Куник А.*1765: Сборник материалов для истории Императорской Академии Наук в XVIII веке. *Часть I.* СПб.

Некрасов С. М. 1984: Российская академия. М.

Пекарский П. О речи в память Ломоносова, произнесенной в Академии наук доктором Ле-Клерком // Записки императорской Академии наук. X, 178–181.

Ремизов А. 1981: Встречи. Петербургский буерак. Париж.

Сомов В. А. 1983: Н.-Г. Леклерк *о М.* В. Ломоносове // Ломоносов. Т. 8. Л.

Сопиков В. С. 1905: Опыт российской библиографии. СПб.

Стенник Ю. В. 2004: Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века. СПб.

Biographie universelle ancienne et modern. 1966. T. 8. Paris.

Clerc N. 1764: Moyen de prévenir la contagion et d'y remédier. Paris.

Le Clerk M. 1793–1794: Histoire physique, morale, civil et politique de la Russie ancienne et moderne. Paris.

LAMENTATIONS FOR LOMONOSOV: POETICS OF MOURNING

T. Ye. Abramzon

The article deals with lamentations for Lomonosov written in commemoration of the great poet and scientist. Particular emphasis is given to the speech of N. G. Leklerk at the academic meeting of April 15th, 1765, to epitaphs made by count A. Shuvalov, I. Golenevsky, and Luka Sichkaryov. These compositions present a kind of a prologue to 'Lomonosov text' of Russian culture. The commemorating discourse is cemented by the spirit of glory and condolence, and by the concept of Lomonosov's personality and his creative work. The latter in the context of his poetic achievements is the key one, his scientific achievements are only peripheral.

Key words: Russian culture of the 18th century, M. V. Lomonosov, poetics of mourning, lamentation genre

---

© 2012

Н. В. Баканова

МЕСТО КРЕСТЬЯНСКОГО ТРУДА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ Г. И. УСПЕНСКОГО

В статье рассматривается цикл очерков Г. И. Успенского «Власть земли» с позиции аксиологической методологии. Особое внимание уделено системе ценностей автора и героя. На примере произведений Г. И. Успенского раскрываются возможности использования аксиологического подхода в литературоведении.

Ключевые слова: русская литература, Г. И. Успенский, аксиология, крестьянский труд

Баканова Наталья Васильевна — аспирант кафедры русской классической литературы, ст. преподав. кафедры сервиса и туризма Магнитогорского государственного университета. E-mail: natashka_cher@mail.ru

Цикл «Власть земли» — центральное произведение Г. И. Успенского начала 80-х годов. Этот цикл имел большое общественное значение. Успенский предстает перед читателями прекрасным знатоком народных обычаев, традиций, законов, по которым живет крестьянская община, ее семейных и бытовых укладов, устного творчества деревенской России. Только он смог увидеть действительно важнейшую черту в жизни русского народа — власть земли. Если сравнивать Успенского с другими теоретиками народничества 70-х — 80-х годов (Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров и др.), то можно сказать, что Глеб Иванович сделал попытку в своем цикле «Власть земли» объяснить особенности крестьянской жизни не своеобразием характера русского крестьянства, а условиями, в которых формируется земледельческий труд.

В этой точке зрения прослеживается двойственность. В действительности освобождение крестьян положило начало расстройству и беспорядкам в деревнях, так как при проведении реформы они получили в свои руки меньшее количество земли, чем то, которым они владели до отмены крепостного права. В пореформенные годы количество малоземельных хозяйств продолжало расти, и это, по рассуждениям писателя, является основным фактором хозяйственного и морального упадка деревни. Страдающий от недостатка земли и терзаемый хищниками народ, не имел широкого слоя интеллигенции, способного прийти ему на помощь, — и это делало его положение еще более тяжелым. То есть, с одной стороны, земля способствовала разобщенности крестьянства, а с другой стороны, оно не могло жить по-другому, «вне земли».

Именно в очерке «Власть земли», как в ни каком другом произведении, мы видим изображение сущей правды, и именно здесь она проявляется в описании всей народной жизни. Как пишет Г. Новополин: «Успенский один из немногих писателей, удовлетворивших эту назревшую потребность в правдивом, чуждом лицемерии изображения народной жизни. Коренная черта Успенского, проходящая через все его произведения, начиная от первого и кончая последним очерком, черта, составляющая главное достоинство его произведений, и она исключает всякую возможность какой-либо тенденциозности… Давая свои читателям невеселые картинки жизни русского мужика, он изображает их в связи с теми условиями общественной атмосферы, которая не дает этой жизни выбиться на более светлую дорогу[1].

При этом правдивость его произведений сочетается с неподдельною простотой главного героя. Ивана Босых он показывает погруженным в невежество, жестокость, эгоизм. Но нельзя осуждать писателя, поскольку каждая характеристика народа у Г. И. Успенского проникнута любовью. «Проснувшемуся чувству чести приходится бороться с теми же внутренними привычками, вырабатывающимися в тех условиях жизни, где достоинство человека, его честь игнорируется и топчется на каждом шагу, где мерилом ЦЕННОСТИ человеческой личности является часто внешние достоинства»[2].

С самого начала автор вводит нас в курс дела. Ивану Босых — главному ге-

[1] Новополин 1903, 13.
[2] Новополин 1903, 43.

рою — не до работы. Вчера он крепко выпил «…ленивою, почти болезненною поступью…вместо того, чтобы взяться за топор, стал разминать плечи»[3].

Для него становится нормой «строить» из себя обиженного и оскорбленного, вызывать сочувствие, чтобы выманить денег и опять выпить. Получается замкнутый круг. Но как только проходит его пьяное состояние и похмелье — это абсолютно другой человек: «… в такие — к несчастию, редкие — минуты нет в деревне такого другого мужика, который был бы так как Иван, «зол» на работу, то есть так к ней пристрастен и так ею оживлен»[4].

По-видимому, Успенский считал, что у всех людей от рождения есть ценности и идеалы, высокая духовность, но среда и все плохое, что в ней есть, разрушают положительные качества.

То есть такая норма, как пьянство, сгубила не только Ивана и разрушила все его прежние ценности, но и многих других людей из его среды. «Теперь пьянство Ивана превратилось уже в болезнь, а эту болезнь, унижающую не одного Ивана, а целые массы таких же, как и он, непостижимых в Русской земле деревенских пролетариев сам народ охарактеризовал словом «ослаб»[5]. Но слабость эта не физическая, а имеющая другие причины. И когда герой спрашивает Ивана Босых отчего это, он отвечает: — Отчего?.. Да все оттого, что… воля!»[6]. «А между тем, когда Иван очувствуется на неделю, на две, что это за славный, добрый, умный человек[7]. И получается, что такие ценности жизни, как воля, свобода, обилие денег, причиняют только вред человеку. Он расхолаживается, становится избалованным и перестает нормально трудиться. А труд — это смысл жизни, основа нормального человеческого существования. Без него появляется пустота, которую и начинают заполнять такими нормами как лень, пьянство, ругань. Особенно легко поддаться этим порокам человеку, который трудиться с рождения, — крестьянину. «Таким образом, оказывается, что «воля, свобода, легкое житье, обилие денег», то есть все то, что необходимо человеку для того, чтобы устроиться, причиняет ему, напротив, крайнее расстройство до того, что он делается «вроде последней свиньи»[8].

В произведении в подтверждение этой мысли приводится сравнение немецкой и русской коров. «Видите, говорю, господин, ан и оказывается, что наши коровенки как раз по нашей природе и породе приходятся… Мясо нам не требуется, своего удовольствия она знать не знает, а живет только из-за работы; что ест, то и отдает, а об себе не думает. Родилась она для работы и живет весь век в ней — вот и вся жизнь ее»[9].

Главной ценностью должен быть труд, который и позволяет человеку быть человеком и двигаться дальше. «И вот наша крестьянская порода тоже самое: мы круглый год и всю жизнь не покладаючи рук работаем, да так в работе и живем...»[10].

---

[3] Успенский 1955, 99.
[4] Успенский 1955, 100.
[5] Успенский 1955, 102.
[6] Успенский 1955, 103.
[7] Успенский 1955, 101.
[8] Успенский 1955, 104.
[9] Успенский 1955, 105.
[10] Успенский 1955, 105.

Таким образом, построение образа Ивана Босых определяется темами нравственного падения и трудолюбия, веры в лучшую жизнь и отчаяния. Совмещение таких контрастирующих стихий создает общий трагический пафос страдания, внутренней безысходности. Как синтез внутреннего мира автором дан его портрет: «Что же валит его пьяным, с опухшим лицом, ничком в мокрую, грязную канаву, без сапог, без одежи и заставляет целые ночи подставлять свою широкую спину под дождь и ветер? Физически Иван, как и сотни ему подобных «ослабших» мужиков, не только здоров и силен, но и прямо могуч: стало быть слабость его имела не физические, а какие-то другие источники»[11].

В чем же тайна? Спрашивает автор и тут же дает нам ответ. Тайна — во власти земли. Самым главным Успенский считает труд на земле «…народ, который мы любим… до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит власть земли…»[12]. Автор соотносит все хорошие качества, которые есть в человеке, именно с землей: «…наш народ до тех пор будет казаться таким, каков он есть, до тех пор будет обладать теми драгоценными качествами ума и сердца — словом, до тех пор будет иметь тот тип и даже вид, с головы до ног и снаружи до самого нутра, проникнут и освещен теплом и светом, веющими на него от матери сырой земли»[13].

Автор с резким негативом относится к «готовым деньгам», крестьянам, которые отделились от труда. «И этот же пустомеля и остолоп тотчас начинает возвращаться к образу и подобию человеческому, как только возвращается к труду земледельческому, то есть когда теряет необходимость выдумывать свои интересы, наполнять себя нравственно чем попало и когда власть земли и труд, к которому она обязывает, наполняет все его существование содержанием не выдуманным, без его усилий, без его желаний, наполняет своею властью без его участия и воли[14].

Можно сказать, что все мысли, все действия, все поступки крестьянина связаны, прежде всего, с землей. «Он весь в кабале у этой травинки зелененькой… И вот в этой-то ежеминутной зависимости, в этой-то массе тяготы, под которой человек сам по себе не может и пошевелиться, тут-то и лежит та необыкновенная легкость существования, благодаря которой мужик Селянинович мог сказать: «меня любит мать сыра земля»[15].

Интересен и то факт, что автор показывает такую зависимость от земли у крестьян — людей, изначально родившихся на земле и привыкших с детства к труду. Получается, существует некая родовая принадлежность и среда, в которой формируется человек со своими ценностями (у крестьян среда-жизнь на земле — Н.Б).

Но тот труд, который описывает Успенский во «Власти земли», не то что не ведет к достижению идеала, он вообще не имеет результата: «…если только он слушает, что велит ему земля…а главное какое счастье не выдумывать себе жизни, не разыскивать интересов и ощущений, когда они сами приходят к тебе каждый день, едва только открыл глаза…человек живет только слушаясь, и это

[11] Успенский 1955, 102.
[12] Успенский 1955, 115.
[13] Успенский 1955, 115–116.
[14] Успенский 1955, 119.
[15] Успенский 1955, 119.

ежеминутное, ежесекундное послушание, превращенное в ежеминутный труд и образует жизнь, не имеющую, по-видимому, никакого результата, но имеющую результат в самой себе»[16]. Обратим внимание на то, что автор использует повтор слов «ежеминутный». Успенский делает акцент на то, что именно постоянный труд, ничем не «разбавленный», не приносит результата, не дает добиться целей, а представляет собой некую утопию — труд ради самого труда. Далее автор приводит интересное сравнение крестьянского труда с дубом. «Для чего растет вот этот дуб? Какая ему польза сто лет тянуть из земли соки? Что ему за интерес каждый год покрываться листьями, потом терять их и в конце концов кормить желудями свиней? — Вся польза и интерес жизни этого дуба заключается, что он просто растет, просто зеленеет, так, сам не зная зачем. То же самое и жизнь крестьянина-земледельца: вековечный труд- это и есть жизнь и интерес жизни, а результат — нуль»[17]. Потому что кроме труда для крестьянина нет другой жизни. Тот не «разбавляет» свою жизнь другими интересами и ценностями, имея только сплошной труд. «Жизнь для вас — особь статья…Детей, например, вы должны воспитывать (чтобы не испортить) вдали от знакомства с вашими служебными и общественными интересами. Вы трудитесь, надеясь на какой-то результат. Словом, ваша жизнь разбилась на полосы, в которых нет связи. Вы в департаменте совсем другой, чем дома или в театре. А крестьянин-земледелец везде один и тот же: он трудится и живет интересами этого же труда, и в этих же интересах сам собой, без учителя воспитывается и его ребенок… И везде все разное и думается, и говорится, и делается; для пахаря-мужика нужна одна изба, потому что все живут одним — землей, у всех один труд — земледельческий, все говорят и делают одно-то, что повелит мать сыра земля»[18]! Вся жизнь крестьянина посвящена только земле. Даже старый крестьянин, рассказывая о своей жизни, вспоминает только землю и все, что с ней связано. А услышав звонкий девичий хор, тут же произносит: «Ишь горло-то дерут! Урожай ноне… Бог послал… Картофь, должно, господь уродил ноне, — прибавил старик в объяснение слишком звонкого пения»[19].

Автор, безусловно, ценит труд, но не просто труд, а труд и жизнь одновременно. «Народная душа опустошена и, пожалуй, ожесточена, так как и труд — уже не труд и жизнь одновременно, а только труд»[20]. Успенский сожалеет, что нет больше такого труда, потому что люди стали безнравственными, не сочувствуют другому человеку. Такие ценности, как сострадание, взаимовыручка, взаимопонимание ушли в прошлое. «Но тот же самый человек, который без зависти и злобы переносит богатство, понятное ему и объяснимое с точки зрения условий собственной жизни и миросозерцания, ожесточится и со злобою будет взирать на такое богатство своего соседа, которое он, во-первых, не может понять и которое, во-вторых, вырастает вопреки всему его миросозерцанию, без труда, без дарования, без счастья, без ума»[21].

Труд, как считает Успенский, не должен быть только трудом в его первоздан-

[16] Успенский 1955, 120.
[17] Успенский 1955, 120.
[18] Успенский 1955, 121.
[19] Успенский 1955, 122.
[20] Успенский 1955, 126.
[21] Успенский 1955, 125.

ном, физическом виде. Он обязательно должен переплетаться в жизни с духовной сферой, а иначе и сам человек превращается в «машину», для которой уже не важны духовные ценности. В пример автор приводит рассказ о мужчине, который убил свою жену только за то, что она была слаба, больна и не могла работать на земле. Может быть, она была талантлива в чем-то другом, но это другое стало неважным. Таким образом, если в природе человека основной ценностью является только труд, без других нравственных ценностей, поступков, то выходит, что такая ценность сама по себе имеет только отрицательное значение. «Принимая от земли, от природы указания для своей нравственности, человек, то есть крестьянин-земледелец, вносил волей-неволей в людскую жизнь слишком много тенденций дремучего леса, слишком много наивной волчьей жадности»[22]. По словам автора, важную роль в формировании «правильной» труженической жизни играла народная интеллигенция, которая стала незаметной. «Вот эту, не зоологическую, не лесную, а божескую правду и вносила в народную среду народная интеллигенция. Она поднимала слабого, беспомощно брошенного бессердечною природой на произвол судьбы; она помогала, и всегда делом, против слишком жесткого напора зоологической правды; она не давала этой правде слишком много простора, полагала ее пределы»[23].

Также главной ценностью, по мнению Успенского, является сам человек, причем не просто человек, а тот, что ощущает себя прекрасным человеком, настоящей личностью, который понимает необходимость жить полной духовной жизнью.

«Травинка может вырасти, а может пропасть, земля может быть матерью и злой мачехой… Будет так, как захочет земля и как она будет в состоянии сделать. Вот человек в полной власти у этой тоненькой травинки. Ведь она только через год, почти день в день, принесет на мужицкий стол ломоть хлеба, но может и не принести, — она сама во власти каждой тучки, каждого ветерка, каждого солнечного луча… Столько перемен, неожиданностей, случайностей и огромных последствий, сопутствующих этим неожиданностям! Для этой травинки, для того, чтобы она могла питать, нужна масса приспособлений, масса труда, масса внимательности во взаимных человеческих отношениях… Нужна скотина, уход за скотиной, нужны орудия…»[24]. Получается целая поэма-посвящение травинке, осознание главной ценности жизни, по мнению Глеба Успенского. Человек должен поверить в то, что от него самого зависит его счастье и счастье остальных.

Успенскому важна «гармония труда» — сочетание нормальной жизни и трудовых будней. Среда, в которой, воспитывался в том числе и главный герой Иван Босых, погубила в людях «больную совесть», т.е. неразумное, неправильное мышление. Босых во «Власти земли» рассказывает, как он на железной дороге пришел от «легкой жизни» до «своевольства». «Да как приехал начальник дистанции, дак ка-а-к дал мне (лицо рассказчика вдруг просияло» хо-о-рошего леща, да как начальник эксплуатации надавал мне (детская радость разлилась по лицу его) в загривок, да как в подвижном составе наколотили мне бока — так я, братец ты мой, совершил крестное знамение да точно как из могилы выскочил, воскрес, да

[22] Успенский 1955, 125.
[23] Успенский 1955, 126.
[24] Успенский 1955, 118.

по морозу, в чем был, без шапки — домой!»[25]. Из этого примера видно, что Иван почувствовал себя виноватым, в нем заговорила эта «больная совесть», а она всегда будет с радостью встречать унижения и оскорбления. И все поколение, которое росло в этой среде, было обречено на ложь, привыкло к унижениям и оскорблениям. Таким образом, если устраивать человека идеально, нужно оставить ему всю свободу личного выбора и определения своих интересов и где-то даже произвола, потому что без полного удовлетворения своих нужд он счастлив не будет. Такой идеал, где человек будет вынужден мириться, приглушать свои интересы и желания, он не воспримет как идеал. Он еще больше оградиться от внешнего мира своей злобой и беспринципностью. Вот и Иван Босых, лишенный своих внутренних критериев, не знал, за что себя уважать и ценить, и начались жизненные метания.

Одну из своих глав Успенский назвал «Теперь и прежде». Именно такая временная последовательность дает автору возможность показать, что именно в настоящем времени происходит то, что Успенскому не нравится, и то, что ему хотелось бы изменить. Для этого он сравнивает прошлое и будущее. Раньше земли у крестьян было больше. «Я не говорю о несправедливом труде, который нес крестьянин на своих плечах, о его вековой жажде высвободиться из-под этого гнета и т.д. — все это не может быть предметом настоящей статьи, предмет которой — только значение для крестьянина земли»[26]. Автор снова использует курсив. Он конкретно выделяет следующие нормы: «из личной выгоды» (норма, присущая любому помещику), «во имя хозяйственных целей» (норма, присущая крестьянам)[27]. Такая хозяйственная организация осталась в сознание крестьян. «До сих пор оценка человека только по его успеху или неуспеху в работе не только играет большую роль в крестьянском мнении вообще, но служит даже для достижения целей деревенских эксплуататоров новейшего типа»[28]. Причем автор говорит о том, что любая ценность, привычка становится нормой и человек уже не может вести себя по-другому, даже если обстоятельства или среда меняются. «Обыкновенный деревенский человек, переходя от земледельческого благосостояния к возможности благосостояния денежного, по наивности почти детской, переносит в эту новую для него область старые земледельческие взгляды. Как земледелец, он «травки» не оставит на поле, не устанет нагнуться за ней, срезать, привезть, обмолотить и т.д. Он привык, чтобы «кроха» не пропадала…настоящий земледелец-крестьянин до сих пор чуждается их, как греха; но тот, кто уже отведал, неудержим. И в новых «привычках» он будет стремиться дойти до последней крохи, взять все, что идет в руки»[29]. Таким образом, норма и привычка — это почти одно и то же. Для человека становятся нормой те вещи, к которым он привык, которые сформировала в нем окружающая среда. И для каждого человека формируются нормы, независимо от других людей. Каждый сам в ответе за свои привычки. «В земледельческой общине я и мой сосед — мы можем богатеть и беднеть только сообразно нашим успехам в одном и том же труде — в земледелии;

[25] Успенский 1955, 106.
[26] Успенский 1955, 131.
[27] Успенский 1955, 132.
[28] Успенский 1955, 132.
[29] Успенский 1955, 138.

мы богатеем или беднеем от нашей сноровки или неуменья, от удачи или неудачи, но богатеем или беднеем не друг от друга, а только от себя и от своего счастья[30].

Характеризуя прежнюю мощь и сплоченность крестьянства, Успенский вставляет в свой очерк былину о Святогоре-богатыре. Автор видит, что «все в ней глубоко обдумано, все имеет огромное значение в понимании сущности народной жизни: тяга ж власть земли огромны — до того огромны, что у богатыря кровь алая выступила на лице, когда он попытался поколебать их на волос, а между тем эту тягу и власть народ несет легко, как пустую сумочку»[31].

Действительность столкнулась с идеалами Успенского о гармонизации жизни, и зародилась та самая «болезнь совести». Существующие ценности и нормы не давали достигнуть этого идеала — гармоничного сочетания труда и жизни. Мы можем проследить, что существовали два полюса, о которых и рассуждал Успенский и во «Власти земли», и в других своих произведениях. Один полюс — «трудовая жизнь» (жизнь с широким размахом, полная труда). Второй — «труженическая жизнь» (труд и жизнь, в которых присутствуют пытки, тяжесть гнета). По словам Н. К. Михайловского, «Успенский питал условное почтение ко всякой гармонии и безусловное отвращение ко всякой «расколотости». Этого-то и не поняла марксистская критика в его изображение «земледельческих идеалов»…»[32].

Подобные мысли Успенского отчетливо видны в его очерке «Трудовая жизнь и жизнь «труженическая», где он дает оценку книге И. Тимошенкова «Борьба с земельным хищничеством». Автор и здесь обращается к теме земледельческого труда. Именно там мы встречаем размышления, авторскую позицию, которые прослеживаются и в цикле очерков «Власть земли»: «…мечтания, не мирящиеся с грехом современной жизни, существуют и охотно воспринимаются в среде людей чисто народной среды, причем, самое важное, действующие лица его рассказа — редкие образчики людей самого благородного крестьянского типа, — чувствуя общую с культурными людьми потребность «жить свято», не только не имеют надобности чего-нибудь отбросить из своего строя жизни…»[33].

Он здесь также говорит о важности крестьянского труда, сочетающегося с другими интересами человека. «Словом, и физически и нравственно он беспрерывно в работе, и вот только эту-то разносторонность и беспрерывность живой духовной деятельности и надобно пристально изучать в народной жизни, чтобы видеть, как разносторонне хочет жить человек и как убийственно несправедлив, ужасен (к сожалению, нам этот ужас не вполне ясен) строй жизни культурного общества, как говорит Крафт-Эбинг, духовная жизнь истощена, как поле высосано хищником»[34].

Успенский поясняет читателю, что разрушает весь строй народного труда. И первым таким примером являются события в народном календаре. В отделе дат «для господ» ничего не показано. «А вот в отделе народных «замечательных» событий значится целых семь замечательных примет… «Коли идут на воду в туман,

[30] Успенский 1955, 143.
[31] Успенский 1955, 118.
[32] Михайловский, 1989, 54.
[33] Успенский 1955, 458.
[34] Успенский 1955, 463.

будет много хлеба»… «Если на крещение в полдень (вот какая точность!) синие облака — к урожаю»[35].

Даже религиозные имена посвящаются крестьянству «…. св. апостол Онисим переименован в Онисима-овчарника, Иов многострадальный — в Иова-горошника»[36]. Таким образом, почти весь год — триста шестьдесят пять дней — имеют различные приметы, и все они приурочены к земледелию. Сознание крестьян настолько затуманено трудом на земле, что даже смысл текста «Апокалипсиса» деревенские люди трактуют как указание каких-то земельных особенностей.

Интересно то, что писатель в своих очерках (в том числе и во «Власти земли») ведет изложение «от первого лица» и с персонажами сам ведет беседы. Такая позиция автора раскрывает возможность высказать свое мнение, позволяет напрямую обращаться к читателю, привлекает внимание к какой-либо проблеме. Успенский становится непосредственным участником деревенской жизни.

При этом он использует различные стилистические приемы. Допустим, убеждая читателей в своей главной идее — власть земли над крестьянином, он в речи использует противопоставление, антитезу: «Жизнь для вас…Сара Бернар, Бернар, Зембрих, почести, политика, то есть нечто совсем особое от вашего труда…Вам нужен кабинет — для себя, салон — для общества, классная — для детей…для пахаря-мужика нужна одна изба, потому что все живут одним — землей, у всех один труд — земледельческий, все говорят и делают одно — то, что повелит мать-сыра земля».

Можно предположить, что Успенский стоит на позиции отчуждения. Вся внешняя действительность, поступки не втянуты в общую психологическую картину. Они как бы стоят особняком по отношению к персонажам. Иван Босых и другие герои находятся в своей среде, ведут разговоры на разные темы, но все не описано во взаимодействии. Герой хоть и показан в общей массе, среди других, но все его проявления и поступки описаны в своей среде, имеет свою индивидуальность, круг своих интересов.

Обращение к изображению действительности, стремление к бытовой правде, желание показать человека в типичных обстоятельствах и условиях его среды, обращение к нравственным понятиям — все это объединяет творчество Успенского. Преобладание денежных отношений, погоня за достатком и выгодой соотнесены с судьбою чистых чувств и светлых мыслей, которые погибают в этой среде сплошного расчета.

ЛИТЕРАТУРА

Успенский Г.И. 1955: Полное собр. сочинений: в 9 т. М.
Михайловский Н.К. 1989: Г.И. Успенский как писатель и человек. М.
Новополин Г. 1903: Опыт литературной характеристики. Харьков.

[35] Успенский 1955, 127.
[36] Успенский 1955, 128.

PEASANT LABOR IN G. I. USPENSKY'S VALUE SYSTEM

N. V. Bakanova

The article deal with a serious of G. I. Uspensky's essays "The Power of Land" in terms of axiological methodology, with emphasis on value system of the author and the principal character. G. I. Uspensky's works illustrate the possibilities of axiological method in literary criticism.

Key words: Russian literature, G. I. Uspensky, axiology, peasant labor

© 2012

Д. Н. Жаткин, Ю. В. Холодкова

ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ТОМАСА ГУДА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1850-х — НАЧАЛА 1860-х гг.*

В статье рассматриваются особенности восприятия поэзии Томаса Гуда русскими писателями и литературными критиками второй половины 1850-х — начала 1860-х гг.: А. В. Дружининым, М. Л. Михайловым, В. Д. Костомаровым, Н. Г. Чернышевским, М. Е. Салтыковым-Щедриным и др. Авторы статьи указывают на преимущественное внимание русской критики к произведениям социальной тематики, созданным Гудом в первой половине 1840-х гг., таким как «Песня о рубашке», «Сон леди», «Часы рабочего дома», «Мост вздохов». Именно эти стихотворения оказались в наибольшей степени созвучны общественно-политической ситуации в России первых лет царствования Александра II.

Популярность поэзии Гуда в России оказалась ситуативной, обусловленной, прежде всего, внешними обстоятельствами, причем критике «чистого искусства» его творчество было близко филантропией, стремлением к примиренчеству, отказом от насилия во имя справедливости, а демократической критике — заострением социальных противоречий, отстаиванием права на труд, сочувствием людям труда, признанием невыносимости условий их жизни.

Ключевые слова: Томас Гуд, поэзия, русско-английские историко-культурные и литературные связи, литературная критика

Первое упоминание о Томасе Гуде в русской печати появилось в 1840 г. на страницах №8 «Отечественных записок», где в обзоре «Английская литература» была дана краткая характеристика его повести «Up the Rhine» («Верхний Рейн»), содержавшей оригинальные описания мест, хорошо известных читателям по произведениям европейской литературы прежних столетий[1]. Несколько позже,

Жаткин Дмитрий Николаевич — заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, профессор, доктор филологических наук, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. E-mail: ivb40@yandex.ru

в 1848 г., в «Литературной газете» была опубликована анонимная статья «Томас Гуд и юмористическая литература»[2], в которой, наряду с воссозданием достаточно полной картины творчества английского автора, подчеркивалось особое значение его произведений социальной тематики, таких как «Песня о рубашке», «Сон леди», «Часы рабочего дома», «Песня работника», «Мост вздохов».

Пересмотр отношения к творчеству Гуда, происшедший во второй половине 1850-х гг., нашел отражение в литературно-критических трудах А. В. Дружинина. Так, в рецензии на «Очерки крестьянского быта» А. Ф. Писемского критик констатировал, что «благороднейшие песни Томаса Гуда, рыцарского автора «Song of the Shirt», теперь не издаются вновь и не находят себе покупателей»[3]. Являясь одним из самых значительных защитников «чистого искусства», Дружинин выступал также в качестве непримиримого оппонента «дидактики» как тенденции в современном ему искусстве. Его неприятие дидактизма основывалось, в первую очередь, на осознании неприемлемости любых ограничений свободы творчества, равно как и предпочтений отдельных авторов в пользу сиюминутного и непрочного в его сравнении с вечным, всеохватным, лишенным субъективного начала: «Никакой писатель не может быть увлекаем на дидактический путь, если он желает быть творцом вполне беспристрастным. Там, где пишет Скотт, найдется место и Гуду, где раздается голос Гёте, может существовать и роман Гуцкова. Но ежели бы Гуд и Гуцков вздумали кидать грязью в Гете и Скотта, — а нечто подобное было в Германии и даже в Англии, — им всякий может сказать, что они идут против своего начала, оскорбляя себя самих в лице оскорбляемых ими поэтов»[4]. В статье «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» Дружинин отмечал, что филантропическая поэзия Гуда столь же ограниченна в своем дидактизме, как нравоучительна книга французского моралиста Ф. Дроза («Essai sur l'art d'etre heureux», 1806): «Томас Гуд, весьма полезный человек для Англии, своей поэзиею нисколько не опередил Дроза»[5]. Считая, что дидактики, равные по своему поэтическому значению, не предложили литературе ни одного великого имени, русский критик констатировал статичность и предсказуемость дидактического направления, следующего «одной и той же теории, приносящей одни и те же результаты» и желающего «прямо действовать на современный быт, современные нравы и современного человека»[6]. Относя Гуда к дидактикам, много выигрывавшим в поучительном отношении, но никоим образом не соотносившимся с вечным искусством, Дружинин не видел «причин <…>

Холодкова Юлия Владимировна — старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии. E-mail: Julia.kholodkowa@yandex.ru

* Статья подготовлена по проекту 2010–1.2.2–303–016/7 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение», выполняемому в рамках мероприятия 1.2.2 «Проведение научных исследований группами под руководством кандидатов наук» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (госконтракт 14.740.11.0572 от 05.10.2010).

1 Английская литература 1840, 17.
2 См.: Томас Гуд и юмористическая литература 1848, 108–112, 122–125.
3 Дружинин 1865, 280.
4 Дружинин 1865, 187.
5 Дружинин 1865, 215.
6 Дружинин 1865, 216.

хвалить <…> автора известной “Song of the Shirt”», который, пробудив «в своих читателях благотворительные помыслы», заслужил славу практического человека, но при этом как поэт не смог избежать забвения: «<…> он перейдет в литературный архив и позабудется»[7].

Эта мысль Дружинина получила развитие в его отклике на английское издание полного собрания сочинений Гуда, опубликованном 8 (20) ноября 1863 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях»[8]. Анализируя жизнь и творчество английского поэта, критик утверждал, что, несмотря на талант, Гуд не сумел реализоваться как настоящий литератор: «Обилие мелких дарований погубило в нем призвание поэта, и непрестанная будничная работа не дала ему возможности выступить перед светом во всем оружии своего блестящего таланта. Болезнь и черный труд из-за хлеба довершили дело, окончательно отняли у поэта возможность трудиться для славы»[9]. Большинство современников воспринимало Гуда как автора «легких фельетонных вещиц», «юмористических мелочей», и потому Дружинин с сожалением отмечал напрасность усилий поэта, создававшего «стихотворения, исполненные тонкой, интимной прелести», совместившего «со своими комическими импровизациями страницы, полные серьёзного значения», — общий голос требовал от него «лишь юмора и веселостей»[10]. Но Гуд все-таки дождался настоящего успеха в мировой литературе, опубликовав незадолго до смерти «Песню о рубашке», сразу нашедшую отклик в английском обществе. Дружинин признавал, что «скорбное, но честное и святое слово» Гуда было сказано «без задора, без подстрекательства на вражду и насилие», однако оказалось подхваченным «в <…> темных и задорных кружках», явилось орудием для агитации, «средством для возбуждения опасных страстей в лондонских простолюдинах»[11]. Отсутствие русского издания Гуда, в котором с достаточной полнотой могли бы быть собраны его лучшие сочинения, побуждало современников Дружинина знакомиться с оригинальными изданиями поэта, содержавшими значительное число текстов, в связи с чем критик рекомендовал обратить внимание лишь на «маленькие поэмы, стихотворения лирического содержания, произведения вроде “Песни о рубашке” (их весьма немного), наконец, роман “Тильней Голль”»[12], прочтения которых вполне достаточно для понимания творческой индивидуальности английского автора.

Развернувшиеся в Англии компании волонтеров, стремившихся улучшить условия жизни и труда малоимущих слоев населения, стали заметным позитивным откликом на «Песню о рубашке» и подобные ей произведения. В России же, где по-прежнему господствовало крепостничество, реакция была совершенно иной, на что обратил внимание А. И. Герцен, отметивший в 1860 г. в статье «“Библиотека” — дочь Сенковского», что «слабые нервы петербургские не выносят таких <…> отвратительных картин…»[13]. Подчеркивая искренность и правдивость «Песни о рубашке» Гуда, передавшей «страшное рыдание бедной needle

[7] Дружинин 1865, 216.
[8] Дружинин 1863, 1013–1014.
[9] Дружинин 1863, 1013.
[10] Дружинин 1863, 1013.
[11] Дружинин 1863, 1014.
[12] Дружинин 1863, 1014.
[13] Герцен 1958, 268.

woman»[14], критик признавал, что, в отличие от Европы, «в нашем литературно-ученом мире» не принято затрагивать уродливые стороны жизни[15].

О знакомстве Н. А. Некрасова с творчеством Гуда свидетельствует его письмо к Н. Г. Чернышевскому от 26 июня 1861 г.: « <…> я взял с собою несколько рукописей, чтоб выбрать что-нибудь для №7. Читал, читал и лучше посылаемых двух рассказов <рассказ А. С. Афанасьева-Чужбинского «Из корнетской жизни» и очерк С. А. Макашина «Пролог к мещанской свадьбе»> ничего не нашел <…> напечатайте их <…> да прибавьте «Утопленницу» из Т.Гуда»[16]; в данном случае речь шла о переводе В. Д. Костомарова, напечатанном под названием «Мост вздохов» в №7 «Современника» за 1861 г.

В 1861 г. в «Современнике» был напечатан основанный на работах английских критиков и биографов очерк М. Л. Михайлова «Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд», в котором Гуд характеризовался как «один из самых благороднейших поэтов последнего времени»[17], в чьем творчестве «нашли свой голос бедствия бедных классов»[18]. Наряду с отмеченными, Михайловым использовался в работе и еще один важный источник — «Литературные воспоминания» самого Гуда, позволившие составить представление о характере юмора и комизма английского поэта; в очерке воспоминания Гуда цитировались подробно и пространно, что помогало понять мировоззрение автора гораздо лучше, нежели «критические и эстетические разглагольствия»[19].

Михайлов привел в подстрочнике и проанализировал наиболее значительные произведения Гуда, отметив при этом его достижения и находки. Лучшей из ранних работ английского поэта можно было, по мнению критика, считать небольшую поэму «Сон Евгения Арама», которая одна способна «оставить надолго памятным имя Гуда»[20]. Впрочем, вершиной творчества поэта стало, согласно Михайлову, все же другое произведение, изображавшее тяжелое положение женщины-швеи и направленное против эксплуатации женского труда: « <…> известность Томаса Гуда вне Англии будет всегда основана лишь на его произведениях в том роде, к которому принадлежит «Песня о рубашке», произведениях, которые, впрочем, и в английской литературе оставили самую прочную память о Гуде»[21]. И действительно, «Песня о рубашке» получила наибольший резонанс в российском обществе, чаще других произведений Гуда переводилась на русский язык, причем один из лучших ее переводов принадлежит Михайлову.

В первой половине 1860-х гг. увидели свет две статьи о творчестве Гуда, подготовленные В. Д. Костомаровым: первая из них была напечатана под псевдонимом -омар- в «учено-литературном» журнале «Светоч» в 1862 г.[22], вторая — за подписью В. Д.-цкой — в апрельском номере «Библиотеки для чтения» за 1864 г.[23].

---

[14] Герцен 1958, 269.
[15] Герцен 1958, 268.
[16] Некрасов 1997, 160.
[17] Михайлов 1861, 283.
[18] Михайлов 1861, 377.
[19] Михайлов 1861, 284.
[20] Михайлов 1861, 306.
[21] Михайлов 1861, 358.
[22] [Костомаров] 1862, 1–34.
[23] [Костомаров] 1864, 1–4.

Анализируя в «Светоче» творчество Гуда как литератора «по превосходству юмористического»[24], Костомаров пытался объяснить причины и обстоятельства успеха его произведений среди английских читателей. Он отмечал конгениальность Гуда и его старшего современника Чарльза Лэма, автора «Очерков Элии», однако слава последнего оказалась, на его взгляд, менее значительной и более долговечной, тогда как высокая репутация Гуда-поэта, не будучи защищенной от воздействия времени «ни удивлением избранных, ни уважением людей, обладающих вкусом»[25], показала свою непрочность. Последнее обстоятельство критик связывал с особенностями «бесшабашного насмешника, немилосердного шутника»[26] Гуда, который был «воинствен, энергичен, остроумен, пылок, странен, смел, дерзок и непочтителен»[27], тогда как Лэма характеризовали миролюбивость, сосредоточенность, терпение и деликатность. В этой связи юмор Гуда представал, по наблюдению Костомарова, более желчным и резким, непримиримым по отношению ко многим сторонам жизни, отрицавшим атмосферу жеманных добродетелей и безрассудных пороков, превосходство самодовольных красавцев, наивность грубых простаков, а также господство «особенного политического наречия, маскирующего самые сумасбродные идеи» и «духовных кантов, скрывающих самые пошлые слабости»[28]. Однако Гуд не видел своей основной задачи в создании пародии на человечество с его невзгодами, неправдами, мелочностью и пошлыми пороками, что приводило к появлению в его произведениях, наравне с язвительными каламбурами, «вспышек» искренних чувств, представлявших душу поэта — «возвышенную и вместе низкую, как будто драгоценный камень, вставленный в оловянную оправу, который долго, очень долго принимали за негодный осколок стекла, блестевшего неопределенным светом»[29].

Критик выделял произведения Гуда, являвшиеся, по его мнению, наиболее удачными, и особо отмечал среди них «Песню о рубашке», заставившую «трепетать и плакать целую нацию»[30]. В отношении «Песни о рубашке» Костомаровым вновь была выражена мысль о ее фактической непереводимости в силу особой эксцентричности, своеобразной энергии, не передаваемой в полной мере средствами иного языка: «Как выразить по-русски, например, это место, удивительно рисующее истинное горе несчастной женщины, осужденной не только на голод и изнурение, но и на унижение получать отказы от гнусных скряг: “Stitch! stitch! stitch! / In poverty, hunger, and dirt…”. А сколько нужно слов, чтоб передать стихи, за тем следующие: “Sewing and own, with double thread / Ex Shroud as well as a Shirt!”»[31]. Эта «анафема бедняка, обращенная на богатого»[32], была передана и во многих других стихотворениях Гуда социальной тематики, впрочем, менее успешных в виду их однообразности, обусловленной, по мнению Костомарова, тем, что в таланте английского поэта «есть постоянный недостаток меры и вкуса»[33].

[24] [Костомаров] 1862, 1.
[25] [Костомаров] 1862, 9.
[26] [Костомаров] 1862, 10.
[27] [Костомаров] 1862, 9.
[28] [Костомаров] 1862, 10.
[29] [Костомаров] 1862, 11.
[30] [Костомаров] 1862, 12.
[31] [Костомаров] 1862, 14.
[32] [Костомаров] 1862, 16.
[33] [Костомаров] 1862, 17.

На страницах «Библиотеки для чтения» Костомаров называл в качестве основной причины недостаточной известности Томаса Гуда в России, равно как и в других странах за пределами Англии, его особую манеру письма — «шутливую по <…> оригинально-местному колориту» и «серьёзную по <…> сжатому языку»[34], создававшую значительные трудности при переводе. Осмысливая отдельные тексты Гуда, он особо выделял своеобразный трилистник, включавший «Песню о рубашке», «Песню работника» и «Часы рабочего дома» и характеризовавшийся общностью тональности — «в высшей степени унылой и торжественной»[35]. Предлагая читателям свой перевод «Песни о рубашке», Костомаров вместе с тем признавал, что «нечего и думать о том, чтобы какой бы то ни было перевод мог передать весь эффект подлинника», поскольку для того, чтобы эффект этот был понятен, «нужен тот же каданс стиха, та же гармония созвучий, тот же непременный порядок слов и точный, буквальный смысл всякого выражения»[36], что совокупно невозможно представить в отдельно взятом переводе. Своей заслугой Костомаров считал сохранение «буквальной точности выражений», «торжественно-жалобной мелодии стиха» при воссоздании лучших мест подлинника.

Появление в 1864 г. сборника переводов В. Д. Костомарова «Избранные поэты Англии и Америки. №1. Г. В. Лонгфелло, Елизавета Баррет Броунинг, Томас Гуд», увидевшего свет без указания имени переводчика, вызвало негативную реакцию анонимного рецензента «Русского слова», который в «Дневнике темного человека» неприязненно оценил тот факт, что все переводы, принадлежа одному человеку, были подписаны разными псевдонимами — А. Н-ский, В. К-в, В. Д-цкая: «Достал я эту книжку с переводами из Лонгфелло, Елизаветы Баррет Броунинг и Томаса Гуда. Имена переводчиков скрыты под такими подписями: А. Н-ский, В. К-в, В. Д-цкая. Начинаю читать и, благодаря своей памяти, припоминаю, что все эти переводы я встречал уже в журналах с подписью полной фамилии Всеволода Костомарова <…> Что же это такое значит? Почему Всев. Костомаров раздробил свое имя на три псевдонима, на три отделения?»[37]. В рецензии также отмечались посредственность костомаровских переводов и характерный для них недостаток художественной отделки, приводивший к появлению неудачных выражений типа «склизкого чела»[38].

Помимо переводов книга В. Д. Костомарова содержала и подготовленные им аналитические материалы о переведенных произведениях, причем суждения о «Песне о рубашке», «Песне работника», «Часах рабочего дома» были взяты из его статьи, ранее напечатанной в «Библиотеке для чтения». Наиболее подробно Костомаровым характеризовался «Сон Евгения Арама», содержание которого есть «вопль несчастия заслуженного, — скорбь, которую может утешить только богочеловеческая, т. е. своя собственная сила»[39]. Костомаров видел основную идею этого стихотворения в своеобразном восстановлении внутреннего мира, утверждении способности «благородного и человечного поступка искупить подлое

[34] Д-цкой [Костомаров] 1864, 1.
[35] Д-цкой [Костомаров] 1864, 4.
[36] Д-цкой [Костомаров] 1864, 2.
[37] Дневник темного человека 1864, 73.
[38] Дневник темного человека 1864, 73.
[39] [Костомаров] 1864, 80.

и бесчеловечное преступление», в результате чего, собственно, и происходило превращение Гудом рассказа с уголовным сюжетом в «бойко написанную картину», освещенную «последним отблеском идиллического вечера и первыми лучами новой утренней зари»[40].

Деятельность В. Д. Костомарова как интерпретатора поэзии Томаса Гуда заинтересовала Н. Г. Чернышевского, о чем, в частности, свидетельствует письмо последнего от 2 июля 1861 г., обращенное к переводчику: «Добрый друг, Всеволод Дмитриевич. Ваша пьеса «Мост вздохов» (или как это иначе называется? об утопленнице-то) печатается в VII книжке «Совр.» (за июль)»[41]. Впрочем, Томас Гуд мог быть значим для Чернышевского и сам по себе, в особенности в свете работы над незавершенной статьей «Возвышенное и комическое» (1854), которая, как предполагалось, должна была стать вторым материалом цикла «Критический взгляд на современные эстетические понятия». В этой статье Чернышевский приходил к выводу, что пристрастие к юмору имеют люди, одушевленные величием «всего возвышенного, благородного, нравственного», чувствующие в себе «много благородства, много ума, истинно-человеческих достоинств», уважающие и любящие себя, однако при этом обладающие «деликатною, раздражительною и вместе наблюдательною, беспристрастною натурою», способные разглядеть все «мелочное, жалкое, ничтожное, низкое», в том числе и в себе: «Сознавая свое внутреннее достоинство, человек, расположенный к юмору, очень хорошо видит все, что есть мелкого, невыгодного, смешного, низкого в его положении, в его наружности, в его характере. Все эти слабости, мелочи, которых так много почти во всяком человеке, тем невыносимее для него, чем восприимчивее, раздражительнее, нежнее его натура»[42]. И хотя эти слова не были напрямую соотнесены с чьим-либо творчеством, можно уверенно говорить, что именно в них и заключалась суть той мировоззренческой шкалы, по которой Чернышевский осуществлял свою оценку как юмористической поэзии в целом, так и поэзии Гуда в частности.

Отдельные упоминания о литературной деятельности Гуда встречаются в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина и Д. И. Писарева. Так, М. Е. Салтыков-Щедрин в первой статье, опубликованной в «Современнике» под рубрикой «Петербургские театры» в 1863 г., упоминает при анализе творческой манеры драматурга Ф. Н. Устрялова, автора пьесы «Слово и дело», и соотнесении ее с традицией тургеневских «Отцов и детей» популярную у русской демократической молодежи «Песню о рубашке»: «В начале пьесы он <Ф. Н. Устрялов> заставляет Вертяева рабски подражать Базарову, в конце — делает из него вроде Кирсанова-отца; недостает только дать ему скрипку в руки и заставить наигрывать, в ночной тиши, хоть не “Ritter Toggenburg”, а какую-нибудь песню “о рубашке”»[43].

Д. И. Писарев в своей программной статье «Реалисты», впервые напечатанной с продолжением в №№9 — 11 журнала «Русское слово» за 1864 г., назвал Томаса Гуда в числе так называемых «полезных» поэтов, никогда не терявших связи с реальной действительностью, стремившихся соответствовать тенденциям общественного развития: «<…> могут быть названы полезными поэтами Барбье,

[40] [Костомаров] 1864, 80.
[41] Чернышевский 1949, XIV, 436.
[42] Чернышевский 1949, II, 188–189.
[43] Салтыков-Щедрин 1966, 169.

Беранже, Леопарди, Джусти, Шелли, Томас Гуд и другие двигатели общественного сознания. Эти люди были поэтами текущей минуты; они будили в людях ощущение и сознание настоятельных потребностей современной гражданской жизни; они любили живых людей и возились постоянно с их действительными глупостями и страданиями»[44].

Как видим, усилившийся во второй половине 1850-х — начале 1860-х гг. интерес к поэзии Томаса Гуда со стороны литературных критиков различных идейных направлений, в частности, А. В. Дружинина, М. Л. Михайлова, В. Д. Костомарова, Н. Г. Чернышевского и др., был обусловлен актуальностью его социально ориентированных произведений тем общественным процессам, которые происходили в России в этот период, возможностью преломления всего описанного Гудом на российскую действительность. Вместе с тем критиками отмечалась особая сложность переводческой интерпретации произведений английского поэта, обусловленная его ориентацией на воссоздание конкретных ситуаций из английской жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Английская литература 1840 // Отечественные записки. 8, 12–20.

Герцен А. И. 1958: «Библиотека» — дочь Сенковского // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. М., 266–271.

Дневник темного человека 1864 // Русское слово. 8, 57–75.

Дружинин А. В. 1865: «Метель» и «Два гусара». Повести графа Л. Н. Толстого; Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения; «Очерки из крестьянского быта». Соч. А. Ф. Писемского // Дружинин А. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. СПб.

Дружинин А. В. 1863: Полное собрание сочинений Томаса Гуда с комментариями, изданное его сыном; 7 томов // Санкт-Петербургские ведомости. 249, 1013–1014.

[*Костомаров В. Д.*]. 1864: Примечание // Библиотека для чтения. 4, 1–4.

[*Костомаров В. Д.*]. 1864: Примечания // Избранные поэты Англии и Америки. №1. Г. В. Лонгфелло, Елизавета Баррет Броунинг, Томас Гуд. СПб., 75–87.

[*Костомаров В. Д.*]. 1862: Томас Гуд // Светоч. IV, 1–34.

Михайлов М. Л. 1861: Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд // Современник. 1, 283–318; 8, 357–390.

Некрасов Н. А. 1997: Письмо Н. А. Чернышевскому от 26 июня 1861 г. // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 14/2. СПб.

Писарев Д. И. 2003: Реалисты // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 6. М., 222–353.

Салтыков-Щедрин М. Е. 1966: Петербургские театры <«Слово и дело». Комедия в пяти действиях Ф. Устрялова. «Карл Смелый». Опера в трех действиях, музыка Дж. Россини> // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 5. М., 163–181.

Томас Гуд и юмористическая литература 1848 // Литературная газета. 7, 108–112; 8, 122–125.

Чернышевский Н. Г. 1949: Письмо В. Д. Костомарову от 2 июля 1861 г. // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в XVI т. Т. XIV. М., 436.

Чернышевский Н. Г. 1949: Возвышенное и комическое // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в XVI т. Т.II. М., 159–195.

[44] Писарев 2003, 312–313.

THE INTERPRETATION OF THOMAS HOOD'S CREATIVE WORK BY RUSSIAN LITERARY CRITICISM OF THE LATE 1850s — EARLY 1860s

D. N. Zhatkin, Yu. V. Kholodova

The article describes peculiar perception of Thomas Hood's poetry by such Russian writers and literary critics of the late 1850s — early 1860s as A. V. Druzhinin, M. L. Mikhailov, V. D. Kostomarov, N. G. Chernyshevskiy, M. E. Saltykov-Schedrin, and others. The authors point out Russian criticism focus on socially-oriented works of the early 1840s, such as "The Song of the Shirt", "The Lady's Dream", "The Workhouse Clock", "The Bridge of Sighs". These poems happened to be in tune with the political situation in Russia during the first years of Alexander II reign.

The popularity of Hood's poetry in Russia happened to be situation-bound, stemming not so much from its intrinsic artistic merits as from the externals. His works were congenial to 'pure art' adherents for philanthropy, conciliation, renunciation of violence in the name of justice. They were congenial to democratic critics for the focus on social contradictions, claims for right to work, sympathy for laborers with their unbearable life conditions.

Key words: Thomas Hood, poetry, Russian-English cultural and literary connections, literary criticism

---

© 2012

Ф. В. Макаричев

«СЛУЧАЙНО РАСШИРИВШИЙСЯ» ПЕРСОНАЖ В «ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ»

Статья посвящена исследованию образа Лебезятникова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Анализируя этот образ, автор стремится выявить некоторые характерные особенности поэтики второстепенных персонажей в творчестве Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: поэтика, типологическая синтетичность и полифункциональность образа, пародийность

Герои Достоевского — личности противоречивые и неоднозначные. Как отмечал Е. Мелетинский, у Достоевского «даже сугубо положительные или сугубо отрицательные персонажи очень часто таят в себе какие-то потенции прямо противоположного свойства»[1]. Однако не всем героям «повезло». В отношении некоторых из них у исследователей творчества Ф. М. Достоевского издавна сложилось предубежденное отношение. Одним из них является Лебезятников.

Макаричев Феликс Вячеславович — кандидат филологических наук, с.н.с. кафедры английского языка Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета. E-mail: spbfell@mail.ru

[1] Мелетинский 2001, 158.

Во многом такому однозначно негативному восприятию способствовали как откровенная «пародийность» этого персонажа (осмеяние идей Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева), так и характерные авторские ремарки: «Это был один из того бесчисленного и разноличного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опошлить ее, чтобы мигом окарикатурить все, чему они же иногда самым искренним образом служат»[2]. Таким образом, Лебезятников изображается как типичный представитель нигилистов, заклейменных Достоевским в «Бесах». В излишней тенденциозности при изображении молодого поколения «нигилистов» Ф. М. Достоевского упрекали многие современники, например, М. Е. Салтыков-Щедрин: «Дешевое глумление над так называемым нигилизмом и презрение к смуте, которой причины всегда оставляются без разъяснения, — все это пестрит произведения г. Достоевского пятнами, совершенно им несвойственными, и рядом с картинами, свидетельствующими о высокой художественной прозорливости, вызывают сцены, которые доказывают какое-то уже слишком непосредственное и поверхностное понимание жизни и явлений. <…> С одной стороны, у него являются лица, полные жизни и правды, с другой — какие-то загадочные и словно во сне мечущиеся марионетки, сделанные руками, дрожащими от гнева…»[3]. Такое суждение по отношению к образу Лебезятникова отчасти справедливо, отчасти нет. Первые упоминания о Лебезятникове мы встречаем в исповеди Мармеладова. Здесь он предстает как притеснитель и оскорбитель Сони, обидчик Катерины Ивановны. Такие характеристики, безусловно, подготавливают почву для негативного восприятия персонажа. И на момент действия с непосредственным участием героя в контексте нашего читательского впечатления формируется образ «гаденького чиновника», оскорбителя двух бедных женщин. Наше восприятие невольно учитывает этот контекст, его психологически невозможно игнорировать. Фабула такого вхождения героя в повествовательную ткань романа выводит на некие параллели. Именно так, то есть характеризуясь с чужих слов, слухов, а зачастую и откровенных наветов, вводится в повествование и образ Свидригайлова. И точно так же, как и в отношении Свидригайлова, эти наветы частично разоблачаются, порождая некую двусмысленность в оценке персонажа. Никто уже с уверенностью не может сказать, как и что было на самом деле между Свидригайловым и Дуней, Свидригаловым и Марфой Петровной, Свидригайловым и лакеем и т.д. (Более того, в нашем восприятии оба героя постепенно «растут» и в этическом измерении: Лебезятников спасает Соню от позорного обвинения Лужина, Свидригайлов перед самоубийством успевает облагодетельствовать девочку-невесту, помогает Соне по-настоящему изменить жизнь, устраивает будущность детей Мармаладовых, косвенно принимает участие в судьбе Раскольникова, обеспечив материально Соню, которая следует за ним в Сибирь.)

В случае с Лебезятниковым острота этой двусмысленности притупляется, как бы ретушируется, комизмом, но все же… Ведь упомянутые рассуждения о «лакействе мысли» героя, хоть и даны как бы от лица повествователя, в целом вписываются в контекст впечатлений Лужина. Но слово Лужина не самое авторитетное

[2] Достоевский 6, 1973, 279.
[3] Салтыков-Щедрин 1956, 231.

в романе. Однако есть нечто, что делает образ Лебезятникова не таким уж типичным, разуплощает его эстетически. К сожалению, наше внимание к бурлеску сумасбродно-пропагандистской и этико-заступнической деятельности этого героя как бы затмевает восприятие художественной ценности этого образа. А ведь с этой точки зрения он настоящий «самородок», уникум. Это некий пародийно задуманный, но «нечаянно-расширившийся» характер. В сентенциях Лебезятникова просвечивает не только пародия на нигилизм или на раскольниковское теоретизирование, но и на многих будущих героев Достоевского, раскрывается художественное своеобразие образа, его типологическая синтетичность и полифункциональность, о которой говорил А. П. Власкин в докладе, сделанном на конференции «Достоевский и современность» в 2010 г.[4] И таким образом художественная логика раскрытия этого, казалось бы, совершенно второстепенного, персонажа высвечивает некоторые особенности эстетической реальности Ф. М. Достоевского в целом. Несколько примеров. Напомним, что Лебезятников отклоняет предложение пойти на поминки Мармеладова по идейным соображениям, как противник «обрядности», и Лужин «провоцирует» Андрея Семеновича слухами о его «рукоприкладстве»:

«— Еще бы! Собственноручно отколотили. Понятно, что совестно, хе-хе-хе!

— Кто отколотил? Кого? — вдруг всполошился и даже покраснел Лебезятников.

— Да вы то, Катерину-то Ивановну, с месяц назад, что-ли! Я ведь слышал-с, вчера-с… То-то вот они убеждения-то!.. Да и женский вопрос подгулял. Хе-хе-хе! <…>

— Это все вздор и клевета! — вспыхнул Лебезятников, который постоянно трусил напоминания об этой истории, — и совсем это не так было! Это было другое…».[5] Получается, важнее не сам факт избиения, а мотивы и интерпретация поступка. «Вы не так слышали; сплетня! Я просто тогда защищался. Она сама первая бросилась на меня с когтями... Она мне весь бакенбард выщипала... Всякому человеку позволительно, надеюсь, защищать свою личность. К тому же я никому не позволю с собой насилия... По принципу. Потому это уж почти деспотизм. Что ж мне было: так и стоять перед ней? Я ее только отпихнул <…> А это вздор и совсем, совсем не касается женского вопроса! Вы не так понимаете; я даже думал, что если уж принято, что женщина равна мужчине во всем, даже в силе (что уже утверждают), то, стало быть, и тут должно быть равенство. Конечно, я рассудил потом, что такого вопроса, в сущности, быть не должно, потому что драки и быть не должно, и что случаи драки в будущем обществе немыслимы... и что странно, конечно, искать равенства в драке. Я не так глуп... хотя драка, впрочем, и есть... то есть после не будет, а теперь-то вот еще есть... тьфу! черт! С вами собьешься!»[6].

Очевидно, что герой оправдывается. Вместе с тем трудно с уверенностью сказать, учитывая сумасбродные наклонности Лебезятникова и вспыльчивость Катерины Ивановны, что между ними на самом деле произошло. Не знаем же мы и до сих пор, как и при каких обстоятельствах Свидригайлов орудовал хлыстиком с Марфой Петровной. Да и никогда не узнаем. Но в этой тираде Лебезятникова

[4] Власкин 2010, 176–190.
[5] Достоевский 6, 1973, 281.
[6] Достоевский 6, 1973, 281–282.

обращают на себя внимание еще и последние слова: “драки после не будет”… Сбивчивая и неправильная речь, «эсхатологические благовествования» — все это однозначно вызывает ассоциации с героем «Бесов». Но если у Кириллова «времени больше не будет» (он, разумеется, «ближе к оригинальному тексту») и явится человекобог, то чаяния Лебезятникова связаны с устроением идеального общества и организациюей коммун. Много общего и во впечатлении, которое оба героя производят на окружающих: их принимают за сумасшедших. Заканчивает же свою тираду Лебезятников в духе еще одного персонажа Достоевского — Федора Павловича («Братья Карамазовы»): «Я не потому не пойду на поминки, что была эта неприятность. Я просто по принципу не пойду, чтобы не участвовать в гнусном предрассудке поминок, вот что! Впрочем, оно и можно бы было пойти, так только, чтобы посмеяться... Но жаль, что попов не будет. А то бы непременно пошел»[7]. Следом начинается уже какая-то «хохлаковщина» с примесью «смердяковщины» (анализ речевого поведения Смердякова подтверждает мой тезис: здесь «лакейство мысли» порождает «лакейство слова»: «Я могу косвенно способствовать развитию и пропаганде. Всякий человек обязан развивать и пропагандировать и, может быть, чем резче, тем лучше. Я могу закинуть идею, зерно... Из этого зерна вырастет факт. Чем я их обижаю? Сперва обидятся, а потом сами увидят, что я им пользу принес»[8]. Выходит, Лебезятников и внутренне противоречив, т.е. диалектичен: с одной стороны он всецело полагается на определяющее влияние «среды», с другой — оказывается метафизиком: ведь у него «сознание определяет бытие», факт от идеи, а не идея из факта. Однако не из такой ли шутовской сентенции «вырос факт» «Братьев Карамазовых»? (Как бы странно и даже нелепо это ни казалось, но подобное сочетание слов и интонаций в приведенной цитате представляется чем-то неслучайным. С одной стороны, оно напоминает символическую формулу эпиграфа к роману «Братья Карамазовы», хотя в случае с Лебезятниковым эта библейская цитата искажается почти до неузнаваемости, с другой — предвосхищает символически выраженное стремление Ивана Карамазова «остаться при факте».) Далее Лебезятников разоблачает следующую сплетню, причем делает это так, что в «благородно-сумасбродных» мотивах его поведения сомневаться уже не приходится: «— А мне же рассказывали, что вы-то и выжили ее (Соню — Ф.М.) отсюда из нумеров!

Лебезятников даже рассвирепел.

— Это другая сплетня! — завопил он. — Совсем, совсем не так дело было! Вот уж это-то не так! Это все Катерина Ивановна тогда наврала, потому что ничего не поняла! И совсем я не подбивался к Софье Семеновне! Я просто-запросто развивал ее, совершенно бескорыстно, стараясь возбудить в ней протест...» [9].

Чуть дальше диалог Лебезятникова и Лужина напоминает диалог фанатика Кириллова и скептика Петра Степановича: « — В коммуну, что ль, звали?

— Вы все смеетесь и очень неудачно, позвольте вам это заменить. Вы ничего не понимаете! В коммуне таких ролей нет. Коммуна и устраивается для того, чтобы таких ролей не было. В коммуне эта роль изменит всю теперешнюю свою сущность, и что здесь глупо, то там станет умно, что здесь, при теперешних обстоя-

[7] Достоевский 6, 1973, 282.
[8] Достоевский 6, 1973, 282.
[9] Достоевский 6, 1973, 283.

тельств неестественно, то там станет совершенно естественно»[10]. Но интересно, что дальше их разговор неожиданно начинает развиватьсяв русле разговора Мышкина с Евгением Павловичем о двух «любовях» («Идиот»): «— Ну, а прекрасною-то натурой и пользуетесь, а? Хе-хе!

— Нет, нет! О нет! Напротив!

— Ну, уж и напротив! Хе-хе-хе! Эк сказал!

— Да поверьте же! Да из-за каких причин я бы стал скрывать перед вами, скажите пожалуйста? Напротив, мне даже самому это странно: со мной она как-то усиленно, как-то боязливо целомудренна и стыдлива!

— И вы, разумеется, развиваете... хе-хе! доказываете ей, что все эти стыдливости вздор?..

— Совсем нет! Совсем нет! О, как вы грубо, как даже глупо — простите меня — понимаете слово: развитие! Н-ничего-то вы не понимаете! О боже, как вы еще... не готовы! (Невольно вспоминается мышкинский перифраз: «тут что-то не то, и вечно будет не то» — Ф.М.) Мы ищем свободы женщины, а у вас одно на уме… Обходя совершенно вопрос о целомудрии и о женской стыдливости, как о вещах самих по себе бесполезных и даже предрассудочных, я вполне, вполне допускаю ее целомудренность со мною, потому что в этом — вся ее воля, все ее право. Разумеется, если б она мне сказала: «Я хочу тебя иметь», то я бы почел себя в большой удаче, потому что девушка мне очень нравится; но теперь, теперь по крайней мере, уж конечно, никто и никогда не обращался с ней более вежливо и учтиво, чем я, более с уважением к ее достоинству… я жду и надеюсь — и только!»[11].

Как же можно истолковать слова Лебезятникова? Что же он, как и Мышкин, разными «любвями» Соню любит? Хочет любить одной, а любит другой? Или мы что-то не понимаем в его любви? Невольно в читательском восприятии возникает парадокс: как может столь добрая и чуткая натура, как Лебезятников, откликаться на бред, наваждение и дурман нигилистических идей? Но возможно, это свойство всех открытых натур. Откликается же Мышкин, а вместе с ним и Достоевский, на «безбожие католицизма». Почему же отказывать социализму в своих Дон-Кихотах?[12].

---

[10] Достоевский 6, 1973, 283.

[11] Достоевский 6, 1973, 283–284.

[12] Примечательно, что косвенно суть некоторых предложенных мною параллелей и выводов поверяется рассуждениями Л.Гроссмана, который, помимо поэтики, занимался и изучением биографии писателя. Таким образом, мои наблюдения над художественным миром Достоевского перекликаются с биографическими изысканиями и наблюдениями Л. Гроссмана. Обращаясь к «революционному» прошлому Достоевского, исследователь отмечал тот глубокий след, который оставили личности некоторых членов кружка Петрашевского в творческом сознании писателя. В одном из таких рассуждений, сближающем художественный и биографический контексты, находим такие строки: «Тимковский увлек Достоевского. «Это один из тех исключительных умов, которые, если принимают какую-нибудь идею, то принимают ее так, что она первенствует над всеми другими... Его поразила только одна изящная сторона системы Фурье». «Речь его была написана горячо; видно, что Тимковский работал над слогом». Достоевский отмечает в своем товарище «врожденное чувство изящного» и «ум, жаждущий познаний, беспрерывно требующий пищи. Некоторые принимали его за истинный, дагерротипно верный снимок с Дон-Кихота и, может быть, не ошибались. (Гроссман 1963, 107).

К сожалению, Л. Гроссман проигнорировал отражение Тимковского в образе Лебезятникова, разглядев в нем лишь сатиру на учение Чернышевского: «Наряду с огромным по глубине и драматизму образом Раскольникова он дает шаржированную сатиру на радикальную молодежь, исповеду-

Но дело даже не в социализме с его Дон-Кихотами. Вот Мышкин, например, считает, что «детям можно говорить все», но мы-то понимаем, что это Мышкину детям можно говорить все. Нельзя быть безусловно доверчивым к словам, всегда нужно учитывать, кто эти слова говорит, т.е. какой герой и в каком контексте. И если Лебезятников толкует Соне «вопрос свободного входа в комнаты в будущем обществе», то это нечто совершенно иное, чем если бы этот вопрос взялся толковать, скажем, Лужин. Лебезятников, как некий «исследователь души человеческой» или вдумчивый следователь-аналитик Порфирий Петрович, делает несколько поразительно ценных замечаний о натуре Сони, но в то же время выражает почти раскольниковское недоумение: «— Н-ничего-то вы не понимаете, я вам сказал! Оно, конечно, таково ее положение, но тут другой вопрос! совсем другой! Вы просто ее презираете. Видя факт, который по ошибке считаете достойным презрения, вы уже отказываете человеческому существу в гуманном на него взгляде. Вы еще не знаете, какая это натура! (Выделено мной — Ф.М.) Мне только очень досадно, что она в последнее время как-то совсем перестала читать и уже не берет у меня больше книг. А прежде брала. Жаль тоже, что при всей своей энергии и решимости протестовать, <…> у ней все еще как будто мало самостоятельности, так сказать, независимости, мало отрицания, чтобы совершенно оторваться от иных предрассудков и... глупостей. Несмотря на то, она отлично понимает иные вопросы. Она великолепно, например, поняла вопрос о целовании рук, то есть что мужчина оскорбляет женщину неравенством, если целует у ней руку»[13]. Примечательно, что Раскольников с Лебезятниковым склонны именно интерпретировать поступки Сони, причем каждый в рамках своей диалектики. Обобщенно символически это буквально выражается так: Раскольников целует ей ногу, Лебезятников толкует про руку. И каким бы легкомысленным ни казался этот каламбур, тем не менее, сам Достоевский возвращался к нему не однаж-

ющую учение Чернышевского» (Гроссман 1963, 342–343). Однако, учитывая этот «донкихотский» контекст личности Тимковского и некоторых других «искренно верующих революционеров» в творческом сознании Достоевского, трудно предположить, что характерные сумасбродно-альтруистические черты Лебезятникова явились лишь плодом художественного воображения писателя. Скорее всего, речь идет о синтетичности образа и на уровне жизненных прототипов.

«Личность Тимковского, видимо, отразилась через двадцать лет на образе инженера Кириллова в «Бесах»: стремительный путь от религиозности к атеизму, готовность взорвать весь мир при серьезной практической работе в государстве, своеобразная революционность и самопожертвование при маниакальности господствующей идеи, — все это отмечает одного из выдающихся героев Достоевского резкими чертами его исторического прототипа.

Не написав романа о петрашевцах, Достоевский отразил в ряду персонажей «Бесов» такие поразившие его фигуры современников, как Петрашевский, Спешнев, Тимковский.

Достоевский был знаком с тактикой похода утопистов на старый мир. Он пользовался библиотекой петрашевцев — целым арсеналом антифеодальной литературы. Помимо главных сочинений французских социальных мыслителей — Фурье, Сен-Симона, Консидерана, Кабе, Луи Блана, Прудона, Пьера Леру,- здесь находились Вольтер, Руссо, Дидро, Гельвеций, Гольбах, романы Жорж Санд, Фейербах, Роберт Оуэн, «Нищета философии» Карла Маркса.

Поглощенный своей творческой работой, он не мог специально изучать всех предшественников и классиков социализма. Но многое он все же знал.

Достоевский брал из библиотеки Петрашевского «Истинное христианство» Кабе с его основным тезисом: коммунизм — это «царство божье на земле», то есть господство милосердия, братства, равенства, свободы, справедливости. Достигается оно только мирной пропагандой» (Гроссман 1963, 107–108).

[13] Достоевский 6, 1973, 284.

ды. Может быть, ближе всего к синтезу этого мужского «непонимания» подходит Хохлакова в своем великолепном экспромте: «Только что он мне пожал руку, как вдруг у меня разболелась нога»[14].

Местами в рассуждениях Лебезятникова отчетливо проступает «базаровщина»: «— А вы всё об этом, об этих проклятых “потребностях”! — вскричал он с ненавистью, — тьфу, как я злюсь и досадую, что, излагая систему, упомянул вам тогда преждевременно об этих проклятых потребностях! Черт возьми! Это камень преткновения для всех вам подобных, а пуще всего — поднимают на зубок, прежде чем узнают, в чем дело! И точно ведь правы! Точно ведь гордятся чем-то! Тьфу! Я несколько раз утверждал, что весь этот вопрос возможно излагать новичкам не иначе как в самом конце, когда уж он убежден в системе, когда уже развит и направлен человек. Да и что, скажите пожалуйста, что вы находите такого постыдного и презренного хоть бы в помойных ямах? Я первый, я, готов вычистить какие хотите помойные ямы! Тут даже нет никакого самопожертвования! Тут просто работа, благородная, полезная обществу деятельность, которая стоит всякой другой, и уже гораздо выше, например, деятельности какого-нибудь Рафаэля или Пушкина, потому что полезнее!

— И благороднее, благороднее, — хе-хе-хе!

— Что такое “благороднее”? Я не понимаю таких выражений в смысле определения человеческой деятельности. “Благороднее”, “великодушнее” — все это вздор, нелепости, старые предрассудочные слова, которые я отрицаю! Все, что полезно человечеству, то и благородно! Я понимаю только одно слово: полезное!»[15]. Но вот что примечательно: даже проповедуя откровенную «базаровщину», Лебезятников проявляет себя как духовный наставник, старец Зосима или Тихон. В этих наставлениях так и слышится тихоновское: «Не приготовлены, не закалены»[16]. И даже веришь в социалистическое «чудо от веры» таких людей. Ну и что ж, что придурковат, зато деятелен, искренен, чист, честен и добр. Воистину: «утаил от мудрых и разумных и открыл младенцам…»

Еще один пример. Вспомним, в какое искреннее воодушевление, даже восторг, пришел Лебезятников от великодушного, как он считал в тот момент, поступка Лужина. Он не может скрыть свою радость, несмотря даже на то, что поступок этот идет «в разрез с его убеждениями»: «…Человек, оскорбленный и раздосадованный, как вы, вчерашним случаем и в то же время способный думать о несчастии других, — такой человек-с... хотя поступками своими он делает социальную ошибку, — тем не менее... достоин уважения! Я даже не ожидал от вас, Петр Петрович, тем более что по вашим понятиям, о!»[17]. Он даже путается в словах, изменяет своей «сектантской терминологии», вдруг начинает проговариваться «языком человеческим»: « — Я все слышал и все видел <…> Это благородно, то есть я хотел сказать, гуманно! Вы желали избегнуть благодарности, я видел! И хотя, признаюсь вам, я не могу сочувствовать, по принципу, частной благотворительности, потому что она не только не искореняет зла радикально, но даже питает его еще более, тем не менее не могу не признаться, что смотрел на

[14] Достоевский 15, 1976, 16.
[15] Достоевский 6, 1976, 284–285.
[16] Достоевский 11, 1974, 27.
[17] Достоевский 6, 1976, 289.

ваш поступок с удовольствием, — да, да, мне это нравится»[18]. Лужин буквально поразил Лебезятникова, как Лебедев своим рассказом о Дюбарри — Мышкина. И лишь после того, как Лужин в очередной раз неделикатно коснулся темы гражданского брака, этот «Дон-Кихот социализма» как будто очнулся и направил свой пафос в прежнее сумасбродное русло: «— Детей? Вы коснулись детей? — вздрогнул Андрей Семенович, как боевой конь, заслышавший военную трубу…»[19].

Можно утверждать, что такой второстепенный персонаж, к тому же задуманный как откровенно пародийный, совмещает (более того, даже предвосхищает) черты многих главных героев Ф. М. Достоевского. Он является и поэтически, и биографически синтетичным. Его художественная потенция раскрывается Ф. М. Достоевским в следующих романах.

Можно сказать, что формула «всяк за всех виноват» реализуется в творчестве Достоевского не только в этическом плане, но и в такой характерной (почти стихийной) эстетической отзывчивости второстепенных персонажей на идеи, поступки героев переднего плана. Здесь «последние становятся первыми»…

ЛИТЕРАТУРА

Гроссман Л. М. 1963: Достоевский. М.

Достоевский Ф. М. 1972–1990: Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.

Мелетинский Е. М. 2001: Заметки о творчестве Достоевского. М.

Салтыков-Щедрин М. Е. 1956: Светлов, его взгляды, характер и деятельность // Ф. М. Достоевский в русской критике: сборник статей / А. Дмитриева (ред.). М., 229–232.

“CASUALLY EXTENDED” CHARACTER IN “CRIME AND PUNISHMENT”

F. V. Makarichev

The article is a study of the character of Lebezyatnikov from F.M. Dostoyevsky’s novel “Crime and Punishment”. In his analysis the author of the article seeks typical features of minor character poetics in F.M. Dostoyevsky’s creative work.

Key words: poetics, typological synthetic and multifunctional character of the image, parody property

[18] Достоевский 6, 1976, 288–289.

[19] Достоевский 6, 1976, 289.

© 2012

Н. А. Хуббитдинова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ПОЭЗИИ М.АКМУЛЛЫ (К 180-ЛЕТИЮ БАШКИРСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ)

В статье «Интертекстуальность поэзии М.Акмуллы» предпринята попытка рассмотреть поэзию башкирского сэсэна-импровизатора XIX в. Мифтахетдина Акмуллы в контексте теории интертекстуальности, с использованием интертекстуального подхода к анализу некоторых его стихотворений, в которых использовались народные пословицы и поговорки. Применение подобного подхода во многом поможет выявить соотнесенность его произведений с традициями устно-поэтического народного творчества, расширит понимание особенности поэтики стиля автора, определит новые способы интерпретации фольклорных традиций в национальном литературном творчестве.

Ключевые слова: структуралистический метод, межтекстовые связи, диалогизм текстов, интертекстуальность, фольклорные традиции, пословицы, поговорки

Теория интертекстуальности получила широкое распространение в современном литературоведении и берет свое начало в западной филологической науке. Несмотря на то, что термин «интертекст» впервые появился во французском постструктурализме, в статье Юлии Кристевой «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967), он зародился на основе русской литературной традиции. Ею обозначались понятия «межтекстовых связей», «схождений», «диалогизм» текстов, являющиеся разновидностью структуралистического метода исследования литературных произведений.

Когда речь заходит о структуралистическом методе анализа литературного произведения, мы не сливаемся полностью с ним, а выделяем те его части, которые способствовали бы достижению поставленной цели, а именно выявление фольклорных традиций в литературном произведении, в поэзии национального поэта XIX в. в данном случае, определение их художественных функций. В науке до сих пор отсутствует единое мнение об оптимальных для всей сферы гуманитарного исследования теоретических концепций относительно этого метода: «… проблематичный характер научных исследований, основанных на применении семиотических идей и структуральных методов при анализе литературных текстов, до сих пор не получили адекватного теоретического объяснения»[1]. Однако, не вдаваясь во все подробности истории зарождения, становления и развития структуралистического метода исследования литературы в области семиотики, мы лишь ограничимся той частью проблемы, которая приемлема для нас, для нашего объекта изучения, а именно ее аспекта межтекстовых связей, теории интертекста в поэзии М. Акмуллы.

Хуббитиднова Нэркэс Ахметовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: narkas08@mail.ru

[1] Соболев 2008, 8.

Проблема межтекстовых связей, другими словами интертекстуальность, в филологической науке представляет собой трансформацию текстов на всем протяжении истории литературы. В процессе таких перемен и видоизменений то или иное художественное произведение, в нашем случае фольклорные сюжеты, мотивы заимствуются, переосмысливаются, интерпретируются в литературе. В данном случае интертекстуальный анализ в рамках литературного разбора помогает обнаружить, выделить так называемые «чужое слово», «текстовые схождения» (в нашем случае фольклорные образы, народные пословицы и поговорки) и выявить, обозначить их функциональное значение художественно-эстетического плана в данном случае.

Надо отметить, что хотя термины «интертекста», «интертекстуальности» были введены относительно недавно, но некий намек на них в виде межтекстовых связей, «диалогизма» текстов был известен в русской науке еще в 20-е гг. Так, суждения о межтекстовых связях — «схождениях», «заимствованиях» — развивались в трудах Б. В. Томашевского. Воздействие одних писателей на других (например, писателей старшего поколения на писателей младшего поколения), как он считал, не сводится только «к изысканию в текстах заимствований и реминисценций». По мнению исследователя, ученый должен различать разных родов текстовых схождений, заимствований (сознательное, бессознательное, случайное). В противном случае обнаруженные «параллели» будут носить характер мало значащего «сырого материала», а «выискивание этих параллелей» вне уяснения их характера, сути, функции будет представлять собой что-то вроде «литературного коллекционирования»[2]. В наших наблюдениях в этом направлении также особый интерес представляют исследования другого русского ученого М. М. Бахтина, являющегося одним из представителей отечественной школы структуралистов. Не следуя слепо учениям системно-функционального изучения словесного искусства, названного Ф. де Соссюром структурализмом в лингвистике, он в своих исследованиях не ограничивался лишь одной областью гуманитарной науки, а рассматривал вопросы общей эстетики, методологии, философии языка, исторической поэтики. В его ранних трудах в центре внимания среди прочего были теория романа, проблемы эволюции образа человека в литературе, глубинных фольклорных основ литературного образа (изучение карнавала и идея карнавализации литературы). Актуальность представляют его поздние исследования в области филологии — жанры речи, проблема текста, диалогичность текстов, металингвистика (о высказывании как об особой филологической дисциплине и т.д.)[3]. Бахтин, ведя исследования по вопросам методологии, принципов изучения произведений искусства, литературы в частности, особенностей их восприятия и усвоения зрителями, читателями и т.д., как бы соприкасался, перекликался с изысканиями западных и отечественных структуралистов. Так, диалогизм и персонализм исследовались им в смысловом соприкосновении с концепциями С. Кьеркегора, Г. Риккерта, М. Шелера и др., бахтинская философия языка имеет аллюзии к немецкой и французской филологии (Л. Шпитцер, Ш. Балли и др.), амбивалентный антиномизм карнавального концепта перекликается, но не сливается с идеями структуралистов К. Леви-Стросса, Р. Барта, Ю. Лотмана. Основная концепция по-

[2] Томашевский 1960, 81–82.
[3] Бахтин 1986, 5–6.

лифонии романа и карнавала по тематике и телеологии сформировалась в прямом диалоге с символизмом Вяч. Иванова (с ивановским тезисом «Ты еси», с его идеей о мифологическом высказывании; с проблемой рассмотрения романов Достоевского, их новаторской, рецептивно-архетипической форм и т.д.).

На сегодняшний день учения и методологические основы М. Бахтина стали более доступными и открытыми благодаря исследованиям французского ученого Юлии Кристевой. Она в более упрощенной форме сформулировала основную концепцию М. Бахтина в виде своей теории интертекстуальности на основе его работы «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924). Ю. Кристеву в исследованиях Бахтина привлекало то, что он, описывая диалектику существования литературы, в частности, отметил, что помимо данной художнику действительности он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге», понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами». Поэтому принято считать, что в основе теории интертекстуальности лежит концепция диалогизма М. М. Бахтина, из которого следует, что «всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами и переосмысление в новом качестве»[4].

Теория интертекстуальности Кристевой, основанная на данных положениях русского ученого, быстро получила широкое признание и распространение у литературоведов. Фактически она облегчила как в теоретическом, так и в практическом плане осуществление «идейной сверхзадачи» постмодернизма, а равно и «классическую» оппозицию субъекта — объекту, своего — чужому, письма — чтению и т.д. Однако конкретное содержание термина существенно видоизменяется в зависимости от теоретических и философских предпосылок, которыми руководствуется в своих исследованиях ученый. Общим для всех служит постулат, что всякий текст является «реакцией» на предшествующие тексты[5]. Виды, типы, формы этих «реакций», интертекстуальности знакомы нам издавна. Под ними в науке назывались заимствования, переработка тем и сюжетов, явная и скрытая цитация, перевод, плагиат, аллюзия, парафраз, подражания, пародия, экранизация, использование эпиграфов и т.д. Относительно фольклорных заимствований в художественной литературе, использования фольклорных мотивов в литературе в частности, О. Трыковой предложены следующие их типы: сюжетные заимствования (пересказ); структурные заимствования; функциональные заимствования; мотивные заимствования; образные заимствования; цитирование фольклорных произведений; переделка фольклорных текстов, его осевременение и пародирование; использование тропов, художественных приемов и средств фольклора[6]. Для полноты картины относительно нашего предмета исследования фольклорно-литературных интертекстов можно было бы добавить такие его типы и разновидности, как скрытую и явную цитацию в литературе на фольклорные сюжеты, мотивы, образы; перевод, использование эпиграфов (в контексте межнациональных

[4] См.: Сатретдинова 2001 со ссылкой на книгу Бахтина М. М. К методологии литературоведения. Литературно-критические исследования. М., 1974.

[5] Ильин 1999, 206–207.

[6] Трыкова 1999, 3.

фольклорно-литературных взаимосвязей); аллюзия, реминисценция фольклора в литературе.

Интертекстуальность поэзии Мифтахетдина Акмуллы (1831–1895) — башкирского поэта и певца-импровизатора — проявляется в художественном освоении, бессознательной интерпретации фольклорных традиций в его стихах, в его обращении к пословицам и поговоркам, в создании на основе своего жизненного опыта и народной мудрости своих собственных, авторских афоризмов, гармонично вошедших в среду бытования. Пословицы и поговорки в стихотворениях поэта являются средствами художественного изображения, придают образность и иносказательность языку. Попытка интертекстуального подхода к анализу поэтических произведений М. Акмуллы позволило бы выявить традиции народного устно-поэтического творчества, функциональную их значимость используемых народных афоризмов.

Известно, что в конце XIX века в России происходили крупные социально-экономические, политические изменения, которые затронули все сферы жизни. Большие сдвиги в жизни башкир в этот период (развивались промышленность, торговля, печать, образование и др.) отразились и в литературе. В этом отношении башкирская литература переживала обновление и развитие. На первый план выступает письменная литература, впитавшая в себя традиции народного творчества и устной литературы, характерных для более раннего времени[7].

Известно, что в конце XIX в. создаваемые в башкирской литературе произведения высоконравственного и дидактического характера были доступны лишь для образованного, культурного слоев населения Башкирии. Однако назревала необходимость, чтобы этим духовным богатством пользовался более широкий круг людей. Своими призывами быть не только благовоспитанными и истинными мусульманами, но и грамотными и образованными представителями своей нации в конце XIX века ближе к народу становились поэты-просветители, обладающие даром певца-импровизатора. Это во многом отразилось в просветительской литературе (М. Акмулла, М. Уметбаев). Одним из первых основоположников этого течения в башкирской литературе был М. Акмулла. В его стихах и импровизациях слышны призывы овладевать знаниями (изучать многие науки, иностранные языки), звучат нравоучения светского характера, дидактические наставления и т.д. Акмулла как странник исходил, изъездил на своей арбе-двуколке степи и долины Башкирии и Казахстана, поэтому в его творчестве нашли место традиции фольклора башкир и казахов. Так, в его стихах реминисценцию на сказочных, эпических образов вызывают образы коня, сокола, кречета, орла и других, которые являются традиционными и в устно-поэтическом творчестве обеих народов.

Сэсэны, будучи выходцами из среды простого народа, являлись носителями его устно-поэтических традиций, обрядов и обычаев. Вследствие этого их творчеству были характерны народная иносказательность, образность и афористичность языка. Иногда индивидуальный творческий порыв и традиции народного творчества были настолько плотно связаны между собой, гармонировали друг с другом, что сразу было невозможно уловить и строго разграничить народные пословицы и авторские афоризмы, мудрые слова и выражения, которые впитались в народную

[7] Акманов 2007, 448.

среду. «Дидактические стихотворения из старинных рукописей, стихи, а также произведения, пришедшие с классического Востока, в определенной степени пополнили состав башкирских пословиц»[8]. Например, изречения «От дурного слова на душе осадок», «Добро и зло — по человеку», «В воробьиные силки сокол не угодит» восходят к творчеству М.Акмуллы. Как сам сказал поэт:

…Слово молвится со смыслом у поэтов.
Иногда то слово блещет дивным светом.
Иногда иносказательным бывает:
Если вмочь, верните той же монетой.

В данном случае мы наблюдаем иную сторону связи между фольклором и литературой — литературно-фольклорную, где сюжеты, мотивы, традиции в данном случае письменного (изустного) литературного произведения перешли в устную форму бытования. Следовательно, данные пословицы вызывают интертекстуальную связь, реминисценцию уже с поэзией Акмуллы.

Стихотворение сэсэна-импровизатора «Мое место — зиндан» является одним из тех его стихотворений, которые сотканы из народных и авторских пословиц и афоризмов, обогащены народной философской мыслью и умозаключениями («Вовек не стоит тот добра, кто не желает знать», «Неуч никогда укора не снесет», «Врагу пророк чужой земли всегда не по нутру», «К маралу белому не льнет кабанья чернота» и т.д.).

В народе существует много пословиц и поговорок о добре и зле, об их месте в жизни людей и т.д. Например, известны такие башкирские афористические изречения, эйтемы, выражающие значение ценности золота, символизирующее добро, правду, истину: добро никогда не забывается, как бы его не хулили, так же как и золото, которое сколько бы ни марали грязью, оно не лишится своей сущности. Эти понятия в народных пословицах и эйтемах выражены следующим образом: «Золото в земле не забудется, доброта не заблудится», «Правда в земле не залежится», «Золото не заржавеет, доброта не забудется» и т.д.:

…Сколько не ругать добро, добро будет,
Вкус души не пропадет от грязных слов.
Марать злато навозом, злато будет,
Навоз уйдет, ценность злата не уйдет.

Не взлетит стрела кривая по прямой,
С души не снять последствий от грязных слов.
От того, что пес, бесясь, злобно лает в небо,
Луна в небе не утратит света[9], —

где под золотом традиционно следует понимать добро и что добро не меркнет и не забывается годами: как бы ни загрязняли, ни пачкали и ни поносили его, добро останется добром и не забудется. Эти авторские афористические высказывания во многом вызывают интертекстуальную связь с народными афоризмами и в то же время дополняют народные пословицы и поговорки, меткие слова в их иносказательной ипостаси. Реальные, жизненные картины, события, обыденные взаимоотношения людей, нравственно-этические принципы в своих произведениях поэт

[8] Надршина 2006, 8.
[9] Дается в авторском переводе.

бессознательно передает при помощи фольклорных традиций, народного этического, поэтического мировоззрения. Потому что он сам является представителем этого этноса, носителем и распространителем его традиций.

Такие народные пословицы, как «И многого хватит, и малого хватит», «Не знающий цену малого цену много не постигнет», «Протягивай ногу по одеялу», перекликаются с основной идеей и смыслом стиха Акмуллы «Удовлетворение», в котором приветствуется человеческое качество удовлетворяться малым, тем, что бог послал:

…По чину проходи к красному углу,
По илю (стране) на пир наденешь шубу.
Довольствуйся тем, что есть в твоих руках —
Смотря на гривы кобылу вьюком грузят[10].

Изречение «Довольствуйся тем, что есть в твоих руках…» по своему смыслу порождает аллюзию к русской поговорке «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Однако в стихотворении поговорка не высказана до конца, потому что в конце строфы следует сугубо национально самобытное мудрое изречение — эйтем «…Смотря на гривы, кобылу вьюком грузят», где, согласно народному поверью, по гриве оценивают физические возможности коня.

Следовательно, устно-поэтические традиции народного творчества и стихи поэта образуют собой органическое единство, дополняя друг друга и помогая передать полноту содержания произведения, способствуя повышению его художественного уровня, углублению идейно-эстетической значимости. Здесь мы наблюдаем яркий пример взаимовлияния и взаимообогащения фольклорных и литературных традиций, интертекстуальную связь между народными пословицами и поговорками и авторскими афоризмами.

Таким образом, с одной стороны, сэсэн и поэт Акмулла своим творчеством пополнял и обогащал народное наследие — эйтемы-изречения, пословицы и поговорки, с другой стороны, его поэтические высказывания, обращения, призывы были обобщены народными афоризмами исходя из идейно-эстетических взглядов поэта. В результате применения теории интертекстуальности в изучении некоторых произведений М. Акмуллы позволило установить соотнесенность его стихотворений с традициями башкирского народного устно-поэтического творчества, иногда с аллюзией на русские поговорки. Изучение творчества Акмуллы, равно как и других национальных поэтов и писателей, во многом дает представление о семантике и поэтике текстов произведений, о новых возможностях интерпретаций, «межтекстовых заимствований» в национальной литературе в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Акманов И.Г. (отв. ред.) 2007: История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. 1. Уфа.

Акмулла М. 1981: Стихи. Уфа.

Бахтин М.М. 1986: Эстетика словесного творчества. М.

Ильин И.И. 1999: Интертекстуальность // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / И.П. Ильин (ред.). М., 206–207.

[10] Акмулла 1981, 129 (в тексте дается в авторском переводе. — Н.Х.).

Надршина Н. А., *Ураксин З. Г.* (ред.). 2006: Башкирское народное творчество: Пословицы и поговорки: в 10 т. Уфа.

Сатретдинова А. Х. 2001: Интертекстуальность поэзии В. Брюсова: автореферат … канд. дисс. Астрахань.

Соболев Д. 2008: Лотман и структурализм: опыт невозвращения // Вопросы литературы. 3, 5–51.

Томашевский Б. В. 1960: Пушкин и Франция. Л.

Трыкова О. Ю. 1999: Отечественная проза последней трети XX века: жанровое взаимодействие с фольклором: автореферат дисс. … д-ра филол. наук. М.

INTERTEXTUAL CHARACTER OF M. AKMULLA (ON THE 180th ANNIVERSARY OF BASHKIRIAN EDUCATOR)

N. A. Khubbitdinova

The article is an attempt to consider the poetry of Miftakhetdin Akmulla, Bashkirian improviser poet of the 19th century, within the framework of intertextuality with intertextual approach to the analysis of some of his poems containing proverbs and sayings. This method may be instrumental in correlating his works with poetic folklore, broadening the understanding of his style peculiarities, determining new interpretation methods of folklore traditions in ethnic literary creativity.

Key words: structural method, intertextual ties, text dialogism, intertextuality, folklore traditions, proverbs, set-expressions

---

© 2012

О. Е. Тимофеева

ОБРАЗ МЕССИИ В РАССКАЗЕ А. БЕЛОГО «АДАМ»

В статье рассматривается синтез ветхозаветных и евангельских коннотаций с культурно-философскими установками русского символизма и мистицизма, а также теософскими взглядами А. Белого. При выявлении библейских сюжетных линий в структуре рассказа «Адам» последовательно разъясняется процесс их десакрализации, характерный для поэтики А. Белого-писателя. Главный акцент делается на многозначности образа главного героя, соединившего в себе несколько культурных традиций.

Ключевые слова: литературоведение, символ, библейский сюжет, образ Мессии, десакрализация

Для деятелей русской культуры в переломное время первого десятилетия XX века стала важной тема преображения мира. Одним из первых поэтов новой литературной эпохи, обратившихся к теме Мессии, был В. Соловьёв. Тема Христа

Тимофеева Ольга Евгеньевна — аспирант кафедры русской литературы РГПУ им. А. И. Герцена. E-mail: olgamcm@mail.ru

была значимой для творчества Д. Мережковского, А. Белого, А. Блока и других представителей русского символизма. Однако если В. Соловьёв рассматривал проблему Мессии с религиозно-философской позиции, то А. Белый — с точки зрения философии и гносеологии, своеобразно синтезируя культурные традиции.

Поэты и писатели нового литературного направления — В. Брюсов, К. Бальмонт, В. Иванов, А. Белый, Эллис и др. — были, как известно, и теоретиками, и практиками символизма. В литературном отделе журнала «Мир искусства», в сборниках «Русские символисты», в журнале «Весы» они сформировали идейно-эстетическую платформу «нового искусства». Для Брюсова «искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями»[1]. Бальмонт писал о том, что «символизм — могучая сила, стремящаяся угадать новые сочетания мыслей, красок и звуков и нередко угадывающая их с неотразимой убедительностью»[2]. Белый в статье «Окно в будущее» пояснил, что «символизм — это метод изображения идей в образах», а «символ — оболочка идеи»[3]. По мнению мыслителя Н. Бердяева, «символ есть мост между двумя мирами. Символ говорит не только о том, что существует иной мир, что бытие не замкнуто в нашем мире, но и о том, что возможна связь между двумя мирами, соединение одного мира с другим, что эти миры не разобщены окончательно. Символ и разграничивает два мира, и связывает их»[4]. Таким образом, символ воспринимался поэтами-декадентами и их окружением как категория, в художественном произведении призванная объединить эмпирическую действительность и метафизический мир.

Интерпретация символа читателем равносильна овладению высшей степенью знания, некоей тайной мира, неподвластной рациональному объяснению. Авторы журнала «Весы» часто создавали в своих произведениях образы, связанные с библейской или оккультной тематикой, предлагая читателю разные пути постижения сверхчувственной реальности. Поэты-символисты: Брюсов, Бальмонт, Белый — заявляли о своих оккультных и мистических увлечениях в программных статьях и заметках. Совершенно справедливо современный исследователь Н. Богомолов заметил, что у символистов были свои теософические авторитеты: С. Блаватская, А. Безант, Р. Штейнер, Р. Минцлова[5]. В «Весах» большое внимание уделялось обзору книг, посвященных магии, оккультизму, спиритизму и теософии, а некоторые книги рекомендовались для прочтения[6].

Идея символистского двоемирия напрямую связана с неоднозначностью образа главного героя рассказа А. Белого «Адам», который «в мире бытия творил мир ценностей»[7]. Символисты осознавали, что «всякое бытие имеет в себе самом по-ту-светную сторону, носит её с собой, вероятно, живет ей и, во всяком случае, из неё рождает живое…»[8]. Герой А. Белого в этом, земном, мире начинает жить и

---

[1] Брюсов 1904, 19.
[2] Бальмонт 2002, 267.
[3] Белый 1904, 3.
[4] Бердяев 1994, 50.
[5] Богомолов 2000, 152.
[6] Например, К. Бальмонт рекомендует к прочтению наиболее известную книгу А. Безант «Esoteric Christianity» как «особенно полезную книгу в наши дни повышенного интереса к вопросам христианства».
[7] Белый 1908, 23.
[8] Розанов 1904, 12.

действовать по законам мира иного и в «этом мире» пытается организовать жизнь по законам «того мира». С нашей точки зрения, в образе Адама Антоновича взаимодействуют разные культурные традиции, в таком ракурсе рассказ «Адам» изучается впервые.

Имя главного героя и название рассказа имеют совершенно особое значение для общей семантики произведения, поскольку они отсылают читателя к ветхозаветному тексту. Согласно библейской истории, Адам — это ветхозаветный первочеловек, преступивший божественную заповедь, через него «грех вошел в мир» (Рим. 5, 12), в то же время Адам — «есть образ будущего» (Рим. 5, 14), то есть Христос, названный «последним Адамом» (1 Кор. 15, 45).

Для понимания рассказа принципиально важен подзаголовок. Указывается, что «записи найдены в сумасшедшем доме» и были они сделаны «одним из нервнобольных лечебницы», который «записал исповедь своего недавно умершего друга, страдавшего круговым помешательством»[9]. А. Белый с самого начала настраивает читателя на определенное восприятие текста: реплики и мысли героя — мысли или бред сумасшедшего. Часто герой разговаривает сам с собой: «никто бы не сказал, было ли произнесено, что было произнесено»[10].

Значимым событием в рассказе и основной двигающей силой сюжета становится сон героя. Сон для символистов означает открытие двери в иное измерение. Например, в романе «Огненный ангел» Брюсова именно во сне к Ренате является ангел Мадиэль. В рассказе А. Белого «Адам» главный персонаж «знал, что его сон — не сон, а прообраз грядущего»[11]. Автор отграничивает пространство сна от остального пространства, в главке с одноимённым названием событие происходит во флигельке: «в замкнутом были они флигельке, точно в замкнутом мире»[12]. В детстве Адам Антонович также называл флигелек «миром». Это сопоставление (флигелек — мир) следует интерпретировать как сопряжение сферы бытового и бытийного: замкнутый флигелек соотносится с замкнутым миром. Внутреннее пространство флигелька становится символом внутреннего мира Адама Антоновича.

Основные сюжетные события являются проекцией увиденного Адамом Антоновичем во сне. Сон главного героя оказывается пророческим: в нём происходит поэтапное «воплощение» мнимого Мессии. Создание неоднозначного образа героя предопределило насыщенность текста библейскими цитатами как его специфическую особенность. Для понимания этого образа важно выяснить, какие библейские события выбраны автором и каким образом они соотнесены им с событиями рассказа. Кроме этого, значимы последовательность и переходы от одной части Библии к другой. Рассмотрим в последовательности, заданной текстом Белого, отдельные этапы этого воплощения и попытаемся их интерпретировать в библейско-мифологическом аспекте, выявив основные аллюзии и реминисценции, восходящие к библейскому тексту.

Первую ссылку на евангельский текст фиксируем в эпизоде поездки главного героя в вагоне поезда. Герой рассуждает: «Мы сидели там, скрестив руки, и мол-

[9] Белый 1908, 15.
[10] Белый 1908, 20.
[11] Белый 1908, 23.
[12] Белый 1908, 20.

чали, когда пожирали вы *хлеб наш насущный*»[13]. «Хлеб наш насущный» — строка из молитвы Господней «Отче наш». Однако в тексте А. Белого молитвенный образ «хлеба насущного» профанируется употребляющими его. Главный герой «отменяет предвестия», поскольку «они» (те, к кому были обращены «предвестия») «бросили грязью в те, как лилии, чистые руки…»[14]. С самого начала повествования автором задаётся тема непонимания между героем и окружающими.

Следующий эпизод — катание шариков из хлеба: «… Адам, повитый мухолетом, катал шарики из хлеба, трудясь в поте лица своего»[15], — отсылает к ветхозаветному контексту: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят…» (Быт. 3, 19). Автор современного словаря символов Д. Трессидер указывает, что «хлеб — метафора как духовной пищи, так и воплощение тела Самого Христа»[16]. Подобные соотнесения указывают на духовные созидательные способности Адама Антоновича, обретение им статуса Мессии.

Четыре последующих эпизода также отсылают читателя к евангельскому тексту. Плавание в ванне знаменует собой водное крещение, очищение: «Сидел и плавал в ванне Адам Антонович: он знал, что делал — спасал человечество»[17]. Согласно евангельскому тексту, Христос «начал Свое служение» после крещения в воде (Лк. 3, 23).

Эпизод омовения ног также напоминает евангельскую сцену. Крестьянка омывает ноги Адаму Антоновичу, как блудница омыла ноги Христа: «Кухарка взглянула на него, тупо сосредоточенная, и стала мыть ноги… <…> И Адам Антонович, новый барин, новые изрекал заветы: он знал, что делал — водворял порядок, спасая малое, чтоб через малое спасти и большое…»[18]. Проведем параллель с новозаветным текстом: «И вот женщина <…> плача, начала обливать ноги его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его <…> прощаются грехи её многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит» (Лк. 7, 37-50). Плачущая блудница у А. Белого превращается в «тупо сосредоточенную» кухарку. Начиная с этого эпизода в рассказе «Адам», автор последовательно разводит евангельскую историю с историей своего героя Адама Антоновича.

Эпизод с ездой Адама Антоновича верхом на псе — это *пародия* въезда Христа в Иерусалим на осле: «Притащился пес, барбос, помочившись на дворике, и воссел на него верхом Адам Антонович. И пес потащил его во двор. И на дворе сидел на псе Адам Антонович, водворяя правду свою…»[19]. Сравним с библейским текстом: «…и, накинувши одежды свои на осленка, посадили на него Иисуса. И, когда Он ехал, постилали одежды свои по дороге» (Лк. 19, 35-36). Ритмически обе фразы практически совпадают, но А. Белый снижает стиль, используя просторечные выражения для того, чтобы достичь комического эффекта.

Событие захвата и избиения новоявленного Мессии крестьянами в рассказе А. Белого равносильно предательству и избиению Христа: «Схватили его сель-

[13] Белый 1908, 17.
[14] Белый 1908, 17.
[15] Белый 1908, 20.
[16] Трессидер 2011, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/525.php.
[17] Белый 1908, 21.
[18] Белый 1908, 21.
[19] Белый 1908, 21.

ские стражники, привели к старику отцу. А отец: “Эпидемия: мутит сын деревню: зараза — все под Богом ходим. Гаврюха, Филя, дуралеи, говорю вам, посеките сынка” <…> И посекли его плетьми»[20]. В евангельском тексте читаем: «Взяв Его, повели и привели в дом первосвященника. <...> Люди, державшие Иисуса, ругались над ним и били Его; и, закрыв Его, ударяли Его по лицу…» (Лк. 22, 54-64). Отец выполняет роль первосвященника, но просторечные выражения снижают её значимость.

Далее в Евангелии от Луки следует эпизод распятия. Но чрезвычайно важно, что в тексте А. Белого нет соответствующего события. В его рассказе возникает один раз образ распятия: Адам Антонович в самом начале своего пути, в поезде, замечает, что «пассажир распят». Читаем: «В отделении было только двое: он и пассажир. Он подумал: “Пассажир распят тоже”»[21]. Следовательно, герой *осознаёт* себя распятым. Тем самым автор строит схему поведения героя иначе по отношению к евангельской истории: не «воплощение — распятие — воскресение», а «*мнимое* распятие — воплощение — воскресение». А. Белый намеренно отходит от библейской истории, поскольку его Адам — не библейский «последний Адам», то есть Христос, а другой, ветхозаветный Адам. Автор вводит прием «минус»— распятие, чтобы отослать читателя к теме ветхозаветного Адама.

Далее в рассказе «Адам» эта ветхозаветная тема раскрывается на основе евангельских эпизодов, в результате чего события рассказа начинают просматриваться в двойной смысловой перспективе. Укладывание Адама Антоновича в кровать соотнесено с погребением Христа: «Потом положили в постель, как во гроб; перин, как камней, навалили над ним бледно-душных, мертвенно-немых. У изголовья Адама Антоновича можно было видеть кухарку…»[22]. Проведем параллель с текстом Евангелия: «Последовали также и женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, и смотрели гроб и как полагалось тело Его… <…> пришли они ко гробу <…> но нашли камень отваленным от гроба» (Лк. 24, 1-2). В тексте А. Белого камни становятся перинами, а постель — гробом.

Следующий фрагмент текста рассказа «Адам» отсылает читателя непосредственно к Воскресению Христову: «…но отвалил перины, руки протянул к кухарке встал в кальсонах да в сорочке, пошатываясь: “Я восстал с одра: не будьте, душенька слепы”»[23]. Сравним с Евангелием: «И когда они были в страхе и наклонили лица свои к земле, сказали им: чего вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес» (Лк. 24, 5-6). У одра Адама Антоновича стоит кухарка — спародированный образ женщин, пришедших к гробу Христа. Символическое воскресение (в бытийном плане) оборачивается обыкновенным физическим пробуждением после крепкой попойки (в реальности): «Кухарка толкала икавшего с перепоя Адама Антоновича: “Барин, проснитесь!”»[24].

Сравнив фрагменты рассказа А. Белого «Адам» с текстом Евангелия от Луки заключаем, что евангельский событийный ряд представлен выборочно: в фабуле литературного произведения просматриваются только несколько евангельских

[20] Белый 1908, 22.
[21] Белый 1908, 15.
[22] Белый 1908, 22.
[23] Белый 1908, 22.
[24] Белый 1908, 22.

историй, причем каждый раз сакральный текст актуализирован для читателя с помощью отсылок к библейскому тексту. При этом происходит последовательное снижение смыслов сакрального текста. Вследствие десакрализации библейских событий текст рассказа «Адам» приобретает новые оттенки смысла. Мнимое распятие, смерть и воскресение героя Адама Антоновича создают комический эффект: Мессия у А. Белого оказывается «шутом гороховым».

После события пробуждения, то есть воскресения в ином обличье, герой предстаёт перед читателями в качестве царя Адама. С этого момента грань между сном и реальностью становится зыбкой. Адам Антонович начинает скрывать свою тайну: «Вот он приехал. Здесь начнет он свое дело, уже он все разорвал со старым; отсюда в мир его начнется пришествие»[25]. Тем самым подчёркивается многоплановость образа Адама, а также задается оппозиция Пророк—Лжепророк, реализованная в образе одного героя. В итоге получается, что без распятия миссия пророка проблематизируется.

После прохождения всех этапов «посвящения» к «служению» Адам Антонович отправляется проповедовать. Его слова «Се, гряду жениху»[26] — это начало богослужебного тропаря «Се, Жених грядет в полунощи», исполняемого в Великий понедельник на Страстной неделе. Однако дальнейшие события рассказа «Адам» не соответствуют евангельскому и богослужебному контексту: начинается борьба отца и сына за власть.

Одна из первых мыслей героя: «Отец, отец! Вырву у тебя власть: я освобожу твою душу, спасу родину, Мне больно тебя убивать, но да свершится предсказание!»[27] — относит нас к дохристианской коллизии противостояния отца и сына: к борьбе Хаоса и Космоса, Зевса с Кроном и т. п. В этой ситуации реализовывается характерный для символистов уход в область мифологии. Как справедливо отметил исследователь В. Пискунов, отец в анализируемом рассказе — это «Творец и Хозяин материального мира, мира деревенских пространств»[28]. Оппозиция Отец / Сын задается А. Белым как оппозиция власти земной (владелец имений, земель, крестьян) по отношению к власти духовной (царь Адам), времени — вечности («времена на исходе», «надо вывести душу из времен»), физического пространства — бесконечности («кругом разбежались пространства», «поместья росли и пухли»). В рассказе «Адам» сын так представляет слова своего отца: «не отдам я тебе познания моих богатств, хотя конторские книги по имению в порядке»[29]. Созданный алогизм («познания моих богатств» причудливо увязаны с порядком, в котором содержатся конторские книги) указывает на расхождение идеального и реального миров.

Последующие события в рассказе связаны с борьбой отца и сына за власть над миром, временем и пространством: Адам Антонович считает, что для спасения своей души, а, следовательно, и души человечества, отца необходимо убить. По мнению того же исследователя, «акт отцеубийства соединяется с актом

[25] Белый 1908, 22.
[26] Белый 1908, 23.
[27] Белый 1908, 24.
[28] Пискунов 1995, 13.
[29] Белый 1908, 19.

самораспятия»[30], однако это суждение спорно. Адам Антонович является царем только в мире своих мистических переживаний и откровений, потому и слепые не прозревают, а поджог рогожи, сливаясь с полыханием заката, оборачивается пожаром.

В рассказе «Адам» обращение к теме пожара не случайно, оно связано с социально-историческими реалиями первого десятилетия XX века. Пожар у многих поэтов-символистов ассоциировался с мировым революционным пожаром. Русская революция 1905 года заставила многих поэтов «повернуться» к действительности. В их творчестве появились темы и мотивы, связанные с жизнью отдельных людей из народа: рабочих, крестьян, нищих и т. п. Пострадавшему от пожара мужику «земельки бы малость», но Адам Антонович ставит перед собой задачу космических масштабов: «Я — альфа и омега: начало и конец: мир мой дарю вам»[31]. А. Белый соединяет здесь фрагменты разных текстов — видение Иоанна Богослова: «Я есмь Альфа и омега, начало и конец, говорит Господь» (Откр. 1,8), и слова Христа: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин. 14, 27). Интересно отметить, что первая реплика «Я — альфа и омега» — это слова уже воскресшего и вновь грядущего Христа, а «мир мой даю вам» — было сказано Иисусом во время земного служения. А. Белый не случайно не следует библейской хронологии: служение Адама русскому народу рассматривается им как проблема. По всей видимости, событие несостоявшегося распятия — и есть исходное событие в истории расхождения Адама и народа. Философ В. Зеньковский писал о пасхальных переживаниях восточных христиан: «Свет Воскресения Христова отодвигает Голгофу, хотя без Голгофы не было бы и Воскресения. “Ныне вся исполнися света” — слышим мы в одном из песнопений Пасхи — и это и есть центральное переживание наше в восприятии мира и человека. Пасха не несет забвения о Голгофе, она не несет с собой наивного и безоблачного утопания в радости Пасхи, но в одном из самых торжественных пасхальных песнопений поет церковь: “Кресту твоему поклоняемся, Христе, и святое Воскресение Твое славим”. И Крест и Воскресение — то и другое в своем сочетании дают нам трагическое восприятие жизни»[32].

В бытовом плане повествования Адам Антонович Корейш, служащий государственного учреждения, приезжает из города в деревню, к отцу, чтобы поправить расшатанное здоровье. А в бытийном — из большого и теперь «безнадежного мира небытия» возвращается в мир родной, «изначальный». Пальто на вешалке в вагоне кажется ему распятым пассажиром. В эпизод поездки Адама Антоновича «за грань, за черту», автор вводит понятие «черта оседлости»[33]. В вагоне поезда герой философствует, для него совершается «пришествие», то есть наступление новой эпохи, но сосед по купе истолковывает его слова как «иностранное нашествие». «Переход за черту» — выход в иной мир для Адама Антоновича — оказывается всего лишь выходом из вагона на станции, где он встречается с отцом.

---

[30] Пискунов 1995, 13.

[31] Белый 1908, 25.

[32] Зеньковский 1996, 282.

[33] Черта оседлости в Российской империи с 1792 по 1917 год (фактически по 1915 год) — граница территории, за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреям.

После того как Адам Антонович уходит из дома, в рассказ вводится тема ветхого Адама, именно она осложняет тему Христа. «Перед Адамом Антоновичем трепыхалось пугало. Рогожа, лопастями развеиваясь на заре, шептала: “Время настало”. Донага разделся сын, Адам, в ветхий сошедший завет родины своей: облачился в рогожу; возложил на себя венец из трав полевых, придорожных; не хворостину — посох вынул он из земли, помахивая березовой ветвью, как вайей священной»[34]. Рогожа соответствует плащанице, венец из трав — терновому мученическому венцу Христа, посох является символом власти. Адам в этом эпизоде — «ветхий Адам», не Христос, последующие же события подтверждают этот факт. Царь Адам существует в мире бытия, и бытийные ценности пытается воплотить в реальность, в то время как мужики — в мире быта и их интересуют вполне земные ценности, и они не воспринимают «барина» в качестве Мессии.

Важно отметить, что в рассказе тема Христа идет в параллель с историей героя — Адама Антоновича. При этом имя Христа не введено в текст. Впоследствии через оппозицию «отец» / «сын» используется именование «Адам», а отчество «Антонович» снимается. После описанных событий тема Христа снимается автором, а последняя главка именуется «царь Адам». Для автора рассказа важно развести евангельскую историю с другой культурно-философской традицией: на создании образа главного героя сказывается увлечение А. Белого оккультизмом и мистицизмом. Адам Антонович Корейш — не только «Адам», прообраз Мессии, но и «Адам-Кадмон», то есть «символ универсального существования и образ универсума»[35]. По мнению каббалистов, для постижения тайны мироздания, необходимо «вернуться в “адамово” (т. е. исходное, первобытное) состояние»[36].

Полагаем, что темы гибели и разрушения в рассказе «Адам» напрямую связаны с эсхатологическими настроениями русских поэтов и писателей рубежа веков: старый мир должен был сгореть в огне апокалипсического пожара и воскреснуть в ином состоянии. Старый мир — помещичья усадьба в рассказе «Адам» — сгорает. Гибнет отец Адама Антоновича.

Мотив пожара как огневой стихии по значению приближается к мотиву зари. У А. Белого «заря» красного (багряного) цвета. Образ Мессии в «Адаме» предстает в контексте символики апокалипсического огня («земля и все дела на ней сгорят» и «будет новое небо и новая земля»). В системе поэтических мотивов символизма, выстроенной современным исследователем О. Ханзеном-Лёве, идея огня — это идея растворения пра-единства во всём, это символ сгорания «я» во всеединстве. «Сгорание, с одной стороны, есть деструктивная самоликвидация, уничтожение, смерть в диаволическом смысле, а с другой — креативное перерождение и возрождение, благодаря катарсису пылания, выгорания всех тех негативно-инстинктивных энергий и материальных оков, которые должны распасться ради освобождения души из её земного плена и для того, чтобы стала возможной метаморфоза»[37]. Красный цвет символизирует цвет крови Христовой, омывающей беззакония и преображающей человека для новой жизни. Очищение и про-

[34] Белый 1908, 25.
[35] Андреева 1999, 24.
[36] Токарев 1980, 39-45.
[37] Ханзен-Лёве 2003, 267.

зрение связано с последующей гибелью героя или его исчезновением: уходит в неизвестность царь Адам.

После события пожара мысль Адама Антоновича вновь возвращает нас к евангельскому контексту: «Научу, просвещу, ибо я — свет, ибо я — упование; землю нашу скорбную не оставлю, ризой ее своею покрою, покрою ризой…»[38]. «Я — свет» относит к словам Христа: «Доколе Я в мире, Я свет миру» (Ин. 9, 5). А. Белый возвращает читателя к евангельскому контексту, поскольку его царь Адам не уничтожается пожаром, низвержением этого мира, а своим появлением знаменует воплощение мира нового, иного.

Во время всего процесса воплощения Адама четыре раза звучит рефрен: «Адам Антонович знал, что делал: он спасал человечество», и ещё три раза в нескольких вариациях: «Адам Антонович знал, где он был, что он делал»[39]. С нашей точки зрения, повторения фраз (четыре и три раза) выполняют определенную функцию: они складываются в сакральное число «семь». Обратимся к значению этого числа в трудах современницы А. Белого Е. Блаватской: «Тайная доктрина» поясняет значения числа «семь»: «Число Семь, говорит *Каббала*, есть великое число Божественных Тайн»[40]. Современный литературовед В. Топоров анализирует значение этого же числа: «“Магическое число 7” (по словам Дж. Миллера) характеризует общую идею вселенной, константу в описании мирового дерева, полный состав пантеона и т. п.»[41]. Согласно словарю символов Д. Трессидера, семь — это «священное, мистическое, волшебное число», которое «символизирует космический и духовный порядок и завершение природного цикла»[42]. Полагаем, что А. Белый был знаком с учением Блаватской, он намеренно использует повторы, подчеркивая чрезвычайную значимость совершающегося события.

Однако важно здесь и другое: во-первых, разные культурные дискурсы соединены между собой рефреном; во-вторых, значим как сам рефрен, так и новая часть, которую он вносит. Эти повторы существенны для писателя, они есть составная часть стратегии его текста: с помощью них происходит усложнение образа главного героя, связывается евангельская и ветхозаветная традиция, и в то же время происходит его десакрализация и выход за пределы христианского в сферу всемирового, космического. Евангельский язык, понятный для читателя, выводит к новому мировому универсуму, космосу.

Наряду со сквозным образом Мессии — царя Адама есть еще и другой — это образ Души Мира, или Вечной Женственности. В рассказе А. Белого образ намеренно снижен и воплощен в лице «душеньки-кухарки», ставшей «душой мира» старика-помещика. Плотское совокупление Адама Антоновича с кухаркой равносильно мистическому соединению с Душой мира; кухарка напрямую названа старым помещиком «душа всего у меня», «душа моего мира»[43]. Этот образ, так же, как и образ Адама, претерпевает интересные метаморфозы. К концу повествования кухарка, подававшая студень, «будто помолодела, будто стала сквозная, и —

[38] Белый 1908, 28.
[39] Белый 1908, 21-22.
[40] Блаватская 2011, www.theosophy.ru.
[41] Топоров 1980, 629-631.
[42] Трессидер 2011, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/525.php.
[43] Белый 1908, 21.

ах! нежным тронулась облаком; вот была уже она у окна, нежной выкуриваясь струйкой фимиама…»[44]. Женщина превращается в духовное существо, в эфир, в символистской концепции — Душой Мира уже в высоком смысле. Значимым в «Адаме» становится факт единения этой женской ипостаси с Мессией — Лжепророком, поскольку является подтверждением его инобытийного статуса.

Итак, в рассказе Белого «Адам» реализована символистская концепция двоемирия; человек постоянно существует на грани пересечения мира эмпирического и мира метафизического, и это становится причиной раздвоенности его сознания. Проанализированные образы-символы (отец, Адам, заря, пожар, Душа Мира) объединяют сферу быта и бытия, которые находятся в сложном взаимодействии.

Неоднозначность образа главного героя обусловлена особым соотнесением бытового и бытийного планов повествования и реализуется на протяжении развития всего сюжета рассказа: герой не может принадлежать только одному миру. Из сферы идеального Адам Антонович постоянно попадает в сферу реального. Миссия царя Адама неясна, персонажам и читателям непонятно, куда он «уходит» в конце рассказа. Тем не менее, в финале герои ожидают возвращения царя Адама, они уверены в его существовании, хотя из текста не очевидно, появляется он вообще или нет: «В окнах стучали тусклые слезы ночи. Утром желтый был, желтый был, желтый восход. Были погашены свечи, были сложены вещи: нет, не вернется он. Туда уходят, но оттуда не возвращаются. Где же ты, где ты?»[45].

Образ главного персонажа многозначен: Адам Антонович — это и евангельский пророк-Мессия, и сумасшедший, и ветхозаветный Адам, и Адам-Кадмон; в нем автор соединяет различные культурные пласты и традиции. Евангельская традиция перебивается ветхозаветной и восходит к дохристианским представлениям о человеке как образе универсума. Тема новозаветного Христа нивелируется автором — в финале рассказа возникает образ царя Адама. Библейский Христос и царь Адам — это не тождественные образы. А. Белый толковал Евангелие не в каноническом смысле, а переосмыслил образ Христа и предельно широко обобщил его с философской точки зрения — как носителя некоего нового миропорядка и предвестника мирового переустройства.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева В. (ред.) 1999: Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.

Бальмонт К.Д. 2002: Элементарные слова о символической поэзии // Критика русского символизма. Т. I. М., 246-267.

Белый А. 1904: Окно в будущее // Весы. 12, 1-11.

Белый А. 1908: Адам // Весы. 4, 15-30.

Бердяев Н.А. 1994: Философия свободного духа. М.

Блаватская Е.П. 2011: Тайная доктрина. Т. 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.theosophy.ru.

Богомолов Н.А. 2000: Русская литература XX века и оккультизм. М.

Брюсов В.Я. 1904: Ключи тайн // Весы. 1, 3-21.

Зеньковский В.В. 1996: Основы христианской философии. М.

[44] Белый 1908, 27.
[45] Белый 1908, 27.

Пискунов В. М. 1995: Наваждение над Россией // Белый А. 1995: Собрание сочинений. Серебряный голубь: Рассказы. М., 5-13.

Розанов В. В. 1904: По поводу одного стихотворения Лермонтова // Весы. 5, 4-16.

Токарев С. А. (ред.) 1980: Мифы народов мира: Энциклопедия. М. Т. I.

Топоров В. Н. 1980: Числа // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. II. М., 629-631.

Трессидер Д. 2011: Словарь символов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/648.php

Ханзен-Лёве А. 2003: Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.

THE MESSIAH IMAGE IN THE STORY OF A. BELY "ADAM"

O. Ye. Timofeyeva

The article presents the synthesis of the Old and New Testament connotations with the cultural and philosophical conceptions of Russian symbolism and mysticism as well as theosophical views of A. Bely. Revealing biblical plot lines in the structure of the story "Adam" the author of the article successively clarifies their desacralization that was typical of A. Bely's poetics. The emphasis is laid on the polysemantic nature of the protagonist combining several cultural traditions.

Key words: history of literature, symbol, biblical plot, the image of the Messiah, desacralization

---

© 2012

Т. Е. Смыковская

ОБРАЗ ИКОНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ПОВЕСТИ Л. БОРОДИНА «ЦАРИЦА СМУТЫ»

В статье анализируется образ иконы в повести Л. Бородина «Царица смуты». Исследование иконичного образа нацелено на выявление его места и роли в созданной писателем художественной модели мира, на целостное постижение идейно-эстетического и историософского содержания, воплощённого в произведении. Образ иконы связывается с такими фундаментальными характеристиками православной культуры, как христоцентризм, соборность, молитвенность и чудотворность.

Ключевые слова: литературоведение, повесть, православие, Смута

Икона, являясь органической составляющей национальной духовной культуры, на протяжении веков сопровождала русского человека[1]. В. Лепахин отме-

Смыковская Татьяна Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Благовещенского педагогического университета. E-mail: tarkatova@yahoo.com

[1] Суслова 2008, 308–311; 2009, 74–77.

чает: «Роль иконы <…> в истории России, в истории русской Церкви, русского искусства и литературы неоценима»[2]. В связи с этим не вызывает удивления то обстоятельство, что русские писатели разных эпох, направлений и мировоззрений (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, И. А. Бунин, И. С. Шмелёв, М. Горький, М. А. Булгаков и др.) вводили в мир своих произведений образ иконы. На современном этапе развития литературы иконичный образ преимущественно встречается у авторов, затрагивающих историю России, пытающихся осознать её прошлое и настоящее (А. И. Солженицын, В. И. Белов, В. Г. Распутин). Безусловно, одним из таких писателей является и Л. И. Бородин.

Наиболее полно у Бородина образ иконы отразился в «Царице смуты» (1996). Это обусловлено жанром произведения (историческая повесть): «Повесть <…> написана с убеждающим вхождением в дух эпохи, в быт её (когда “молитву и ту творишь торопливее, чем пищу жуёшь”), в детали одежд, домовых убранств, боевой техники и самой лексики — всё угляжено <…>»[3]. Отмечена и икона, несомненно, являющаяся одним из важнейших атрибутов духовного пространства начала XVII столетия.

Обращение к «историческому» жанру (повесть, роман, эпопея) в русской литературе второй половины XX века традиционно: многие писатели стремились осмыслить события российской истории, определить их место во всеобщем историческом процессе, предостеречь от ошибок, обозначить пути спасения и обновления России. Но если большинство авторов фокусировалось на истории XX века (Февральская революция — А. Солженицын; коллективизация — Ф. Абрамов, В. Белов, С. Залыгин, Б. Можаев; ГУЛАГ как национальная трагедия — А. Солженицын, В. Шаламов; Великая Отечественная война — В. Астафьев, Ю. Бондарев, Б. Васильев, В. Кондратьев и др.), то Бородин, выбирая рубеж XVI–XVII столетий, описывает более ранний период («Смутное время»), который, по мнению писателя, во многом созвучен современности и не менее важен для её понимания.

Глубинное (в сравнении с ранними произведениями) отображение иконичного образа в повести обусловлено эволюцией мировоззрения писателя, который в интервью 90-х гг. с уверенностью говорит о своём православном образе мыслей. Это характерно и для других авторов, типологически родственных Бородину. В. И. Белов от имплицитного выражения религиозных реалий («Привычное дело», 1966) приходит к их открытому изображению в позднем творчестве. Образ иконы появляется в двух последних романах трилогии, повествующей о коллективизации («Год великого перелома», 1989–1991; «Час шестый», 1997–1998): «Митя подёргал за тяжёлый амбарный замок, и замок вдруг открылся сам, без ключа. Кузёмкин вынул его из пробоев, ногой распахнул тяжёлую дверь, шагнул в зимнюю низкую, когда-то отапливаемую церковь. Ребятишки давно выбили стёкла. Тянуло мартовским сквозняком. Иконостас был изломан. На полу и на солее валялись иконы, подсвечники и перевёрнутая купель для крещения младенцев. <…> “Главное место, сюда раньше никого не пускали, а ничего и особенного”»[4]. Однако если Белов, вводя иконичный образ, пытается выявить ошибки прошлого, к которым относит забвение русским народом христианской религии, послу-

[2] Лепахин 2002, 9.
[3] Солженицын 2004, 149.
[4] Белов 1991, 19.

жившее одной из главных причин разлада национального космоса в XX столетии, то Бородин прежде всего стремится указать на источник духовного возрождения России — православие.

Иконы встречаются практически во всех помещениях, описанных в произведении: в домах, в которых останавливаются Марина и Олуфьев, в царских палатах, в корчме, что указывает на значимость иконичного образа в историческом топосе повести. Олуфьев не представляет дома без иконы: «Имя дому было — порядок — ряд к ряду, бревно к бревну, и сам он при этом не снаружи, но внутри… Склонил голову — на столе яства угодные, поднял голову — икона с образом Божиим»[5]. Для боярина дом подобен храму, в нём Божественное есть неотъемлемая часть жизни человеческой. Олуфьев соотносит свои помыслы и деяния с жизнью вечной, понимая, что за нарушение нравственной границы неминуемо последует расплата: опустеет дом, уйдёт из него благополучие и Божеская благодать: «Из дому вышел — воля нраву и прихоти, но знаешь, что в дом к ночи вернёшься, и если в воле меру нарушил, опустил голову — стол пуст, голову поднял — а из глаз Божиих слеза…»[6]. Христос в сознании боярина чуток и внимателен, Он сопереживает судьбе человека, слезами омывая его путь, указывая праведное направление. В этом согласно богословской трактовке проявляется синергийность иконичного образа: «Икона — синергийна, она не только свидетельствует о мире ином, не просто показывает святость и призывает к вере, но благодатью, почивающей на ней, божественной энергией, исходящей от неё воздействует на человека, вовлекает его в иконичное Богообщение, преображающее изнутри»[7].

Отзывается иконописный Христос на предательские размышления Олуфьева о Промыслителе: «И сразу же отмечает Олуфьев, что нынче по-особому ликом скорбен Сын Божий, — тайна благословенного богомаза, сумевшего запечатлеть в красках не един лик Иисуса, но всю заповедность Его, ибо помнит и знает Олуфьев, что бывал сей лик и добр, и грозен, грустен и вдохновен, устал и бодр, и скорбен, как сейчас <…>»[8]. Опечален Христос тем, что боярин, верой и правдой служивший православию, олицетворявший стойкость духа, оказался смущён ересью, стал причастен смуте не только государственной, но и духовной.

Многомерность лика Христа, запечатлённого на иконе, Олуфьев связывает не просто с художественным мастерством иконописца, но с его духовной чистотой, позволившей сотворить образ неисчерпаемой глубины и силы. На Руси, прежде чем приступить к созданию иконы, мастер соблюдал ряд правил, чтобы предстать пред священным делом иконописания с ясной, не отягощённой мирскими помыслами душой. Это было одним из условий, при котором изображённое на иконе могло соответствовать Божественному замыслу. Известны данные об обете молчания Андрея Рублёва, который он, вероятно, соблюдал перед началом работы над «Троицей»: «Рублёв открывает Бога через молчание, через молитвенное очищение сердца»[9]. Добродетель, мудрость и нравственная чистота иконописца отражается в святых ликах, им написанных.

---

[5] Бородин 1998, 37.
[6] Бородин 1998, 37.
[7] Лепахин 2010.
[8] Бородин 1998, 86.
[9] Языкова 1995, 118.

Однако Христос в повести выступает не только мудрым, терпеливым защитником, но и справедливым судьёй, карающим за грехи. Не прислушивается Олуфьев к гласу Божьему, раздумывает о роли Промыслителя, утопает в духовной смуте. Гневается за это Христос на боярина, грозясь оставить без покровительства: «И вдруг вот как — нет более внимания Сына Божьего к боярину Олуфьеву, хладен и невидящ зрак Христов, ни строгости, ни отцовства, словно сквозь глядит и видит более важное, более попечению достойное, чем ничтожный раб <…>»[10]. Герой ощущает себя стоящим не просто перед иконой, но в каком-то измерении перед самим Христом, чувствует на себе Его гнев и равнодушие, внушающие страх даже воину. Здесь выражено богословское понимание иконы как «места таинственного, но реального <…> схождения в мир сей Христа, Богородицы или святого. Икона — это место встречи Бога и человека, это нисхождение Божеское и восхождение человеческое»[11].

И. А. Есаулов показал, что христоцентризм русской литературы неразрывен с такой фундаментальной категорией её поэтики, как соборность, в обрисовке образа Олуфьева эта связь проявляется в полной мере. Боярин остро ощущает раскол государства, отдалённость от людей: умерших родных, предавших соратников, просто окружающих, оказавшихся духовно разобщёнными в результате смуты: «<…> в державе единой грех людской праведниками отмаливается, а когда не един народ, всяк себе предоставлен — и немощно одиночное слово молитвенное, птицы поднебесной, может, и достигнет, но ушей Господних едва ли… Родственной молитвой тоже не подпереться боярину Олуфьеву, некому перед Господом за него слово замолвить. Родители на небесах, братья в холерную зиму туда же, сестра, в худой род Плещеевых замуж отданная, разрешиться не смогла, в муках отошла. Один!»[12]. Олуфьев осознаёт: без цельности, единения не спастись русскому человеку, не обрести душевного покоя и смирения перед волей Господней. Истоки смуты Олуфьев видит в народной разъединённости, в том, что каждый предпочёл свои интересы в ущерб общегосударственным: «<…> ведь смута, разве ж она не с того началась, что всяк во имя своё подвигался к делу, а дело общее, государственное в подмену ушло, начали делить промеж собой брёвешки раскатанного дома, и всяк свой дом захотел отстроить, а дом он только для всех один может быть в порядке, а иначе не дом, а уродец, кривобокий починок…»[13]. Соборное единство в повести понимается как надёжная опора государства в смуте. Повествователь показывает, что во время неспокойных событий истории нерушимы оставались лишь оплоты православной веры, защищаемые не столько мощью военной, сколько силой молитвенной: «<…> Сапега признавался ему, что так и не изловчился своих людей заслать в монастырь. Случалось, бежали оттуда людишки от голодного мора, но проку от них не было, а кто пленён был, под пыткой вопил и помирал, а дела не сказывал. Оно и понятно, не крепостишку какую защищали, но ценность величайшую, мощи святого Сергия <…> В Троице-Сергиевом монастыре, сказывали, всего-то семьсот воинов было, а против тридцати тысяч

[10] Бородин 1998, 104.
[11] Лепахин 2002, 322.
[12] Бородин 1998, 102.
[13] Бородин 1998, 38–39.

сапеговских выстояли, правда, дело то было святое, не астраханскому чета…»[14]. Монастырь не подчинился смуте, монахи отстояли духовные принципы и ориентиры христианской Руси. Православие оказалось символом государственной стойкости, силой способной сохранить и возродить страну. Такой нравственной мощи не оказалось в период «февральской смуты», потрясшей Россию в начале XX века и художественно воссозданной А. Солженицыным в многотомной эпопее «Красное Колесо» (1937, 1969–1990). Писатель, изображая события Февраля 1917 года, показывает, что церковь оказалась слаба, разобщена, неавторитетна в массе даже самого преданного крестьянского населения: « <…> церковные иерархи, <…> Святейший Синод <…> не только не нашли в себе стойкости преградить путь развала России, сказать своё громкое и властное “нет”, но послушно включились в игру февральских однодневок и даже в пошлую их терминологию»[15].

В публицистике Бородин не раз указывал, что преодолению смуты рубежа XVI–XVII веков способствовало именно православие, без него Русь бы не сохранила своей национальной идентичности, подвергшись сильнейшему западному влиянию со стороны католической церкви: «В который раз оглянувшись в прошлое, в Смуту XVII века, мы не найдём сколько-нибудь вразумительного объяснения тогдашнему внезапному выздоровлению общества, если не будем иметь в виду тот самый, социальными категориями не определимый, инстинкт бытия, который “сработал” будто бы даже вдруг и вопреки всем и всяческим политическим раскладам и социальным тенденциям своего времени <…> четыре века назад, у этого инстинкта была мощнейшая база — христианство, в десакральном смысле являющееся не чем иным, как философией и даже наукой (научением) сохранения человеческого рода посредством недетерминированного знания глубинной сути добра и зла»[16]. Выход из «тумана смуты» конца XX столетия Бородин также связывает с православием, его писатель называет одной из главных составляющих «сильной *русской* государственности»: «<…> Православие как единственный несомненный ориентир в отстраивании Нового Государственного Дома. И тут в помощь нам наш исторический опыт. В том и счастливая специфика православного мира — он не агрессивен по отношению к иным способам Богопонимания и в то же время исключительно устойчив относительно конформистских тенденций, столь характерных для иных ветвей христианства»[17]. Повестью о Марине Мнишек, написанной в «смутные» 90-е, Бородин, безусловно, желал обратить внимание на то, что способно сплотить Россию в столь тяжёлые исторические времена — православие, оно в произведении выступает уже не столько способом духовного ренессанса отдельной личности как в «Третьей правде» (1981) и «Расставании» (1982), сколько путём спасения целого государства.

Икона в «Царице смуты», акцентируясь, украшается, что связывается со знаковостью образа, с его особым почитанием: «<…> тут же икона Божьей Матери с двумя длинными нитями жемчуга, свисающими по краям»[18]. Украшенная икона находится в астраханских палатах Марины, на её покровительство надеется ца-

[14] Бородин 1998, 44; 56.
[15] Солженицын 2005, 335.
[16] Бородин 2000, 3.
[17] Бородин 2001, 3.
[18] Бородин 1998, 24.

рица. Однако икона, как и все ценности Мнишек, получена Заруцким «неблагочестивыми» способами, возможно, поэтому она остаётся глуха к просьбам Марины. Не отзывается святой образ на молитвенный зов царицы и потому, что она далека от православной веры: «– Не слышишь! Не веришь! И впрямь бестрепетен лик Божьей Матери, грубым русином писанный, грязными русинскими устами опоганенный, ручищами холопскими захватанный, — нешто пробьёшься… <…> Перед глазами череда лиц, не лиц — теперь уж мерзких харь бояр московских, лукавцев, угодников, лизоблюдов, коим верила, однако ж, ради кого поступилась чистотой веры <…>»[19]. Православие Мнишек принимает лишь внешне, чтобы стать царицей московской. А. И. Солженицын, рассматривая повесть, замечает: «Пройдя через десятилетия бед, крушений, опасностей, унижений на чужбине, Марина <…> укрепляется в католической вере всё истовей (или даже неистовей), вера становится её верным заслоном и от новых и новых угроз, худых предчувствий, мрачных мыслей, одновременно же, в подпор её нисколько не утраченному честолюбию. Укрепляет её и в призрачном осознании своей миссии: вот это дремучее русское племя обратить в истинную католическую веру, вернув себе утраченное место коронованной над ними царицы»[20]. В молитвах, обращаясь к Богородице, Марина называет Её на польский манер «Матка Бозка», а храм в Астрахани желает возводить в честь Пресвятой Девы Марии. Повествователь, в отличие от героини, в ходе всего произведения употребляет традиционное для русской религиозной культуры именование Божья Матерь. В беседе с С. Антоненко Бородин обратил внимание на глубинные латинские истоки Марининой веры в особое покровительство Всевышнего: «Меня заинтересовал феномен религиозного исторического фанатизма Марины, её иступленной веры в то, что “Богородица за неё”. Несмотря ни на что, она верила, что Бог скоро объявит суд над её недругами. В одном из писем своей рукой Марина приписала: “Кого Бог осветит раз, тот будет всегда светел. Солнце не теряет своего блеска потому только, что иногда чёрные облака его заслоняют”. Конечно, этот фанатизм имеет западное, католическое происхождение, он сродни вере Жанны д’Арк в своё избранничество»[21].

В сундук, который Марина собирает из Астрахани, она кладёт две иконы — «польскую и москальскую». Первой упоминается польская, следом — русская, обозначенная пренебрежительным словом, идущим от уничижительного наименования поляками московских жителей — москали. Ожесточившись, Марина открыто отрицает русскую духовность: «Терпеть более не намерена и велит накануне Страстной недели перенести постой в митрополичьи палаты, там заводит домовую церковь римского обряда, где первую литургию служит отец Николас Мело, а патеру Савицкому, к его радости, заявляет, что, дескать, не может далее противиться истине, что русинская ересь, не по чести православием именуемая, отвратна душе, что ныне только понимает она существо русинского коварства и злокозненности, единственно порчей веры объяснимые, что более ноги её не будет в Троицком монастыре, и с сего дня — никакого попечения монастырю и его нахлебникам»[22]. В последнем разговоре с Никитой Долгоруким Марина прямо

[19] Бородин 1998, 107–108.
[20] Солженицын 2004, 152.
[21] Бородин 2005, 107.
[22] Бородин 1998, 105–106.

заявляет: «Исповедовать по сану не смеешь, да и веры наши разны,»[23] — этим окончательно подчёркивая своё равнодушие к нравственным ценностям того государства, во главе которого мечтала встать.

На чуждость Марины русской духовной культуре указывает её неприятие исконных славянских обрядов и обычаев. Ритуал православного венчания кажется Мнишек постыдным и нелепым: «Русской брачной церемонии стыдится Дмитрий и через Власьева обманом выманивает всех поляков из церкви. Обряд и Марине смешон <…>»[24]. Во время бракосочетания не разбивается чашечка для причастия, что символизирует в повести изначальное отвержение православным миром польской царицы. Марина в силу амбициозных устремлений и желаний не истолковала знак свыше, до конца дней оставаясь в ложной уверенности, что Божественной волей была посажена на трон московский. С презрением относится царица к бане: «Когда Марина впервые <…> попала в русскую мыленку-баню, то показалась она ей пыточной камерой. То, что намеревались проделать с ней русские девки, привело её в ярость»[25]. Действо, происходящее в русской бане, осмысливалось не просто как телесное омовение, но и как очищение[26], необходимое для перехода к новому этапу человеческой жизни. Мнишек не стремится понять всей знаковости обычая, воспринимая баню лишь местом нечистым, несообразным её царскому статусу.

В. И. Дружинина, исследуя образ Марины, отмечает, что её драма заключается в том, что она, считая себя московской царицей, в душе не может понять «русинов», их образа мыслей и поведения. Не зная людей той страны, куда её забросила судьба, Марина не может осознать всей тяжести ситуации, смятенности в умах и сердцах русских, которые то устремляются в сторону польскую в поисках настоящего царя, то в сторону самозванцев и самозваных царей, избранных толпой московской черни, то к законно избранному московскому царю Михаилу[27].

Марина не только отстранена от православной традиции, но и подвластна тёмной силе (эпизод с покорением башни). Об этом свидетельствует мотив лунного света, который в повести наполняется дьявольской символикой. В полнолуние, когда, по народным поверьям, выходят на свет бесы, Марина, словно одурманенная, бежит от Сапеги: «Лагерь всполошился, прискакал Сапега с полусотней шляхты, грозиться стал. И тогда Марина опять… Господи! И откуда в ней такое! В седло вскочила, пистоль в руке, казаки-донцы полукольцом вокруг неё. “Ты, — закричала Сапеге, — волен признавать или не признавать меня царицей московской, но держать при себе — в том твоей воли нет и никогда не будет! Смеешь, попробуй взять!” Сотней ртов гаркнули восхищённые донцы, в полнолунном свете сверкнули сабли»[28]. Марина настолько решительна и активна, что её мятежность кажется привлекательной даже Олуфьеву. Боярин осознаёт: не под Божеской опекой находится Марина, а в цепких объятиях Промыслителя: «А Марина — на ней тех грехов нет, она жертва и подручник плана промыслительного, и если кому-

[23] Бородин 1998, 281.
[24] Бородин 1998, 201–202.
[25] Бородин 1998, 22.
[26] Мадлевская 2005, 381.
[27] Дружинина 2007, 134.
[28] Бородин 1998, 43.

то воздаётся по делам его, то она разве ж виновна, что великую потеху близко к сердцу приняла, уверовала в себя и не расслышала в суете смуты коварный смех Промыслителя?..»[29]. Однако понимание тёмной природы Марининых устремлений не уводит Олуфьева от неё, а, наоборот, увлекает всё дальше за «московской» царицей.

Луна в произведении становится олицетворением Сатаны, который устами инока Афанасия вселяет беспокойство, неуверенность и страх в душу Олуфьева: «В слюдяном оконце жёлтым пятном объявилась луна и заглянула в избу мутным глазом Промыслителя. Инок уже едва голову над столом удерживал, но языком был крепче, чем шеей <…>»[30]. Боярин после ночи мучительных раздумий отчётливо понимает, что Марина «вразумлению недоступна», её замысел и упрямство погубят всех, даже любимых людей (сын, Барбара).

Луна подтверждает и беззаконный характер деяний Марины: «Ущербная луна уже зависла над астраханским кремлём, но светит по-воровски, то и дело скрадываясь в грязных зипунах, что волокутся по небу с моря в московскую сторону <…>»[31]. Грязь неба, ущербность луны на нём символизируют неправедность помыслов, несправедливость поступков царицы, ложность её устремлений.

Икона в произведении не всегда овеяна почтением: «Корчма полупуста. Навстречу вошедшему Олуфьеву, кланяясь и, как всегда, таинственно улыбаясь, спешит хозяин, юркий татарин, в крещении Михаил, но которого все зовут Муса, что почему-то каждый раз тревожит корчмаря, и он демонстративно крестится на почерневший от кабацкой копоти лик Николая Угодника в дальнем и самом тёмном углу, где лампада хотя и висит, но никогда не зажигается»[32]. Икона в корчме считалась делом обычным, поскольку каждое помещение могло быть освящено Божественной благодатью: «Красный угол с иконами и лампадой был в официальных учреждениях, в больницах, в магазинах, лавках, ресторанах, в тюрьмах»[33]. Необычным является отношение к святому образу, который остаётся без должного уважения. Икона помещена в самый тёмный угол, где остаётся практически не замеченной посетителями. Лампада перед иконой безмолвна, в ней нет света, она не озаряет святой лик. В православии огонёк лампады, освещая образ, одухотворял и помещение, в котором теплился: «Там, где иконы, будь то дом или храм, там и лампады <…> лампада не просто освещает икону, но придаёт ей жизнь — тихую, мирную, спокойную. Теплящийся огонёк лампады напоминает человеку о Боге, но вместе с тем свидетельствует о том, что в доме сем не угасает духовная жизнь»[34]. Подобную трактовку лампадного сияния находим в стихотворении С. Есенина «Мой путь» (1925):

Изба крестьянская.
Хомутный запах дёгтя,
Божница старая,
Лампады кроткий свет.

[29] Бородин 1998, 43–44.
[30] Бородин 1998, 46–47.
[31] Бородин 1998, 95–96.
[32] Бородин 1998, 29.
[33] Лепахин 2002, 27.
[34] Лепахин 2005, 333.

Как хорошо,
Что я сберёг те
Все ощущенья детских лет[35].

Свет лампады, наряду с традиционным бытом и избяными запахами, становится органичной частью крестьянского космоса, этот свет лирический герой, несмотря на все перипетии жизни, бережно хранит в сердце и душевно «выплёскивает в слова». У Есенина бытие домашней божницы, соприкасаясь с творчеством, с судьбой, образует целую вселенную, в которой всё одухотворено и взаимосвязано. Лампадка, описанная поэтом, становится неотъемлемой составляющей внутренней слаженности, пронизывающей пространство избы. У Бородина корчма лишена лада, она олицетворяет разломленный мир, в котором каждый преследует свои интересы. Корчма — прибежище случайных людей, стремящихся не к национальной целостности и гармонии, а к государственному распаду.

Корчма, описанная в «Царице смуты», не имеет умиротворённого света лампадки, поскольку её наполняют люди, чьи души затемнены, подвержены смуте. Переменчивость казаков, постоянных посетителей кабака, известна даже Марине, её она характеризует пословицей «ржа на сабле и червь в иконе», обозначающей отсутствие воинской и духовной преданности, перебежческие настроения, продиктованные возможностью личного обогащения. Помимо казаков, частые гости корчмы — черкасы и татары, равнодушные к православию, ищущие выгоды в попирании его законов и традиций, в смуте, творящейся в государстве.

Лишена огонька лампада в избе, где ведутся разговоры о главенствующей роли Промыслителя на земле: «Выгорело масло в грязной лампаде, лишь едва фитилёк теплился и светился»[36]. Дом погружён в зловещую тьму, не освящён Божественной милостью, нет покоя в душе инока Афанасия, не находит утешения в беседе с ним и Олуфьев.

В повести явлена чудотворность русской иконы. Верная Марине Барбара вспоминает потрясшее её видение — плач иконы Божьей Матери: «А ещё в Казани Матка Бозка на русинской иконе слезами залилась при всём приходе…»[37]. Чудо Казановской трактуется как помощь Богородицы Марине. Откуда знать польской фрейлине, что православная икона мироточит, плачет и темнеет в предчувствии бед и скорбей, которых на долю любимой воспитанницы выпадет немало? Знает об этом Олуфьев, поэтому на просьбу Барбары подтвердить её догадки лишь «прячет глаза» и отвечает: «– Я не оставлю, только за себя говорить могу…»[38]. Чудотворной силой обладает икона в горнице Олуфьева: «Обычно, с какого боку ни подойти, очи Сына Божьего непременно в ту же сторону разверсты, око в око, никуда от Его взгляда не упрятаться. Всегда так было, к чуду сему привык»[39]. Взгляд Христа, обращённый на верующего, дарует духовную силу, чистоту молитвы, утешает, поддерживает, спасает, направляя на праведных дорогах жизни.

Воинский стан Марины не имеет полковой иконы, которая на Руси вышива-

[35] Есенин 1996, 221.
[36] Бородин 1998, 46.
[37] Бородин 1998, 62.
[38] Бородин 1998, 62.
[39] Бородин 1998, 104.

лась золотом на стягах и была обязательной в военных походах. Икона сплачивала воинов в их преданности Богу и Отечеству, как, например, показано у Л. Н. Толстого в «Войне и мире» (1863–1869), где функцию полковой выполняет икона Смоленской Божьей Матери: «Из-под горы от Бородина поднималось церковное шествие. Впереди всех по пыльной дороге стройно шла пехота с снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пехоты слышалось церковное пение. Обгоняя Пьера, без шапок бежали навстречу идущим солдатам и ополченцы. — Матушку несут! Заступницу!.. Иверскую!.. — Смоленскую матушку, — поправил другой. Ополченцы — и те, которые были в деревне, и те, которые работали на батарее, — побросав лопаты, побежали навстречу церковному шествию <…> Это была икона, вывезенная из Смоленска и с того времени возимая за армией. За иконой, кругом её, впереди её, со всех сторон шли, бежали и кланялись в землю с обнажёнными головами толпы военных»[40]. При всём критическом отношении Толстого к христианству и его составляющим икона показана как объединяющее начало, Божья Матерь выступает Великой Заступницей русского народа, в Её поддержке солдаты черпают силы на борьбу с французами. В. Лепахин отмечает: «Многие воинские походы и битвы русских великих князей и царей понимались не столько как защита Отечества от внешнего врага, а как защита Христианства, Православия. Стяг-икона наглядно являл главную цель похода или сражения, он объединял людей, прежде всего, в любви к Богу»[41]. Не таковы устремления Марины и её сподвижников, они разобщены, одурманены личным возвышением и обогащением. Вероятно, поэтому автор-повествователь лишает воинство смуты единого духовного знамени, приводящего к победе не только военной, но и нравственной.

Образ иконы, являющийся доминантным в «Царице смуты», воспроизводящим основные иконичные константы (соборность, синергийность, чудотворность), художественно воссоздаёт в повести авторскую историософскую концепцию, в которой христианству отводится ключевая позиция в становлении новой русской государственности, способной возродить Россию не только после долголетнего социалистического застоя, но и смуты 90-х, обнажившей духовно-нравственную пустоту, царящую в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Белов В. И. 1991: Год великого перелома // Новый мир. 3, 4–134.

Бородин Л. И. 1998: Царица смуты. М.

Бородин Л. И. 2000: Эпоха новая — проблемы старые // Москва. 1, 3–12.

Бородин Л. И. 2001: Территория русского выбора // Москва. 1, 3–12.

Бородин Л. И. 2005: «Выжить надо, коль смуте конец» (Беседа С. Антоненко с Л. Бородиным) // Родина. 11, 103–107.

Дружинина В. И. 2007: Проблема человека и государства в повести Л. Бородина «Царица смуты» // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 1, 133–137.

Есаулов И. А. 2004: Пасхальность русской словесности. М.

Есаулов И. А. 1995: Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск.

Есенин С. А. 1996: Стихотворения. Поэмы. СПб.

Лепахин В. В. 2002: Икона в русской художественной литературе. М.

[40] Толстой 1981, 147.

[41] Лепахин 2002, 15.

Лепахин В. В. 2010: Иконичность. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http: // lepahinvalerij.uw.hu/magyar/cikkekru.htm.

Лепахин В. В. 2002: Икона и иконичность. СПб.

Лепахин В. В. 2005: Образ иконописца в русской литературе XI–XX веков. М.

Мадлевская Е. (ред.) 2005: Русская мифология. Энциклопедия. М.; СПб.

Солженицын А. И. 2004: Леонид Бородин — «Царица смуты»: из «Литературной коллекции» // Новый мир. 6, 149–158.

Солженицын А. И. 2001–2005: Собр. соч.: в 9 т. М.

Суслова Т. С. 2008: Морально-ценностная роль иконы в сохранении русского этоса // Вестник КГУ им Н. А. Некрасова. 4, 308–311.

Суслова Т. С. 2009: Икона как архетипическая модель русской культуры // Вопросы культурологи. 11, 74–77.

Толстой Л. Н. 1981: Война и мир: в 4 т. М.

Языкова И. К. 1995: Богословие иконы. М.

ICON IMAGE IN THE ARTISTIC WORLD OF L. BORODIN'S "THE TROUBLES QUEEN"

T. Ye. Smykovskaya

The article presents the analysis of the icon image in L. Borodin's narrative "The Troubles Queen". Iconic image study aims at determining its place in the writer's artistic world model, at comprehension of ideological and esthetic, historical and philosophic content of the narrative. Icon image is associate with such fundamental features of Russian Orthodox culture as Christocentrism, sobornost (conciliarism), prayerfulness, and miracle work.

Key words: history of literature, narrative, Russian Orthodoxy, the Troubles

---

© 2012

А. А. Кенько

О ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМЕ ТВОРЧЕСТВА В. ПЬЕЦУХА

В творчестве современного писателя Вячеслава Пьецуха оригинально воплощается такое метаисторическое свойство русской культуры как литературоцентризм. Классическая литература и история выступают в прозе писателя важными составляющими действительности. Автор статьи исследует мотивы и сам механизм интертекстуального проецирования сюжетов и образов русской классики XIX века на прозу и эссеистику постмодерниста Пьецуха.

Ключевые слова: литературоцентризм, русская классическая литература, отечественная история, ирония, постмодернизм, интертекстуальность, иронический авангард, жанр эссе

Кенько Ариадна Александровна — аспирант кафедры рисунка Магнитогорского государственного университета. E-mail: historyart@mail.ru

Отечественная история словесности непосредственно, более тесно, чем в других странах, связана с развитием духовной жизни в ее различных культурных формах, в связи с чем можно говорить о таком «метаисторическом» свойстве русской культуры, как литературоцентризм. И. В. Кондаков определяет это явление как «упорное тяготение культуры в целом к литературно-словесным формам самопрезентации»[1], что объясняется соединением ряда гетерогенных культурных факторов, повлиявших на выбор слова в качестве смыслового центра культурно-общественной жизни. Исследователь выделяет в числе фундаментальных особенностей русской культуры «специфический тип русской ментальности», связанный с жизнью слова и потребностью высказывания, обсуждения общественных проблем; «ход культурно-исторического процесса в России», запечатленный в письменных текстах и тесно связанный с историей литературы; «результаты межкультурного взаимодействия», отраженные в текстах русской литературы, тяготеющей к межкультурному диалогу; «исторический опыт России», способствовавший формированию словесного самосознания русской культуры; «своеобразие и богатство самого русского языка», чьи выразительные возможности (фонетические, лексико-семантические, стилистические, ассоциативные и т.п.) позволяют передавать в словесной форме масштабные идеи и образы нравственно-эстетического и философского потенциала[2].

На фоне кризиса литературоцентризма рубежа XX–XXI веков представляется интересным проанализировать творчество прозаика, эссеиста В. Пьецуха. Приведем высказывание писателя, выражающее один из ключевых мотивов его творчества: «…нет решительно ничего удивительного, что у нас куда жизнь, туда и литература, а с другой стороны, куда литература, туда и жизнь, что у нас не только по-жизненному пишут, но и по-письменному живут»[3].

С точки зрения Н. Лейдермана, М. Липовецкого, И. Скоропановой, К. Степаняна, М. Эпштейна, проза В. Пьецуха относится к литературе постмодернизма, так как творчеству этого автора присущи основные черты постмодернистской поэтики, такие как «игра» с различными мифами отечественной истории и различными культурными пластами, ироническое переосмысление действительности с ориентацией на русскую классическую литературу. Л. Аннинский отмечает, что «писатель принадлежит к той ветви современной прозы, которая идет на смену литературе обеих оттепелей и исследует именно распад почвы…»[4]. Исследователи Г. Белая, О. Богданова, В. Курицын, Г. Нефагина причисляют этого автора к течению «иронического авангарда». Несмотря на терминологический разнобой («постмодернистская проза» и «иронический авангард»), данные определения не представляются взаимоисключающими.

На уровне поэтики В. Пьецух опирается на приемы письма Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, традиции отечественного авангарда К. Вагинова, Д. Хармса, отчасти М. Булгакова, М. Зощенко. Представители современного «иронического авангадра» (Вен. Ерофеев, Е. Попов, М. Кураев, В. Пьецух), по словам В. Курицына,

---

[1] Кондаков 2008, 5.
[2] Кондаков 2008, 5.
[3] Пьецух 1990, 219–220.
[4] Одинцова 2004, 108.

«росли не по жизни, а по книгам», «они дети культуры»[5], чем обусловлены этико-эстетические доминанты их творчества.

Главной особенностью стиля, основным типом авторской эмоциональности в творчестве В. Пьецуха является «тотальная ироничность» (О. Богданова), «интертекстуальная ирония» (М. Липовецкий). Предмет творчества — абсурд современной действительности, исходный материал — травестийно сниженные образцы классической русской литературы (интертекст). Как правило, основу сюжета составляет парадокс, а фабула складывается из житейских метаморфоз. Нередко вся ткань повествования пронизана театральностью, мир, воссоздаваемый в прозе этого автора, гиперболичен и гротесков.

Исследователь О. Богданова среди особенностей творчества В. Пьецуха отмечает «манифестационную установку художника на «литературоцентричность» русской жизни, исходное и опорное признание для русской ментальности первичности литературы и вторичности реальности»[6]. По логике писателя, русская жизнь во все времена, и в последние особенно, была органически литературна, с тем лишь уточнением, что «литература — это чистовик, а жизнь черновик, да еще не из самых путных»[7].

Классическая литература и отечественная история выступают в творчестве В. Пьецуха главными составляющими действительности. Писатель обостряет восприятие истории и литературы, включая в свои произведения иронические культурно-исторические и литературные реминисценции, обращаясь к цитации и параллелям. «В этой атмосфере параллели между потопом в скромной московской конторе и «Декамероном» («Потоп»), пропажей старушки в густонаселенной коммуналке и «Преступлением и наказанием» («Новая московская философия»), историей вражды двух поселков и древнерусской военной хроникой («Центрально-Ермолаевская война»), судьбой никому неведомого графомана и трагедией Пушкина («Реминисценция») как бы и не автором предложены, а спонтанно возникают из хитросплетения абсурдных ситуаций»[8].

Важнейшим аспектом творчества В. Пьецуха является исследование категории национального характера. Автор пишет: «Главная тема моего литературного существования — это исследование феномена русского дурака. Это попытка осмыслить все то, что противостоит элементарной истине, которая поведана нам две тысячи лет назад: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Национальный характер в прозе Пьецуха выступает как «первопричина абсурдности национального бытия и хаотичности национальной истории»[9]. А «учительная» и «соборная» («нравоучительная» и «морализирующая») русская литература вносит «порядок» в беспорядок национальной жизни, создавая «идеальный план», «культурный канон», на который «должна» ориентироваться реальная жизнь[10]. В. Пьецух: «Это удивительно, но русская личность издавна находится под владычеством, даже игом родного слова»[11].

[5] Курицын 1990, 172.
[6] Богданова 2004, 182–183.
[7] Пьецух 1990, 219–220
[8] Липовецкий 1997, 233.
[9] Богданова 2004, 185.
[10] Богданова 2004, 185.
[11] Пьецух 1989, 165.

Признавая причастность В. Пьецуха к постмодернистским тенденциям в современной прозе, следует отметить, что писатель «реализует» постмодерность преимущественно на уровне суммы приемов «иронического авангарда». Так, по мнению исследователя О. В. Богдановой, литературоцентричность русской жизни в творчестве В. Пьецуха на уровне приема воплощается посредством интертекстуальности, алогизм констант национальной жизни и национального характера на уровне приема реализуется через посредство иронизации и анекдотизации текста[12].

Показательными в плане осмысления национального характера представляются рассказы «Жизнь негодяя», «Центрально-Ермолаевская война», «Серафим Серафим», «Клюев и Оперманн», «Авель и сыновья», «Жирнов и Писулин», «Киллер Миллер», цикл рассказов «Драгоценные черты», повести «Город Глупов в последние десять лет», «Четвертый Рим» и др. «Обстоятельства-детали» (термин О. Богдановой), «типические знаки» эпохи в вышеназванных произведениях, соответствующие сути характера героев, моделируют тип поведения (существования) целого поколения людей.

Пьецух сознательно проецирует многие произведения на классические литературные традиции («Новая московская философия», «История города Глупова в новые и новейшие времена», «Наш человек в футляре» и др.). М. Липовецкий: «В своих новеллах Пьецух то и дело предлагает перифразы классических сюжетов»[13]. Ян Шенкман: «А тут перед нами народный писатель и народный литературовед. Недаром же у него (В. Пьецуха) так много «кавер-версий». В том же примерно духе, в каком Толстой пересказывал библию для детей, В. А. Пьецух пересказывает русскую литературу для нас, для всего народа… Его «Плагиат» — никакой, конечно, не плагиат. Скорее римейк, адаптация классических сюжетов на актуальный и доступный манер»[14].

Не случайно наиболее активно обращение писателя к творчеству авторов классических произведений XIX в., так как именно в этот период литература становится «инструментом развития и распространения национальной культуры», обретает статус «учительности» и воплощает дар «пророчества», вбирает в себя «аналитизм», «философизм», «психологизм», «социальную критичность и политическую прогностику»[15]. Литературоцентризм в XIX в. становится ключевым феноменом русской культуры. В. Пьецух находится в постоянном «диалоге» с существующими литературными формами. Современный прозаик свободно обращается с мотивами и образами классической литературы, включая живое их обсуждение в текст произведения, играет с цитатами, снижая традиционно высокий пафос восприятия литературного наследия, и одновременно стремиться возродить через смех истинные гуманистические ценности утраченной культуры. С одной стороны, органическая литературность русской жизни заставляет автора узнавать, вычитывать литературно-исторические прототипы из описываемых им анекдотических коллизий. Как правило, сам литератор-рассказчик, который непременно присутствует в текстах Пьецуха, встраивает свою версию истории

[12] Богданова 2004, 186.
[13] Липовецкий 1997, 232.
[14] Шенкман 2006, 180–181.
[15] Кондаков 2008, 20.

в контекст русских культурных традиций. С другой стороны, прямые интертекстуальные переклички с русской классикой лишь подчеркивают несоответствие жизненной ситуации тому, что знакомо искушённому читателю.

Способом отражения косности и неизменяемости современной действительности в творчестве В. Пьецуха («История города Глупова в новые и новейшие времена», «Город Глупов в последние десять лет») стали мотивы творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Пародийные аналогии повести В. Пьецуха «Новая московская философия» с «Преступлением и наказанием» Ф. М. Достоевского призваны представить современную действительность как сниженный обытовленный вариант литературного произведения. Реминисценции, пронизанные иронией, выступают как один из приемов повести. Образ старушки Пумпянской перекликается с образом старухи-процентщицы, герои Пьецуха сравниваются с героями Достоевского, и более того — в повести появляется персонаж с именем героя из «Преступления и наказания» Петр Петрович Лужин. Повесть содержит рассуждения о сути и значении литературы для русского человека: «Датчане своего Кьеркегора сто лет не читали, французам Стендаль, пока не помер, был не указ, а у нас какой-нибудь саратовский учитель из поповичей напишет, что ради будущего нации хорошо бы выучиться спать на гвоздях, и половина страны начинает спать на гвоздях»[16].

Примечательна параллель образа Аркаши Белобородова («Жизнь негодяя») с образом Обломова: образ Обломова становится знаковым для литературы новейшего времени — асоциальность и пассивность характера героя Гончарова оказываются созвучны времени «не героев», периоду формирования философии постмодерна. Среди рассказов В. Пьецуха много таких, которые явно навеяны прозой В. Н. Гоголя. Писатель использует и гоголевские темы, и гоголевские образы, перенимает характер воссоздания предметного мира и т.д. («О вреде чтения»).

Особый интерес проявляет наш автор к творчеству А. П. Чехова. В. Пьецух пишет, что не чувствует «никакого родства ни с какими «измами», разве что кроме «чехизма»… Чехов ему близок, есть у них некая «общность настроения»[17]. Ироническое переосмысление эпистемологических и онтологических границ между историей и литературой проявилось в рассказах «Наш человек в футляре» (из цикла «Чехов с нами»). Видоизменяя заглавие претекста, В. Пьецух сохраняет его основные сюжетные коллизии и открыто апеллирует в своем тексте к чеховскому рассказу, провоцируя этим определенные читательские ожидания. Автор учитывает традиционную трактовку рассказа и стереотипные представления, связанные с концептами «футляр», «футлярный человек». Обыгрывая эти составляющие литературной и социокультурной компетенции читателя, Пьецух разрушает сложившиеся в его сознании стереотипы. Событийная канва рассказа «Наш человек в футляре», по сравнению с «Человеком в футляре», незатейлива, сюжет линейный: учитель русского языка и литературы «задавлен страхами», учеников и коллег своих боится; после проверки из гороно директор предлагает ему уволиться, учитель начинает давать частные уроки, а когда из-за этого случаются неприятности, он от страха умирает. Сознательная проекция сюжетов на литератур-

[16] Пьецух 1989, 165.
[17] Пьецух 1997, 10.

ные модели А. П. Чехова наблюдается также в рассказах «Крыжовник», «Шкаф», «Д.Б.С.», «Колдунья». Деконструкция «чеховского мифа» происходит в рассказе «Уважаемый Антон Павлович!».

Интертекстуальная «привязанность» В. Пьецуха связана не только с литературой XIX в., но и с литературой XX в., и литературой современной. Среди художников XX века «иронические авангардисты» особо выделяют М. Булгакова, Д. Хармса, К. Вагинова, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, чьи мотивы и образы появляются и в прозе Пьецуха (повесть «Освобождение»).

Исследователь Н. Иванова отмечает влияние В. Шукшина на прозу В. Пьецуха, прежде всего, в исследовании русского национального характера[18]. Исследователь О. Богданова указывает на общие типологические черты творчества В. Пьецуха и Вен. Ерофеева, на близость отдельных идейных установок и мировоззренческих формул В. Пьецуха и С. Довлатова[19].

Эссеистика В. Пьецуха, собранная в книге «Русская тема»[20], посвящена осмыслению роли русской литературы в отечественной культуре и истории. Реконструируя отдельные страницы жизни и творчества русских классиков, Пьецух проецирует их идеи и образы на сегодняшнюю действительность и заставляет задуматься о самых судьбоносных моментах русской истории.

Следует отметить особую роль повествователя-рассказчика в творчестве В. Пьецуха. М. Липовецкий называет своеобразным «полюсом устойчивости» голос повествователя — «неизменно «прописанного» в настоящем, неизменно сохраняющего «здравомысленную» тональность и уютную старомодность слога — вне зависимости от того, о чем он пишет, о легендарном прошлом или анекдотическом настоящем»[21]. Именно «литературность» становится для повествователя формой защиты от абсурда… «Повествователь Пьцуха — это не персонаж, а традиционная литературная функция, принадлежащая, соответственно, пространству литературы — «чистовику», а не «черновику». Именно голос повествователя обозначает у Пьецуха границу между абсурдом «органической литературности» жизни и условным порядком мифологизирующей игры в реальность»[22]. Авторские комментарии зачастую составляют «второй текст» произведения, раскрывая литературные приемы и секреты творческой лаборатории, где современный литературовед разоблачает литературное произведение как «придуманную реальность» («Мужчины вышли покурить…»). В. Пьецух дает свод необходимых писателю литературоведческих знаний: говорит о роли названий произведений, об «играющих фамилиях», о топонимических привязках, о роли вводных слов и прямой речи персонажей, о трансформации жизненного факта в литературном произведении, озвученном пейзаже, выразительности концовки. Сам автор признает традиционность идеи, ссылаясь, в свою очередь, на А. П. Чехова и его рассказ «Злоумышленник».

Таким образом, мысль о литературоцентризме российского быта и бытия является ключевой в творчестве В. Пьецуха. Классическая литература и русская

[18] Иванова 1989, 239–240.
[19] Богданова 2004.
[20] Пьецух 2005, 224.
[21] Липовецкий 1997, 242.
[22] Липовецкий 1997, 242.

история представлены в прозе писателя как значимые составляющие современной действительности. С помощью средств постмодернистской поэтики и «иронического авангарда» (игровая стихия, театрализованные формы повествования, зрелищность метафоры, ирония, пронизывающая всю ткань произведения, интертекстуальность, цитатность и др.) «традиционные культурные модели поведения и образа мысли русского человека «переносятся» В. Пьецухом из прошлого в настоящее (или наоборот, проецируются из настоящего в прошлое) и обнаруживают внешние / внутренние соответствия / несоответствия тому, что уже было признано ‹…› типичным для русской жизни и ментальности…»[23]. «Литературность» русской жизни заставляет автора узнавать литературно–исторические прототипы в описываемых коллизиях. Абсурдность фиксирует разрыв целостности исторического процесса: причинно-следственные связи теряют свою силу. Мелкие, глупые, обыденные ситуации жизни, обыденность глупости порождает авторскую иронию. Возникает ассоциация с образом знаменитых гоголевских «невидимых миру слёз», которые скрыты за «видимым миру смехом». Имя В. Пьецуха (как и М. Булгакова, М. Зощенко, А. Платонова) связано с линией развития русской прозы, тяготевшей к трагикомическому взгляду на эстетически осваиваемую действительность. Выбор названных имен определяется некоторыми чертами сходства художнической манеры, общей ориентацией прозаиков на освоение аналогичных уроков русских классиков XIX в. Общеизвестно обращение указанных писателей XX века к авторитету Н. В. Гоголя. Актуальность именно гоголевской традиции в литературе XX века объясняется живучестью (несмотря на радикальные изменения жизни) хлестаковых, чичиковых и других до боли знакомых русскому читателю типов, открытых великим художником.

ЛИТЕРАТУРА

Богданова О.В. 2004: Ироничная и литературоцентричная проза Вячеслава Пьецуха // Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века — начало XXI века). СПб., 182–224.

Иванова Н. 1989: Намеренные несчастливцы?: (О прозе «новой волны») // Дружба народов. 7, 239–240.

Кондаков И.В. 2008: По ту сторону слова: (кризис литературоцентризма в России XX–XXI веков) // Вопросы литературы. 5, 5–44.

Курицын В. 1990: Четверо из поколения дворников и сторожей // Урал. 5, 170–182.

Липовецкий М. 1997: Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург.

Одинцова С. 2004: Русская тема в рассказах В. Пьецуха // Художественный мир русских писателей XIX–XX вв. Курган, 108–114.

Пьецух В. 1989: Новая московская философия: Хроники и рассказы. М.

Пьецух В. 2005: Русская тема. О нашей жизни и литературе. М.

Пьецух В. 1990: Я и прочее. М.

Шенкман Ян. 2006: Добро должно быть с прибабахом // Новый мир. 12, 180–181.

[23] Богданова 2004, 184.

LITERARY CENTRISM OF VYACHESLAV PYETSUKH'S CREATIVE WORK

A. A. Kenko

Vyacheslav Pyetsukh, a contemporary writer, originally embodies in his work, literary centrism, a meta-historic property of Russian culture. Classic literature and history appear in the writer's prose as important constituents of reality. The article analyzes motifs and the mechanism of intertextual projection of subject matter and Russian classics images of the 19th century on the prose and essay writing of post-modernist V. Pyetsukh.

Key words: literacy centrism, Russian classics, Russian history, irony, post-modernism, ironic avant-garde, essay genre

---

© 2012

Е. В. Ничипорчик

ЗДОРОВЬЕ КАК ЦЕННОСТЬ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
(на материале русских и итальянских пословиц и поговорок)

Здоровье и благосостояние тела дороже всякого золота, и крепкое тело лучше несметного богатства.

Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова

Характер народа находит своеобразное преломление в провербиальных выражениях независимо от того, идёт ли речь о ценностях или антиценностях. Здоровье относится к числу базовых общечеловеческих ценностей, что обусловливает эквивалентность общих суждений о ценности здоровья у представителей разных национальностей, в частности у русских и итальянцев. Однако у каждого народа, наряду с гносеологическими универсалиями, в лингвокультуре находят отражение и специфические взгляды, в том числе и на то, каким принципам нужно следовать, чтобы сохранить здоровье, и как относиться к этим принципам. Итальянцы в своих паремических суждениях о здоровье более обстоятельны и серьёзны, чем русские, смелее смешивающие в провербиальной палитре серьезные и иронические мотивы.

Ключевые слова: литературоведение, ценность, паремия, русские, итальянцы

Здоровье — одна из основных витальных ценностей. О здоровье сейчас много говорят и пишут, проблемы сохранения здоровья и лечения болезней активно обсуждаются в прессе и на телевидении. Всегда ли таким трепетным было отно-

Ничипорчик Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. E-mail: evnich@gmail.com

шение общества к здоровью? Какими принципами руководствовались наши предки в обыденной жизни, проявляя заботу о сохранении здоровья? Различаются ли эти принципы у представителей разных наций? Для проведения исследования мы обратились к двум паремиологическим картинам мира — русской и итальянской.

Первоначально нами были привлечены данные тематически организованных словарей: двух словарей русских пословиц и поговорок В. И. Даля[1] и В. И. Зимина, А. С. Спирина[2] и словаря итальянских пословиц В. Боджоне и Л. Массорбио[3]. При этом выяснилось, что общее количество паремий о здоровье и болезнях, включённых в соответствующие тематические группы, в словаре В. Боджоне и Л. Массорбио составляет 835, в словаре В. И. Даля — 228, В. И. Зимина и А. С. Спирина — 267. Такое отличие количественных показателей при соразмерности объёмов словарей вызвало недоумение: неужели русские в меньшей степени озабочены своим здоровьем, чем итальянцы, или это лишь результат различных авторских подходов к осмыслению состава паремий, представляющих тематический блок о здоровье и болезнях? Очевидной стала потребность в пополнении картотеки русских паремий, и мы сделали дополнительную выборку паремиологических единиц из других тематических рубрик словарей В. И. Даля, В. И. Зимина и А. С. Спирина, а также из организованного алфавитным способом (по стержневому компоненту) "Большого словаря русских пословиц" В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой[4]. Обращение к "Большому словарю русских пословиц" способствовало не только заполнению выявленных лакун во фрагменте русского провербиального пространства, конструируемом на основании тематических собраний, но и совмещению временных пластов собраний, достижению баланса в вариантных выражениях одного и того же смысла[5].

Различие авторских подходов к тематической организации собраний обнаружилось уже на первом этапе осмысления состава паремий, в частности в структурировании тематических рубрик о здоровье. В словаре Даля паремии тематической группы "Здоровье — Хворь" даны общим списком, без внутренней дифференциации (как, впрочем, и все остальные тематические объединения паремий), только 46 единиц подаются отдельным списком, так как они представляют собой заговоры, приметы и народные средства лечения. В словаре В. И. Зимина, А. С. Спирина паремиологические единицы в рубрике "Здоровье" разделены на десять частных тематических рубрик: 1) Здоровье — болезнь; 2) Здоровье — лень; 3) Лечение; 5) Лекарь; 6) Очень здоровый; 7) Сила комариная; 8) Сон; 9) О лечении народными средствами; 10) Советы народной медицины. В словаре В. Боджоне и Л. Массорбио рубрикация имеет иерархический характер: 5 крупных тематических блоков подразделяются на частные тематические объединения, общее число которых достигает 19: 1. Общие принципы, цена здоровья (1.1. Цена здоровья, забота о собственном здоровье, осуждение болезни 1.2. Общие принципы сохранения здоровья: здоровье, болезни, лечение вообще); 2. Принципы сохранения здоровья

[1] Даль 2005а.
[2] Зимин, Спирин 1996.
[3] Boggione, Massorbio 2007.
[4] Мокиенко, Никитина, Николаева 2010.
[5] В. Боджоне и Л. Массорбио дают значительное количество вариантных выражений в каждой из тематических рубрик; столь же ревностно отнеслись к решению проблемы вариантности и составители "Большого словаря русских пословиц".

(2.1 Касающиеся климата; 2.2 Касающиеся питания; 2.3. Касающиеся одежды; 2.4. Касающиеся отдыха и сна; 2.5. Остальное общее); 3. Признаки хорошего или плохого здоровья, температура (3.1 Признаки хорошего или плохого здоровья. 3.2 Температура); 4. Народные средства; 5. Боль и конкретные заболевания (5.1. Головная боль; 5.2. Боли в животе, желудочно-кишечные расстройства; 5.3. Зубная боль <…> 5.10. Другие специфические болезни).

Как видим, дифференциация паремий на микротемы в итальянском паремиологическом собрании В. Боджоне и Л. Массорбио имеет более дробный характер, чем в объяснительном словаре В. И. Зимина и А. С. Спирина, да и наименования рубрик существенно разнятся, есть различия в составе и содержании паремий, входящих в коррелирующие рубрики.

Определяя последовательность анализа паремий о здоровье с целью выявления общего и специфического в структуре соответствующих фрагментов провербиальных пространств русского и итальянского языков, в качестве первичного ориентира в системе частных когнитем, отражающих типовые значения паремий о здоровье (исключим из поля зрения паремии о болезнях), используем рубрикацию, предложенную В. Боджоне и Л. Массорбио.

Тематический блок паремий о здоровье В. Боджоне и Л. Массорбио открывают высказываниями о ценности здоровья, то же самое делает и В. И. Даль в своём собрании. В числе первых паремий о здоровье в том и в другом словаре обнаруживаются полные эквиваленты: *Здоровью цены нет* и *La salute non ha prezzo*. Когнитема “здоровью нет цены” содержательно перекликается с рядом других когнитем, нашедших воплощение и в русских, и в итальянских паремиях:

— здоровье не купить: *Здоровье на деньги не купишь; Здоровье и за золото не купишь; Здоровье на базаре не продаётся; La salute non si compra* (Здоровья не купишь);

— здоровье — это истинное богатство: *Здоровье – лучшее богатство*; *La maggior ricchezza che sia è la sanità* (*Лучшее богатство — здоровье*); *La salute è una conca d’oro* (Здоровье — золотая чаша); *Chi ha da star bene ha un tesoro* (Кто обладает хорошим самочувствием, тот обладает сокровищем); *Chi è sano, è ricco* (Кто здоров, богат); *Chi ha salute ha soldi* (Кто обладает здоровьем, обладает деньгами); *Quando c’è la salute c’è tutto* (Когда есть здоровье, есть всё);

— здоровье дороже всего: *Здоровье лучше (краше, дороже) богатства (богатырства)*; *Деньги — медь, одежа — тлен, а здоровье — всего дороже*; *Здоровье всего дороже*; *Здоровье дороже золота*; *Здоровье — всему голова, всего дороже*; *Здоровье дороже денег*; *Sanità e libertà vaglion più d’una città* (Здоровье и свобода дороже города); *Meglio dolor di borsa che dolor di pancia* (Лучше страдания из-за кошелька, чем из-за живота). О ценности здоровья, о необходимости предпочесть заботу о здоровье всему остальному говорят и такие паремии, которые используются, как правило, в контексте призыва отказаться от чрезмерных волнений по какому бы то ни было поводу: *Плюнь на всё, береги здоровье!*; *Было бы здоровье, а остальное приложится*; *La pelle è una sola* (Шкура одна).

— бесценность здоровья осознаётся тогда, когда здоровье утрачивается: *Тот здоровья не ценит, кто болен не бывал*; *Si conosce quanto vale la salute solo quando non s’ha più* (Сколько стоит здоровье, узнают тогда, когда его нет). И действительно, здоровья не замечает тот, кто им обладает: *Тот здоровья не знает, кто*

болен не бывает; *Chi ha la salute è ricco e non lo sa* (У кого есть здоровье, тот богат и не знает этого); *Chi ha la salute non sa il bene che ha* (У кого есть здоровье, тот и не знает, каким добром обладает). Тем не менее здоровьем обладает тот, считают итальянцы, кто проявляет заботу о нём: *Chi ha la salute se la tenga cara* (Тот имеет здоровье, кто дорожит им).

Разумеется, даже исключительное здоровье само по себе не гарантирует долголетия, и нередко болезненный человек живёт дольше, чем человек, никогда не испытывавший проблем со здоровьем, отсюда суждения типа *Скрипучее дерево скрипит, да стоит, а здоровое летит да лежит*; *Скрипуче, да живуче; крепко, да хряпко (да хрустко)*; *Дуплистое дерево скрипит, да стоит, а крепкое валится*; *La ruota che cigola dura più che la nuova* (Колесо, которое скрипит, прослужит дольше, чем новое)*; Dura più una pentola fessa, che una nuova* (Служит дольше дырявая кастрюля, чем новая); *Basta più una conca fessa che una sana* (Прослужит более дырявая чашка, чем новая); *Il rotto si conserva e il sano si rompe* (Сломанное сохраняется, а здоровое ломается). По всей вероятности, итальянские паремии генетически восходят к латинскому изречению *Malum vas non frangitur*[6] (Плохой сосуд не разбивается), косвенным доказательством этого является наличие в итальянском паремийнике множества вариантов вербализации когнитемы “слабый здоровьем может прожить дольше здорового”. Эти варианты разнятся образами; слабость, физическая немощность ассоциируются со сломанным колокольчиком, повреждённым горшком, исцарапанной столовыми приборами тарелкой, треснутым кувшином, ношеной одеждой и т.п. В русских же пословицах представлена только одна когнитивная модель с центральным образом дерева, скрипучего либо дуплистого, этот же образ фигурирует в паремиях других языков, в частности в немецком и польском[7].

О том, что человеку предпочтительнее быть здоровым, чем больным, и, следовательно, лучше поберечь здоровье, чем тратиться на лечение, по мнению В. Боджоне и Л. Массорбио, говорят такие выражения, как *Meglio ingrassare il fornaio che il medico* (Лучше откармливать печника, чем медика); *Meglio dal macellaio che dal farmacista* (Лучше к мяснику, чем к аптекарю); *Meglio consumar le scarpe che le lenzuola* (Лучше изнашивать башмаки, чем простыни); *È meglio sudare che tossire* (Лучше потеть, чем кашлять). В русском паремийнике суждения аналогичного содержания нами не выявлены, равно как нет и коррелята итальянской пословице: *Se vuoi viver sano e lesto, fatti vecchio un po’più presto* (Если хочешь быть здоровым и быстрым, стань старым немного ранее). С глубокомыслием данного суждения трудно поспорить, так как осторожность, благоразумие и сдержанность, свойственные людям преклонного возраста, должны быть ценностными ориентирами для тех, кто начинает свою жизнь.

К числу провербиальных выражений, в которых отражены общие принципы сохранения здоровья, В. Боджоне и Л. Массорбио относят высказывания о нецелесообразности и вреде лечения здорового человека: *Chi piglia medicina senza male, consuma l’interesse e il capitale* (Без нужды лечение — одно разорение); *Chi si medica sano è sempre infermo* (Кто лечится здоровым, всегда немощен); *Non c’è nessuna medicina, dove non c’è nessun male* (Нет никаких лекарств там, где нет бо-

[6] Ганчарова, Шчарбакова, Калядка 1993, 30.
[7] Walter, Mokienko 2006, 48.

лезней); *I troppi riguardi guastano la salute* (Чрезмерная забота портит здоровье). Есть и в русском паремийнике выражения с аналогичным содержанием: *Здоровому лечиться − наперёд хромать учиться*; *От здоровья не лечатся*.

В паремиологических единицах отражается влияние целого ряда факторов на здоровье человека. По мнению В. Боджоне и Л. Массорбио, это климатические условия, питание, одежда, отдых и сон и др. Определим, в какой мере каждый из факторов принимался во внимание продуцентами русских и итальянских паремий.

Итальянцы, будучи южным народом, любят тепло, и именно тепло осмысляется ими как важнейшее условие для сохранения здоровья: *È meglio un lenzuolo d'autunno che una trapunta a primavera* (Лучше простыня в августе, чем стёганое одеяло весной); *È meglio un caffellatte al caldo che un cappone al freddo* (Лучше чашечка кофе в тепле, чем петух в холоде); *L'inverno ti fa andare a casa di Dio* [*morire*][8] (Зима приглашает тебя в гости к Богу [заставляет умирать]). Полезным для здоровья считается, тем не менее, и сухой холод, а сырость, по мнению итальянцев, приводит к смерти: *Il freddo asciutto fa bene alla salute* (Сухой холод укрепляет здоровье); *La bruma consuma* (Сырость уничтожает); *La guazza, di notte ammazza l'uomo e in grassa la botte* (Ночная сырость убивает человека и наполняет винную бочку [благоприятна для виноградной лозы]); *Quando il tempo è molle, il dente è più folle* [*Il cattivo tempo favorisce l'acuirsi dei malanni*] (Когда сырая погода, зубы больше беспокоят [Плохая погода благоприятствует обострению болезней]).

В том, что холод является источником бодрости, русские солидарны с итальянцами: *В зимний холод всякий молод*; *Молод — в холод, стар — на печь*; *Что нам холод, мы не боимся, с Рождества цыган шубу продаёт*. Однако холод, по мнению русских, полезен только в том случае, если не сопровождается голодом: *Холод да нужа — нет их хуже*; *Холоду с голодом несдружно; Холод не терпит голод.* О пользе тепла для здоровья русские говорят меньше, чем итальянцы: *Тепло кость не ломит*; *Жар костей не ломит*; *Где тепло, там и добро.*

Итальянцы считают, что настоящим благом для человека в плане сохранения здоровья является огонь, будь то открытый огонь или огонь в камине: он источник тепла, необходимого человеку в разные времена года, кроме того, огонь успокаивает, умиротворяет душу человека: *Il fuoco è buono tredici mesi l'anno* (Огонь хорош тринадцать месяцев в году); *Un'arietta di fuoco fa bene anche d'estate* (Тепло костра — благо даже летом); *Dove c'è fuoco c'è gente, dove c'è gente c'è caldo* (Где есть огонь, там есть и люди, где есть люди, там есть и тепло); *È più necessario il fuoco che il pane* (Огонь более необходим, чем хлеб). Огонь домашнего очага, правда, противопоставлен огню как стихии, получающему негативную оценку, ср.: *Casa senza fuoco, casa senza vita* (Дом без очага — дом без жизни); *La casa senza camino è come un asino senza coda* (Дом без камина что осёл без хвоста) и *Dopo l'acqua si trova qualcosa, dopo il fuoco non si trova niente* (После воды что-нибудь найдёшь, после огня — ничего).

Домашний очаг у русских — это печь. *Печь нам мать родная* — говорится в русской пословице о печи как источнике тепла и месте приготовления пищи. Однако печь в русских паремиях чаще характеризуется в связи с иными катего-

[8] В квадратные скобки заключаются комментарии составителей словаря итальянских паремий, а также наш перевод данных комментариев.

риями: это благо для стариков − *Старого печка греет*; *И по летам, и по годом — одно место: печь*; *Петухи на насесть садятся, а старые люди на печь валятся*; пристанище для лентяев — *Пролежал на печи, так про обед промолчи*; *Лежишь на печи, так и гложи кирпичи*; *Сидя на печке, не заработаешь и на свечки*); *Как ни мечи, нет лучше на печи*; приют для загостившегося человека — *Хлебом не корми, только с печи не гони!*; свой угол — *На своей печи и ногам горячо*; *На своей печи всё красное лето*; *Сижу подле печи да грею плечи*. Отношение же к огню вообще, равно как и к воде, у русских очень настороженное, о чём свидетельствуют паремии: *Огонь да вода — супостаты*; *С огнём не шути и воде не верь*; *Огня бойся, воды берегись*; *Избегая огня − не уходи в воду*; *Огонь беда, и вода беда; а без огня и воды — и пуще беды*.

Другая стихия, способная оказать влияние на здоровье человека, — это ветер. Много паремий у итальянцев о вреде сквозняка; пронизывающего ветра; ветра в горной и холмистой местности и т.п.: *Aria di finestra è un colpo di balestra* (Воздух от окна — удар из арбалета); *Aria di corrente, peggio di un accidente* (Сквозняк — худшее проклятие); *La corrente d'aria è quella che t'ammazza* (Сквозняк — это то, что тебя убивает); *È meglio il vento da tutte* [*parti*] *che non da fessura* (Лучше ветер со всех сторон, чем из щели); *Vento di dirittura porta alla sepoltura* (Прямой ветер ведёт в могилу); *Guardati dall'arietta che passa giacca e camicetta* (Остерегайся ветра, продувающего куртку и рубашку); *Aria di collina, aria fina* (Ветер холмов — ветер пронизывающий); *Chi ti vuoi bene ti manda in marina, chi ti vuoi male ti manda in montagna* (Кто тебе желает добра, посылает тебя на море, кто желает тебе худа, посылает тебя в горы); *Fa più male l'aria che la pioggia* (Приносит больше вреда ветер, чем дождь). Русские о ветре, оказывающем влияние на здоровье человека, говорят скупо: *Коли ветер в зубы, (так) сиди дома на печке.*

Эликсиром жизни итальянцы считают утренний свежий ветер: *L'aria della mattina fa svegliar la vecchiaia* (Утренний ветер оживит и старость); *Val più una boccata d'aria la mattina che una medicina* (Дороже глоток воздуха утром, чем лекарство). В составленной нами картотеке русских паремий о здоровье выражения с аналогичным содержанием не зафиксированы.

Примечательно, что составители словаря итальянских паремий включили в состав тематической группы "Здоровье, болезни" большое количество паремий о пище, притом что в словаре есть и отдельная рубрика о питании вообще. В словаре Даля, а также В. И. Зимина и А. С. Спирина паремии о пище составляют отдельные рубрики, хотя очевидно, что некоторые из провербиальных выражений могли бы дополнить тематический блок паремий о здоровье.

Мнения русских и итальянцев о питании как факторе здоровья сходятся по шести позициям, отражённым в содержательных аспектах паремий:

1) в еде нужно знать меру, руководствоваться воздержанностью, умеренность в пище является залогом долголетия: *Ешь вполсыта, пей вполпьяна, проживешь век дополна*; *Сладкого не досыта, горького не допьяна*; *На век не наешься*; *Astinenza è prima medicina* (Воздержанность — первое лекарство); *Bisogna alzarsi da tavola con un po' di fame in corpo* (Нужно вставать со стола с небольшим чувством голода); *Un pasto buono e l'altro leggero mantengono l'uomo sano* (Вкусная паста и лёгкое второе делают мужчину здоровым); *Chi mangia poco, vive molto* (Кто ест немного, живёт долго); *Per campare sano, vesti caldo, mangia poco e cammina piano*

(Чтобы жить здоровым, одевайся тепло, ешь мало и шагай тихо); *Chi mangia senza fame e beve senza sete, se ne va presto all'eterna quiete* (Кто ест без голода и пьёт без жажды, обретает вечное спокойствие); *La sobrietà nel cibo va a vantaggio del corpo* (Воздержанность в еде даёт преимущество телу); *Tu vivi di quel che digerisci e non di quel che mangi* (Ты живёшь тем, что перевариваешь, а не тем, что ешь);

2) обжорство приносит вред человеку: *Много есть — невелика честь*; *Большая сыть брюху вредит*; *Не с поста люди болеют, а с обжорства; Не от голода люди мрут, а от обжорства; Chi più mangia, manco mangia* (Кто ест много, тому не хватает еды); *Chi più mangia, meno mangia* (Кто ест много, ест меньше [кто предаётся излишествам, обычно живёт меньше]); *Poco vive chi troppo sparecchia* (*Мало живёт тот, кто много метёт со стола*); *Alla gallina ingorda crepa il gozzo* (Прожорливая курица забивает зоб); *Entra per bocca che* [ciò che] *uomo trabocca* [rovina] (Через рот входит то, что человека переполняет [разрушает]); *Per la gola si perde la salute* (Через глотку теряем здоровье); *Chi mangia molto, caca poco* (Кто ест много, испражняется мало); *Le bestemmie si confessano al prete e i peccati di gola al dottore* (В сквернословии каются духовнику, в грехах глотки — доктору); *La grassezza e il bel tempo non possono andare insieme* (Тучность и прекрасная погода несовместимы); *Il piccione grasso lontano non va* (Жирный голубь далеко не летит).

Тем не менее и русские, и итальянцы считают, что только сытная еда даёт человеку силы, способность здраво рассуждать, умиротворяет человека: *Хорошо ел, да не уедливо; Живот крепче − на сердце легче*; *Ешь досыта, а делай до поту*; *Наелся, напился – хвост барашком завился*; *Mangia bene e caca forte, e non aver paura della morte* (*Хорошо есть и хорошо испражняться, и не стоит бояться смерти*); *Mangia in abbondanza, e bevi con morigeratezza* (Ешь в изобилии, а пей с умеренностью). И русские, и итальянцы полагают, что нужно доверять организму и поэтому есть столько, сколько хочется, и тогда, когда этого хочется: *Ешь, пока рот свеж*; *Ешь, пока рот свеж, а уста завянут, ни на что не взглянут*; *Bisogna mettere pane quanto ne entra nella bocca* (Клади в рот хлеба столько, сколько просит рот); *Bocca che vuoi e ventre che puoi* [Mangia finché ne hai voglie e finché il tuo stomaco può contenere il cibo] (Рот ест, сколько хочет, а брюхо — сколько влезет [Ешь, пока хочешь и пока твой желудок может принять еду]); *Al corpo bisogna dargli quel che chiede* (Дай организму то, что он просит); *Mangia quando hai fame e bevi quando hai sete* (Ешь, если голоден, и пей, если испытываешь жажду); *Mena il dente come ti senti* (*Шевели челюстями тогда, когда тебе этого хочется*). Мера в еде у русских представляется весьма своеобразно: *Кабы у меня было брюхо из семи овчин, всё один бы съел*. Русские часто иронизируют над своим аппетитом: *Русский аппетит — пока шапка не слетит*; *Сыт покуда, съел полпуда*; *Наелся, как дурак на похоронах*; угощая, шутят: *Брюхо лопнет — наплевать: под рубахой не видать*; а в оправдание излишеств в еде говорят: *Хоть лопни брюшко, да не останься добрецо; Пусть лучше лопнет презренное пузо, чем пропадёт драгоценный продукт*;

3) не следует привередничать в еде / съеденное с аппетитом не принесёт вреда: *Русский аппетит ничему не претит*; *Что в рот полезло, то и полезно*; *У ядущего брюха нет ни глаз, ни уха*; *Брюхо не зеркало, что туда попало, то и чисто*; *Доброе брюхо всё мелет*; *Хорошие жернова всё перемелют*; *Chi mangia di tutto se*

ne infischia del dottore (Кто ест всё — плюёт на докторов); *Per ben cacare, di tutto bisogna mangiare* (Чтобы хорошо испражняться, нужно есть всё); *Non mangiare cibi crudi e non andare a piedi nudi* (Не есть сырого, не ходить босиком); *Quel che piace non fa male* (Оттого, что ты съешь то, что нравится, плохо не будет); *Quel che piace alla bocca fa bene allo stomaco* (Что нравится рту, не принесёт вреда желудку); *Quello che t'appetisce, nutrisce* (То, что вызывает аппетит, питает);

4) не следует злоупотреблять алкоголем: *Кто вино (винцо) любит, (тот) сам себя губит*; *Возьмёшься за вино — оно возьмётся за тебя*; *Кто пьёт вино безопасно, тот скоро огаснет*; *Pane finché dura, ma il vino a misura* (Хлеба ешь вволю, а вино пей в меру); *Mangia in abbondanza, e bevi con morigeratezza* (Ешь в изобилии, и пей с умеренностью). *Mangia da sano, e bevi da malato* (Ешь — и будешь здоров, пей — и будешь болен).

К вину отношение у итальянцев и русских в целом всё же разнится. Итальянцы считают вино полезным (если, разумеется, не злоупотреблять им): *Al mattino fa bene un bicchierin di vino* (Утром хорошо принять стаканчик вина); *Buon vino fa buon sangue* (Хорошее вино делает хорошей кровь); *Due dita di vino sono un calcio al medico* (Немного вина — это пинок врачу). В русском же паремийнике преобладают паремии, в которых выражается негативное отношение к вину, так как употребление вина ассоциируется в основном с пьянством: *Тому не помочь, кто до вина охоч*; *Вина напиться — бесу предаться*; *Без вина одно горе; с вином — старое одно, да новых два: и пьян, и голова болит* и др. Пользу от вина русские видят в том, что оно на какое-то время создаёт иллюзию счастья, веселит человека: *Вино веселит сердце человека.* Однако и данная польза в других паремиях, по сути, игнорируется: *Пьют для людей, а едят для себя*; *Пьют да поют для людей (за дружбу, в обществе), а едят да спят на себя*; *Испей для дружка, а поешь для себя*;

5) пищу рекомендуется хорошо пережёвывать: *Чем больше пожуёшь, тем дольше проживёшь*; *Кто как жуёт, тот так и живёт*; *Mangiare adagio e masticare bene* (Ешь медленно и жуй хорошо); *Chi mangia di fretta s'affoga* (*Кто жадно ест, поперхнётся*); *Chi mangia con due denti si strozza* (Кто ест двумя зубами [не жуёт], давится); *La prima digestione si fa in bocca* (Первое пищеварение — во рту); *Una buona masticazione è la prima digestione* (Хорошее пережёвывание пищи — первое пищеварение); *Per digerire a modo mastica lento e sodo* (Чтобы переварить пищу должным образом, жуй медленно и основательно);

6) хороший ужин обеспечивает хороший сон: *Без ужина подушка в головах вертится*; *Не поужинавши, легче, а поужинавши, лучше*; *Без ужина спать — собачья стать*; *Chi ben cena, ben dorme* (Кто хорошо ужинает, хорошо спит).

Правда, если ужина нет, русские в оправдание шутят: *Ужин не нужен, был бы обед*; *Ужин не нужен, дорог обед.* Итальянцы к ужину относятся более серьёзно и рекомендуют следующее:

1) ужин не должен быть чересчур поздним: *Chi vuoi viver sano e lesto, mangi poco e ceni presto* (Кто хочет жить здоровым и проворным, ешь мало и ужинай рано);

2) ужин не должен быть обильным: *Chi vuoi vivere a lungo e lesto, ceni poco e a letto presto* (Кто хочет прожить дольше и полноценно, ужинай скромно и пораньше ложись спать); *Cena lunga, vita corta; cena corta, vita lunga* (Длинный ужин —

короткая жизнь, ужин короткий — короткая жизнь); Letto e cene corte, vita lunga e forte (*Отдых и ужин короткие — крепкая и долгая жизнь*); *Chi va a letto a pancia piena, tutta la notte si dimena* (Кто идёт спать с полным животом, всю ночь ворочается); *Chi colla pancia piena si mette a letto, si mette sopra il cataletto* (Кто с полным животом ложится в постель, кладёт себя на катафалк);

3) после ужина полезно прогуляться: *Dopo desinare, non camminare; dopo cena, con dolce lena* (После обеда не ходи, после ужина шагай с удовольствием); *Dopo desinare, vatti a riposare; dopo cena, la gamba dimena* (После обеда иди отдохни, после ужина шевели ногами).

В отношении целесообразности отдыха после приёма пищи в итальянском паремийнике отражены всё же противоречивые мнения, сравните: *Il dormir dopo desinar fa male* (Спать после приёма пищи вредно) и *Chi vuoi esser sanino, dopo mangiato si corica un tantino* (Кто хочет быть здоровым, после еды должен немного отдохнуть); *Corpo sazio cerca riposo* (Сытое тело нуждается в отдыхе); *Ventre pieno riposo cerca* (Полное брюхо ищет отдыха); *Pancia piena, coricala* (Дай полному животу полежать).

Сытость без отдыха, считают итальянцы, делает человека неспособным на какую бы то ни было деятельность: *Quel che mangia e non riposa, non fa ben nessuna cosa* (Кто кушает и не отдыхает, ни на что не годен). Русские тоже полагают, что сытость делает человека неработоспособным: *Сытое брюхо к работе туго*; *Сытое брюхо к ученью глухо,* однако, по мнению русских, и *Голодное брюхо к ученью глухо.* Амбивалентное отношение к сытости проявляется у русских также и в том, что сытость упоминается как в связи с удовлетворением, которое она доставляет человеку, так и в контексте сетования по поводу необходимости дать отдых организму после приёма пищи, ср: *Наелся, напился – хвост барашком завился* и *Не евши, тощо, а поевши, тошно*; *Не ел — не мог, а поел — без ног*; *Не ем, так не могу; а поем, ног не сволоку*; *Не ел, так обомлел; а наелся и вовсе повалился*.

Разумеется, не все русские паремии о питании как факторе здоровья имеют соответствия в итальянском паремиологическом фонде. Обобщённые смыслы данных паремий[9] таковы:

1) пресная (малосолёная и не кислая) еда приносит мало пользы: *Пей горчее, ешь солонее: умрешь — сердцем здоров будешь*; *Ешь солоно, пей кисло — и в земле не сгниешь*; *Солоно ешь, масли плешь, кисло пей, через край не лей — и на том свете нас помянешь*; *От пресной еды и бары хворают*; *Соли не жалей, так есть веселей*);

2) без пищи плохо (человек гибнет / не работоспособен / имеет плохое самочувствие / плохо выглядит): *Кабы не зубы, так и душа бы вон*; *Не евши, не пивши, и поп помрёт*; *На пустое брюхо всякая ноша тяжела*; *При голодном желудке в голове туман*; *У голодной пташки и зоб на стороне (на боку)*;

3) всем нужна пища: *Всякому нужен обед и ужин*; *Нет птицы, чтобы пела и не ела*;

4) голодный организм даст о себе знать: *Брюхо что судья; и молчит (и молча), да просит*; *Брюхо — глухо: словом не уймешь (что ни говори, а корми); Голодное*

[9] Следует отметить, что поиск соответствий был ограничен только одним источником итальянских паремий — словарём В. Боджоне и Л. Массорбио.

брюхо глухо (без уха); *Слышит и ухо, что не сыто брюхо*; *Брюхо — злодей, старого добра не помнит: слюну сушит и сносит — опять петь просит*;

5) здоровая пища проста в приготовлении: *Хлеб да вода — здоровая еда*; *Хлеб да вода — богатырская еда*; *Щи да каша — пища наша*;

6) еда всухомятку нежелательна: *Сухая еда душе, воложная плоти угождает*; *Душа и редечкой напитается, а тело вологу любит*;

7) пища должна быть разнообразной: *Ныне толокно, завтра толокно, да как всякий день одно, так прискучит оно*;

8) сладкая еда вредна: *Сладкая еда —животу беда*; *Горьким лечат, а сладким калечат*).

Не обнаружены нами в русском паремийнике соответствия и некоторым итальянским паремиям о питании как факторе здоровья. Смысл заключенных в них рекомендаций следующий:

1) чтобы быть здоровым, нужно умеренно питаться и быть оптимистом / сохранять душевное равновесие: *Poco cibo e nullo affanno sanità nel corpo fanno* (Мало еды и мало огорчений делают тело здоровым); *Poco cibo, niente affanno: sanità per tutto l'anno* (Мало еды, никаких огорчений — здоровье на весь год); *Chi vuoi viver sanamente, viva sobrio e allegramente* (Кто хочет жить здоровым, живёт воздержанно и весело); *Povera quella pancia che ha un tristo padrone* (Бедный тот живот, у которого мрачный хозяин); *Vita quieta, mente lieta, moderata dieta* (Спокойная жизнь, довольное сознание, сдержанная диета);

2) трапеза не должна быть чересчур длительной: *Chi mangia in piedi, mangia per sei; chi mangia seduto, mangia per trenta* (Кто ест стоя, ест для себя, кто ест сидя, ест за тридцать человек); *Chi mangia all'impiedi, gli giova fino ai piedi* (Кто ест стоя, тому еда приносит пользу до самых пят);

3) горячее и холодное несовместимы при приёме пищи: *Pane caldo e acqua fredda non furon mai buon pasto* (Горячий хлеб и холодная вода не принесут пользы); *Per invecchiare bisogna mangiar freddo, bere caldo e dormire alto* (Чтобы постареть, нужно есть горячее, пить холодное и спать на высокой подушке); *Quando il sole spacca le pietre, bevi poco anche se hai sete* (Когда солнце раскалывает камни, пей мало, даже если испытываешь жажду);

4) острая пища вредна здоровью: *Cibo che è forte, è presso alla morte* (Острая пища — близок конец);

5) плохо усваиваемые организмом пищевые продукты опасны: *I cibi indigesti sono pericolosi per la salute* (Продукты, которые плохо перевариваются, опасны для здоровья). Русские не боятся этого и в паремиях иронизируют над своей "всеядностью": *У мужика в брюхе и долото сгниет*; *Моё брюхо не зеркало, всячину коверкало; Что русскому добро, то немцу смерть*.

Богаче у итальянцев и набор элементарных, дающих жизненную силу продуктов, сравните: *Formaggio, pane bianco e vino puro irrobustiscono il polso* (Сыр, белый хлеб и чистое вино укрепляют силу); *Хлеб да вода – богатырская еда; Хлеб да мякина — Самсона сила.*

В русском паремийнике несравненно больше паремий о голоде, не оставляющем в покое человека: *Гонит голод и волка из колка; Словно кто в брюхе на дрожках (на колесах) ездит*; *Голод — сварливая кума: грызет, поколь не доймет*; *Голодной куме всё хлеб на уме*; *Голод не сосед: от него не уйдешь*; *На пустое*

брюхо черти снятся и др. Итальянцы же чаще сетуют по поводу неумеренности в еде, множество паремий предупреждает о смертельной опасности переедания: *Chi troppo mangia, scoppia* (Кто много ест, лопается); *Chi vuoi più che pieno il corpo, scoppia* (Кто хочет больше, когда сыт по горло, лопается); *Mangiare in abbondanza fa crepar la pancia* (Есть в изобилии — порвать живот); *Molte più persone uccide la gola che il coltello* (Гораздо больше людей убивает глотка, чем нож); *Ne ammazza più la gola che la spada* (Убивает больше глотка, чем шпага) и др. Возможно, данный факт косвенно указывает на то, что жизнь продуцентов итальянских паремий была всё же более сытой, чем жизнь продуцентов русских паремий.

Анализ русских и итальянских паремий о зависимости здоровья от того, как человек одевается, не даёт большого количества параллелей. Итальянцы рекомендуют тепло одеваться даже в жаркую пору. Хорошее пальто, полагают итальянцы, спасает человека и от холода, и от жары: *Caldo di panno non fece mai danno* (Тёплая одежда никогда не принесёт вреда); *Chi va carico di panni non sente il malanno* (Кто тепло одет, не знает болезней); *Per campare sano, vesti caldo, mangia poco e cammina piano* (Чтобы быть здоровым, одевайся тепло, ешь немного и ходи медленно); *Quando fa bello porta il mantello, quando fa brutto fa' come voi* (Когда тепло, носи пальто, когда плохая погода, как хочешь). Особую заботу вызывает и наличие шапки на голове; по мнению итальянцев, голова должна быть в тепле: *Cappello in testa, dottore in festa* (Шапка на голове, доктор на празднике); *Testa calda e piedi asciutti: vivi fino a stufar tutti* (Голова в тепле и сухие ноги: живи столько, пока не надоешь всем). О том, что ноги должны быть сухие, говорят в пословице и русские, а вот голова, по мнению русских, может быть и в холоде: *Держи голову в холоде, живот — в голоде, а ноги — в тепле*.

Что касается влияния сна и отдыха на здоровье, то и здесь паремии отражают как схожие, так и различные мнения. И русские, и итальянцы полагают, что сон является, с одной стороны, лучшим лекарством: *Сон лучше всякого лекарства; Сон — лучшее лекарство; Il sonno è una buona medicina* (Сон — хорошее лекарство); *È meglio un po' di letto che tante medicine* (Лучше немного поспать, чем много лекарств), а, с другой стороны, сон подобен смерти: *Сон – смерти брат*; *Il sonno è fratello carnale della morte* (Сон — родной брат смерти). И русские, и итальянцы придерживаются мнения, что человеку полезнее подниматься рано, правда, русские рекомендуют рано вставать из прагматических соображений, а итальянцы — думая в первую очередь о здоровье: Ср.: *Кто рано встал, тому Бог дал*; *Ранняя птичка носок прочищает, поздняя глазки продирает*; *Presto a letto e presto fuor del letto fa l'uomo sano, onesto e retto* (Ранний отход ко сну и ранний подъём делают человека здоровым, честным и справедливым); *Va' a dormire quando va a dormire la gallina, ma quando canta il gallo tu cammina* (Отправляйся спать, когда идёт спать курица, а, когда поёт петух, поднимайся и шагай); *Va' a letto presto e alzati di buon'ora e mandi tutti i medici in malora* (Иди в кровать рано и вставай в хорошее время и посылай всех врачей к чёрту); *Andare a letto alle dieci e levarsi alle sei fa vivere l'uomo dieci volte dieci* (Идти в постель в десять и вставать в шесть — значит жить десять раз по десять); *Testa che dorme più di sette ore, schiacciala* (Голова, которая спит больше семи часов, раскалывается); *Chi s'alza presto non gli duol mai la testa* (Кто встаёт рано, никогда не мучается от головной боли).

В итальянских паремиях нашли отражение и более частные рекомендации, касающиеся сна, а именно:

1) спать лучше на жёстком: *Bevi poco, mangia assai, dormi in palco, e viverai* (Пей мало, ешь достаточно, спи на жёстком и будешь жить долго);

2) перед сном не рекомендуется мыть голову: *Chi vuoi morire, si lavi il capo e vada a dormire* (Кто хочет умереть, моет голову и идёт спать).

Что касается рубрик, в которых речь идёт о признаках здоровья, то здесь наблюдаются наиболее существенные различия. Русские в большей степени обращают внимание на внешние признаки здорового человека, а именно его внешний вид, его физическую и вообще жизненную силу: *Здоров, как медведь*; *Здоров, как лошадь*; *Здоров, как бык*; *Шея – как у быка*; *Кровь бьёт ключом*; *Кровь с молоком*; *Не спрашивай здоровья, а глянь в лицо*; *На нем хоть воду вози*; *Его и оглоблей не пришибёшь*; *Шкворень в руках согнёт*; *Подкову в руках переломит*; *Оглоблю переломит*; *Двухпудовой гирей (много раз) перекрестится*; *Камень в руках сожмёт – вода потечёт*.

Итальянцы же судят о здоровье человека в большей мере по признакам, связанным с оценкой функционирования органов пищеварения и других органов человеческого тела: *Chi mangia, beve, dorme e caca, sta meglio del Papa* (Кто ест, пьёт и испражняется, тому лучше, чем Папе); *Chi non fa come l'oca, la sua vita è breve e poca* (Кто не делает как утка [испражняется часто], у того жизнь короткая); *Tromba di culo, sanità di corpo* (Горн задницы − здоровье тела); *Culo che non strombetta è un culo morto* (Зад, который не гремит − зад мертвеца); *Cacare ogni mattina è la meglio medicina* (Испражняться каждое утро − лучшее лекарство); *Quando il culo caca, lo speziale crepa* (Если попа какает, фармацевт разоряется); *Mangia forte e caca duro: dalla morte stai sicuro* (Есть крепкое и испражняться с трудом: быть рядом со смертью наверняка); *Corpo sano piscia spesso come un cane* (Здоровое тело писает часто, как собака); *Piscia chiaro e fa' le fiche al medico* (Писай светлым и показывай фиги медику). Физическая и сексуальная активность человека, по мнению итальянцев, также является свидетельством здоровья: *Quando il piede corre, il corpo è contento* (Когда нога бежит, тело довольно); *Se la fica* [l'attività sessuale] *fa fame, va bene; se fa sonno, bisogna stare attenti* (Если человек испытывает сексуальный голод, всё хорошо, если хочет спать, нужно быть внимательными); *Chi non paga la meretrice, paga il medico* (Кто не платит публичной женщине, платит врачу).

Что касается русской и итальянской народной медицины, множество рецептов избавления от недугов обрели провербиальную формулу и в том и в другом языке. Параллелей немного, но они всё же есть: это паремии о пользе чеснока, лука, разных трав, чистой воды; нередко панацеей признавалось то, что просто было под рукой, сравните: *Чеснок семь недугов изводит*; *Кто ест хрен да редьку, тот хворает редко*; *Лук семь недугов лечит*; *Лук да баня — все правят*; *Баня — мать наша: кости распаришь, всё тело поправишь*; *Чистая вода для хвори беда*; *Горшок на живот — все заживет* и *L'aglio porta via le malattie* (Чеснок изгоняет прочь все болезни); *L'aglio spazza la malaria* (Чеснок отметает малярию); *Radici di cicoria son salute* (*Корни цикория — здоровье*); *Salvia salva* (Шалфей спасает); *Acqua, dieta, e serviziale* [clistere] *guarisce d'ogni male* (Вода, диета и клизма лечат любую болезнь); *Il rimedio delle tre elle: il letto, la lana, il latte* (Средство трёх "л": кровать, шерсть, молоко); *Per risanare ci vogliono tre cose: cibo regolato, il cam-*

minare e l'allegria (Для выздоровления необходимы три вещи: регулярная пища, ходьба и радость); *Letto, latte e dieta tutti i mali quieta* (Постель, молоко и диета — и все болезни не дают о себе знать); *Olio di lucerna ogni mal governa* (Ламповое масло справится с любой болезнью); *Un sorso di siero di latte fa sentir bene per tutta la giornata* (Глоток сыворотки молока и чувствуешь себя хорошо целый день).

Русские в свою паремиологическую картину мира "вписывают" ещё и ряд шуточных рецептов, красноречиво свидетельствующих о вездесущем русском *авосе* (в данном случае заключённом в рекомендации игнорировать недуг, посмеяться над ним с уверенностью в том, что *авось и так всё пройдёт*) и более абсурдных, чем аналогичные итальянские квазирецепты, сравните: *Болит голова — остричь догола, посыпать ежовым пухом да ударить обухом*; *Болят зубы — так разбить губы, наточить крови да помазать брови*; *Заболит нос — высунуть на мороз, сам отвалится и здоров будет*; *Наешься луку, ступай в баню, натрись хреном да запей квасом*; *Dolor di capo: o mangi o cachi* (Болит голова: сходи покушай или покакай); *I denti cavali, i calli tagliali* (Зубы — вырви их, мозоли — срежь их).

Подводя итоги наших наблюдений, мы убеждаемся в том, что здоровье испокон веков являлось предметом размышления человека и в паремиях представителей разных национальностей осмыслялось как сущность, имеющая ценностную значимость. Если представить отражённое в паремиях знание в виде картины, то очевидно, что общие контуры у картин, созданных разными народами, совпадут: человеческая природа едина, однако масштабы отдельных фрагментов "полотен" будут различаться, так как степень интереса к тому или иному аспекту, ракурсу изображаемого может не совпадать.

Сопоставление материалов тематически организованных сборников пословиц показывает, что субъективный фактор, а вернее, избираемые паремиологами стратегии и тактики в формировании состава паремий, представляющих ту или иную тематическую группу, играют существенную роль. В. И. Даль, хотя и прибегал к намеренным повторам одной и той же паремии в разных тематических рубриках, чтобы отразить богатство смыслов паремиологической единицы, однако задачу свою, связанную с распределением паремий по тематическим рубрикам, не считал всё же до конца выполненной[10]. В. Боджоне и Л. Массорбио активно использовали повтор паремий, чтобы охватить вниманием все возможные случаи их смысловой интерпретации, и в этом видели одну из стратегических задач, снабжая системой специальных отсылок все паремии с неоднократным включением в тематические ряды. В. И. Зимин и А. С. Спирин стремились к стройности общего дискурса, состоящего из "небольших, немногословных компактных рассказов, сотканных из пословиц, поговорок и других изречений, участвующих в раскрытии темы"[11].

Таким образом, выявленное нами на первом этапе анализа количественное превосходство итальянских паремий о здоровье над русскими паремиологическими единицами, изъятыми их соответствующих тематических объединений, не отражало реального соотношения провербиальных выражений о здоровье в русском и итальянском паремиологических фондах. Это подтвердилось на втором этапе анализа при обращении к иным тематическим группировкам в словарях,

[10] Даль 2005б, 15.
[11] Зимин, Спирин 1996, 14.

используемых в качестве источников, и привлечении материалов не тематически организованного словаря русских пословиц. Данные словарей свидетельствуют о том, что продуцентов русских паремий не в меньшей мере, чем продуцентов итальянских паремий, волновали проблемы сохранения здоровья, правда, и те, и другие говорили о нём с разной степенью серьёзности и обстоятельности, и говорили больше о тех его аспектах, которые были для них наиболее очевидными и наиболее значимыми.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В. И. 2005а: Пословицы русского народа. М.

Даль В. И. 2005б: Напутное // Пословицы русского народа / В. И. Даль (сост.). М., 5–16.

Ганчарова Н. А., *Шчарбакова І. М.*, *Калядка Л. Г.* (ред.) 1993: Proverbia et Dicta: Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў. Мн.

Зимин В. И., *Спирин А. С.* 1996: Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.

Мокиенко В. М., *Никитина Т. Г.*, *Николаева Е. К.* 2010: Большой словарь русских пословиц. М.

Boggione V., Massorbio L. 2007: Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi.Torino.

Walter H., Mokienko V. 2006: Sprichwörter. Russisch-Deutsches Wörterbuch mit europäischen Parallelen. Experimentalausgabe. Greifswald.

HEALTH AS A VALUE IN A PAREMIALOGICAL WORLD IMAGE (BASED ON RUSSIAN AND ITALIAN PROVERBS AND SAYINGS)

Ye. V. Nichiporchuk

Proverbial expressions reflect a people's character in a peculiar way irrespective of values or anti-values. Health is referred to basic universal values, which is conditioned by health value notions shared by representatives of different ethnic groups, Russian and Italian in particular. Every ethnic linguoculture alongside epistemological universals reflects specific views including principles of maintaining good health and attitude to these principles. Italians in their health proverbs appear more thorough and serious than Russians who make a bold mixture of serious and ironic motifs on a proverbial palette.

Key words: history of literature, value, paremia, Russians, Italians

© 2012

Т. А. Таянова

ЛИТЕРАТУРА И РЕЛИГИЯ: К ВОПРОСУ О «ДВОЕВЕРИИ» РЕЛИГИОЗНОГО ПИСАТЕЛЯ

Вечный спор литературы и религии – одна из насущных проблем искусствоведения и литературоведения XX–XXI вв. В это время появились довольно убедительные примеры их взаимодействия в пределах конкретных текстов и целых художественных систем. Крупнейшие философские умы пытались оправдать и даже доказать необходимость сближения творчества и религии (философии искусства В. Соловьева, И. Ильина, Д. Андреева, Н. Рериха, Н. Федорова и др.). Сращение двух полярных «вер», Божественного и человеческого в переделах творческих систем Гоголя, Соловьева, Шмелева и др. религиозно мыслящих художников далеко от творческого эксперимента. Эти авторы предлагают некий альтернативный тип творчества, способный примирить искусство и веру, вдохновение, вымысел и религиозное чувство, художественные идеи и Откровение.

Ключевые слова: литература религиозной направленности, религия, искусство, сверхискусство, теургия, духовность, идеал

Взаимовлияние, пересечение и вечный спор литературы и религии — одна из насущных проблем искусствоведения и литературоведения XX–XXI вв. Ведь именно в это время появились довольно убедительные примеры их взаимодействия в пределах конкретных текстов и целых художественных систем; крупнейшие философские умы пытались оправдать и даже доказать необходимость сближения творчества и религии, достаточно вспомнить философии искусства В. Соловьева, И. Ильина, Д. Андреева, Н. Рериха, Н. Федорова и др. С. Н. Булгаков, словно бы в попытке обуздать тех, кто самонадеянно уравнивает две полярных «веры», а также Божественное и человеческое писал: «Искусство должно таить в своей глубине молитву о преображении твари, но само не призвано дерзновенно посягать на софиургийные эксперименты»[1]. «Что такое софиургия? — размышляет Роман Барабаш. — Это альтернативный тип творчества, предполагающий полномасштабное примирение божественного и человеческого начал, при котором Откровение идет от творческой индивидуальности к сферам чистого Духа. Горние миры, духовно вскормившие человека, ждут от него Откровения»[2].

Однако как видим, даже при явной попытке осудить «софиургийные эксперименты» С. Н. Булгаков дает пусть не прямое уподобление, но указание на связь и глубинное сродство искусства и религии, а именно: молитвенный пафос искусства и сила, преображающая тварное в нас. Правда, о музыкальном проекте «Мистерия» А. Н. Скрябина он высказался очень резко: «художнику усвояется роль теурга или мага… здесь типичный подмен софиургийной задачи эстетическим магизмом, причем соблазн лжемессианизма ведет к человекобожию

Таянова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: tayanova8@mail.ru

[1] Булгаков 1994, 334.

[2] Виноградова 2010.

и люциферизму…»[3]. Главный булгаковский упрек художнику, который самонадеянно уравнивает две веры (в творчество и в Создателя), — гордыня, «люциферизм». Именно в этом грехе современники (и не только) заподозрили Н. В. Гоголя, автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» и «Размышлений о Божественной Литургии». Эти «пограничные» — на стыке творчества и веры — произведения, преисполненные религиозными истинами и мотивами, напугали и даже озлобили некоторых читателей, причем как из демократического лагеря (В. Белинский), так и из славянофильского (С. Аксаков), их высказывания имели тон «публичных порицаний», указывающих на вред, который могут причинить обществу гоголевские эксперименты с искусством, а также на «страшную гордость под личиной смирения»[4].

Возможно, ответ на вопрос о столь негативной реакции общественности кроется в том, что обществу всегда было свойственно держать литературу (искусство) исключительно на секулярной стороне, не допуская скользких смешений, выхода за обозначенные рамки. Неслучайно Св. Иоанн Кронштадтский утверждал, что «светская литература совершенно чужда христианского духа, она даже стыдится духа Христа»[5].

Писатель, поэт и визионер-мыслитель Д. Л. Андреев утверждал: «Широты и многообразия… мира (религиозных чувств — Т. Т.) даже не подозревает тот, кто лишен собственного религиозного опыта и заключает о нем только по свидетельствам других: свидетельства эти, при отсутствии личного опыта, почти всегда воспринимаются с недоверием, с предубеждением, со склонностью истолковывать их сообразно не с утверждениями самих свидетельствующих, а с догматическими положениями арелигиозных схем»[6].

Как бы то ни было, «Выбранные места…» оказались намного больше (а для кого-то намного меньше) всего того, что привычно называется именем искусства. В них упрямо и непреклонно являл себя качественно новый подход к творчеству, но слов для обозначения его пока не было (соблазнительные понятия и определения «богодейство», «богочеловеческое творчество», «теургия» появятся несколько позже). В творчестве Гоголя впервые отчетливо наметился выход из положенных искусству границ. Появился особый ракурс его осознания и создания: не только земная, но и Высшая цель, адресация не только человеку, но и Богу. «В этом смысле, — как отмечает исследователь В. М. Глянц, — уже «Ревизор» был нарушением всех норм. Он не только был пограничным в искусстве явлением, но, как предприятие в своем замысле богочеловеческое, выступал с как будто бы несвойственной искусству задачей весьма конкретно понимаемого *спасения* (Ср. тезис М. Дунаева о сотериологическом характере русской литературы)»[7].

Однако другой современник Гоголя — известный критик пушкинской эпохи П. А. Плетнев — радовался тому, что появилось новое явление в искусстве: «Вчера совершено великое дело: книга твоих писем пущена в свет. Но это дело совершит влияние свое только над избранными; прочие не найдут себе пищи в книге

[3] Булгаков 1994, 335.
[4] Вересаев 1933, 400.
[5] Кронштадтский 1991, 30.
[6] Андреев 1999, 57.
[7] Глянц 2004, 121.

твоей. А она, по моему убеждению, есть начало собственно русской литературы. Все, до сих пор бывшее, мне представляется, как ученический опыт на темы, выбранные из хрестоматии. Ты первый со дна почерпнул мысли и бесстрашно вынес их на свет… Чтобы ни говорили другие, — иди своей дорогою… В том маленьком обществе, в котором уже шесть лет живу я, ты стал теперь гением помыслов и деяний…»[8]. Человек безукоризненного вкуса, П. Плетнев, чьему мнению о литературе всецело доверяли и Жуковский, и Пушкин, обозначил текст Гоголя как прорыв в искусстве, начало новой литературы, потому что «Выбранные места» прорывались за литературу и за рамки чисто художественных задач, в них явил себя не морализм (назидание, нотация), а духовность как живое проявление духа в мире и человеке, как действенный способ преодолеть злое и преобразить сердца и души. О. Сергий Булгаков писал: «Искусство хочет стать не утешающим только, а действенным, не символическим, а преображающим»[9]. Именно такую задачу ставил перед собой религиозный автор Н. В. Гоголь, и в этом «преображающем» порыве он, конечно, опередил свое время. Однако до сих пор принято толковать гоголевское желание срастить искусство и веру как «сидение на двух стульях», «двоеверие» и губительную для творческого дара досадную «ошибку». В частности, в книге Н. М. Глянца «Гоголь и апокалипсис» встречается достаточно жесткая формулировка — «конец его литературы»: «Созданием «Размышлений о Божественной Литургии» Н. Гоголь словно преодолел алтарную преграду и оказался в святая святых. Только здесь возле престола и жертвенника, где совершается Великое и Страшное Таинство, он узнает, что жизнь совершенно, насквозь серьезна… Сама возможность написания «Носа» после «Размышлений» кажется невероятной… у того, кто совершил пусть и неудавшуюся, но головокружительную попытку действовать далеко за рамками искусства, по-видимому, пропадает и вкус и интерес к обыкновенной изящной словесности, и в этом смысле «начало теургии» действительно стало для Гоголя началом конца его литературы»[10].

О похожем писал В. Розанов в статье «О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира», полемизируя с Д. Мережковским, сделавшим в 1907 году доклад на тему «Гоголь и отец Матвей»: «В противоположность отцу Матвею, известному духовнику Гоголя, он (Д. Мережковский — Т. Т.) думает, что Евангелие совместимо со сладкою преданностью музам, что можно слушать и проповеди отца Матвея, и зачитываться «Ревизором» и «Мертвыми душами», от души смеясь тамошним персонажам… Мне кажется, вопрос разрешается с помощью мысленной инкрустации. Если кусок из прозы Гоголя, самый благожелательный, самый, так сказать, бьющий на добрую цель, вставить в Евангелие — то получим режущую, несносную какофонию, происходящую не от одной разнокачественности человеческого и Божественного, слабого и сильного, но от разно-категоричного: невозможно не только в евангелиста вставить кусок Гоголя, но — и в послание которого-нибудь апостола… Апостол Павел вовсе не предлагал афинянам: «поверуйте во Христа сверх того, что вы ходите на олимпийские игры». …Павел в театре — невозможное зрелище!! Одобряющий игру актеров — какофония! разрушение всего хри-

[8] Вересаев 1933, 399.
[9] Булгаков 1994, 320.
[10] Глянц 2004, 123–124.

стианства!! Между тем это было бы только то самое «примирение», «гармония», о которой спрашивает Д. С. Мережковский…»[11].

Как видим, здесь Розанов отрицает возможность какого-либо смешения искусства и веры, религиозного чувства и творческого дара. (Справедливости ради отметим, что в своей статье «Нестеров» Розанов признал возможность совмещать сакральное и художественное начала без ущерба для творческой индивидуальности.) В отличие от современников Гоголя, которые не желали и думать о столь искусительном симбиозе, отказывались воспринимать его всерьез, на стыке XIX–XX вв. поклонников линии Д. С. Мережковского, примиряющего Гоголя и о. Матвея, художественное и церковное, было достаточно много, причем не только в литературной, философской среде, но даже среди духовенства (на это указывает Розанов в статье «О Сладчайшем Иисусе…»). Были забыты предостерегающие слова Святителя Игнатия Брянчанинова, писавшего в связи с «Выбранными местами…» о несовместности вдохновения «чувств сердечных» и «вдохновения Святого Духа», вымысла и Истины: «…есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает сие вдохновение, как смешанное, умерщвляет его, чтобы Дух, пришедши, воскресил его в обновленном состоянии. Если же человек будет руководствоваться прежде очищения его истиною, своим вдохновением, то он будет издавать из себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его ляжет не простое добро, но добро смешанное со злом… применив сии основания к книге Гоголя, можно сказать, что он издает из себя и свет и тьму, религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного, неясного, безотчетного, душевного, а не духовного. Так как Гоголь писатель, а в писателе “от избытка сердца уста глаголют” (Матф. 12. 34)… книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешение. … советую всем друзьям моим по отношению к религии заниматься исключительно чтением святых отцов, стяжавших очищение и просвещение, как и апостолы, и потом уже написавших свои книги, из коих светит чистая истина и которые сообщают читателю вдохновение Святого Духа…»[12]. И. Брянчанинов сокрушается о заплутавшем чаде, забывшем, что искусство выполняет второстепенную роль, являясь лишь бледным и слабым отражением духовных оснований жизни, и призывает вспомнить о священном, понять, что именно оно — первостепенная ценность. Из его духовной критики также вытекает следующее: писатель обязан возлюбить Бога больше своего искусства, своего вдохновения, своих страстей; нельзя на одной полке держать книги художественные и святоотеческие. У писателя «все страсти в сборе» (Н. Лесков), а религия и страсть (к ней, думается, стоит отнести и свободу воображения, и вариативность художественно постигаемой истины) не сочетаемы. В этой связи уместно вспомнить мнение историка Александра Тургенева о Ламартине: «Поэт всегда остается преимущественно поэтом, нередко — в ущерб собственным религиозным представлениям»[13].

Однако истинному художнику, видимо, суждено томится безотчетной, а подчас и вполне осознанной тоской по иной (более совершенной, чем художествен-

[11] Розанов 1990, 560–561.
[12] Концевич 1995, 595–597.
[13] Глянц 2004, 228.

ная) реальности, и для кого-то эта реальность — Божья. Одним из самых заметных явлений эпохи рубежа веков стало философское слово В. С. Соловьева о возможности некого *сверх*-искусства, искусства не просто мистического, ломающего грани между горним и дольным, но совершенного, действенного, имеющего силу религии (посредник между человеческим и Божественным). В книге «Философские начала цельного знания» В. С. Соловьев пишет: «Общечеловеческий организм есть организм сложный. Прежде всего три высшие степени его общего или идеального бытия, а именно мистика в сфере творчества, теология в сфере знания и церковь в сфере общественной жизни, образуют вместе одно органическое целое, которое может быть названо старым именем религии (поскольку оно служит связующим посредством между миром человеческим и божественным). Но далее каждый из членов этого целого соединяется с нижними степенями соответствующей ему сферы и вместе с ними образует особенную организацию. Так, во-первых, мистика во внутреннем соединении с остальными степенями творчества, именно с изящным искусством и с техническим художеством, образует одно органическое целое, единство которого, как и единство всякого организма, состоит в общей цели, особенности же и различие — в средствах или орудиях, служащих к ее достижению. Цель как такая определяется только высшею степенью, средства же — вместе с низшими. Цель здесь мистическая — общение с высшим миром путем внутренней творческой деятельности. Этой цели служат не только прямые средства мистического характера, но также и истинное искусство, и истинная техника (тем более что и источник у всех трех один — вдохновение)»[14].

К слову, Н. В. Гоголь задолго до Соловьева ощущал себя творческим посредником между земным и неземным мирами с действенной целью — преображение первого.

У В. Соловьева с неотменяемой очевидностью звучит убеждение в совершенном статусе творчества. В его характеристике «общего смысла искусства» обращают на себя внимание эпитеты «совершенное», «абсолютное», «духовное», «высшее»: «Совершенное воплощение… духовной полноты в нашей действительности, осуществление в ней абсолютной красоты или создание вселенского духовного организма есть высшая задача искусства…»[15]. Правдивого и конкретного изображения жизни, даже истинно духовной жизни, жизни, «осуществившей абсолютный идеал», по мысли Соловьева, бесконечно мало. Все это только раздражит и усилит, а не утолит «духовную жажду», воспетую великим поэтом. Соловьев уверен: «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, — должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь. Если скажут, что такая задача выходит за пределы искусства, то спрашивается: кто установил эти пределы? В истории мы их не находим; мы видим здесь искусство изменяющееся — в процессе развития»[16]. Вопрос «кто установил эти пределы?» звучит заманчиво, вдохновенно и дерзко. И далеко не только Соловьев смел задавать и решать его (в том числе и своим творчеством). Вспомним хотя бы проекты идеального искусства, начерченные визионером Д. Андреевым в его «Розе мира». В чем-то его

[14] Соловьев 2, 1988, 171–174.
[15] Соловьев 2, 1988, 398.
[16] Соловьев 2, 1988, 404.

мысли о бого-сотворчестве созвучны соловьевским: «У Бога всеобъемлющая любовь и неиссякающее творчество слиты в одно. Все живое, и человек в том числе, приближается к Богу через три божественных свойства, врожденных ему: свободу, любовь и Бого-сотворчество. Бого-сотворчество — цель, любовь — путь, свобода — условие... Творчество человека превращается в Бого-сотворчество с той минуты и в той мере, в какой его непреодолимый творческий импульс направляется усилием его воли и веры не на достижение тех или иных эгоистических целей — славы, удовольствия, материального успеха, служения жестоким и низменным учениям, — но на служение Богу любви. Именно три слова — свобода, любовь и Бого-сотворчество — определяют отношение Розы Мира к искусству… »[17]. Творчество в данном случае сближается с верой и искренним высоким «служением Богу любви». И в этом Андреев усматривает истинную свободу, в его понимании, в слове «служение» отсутствует момент самопринуждения, вмененной обязанности и бездумного подчинения, скорее — выполнение миссии добра.

Православные авторы И. С. Шмелев и И. А. Ильин, задумываясь о творческом сближении искусства и религии, считали возможной и даже необходимой «сращенность» (И. Ильин) художественной ткани и Священного Предмета. В статье «Святая Русь. «Богомолье» Шмелева» Иван Ильин намекает на то, что творческий путь Шмелева есть богомолье — «путь, ведущий и приводящий к Нему»[18]. Вот как характеризует критик эмоционально-смысловые доминанты шмелевского дара: «мечта о совершенстве, жажда приблизиться к нему, помысел о «спасении души», вздох о Божием, взыскание Града, готовность преклониться перед праведником, склонность — рано или поздно, или многократно, или хотя бы перед смертью только — *уйти в некое Богомолье*»[19], «ко *святым местам своего личного духа*»[20]. Нам особенно интересна мысль о художественном отождествлении с совершенным, высказанная Ильиным здесь же: «*Жажда праведности*, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, *художественно отождествиться с ней*, стать хотя бы слабым отблеском ее… — и для этого оставить земное и обыденное, царство заботы и мелочей и уйти в богомолье»[21]. Ильин первым заметил, что художественный мир Шмелева не просто светел, но прозрачен, сквозим, просвечиваем, ведь в нем «*Он* открывается во всем»[22].

Шмелевовед М. М. Дунаев задумывался о проблеме осуществимости/неосуществимости Идеала средствами искусства. Признавая, что Шмелев как писатель ставит перед собой чуть ли не «иконные задачи» (особенно в период создания почти церковного «духовного романа» «Пути Небесные»), он утверждает: «…Теоретически, кажется, задача, поставленная Шмелевым, нерешаема. Здесь Гоголь потерпел поражение, Достоевский не смог всех трудностей одолеть. Шмелев сделал важный шаг, многое ему удалось. Но не правы ли те, кто видели важный знак в том, что Шмелеву не дано было написать третьего тома романа?»[23]. Важно, что

[17] Андреев 1999, 101–102.
[18] Ильин 6/II, 1996, 131.
[19] Ильин 6/II, 1996, 133.
[20] Ильин 6/II, 1996, 134.
[21] Ильин 6/II, 1996, 135.
[22] Ильин 6/II, 1996, 136.
[23] Дунаев V, 1999, 705–706.

именно преподаватель Духовной академии, воцерковленный ученый Дунаев признал, что в сращении секулярного и церковного «многое удалось».

Для самого Ивана Шмелева взаимоотношения искусства и религии не были неразрешимой проблемой и не мучили его так, как Гоголя, например. В статье «Книга о вечном», являющейся откликом на философию искусства Ивана Ильина, изложенную им в фундаментальном труде «Основы художества. О совершенном в искусстве», Шмелев писал о невозможности истинного искусства *вне* религии: «искусство занимает в душе человека место рядом с религией… без искусства, как и без религии, жить нельзя»[24]. Более того, писатель, не смущаясь, использует выражение «религия искусства»[25], в котором просматривается общая для них с И. А. Ильиным идея о «духовном родстве его (искусства — Т. Т.) — с небесным»[26]. Иван Шмелев всю жизнь благоговейно относился к искусству, для него оно было служением, а не забавой, более того — «Священным»[27]. Религиозный философ Ильин утверждал, что признак истинно художественного искусства — «сращенность, целостное взаимопроникновение словесной материи, образа и Предмета»[28], а Предмет в его философской системе не что иное, как *Священное* Содержание слов, образов, мыслей и чувств автора.

Определяя суть взаимодействия художества и веры, Олеся Николаева сказала: «Идеал — это то, чего нет на свете, но что существует в идеальной реальности, онтологический образец, соответствовать которому может лишь преображенная реальность. Поэтому в творчестве особенно актуальной оказывается проблема веры»[29].

Этой характеристикой снимается извечная конфронтация творчества и веры, в нашей литературе наиболее отчетливо явившая себя в «двоеверии» Н. В. Гоголя. Д. Андреев, с чьей точки зрения творчество является «и правом, и долженствованием»[30] человека, писал о надуманном противостоянии, споря с укоренившимся взглядом на художество как на что-то противоположное религии: «Кажется, только в Элладе умели боготворить не только произведения искусства, но самую творческую способность… после угасания Эллады творческий дар перестал привлекать к себе взор религий, не осмыслялся больше ни онтологически, ни метафизически, ни мистически. Под влиянием односторонне понятой семитической идеи о том, что после шести дней творения наступило упокоение Божественного творческого духа, даже вопрос о дальнейшем творчестве Самого Бога богословская мысль предпочитала обходить стороной, и речение Божества, запечатленное в Откровении Иоанна — «Се, творю все новое», — осталось единичным взлетом, единичным прозрением. К человеческому же творчеству установилось и вовсе подозрительное отношение, как будто гордыня, в которую может впасть человек-творец, более опасна и гибельна, чем творческое бесплодие»[31].

---

[24] Ильин 6/I, 1996, 409.
[25] Ильин 6/I, 1996, 411.
[26] Ильин 6/I, 1996, 413.
[27] Ильин 6/I, 1996, 414.
[28] Ильин 6/II, 1996, 150.
[29] Николаева 1999.
[30] Андреев 1999, 36.
[31] Андреев 1999, 36.

И. С. Шмелев в статье «Пути мертвые и живые» (1924) указывал на то, что главная цель творчества: «возрождение жизни на основе религиозной, на основе высоконравственной, — Евангельское учение деятельной Любви»[32]. Так писатель преодолевает конфронтацию искусства и веры (религии), мирит быт и бытие, горнее и дольнее. В его творчестве отсутствует чрезмерная рефлексия, она замещается непосредственными порывами и прорывами к идеалу, он не признает мирское «видение» — доводы рацио, голос опыта, логику причинно-следственных связей. В его творениях находит выражение не закономерное, но чудесное — «хождение по водам» веры. Духовный реалист Шмелев тяготеет к изображению благодатной жизни «по вере», преодолевая принудительность (несвободу) законов природы, мира, человеческих отношений, социальных установлений и условностей. Творчество его родственно вере, которая, по слову апостола Павла, есть *уверенность в невидимом* (Евр. 11. 1). Как и вера, оно освобождено от оков детерминированного мира. В его основе — тоже мистическая суть: разыскание в идеальной реальности (духовном, небесном мире) тех вещей, которые призвано воспеть и запечатлеть. И оно тоже преодолевает «земное притяжение» эмпирического видения, накладывающего пределы на естество и его восприятие, противящегося духовному видению.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Д. Л. 1999: Роза мира. М.

Булгаков С. Н. 1994: Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.

Вересаев В. В. 1933: Гоголь в жизни. М.

Виноградова Т. 2010: Росток софиургии, или Попытка заклятия смерти. Беседа с Романом Барабашем. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http: // magazines.russ.ru/ra/2010/1/ba28.html.

Глянц В. М. 2004: Гоголь и апокалипсис. М.

Дунаев М. М. 1998–2000: Православие и русская литература: в 6 частях. М.

Ильин И. А. 1996–1999: Собр. соч.: в 10 т. М.

Кронштадстский И. (прот.) 1991: Моя жизнь во Христе. М.

Концевич И. М. 1995: Оптина Пустынь и ее времена. [Репринтное издание 1970 г.]. Сергиев Посад.

Николаева О. А. 1999: Творчество как подвиг веры. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http: // www.gumer.info/bogoslov_Buks/ortodox/Nikol/40.php.

Розанов В. В. 1990: Религия и культура. М.

Соловьев В. С. 1988: Собр. соч.: в 2 т. М.

Шмелев И. С. 1998–2000: Собр. соч.: в 5 т. М.

[32] Шмелев 7, 1999, 329.

LITERATURE AND RELIGION: RELIGIOUS WRITER'S DUAL RELIGIOUS BELIEF

T.A. Tayanova

Everlasting controversy between literature and religion is one of the burning issues of art and literary criticism of the 20th — 21st centuries. These times brought forth a number of convincing examples of literature and religion interaction within the boundaries of concrete texts and artistic systems. Greatest philosophers, such as V. Solovyov, I. Ilyin, L. Andreyev, N. Rerich, N. Fyodorov, tried to justify and prove the necessity of bringing art and religion together. Merging two polar beliefs — divine and human — within the boundaries of artistic systems of Gogol, Solovyov, Shmelyov and others is remote from artistic experiment. These authors suggest an alternative type of creative work that is capable of reconciling art and religious belief, inspiration, fancy and religious feeling, artistic ideas and the divine revelation.

Key words: religious literature, religion, art, super art, theurgy, spirituality, ideal

ЛИНГВИСТИКА

© 2012

Л. И. Швыдкая

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

В статье рассматривается корреляция словообразовательного механизма и морфемной структуры слова. Разделение понятий структурного типа слов и словообразовательного механизма позволяет рассматривать слова со сходной морфемной структурой как продукт разных морфологических процессов.

Ключевые слова: структурный тип слов, аффиксация, словосложение, конверсия, обратное словообразование, непосредственная составляющая

В лексикологической и лексикографической практике сложилось устойчивое представление о том, что между структурным типом слова и словообразовательным процессом, результатом которого является тот или иной тип слов, существует прямо пропорциональной зависимость. Принято считать, что производные слова (дериваты, состоящие из корневой и аффиксальных морфем) являются продуктом только процесса аффиксации, сложные составные слова (имеющие в своем составе минимум две основы) являются результатом только словосложения и т.п.

Подтверждением данному представлению могут служить многочисленные работы по словообразованию и лексикологии как российских, так и зарубежных авторов. При таком подходе происходит фактическое отождествление морфемного состава языковой единицы и деривационного процесса, приведшего к ее возникновению. Или иными словами, смешиваются два разноплановых явления — статус морфологических конституентов языковой единицы и последнего деривационного шага, приведшего к ее возникновению. В результате сложилось представление о том, что в английском языке отсутствуют сложные глаголы. К сторонникам этого подхода следует, в первую очередь, отнести Г. Марчанда, на которого ссылаются все, разделяющие данную точку зрения (напр., Каращук, авторы учебника по лексикологии A Course In Modern English Lexicology и др.) При этом Г. Марчанд не называет такие образования сложными глаголами, а считает их псевдосложными, так как они образованы не в результате словосложения, а в результате обратного словообразования от сложных основ. К такого рода псевдосложным глаголам Г. Марчанд относит следующие типы и группы: 1) глаголы, образованные от составных субстантивов — *to spotlight,* 2) глаголы типа *to blacklist, to coldshoulder,* образованные от соответствующих составных сущуествительных или субстантивных слососочетаний, и 3) типа *to stage-manage* от *stage-manager, to*

Швыдкая Любовь Ивановна — кандидат филологических наук, профессор кафедры английского языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: lshvydkaya@yandex.ru

playact от *playacting,* или *to spoonfeed* от spoonfed, to *new-create* от *new-created*[1]. Глагольное словосложение, как утверждает Г.Марчанд и иже с ним, в английском языке не существует, а следовательно, невозможно и существование сложных глаголов. При анализе английских слов *to spotlight, to sidetrack, to handcuff* и пр. сторонники такого подхода помещают их в один ряд с другими конвертированными образованиями, т.е. вполне справедливо рассматривают их как производные от существительных *spotlight, sidetrack*, *handcuffs*, но не как результат сложения слов *to light* и *spot, to track* и *side*, *to cuff* и *hand*. Однако анализ структурно-морфемного состава этих глаголов позволяет соотнести их с их прототипами-существительными. Морфемный анализ указанных образований мог бы, соответственно, установить сложный характер основы и идентифицировать эти комплексы как морфемно-сложные или корне-разложимые; из этого, однако, никак бы не следовало, что со словообразовательной точки зрения глаголы *to spotlight, sidetrack* и т. п. — сложные глаголы. Это — конвертированные отыменные глаголы со сложной основой. Таким образом, построение морфемного линейного аналога не дало бы здесь ничего для определения и описания словообразовательной структуры производного слова. Ситуации такого же рода обычны во всех случаях словообразования с материально невыраженной производностью (конверсия, усечение, обратное словообразование, или реверсия). Обобщая эти наблюдения, лингвисты отмечают, что построение морфемного аналога или перечисление всех вычленимых (вычлененных) морфем для характеристики словообразовательной структуры не обязательно или не строго обязательно в тех случаях, когда одна или несколько из них в последнем акте словообразования не участвовали[2].

Рассмотрим следующие примеры с глаголами такого типа. *Two women, fortysomething going on 14,* ***chain-smoke, chain-drink*** *and basically do as* many *drugs and men as they can get their hands on. (Newsweek) ...he doesn't use drugs, drink or smoke — instead, he* ***chain-chews*** *peppermint gum… (Ayto)* Все три выделенные жирным шрифтом слова представляют собой глаголы, имеющие идентичный морфемный состав: субстантивная основа *chain* плюс глагольная основа *smoke, drink, chew*. Возникает вопрос: чем же являются данные слова — сложными или псевдосложными глаголами? С точки зрения синхронного подхода они являются идентичными как по своей структуре, так и по значению — продолжать какое-то действие без перерыва, т.е. закончив одну сигарету, рюмку, жевательную резинку, сразу перейти к следующей, и так далее. В плане диахроническом эти слова характеризуются разными словообразовательными процессами. Слово *chain-smoke* сформировано путем обратного словообразования от *chain-smoking*, а слова *chain-drink*, *chain-chew* образованы по аналогии с ним путем словосложения, т.е. образовалась некая модель сложного слова, появившаяся в результате синхронного разложения исходного глагола на составляющие основы без учета его деривационного механизма. Полученная модель демонстрирует отношения производности между данными единицами, из которых одна воспринимается как первичная, мотивирующая, а другие — как вторичные и мотивированные. Отношения производности в данном случае выражают регулярную, моделируемую взаимозависимость единиц, их особую иерархию; это отношения первичности/вторичности.

[1] Marchand 1969, 121–122.
[2] Серебренников 1972, 361.

Отношения синхронной производности, наблюдаемые у данных слов, когда одно слово (основу) можно рассматривать как базирующееся на другом (другой), как обусловленное этим другим словом, когда из двух взаимосвязанных однокорневых единиц одна *determinante*, а другая — *determinee*, одна — источник порождения, а другая — его результат[3].

Следовательно, приведенные выше примеры слов *chain-drink* и *chain-chew* являют собой образчик глагольного словосложения и в полной мере могут быть отнесены к сложным или составным глаголам. По этому вопросу можно полностью согласиться с И.В. Арнольд, предлагающей различать анализ морфемного состава слова и анализ деривационного процесса, которые могут либо совпадать, либо разниться (как в случае с выше приведенными примерами)[4]. Появляется возможность предположить отсутствие жестко заданной корреляции между морфемным составом и словообразовательной структурой или, точнее, деривационным механизмом. Пример с глаголами, имеющими первой составляющей основу *chain*, показыают, что с появлением отличной от исходной словообразовательной модели запускается совершенно иной деривационный механизм, хотя на уровне конституентов и структуры значения наблюдается абсолютное тождество. Наглядным примером данного явления могут послужить слова с суфиксом-неологизмом *(a)holic* (*coffeeholic, happyholic, milkaholic, clothesaholic, sleepaholic, etc.*), который был выделен в качестве моделеобразующего для слов со значением “имеющий пристрастие к чему-либо” из слова *workaholic (трудоголик)*, появившегося в процессе образования слов-слитков (Blending) из *work* + *alcoholic*.

Исходя из вышесказанного, было бы более целесообразно развести по разным полюсам, рассматривать отдельно и не смешивать операции порождения языковой единицы (словообразовательного процесса) и реальные слагаемые (конституенты) ее структуры.

Под производной понимается любая вторичная, т.е. обусловленная другим знаком или совокупностью знаков единица номинации со статусом слова независимо от структурной простоты или сложности последнего. Производными считаются и производные аффиксального типа, и сложные слова, и производные, созданные путем конверсии или же усечения и т.п. Производное возникает в результате применения какой-либо формальной операции (средства) к производящей единице, причем связи между ними воспринимаются как живые. Одна из двух единиц рассматривается как исходная — источник деривации, единица мотивирующая, другая — как результат деривации, единица мотивированная[5]. К вышеперечисленным морфологическим типам деривационного механизма можно добавить семантический (сдвиг значения) и заимствование.

Антиномия деривационного механизма и морфемного состава языковой единицы характерна не только для сложных глаголов, но и для других структурно-морфологических типов. Рассмотрим примеры слов, имеющих в своем составе деривационные аффиксы (префиксы и/или суффиксы). В двух нижеприведенных сериях содержится по четыре выделенных жирным шрифтом слова, имеющих в своем составе префикс *de-* и *un-* с негативным или реверсионным значением.

[3] Серебренников 1972, 371.
[4] Арнольд 1986, 82.
[5] Кубрякова 1981, 5.

He managed to ***derail*** *the proposal just before Christmas. (Chapman)*

Q. Have you always lived in Beaumont since you came off the farm?

A. No, I lived in Orange before I married and ***demarried****. (Lederer)*

A time of ended hopes and deep ***dejection****. (Hailey)*

A solitary gum tree for which he had an especial affection seemed likely to withstand the tempestuous disruption but that too was at length ***deradicated*** *and sent wildly hurling and thrashing like a dog maddened with the pain of the whip. (Saussy III)*

Три примера из четырех образованы путем префиксации, а в образовании четвертого задействован иной деривационный механизм. Слова *derail*, *demarry* (окказионализм), *dejection*, *deradicate* имеют в своем составе префикс *de-*, корневую морфему (*rail, marry, ject*, *radic*), а также деривационные суффиксы *-ion* и *-ate* в двух словах и функциональный аффикс *-ed* в двух случаях. Однако слово *dejection* образовано путем суффиксации, а не префиксации (т.е. в данном слове префиксация имела место на более ранней стадии деривации, предшествующей суффиксации, и даже не в английском, а в латинском языке, из которого через французский оно было заимствовано английским языком).

Следующие примеры имеют в своем составе префикс с негативным значением *un-*, однако и в этой серии примеров в одном случае из четырех последний в цепи прочих деривационный шаг, фиксирующий данную языковую единицу в данной форме с данным значением, дистрибуцией и валентностью, является отличным от префиксации, имеющей место в трех других. Это относится к слову *unmentionables*, которое образуется путем конверсии (субстантивации) от производного прилагательного.

...required to don upper and lower ***unmentionables.*** *(Chapman)*

Like great. She's real ***unreal.*** *(Chapman)*

A hard line drive is a blue darter, frozen rope, or an ***ungodly*** *shot. (Chapman)*

...leading us to think you are so ***untogether*** *that you want other blacks to go through the same thing. (Chapman)*

В следующих примерах выделенные слова имеют в своем составе суффикс *-ment*, указывающий на результат или средства действия соответствующего глагола. Первые три слова образовались в результате суффиксации, а четвертое слово — *sentiments* — является продуктом заимствования из латинского языка, в котором суффикс *-mentum* имел идентичное значение.

He ... informed my progeny that any sign of disobedience would incur immediate ***banishment*** *to the bus for the rest of the day. (Francis)*

If Spiro could be classified as our guardian angel to whom no request was impossible of ***fulfilmen****t, Dr. Theodore Stephanides was our oracle and guide to all things. (Durrell)*

My heart beat with ***excitement****... (Durrell)*

What are his ***sentiments*** *in the matter? (Barnhart)*

Каждое производное слово отражает итоги речемыслительной, познавательной и номинативной деятельности человека, поэтому, исследуя производные слова in nascendi, мы получаем возможность судить о том, каковы особенности этой деятельности и что, в частности, позволяет отличить процессы словообра-

зования от актов номинации другого порядка[6]. Определение словообразовательной структуры производного, а тем самым и опознавание словообразовательного типа, по которому это производное создано, есть результат идентификации последнего деривационного шага[7].

В нижеследующем задании предлагается идентифицировать деривационный механизм (т.е. последний деривационный шаг) в производных, имеющих префикс в своем составе, как префиксацию, суффиксацию, композицию (или словосложение), конверсию, аббревиацию (сокращение), обратное словообразование (реверсию), заимствование (заимствованный дериват).

*He will **infallibly** get the bird, and I want to witness his downfall. (Wodehouse).*

*I gave her a quick **recap** of the incident. (Chapman) fr. recapitulation*

*"Anybody who continues to live in a subculture so demonstrably sick has no right to call himself well. The only well thing to do is what I'm going to do now, mainly, jump out of this window." So speaking Winsome straightened his tie and prepared **to defenestrate**. (Saussy III) fr. defenestration*

*For some time we discussed the foibles and **dissected** the characters of our fellow men with great relish and then I noticed that Lulu was missing from the scene. (Durrell) fr. Latin dissecare*

***Revivalism**, the archbishop admits, accomplishes some things for which God should be praised. (Barnhart)*

*The rude little girl spoke to her mother with **unheard-of** impudence. (Barnhart)*

*We may keep alive the consciousness that it is alike our highest wisdom and our highest duty to regard that through which all things exist as the **Unknowable.** (Barnhart)*

Итак, все семь дериватов имеют идентичную по своей природе начальную в линейной структуре морфему — префикс (*in-, re-, de-, dis-, re-, un-, un-),* однако разительным образом отличаются в плане деривационного механизма. *Infallibly* образовано путем суффиксации от прилагательного *infallible. Recap* — это продукт аббревиации, *to defenestrate* — результат обратного словообразования, а *dissect* — заимствованное в данной структуре слово. *Revivalism* появилось в результате суффиксации, *unheard-of* — словосложения, *unknowable* — префиксации. Вышеприведенные примеры демонстрируют принципиальное несоответствие морфемного состава слова и его деривационного механизма.

Традиционно принято выделять следующие структурные конституенты, задействованые в английской словообразовательной системе: корневые морфемы (свободные и связанные), деривационные аффиксы (префиксы и суффиксы) и функциональные аффиксы акцидионального характера. В зависимости от комбинации и количества первых двух типов признается существование следующих структурных групп слов: 1) аффиксальные слова (дериваты — affixed, drived words), имеющие в своем составе корневую морфему и один или несколько деривационных аффиксов; 2) сложные или составные слова, включающие минимум две свободные основы, как простые, так и производные (compound words); 3) простые или корневые слова, имеющие в своем составе одну неделимую свободную морфему (root words); 4) сложно-производные слова с основой, состоящей из двух свободных морфем и общего, оформляющего все слово деривационного аффикса

[6] Кубрякова 1981, 21.

[7] Серебренников 1972, 360.

(compound-derivatives типа *blackmailer*). Появление каждого из этих типов обусловлено не только словообразовательным процессом, обозначенным в его названии, но и в результате иных, имеющихся в словообразовательном арсенале языка механизмов. Так, помимо аффиксации, слово с аффиксом в составе может быть продуктом:

Словосложения (Compounding): eye-catcher; inn-keeper; looker- upper

Конверсии (Conversion) *reclaim* n.; *manual* n.

Аббревиации (Abbreviation): *decaf* (fr. *decaffeinated*)

Обратного словообразования (Back-formation): *unease* (fr. *uneasy*)

Образования слов-слитков (Blending): *transistor* (fr. *transfer* + *resistor*)

Заимствования (Borrowing — loan derivative): *subject*; *doctrine*

А в результате словосложения (Compounding): могут появиться либо сложные слова типа *reeze-dry*, либо корневые слова типа *handicap, twofer, whodunit, helluva*. В то же время сложное слово может быть результатом не только:

1) словосложения (compounding), или точнее, сложения основ — *duty* + *free* = *duty-free*, но и

2) конверсии от сложных слов (conversion) — *to blueprint* и словосочетаний — *a cutthroat, show-me, to six-pack, dive-by;*

3) обратного словообразования (back-formation) — *to babysit* fr. *babysitting* or *babysitter;*

4) кальки (loan translation) — *to brainwash* fr. Chinese *hsi nao* “wash brain”;

5) народной этимологии (folk etymology) –*go-down* n. (in India and Eastern Asia) a warehouse [fr. Malay *gědong* or *gudong* warehouse]; *cat-soup* (var. of *ketchup or catchup*).

Итак, любое производное слово любого структурного типа может появиться в английском языке в результате одного из следующих деривационных процессов: 1) аффиксации; 2) аббревиации; 3) конверсии; 4) словосложения; 5) образования слов-слитков; 6) обратного словообразования; 7) заимствования (кальки). Возможные корреляции структурных типов и деривационных механизмов представлены на примерах в следующей таблице.

	Structural word type			
Word-building mechanism	Root word	Derivative (affixed word)	Compound	Compound derivative
Affixation	–	Enforcer	–	oldmaidish
Compounding	window	looker-upper	pocketbook	
Conversion	the big *do*	she is *a natural*	to get mouse-trapped	–
	snafu		sitcom	
Abbreviation	smog	…to detox transistor	–	
Blending	to laze	unease	To test-fly	–
Backformation				–
Borrowing	tundra	subject, doctor	to brainwash	
(calque)				–

Итак, производное слово представляет собой такую единицу наименования, которая вторична, так как опирается на готовые знаки языка, мотивирована потому,

что содержит в своей морфологической структуре какие-то из исходных знаков, расчлененно отражает передаваемое ею содержание и которая в целом может рассматриваться как выводимая единица номинации со статусом слова (универба)[8]. Мотивация производного слова и его морфемные конституенты выявляются через процедуру анализа по непосредственным составляющим. Закономерности и особенности образования новых лексических единиц устанавливаются в процессе словообразовательного анализа, который включает в себя морфологический, семантический, генетический и функциональный анализ. Анализ производных слов предполагает изучение сочетаемости словообразовательных элементов с основами и выявление тех связей, которые существуют между производящими основами. Словообразовательный анализ начинается, таким образом, с установления деривационных отношений и завершается определением формально-семантических особенностей производного, т. е. идентификацией и выявлением его места в существующей структурно-семантической классификации производных[9]. Тот факт, что производные слова по самой своей сути представляют вторичные образования, соотнесенные в системе данного языка с первичными или, точнее, исходными единицами, заставляло предположить, что производное непредельно и разлагается на другие элементарные компоненты, некие непосредственно составляющие (НС) производного. Определение этих НС в терминах морфемы несостоятельно и вследствие этого было бы предпочтительнее оперировать в словообразовании своими собственными единицами[10].

Словообразовательный или морфологический анализ, базирующийся на анализе по НС, позволяет установить пошаговую деривационную модель слова с выявлением не только границ составляющих, но и их структурно-семантических коррелятов, что играет далеко не последнюю роль при вычлнении значения неизвестного слова или при изучении английского языка как иностранного.

Как известно, НС — это одна из двух значимых элементов, составляющих большее по протяженности высказывание. Границы составляющих определяются путем корреляции с уже известными аналогичными образованиями. При этом, как правило, каждый последующий этап анализа совпадает не с линейной последовательностью составляющих, а с очередным деривационным шагом словообразовательного механизма. Суть такого подхода состоит в том, что в анализ вовлекаются сходные и различные элементы, сходные и различные дистрибутивные формулы, как синтаксические и морфотактические, так и семантические. Для того чтобы не возник сбой при анализе производных, полученных путем таких нелинейных словообразовательных процессов, как конверсия, необходимо начинать анализ с сотнесения формы слова с его лексико-грамматическими параметрами и словоизменительной парадигмой, что чаще всего выявляется через корреляции с единицами окружающего контекста.

Ниже приводятся два примера анализа по НС, причем во втором случае дано “экзотическое” слово, которое можно найти лишь в словарях редких слов. В результате выявляется не только структура, но и значение слов.

Their ***imperturbableness***, their air that nothing has happened renews our guarantee.

[8] Кубрякова 1981, 23.
[9] Каращук 1977, 11.
[10] Серебренников 1972, 359.

1. imperturbable+-ness *im-+perturbableness *imperturb+-ableness	(*-ness*, abstract noun suffix meaning state, quality; added to adjectival stems: *kindness, fondness, daintiness*. A man…cool and quite English, *imperturbable*)
2. im-+perturbable *imperturb + -able	(*im-*, a negative prefix added to adjectival stems: *impossible, impolite, immodest.* *Perturbable*, liable to be disqieted or agitated)
3. perturb+-able *per-+turbable	*-able,* adjicteval suffix meaning able, worthy to be V-ed, added to verbal stems: *readable, forgettable.* Highly *perturbed*, he wondered what was coming next. (*per-*, meaning through, throughout: *perfume, perforate*, peruse; *turbable)
4. per-+turb	(*per-*, *persist, persecute, perspire*; *turb-*: *turbid, turbulate, turbine, disturb*; fr. Lat. *turba*, *turmoil crowd*).

{im-+ [(per-+turb)+- able]} -ness: calmness (невозмутимость. спокойствие)

Bathysiderodromorphobia

1. *bathysiderodromo* + *phobia*. *Phobia* is a free root morpheme; so the word under analysis is a compound. *Phobia*: *fear*. (*phobia*, a persistent, morbid or insane fear of a specific thing or group of things: acro*phobia* — fear of heights, batho*phobia* – fear of depth, eco*phobia* — fear of home, theatro*phobia* — fear of theaters).

2. *bahtysiderodrom* + *-o-* (*-o-*, a linking vowel in compounds: speed*o*-meter, thermometer, drunk*o*meter, Angl*o*-Russian)

3. *bathy* + siderodrom. *Bathy – deep*, in the depth (*bathy*al, having to do with the *deeper* levels of the ocean, *bathy*scaph, an apparatus for *deep*-sea exploration, *bathy*naut – a *deep*-sea explorer, *bathy*gram – a graphic record of water *depth* obtained from on echo sounder)

4. Sidero+*drom*. *Drom* — track, course, a running, *road* (*drom*edary, the swift one-humped camel of Arabia fr. Gk *Dromos — a running*; *Dromos* [*Archeology*], a *passage* often between rows of columns, leading to a temple fr. Gk *Dromos* a *running*, race *course*, an avenue hippo*drome* in ancient Greece and Rome an oval *track* for horse races; air*drome* [Brit. Aero*drome*], large *tract* of open level ground, including all buildings and fixtures for the operation of aircraft).

5. *Sider* + *-o-* . *Sider-: iron* (*sider*ography, the art of engraving on *steel; sider*olite, a meteorite composed of a mixed mass of iron and stone; *sider*osis, a chronic inflammatory disease of the lungs caused by inhalation of *iron* particles; *sider*urgy, the art of working in *iron* and steel. *-o-*, linking vowel)

Bathysiderodromophobia, fear of deep iron roads, i. e. fear of railroads (tracks with parallel *steel* rails) in the depth (i. e. underground) — *fear of subways, undergrounds or metros* (значение слова — боязнь метро).

Анализ данных слов весьма наглядно продемонстрировал представление о системной синхронной значимости компонентов и их последовательности, их синхронной повторяемости в однотипных оппозициях, соотнесенность с определенной стереотипной семантической и структурной формулой и пошаговой деривационной моделью.

ЛИТЕРАТУРА

Гинзбург Р. З., *Князева Г. Ю.*, *Санкин А. А.* 1979: A Course in Modern English Lexicology. М.

Каращук П. М. 1977: Словообразование английского языка. М.

Кубрякова Е. С. 1981: Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.

Серебрянников Б. А. (ред.) 1972: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.

Arnold I. V. 1986: The English Word. М.

Marchand H. 1969: The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. Л.

WORD-BUILDING MECHANISM VERSUS MORPHEMIC WORD-STRUCTURE

L. I. Shvydkaya

The article deals with the correlation between word-building mechanism and morphemic build-up of a word. This approach makes it possible to refer to members of the group with identical morphemic structure as units whose origin involves different morphological mechanisms.

Key words: structural word type, affixation, compounding, conversion, back formation, immediate constituent

---

© 2012

И. В. Войтещук

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИРОДНОЙ ВОДЫ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются различные формы выражения количественной оценки природной воды в немецком и русском языках, выявляются семантическая неоднородность этого признака у водных объектов, универсальные и национальные характеристики признака.

Ключевые слова: лингвистика, номинанты, номинативная плотность языкового фрагмента, семантические группы, национальная специфика

В толковых словарях немецкого и русского языков вода описывается как прозрачная, бесцветная жидкость, не имеющая вкуса, запаха и представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом[1]. Наряду с качественными характеристиками, словари дают количественную оценку воды, указывая на ее способность образовать скопления различного вида: водоемы — моря, реки, озера и т.п., водные массы, пространства, участки водоемов и т.д.[2] Цель данной

Войтещук Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета. E-mail: wfirina@mail.ru

[1] Евгеньева 1999, 191; Dudenredaktion 2003, 1714.

[2] Евгеньева 1999, 191; Dudenredaktion 2003, 1714.

статьи — описать языковые знаки, номинирующие прямо или косвенно квантитативные особенности природной воды в ее жидкой форме.

В номинативном поле субкатегории «жидкая вода» в немецком и русском языках представлено 360/369 номинантов, описывающих воду количественно, при этом количество является не точной математической величиной, а приблизительной оценкой в параметрах «большой — маленький», «глубокий — мелкий», «целое — часть» и т.д. Номинанты были набраны методом сплошной выборки из толковых и двуязычных словарей немецкого и русского языков: «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, «Deutsches Universalwörterbuch» издательства «Дуден», «Большого немецко-русского словаря» под общ. рук. О. И. Москальской и «Русско-немецкого словаря» под ред. К. Лейна. Выявленные лексемы относятся к общенациональным языкам и отражают «наивные» представления немцев и русских о количественных параметрах воды.

Материал нашей картотеки показывает, что квантитативная оценка жидкой воды семантически разнообразна. Вода, как известно, вещество аморфное, принимающее ту или иную форму в зависимости от условий внешней среды. Естественными формами существования воды в природе являются водоемы. Вследствие этого при описании и обозначении водоемов в немецком и русском языках, наряду с другими признаками, учитывается их размер:

ручей: *1. Небольшой естественный водный поток…*

Wasserlauf, *der: [kleines] fließendes Gewässer …*

пруд: *небольшой искусственный водоем …*

Teich*, der: kleineres stehendes Gewässer; kleiner See…*

море: *1. Часть Мирового океана, более или менее обособленная сушей или возвышенностями подводного рельефа || Очень большое озеро, а также большой искусственный водоем …*

Meer, das*: 1. sich weithin ausdehnende, das Festland umgebende Wassermasse, die einen großen Teil der Erdoberfläche bedeckt …*

В русском языке размер часто уточняется уменьшительно-ласкательными суффиксами:

река: *1. Естественный значительный и непрерывный водный поток, питающийся поверхностным или подземным стоком с площадей своих бассейнов и текущий в разработанном им русле …*

речка: *небольшая, неширокая река…*

речушка: *разг., уменьш.-ласк. к река; маленькая река…*

болото: *топкое место, часто со стоячей водой…*

болотце: *уменьш. к болото; небольшое болото…*

В немецком для этих целей используются корневой или синтаксический способ объективации:

Fluss, *der: 1. größerer natürlicher Wasserlauf…*

Strom, *der: 1. a) großer (meist ins Meer mündender) Fluss …*

Bach, *der: 1. kleiner natürlicher Wasserlauf von geringer Tiefe u. Breite …*

Rinnsal, *das: a) sehr kleines, sacht fließendes Gewässer …*

See, *der: größere Ansammlung von Wasser in einer Bodenvertiefung des Festlandes; stehendes Binnengewässer…*

Weiher*, der (bes. südd.): kleiner, flacher See…*

***Woog**, der (landsch.): a) kleiner See...*

Уменьшительно-ласкательные формы существительных-водоемов в немецком языке употребляются в силу определенных ментальных причин значительно реже. Формам *Flüsschen, Pfützchen, Sümpfchen* немцы предпочитают номинанты *Bach, kleiner Fluss*, *kleine Pfütze*, *kleiner Sumpf,* которые позволяют им в речи избежать так называемого «сюсюканья».

Представительную группу в исследуемых языках образуют существительные, обозначающие не весь водоем, а только его часть, участок или место, выделяющееся особенностями ландшафта, глубиной, течением, специфической функцией и т.д.:

***устье:** место впадения реки (в море, озеро и т.п.), конечный участок нижнего течения реки …*

***Mündung,** die: 1. a) Stelle, an der ein Fluss o. Ä. mündet ...*

***лагуна**: 1. Мелководный залив или озеро, отделенные от моря вследствие образования наносной полосы из песка, гальки и т. п. …*

***Lagune,** die: vom offenen Meer durch einen Streifen Land, durch Riffe o. Ä. abgetrenntes Wasser…*

***быстрина:** место быстрого течения в реке; стремнина, стрежень…*

***Stromschnelle**, die: Strecke, auf der ein Fluss plötzlich schneller, reißend fließt…*

***бьеф**: гидротех. Участок реки или канала выше или ниже подпорного сооружения (плотины, шлюза, и т. п.)…*

***Oberwasser,** das: oberhalb einer Schleuse, eines [Mül]wehrs gestautes Wasser…*

Количественная оценка присутствует также при обозначении форм движения воды. Вода, по данным немецкого и русского языков, перемещается в форме пыли, брызг, капли, потока, фонтана, струи, потеков, волн различной величины:

***брызги:** капли жидкости, разлетающиеся от удара, всплеска и т. п. …*

***Spritzer,** der: 1. a) kleinere zusammenhängende, durch die Luft fliegende Menge einer Flüssigkeit;*

b) kleine Menge einer Flüssigkeit, die jmd. in, auf etw. spritzt …

***капля:** 1. Маленькая частица жидкости, принявшая округлую форму …*

***Tropfen**, der: 1. a) kleine Flüssigkeitsmenge von kugeliger od. länglich runder Form...*

***струя:** узкий поток текущей воды, жидкости …*

***Strahl**, der: 2. <Pl. selten> aus einer engen Öffnung in Form eines Strahls (1) hervorschießende Flüssigkeit ...*

***цунами:** гигантские волны, возникающие на поверхности океана (чаще Тихого) в результате сильных подводных землетрясений…*

***Tsunami**, der: durch Seebeben ausgelöste Flutwelle im Pazifischen Ozean…*

***вал:** 2. Высокая волна ...*

***Roller,** der: 6. (Meeresk.) lange, hohe Welle, die in schwerer Brandung auftritt…*

Многие динамические глаголы, описывающие движение воды в немецком и русском языках, содержат в своих значениях количественные семы, например:

***сочиться**: течь, вытекать по капле или тонкой струйкой (о жидкости)…*

***sickern**: (von Flüssigkeiten) allmählich, tröpfchenweise durch etw. hindurchrinnen, spärlich fließen …*

брызгать: *1. Разбрасывать, с силой извергать капли жидкости, искры, мелкие частицы чего-л.;*

2. Разлетаться, рассеиваться каплями, мелкими частицами ...

spritzen: *1. (eine Flüssigkeit) in Form von Tropfen, Spritzern irgendwohin gelangen;*

2. durch Druck in Form eines Strahls aus einer engen Öffnung, einer Düse o. Ä. hervorschießen, hervortreten [u. irgendwohin gelangen];

5. a) sich in Form von Spritzern, Tropfen in verschiedenen Richtungen hin verteilen, gespritzt (1, 2) werden ...

Немецкий язык фиксирует также способность природной воды образовать скопления, которые не являются формами ее движения или существования. Речь идет об определенном количестве воды, имеющемся в наличии где-либо у кого-либо. Эта характеристика передается определительным компонентом сложного слова *Wasser-*. На русский язык такие композиты переводятся свободным или устойчивым словосочетанием:

Wassermasse, *die: große Menge Wasser.* ***Водная масса, масса воды.***

Bad, *das: 1. a) größere Menge temperiertes Wasser in einer Wanne zur Reinigung, Erfrischung des Körpers od. zu Heilzwecken.* ***Вода в ванной.***

Wassermenge*, die: Menge Wasser.* ***Количество воды.***

Wasserreservoir, *das: 2. Wasservorrat.****Wasservorrat,*** *der: Vorrat an Wasser; Wasserreservoir (2).* ***Запас воды, водные ресурсы.***

Количественные семы мы обнаруживаем в значениях лексем, обозначающих глубину вод, водоемов или высоту уровня воды. В нашей картотеке представлены слова, номинирующие понятие уровня воды, а также уточняющие этот уровень:

Meeresspiegel*, der: 1. Spiegel (2 a) des Meeres…*

уровень моря

межень: *1. Самый низкий уровень воды в реке, озере…*

Niedrigwasser*, das : a) niedriger Wasserstand von Flüssen u. Seen;*

b) *niedrigster Wasserstand bei Ebbe …*

ординар: *спец. Средний (за много лет) уровень воды в какой-л. реке…*

Этот смысл передают также имена прилагательные:

мелководный*: с низким уровнем воды (о реках, озерах); неглубокий …*

seicht*: 1. mit geringer Tiefe; nicht tief…*

Количественный признак «изменение уровня воды» объективируется существительными и глаголами. Мы обнаружили различную номинативную плотность этого фрагмента в немецком и русском языках. В русском языке, по данным нашей картотеки, преобладают единицы, обозначающие наводнение, потоп, а также повышение уровня воды в водоемах:

паводок*: кратковременное поднятие уровня воды в реках и других водоемах, происходящее вследствие таяния снега, льда, сильных дождей и т. п. …*

наводнение*: 1. Значительное затопление местности в результате подъема уровня воды в реке, озере или море, обычно являющееся стихийным бедствием …*

потоп: *1. По библейскому сказанию: наводнение, затопившее за грехи людей всю землю ...*

водополье*: прост. Половодье …*

***половодье**: разлив реки, наступающий в определенное время вследствие таяния снегов, льда, сезонных дождей ...*

***полая вода**: фр. Вода, разлившаяся по вскрытии реки весной* ...и т.д.

Среди глаголов, обозначающих повышение уровня воды, много разговорной лексики:

***раздуться**: 2. Разг. ... || Стать полноводным, подняться выше обычного уровня...*

***взбухнуть**: ...|| Подняться выше обычного уровня (о реке, ручье и т. п.)...*

В немецком языке, в отличие от русского, лексически полнее разработаны понятия «прилив — отлив». Помимо индивидуализирующих номинаций *Flut, Ebbe, Sturmflut*, здесь представлены несколько родовых понятий для этих процессов:

***Gezeit,** die: a) <Pl.> (durch die Anziehungskraft des Mondes mitverursachte) Bewegung der Wassermassen des Meeres, die an den Küsten als periodisches Ansteigen u. Absinken des Meeresspiegels in Erscheinung tritt; Ebbe und Flut...*

***Tide,** die: b) <Pl.> Gezeiten (a)...*

Количественная оценка воды в обоих языках осуществляется с помощью терминов, называющих физические величины:

***кабельтов**: мор. Морская мера длины, равная 185,2 м. (род. мн. ка́бельтовов и ка́бельтов)...*

***Kabellänge,** die (Seew.): nautisches Längenmaß von $^{1}/_{10}$ Seemeile...*

***водоизмещение:** количество вытесняемой судном воды, по весу равное весу судна...*

***Wasserverdrängung**, die: Wassermenge (in Tonnen), die ein Schiff mit dem unter der Oberfläche liegenden Teil verdrängt u. die der Masse des gesamten Schiffs entspricht...*

***дебит:** количество жидкости (нефти, воды и т.д.) или газа, даваемое источником в единицу времени.*

Fördermenge, die; Ergiebigkeit, die.

Особого внимания заслуживает количество, представленное в виде процесса в значениях глаголов и отглагольных существительных. Выше мы уже писали о динамических глаголах с определенной формой движения воды и глаголах изменения уровня воды в водоемах. Помимо названных признаков, в семантике процессуальных слов мы обнаружили также изменение количества, связанное с затоплением участков суши, заполнением или переполнением емкостей, с уменьшением или увеличением объема воды, ее исчезновением или удалением субъектом:

***затопить**[2]: 1. Залить, покрыть водой поверхность чего-л ...*

***überfluten**: 1. in einer großen Welle über etw. hinwegströmen u. überschwemmen (1) ...*

***перелиться:** 2. Переполнив собой какое-л. вместилище, водоем и т. д., вылиться, вытечь, распространиться за его пределы...*

***überlaufen**: 1. a) über den Rand eines Gefäßes, Behältnisses fließen;*

b) so sehr mit Flüssigkeit gefüllt sein, dass diese überfließt (1 a)...

***собраться:** постепенно набраться в каком-л. количестве, скопиться где-л. (о воде, паре и т. п. ...*

***sammeln** 2. c) <s. + sich> zusammenfließen, -strömen; sich ansammeln (2 b) ...*

сбежать: *2. Стечь (о жидкости)…*

ablaufen: *2. a) ab-, wegfließen...*

вылить*: 1. Заставить жидкость вытечь, удалить ее, наклоняя или опрокидывая сосуд …*

ausgießen*: 1. a) aus einem Gefäß gießen, weggießen…*

Количественные характеристики воды в значениях многих глаголов связаны, кроме того, с интенсивностью, скоростью движения вещества, его способностью воздействовать на другие объекты и т.д. Квантитативные семы при этом могут только подразумеваться в контексте всей дефиниции глагола, например:

низвергаться: *2. Книжн. Потоком, лавиной устремлятся сверху вниз, падать…*

stürzen*: 2 ... b) (von Wasser o. Ä.) mit Vehemenz hervorbrechen, heraus-, herabfließen...*

бушевать*: 1. Бурно, стремительно проявлять какое-л. движение, силу (преимущественно разрушительную) …*

tosen*: 1. a) in heftiger, wilder Bewegung sein u. dabei ein brausendes, dröhnendes Geräusch hervorbringen…*

умчать*: 1. … || Подхватив, увлечь, унести силой своего движения ...*

fortreißen*: mit einer heftigen Bewegung erfassen u. von einem Ort gewaltsam wegbringen, mit sich nehmen, wegreißen ...*

Итак, количественное видение природной воды играет немаловажную роль в общем восприятии свойств и функций этого вещества немецким и русским народом. Наш анализ показал, что квантитативный признак воды семантически неоднороден, обладает универсальными и национальными чертами.

ЛИТЕРАТУРА

Евгеньева А. П. (ред.) 1999: Словарь русского языка: в 4-х т. М.

Лейн К. (ред.) 1989: Русско-немецкий словарь. М.

Лепинг Е. И., *Страхова Н. П.*, *Филичева Н. И.* и др. (авт. — сост.) 2002: Большой немецко-русский словарь: в 3-х т. М.

Dudenredaktion 2003: Deutsches Universalwörterbuch. 5., neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim.

QUANTITATIVE CHARACTERISTICS OF NATURAL WATER IN GERMAN AND RUSSIAN

I. V. Voiteshchuk

The article considers different wording of quantitative assessment of natural water in German and in Russian, determines dissimilar semantic features characteristic of water bodies, universal and national characteristics of the feature.

Key words: linguistics, denotatum, nominative density of of a linguistic fragment, semantic groups, national peculiarity

© 2012

О. М. Лунцова

ТРАНСФОРМАЦИЯ БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ «ДРУЖБА — ВРАЖДА», ‘‘FRIENDSIP — ENMITY’’ В ГРАДУАЛЬНЫЕ (ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье рассматриваются когнитивные категории дуальности и градуальности в рамках градуальной оппозиции. Исходя из данных ассоциативного эксперимента в своем исследовании, автор доказывает, что оппозиции «дружба — вражда», ‘friendsip — enmity’, традиционно считавшиеся бинарными в русском и английском языках, могут быть представлены и как градуальные.

Ключевые слова: дуальность, градуальность, дуальная оппозиция, градуальная оппозиция, ассоциативный эксперимент

Метод эксперимента, который изначально применялся в психолингвистике, в настоящее время широко используется в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии (при исследовании концептов), что обусловлено общим антропоцентрическим направлением современной лингвистической науки. При проведении эксперимента все исследователи стремятся подтвердить или опровергнуть какую-либо гипотезу. В данном исследовании метод направленного ассоциативного эксперимента призван подтвердить предположение о том, что традиционно считавшиеся бинарными оппозиции «дружба — вражда» и ‘‘friendship — enmity’’ можно рассматривать и как градуальные оппозиции.

Категория дуальности (или бинарности) достаточно широко представлена в научной литературе и имеет основательную методологическую базу. Вопрос градуальности (или градационности) в настоящее время продолжает находиться в стадии разработки. Наше исследование посвящено выявлению тесной взаимосвязи между обеими категориями, а также отдельному изучению градуальной оппозиции, актуализирующей потенции описываемого явления в большей степени по сравнению с дуальной, поскольку позволяет перейти от восприятия двухмерного образа к трехмерному и даже многомерному.

Вопросу бинарных оппозиций посвящено много научных исследований в разных областях гуманитарного знания. Существует длительная и богатая философская традиция, признающая бинарность структурообразующим принципом мышления и бытия человека. «Бинарные оппозиции <…> выступают необходимым фактором генезиса, функционирования и развития продуктивных форм человеческого бытия»[1]. В основе мироздания лежит закон единства и борьбы противоположностей (предложенный марксистско-ленинской философией), что можно наблюдать во всех проявлениях действительности. Наше мышление также определяется данным законом, подтверждение чему можно обнаружить в лингвистической семантике. Язык выступает в качестве орудия познания процессов мышления.

Лунцова Ольга Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: olga-luntsova@yandex.ru

[1] Воробьева 2005, 8.

Именно в языке есть такое явление, как антонимы — слова, выражающие противоположности в языке и мышлении.

В современном языкознании «дуальность — это такой принцип восприятия и языкового отображения мира, в соответствии с которым действительность интерпретируется как единство антиномий, противоположностей»[2]. Данное диалектическое единство усматривается в «семантическом инварианте», объединяющем полярные члены оппозиции. Противоположность, лежащая в основе антонимии, есть различие внутри одной и той же сущности: *легкий — тяжелый* (вес), *ближний — дальний* (расстояние от чего-либо) и т.д.[3] Однако, по замечанию М. В. Никитина, общее основание противоположных признаков нередко скрыто, затемнено их противоположностью, уступает в яркости противоположности и как бы перечеркнуто ею и поэтому не получает устоявшегося обозначения в языке. Сознание и язык могут задерживаться на уровне частного, более конкретного и испытывают затруднения в освоении общего, более абстрактного, целого[4].

Если применить принцип диалектики к исследуемым полярным оппозициям «дружба — вражда» и "friendship — enmity", можно сказать, что их родовое понятие (семантический инвариант) – *отношения, основанные на приязни / неприязни друг к другу*.

Изучение противоположностей в философии, как и в современном языкознании, не ограничивается лишь исследованием бинарных оппозиций. В связи с вопросами полярных противоположностей также рассматривается проблема градуальности, которая расширяет взгляд на проблему оппозиций.

Любую форму дуализма следует рассматривать как часть более широкой трехчленной классификации. В логике противоположные (контрарные) понятия рассматриваются как несовместимые, между которыми возможно третье, среднее и которые не только отрицают друг друга, но и несут в себе нечто положительное. Например, понятия типа *белый* и *черный* не заполняют всего объема родового понятия *цвет*. Между ними логически возможно среднее понятие. Неправильно и недостаточно сказать, что *белый* — это просто *не-черный*, так как понятие *белый* не отграничивается от среднего понятия (*светлый, серый, темный* и т.д.)[5]. Таким образом, противоположности взаимопроницаемы, они способны переходить одна в другую в результате изменения качества (признака) предмета, который их характеризует.

Знаменитые типы оппозиций Н. С. Трубецкого для фонологических противопоставлений послужили развитию в языкознании не только темы дуальности, но и градуальности. Наряду с привативнымим (бинарными) и эквиполентными (равнозначными) оппозициями ученый выделял и градуальные (ступенчатые) оппозиции, члены которых отличаются различной степенью (или градацией) одного и того же признака[6].

Современный исследователь Т. М. Николаева считает, что ментальные структуры человека можно описать в терминах тех же оппозиций. «То есть одни мыс-

[2] Федяева 2003, 7.
[3] Новиков 2001, 634.
[4] Никитин 1996, 461.
[5] Кондаков 1971, 422–424.
[6] Трубецкой 2000, 80.

лят (или экстраполируют свои мысли) бинарными оппозициями, другие — градуальными <…> “*Кто не с нами — тот против нас*” — привативная оппозиция. “*Более или менее*”-мышление — градуальная оппозиция. “*Красные — Белые*” — эквиполентная. Однако эквиполентные, как правило, тяготеют к привативным»[7]. Согласно Т. М. Николаевой, дуальное мышление относится к более архаичному этапу сознания. Эволюция языка и человеческой ментальности — движение от дуальной модели к градуальной[8].

Э. Сепир в своих семантических исследованиях градуирования писал, что градуирование как психологический процесс предшествует измерению и счету, компаративы в сознании говорящего первичны по отношению к своим абсолютам, языковое употребление склонно отталкиваться от градуированных понятий[9].

Градуальность (как и дуальность) относится к разряду универсальных когнитивных категорий и является объектом не только гуманитарных наук, но и естественных. Более точное определение человечеством меры вещей, признаков, действий и связей явлений ведет к углублению понятия места и значимости градуальных отношений в различных областях знаний. В качестве примера неязыковой градационной схемы можно привести математическую систему координат Декарта, в центре которой находится точка отсчета — ноль, а по осям абсцисс и ординат располагаются шкалы, имеющие положительные и отрицательные цифровые показатели. Другой пример — температурные шкалы Цельсия, Фаренгейта, Кельвина и др. Единый принцип построения этих шкал свидетельствует об универсальности градуирования как свойства мышления человека.

Учитывая все особенности категорий дуальности и градуальности как свойства мышления, мы полагаем, что градуальная система категоризации не противостоит дуальной, а дополняет ее и, следовательно, может рассматриваться в системе *градуальной оппозиции*.

Предлагаемый градуальный подход к рассмотрению оппозиций «дружба — вражда» и “friendship — enmity” допускает существование среднего звена. Хотя промежуточное звено тернарной оппозиции выполняет функцию нормы на градационной шкале, относительно которой происходит деление общества на положительную и отрицательную зоны, аксиологическое понятие нормы в языке — явление достаточно сложно вычленимое, поскольку не имеет абсолютно фиксированного положения на градационной шкале. Норма не всегда занимает строго нулевую отметку. В зависимости от субъекта оценки она может распространяться в положительную и отрицательную области градационной шкалы. Необходимость введения среднего понятия вызвана чрезмерной категоричностью деления всего социума на друзей и врагов, поскольку оно не отражает всего спектра эмоциональных настроений и отношений, существующих в обществе. Иными словами, мир делится не только на друзей и врагов, и мы не состоим во враждебных отношениях со всеми, с кем мы не связаны узами дружбы. Отношения в социуме могут быть также прохладными, нейтрально-безразличными, благожелательными, приятельскими, и не всегда обязательно крайне дружественными или враждебными.

[7] Николаева 2000, 119.
[8] Николаева 2000, 123.
[9] Сепир 1985, 43–47.

С целью доказательства данного предположения русско- и англоговорящие испытуемые участвовали в направленном ассоциативном эксперименте, в котором им было предложено написать слово(а) и / или выражение(я) между словами «друг» и «враг», «дружба» и «вражда», ‘friend’ и ‘enemy’, ‘friendship’ и ‘enmity’[10].

Результаты данного эксперимента с носителями русского языка:

а) *ДРУГ 100* — приятель 26 (10,4%), товарищ 25 (10%), знакомый 29 (11,7%), родственник 3 (1,2%), сокурсник/сотрудник 8 (3,2%), компаньон 1 (0,4%), союзник 2 (0,8%), посредник 3 (1,2%), сосед 4 (1,6%), посторонний/незнакомый человек 9 (3,6%) — неприятный человек 6 (2,4%), обидчик 4 (1,6%), соперник 24 (9,7%), недруг/неприятель 26 (10,5%), оппонент 19 (7,7%), противник 23 (9,3%), недоброжелатель 14 (5,6%), предатель 10 (4%), чужой 9 (3,6%), агрессор 3 (1,2%) – *ВРАГ*

248 + 20 + 12 + 0

б) *ДРУЖБА 100* — приятельство 17 (8,8%), знакомство 15 (7,8%), товарищество 4 (2,1%), доверие 8 (4,1%), привязанность 7 (3,6%), симпатия 5 (2,6%), мирные отношения 5 (2,6%), теплые отношения 4 (2,1%), хорошие отношения 4 (2,1%), содружество 3 (1,6%), братство 2 (1%), деловые отношения 7 (3,6%), отношения типа «привет — пока!» 1 (0,5%), нейтральные отношения 10 (5,2%) — равнодушие 8 (4,2%), соперничество 16 (8,3%), плохие отношения 13 (6,8%), недоверие 11 (5,7%), вероломство 1 (0,5%), неприязнь 20 (10,4%), пакостничество 1 (0,5%), зависть 8 (4,2%), озлобление 3 (1,6%), ненависть 19 (9,9%) – *ВРАЖДА*

192 + 24 + 12 + 2

Данные эксперимента показывают, что оппозиции «друг — враг» и «дружба — вражда» в языковом сознании большинства носителей русского языка могут мыслиться как градуальные (отказы от выполнения данного задания составляют 12% от общего числа опрошенных).

Количество слов-реакций с положительной оценкой на стимул *друг — враг* составляет 44,4%, на стимул *дружба — вражда* — 47,9%, а с отрицательной — 55,6% и 52,1% соответственно.

Реакции на стимул *дружба — вражда* можно разделить на несколько групп по следующим семантических основаниям:

1) *эмоции и чувства* (**всего — 46,4%**):

дружба — доверие 8 (4,1%), привязанность 7 (3,6%), симпатия 5 (2,6%) — равнодушие 8 (4,2%) — недоверие 11 (5,7%), неприязнь 20 (10,4%), зависть 8 (4,2%), озлобление 3 (1,6%), ненависть 19 (9,9%) – **вражда;**

2) *взаимоотношения* (**всего — 52,6%**):

дружба — приятельство 17 (8,8%), знакомство 15 (7,8%), товарищество 4 (2,1%), мирные отношения 5 (2,6%), теплые отношения 4 (2,1%), хорошие отношения 4 (2,1%), содружество 3 (1,6%), братство 2 (1%), деловые отношения 7 (3,6%), отношения типа «привет — пока!» 1 (0,5%), нейтральные отношения 10 (5,2%) — соперничество 16 (8,3%), плохие отношения 13 (6,8%) — **вражда;**

3) *действие, событие* (**всего — 1%**):

дружба — вероломство (0,5%), пакостничество (0,5%) – **вражда.**

[10] Лунцова 2011, 169, 171.

Результаты направленного ассоциативного эксперимента с носителями английского языка по выявлению градуального характера отношений оппозиций с крайними членами ‘‘friend — enemy’’ и ‘‘friendship — enmity’’ представлены следующим образом:

1. *FRIEND 84* — acquaintance 27 (15,2%), closest acquaintance 1 (0,6%), fellow 7 (4,2%), chum 5 (3%), buddy 6 (3,6%), pal 5 (3%), companion 15 (9%), ally 7 (4,2%), lover 1 (0,6%) — unfriendly person 24 (13,5%), former friend 12 (6,7%), irritating person 7 (4,2%), resentful person 11 (6,2%), hostile person 31 (17,4%), hostile 8 (4,7%), aggressor 5 (3%), foe 7 (4,2%) — *ENEMY*

178 + 17 + 7 + 2

2. *FRIENDSHIP 84* — friendliness 18 (10,8%), closeness 4 (2,4%), respect 7 (4,2%), mutual respect 1 (0,6%), benevolence 3 (1,8%), acquaintanceship 20 (12%), fellowship 2 (1,2%), trust 5 (3%), neighbourliness 10 (6%), tolerance 11 (6,6%) – unfriendliness 21 (12,6%), intolerance 8 (4,8%), unneighbourliness 9 (5,4%), argument 10 (6%), disagreement 6 (3,6%), distrust 6 (3,6%), betrayal 12 (7,2%), anger 1 (0,6), hatred 12 (6,7%) — *ENMITY*

166 + 19 + 7 + 2

Полученные данные эксперимента показывают, что оппозиции ‘friend — enemy’ и ‘‘friendship — enmity’’ в языковом сознании большинства носителей английского языка могут мыслиться как градуальные (отказы от выполнения данного задания составляют 8,3% от общего числа опрошенных).

Количество слов-реакций с положительной оценкой на стимул ‘friend — enemy’ составляет 42%, на стимул ‘‘friendship — enmity’’ — 49%, а с отрицательной — 58% и 51% соответственно.

Реакции на стимул *friendship - enmity* можно разделить на несколько групп по следующим семантических основаниям:

1) *эмоции и чувства* (**всего ~ 70%**):

friendship — friendliness 18 (10,8%), closeness 4 (2,4%), respect 7 (4,2%), mutual respect 1 (0,6%), benevolence 3 (1,8%), trust 5 (3%), neighbourliness 10 (6%), tolerance 11 (6,6%), unfriendliness 21 (12,6%), intolerance 8 (4,8%), unneighbourliness 9 (5,4%), distrust 6 (3,6%), anger 1 (0,6), hatred 12 (6,7%) — **enmity**;

2) *взаимоотношения* (**всего ~ 14%**):

friendship — mutual respect 1 (0,6%), acquaintanceship 20 (12%), fellowship 2 (1,2%) — **enmity**;

3) *действие, событие* (**всего ~ 16%**):

friendship — argument 10 (6%), disagreement 6 (3,6%), betrayal 12 (7,2%) — **hostility / enmity**.

Сопоставление результатов данного эксперимента с носителями русского и английского языков выявляет как сходные, так и различные черты. Оппозиции «друг — враг» и «дружба – вражда», ‘friend — enemy’ и ‘‘friendship — enmity’’ в языковом сознании большинства носителей русского и английского языков могут мыслиться как градуальные (отказы от выполнения данного задания составляют 12% русскоговорящих и 8,3% англоговорящих от общего числа испытуемых в каждой языковой группе).

В английском языковом сознании, согласно эксперименту, количество слов-реакций с положительной оценкой на стимул *friend — enemy* составляет 42%,

на стимул *friendship — enmity* — 49 %, а с отрицательной — 58 % и 51 % соответственно. В русском языковом сознании количество слов-реакций с положительной оценкой на стимул *друг — враг* составляет 44,4 %, на стимул *дружба — вражда* — 47,9 %, а с отрицательной — 55,6 % и 52,1 % соответственно. Таким образом, количество слов-реакций с отрицательной оценкой, данных представителями обоих языков, преобладает, что в очередной раз доказывает положение о том, что человек более остро реагирует на негативные явления действительности и более тонко дифференцирует их в языке.

Реакции на стимулы *дружба — вражда* в русском языке и *friendship — enmity* в английском языке удалось разделить на три группы по сходным семантическим основаниям: *эмоции и чувства, взаимоотношения, действие, событие.* Однако количественное распределение реакций в трех группах в каждом языке обнаруживает существенные различия, отраженные в следующей таблице:

Таблица 1

	Русское языковое сознание	английское языковое сознание
эмоции и чувства	46,4 %	~ 70 %
взаимоотношения	52,6 %	~ 14 %
действие, событие	1 %	~ 16 %

Согласно данным, приведенным в таблице, в русском языковом сознании преобладающим ассоциатом оппозиции «дружба — вражда» является *взаимоотношения.* За ним с незначительным отрывом следует признак *эмоции и чувства.* Признак *действие, событие* составляет всего 1 % всех реакций. Ведущим семантическим признаком оппозиции ‘‘friendship — enmity’’ в английском языковом сознании является *эмоции и чувства.* Семантические признаки *взаимоотношения* и *действие, событие* имеют близкие количественные показатели.

Таким образом, данный эксперимент не только доказывает то, что оппозиции «дружба — вражда» и ‘‘friendship — enmity’’можно рассматривать как градуальные, но и выявляет некоторые семантические основания для образования более, чем одной градуальной оппозиции с крайними членами «дружба — вражда» и ‘‘friendship — enmity’’.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьева Е. Ю. 2005: Бинарность и ее архетипические основания: автореф. дис. … канд. философ. наук. Омск

Кондаков Н. И. 1971: Логический словарь. М.

Лунцова О. М. 2011: Градиент-концепт «дружба — мир — вражда» (на материале лексики и фразеологии). Магнитогорск.

Никитин М. В. 1996: Курс лингвистической семантики. СПб

Николаева Т. М. 2000: Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. М.

Новиков Л. А. 2001: Избранные труды: в 2 т. Т.1. Проблемы языкового значения. М.

Сепир Э. 1985: Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. 16. М.

Трубецкой Н. С. 2000: Основы фонологии. М.

Федяева Н.Д. 2003: Языковой образ среднего человека в аспекте когнитивных категорий градуальности, дуальности, оценки, нормы (на лексическом и текстовом материале современного русского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул.

TRANSFORMATION OF BINARY OPPOSITION "FIRENDSHIP — ENMITY" INTO GRADUAL OPPOSITION (BASED ON EXPERIMENT DATA)

O. M. Luntsova

The article deals with such concepts as duality, gradation, and gradual opposition. Association test data prove that the opposition "friendship — enmity" (traditionally thought of as binary both in Russian and English) can be considered as a gradual opposition.

Key words: duality, gradation, binary opposition, gradual opposition, association test

---

© 2012

Е. Г. Ерохина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются способы отражения недостоверных фактов в историческом сюжетном тексте. Авторское отношение к описываемому определяет стратегию сообщения сведений, не имеющих статуса подлинных. Внимание сконцентрировано на употреблении авторами лексических маркеров лжи, обмана и слухов, что позволяет раскрыть информативную структуру повествования.

Ключевые слова: лексический маркер, семантическое поле, стратегия, факт, слух, клевета

В корпус основных задач исторического текста входят сохранение и передача знаний о прошлом, а также адекватная интерпретация описываемого участка действительности[1]. Решению этих задач посвящены многие работы по исторической эпистемологии, в числе которых исследования П. Рикёра, Ф. Р. Анкерсмита, П. Вена, А. Мегилла, Р. Арона и др.

Общая для всех этих исследователей мысль о том, что история занимает пограничную позицию между наукой и литературой, стала предпосылкой нашей работы. В отличие от художественного текста, историография претендует на правдивость своего повествования: «История — это рассказ о подлинных событиях.

Ерохина Елена Геннадьевна — аспирант кафедры русского языка и методики Московского гуманитарного педагогического института. E-mail: corcordium@mail.ru.

[1] Анкерсмит 2009, 10.

Для того чтобы обладать историческим достоинством, факт, в рамках этого определения, должен отвечать только одному условию: произойти на самом деле»[2].

Обывательское представление об историческом тексте соответствует этому требованию достоверности фактов. Однако анализ текстов с точки зрения отбора фактов, которые автор включает в образ прошлого, показывает неоднородность материала, составляющего предмет исторического повествования.

В качестве фактуального тематического материала мы выбрали сюжет о правлении Бориса Годунова, входящий в состав более крупного нарратива о Смутном времени. Этот сюжет открывает в русской историографии тему самозванства — тему, связанную с воздействием слова на реальность. Истоки этого явления лежат в способностях языка представлять действительность вариативными средствами, влияя на эмоциональный настрой реципиентов и меняя сознание участников коммуникации[3].

Интрига, связанная с судьбой царевича Дмитрия, послужила стимулом для развития силы социального воздействия языка. В описаниях историков эта эпоха характеризуется большим количеством доносов, слухов, тайн, клеветы, сплетен, имевших серьезные последствия (вплоть до смены правителя). Таким образом, в исторические тексты входят единицы, природа которых согласно критерию истинности неоднозначна.

Каждый текст репрезентирует эти факты в соответствии с авторскими намерениями. Изучение того, каким образом вербализуется подобный «недостоверный» факт, позволит точнее судить об уровне информативности исторических текстов. Возможности интерпретации фактического материала отмечают Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев: «Одна и та же ситуация может в зависимости от того, как она вербализуется, признаваться или признаваться «подлинным» фактом»[4].

Мы рассмотрим фрагменты из трех различных историй, созданных в XIX в.: «Истории государства российского» Н. М. Карамзина, «Курса русской истории» В. О. Ключевского и «Истории России» Д. И. Иловайского. Главы этих историй, повествующие о правлении Бориса Годунова, насыщены лексикой, образующей семантическое поле ЛОЖЬ: *клевета, слухи, молва, изветник, донос, приписывать* и др. Синтагматическое окружение этих единиц и функции, которые они выполняют в тексте, раскрывают авторское отношение к предмету сюжета и к требованию истинности истории.

Элементы повествования складываются в определенную стратегию, отвечающую авторским интенциям, — цепочку высказываний, объединенных общей проблематикой, стилисткой и реализующих макропропозицию фрагмента текста[5]. Повествовательный сюжетный текст содержит, как правило, хроникальные стратегии, отражающие событийный ряд, и авторские вторжения в текст — риторические, рефлективные и прочие моменты остановки чистой наррации.

Нарратив Н. М. Карамзина отвечает эстетике сентиментализма, вследствие чего ложные факты могут быть использованы автором в риторических стратегиях, эксплицирующих эмотивный или аксиологический компонент авторской

[2] Вен 2003, 17.
[3] Блакар 1987, 144.
[4] Булыгина, Шмелев 1995, 129.
[5] Дейк 1989, 42.

позиции. Тексты Д. И. Иловайского и В. О. Ключевского представляют научные истории, отвечающие требованиям рационального объяснения. В этих текстах, очевидно, преобладают информативные повествовательные стратегии, осуществляющие рациональную обработку недостоверной информации.

Семантические типы недостоверной информации, встречающиеся в историческом повествовании

Экспликация семантического поля ЛОЖЬ в исследуемых текстах происходит при уточнении следующих параметров описываемого действия:

— причина лжи (языковая полисемия и следствия многозначности, невозможность верифицировать факт, сознательный обман);

— авторство (один человек, группа людей, неизвестный источник);

— направленность вербального действия (конкретное направление, стихийное распространение).

В зависимости от степени контроля, которому поддаются вербальные действия, мы можем выделить в пространстве ЛЖИ две семантические области: КЛЕВЕТА и СЛУХИ.

Клевета, согласно словарной дефиниции, представляет собой «ложное обвинение, заведомо ложный слух, позорящий кого-либо, а также распространение этих слухов»[6]. Таким образом, клевета отличается, во-первых, осознанностью: клеветники знают, что они искажают действительность. Во-вторых, клевета имеет конкретный объект и предполагает конкретный прагматический результат — подрыв репутации человека с различными последствиями. Мы будем рассматривать в поле КЛЕВЕТЫ те нарративные участки, где указан автор ложной информации; фрагменты, описывающие анонимную клевету, будут рассмотрены в поле СЛУХИ.

Слухи означают прежде всего какие-то известия, новости, однако информационная их точность не проверена — это «сведения, достоверность которых не установлена»[7]. Кром того, в отличие от клеветы, слухи не подлежат авторской цензуре: они распространяются стихийно и больше характеризуют саму коммуникативную ситуацию, нежели враждебные отношения конкретных лиц. Слухи, очевидно, возникают в ситуации нехватки информации их официальных источников, как попытка интерпретации значительного социального факта.

Заметим, что поле СЛУХИ может включать также лексему «клевета», поскольку семы этого слова удовлетворяют семантике ложной информации слухов.

Осознанное искажение информации: КЛЕВЕТА в сюжете о Борисе Годунове

Из трех рассматриваемых авторов лишь Н. М. Карамзин активно использует семантическое поле КЛЕВЕТА в рассказе о Годунове. В рамках сентименталистской истории автор следует этическому критерию оценки событий, поэтому внутренняя политика Бориса Годунова видится сквозь призму его психологических проблем. Годунов опасается предательства и потому делает клевету основным оружием в борьбе с реальными и воображаемыми врагами: *«Восстановил для*

[6] Евгеньева 11, 1986, 56.
[7] Евгеньева 12, 1986, 145.

того бедственную Иоаннову ***систему доносов*** *и вверил судьбу граждан, Дворянства, Вельмож сонму гнусных* ***изветников****»*[8].

Далее Н. М. Карамзин рассказывает о главных клеветнических кампаниях, инициированных Годуновым во время его царствования. Все рассказы изобилуют лексическими маркерами сознательной лжи:

1. Устранение боярина Бельского: *первая знаменитая жертва подозрения и* ***доносов****; Царю* ***донесли****; Сию* ***клевету*** *... приняли за истину (ибо Годунов желал избавиться от старинного, беспокойного друга)*[9]*;*

2. Устранение бояр Романовых: ***изветники****;* ***насказы****; ложный* ***донос****;* ***предательство****;* ***шептали****; преступление, столь грубо* ***вымышленное****; жертва злобных* ***наветов***[10]**.**

Два этих фрагмента составляют бóльшую часть повествования о правлении Бориса: вплоть до начала великого голода и мора Годунов только тем и занимается, что выслушивает доносы или сам выдумывает способы оклеветать людей. Апогеем карамзинского рассказа становится описания ***Царства клеветы***, в которое превратилось Московское государство вследствие такой политики: *«Сонмы* ***изветников****, если не всегда награждаемых, но всегда свободных от наказания за* ***ложь*** *и* ***клевету****, стремились к Царским палатам из домов Боярских и хижин, из монастырей и церквей: слуги* ***доносили*** *на господ, Иноки, Попы, Дьячки, просвирницы на людей всякого звания — самые жены на мужей, самые дети на отцов, к ужасу человечества!»*[11].

Таким образом, Н. М. Карамзин активно использует поле КЛЕВЕТА в повествовании. Лексические маркеры клеветы способствует тому, что сюжет о политических и социальных изменениях при Борисе Годунове получает объяснение через распоряжение ложной информацией. Таким образом, повествовательная хроникальная часть подчинена идеологическому компоненту — это характерно для нарратива Н. М. Карамзина. При этом инициатором клеветы является сторона Бориса Годунова: нарративные участки, связанные с главным персонажем, маркирована автором как область формирования ложных фактов.

Семантическое поле СЛУХИ в повествовании о царе Борисе

В. О. Ключевский и Д. И. Иловайский придерживаются позиции, противоположной модусу Н. М. Карамзина. В их текстах страдательным лицом выступает сам Борис. Обилие выдумок про царя историки объясняют отталкивающим, подозрительным характером Годунова (1) и странной смертью царевича Дмитрия (2), необъяснимость которого стимулирует дальнейшие фантазии:

1) «Борис принадлежал к числу тех злосчастных людей, которые и привлекали к себе, и отталкивали от себя… Он умел вызывать удивление и признательность, но никому не внушал доверия; его ***всегда подозревали в двуличии и коварстве*** *и считали на все способным. ... При таком взгляде* ***не было подозрения и нарекания****, которого народная молва не была бы готова повесить на его имя»*[12]*;*

2) «В народе упорно держался ***слух****, что царевич был убит клевретами Бо-*

[8] Карамзин 1824, 97.
[9] Карамзин 1824, 97-98.
[10] Карамзин 1824, 99-107.
[11] Карамзин 1824, 108.
[12] Ключевский 1988, 23-24.

риса Годунова. ... В связи с помянутым ***слухом****, в народе распространялись вообще* ***подозрительность и недоверие*** *к действиям Б. Ф. Годунова, доходившие до нелепости»*[13].

Повествование Д.И.Иловайского представляет собой последовательности парных высказываний, отражающих одну пропозицию. Первое высказывание, как правило, имеет хроникальную природу: автор реализует информативную стратегию для констатации каких-либо фактов. Следом идет второе высказывание, содержащее авторский комментарий, объяснение, предполагаемая причина и другие результаты рефлексии над данным фактом. В описании слухов о царе Борисе эта структура сохраняется:

1. Так, в июне того же 1591-го года в Москве произошел большой пожар, причем сильно пострадал Белый город. — 2. В народе пошла ***молва****, что это Годунов велел поджечь город, чтобы отклонить царя Федора Ивановича от поездки в Углич, куда он* ***будто бы*** *собирался для личного расследования о смерти царевича Димитрия*[14].

1. В 1592 году Ирина Федоровна разрешилась от бремени дочерью; царь и народ радостно приветствовали это событие. Но в следующем году маленькая царевна, названная Федосьей, скончалась, к великой горести родителей. — 2. И тут нашлись ***клеветники****, которые* ***обвинили*** *Годунова в ее смерти*[15].

Хроникальному нарративному течению текста Д. И. Иловайского сопутствует рефлективный компонент, который содержит маркеры ложной информации. Однако, по сравнению с «Историей» Н. М. Карамзина, в данном случае ложные факты относятся к сфере интерпретации реальных событий.

Таким образом, если в повествовании Н. М. Карамзина мы наблюдали импликацию **ложный факт (КЛЕВЕТА) >>> реальное событие (гонения, казни)**, в тексте Д. И. Иловайского мы имеем обратную связь: **реальное событие >>> ложное истолкование (СЛУХИ)**. Лексическими маркерами поля СЛУХИ являются лексемы *слух, молва, клевета, клеветник, обвинять, истолковать, приписать* и различные модальные частицы вроде *будто бы, якобы,* выражающие сомнение в описываемых фактах.

Другую картину представляет нарратив В. О. Ключевского. «Курс русской истории» отличается лаконичностью и афористической манерой, обусловленной первичной формой лекций, которые читал историк в Московском университете. Вследствие этого автор экономит нарративную ткань, «уплотняя» повествование в выразительные периоды. Слухи о Борисе и реальные факты сплавлены в этих конструкциях в один нарративный пласт: *«Он и хана крымского под Москву подводил, и доброго царя Федора с его дочерью ребенком Федосьей, своей родной племянницей, уморил, и даже собственную сестру царицу Александру отравил; и бывший земский царь, полузабытый ставленник Грозного Семен Бекбулатович, ослепший под старость, ослеплен все тем же Б. Годуновым; он же, кстати, и Москву жег тотчас по убиении царевича Димитрия, чтобы отвлечь внимание царя и столичного общества от углицкого злодеяния»*[16].

---

[13] Иловайский 1890, 354.
[14] Иловайский 1890, 355.
[15] Иловайский 1890, 355.
[16] Ключевский 1988, 24.

В данном примере выделение неправдоподобия фактов осуществлено через синтагматику: короткие очереди пропозиций, отражающих страшные преступления, нарочито небрежно перечисляются в однородном ряду. Подобное оформление сразу указывает на сомнительность данных фактов и мы вправе считать, что имеем дело с ложными обвинениями. Следующая фраза, подытоживающая период, подтверждает это: *«Б. Годунов стал излюбленной* ***жертвой*** *всевозможной* ***политической клеветы»***[17].

В. О. Ключевский реализует повествовательные стратегии особым образом: не разделяя слух и реальный связанный с ним факт на две ступени, он повествует о событиях как бы сквозь призму разговоров об этих событиях. В результате мы получаем нарратив, сюжет которого полностью погружен в сферу недостоверного слова. Слух становится симулякром, подменяя собой реальность. Это касается даже событий прошлого, которые молва осмысляет по-новому — здесь автор наглядно показывает механизм трансформации памяти[18] в ходе «исправления» прошлого: *«Со смертью царя Федора подозрительная народная* ***молва оживилась****.* ***Пошли слухи, что и избрание Бориса на царство было нечисто****, что, отравив царя Федора, Годунов достиг престола полицейскими уловками, которые молва возводила в целую организацию»*[19].

Автор воздерживается от оценки такой трансформации сознания: молва и слухи существуют в его тексте не как отдельные, маркированные участки знаний о реальности, но как обычный канал распространения информации. В повествовании хроникальная стратегия предоставляет нам плоды авторской исторической рефлексии, в результате которой он, видимо, пришел к пониманию идей как движущей силой внешних событий. Сюжет о Борисе Годунове вписан в рассказ о смене политического сознания, одним из этапов которого стало Смутное время. История Бориса восходит к понятию Смуты, которое вводит и объясняет В. О. Ключевский, и заканчивается совершенным воплощением в тексте смутного слуха о воскресшем царевиче: *«Наконец, в 1604 г. пошел самый* ***страшный слух.*** *Года три уже в Москве* ***шептали*** *про неведомого человека, называвшего себя царевичем Димитрием. Теперь разнеслась громкая весть, что агенты Годунова промахнулись в Угличе, зарезали подставного ребенка, а настоящий царевич жив и идет из Литвы добывать прародительский престол.* ***Замутились при этих слухах умы у русских людей, и пошла Смута.*** *Царь Борис умер весной 1605 г., потрясенный успехами самозванца, который, воцарившись в Москве, вскоре был убит»* [8, 26].

Обобщая наблюдения над функционированием в исторических текстах маркеров недостоверной информации, мы можем сказать, что степень недостоверной информации, отраженной в данных исторических текстах, очень высока. В область наррации, касающейся «сомнительных» фактов, попадает чрезвычайно широкий круг тем: пресечение династии; избрание нового правителя; придворные интриги; внутренняя политика царя; войны (нападение крымского хана), происшествия (пожар в Москве); социальные и политические изменения государственного масштаба (Смута, самозванство).

[17] Ключевский 1988, 24.
[18] Лотман 1994, 428.
[19] Ключевский 1988, 25.

Оформление этих недостоверных фактов происходит в текстах по-разному: каждый историк выбирает подходящие ему стратегии повествования, комбинируя хроникальный (фактический) и авторский (субъективный) аспекты. Общими для всех типов историй признаками недостоверной информации остаются при этом лексические маркеры, входящие в лексико-семантическое поле ЛОЖЬ.

Автоматический поиск этих маркеров облегчит формулирование пропозиций, отражающих «сомнительные» факты. Анализ заполненных валентностей данных лексических единиц покажет субъектно-объектную структуру вербальных действий (автора, жертву клеветы, реципиентов слухов) и поможет уточнить авторское отношение к данным фактам. Таким образом, изучение употребления лексики, маркирующей ложную информацию, открывает новые возможности в исследовании и оценке нехудожественных повествовательных текстов и, в частности, исторических нарративов.

ЛИТЕРАТУРА

Анкерсмит Ф. Р. 2009: История и тропология: взлет и падение метафоры. М.

Блакар Р. М. 1987: Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / В. В. Петров (ред.). М., 88 — 125.

Булыгина Т. В., *Шмелев А. Д.* 1995: «Правда факта» и «правда больших обобщений» // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке / Арутюнова Н. Д., Рябцева Н. К. (ред). М., 126 — 130.

Вен П. 2003: Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.

Дейк Т. А. ван 1989: Язык. Познание. Коммуникация. М.

Иловайский Д. И. 1890: История России: Московско-царский период. Т. 3. М.

Карамзин Н. М. 1824: История государства российского: в 12-ти т. Т.10. СПб.

Ключевский В. О. 1988: Курс русской истории: сочинения в 9-ти томах. Т. 3. Часть III М.

Лотман Ю. М. 1994: Смерть как проблема сюжета // Ю.М.Лотман и Тартуско-Московская семиотическая школа / *Кошелев А. Д.* (сост.) М., 417–430.

Рикёр П. 2000: Время и рассказ. Т. 1. М.; СПб.

Евгеньева А. П. (ред.). 1986: Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2. М.

Евгеньева А. П. (ред.). 1986: Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. М.

EMPLOYMENT/USAGE OF LEXICAL MARKERS OF INACCURATE INFORMATION IN NARRATIVE STRATEGIES OF THE HISTORIC TEXT

Ye. G. Erokhina

The article deals with methods for representing unreliable information in the historic narrative text. Author's attitude toward a subject matter determines the strategy of this narration. In the center of attention there are lexical expression of untruth, aspersion and rumors semantics which is a part of text informative structuring.

Key words: lexical marker, semantic field, strategy, fact, rumor, aspersion.

ДОКЛАДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации» (Магнитогорск, МаГУ, 26-27 октября 2012 г.)

© 2012

В. А. Разумовская

СЕМАНТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ: КОТ БЕГЕМОТ

Эстетическая семантика художественного текста представлена в художественных образах и является регулярным объектом исследований как в аспекте создания в оригинальном тексте, так и в аспекте воссоздания при переводе художественного текста средствами других языков и культур[1]. В настоящей работе предпринята попытка сопоставительного постпереводческого анализа художественного образа одного из персонажей романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» — кота Бегемота. Художественный образ может быть рассмотрен как самостоятельная единица перевода, относительно которой переводчик принимает решение на перевод. Однако задача переводчика состоит не только в нахождении адекватных иноязычных эквивалентов для единиц, конструирующих художественный образ в языковой ткани оригинала, но и в воссоздании в переводе всех эксплицитных и эксплицитных связей, которыми данные единицы обладают. Переводчику необходимо реконструировать весь информационно-художественный комплекс, который генерирует столь сложную и неоднозначную информационную единицу и единицу перевода как художественный образ. Художественный образ, являясь художественной универсалией, имеет буквальный смысл и характеризуется определенной степенью обобщения и расширения[2]. Вырастая из чувственного образа, художественный образ обладает семиотической потенцией и порождает разнообразные знаки и семиотические понятия, структура которых создается взаимодействием двух принципиально разных планов — плана содержания и плана выражения[3]. Семантика художественного образа может быть рассмотрена в собственно

Разумовская Вероника Адольфовна — кандидат филологических наук, доцент Сибирского федерального университета. E-mail: veronica_raz@hotmail.com

[1] Even-Zohar 1979/1980; Toury 1995.

[2] Аверинцев 1968.

[3] Арутюнова 1990, 22.

лингвистическом[4] и переводческом аспектах, что и является задачей настоящего исследования. Сравнение художественного образа кота Бегемота в оригинале романа[5] с художественными образами персонажа в ряде английских переводов романа носит преимущественно дескриптивный характер, поскольку сравниваются уже выполненные и опубликованные переводы: М. Гинзбург 1967 года (издание 1987 года), Д. Бургин и К. Т. О'Коннор 1995 года, Х. Алпина 2008 года, М. Карпельсона 2011 года[6]. В работе также используется текст театральной адаптации романа. Пьеса «MASTER & MARGARITA or, The Devil Comes to Moscow» написана Ж.-К. ван Итали и основана на переводе С. Кобякова[7]. Таким образом, в сопоставительный анализ включены как один из первых английских переводов (М. Гинзбург), так и последний из известных нам переводов (М. Карпельсона).

Сравнение семантики подлинника и иноязычных переводов неизбежно приводит нас к необходимости рассмотрения содержательных характеристик первичного и вторичных текстов: когнитивных, культурных, эстетических, ассоциативных. Сопоставительный анализ осуществлялся преимущественно на лексическом уровне, поскольку мы полностью разделяем точку зрения Е. Д. Поливанов о том, что лексика и фразеология являются единственной областью языковых явлений, где само содержание культуры (данного коллектива в данную эпоху) отражается более или менее непосредственно[8].

Кот Бегемот входит в свиту Воланда и является одним из самых популярных и запоминающихся персонажей романа «Мастер и Маргарита», хотя и относится к разряду персонажей второстепенных. В отличие от определенной схематичности и некой незавершенности образов главных героев, образ кота представлен в тексте романа со многими запоминающимися подробностями, мельчайшими деталями, которые способствуют наиболее полному восприятию образа читателями. Автор оригинала детально описывает внешность, речь и действия персонажа, что делает образ кота эмоционально интересным и притягивающим внимание. О популярности кота Бегемота свидетельствует и тот факт, что на обложках практически всех известных английских и многих других иноязычных переводов «Мастера и Маргариты» представлено изображение именно черного кота.

Члены дьявольской свиты дополняют один из центральных образов романа — инфернальный образ Воланда (Сатаны) и символизируют собой различные человеческие пороки и страсти. В начальных главах романа (сцена погони, сцены в нехорошей квартире) кот Бегемот («котяра», «котище») появляется в обличие огромного черного кота, который имеет «отчаянные кавалерийские усы», ходит на двух лапах, разговаривает, ездит на трамвае, делает попытку оплатить проезд, пьет алкоголь, ест маринованные грибы, чинит примус и много философствует. В человеческом обличие кот Бегемот представляет собой маленького толстяка с лицом, напоминающим кошачью морду. Третий вариант своей внешности кот Бегемот получает только в сцене полета под лунным светом в финальной части романа, когда Бегемот предстает перед читателями в образе худенького юноши,

[4] Шелестюк 1998.
[5] Булгаков 2011.
[6] Bulgakov 1987; 1995a; 2008; 2011.
[7] Bulgakov 1995б.
[8] Поливанов 1968.

демона-пажа. М. А. Булгаков неоднократно подчеркивает, что кот-оборотень выступает в романе в роли любимого шута Воланда. Как и многие художественные образы символически сложного романа, образ кота Бегемота и сцены с участием данного персонажа связывают текст романа М. А. Булгакова с рядом предшествующих текстов мировой литературы. Так, финальная сцена романа (сцена исчезновения свиты Воланда перед восходом солнца) имеет прецедентную сцену в ветхозаветной книге Еноха, а сцена попытки ареста кота Бегемота чекистами, по мнению исследователей творчества М. А. Булгакова, отсылает читателя к философскому трактату А. Франса «Сад Эпикура»[9].

Для создания яркого художественного образа кота Бегемота крайне важным оказывается его имя. Известно, что персонажи романа «Мастер и Маргарита» обретали свои имена в процессе долгих и полных сомнений поисков, что нашло отражение в многочисленных списках имен собственных, представленных в рукописях автора. В конечном итоге имя было выбрано М. А. Булгаковым на основании сложной и многоплановой ассоциативно-семантической структуры лексической единицы «бегемот».

По данным словарей русского языка, первым значением единицы «бегемот» является обозначение парнокопытного млекопитающего больших размером (лат. *Hippopotamus amphibius*). Единица «бегемот» появилась в русском языке во второй половине XVIII века предположительно из одного из европейских языков (французского — «behemoth» или немецкого — «Behemoth»), в которые данная единица в свою очередь пришла из древнееврейского библейского текста (лат. «behemoth» из др.-евр. «behemoth» — звери). В апокрифической книге Еноха лексическая единица обозначала огромного и сильного зверя. В современном русском языке наряду с единицей «бегемот» используется единица «гиппопотам», вошедшая в языковую систему также в XVIII веке и восходящая к греческому слову «hippopotamos» (речная / водяная лошадь / конь). Единица была заимствована из греческого языка в латинский язык и далее в европейские языки. Интересно отметить, что древние египтяне называли бегемота «речной свиньей». В арабском языке животное обозначается как فرس النهر (нильская лошадь), а в словаре В. И. Даля зафиксировано сочетание «болотная корова», являющееся полным синонимом слова «бегемот».

Таким образом, для обозначения крупного млекопитающего в современном русском языке одновременно используются две лексические единицы. Результаты ассоциативного эксперимента со словами-синонимами «бегемот» и «гиппопотам» свидетельствуют о том, что указанные единицы являются парой слов-синонимов, в которой слово «бегемот» может быть определено как слово-тема, а «гиппопотам» — как маркированный член синонимической пары. Установлено, что слово «гиппопотам» преимущественно трактуется через слово «бегемот», а не наоборот. Обе лексических единицы имеют высокий процент тождественных слов-реакций, что доказывает значительное сходство их ассоциативных полей, хотя по данным исследования ассоциативное поле слова «бегемот» значительно разнообразнее. «Бегемот» ассоциируется с понятием не только конкретного большого животного,

[9] Соколов 2000.

но и страшного зверя в обобщенном понимании[10], что имеет особое значение при рассмотрении образа булгаковского кота Бегемота.

В большинстве современных европейских языков для обозначения указанного млекопитающего используются единицы, восходящие к греческому слову «hippopotamos» («hippopotamus» в английском, «ippopotamo» в итальянском, «hipopótamo» в испанском, «hippopotame» во французском). В немецком языке представлены семантическая калька с греческой единицы «Fluβferd» (речная лошадь) и синонимическая единица с аналогической структурой «Nilpferd» (нильская лошадь).

Данные толковых и этимологических словарей русского языка свидетельствуют о том, что слово «бегемот» наряду с обозначением животного имеет следующие значения: «неуклюжий человек, увалень» (с пометой «шутливое»); «чудовище, чудище». Первое значение исследователи относят к группе национально специфических зооморфизмов в русском языке[11]. Данная группа зооморфизмов включает единицы, не имеющие прямого соответствия в английском языке, которое бы использовалось для образной номинации крупного, неуклюжего человека. Последнее значение, как уже отмечалось выше, имеет библейское происхождение и является самым ранним значением данной единицы. В Ветхом Завете имя собственное «Бегемот» используется для обозначения одного из мифических животных, которое изображается в книге Еноха как морское чудовище-оборотень. В демонологической традиции Бегемот считается демоном обжорства, желаний желудка.

У М. А. Булгакова кот обладает огромными размерами и именуется именно Бегемотом, а не Гиппопотамом. Бегемот — это кот-обжора, что убедительно иллюстрирует сцена в Торгсине. Демоническая природа Бегемота основывается на глубоком изучении автором литературы, посвященной данному вопросу (сочинение 1872 года И. Порфирьева «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях»)[12]. Демонизм и инфернальность кота Бегемота, эксплицируемые его именем, а также принадлежностью персонажа к свите Воланда, сочетаются в романе с юмором и комизмом поведения героя, что и определяет очевидную гетерогенную характеристику персонажа. Таким образом, в имени собственном «Бегемот» одновременно актуализируются следующие значения: «существо большого размера», «зверь, чудовище», «демоническое существо». В свою очередь двойственность персонажа эксплицируется и его двойным обозначением: номинацией кота как животного и называнием данного кота именем собственным «Бегемот», обладающим сильным информационно-ассоциативным полем. В образе кота Бегемота и в языковых символах, обозначающих данный персонаж, по принципу комплементарности сочетаются культурная память, отраженная в мифах («кот») и культурная память, отраженная в сакральных текстах («Бегемот»). Так, в народных верованиях, сказках, фольклорных текстах кот связан с лешим и обычно проживает в доме ведьмы. Важное символическое значение приобретает черная окраска кота, поскольку именно черный кот традиционно связан с нечистой силой. Черный кот сопровождает многие мифологические и фольклорные персонажи.

[10] Дударева 2011.
[11] Шарова 2010.
[12] Соколов 2000; Яблоков 2011.

В народной мифологии считается, что черт может принимать облик черного кота, а леший кричит кошачьим голосом[13]. В фольклоре кот имеет несколько ипостасей. И одна из главных — кот-демон, кот-оборотень, существо, которое вызывает у людей суеверный страх и приносит несчастья. В произведениях М. А. Булгакова для реализации художественных замыслов автора, представлен разнообразный авторский зооморфный (включающий орнитологический) код[14]. И использование образа кота Бегемота в культовом романе М. А. Булгакова является логическим продолжением данной творческой традиции.

Сопоставление русских и английских лексических единиц показывает, что русский зооморфизм «кот» имеет прямое соответствие в английской лингвокультуре — «cat». Однако в данной межъязыковой и межкультурной синонимической паре обнаруживается явная лексическая асимметрия в плане наличия мужского/женского соответствия: «кот, кошка» — «cat». В оригинальном тексте романа используется единица «кот», имеющая однозначную гендерную характеристику существа мужского рода. Единица «кот» входит в дихотомическую пару «кот-кошка». В русской лингвокультуре характерно наличие отдельных названий для референтов мужского и женского рода, тогда как в английской лингвокультуре используется преимущественно общее родовое название[15]. В случае необходимости в английских текстах могут использоваться единицы, конкретизирующие пол животного посредством включения в состав номинативной единицы соответствующего личного местоимения («he-cat», «she-cat») или имени собственного («tom cat», «pussy cat»). Исследователи отмечают, что процесс номинации представителей фауны в английском языке для различения их по признаку пола достаточно сложен, а при использовании названий животных для характеристики человека важен не пол животного, а вызываемые ассоциации.

С другой стороны, имя собственное кота «Бегемот» для читателя, обладающего культурной информацией и памятью о демонических персонажах Библии, несет эксплицитную негативную информацию о чревоугодии, ассоциируется с пороком, страхом. Однако ассоциации лексической единицы «бегемот», обусловленные ее библейским происхождением, не актуализируются при восприятии романа читателем, который не знаком с текстом Ветхого Завета, с Бегемотом как библейским персонажем и с его характерными особенностями. В таком случае для читателя при восприятии текста романа работают только ассоциации одного из значений слова «бегемот», номинирующего реального, а не мифического животного или человека больших размеров («огромный», «грузный», «массивный», «толстый»). Таким образом, в имени собственном «Бегемот» сочетаются мифологическая и демонологическая виды информации, которые включены в более широкий континуум культурной информации и культурной памяти.

В комментарии к переводу романа, выполненного Д. Бургин и К. Т. О'Коннор, имя кота имеет несколько объяснений. В соответствии с первым объяснением «Behemoth» является библейским именем ивритского происхождения (из книги Иова), обладатель которого был помощником Сатаны в магических действиях. Второй комментарий отсылает англофонного читателя к тексту Й. Гёте «Фауст»,

[13] Афанасьев 1996.
[14] Иваньшина 2011.
[15] Шарова 2010.

который неоднократно выступает прецедентным текстом по отношению к тексту «Мастера и Маргариты». В немецком тексте представлена сцена, в которой пудель превращается в гиппопотама в тот момент, когда Фауст переводит текст Евангелия. В других анализируемых английских переводах переводческий комментарий или отсутствует или имя «Behemoth» не комментируется.

М. А. Булгаков неоднократно предлагает своим читателям описание внешности кота Бегемота. Впервые читатель знакомится с котом Бегемотом в главе 4 («Погоня»): «…кот, громадный, как боров, черный как сажа или грач, и с отчаянными кавалерийскими усами»[16]. Автор оригинала одновременно эксплицирует три основные характеристики внешности героя: большой размер (сравнение с боровом), черный цвет (двойное сравнение с сажей или грачом) и особый вид усов кота («отчаянные» и «кавалерийские»). В исследуемых четырех переводах описание кота передано следующим образом: «… a tom cat, huge as a hog, black as a pitch or a crow, and with a huge mustache, for all the world like a rakish cavalryman's»[17]; «… a cat, big as a hog and pitch-black, like a crow, or like soot, and sporting a mustache like a reckless cavalryman's »[18] ; «… tomcat …huge as a hog, black as soot or as a rook, and with the dashing whiskers of a cavalryman»[19] ; «…a cat, fat as a boar and black as soot, or a raven, his whiskers brashly styled into a cavalry officer's moustache »[20]. В переводах М. Гинзбург и Х. Алпина сразу эксплицируется мужской пол кота («a tom cat» / «tomcat»). Описание размера животного имеет несколько вариантов («huge as a hog», «big as a hog», «fat as a boar»), в которых обнаруживается различная степень большого размера («huge» / «big») или размер передан через понятие чрезмерного веса («fat»). Для обозначения черного цвета во всех переводах используется цветообозначение «black». В тексте перевода Д. Бургин и К. Т. О' Коннор представлено также усиление черного цвета — «pitch-black» (черный как смола). Сравнения оригинала, позволяющие усилить экспликацию черного цвета, имеют в переводах вариантные соответствия «soot», «crow», «rook», «raven». Наиболее близким русскому оригиналу оказывается вариант Х. Алпина, в котором сохранены понятия цвета сажи и грача. В трех переводах усы кота становятся усами человека («mustache» / «moustache») и похожи на усы кавалериста с различными дополнительными образно-усилительными характеристиками («sporting», «brashly styled»). Х. Алпин использует лексическую единицу «whiskers» (усы животного) и определяет данные усы как «dashing» (стильные). Таким образом, уже при первом появлении персонажа в тексте оригинала и в текстах переводов сообщаются основные характеристики внешности кота Бегемота. Описание кота как черного и жирного существа повторяется в оригинале и в переводах неоднократно: «…кот черный, жирный»[21]; «a tom cat, black, fat»[22]; « fat black cat»[23]. В ряде случаев необычно большой размер кота специально подчеркивается автором оригинала («здоровен-

[16] Булгаков 2011, 51.
[17] Bulgakov 1987, 53.
[18] Bulgakov 1995a, 40.
[19] Bulgakov 2008, 49.
[20] Bulgakov 2011, 48.
[21] Булгаков 2011, 66.
[22] Bulgakov 1987, 70.
[23] Bulgakov 1995a, 53; 2008, 63; 2011, 63.

нейший черный кот»[24]), что в определенной степени определяет переводческий выбор: «a huge black tom»[25]; «a hefty black cat»[26]; «the most strapping black cat»[27]. Интересным является вариант переводческого соответствия М. Карпельсона, в котором эксплицированы огромные (гротескные) размеры кота и его страсть к чревоугодию, отраженная как в имени «Бегемот», так и в действиях кота, описанных в романе: «a gargantuan black cat»[28] (аллюзия на роман Ф. Рабле).

Сцена винопития с участием кота Бегемота уже становилась объектом нашего изучения и рассматривалась как сценарная семантическая ситуация [29]. Сопоставительный анализ позволяет определить, что аномальные и пугающие размеры кота передаются в английских переводах с помощью ряда близких слов-синонимов («terrifying», «horrific», «awesome»): «…жутких размеров черный кот со стопкой водки в одной лапе и вилкой, на которую он успел поддеть маринованный гриб, в другой»[30]; «… a black cat of terrifying proportions, with a glass of vodka in one paw and a fork in the other with which he had already managed to impale a pickled mushroom»[31]; «…a black cat of horrific proportions with a glass of vodka in one paw and in the other a fork on which he had spread a pickled mushroom»[32] ; «…a black cat of awesome dimensions with a shot glass of vodka in one paw and a fork, on which he had managed to spear a pickled mushroom , in the other»[33] ; «…a black cat of terrifying proportions, holding a shot of vodka in one paw, and a fork, which he had used to spear a pickled mushroom, in the other »[34].

Оценочная характеристика кота («проклятый бесовской кот»[35]) также находит в английских переводах адекватные варианты: «damned infernal tom»[36]; «demonic, accursed cat»[37]; «diabolical cat»[38]; «demonic cat»[39] . Прилагательные «infernal», «demonic», «diabolical» очень точно передают инфернальную природу кота, являющегося спутником Воланда.

В булгаковском тексте представлен не обыкновенный кот, а фантастический кот-человек, который говорит человеческим голосом: «А тут еще кот выскочил к рампе и вдруг рявкнул … человеческим голосом»[40]; «… the tom leaped out to the footlights and barked in a human voice …»[41]; «… the cat leaped up to the footlights and roared out … in a human voice »[42]; «…the cat leapt out towards the footlights and

[24] Булгаков 2011, 85.
[25] Bulgakov 1987, 91.
[26] Bulgakov 1995a, 68.
[27] Bulgakov 2008, 82.
[28] Bulgakov 2011, 82.
[29] Разумовская, Тарасенко 2010.
[30] Булгаков 2011, 85.
[31] Bulgakov 1987, 91.
[32] Bulgakov 1995a, 69.
[33] Bulgakov 2008, 83.
[34] Bulgakov 2011, 82.
[35] Булгаков 2011, 120.
[36] Bulgakov 1987, 131.
[37] Bulgakov 1995a, 96.
[38] Bulgakov 2088, 116.
[39] Bulgakov 2011, 115.
[40] Булгаков 2011, 135.
[41] Bulgakov 1987, 146.
[42] Bulgakov 1995 a, 108.

suddenly roared in a human voice …»[43]; «… the cat leaped out to the footlights and barked suddenly in a human voice… »[44]. Хотя в каждом переводе неизбежно происходит определенная трансформация художественного образа[45], необходимо отметить, что значительная часть образа кота Бегемота в анализируемых переводах остается инвариантной. Образная инвариантность русского оригинала и английских переводов иллюстрируется финальным появлением Бегемота, где переводчики передают информацию о стройной фигуре героя («a slender youth», «a lean youth», «a slim young man»), его молодом лице («his young face») и неожиданной молчаливости героя («quiet», «silent», «noiselessly»). Ранее в тексте не было никаких указаний на возраст персонажа, а внезапная стройность и молчаливость кота резко контрастируют с его обычной толстотой и болтливостью.

«Ночь оторвала и пушистый хвост у Бегемота, сорвала с него шерсть и расшвыряла его клочья по болотам. Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-пажом, лучшим шутом, какой существовал когда-либо в мире. Теперь притих и он и летел беззвучно, подставляя свое молодое лицо под свет, льющийся от луны»[46].

«The night has torn off Behemoth's fluffy tale, pulled off his pelt and scattered the pieces in the swamps. He who had been a tom cat, amusing the Prince of Darkness, now turned out to be a slender youth, a demon page, the best jester who had ever existed in the world. Quiet now, he flew without a sound, giving his young face to the light streaming from the moon»[47] .

«Night had also torn off Behemoth's fluffy tail, stripped him of his fur and scattered clumps of it over the swamps. The one who had been the cat hat amused the Prince of Darkness turned out to be a lean youth, a demon page, the best jester the world has ever known. Now he, too, had fallen silent and was flying noiselessly, his young face raised to the light flowing from the moon»[48] .

«The night had also ripped off Behemoth's fluffy tail, had torn the fur off him and send its tufts over the marshes. He who had been the cat that amused the Prince of Darkness proved now to be a slim young man, a demonic page, the best jester that had ever existed in the world. Now he too had fallen quiet and was flying soundlessly with his young face upturned to the light which was pouring from the moon»[49].

«The night stripped off Behemoth's bushy tail and fur, scattering it in clumps over the swamps. He who used to be a cat entertaining the prince of darkness turned out to be a slim young man, a demon page, the best jester the world had ever seen. He, too, was quiet now as he flew noiselessly through the air, the moonlight washing over his young face»[50].

В тексте пьесы «MASTER & MARGARITA or, The Devil Comes to Moscow» Ж.-К. ван. Итали, премьера которой состоялась в Нью-Йорке в мае 1993 года, кот — «the Cat» является одним из центральных персонажей, но имя кота исполь-

[43] Bulgakov 2008, 131.
[44] Bulgakov 2011, 131.
[45] Коптилов 1962.
[46] Булгаков 2011, 395.
[47] Bulgakov 1987, 384.
[48] Bulgakov 1995a, 322.
[49] Bulgakov 2008, 386.
[50] Bulgakov 2011, 385.

зуется крайне редко. Имя «Behemoth» представлено в списке основных действующих лиц, предваряющем текст пьесы, а также используется в реплике самого кота в девятой сцене второго акта: «Oh, friend Koroviev, why have you not helped me in my hour of need, your poor Behemoth, betrayed for a cognac …»[51]. Театральное воплощение романа является ярким примером межсемиотического перевода (в терминологии Р. Якобсона) оригинального текста М. А. Булгакова. Образ кота раскрывается в репликах персонажа, богатых развернутыми сравнениями, метафорами, звукоизобразительной лексикой, а также в авторских ремарках. Ограниченные рамки текста театральной пьесы и традиционная условность театра не позволили автору текста пьесу дать развернутую характеристику персонажа. Однако в тексте представлены наиболее важные атрибуты героя, что нашло отражение и в перечне необходимого актерского реквизита: примус, револьвер, рюмки.

Проведенный анализ семантики художественного образа кота Бегемота в русском оригинале и в английских переводах свидетельствует о принципиальной возможности воссоздания данного сложного художественного образа в переводе. Однако несомненную трудность имеет передача культурной и эстетической информации, представленной в художественном образе, что обусловлено различными субъективными и объективными факторами художественного перевода. Частично семантические потери компенсируются посредством использования переводческого комментария, объясняющего (хотя иногда и не очень удачно) семантические различия первичного (оригинального) и вторичного (воссозданного) художественного образа.

К одним из наиболее значимых объективных факторов, влияющих на полноту и точность воссоздания художественного образа, относится семантическая асимметрия и диссимметрия языков перевода. Естественная межъязыковая асимметрия и неизбежные лексические семантические лакуны, обусловленные типологическими различиями языков, определяют необходимость использования переводчиками компенсаторных приемов, позволяющих наиболее близко передать семантику оригинала. Лексические единицы выступают носителями гетерогенного информационного комплекса, воссоздание которого в переводе требует от переводчика наличия общей (или частично общей) культурной памяти и культурной информации с автором оригинального текста. Можно предположить, что для многих среднестатистических русских читателей имя собственное «Бегемот» будет менее культурно значимым, чем для англофонных читателей, поскольку последние более хорошо знакомы с текстом Ветхого Завета, что обусловлено особенностями и отличиями политического и исторического развития России и западных стран, а также традициями школьного и университетского образования. Русский читатель, прежде всего, воспринимает метафоричность имени собственного «Бегемот», основанную на образе крупного реального млекопитающего. Переводчик и читатель романа должны быть информационно подготовлены к восприятию символически сложного текста. Восприятие данного текста в родственных и неродственных лингвокультурах может стать темой специальных филологических и переводоведческих исследований. Полнота и успешность восприятие ключево-

[51] Bulgakov 1995 b, 58.

го текста русской культуры и всей мировой культуры XX века определены различными культурными, религиозными и политическими контекстами.

При отсутствии у читателя необходимой культурной информации и культурной памяти восприятие художественного образа также происходит. Читатель оригинального или переводного текста постигает художественный образ через описание внешности персонажа, его действий и поступков, речевого портрета. Хотя такой образ может оказаться (и обычно оказывается) намного беднее художественного образа, созданного писателем.

Художественный образ может быть рассмотрен и в контексте эстетической и философской категории неоднозначного, получившей в науке и искусстве универсальный статус. Именно неоднозначность обеспечивает многочисленные интерпретации информации художественного текста и художественных образов как в пределах «своей» культуры и языка, так и при перекодировании оригинального текста средствами «чужого» языка и культуры. Неоднозначность лежит в основе таких явлений художественного перевода как неисчерпаемость оригинала и переводческая множественность. Эстетическая и художественная ценность текста, своеобразие поэтического языка М. А. Булгакова, неоднозначность художественных образов определяют устойчивый интерес читателей нескольких поколений к сюжетным линиям и персонажам романа. Именно неоднозначность обеспечивает способность текста «Мастера и Маргариты» к регулярному генерированию многочисленных межъязыковых переводов. Необходимо подчеркнуть, что роман неоднократно выступал объектом и межсемиотического перевода: театральные постановки, оперы, кинофильмы, комиксы. В каждом межсемиотическом переводе также представлен художественный образ кота Бегемота, получивший уникальную интерпретацию в зависимости от особенностей языка и культуры интерпретации, художественного замысла автора вторичного текста и его собственной трактовки образа оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С. С. 1968: Символ художественный // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 6. М., 826–831.

Арутюнова Н. Д. 1990: Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 5–32.

Афанасьев А. 1996: Происхождение мифа: статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М.

Булгаков М. А. 2011: Мастер и Маргарита. СПб.

Дударева Я. А. 2011: Особенности семантической структуры слов с диффузным значением (на материале ассоциативного эксперимента со словами синонимами русского языка) // Вестник Томского государственного университета. 351, 19–21.

Иваньшина Е. А. 2011: Орнитологический код памяти в творчестве М. А. Булгакова // Вестник Удмуртского университета. Вып. 4, 70–77.

Коптилов В. В. 1962: Трансформация художественного образа в поэтическом переводе // Теория и критика перевода. Л., 34–41.

Поливанов Е. Д. 1968: Статьи по общему языкознанию. М.

Разумовская В. А., *Тарасенко В.* Е. 2010: Ситуация винопития: семантика и перевод (на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и японского перевода) // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 8, 154–162.

Соколов Б. В. 2000: Булгаковская энциклопедия. М.

Шарова А. А. 2010: Гендерный аспект зооморфных образов (на материале русского и английского языков): автореф. дис… канд. филол. наук. Ярославль.

Шелестюк Е. В. 1998: Семантика художественного образа и символа: на материале англоязычной поэзии XX века: дис… канд. филол. наук. М.

Яблоков Е. А. 2011: Михаил Булгаков и мировая культура: Справочник-тезаурус. СПб.

Bulgakov M. 1987: The Master and Margarita. Translated from the Russian by Mirra Ginsburg. New York,

Bulgakov M. 1995a: The Master and Margarita. Translated by Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor. London.

Bulgakov M. 1995б: MASTER & MARGARITA or, The Devil Comes to Moscow. Adopted for the theatre by Jean-Claude van Itallie. New York.

Bulgakov M. 2008: The Master and Margarita. Translated by Hugh Aplin. London.

Bulgakov M. 2011: The Master and Margarita. Translated be Michael Karpelson. London.

Even-Zohar I. 1979/1980: Polisystem Theory // Poetics Today. 1, 287–310.

Toury G. 1995: Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam.

© 2012

Т. А. Ткачева

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *SAIGE* В «МЕМУАРАХ» ФИЛИППА ДЕ КОММИНА

Изучение семантики среднефранцузского прилагательного *saige* (мудрый) в тексте «Мемуаров» Филиппа де Коммина позволяет выявить элементы значения, отражающие как традиционное восприятие этой характеристики в конце Средних веков, так и особенности мировоззрения автора, использующего эту лексическую единицу для достижения конкретной коммуникативной цели. Исследование лексической единицы как повторяющегося элемента одного и того же произведения заставляет нас взглянуть на семантику прилагательного *saige* с позиции категорий текста. Прежде всего, прилагательное *saige* является одним из выразителей смысловой связанности текста «Мемуаров», то есть категории когезии[1]. По словам З. Я. Тураевой, явление реализации потенциальной многозначности слова в тексте, появление дополнительных созначений, не зафиксированных в системе — это результат действия интегративных отношений, глобальной связанности текста, возникающей лишь вместе с появлением текста как единства высшего ранга[2]. Другой текстовой категорией, с позиции которой необходимо рассматривать семантику *saige,* является модальность текста. Прилагательное *saige,*

Ткачева Татьяна Акимовна — кандидат филологических наук, доцент Астраханского государственного университета. E-Mail: tatiana.tcka4eva@yandex.ru

[1] Гальперин 2009, 75.

[2] Тураева 2009, 30.

повторяясь на протяжении всего текста чаще в качестве эпитета или предикатива, является одним из выразителей субъективно-модального или объективно-модального значения[3]. Текстовая модальность — это отношение автора к тому, что он пишет, выражение его опыта, мировоззрения, то есть это категория, в которой проявляется личность автора.

Филипп де Коммин (1447–1511гг.), опытный политик, искусный дипломат и советник Людовика XI (с 1472 г. по 1483 г.), самым важным человеческим качеством как у государя, так и у любого человека считает мудрость. Наличие или отсутствие мудрости является главной характеристикой описываемых Коммином современных ему исторических личностей. Именно это качество, по мнению Коммина, которое человек приобретает не без участия Бога, позволяет ему принимать правильные решения, добиваться поставленных целей. Отсутствие мудрости у людей, и особенно у государей — это, по мнению Коммина, самый главный порок и причина всех бед. Выдающийся исследователь французского Средневековья Ю. П. Малинин в предисловии к русскому переводу «Мемуаров», впервые вышедшему в 1986 г., пишет, что «прагматическая направленность мысли Коммина проявляется в понимании мудрости»[4]. Проблема заключается именно в том, какой смысл вкладывает Коммин в слово «saige», являющееся основным выразителем понятия «мудрость». По мнению Ю. П. Малинина, понимание мудрости у Коммина лишено моральной составляющей, которая была неотъемлемой для средневековой христианской идеологии. То есть, если в обиходном словоупотреблении *«saige»* означало, чаще всего, «богопослушный», «следующий религиозным заповедям», то Коммин использует концепт «мудрость», выраженный в форме прилагательного «saige», чтобы подчеркнуть природный ум королей или принцев. Вместе с тем, как показывает контекст употребления данного прилагательного в «Мемуарах», семантика «saige» далеко неоднозначна и представляет очень широкий спектр оттенков.

Согласно концепции М. В. Никитина, изменение значения слова может быть связано с изменениями прагматической и когнитивной составляющих семантической структуры. Прагматический компонент значения отвечает за субъективную оценку всего наблюдаемого и переживаемого человеком с точки зрения его интересов и ценностной ориентацией в мире. С когнитивной стороной изменения значения связано объективированное познание мира, его сущностей, связей, зависимостей[5]. Прагматическая и когнитивная интерпретация реализации семантики прилагательного «saige» в каждом конкретном употреблении в тексте «Мемуаров» Филлипа де Коммина неразрывно связана с учетом различных видов контекста как лингвистического, так и экстралингвистического, то есть с непосредственным окружением прилагательного «*sage»,* особенностями мемуарного жанра, замыслом автора и его личностью. При этом одним из важных критериев определения семантики *«saige» в* произведение конкретного жанра становится определение ценностных ориентиров языковой личности и степень освоения ею мира через язык.

[3] Гальперин 2009, 115.
[4] Малинин 2004, 29.
[5] Никитин 2003, 89.

Говоря о ценностном аспекте языковой личности, В. И. Карасик подчеркивает важность вербального коммуникативного выражения тех норм, которые определяют поведение человека говорящего как индивидуума и как представителя группы[6]. Так, варьирование смысловых акцентов в семантической структуре прилагательного *«saige»* в «Мемуарах» Филиппа де Коммина основано не только на сложившейся к концу XV века норме употребления этого прилагательного, но и на индивидуальном идейно-политическом мировоззрении Коммина как одного из первых представителей нового времени.

То, какие конкретные качества вкладывает Коммин в понимание «мудрости», становится ясным из анализа контекста каждого отдельного употребления и позволяет определить структуру семантического значения прилагательного *«saige»* в изучаемом нами тексте. Следуя за Н. Ф. Алефиренко, мы понимаем термин семантика как родовое понятие по отношению к значению и смыслу. В семантику слова включены как системное (языковое) значение этого слова, так и структуры речевых смыслов[7]. Значение языкового знака как элемента языковой системы представляет собой обобщенную совокупность всех употреблений слова. При этом каждый элемент значения, который выявляется в конкретном употреблении в речи, не тождественен своему системному значению[8]. Если речь идет о полисеманте, каковым является прилагательное «saige», то каждое из выделяемых значений составляет совокупность смыслов, выявленных из контекстного употребления. По словам В. В. Виноградова, употребление — это лишь возможное применение одного из значений слов, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное, и в каждом употреблении скрыто множество смысловых оттенков слова[9].

Именно выявление этих смысловых оттенков, связанных с прагматической и когнитивной стороной использования прилагательного «saige» Коммином в тексте «Мемуаров», и является задачей данного микроисследования.

Словарь старофранцузского языка А. Греймаса содержит следующую лексикографическую статью о прилагательном «saige»: это прилагательное восходит к «sapius», «sabius» в народной латыни и под влиянием прилагательного классической латыни «sapiens» становится многозначным уже в старофранцузском языке: savant — ученый, знающий; avisé — осторожный, осмотрительный, рассудительный ; futé — хитрый, себе на уме; habile — ловкий, проворный[10]. Все эти элементы значений были отмечены и у Коммина. Однако, к недостаткам описания значения «saige» в этом словаре можно отнести отсутствие системного описания семантического значения, то есть отсутствие выделения основных значений и их составляющих. Электронный словарь среднефранцузского языка Dictionnaire du Moyen Français (1330–1500), составленный под руководством Р. Мартена[11], показывает три основных системных значения *«saige»*:

А. — Обладающий знанием, умением (qui sait, qui dispose d'un certain savoir ou d'un certain savoir-faire);

[6] Карасик 2004, 35.
[7] Алефиренко 2005, 194.
[8] Алефиренко 2005, 67.
[9] Виноградов 1977, 182.
[10] Greimas 1967, 578.
[11] DMF 2010, http: // www.atilf.fr/dmf

B. – Интеллектуальные качества, связанные с природным умом (qui a des qualités d'intelligence ou de bon sens ; qui est raisonnable, avisé, clairvoyant);

C. – Морально безупречный, умеющий себя вести (Qui sait se conduire, qui est irréprochable dans sa conduite, qui est moralement irreprochable).

Важно отметить иерархические отношения между тремя основными значениями. Макрозначением в семантике прилагательного *«saige»* является A (приобретенные знания, умения, опыт)[12]. Об этом свидетельствует внутренняя форма, связанная с происхождением этого слова. Второе значение, связанное с природным умом, — результат расширения значения A: знание и опыт ценятся только тогда, когда ими обладает умный человек, умеющий их применить в жизни, то есть принимать правильные решения. Умный и знающий человек, умеющий правильно (праведно) себя вести, в Средние века неизбежно ассоциировался с христианской моралью. В более широком значении это человек морально безупречный, правильно умеющий себя вести.

Анализ конкретных смысловых реализаций семантики прилагательного «saige» в «Мемуарах» Ф. де Коммина дает возможность более аргументированно подойти к раскрытию понимания мемуаристом мудрости.

Материалом послужили «Мемуары» Ф. де Коммина, изданные Б. де Мандро в 1901–1903 гг.[13] и Ж. Дюфурнэ в 2002–2007 гг.[14] по рукописи, принадлежавшей Анне Полиньяк, племяннице Коммина. Анализ всех контекстных реализаций прилагательного «saige/saiges» выявил системные элементы значения, как свойственные языку XV века, согласно словарям среднефранцузского языка, так и их специфические смысловые оттенки, реализуемые в определенном контексте. Так, выделенные в DMF три системных значения в семантике прилагательного «saige» в процессе речевой реализации включают комплекс смысловых оттенков, которые либо сужают, либо расширяют основное системное значение.

Прилагательное *«saige»*, будучи прагматически обусловленным, является одним из ключевых в повествовании Ф.де Коммина, выражая замысел и конечную цель «Мемуаров». Как не раз отмечал в своих «Мемуарах» Коммин, он писал свои воспоминания для будущих принцев и государей, чтобы те на примерах истории смогли стать более мудрыми [15]. С этим связано подавляющее количество случаев использования Коммином этой лексической единицы в значениях A и B. Вместе с тем, характеризуя Людовика XI как самого мудрого из всех правителей, кого он знал, Коммин наряду с интеллектуальными качествами короля называет его набожность и сдержанность по отношению к мирским удовольствиям:

Et entre tous ceulx que j'ay jamais cogneu, le plus saige pour soy tirer d'ung maulvais pas, en temps d'adversité, c'estoit le roy Loys unzième nostre maistre, et le plus humble en parolles et en habitz qui plus travailloit a gagner ung homme qui le pouvoit server ou qui luy pouvoit nuyre[16] .

Благодаря контексту фразы можно понять, что под мудростью короля Коммин понимает умение выпутываться из трудных ситуаций, привлекать на свою

[12] Далее в статье мы используем буквенные обозначения A, B и C для соответствующих системных значений прилагательного «saige».

[13] Mandrot 1901–190.

[14] Commynes 2002–2007.

[15] Commynes IV–VI, 2007, 320.

[16] Commynes I –III, 2007, 134.

сторону полезных ему людей, на что он тратит много усилий. Такие комментарии к определению «saige» выделяют в его значении сему «хитрый, расчетливый». По мнению Г. Гейделя, семантика прилагательного «saige» в «Мемуарах» де Коммина содержит все элементы значения, основанные на умственной способности человека, включая такие качества, как хитрый (rusé), находчивый и изворотливый (astucieux), а также осторожный (prudent), рассудительный (raisonnable)[17] .

Называя короля самым мудрым, Коммин отмечает и его пуританские качества: строгость нравов, ограничение потребностей (le plus humble en parolle et en habitz) и трудолюбие. Эти моральные качества короля, которые Коммин вводит в контекст фразы, неизбежно отражаются в семантической структуре прилагательного *«saige»*, актуализируя моральную составляющую этой семантемы.

Говоря о положительных качествах Людовика XI, Коммин не идеализирует его и часто указывает и на его недостатки, добавляя, что совершенным может быть только Господь. Известно, что народ очень бедствовал при Людовике XI и многие подданные считали его тираном. Прекрасно зная практически всех правителей своего времени, из которых Людовик XI, по его мнению, был самым мудрым, и проанализировав их недостатки, Коммин дает идеализированное определение мудрого короля, при котором народ мог бы быть счастлив:

Et est le païs ou royaulme bien eureux quand ilz ont roy ou seigneur saige et qui craint Dieu et garde ses commandemenz [18].

Анализ употреблений прилагательного «saige» в «Мемуарах» Коммина показал, что сложная семантическая структура этого чрезвычайно абстрактного прилагательного может сужаться до определенного смыслового оттенка в зависимости от прагматической направленности высказывания, от статуса описываемого субъекта, а также от опыта и концептуально-сущностного познания мира самим автором.

Так, наивысшим проявлением мудрости Людовика XI Коммин считает осторожность и осмотрительность. Многие в окружении Людовика XI считали, что он был боязливым, и воспринимали это как его недостаток. Однако Коммин именно эту черту короля считает большой мудростью, ибо король знал, когда следует бояться, а когда нет:

Je luy ose bien porter ceste louenge (et ne scay si je l'aurois dict ailleurs; et quand je l'aurois dict, si vault il bien le dire deux foiz), que jamais je ne congneu si saige homme en adversité[19] .

Сема «осторожный» в прилагательном *«saige»* выделяется в этой фразе уже на уровне сочетания *si saige homme en adversité (мудрый в опасной ситуации),* а внутри контекста всей фразы, в которой Коммин восхваляет короля за его осторожность, усиливается значимость этого качества и выявляется прагматическая составляющая этого созначения в прилагательном *«saige»:* Коммин готов повторять об осторожности короля в назидание будущим принцам и государям, чтобы они знали, каким должен быть мудрый правитель.

Коммин называет также короля самым мудрым из всех принцев своего времени в умении проводить мирные переговоры:

[17] Heidel 1934, 165.
[18] Commynes VII–VIII, 2002, 366.
[19] Commynes I –III, 2007, 404.

Le Roy qui estoit plus saige à conduire telz tractez que nul aultre prince qui ayt esté de son temps…[20]

В этом употреблении прилагательное «*saige*» обладает широким спектром смысловых реализаций, объединяя и значение «обладание приобретенными знаниями и опытом» (А), и «природный ум» со смысловыми оттенками «осторожность, хитрость, расчетливость» (В), и «умение правильно себя вести» (А, В). Реализация семы «Умение правильно себя вести» ограничена ситуацией переговоров, для проведения которых требуется быть дипломатичным, то есть уметь расположить противоположную сторону к себе, чтобы добиться нужного решения, что подразумевает, ум, хитрость, расчетливость, знания и опыт. Поскольку прагматика высказывания направлена только на актуализацию в прилагательном *«saige»* сем, относящихся к профессиональным и интеллектуальным качествам, моральная составляющая в смысловой структуре семантики «*saige*» отсутствует.

В следующем употреблении прилагательное «*saige*» получает смысл «проницательный», «разбирающийся в людях». Коммин, делясь своим дипломатическим опытом, считает, что мудрые принцы — те, кто правильно подбирают людей для ведения переговоров:

Et aussi comme j'ay dict que les princes doivent estre saiges a regarder et a quells gens ils baillent leurs besongnes entre les mains, aussi bien devroient penser ceulx qui vont dehors pour eulx s'entermettant en telz matieres[21]*…*

Сужение значения происходит с помощью детерминирующего определения, выраженного инфинитивом и дополняющим его придаточным предложением: *estre saiges a regarder et a quells gens ils baillent leurs besongnes entre les mains* (проявлять мудрость при выборе людей, которым они поручают ведение дел). Несмотря на обобщенное значение высказывание, это качество было присуще больше, чем другим, именно Людовику XI, подтверждение чему мы находим в третьей книге мемуаров:

Et surement j'ay cogneu gens en ce royaulme aussi dignes de conduyre un grand accord que nulz aultres que j'aye congnuz en ce monde, et par especial de la nourriture de nostre Roy, car en telz chouses faut gens complasans et que passeent toutes chouses et toutes paroles pour venir a la fin de leur maistre[22].

Из этого утверждения становится ясным, что Людовик XI не только умел подбирать людей для ведения переговоров, но и обучал их этому искусству. Не исключено, что его учеником был и сам Коммин.

Несмотря на то, что Коммин, используя эпитет saige в характеристике королей и принцев, на первое место ставит природный ум (В), для будущих принцев он очень важную роль отводит приобретению знаний, чтению, образованности (А):

Dont je veuil dire que ceux qui seigneurisent et sont mal saiges par faulte d'avoir estez bien nourriz et que leur complexion par adventure y aide, ilz n'ont point de congnoissance jusques a ou s'estend le pouvoir et seignerie que Dieu leur a donné sur lleurs subjectz, car ilz ne l'ont point leu, ny entendu par ceulx qui le sçavent.[23].

[20] Commynes I –III, 2007, 286.
[21] Commynes I –III, 2007, 168.
[22] Commynes I –III, 2007, 362.
[23] Commynes IV–VI, 2007, 274.

Наречие *mal*, составляя с прилагательным saiges практически одно слово, и контекст фразы актуализируют здесь только значение «образованный, знающий»: «mal saiges» — «невежды», не получившие должного образования, не могут знать даже размеров своих владений, так как ничего не читали и не слушали знающих людей .

«Мемуары» де Коммина свидетельствуют об обширных знаниях самого автора, о его начитанности, а главное — об осведомленности, владении политической ситуацией в отличие от тех, кто был ближе к государям, кому он служил. Да и сам Коммин не раз отмечает, что он вникал во все детали дипломатии и был хорошо информирован. Неслучайно Сент-Бев назвал «Мемуары» де Коммина началом политической истории[24]. Однако Коммин не раз находился в отчуждении, испытывал недоверие со стороны своих господ, его советами часто пренебрегали. Коммин говорит об этом не прямо, но в его отвлеченных фразах часто можно встретить повторяющуюся мысль о главной ошибке государей — пренебрегать *мудрыми* советниками:

Ung saige homme sert bien en une telle compaignee, mais que on le vueille croire, et ne se pourroit trop achapter[25] .

Из контекста вышеприведенного высказывания можно понять, что Коммин под отвлеченным «ung saige homme» имеет ввиду себя, сетуя на герцога Бургундского, который еще в то время, когда Коммин служил у него, не прислушивался к его советам, мало ему доверял и недооценивал.

В Средние века знание, опыт и определенные правила поведения должны были быть неотъемлемым признаком любого знатного человека. Эти характеристики совмещаются в одном слове «*saige»*, которое приобретает очень абстрактный характер, если его семантика не сужается ситуативным контекстом или сопутствующим определением. Это сопутствующее определение совпадает с одной из сем прилагательного «*saige»* и, тем самым сужает его значение. Вот несколько примеров сужения значения прилагательного«*saige»* благодаря сопутствующему определению:

En Calabre laissa mons^r d'Aubigny, de nation d'Escosse, bon chevalier et saige et honnourable [26].

Les ducs de Berry et de Bretaigne, qui avoient en leur compaignee de sages et notables chevaliers[27].

Прилагательные *bon, honnourable, notables* в сочетании с прилагательным saiges усиливают обобщенное значение знатности, благородства рыцаря.

Чаще сопутствующее прилагательное акцентирует одно из созначений прилагательного *«saige»:*

Le roi Loys en avoit eu paour, qui fut si saige et si vertueulx [28].

Прилагательное *vertueulx* (добродетельный) вместе с *«saige»* усиливает моральную составляющую общего значения, которая присутствует всегда в прилагательном *«saige»,* если Коммин говорит о короле Людовике XI.

---

[24] Sainte-Beuve 1857, 243.
[25] Commynes I –III, 2007, 50.
[26] Commynes VII –VIII, 2002, 182.
[27] Commynes I –III, 2007, 66.
[28] Commynes VII –VIII, 2002, 318.

Использование парных сочетаний эпитетов, связанных союзом et и имеющих семантическую общность, — очень характерное явление для средневековой литературы. Парные эпитеты в разных жанрах средневековой литературы являются средством выразительности. Однако у Коммина, который не преследовал литературных целей, а стремился как можно точнее выразить свою мысль, сочетания однородных определений служат уточнению или сужению значения «*saige»,* выделяя определенную сему. Некоторые часто встречающиеся прилагательные в окружении с прилагательным «*saige»* являются ассоциативной парой, создающей одно общее понятие, несущее объективно-положительную оценку.

Такой ассоциативный характер носит «s*aige»* в сочетании с *«vaillant» (доблестный, храбрый).* Сочетание этих двух эпитетов ассоциируется с двумя неразрывными понятиями *fortitudo/sapientia (мужество и мудрость)*, восходящими к античной философии стоиков, а в раннем средневековье единство мудрости и мужества становится отличительной чертой рыцарства, то есть аристократии[29]. Находясь в окружении с прилагательным *«vaillant»,* прилагательное «s*aige»* сохраняет лишь объективно-модальное значение «обладающий знаниями и умениями, необходимыми рыцарю», а вместе эти эпитеты выражают соответствие названного лица своему статусу:

Le roy ordonna en son lieu messire Charles d'Amboise, seigneur de Chaumont, très vaillant homme et saige et diligent[30].

Для Ф. де Коммина эпитеты «*saige», «vaillant»*, которыми он пользуется при описании известных ему исторических лиц, выражают не похвалу, а объективную значимость этого лица для беспристрастного политика и дипломата, каким стремится быть на протяжении всего повествования Коммин. Это не относится только к Людовику XI, при описании которого Коммин использовал всю палитру значений прилагательного *«saige»* с ярко выраженным субъективно-модальным значением. Это говорит о том, что использование «*saige»* с другими прилагательными, и чаще всего с *«vaillant»,* при квалификации рыцарей и некоторых принцев, даже являющихся врагами королевства, раскрывает языковую личность опытного дипломата, который судит людей не субъективно, а по тем делам, которые принесли успех или поражение этому лицу. При этом моральная квалификация в самом прилагательном *«saige»* полностью отсутствует. Частота использования сочетания *«saige et vaillant»* наводит на мысль, что это не что иное, как средневековая риторическая норма, обязательная при упоминании знатных господ, рыцарей или принцев. При этом, безусловно, значение этих слов размыто. Можно привести в пример, по крайней мере, трех печально известных в истории и описанных в «Мемуарах» исторических персонажей, которых Коммин удостоил квалификации «*saige et vaillant», «tres sage»,* несмотря на то, что они прославились жестокостью или коварством, хитростью и жадностью.

Монсеньор де Конте, советник и камергер герцога Бургундского Филиппа Доброго, в войне лиги общественного блага был одним из главных предводителей армии будущего Карла Смелого, наследника герцога Бургундского, у которого в это время служил Коммин:

---

[29] Тиллих 1995, 10.

[30] Commynes IV –VI, 2007, 342.

...l'ung estoit le seigneur de Haubordin, ancient chevalier (...) L'autre avoit nom le seigneur de Contay (...) Ces deux estoient tres vaillans et saiges chevaliers et avoient la principalle charge de l'armée[31].

Упоминая в дальнейшем сеньора де Конте, Коммин почти каждый раз сопровождает его имя прилагательным *«saige»,* даже тогда, когда Коммин говорит о его смерти как о наказании Господа за его жестокое предложение казнить 300 заложников:

Ce jour ayda bien à donner l'ordre le seigneur Contay, lequel, peu de jour après, mourut en la ville de Hu, et eut assés bonne fin, et avoit esté vaillant et saige, mais y dura peu après ceste cruelle opinion qu'il avoit donné contre les ostaiges, dont avez puy parler cy dessus.[32].

Другое очень знатное лицо, имеющее непосредственное отношение к описываемым событиям, констебль Франции Сен Поль, обогащался за счет королевских денег, выделяемых на снабжение армии. Желая отвлечь короля от своих махинаций, плел интриги с целью разжечь войну между королем и герцогом Бургундским. Удивительно, с какой сдержанностью и дипломатией Коммин описывает уловки Сен Поля, не преминув назвать его очень мудрым:

Et veez icy les habilitez qui furent tenues. Le conte de Sainct Pol, connestable de France, homme tres sage, et aultres serviteurs du duc de Guyenne et aultres desiroient plustost la guerre entre ces deux grands princes que paix[33].

Слово «*les habilitez»* (уловки) является самым нейтральным из синонимичных ему в данной ситуации. Образованное от прилагательного «*habile*», обозначающего характер того, кто изобретателен, находчив, это слово, в первую очередь, указывает на интеллектуальные способности субъектов действия, что и переходит на определение *«tres sage».* Несмотря на сдержанность тона Коммина, нельзя не почувствовать, что значение прилагательного *«tres sage»* сужено в данном контексте до семы «хитрый, коварный, расчетливый».

Турок, по мнению Коммина, был одним из самых умных современных ему правителей. Так Коммин называет Мухаммеда II, который в 1453 году завоевал Константинополь, сделав его столицей Османской империи. Описывая жестокости, грабежи и насилие, которые длились три дня во время взятия города, называя его победу позором для всего христианского мира, Коммин делает реверанс в сторону Турка, называя его мудрым и храбрым (объекивно-положительная оценка), и сразу уточняет, что ума и хитрости в нем было больше, чем мужества (субъективно-модальная оценка):

Le Turc, que devant ay nommé, a esté saige et vaillant prince, plus usant de sens et de cautelle que de vaillance et de hardiesse [34].

Почтительный тон Коммина, благодаря определению *«saige et vaillant»,* все же разбавляется здесь едва уловимой иронией, создаваемой причастным оборотом: *plus usant de sens et de cautelle que de vaillance et de hardiesse* «больше пользующийся умом и хитростью, нежели доблестью и мужеством». Это замечание

[31] Commynes I–III, 2007, 56.
[32] Commynes I–III, 2007, 192.
[33] Commynes I–III, 2007, 292.
[34] Commynes IV–VI, 2007, 438.

служит также утверждением того, что мудрости Турка не хватало доблести и добродетели, а ум без этих качеств может служить во зло.

Таким образом, структурно-семантический и когнитивно-прагматический анализ лексической единицы «saige» в «Мемуарах» Филиппа де Коммина показал, что семантическая структура этого прилагательного в среднефранцузском языке состоит из трех основных системных значений: А — обладающий знаниями, опытом; В — обладающий интеллектуальными качествами; С — обладающий качествами христианской морали. Каждое из этих системных значений содержит сложную структуру речевых смыслов, которые, реализуясь в определенном контексте, сужают или расширяют объем значения «saige». Важным для правильного выявления семы в конкретной реализации лексической единицы с такой сложной семантической структурой являлся учет прагматической направленности и ценностной ориентации самого автора. Особенность реализации значения *«saige»* в «Мемуарах» заключается в том, что в зависимости от того, о ком и в какой ситуации рассказывает Коммин, его субъектная роль меняется. Возвращаясь к мнению замечательного историка и переводчика «Мемуаров» Ю. П. Малинина об отсутствии моральной составляющей в понимании мудрости Филиппом де Коммином, мы полностью с ним соглашаемся только в той части, где Коммин выступает как политик и дипломат. Вместе с тем, Коммин-хронист, объективно рассказывая о царствовании Людовика XI, представляет его мудрость во всей полноте значения *«saige»,* включая его качества истинного христианина и противопоставляя ему умных (*saige)*, но лишенных добродетели правителей[35]. Полный объем значения *«saige»* реализуется также в отвлеченных суждениях Коммина-моралиста, где он, ставя в пример короля, создает образ идеального мудрого правителя в назидание будущим государям.

ЛИТЕРАТУРА

Алиференко Н. Ф. 2005: Спорные проблемы семантики: Монография. М.

Виноградов В. В. 1977: Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.

Гальперин И. Р. 2009: Текст как объект лингвистического исследования // Лингвистическое наследие XX века. М.

Карасик В. И. 2004: Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.

Коммин Ф. 2004: Мемуары. М.

Никитин М. В. 2003: Основания когнитивной семантики: Учебное пособие. СПб.

Тиллих П. 1995: Мужество быть. Избранное. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http: // http: // poznaisebya.com/psylib/books/tillp01/index.htm

Тураева З. Я. 2009: Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика. М.

Commynes Ph. de. 2002 : Mémoires sur Charles VIII et l'Italie. Présentation et traduction inédite par Jean Dufournet. (Edition bilingue). Livre VII et VIII. P.

Commynes Ph. de. 2007 : Mémoires. Présentation et traduction par Jean Dufournet. (Edition bilingue). Livres I–III. P.

Commynes Ph. de. 2007: Mémoires. Présentation et traduction par Jean Dufournet. (Edition bilingue). Livres IV–VI. P.

Heidel G. 1934: La langue et le style de Commynes. Leipzig.

Mandrot B. de. 1901–1903: Mémoires de Philippe de Commynes. T. 1–2. P.

Sainte-Beuve C. A. 1857:Causerie de lundi. Tom I. P.

[35] Commynes IV –VI, 2007, 440.

© 2012

М. Г. Швецова

РОЛЬ СМИ В КОНСТРУИРОВАНИИ ОБРАЗА СТРАНЫ

Каждая страна стремится оформить свой образ. Образ страны — это один из важных способов собственной самоидентификации. Понятие «образ» включает в себя множество значений: это и «символ», «знак», «опознавательная примета». Образ является залогом долговременного, пусть не вечного, но вполне протяженного в исторических эпохах существования. Изучению понятия образ в современной лингвистике посвящен ряд работ. Так, у Э. С. Азнауровой «образ» — это «психологическое явление». Она считает, что образ — это наглядное представление о каком — либо факте действительности, такое неадекватное отражение явлений и предметов, в которых сознательны отобраны те их признаки, через которые возможно передать данное понятие в конкретно — изобразительной форме[1].

Несколько иное определение понятию «образ» дает С. Чугров: «отражение явления во всем его доступном человеку многообразии, богатстве оттенков и противоречивости»[2].

С. М. Мезенин, исследуя образ, ставит акцент на его основной черте — его трехчленной структуре и выделяет в ней следующие компоненты: «1) референт, коррелирующий с гносеологическим понятием предмета отражения; 2) агент — то есть предмет в отраженном мире; 3) основание, то есть общее свойство предмета и его отражения, обязательное наличие которых вытекает из принципа подобия»[3]. Несмотря на разнообразие подходов к понятию образа, нужно, однако, отметить, что в лингвистике до сих пор отсутствует единая терминология для обозначения компонентов структуры образа.

В свою очередь, образ страны — это знаковая модель, опосредующая представления о национальной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения. Далеко не всегда он соответствует реальному положению дел и объективным показателям национального развития. Характер представлений о себе и о своем месте в мире («внутренний» образ страны) оказывает определенное влияние на восприятие страны за ее пределами («внешний» образ). В то же время отношение к «иному» и соотнесение себя с другими национально-государственными общностями всегда было и остается одной из основ утверждения собственной национальной идентичности. Образ играет активно-действенную роль, регулирует поведение, осуществляет функции управления действиями. Это имеет место и в международных отношениях. Понятие «образ страны» тесно связано с понятием «национальные стереотипы». Стереотип — стандартизированный и устойчивый образ, позволяющий получить обобщенное представление

Швецова Марина Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент факультет лингвистики Вятского государственного гуманитарного университета. E-mail: shvezov@domik5.kirov.ru

[1] Азаурова 1973, 326.
[2] Степанов 1995, 50.
[3] Мезенин 1983, 48.

о целой категории однородных явлений или объектов. Стереотипы очень устойчивы, они сохраняются на протяжении жизни нескольких поколений[4].

Образ и имидж — дефиниции, между которыми в практике коммуникационных дисциплин зачастую ставится знак равенства, либо слово «образ» несет объяснительное значение определения имиджа. Однако не встречается определений образа, где пояснительная роль принадлежит слову «имидж». Под образом, как правило, понимается субъективное воспринятое «отражение» чего-либо, представление о чем-либо. Отметим, что восприятие это стихийно до тех пор, пока создание определенного образа не становится целью коммуникации. Возможно, именно в коммуникационной плоскости и стоит искать смысл понятий «образ» и «имидж».

В коммуникативном поле циркулируют различные образы в зависимости от отношения к участникам процесса общения — образ «себя», как его представляет субъект (субъективный образ); образ, складывающийся в сознании других участников коммуникации (объективный образ); «идеальный» образ субъекта в сознании других субъектов и образ, целенаправленно создаваемый. Таким образом, условимся рассматривать имидж как «рабочий» конструкт в формировании необходимого образа. А под образами (любого порядка) подразумевать только «отраженные» в сознании участников коммуникации с разной степенью адекватности фрагменты реальности.

Рассмотрим отличительные признаки имиджа, отражающие его инструментальный характер:

имидж упрощен по сравнению с объектом, публичным портретом которого является. Его характерным признаком является доминантность — это свернутое сообщение, значительный объем информации сводится к ограниченному набору символов;

имидж подчеркивает специфичность и уникальность объекта, чем принципиально отличается от стереотипа, который обобщает, интегрирует, а не индивидуализирует явления;

имидж конкретен, но подвижен, изменчив. Он все время корректируется, адаптируется к требованиям текущей ситуации, к текущим ожиданиям аудитории; реакция получателя информации контролируема (Характеристики же образа государства являются достаточно устойчивыми);

имидж — коммуникация с «обратной» связью». Сообщения порождаются с учетом ожидаемой реакции адресных групп;

имидж в определенной степени соответствует «прообразу» и, вместе с тем, идеализирует его, либо гипертрофируя выгодные черты, либо наделяя дополнительными идеологическими, социальными, психологическими ценностями, ориентируясь при этом на ожидания тех, для кого предназначен. Попутно отметим, что характеристики образа соответствуют основным показателям объективной реальности. Они всегда соотнесены с субъектом (в нашем случае с государствами, которые характеризуются определенным географическим положением, политическим режимом, особенностями экономической системы, демографическими показателями и другими «объективными» параметрами);

[4] Гришаева 2003, 26.

имидж связан с прообразом, но тем менее живет по собственным законам в соответствии с духовными ориентациями обыденного сознания;

имидж объединяет представления аудитории и характеристики, свойственные самому объекту, активизируя в аудитории те характеристики, которые уже были там помещены.

В основе формирования имиджа страны лежат процессы ее идентификации и индивидуализации. Структура имиджа страны образуется тремя составляющими:

Первая — ядро имиджа, включающее весь исходный материал о стране: ее геополитическую сущность, национальные особенности самовосприятия, исторической памяти, менталитета, этнонациональных образов, сложившихся национальных стереотипов и объединительных идей солидарности и идентичности. Поведение страны в публичном пространстве предполагает собственный стиль, содержательные поведенческие репертуары и приёмы трансляции образов, формирование новых смыслов и освоение символического пространства.

Вторая — собственно имидж как заявленная позиция, то есть видоизменение исходного материала и корректировка позиционирования в мировом сообществе, т. е, определение новой роли в моделируемом смысловом пространстве, самоотождествление с духовными, культурными, ценностными приоритетами, символическими смыслами. Концептуальное определение геополитической идентичности, отождествление страны и ее народа с определенной политико-культурной и исторической территорией через визуальные и сущностные признаки, имеющие сильную выраженность и высокий уровень устойчивости исторической миссии. Поэтому имидж можно рассматривать как инструмент достижения конкретной цели и концептуальный продукт, смоделированный с учётом социально-политических национальных культурных особенностей страны, который ее олицетворяет и складывается из представлений о ней ее граждан, вызывает позитивную реакцию и уважение.

Третья — грамотное информационное сопровождение, актуализация и продвижение смоделированного образа страны в условиях информационного шума и давления. Таким образом, в одном случае можно рассматривать имидж как набор определенных качеств, которые ассоциируют с объектом, а в другом — как образ, способный придавать явлению характеристики, ему не присущие, только превращая их в главные составляющие внутреннего образа, радикально изменяя представления о внешнем образе. Внешний образ страны тесным образом связан с внутренним, сосуществует по принципу проективности и представляет собой определенные исходные грани, соблюдение которых позволяет выдержать линию анализа имиджевых доминант, реализовать собственный подход позиционирования и ребрендинга страны. Поэтому после определения внутренних и внешних составляющих образа, принимается решение о том, как донести моделируемый информационный продукт, преодолеть полосу отчуждения в восприятии, как сделать достоянием общественности внутренние и внешние составляющие имиджа, модифицировать их. На этом этапе формируется «новая идентичность», которую можно рассматривать как систему символов, знаков, мифов, ритуалов, коммуникативных средств, отражающих индивидуальность страны. Она должна отражать миссию, геополитическую стратегию и притязания государства, является продук-

том истории и культуры, результатом синтеза взглядов народа и элит, общественного мнения в целом.

От того, насколько образ страны станет понятным, реальным, а не виртуальным, зависит степень реализации национальных интересов, её цивилизационный выбор и инвестиционная привлекательность.

Частью объективного образа какого-либо государства будет отражение его в средствах массовой информации других стран. Средства массовой информации занимают в современном обществе неоднозначное положение. С одной стороны, они призваны информировать и просвещать аудиторию — трансляция объективной информации. Занимая несколько субъективную позицию, СМИ выполняют функцию убеждения, оказывая непосредственное воздействие на формирование ценностных ориентацией своих зрителей, слушателей и читателей, создают и воспроизводят культурные мифы, характерные для данного общества. Особенностью печатных средств массовой информации, в том числе иллюстрированных журналов, является то, что они претендуют на формирование стиля и образа жизни. В нашей статье мы рассматриваем формирование образа страны в немецком журнале «Der Spiegel». Журнал «Der Spiegel» в Германии является одним из самых авторитетных и наиболее часто цитируемых журналов во всем мире. «Der Spiegel» — это солидное печатное издание, в котором находят отражение все важные события, происходящие во внутренней и внешней политике Германии и за ее рубежом, вопросы экономики, науки и техники, экологии, культуры и спорта.

Публикации этого немецкого еженедельника рассчитаны на подготовленного читателя, склонного к критическому анализу и рефлексии. Материалы, публикуемые в этом еженедельнике, отличаются своеобразным экспрессивным стилем. Наиболее предпочитаемый жанр журнала — «SPIEGEL-Gespräch». У бесед есть непременный атрибут: заканчиваться они должны словами благодарности собеседнику. Фраза «Мы благодарим вас за эту беседу!» — что-то вроде фирменного знака журнала.

Жанровый спектр журнала «Der Spiegel» весьма разнообразен. Большая роль в журнале отводится жанру «полемической статьи». Текст полемической статьи в журнале носит внутренне диалогизированный характер. Автор-полемист выступает в качестве посредника между оппонентом и читателем. Задача информирования читателя подчиняется задачам, связанным с разъяснением представляемой точки зрения. Автор анализирует позицию своего оппонента, при этом он комментирует современную общественно-политическую обстановку, дает объективную справку о своем оппоненте (его прежней деятельности, нынешнем положении в обществе). «Der Spiegel» не стремится к броскости, и в нем нет того сарказма по отношению к «западным ценностям», который успешно культивируется другими не менее известными журналами. В рамках работы по данной теме нами был проведен тематический анализ статей рубрик «Deutschland» и «Ausland» журнала «Der Spiegel» и анализ заголовков статей. На основании полученных данных в рубрике «Ausland» выявлены страны, к описанию которых обращаются немецкие журналисты. Для подробного анализа в рамках настоящего исследования из рубрики «Ausland» взяты статьи о США и России, поскольку данные страны чаще других становятся объектом рассмотрения в анализируемом журнале, что, вероятно, обусловлено значимостью внешнеполитических отношений между Германи-

ей, США и Россией. Темы, часто освещаемые на страницах журнала «Der Spiegel» в рубрике «Deutschland», условно обозначены как «Kriminalität», «Innenpolitik», «Terrorismus», «Sozialpolitik», «Medizin», «Außenpolitik», «Bundesländer». Другие тематические блоки, среди которых можно отметить «Geschichte», «Umwelt», «Finanzen», «Religion», «Ausländer» и «Jugend», представлены в рубрике «Deutschland» незначительно.

Основными темами, обсуждаемыми в статьях о США из рубрики «Ausland», являются претензии Штатов на мировое господство, отношения между США и Германией, нестабильность положения Америки, не способной достичь согласия и порядка даже внутри страны; коррупция в высших органах власти, продажность полиции, неподготовленность органов правопорядка к преодолению внутренних чрезвычайных ситуаций, критика методов, к которым прибегает сверхдержава при решении своих вопросов; давление на лидеров мировых организаций и глав государств, открытое нарушение прав человека.

Наиболее частотными темами, обсуждаемыми немецкими журналистами в статьях о России, являются коррупция во всех сферах общественной жизни российского общества, особенно в высших эшелонах власти, сотрудничество органов правопорядка с радикальными группировками, внутренняя и социальная политика России, «война внутри страны» так же подвергается критике со стороны немецких журналистов. Естественно, что подобная характеристика воспринимается немецким адресатом отрицательно, ведь порядок и уважение к законности в немецкой культуре являются одной из доминирующих ценностей. Часто описывается жизнь богатой, буквально сорящей деньгами, российской элиты: частные школы, отдых на самых престижных курортах мира, одежда и украшения из модных магазинов Европы: «Juwelen, Pelze und millionenteure Villen rund um Limassol (Zypern) bleiben der postsowietischen Elite ... erhalten. — Драгоценности, меха и виллы на Кипре стоимостью в миллионы долларов — все это по-прежнему принадлежит постсоветской элите»[5]. Подобное поведение представителей русской культуры также может оцениваться немецким читателем негативно, так как для немцев характерными в этом отношении являются бережливость и рациональный подход к расходу денежных средств. На этом фоне жизнь «обычных» людей в России выглядит еще более плачевно. Такое суждение подкрепляется к тому же и визуально: к примеру, фотографии вступают в резкое противоречие с образами богатой жизни, где довольные и ухоженные женщины примеряют элитные шубы в модном бутике.

В результате проведённого тематического анализа становится очевидным, что авторы статей о США и России используют технику смещения фокусов внимания аудитории путём «выпячивания» одних фактов и событий и одновременного замалчивания других. Так, например, в журнале «Der Spiegel» Россия представлена, прежде всего, с позиции внутренних проблем, в то время как при описании Соединённых Штатов приоритетными являются события внешнеполитической сферы.

Кроме того, для создания образов США и России в сознании адресата немецкие журналисты используют также технику «от противного», имплицитно

[5] Spiegel — Gespräch 2010, 90.

апеллируя к культурным ценностям германского общества при рассказе о другой стране, задавая тем самым ту или иную рамку при восприятии сведений об инокультурной реальности. Характерно, что апелляция осуществляется, прежде всего, к таким элементам системы ценностей, как толерантность, забота о благосостоянии граждан, честность, откровенность, порядок, уважение к законности, бережливость и рациональный подход к расходу денежных средств независимо от уровня своего благосостояния.

Интересен тот факт, что в журнале «Der Spiegel» в рамках рубрики «Ausland» статьи о России зачастую соседствуют со статьями о США. Возможно, что редакция журнала, подбирая сообщения подобным образом, объединяет читателей стран по тем или иным общественно-политическим вопросам.

Основная же тенденция — стремление к конструированию не совсем положительного образа других стран в немецких средствах массовой информации — прослеживается и при анализе публикаций о США в журнале «Der Spiegel». Так, журналисты напрямую указывают на «холодные» отношения и даже враждебность между Берлином и Вашингтоном: «Angst vor einer Eiszeit. — Страх перед наступлением ледникового периода»[6].

Акцент делается и на шаткость положения Америки — «Washingtons Innenpolitik steht auf der Kippe. — «Внешняя политика Вашингтона идет по скользкому пути»[7] — стремящейся любыми путями к мировому господству, — «Die USA wollen die Weltherrschaft — «Соединенные Штаты хотят мирового господства»– но неспособны достичь согласия и порядка даже в стенах Белого Дома[8].

Важнейшей неотъемлемой частью текста в структурном, содержательном и прагматическом отношениях является заголовок, вклад которого в создание когерентности текста является чрезвычайно значимым. С одной стороны, заголовок — это языковая структура, предваряющая текст, стоящая «над» ним и перед ним. Поэтому заголовок воспринимается как речевой элемент, находящийся вне текста и имеющий определённую самостоятельность. С другой стороны, заголовок — полноправный компонент текста, входящий в него и связанный с другими компонентами целостного текста (началом, серединой, концовкой), вместе с которыми он составляет архитектонику текста. Эта «двойственная природа заголовка» и определяет многие его особенности. Во-первых, заголовок раскрывает в той или иной мере содержание посттекста и служит средством привлечения внимания читателя к сообщаемой информации. Подобная трактовка заголовка как компонента текста позволяет выделить две его основные функции: информативную и аттрактивную. Помимо названных, учёные выделяют ещё целый ряд функций заголовков, среди которых можно отметить оценочную, побудительную, графически-выделительную функции и т.д. Во-вторых, заголовок устанавливает связь между тремя комплексами информации: 1) сведениями, содержащимися непосредственно в тексте статьи; 2) сведениями, содержащимися в картине мира каждого представителя культуры, читающего журнал; 3) сведениями, актуальными для определённого коллективного субъекта (общества) в конкретный исторический период времени.

[6] Brandt, Kretz, Kurbjuweit 2010, 18 .
[7] Panorama 2010, 72.
[8] Evers, Hőges, Knaup 2010, 76.

В-третьих, функциональные и структурные характеристики заголовков тесно связаны с особенностью восприятия адресатом печатного материала: первое, с чем сталкивается читатель, открывающий газету или журнал, — это заголовки статей, и именно по заголовкам он ориентируется в содержании как отдельных сообщений, так и номера в целом. Заголовки в журналистике строятся, как правило, в соответствии с так называемым «принципом перевёрнутой пирамиды», согласно которому первое предложение статьи, то есть её заголовок, отражает основную информацию сообщения, а непосредственно текст статьи детализирует, комментирует и дополняет сведения, активизированные заголовком. В-четвёртых, использованные для оформления заголовков языковые средства дают основания для суждения об отношении автора к сообщаемой информации, а также о редакторской позиции/политике периодического издания. Это связано с тем, что заголовок может считаться результатом творчества не только журналиста, пишущего соответствующую статью, но и редакционной коллегии печатного издания, осуществляющей контроль за передаваемыми в тираж материалами. Следует отметить, что аудитория общественно-политического издания, как правило, не так однородна, как аудитория делового СМИ, поэтому для привлечения внимания разных групп читателей заголовок должен быть не только точным, но и ярким. В-пятых, заголовок задаёт аксиологический и эмоциональный фон для восприятия сообщаемой в посттексте информации, а подзаголовок и основной текст статьи раскрывают содержание представленной в заголовке тематики, уточняют и детализируют фактологическую сторону публикации, дают основания для эмоционально-оценочных суждений относительно сообщаемых сведений, снабжают разнородными комментариями информацию, заинтриговавшую читателя. В результате между двумя комплексами сведений возникает «смысловая напряжённость», которая снимается после прочтения текста статьи в целом. Такое распределение функций между отдельными компонентами макроструктуры текста способствует двойной актуализации содержания заголовка: первое восприятие изолированного от текста заголовка не всегда тождественно интерпретации его содержания по прочтении статьи в целом. Названные обстоятельства позволяют при анализе организации текста уделить особое внимание изучению заголовка как важнейшего компонента текстовой структуры, а также комплексу «заголовок + подзаголовок» на фоне текстового целого. Таким образом, заголовки, являясь единицами коммуникации, называя какой-либо текст и выделяя его из всего газетного материала, часто служат активным средством привлечения внимания массового читателя, своеобразной рекламой, способствующей реализации в широких масштабах публикуемой информации.

При анализе заголовков статей по критерию «структура предложения, используемая в функции заголовка к статье» выделены три группы заголовков в зависимости от типа структуры, которая оформляет пропозицию: группа субстантивных предложений, группа адъективных предложений, группа глагольных предложений. Перечисленные типы имеют различную синтаксическую структуру и разные способы выражения предиката в предложении. Высказывания, оформленные с помощью субстантивных предложений, можно признать достаточно категоричными, поскольку такие высказывания выполняют классифицирующую функцию, в результате чего происходит чёткая категоризация определённого фак-

та/лица/явления со всеми присущими данной категории константными признаками и свойствами.

Предложения, в которых предикатив выражен прилагательным, выполняют квалифицирующую функцию: объекту приписывается какой-либо признак. Такие предложения именуют отдельные предметные свойства или признаки непроцессуального, атемпорального характера. Согласно результатам проведённого квантитативного анализа, группа субстантивных предложений является доминирующей как в рубрике «Deutschland», так и в рубрике «Ausland», и составляет 74% от общего количества заголовков в указанных рубриках. Заголовки данной группы являются эллиптическими конструкциями соответствующих субстантивных предложений. Названную группу можно разделить на две подгруппы согласно способу выражения предикатива в данных предложениях: «предикатив = Substantiv» и «предикатив = Adjektiv + Substantiv». Примерами первой подгруппы являются следующие заголовки: «Finanzminister unter Druck», «Anspruch und Wirklichkeit»; примерами второй подгруппы можно считать заголовки типа «das hässliche Gesicht Europas »; «das organisierte Vergessen».

На втором месте по частотности использования находится группа заголовков со структурой глагольных предложений. Доля заголовков, относящихся к данной группе, составляет 22% от общего количества статей о Германии, США и России. Критерием выделения указанной группы послужило выражение сказуемого в предложении финитным глаголом независимо от того, в какой форме реализовано данное глагольное предложение: «Schmerzgrenze erreicht», «Das muss besser werden», «Töten ist nicht der beste Weg».

Доля заголовков, оформленных при помощи адъективных предложений, составила всего 4% от общего количества заголовков в статьях о Германии, США и России. Заголовки данной группы представляют собой эллиптические конструкции соответствующих адъективных предложений, в которых предикатив выражен с помощью прилагательного или причастия, например: «bewaffnet ins Cafe»; «bloß nicht»; « jung, bürgerlich, links».

Доминирование группы заголовков, оформленных с помощью субстантивных предложений и обозначающих ситуацию как классифицирующую факт/событие/процесс, вызывает в сознании читателей впечатление ясности и определённости излагаемого материала. Косвенным, но значимым подтверждением данного предположения может, как нам представляется, служить чрезвычайно незначительная доля заголовков группы адъективных предложений, в которых факту/событию/процессу приписывается определённая характеристика.

В результате анализа совокупной номинативной цепочки «Германия» в общем объёме эмпирического материала выявлено исключительное доминирование аксиологически нейтральных этнонимов и топонимов в качестве средств обозначения данного субъекта международного права: «Deutschland», «Deutsche». Это позволяет сделать вывод о реализации в статьях о Германии номинативной стратегии прямой идентификации. Анализ совокупной номинативной цепочки «США» в общем массиве статей позволяет констатировать факт реализации номинативных стратегий прямой и косвенной идентификации, поскольку в качестве средств, используемых немецкими журналистами для обозначения Соединённых Штатов, наряду с аксиологически нейтральными этнонимами и топонимами типа

USA, Amerika, Amerikaner, Washington, используются лексемы с экспрессивной и/или оценочной семантикой, такие как «Supermacht», «Warlord». Это позволяет адресанту при помощи словообразовательных и синтаксических механизмов вербализации сведений о мире активизировать в сознании немецкого читателя определённые, значимые для адресата, представления о США и одновременно поместить их в аксиологический контекст.

Анализ совокупной номинативной цепочки «Россия», сложившейся из всех средств именования референта «Россия» в анализируемых статьях, показывает, что в подавляющем большинстве случаев авторы статей применяют аксиологически нейтральные этнонимы и топонимы для обозначения России: «Moskau», «Russland», «Kreml», «Russen». В остальных случаях немецкие журналисты используют эмоционально нейтральную лексику, часто в атрибутивной функции, которые отсылают адресата к соответствующим стереотипным представлениям немцев о России: «das Imperium», «drei Millionen Tote durch Alkohol».

В группе адъективных предложений, а также в подгруппе субстантивных предложений с прилагательным в атрибутивной функции преобладают прилагательные, относящиеся к семантико-структурному классу оценочных, например, nett, grausam, billig, schwierig, veralt, hässlich и др. На втором месте по частотности расположены сенсорные прилагательные: groß, klein, fatal, kalt и др. Остальные семантико-структурные классы прилагательных представлены в анализируемом материале весьма незначительно.

В группе глагольных предложений преобладают глаголы, относящиеся к семантико-структурному классу глаголов действия (например, rennen, töten, jammern, wackeln, gehen, kommen и др.). На втором месте находятся глаголы, обозначающие процесс (например, erobern, umsetzen, leben, sterben, biegen, tarnen, täuschen, zeigen, lernen, kritisieren и др.). Доля глаголов состояния (например, bleiben, aussehen, liegen и др.) в общем объёме проанализированного материала составляет незначительный процент. Доминирование групп глаголов, обозначающих контролируемые действия и процессы, по-видимому, подчёркивает динамический аспект событий, описываемых в статьях популярного немецкого журнала.

Проведённый стилистический анализ языковых средств, оформляющих заголовки статей о Германии, США и России, позволил выявить наиболее частотные стилистические приёмы, используемые журналистами для повышения экспрессивности сообщений. Так, для повышения стилистической выразительности заголовков, оформленных с помощью субстантивных предложений, немецкие журналисты чаще всего используют различные риторические средства, самым продуктивным среди которых является метафорический перенос, наиболее активно используемый в рубрике «Ausland». Однако чёткой зависимости использования тех или иных стилистических средств от тематики сообщений представляемой в статьях, и от стремления адресанта добиться строго определённого эффекта в ходе анализа не установлено. Примерами использования метафор являются следующие заголовки: «das Haus der begrabenen Träume», «Herr Schrill gegen Frau Still» и др.

Довольно часто в заголовках анализируемой группы используются цитаты различных политических деятелей, что отсылает читателя к определённым историческим ситуациям и событиям и способствует привлечению необходимых

для адекватной интерпретации материала ассоциаций, например: «Er muss seine Macht zeigen», «Ich kann auch anders», «Das muss besser werden» и др. Необходимо отметить, что цитаты, выступающие в качестве заголовков, обязательно повторяются и содержательно обыгрываются в тексте статьи. Приводится комментарий и указание места и времени возникновения того или иного высказывания.

В рамках группы заголовков, оформленных с помощью адъективных предложений, по результатам проведённого анализа было выявлено весьма ограниченное количество стилистических приёмов, способствующих созданию дополнительной экспрессивности высказываний. Сказанное позволяет нам сделать некоторые выводы относительно особенностей конструирования положительного имиджа государства в современных средствах массовой коммуникации.

Во-первых, немецкие журналисты используют в своей работе целый арсенал средств и приемов, направленных на формирование, с одной стороны, положительного образа Германии и, с другой стороны, не совсем позитивного образа других государств, в частности, США и России. К таким приемам можно отнести следующие: строгая ориентация на адресата и, прежде всего, на его систему ценностей; смещение фокусов внимания аудитории путем «выпячивания» одних фактов и событий и одновременного замалчивания других (так, например, в журнале «Der Spiegel» Россия представлена, прежде всего, с позиции внутренних проблем, в то время как при описании Соединенных Штатов приоритетными являются события внешнеполитической сферы); активное использование невербальных средств создания образа государств; пробуждение в аудитории определенных чувств и эмоций с помощью использования визуальных средств и словесных образов (характерным в данном отношении является сочетание так называемых «брутальных» фотографий (военные действия армии США) со средствами номинации североамериканского государства. Во-вторых, характерно, что образ Германии раскрывается, прежде всего, на фоне таких стран, как Россия и США, которые чаще других становятся объектами рассмотрения в журнале «Der Spiegel». В-третьих, создание современными средствами массовой коммуникации положительного образа государства имеет целью формирование коллективной идентичности индивидов как граждан данного государства.

Итак, СМИ являются на сегодняшний день самым мощным каналом политической коммуникации, а также важнейшим фактором, влияющим на общественное самосознание. При этом, используя целый арсенал средств воздействия, СМИ влияют на результат концептуализации информации об окружающей действительности, тем самым предопределяя картину мира адресата, а также эволюцию ценностных ориентаций в соответствующем обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Азнаурова Э. С. 1973: Очерки по стилистике слова. Ташкент.

Гришаева Л. И. 2003: Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж.

Мезенин С. М. 1983: Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 6, 48–58.

Степанов Ю. С. 1995: Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и культура конца XX века / Ю. С. Степанова (ред.). М., 34–73.

Brandt A., Kretz S., Kurbjuweit D. 2010: Herr Schrill gegen Frau Still // Der Spiegel. 8, 18–21.

Spiegel — Gespräch 2010: Es geht ums Überleben // Der Spiegel. 8, 90.

Panorama 2010: Neustart im Kongress (USA) // Der Spiegel. 4, 72–75.

Evers M., Hőges C., Knaup H. 2010: Glückwunsch aus Waschington // Der Spiegel. 1, 76–79.

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

© 2012

В. В. Медведев

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВЕРХОВЫХ ЧУВАШЕЙ БАШКОРТОСТАНА В НАЧАЛЕ XXI в.

Уже давно этнографы заметили эти особенности среди чуваш и разделили их на две группы: на виръял (вир-йал) или верховых, и анатри или низовых.

Г. И. Комиссаров[1]

В статье рассматривается этнографическая группа верховых чувашей в пределах Башкортостана на примере с. Антоновка Гафурийского района . По результатам опроса предпринята попытка определения степени этнической идентичности вирьял от низовых чувашей в настоящее время. На примерах материальной культуры и религиозного состояния обозначено самосознание и принадлежность указанной группы.

Ключевые слова: этнология, анатри, вирьял, верховые чуваши, идентичность

Разделение этносов на субэтносы, или этнографические группы, — явление очень распространенное. Исключением не являются и народы Волго-Камья, Урало-Поволжья либо Волго-Уральской историко-этнографической области. Например, среди марийцев выделяют группы луговых (*олык марий*), горных (*курык марий*) и восточных[2]; мордва делится на два субэтноса — *эрзя*, *мокша* и этнографические группы (каратайская мордва — *каратаи* и теньгушевская мордва — *шокша*)[3]; разделяются на группы удмурты: северные, подвергшиеся влиянию со стороны русских, и южные, ощутившие тюркское воздействие[4]. Чувашей также разделяют на этнографические группы: верховные (*вирьял*), сложившиеся в ходе ассимиляции булгарами части финно-угорских племен, средненизовые (*анат енчи*) и низовые (*анатри*)[5].

Медведев Владислав Валентинович — кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного университета. E-mail: vlad.etno@mail.ru

[1] Комиссаров 1911, 200.
[2] Сепеев 2001, 18.
[3] Мокшин 2008, 31.
[4] Владыкин, Христолюбова 1997, 16.
[5] Иванов 2005, 168.

К настоящему времени общая численность чувашей в Башкортостане составляет 117 317 чел., в Гафурийском районе проживает 3013 чувашей[6]. По мнению И. Г. Петрова, основная доля чувашей Башкортостана принадлежит к группе *анатри*. Верховые чуваши являются потомками переселенцев второй половины XIX — начала XX в. и до сих пор проживают в дд. Новозириково, Ахметка, Антоновка Гафурийского, Никитинка Туймазинского, Павловка и Новомихайловка Куюргазинского, Косяковка Стерлитамакского районов[7].

В литературе неоднократно обсуждался вопрос о противопоставлении этнографических групп чувашей относительно друг друга. С целью изучения современного состояния, самосознания и идентичности преподавателями и студентами исторического факультета Магнитогорского государственного университета в период проведения летней этнографической практики было посещено с. Антоновка Гафурийского района, в котором проживают потомки переселенцев из числа верховых чувашей. Для более глубокого погружения и рассмотрения поставленных задач были проведены беседы с информаторами и общий опрос населения в возрасте от 20 до 80 лет и выше. В процессе были опрошены 330 респондентов, среди которых мужчины составили 164 чел., женщины — 166 чел. Всего в селе проживает чуть более 700 чел.

Поселение было основано в 1848 г. переселенцами из Чебоксарского, Ядринского и Цивильского уездов Казанской губернии. Земля находилась в собственности башкир, разрешивших расселиться чувашам. Часть мигрантов перешла в русское с. Табынское и татарскую д. Челаткан. Первопоселенцем был старик Антон, в честь которого будущее селение получило название. Он являлся доверенным лицом со стороны чувашей и к 1850 г. были выделены земли под крестьянские усадьбы и распределены пахотные земли. В 1905 г. в поселении насчитывалось 105 хозяйств[8].

Существует иная точка зрения на проблему возникновения села. Наши информаторы сообщили, что селение появилось в 1842 г. Первыми жителями были выходцы из д. Едерне современной Ульяновской области. Кроме того, до 1906 г. Антоновка была известна как д. Землянкино[9].

В настоящее время село заселено чувашами *вирьял*, немногочисленны *анатри*, русские, татары и башкиры. Низовые чуваши, как и представители других этносов, в Антоновке появились благодаря заключению смешанных браков с *вирьялами*. Доля подобных браков незначительна, за исключением низовых чувашей, которые встречаются по настоящее время. С переездом из родного села в Антоновку женщины-*анатри* в скором времени переходили на диалект верховых чувашей, придерживались в быту и хозяйстве поучений со стороны вновь обретённых родственников, сохраняя только в памяти своё происхождение. Но до сих пор встречается противопоставление верховых и низовых чувашей, что нередко вспоминается в конфликтных ситуациях. Этот факт характерен не только для с. Антоновка и встречался нами ранее[10].

---

[6] Янгузин 2007, 74–75.
[7] Петров 1994, 10–12.
[8] НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 711. №1641. Л. 45–47.
[9] ПМА 2011, РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка.
[10] ПМА 2009, РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат.

Исследователь В. П. Иванов так пишет о верховых чувашах Башкирии: «Приуральские вирьялы до недавнего времени — вплоть до 1960–1970 гг. — имели этногрупповое сознание, что выражалось, в частности, в относительно редком общении с анатри, прохладном отношении к брачно-семейным союзам с ними»[11].

В ходе беседы с Р. С. Челаткановой (1929 г.р., с. Чувашские Карамалы), причисляющей себя к низовым чувашам, ею было рассказано следующее: «В 57 году переехали с мужем в Антоновку, потом всю *синюю* одежду продали и стали носить на *белый* манер»[12]. На наш взгляд, это небольшое воспоминание довольно точно говорит о самосознании и собственной идентификации.

Один из вопросов нашей анкеты был посвящен эндоэтнониму чувашей, и наряду с ожидаемыми ответами *вирьял — анатри*, *кăвак чăвашсем — шурă чăвашсем*, *верховые — низовые*, *белые — синие*, *кунды* либо *кунти чăвашсем — чебоксарские чуваши*, было оговорено и ранее не встречавшееся — *красные чуваши*, что до сегодняшнего дня не зафиксировано исследователями. Смеем предположить, что подобное название, так же как и *синие чуваши,* относится к *анатри* и связано с ношением пестрядинной рубахи.

Собственно опросный лист состоял из 18 вопросов на различные темы: родной язык, пережитки традиционной материальной культуры, религиозное состояние, этническая идентичность. Во время подсчета результатов вопросы этнической принадлежности, пола и возраста учитывались при составлении таблиц. Полная расшифровка анкет представлена в виде 15 таблиц.

Одним из элементов, красноречиво говорящих о принадлежности к этносу, является традиционная материальная культура, которую «в наиболее широком смысле… можно понимать как совокупность всех созданных человеческим трудом материальных предметов конкретного общества в их функциональной взаимосвязи; в более узком смысле — как все материальные предметы и связанные с ними навыки, направленные на удовлетворение материальных потребностей общества; в наиболее узком, но традиционно чаще всего употребляемом смысле — как материальные формы культуры, направленные на непосредственное удовлетворение витальных потребностей, т.е. на жизнеобеспечение. В последнем случае в материальную культуру включаются, прежде всего, жилище, пища и одежда, а также утварь, мебель и т.д., но не включаются орудия труда и средства транспорта, выделяемые в особую подсистему культуры»[13].

Соглашаясь с таким определением, выделим две наиболее устойчивых составляющих материальной культуры — традиционный костюм и систему питания этноса. Выбор был обусловлен тем, что «одежда является одним из ярких и устойчивых компонентов» и «в ней находят отражение особенности хозяйственной деятельности и культурно-бытового уклада, этногенетические и историко-культурные контакты с другими народами, идеология и социальные отношения»[14]. Система питания — это тот элемент материальной культуры, в котором сохраняются традиционные черты, с ней более всего связаны представления народа о сво-

[11] Иванов 2005, 175.
[12] ПМА 2011, РБ, Гафурийский р-н, д. Дмитриевка.
[13] Арутюнов 1989, 5–6.
[14] Петров 2007, 3.

ей национальной специфике, и в то же время она легче и быстрее других поддаётся заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям[15].

Костюм чувашей с. Антоновка идентифицируется с одеждой *вирьял*, о чем свидетельствует этнограф Е. А. Ягафова. По её мнению, об этом говорят женская рубаха, *сурпан*, сходный по размерам и способу ношения у верховых и отчасти средненизовых чувашей, *масмак*, нагрудное украшение из монет, поясные украшения, состоящие из кистей и *яркăч* — две тесьмы, на концах которых пришиты пуговицы в виде звезды и квадрата, между фигурками нашиты ряды бисера. Украшение завершается пучками длинных пронизок бисера. От шеи на спину свешивается украшение *ярапаллă яркăч*, состоящее из лент и двух веревок с нанизанными на концах бисерными пронизками. Костюм дополнен передником, представляющим прямоугольное полотнище, присборенное у верхнего конца с лямкой. Подол вышивался, в нижнем краю пришивалось кружево[16].

Информатор О. В. Трифонова (1916 г.р., с. Антоновка) сообщила, что «…наша одежда вся белая, украшалась вышивкой, особенно подол, рукава. У мужчин рубахи тоже были вышитые. На голове *сурпан* носили, а на свадьбу *хушпу* одевали. На ногах были белые чулки, на них черные носки и лапти. На Пасху всегда новые лапти давали, дед сам плёл и продавал»[17]. М. Д. Сидорова (1935 г.р., с. Антоновка) рассказала: «Сейчас в Антон яле (*в с. Антоновка — В.М.*) синие чуваши стали белые. У нас *хушпу* не носили, одевали *сурпан* и *масмак*. Ткань для рубах всегда была белая, вышивали красным и черным, у мужчин рубашки со стоячим воротником, вышивали низ и рукава. А ткали сами из конопли. Её в воду клали пока мягкая не будет, на станке дома ткали. Сейчас на свадьбы или праздники платье надевают, на сабантуй тоже»[18].

Результаты работы с респондентами по вопросам, принадлежащим к блоку материальной культуры, отражены в следущих таблицах:

1. Степень применения традиционного костюма (элементов);
2. Степень наличия на столах традиционных чувашских блюд.

Материалы представлены по возрастным категориям и в процентном соотношении. Как оговаривалось выше, в опросе приняли участие 330 чел., из них 285 чел. чуваши *вирьял* с незначительной долей низовых, 45 чел. — представители других этносов (русские — 27, татары — 16, башкиры — 2).

Таблица 1. Степень применения традиционного костюма (элементов)

1.1 по возрастным группам

Возрастные группы	ношу постоянно	ношу редко (на мероприятиях)	не ношу	сохраняем, но не используем	Итого
80 и старше	0	3	6	0	9
75–79	3	3	5	0	11
70–74	0	3	13	0	16
65–69	0	0	6	2	8
60–64	0	5	11	2	18
55–59	1	5	15	1	22

[15] Арутюнов 2001, 11.
[16] Ягафова 2007, 336–337.
[17] ПМА 2011, РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка.
[18] ПМА 2011, РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка.

Возрастные группы	ношу постоянно	ношу редко (на мероприятиях)	не ношу	сохраняем, но не используем	Итого
50–54	1	6	24	3	34
45–49	0	7	35	1	43
40–44	0	7	43	3	53
35–39	0	4	32	0	36
30–34	0	0	27	0	27
25–29	0	1	32	0	33
20–24	0	2	18	0	20

1.2 в процентном соотношении

ношу постоянно	ношу редко (на мероприятиях)	не ношу	сохраняем, но не используем	Итого
1,5	13,93	80,90	3,67	100

Всего опрошено 330 чел.

Как отражено в таблице, традиционный костюм практически вышел из обихода чувашей, но используется во время праздников и на мероприятиях. Носят костюм в настоящее время лишь отдельные его элементы, всего 1,5 % опрошенных; 3,67 % — сохраняют его и передают из поколения в поколение, при этом лишь немногие уделяют этому процессу должное внимание; 13,93 % пользуются традиционной одеждой в период мероприятий, например, в ходе свадьбы. Большая часть респондентов указала, что костюм или его элементы не носит (80,90 %). Среди представителей старшего поколения сохраняются как полные костюмные комплексы, так и отдельные элементы, прежде всего рубахи, нагрудные и поясные украшения, *сурпаны*. Мужская одежда, видимо как наиболее ранее вышедшая из употребления, не сохранилась. В беседах информаторы неоднократно сообщали, что одежда верховых чувашей более красива, богато украшена вышивкой: «...антоновские чуваши шили лучше, по ткачеству от *кунды* отличались, у нас и ковров было больше»[19].

Поскольку чуваши — народ с древней земледельческой культурой, то и система питания базировалась на продуктах растительного происхождения. Доля мясной пищи занимала сравнительно малое место[20]. Среди чувашских блюд были перечислены различные пироги (*кукăль*), с начинкой из картофеля и овощей, ягод, круглый большой пирог *хуплу* с начинкой из гуся, указали и *курник*. Особое внимание отведено домашнему пиву — *сăра*, которое готовят и в настоящее время. От Н. В. Алексеевой (1941 г.р., с. Антоновка) получен был такой рецепт приготовления *сăра*: «Можно взять рожь, квас, а иногда и варёную свёклу, затем толчить, если на хранение делать, то в печи дальше сушить. Если варить, воду кипятят и хмель добавляют, когда остынет то еще домашние дрожжи, но не магазинные, от них вкус неприятный”. Информатор перечислила и набор блюд при поминании усопших. Среди напитков названы кисель (*кĕсел*), медовая сыта (*шерпет*), из алкоголя подавалась водка. Блюда следовали в следующим порядке: гороховая каша, щи, лапша или суп, каша из пшена либо гречневой крупы, картофельное пюре. В заключение подавали компот, в течение трапезы выпивали

[19] ПМА 2011, РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка.
[20] Воробьев, Львова, Романов, Симонова 1956, 349.

по 2–3 рюмки водки. Как обязательное блюдо на свадьбах присутствовал картофель с курицей[21]. В целом наиболее часто среди информаторов упоминался именно картофель. Сезонной пищей служили дикорастущие травы, например, крапива. Молочные продукты были упомянуты в форме *уйрана*. Кроме того, среди блюд информаторы указали и *шӑрттан* — колбасу из овечьего желудка, начинённую мясом и жиром. В роли начинки служит мясо, лук, рис, а также специи.

Таблица 2. Степень наличия на столах традиционных чувашских блюд

1.1 по возрастным группам

Возрастные группы	бывают довольно часто	бывают редко	не бывают	Итого
80 и старше	0	7	2	9
75–79	1	8	2	11
70–74	4	8	4	16
65–69	2	3	3	8
60–64	3	9	6	18
55–59	2	11	9	22
50–54	10	16	8	34
45–49	8	18	17	43
40–44	10	30	13	53
35–39	6	16	14	36
30–34	4	12	11	27
25–29	5	19	9	33
20–24	2	13	5	20

1.2 в процентном соотношении

бывают довольно часто	бывают редко	не бывают	Итого
17,27	51,51	31,22	100

Всего опрошено 330 чел.

По результатам таблицы очевидно, что традиционная чувашская кухня сохранилась в наибольшей мере, чем костюм. Так, 17,27 % отметили, что они довольно часто готовят этнические блюда. Абсолютное большинство (51,51 %) респондентов указали, что используют рецепты кухни чувашей нечасто, и 31,22 % ответили, что на их столах вообще не бывает национальных блюд. В общем степень сохранности традиции в системе питания довольно высока, что подтверждают итоги опроса. Например, в категории 25–29 лет 5 чел. из 33 опрошенных указали, что готовят блюда чувашской кухни постоянно, а в категории 65–69 лет данный ответ дали 2 респондента из 8 чел. Суммарное число, отражающее долю бытования чувашской кухни, составляет 68,78 %.

Помимо вопросов материальной культуры мы были заинтересованы и религиозной ситуацией среди верховых чувашей Башкортостана в настоящее время. В конфессиональном отношении этнос можно разделить на группы — православные, мусульмане и приверженцы традиционных верований. Доля последних незначительна, но и они проживают в Башкирии — это с. Мраково Гафурийского,

[21] ПМА 2011, РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка.

д. Юльтимировка и с. Ахманово Бакалинского, п. Дубровка Миякинского и с. Зириклы Бижбулякского районов[22]. Чуваши-мусульмане на территории Башкирии также проживают (с. Тятербашево Стерлибашевского, с. Мраково Гафурийского, д. Кантюковка Стерлитамакского, с. Зириклы Бижбулякского, п. Дубровка Миякинского районов и др.)[23]. Основная масса чувашей, в том числе и чуваши с. Антоновка, исповедуют православие.

Религиозное состояние верховых чувашей в поселении представлено в следующих таблицах:

1. Степень религиозности респондентов;
2. Вероисповедание;
3. Соблюдение религиозных обрядов.

Таблица 1. Степень религиозности респондентов

1.1 по возрастным группам

Возрастные группы	считают себя верующими	не считают себя верующими	затруднились ответить	Итого
80 и старше	9	0	0	9
75–79	11	0	0	11
70–74	16	0	0	16
65–69	8	0	0	8
60–64	16	0	2	18
55–59	21	1	0	22
50–54	33	1	0	34
45–49	40	1	2	43
40–44	49	2	2	53
35–39	33	1	2	36
30–34	23	2	2	27
25–29	31	1	1	33
20–24	18	1	1	20

1.2 в процентном соотношении

считают себя верующими	не считают себя верующими	затруднились ответить	Итого
93,34	3,03	3,63	100

Всего опрошено 330 чел.

В религиозном отношении большинство респондентов считают себя верующими людьми (93,34 %). Практически равное количество опрошенных указало, что не являются верующими (3,03 %), и затруднились ответить 3,63 %. Таким образом, степень религиозности среди верховых чувашей и прочего населения с. Антоновка довольно велика. Представители старшей группы (от 65 до 80 лет и выше) единогласно заявили, что являются верующими.

Таблица 2. Вероисповедание

1.1 по возрастным группам

[22] Ягафова, Данилко, Корнишина, Молотова, Садиков 2010, 42.
[23] Ягафова 2009, 77–89.

Возрастные группы	православие	ислам	традиционные этнические верования	другое	Итого
80 и старше	9	0	0	0	9
75–79	11	0	0	0	11
70–74	16	0	0	0	16
65–69	8	0	0	0	8
60–64	16	2	0	0	18
55–59	22	0	0	0	22
50–54	32	2	0	0	34
45–49	42	1	0	0	43
40–44	48	5	0	0	53
35–39	34	2	0	0	36
30–34	26	1	0	0	27
25–29	30	3	0	0	33
20–24	18	2	0	0	20

1.2 в процентном соотношении

православие	ислам	традиционные этнические верования	другое	Итого
94,55	5,45	0	0	100

Всего опрошено 330 чел.

В конфессиональном отношении *вирьялы*, *анатри*, русские исповедуют православие (94,55 %). Придерживаются ислама татары и башкиры, среди которых всего 18 чел., в процентном отношении — 5,45 %. Следует отметить, что среди верховых чувашей степень религиозности очень высокая, особое почитание отводится празднику Девятой Пятницы. В каждом доме в красном углу находится божница с иконами. Среди наиболее почитаемых праздников информаторы отметили Рождество (*Раштав*), Крещение (*Кăшарни*), Пасху (*Мăнкун*), Масленицу (*Çăварни*) и др. Информатор О. В. Трифонова (1916 г.р., с. Антоновка) рассказала о проведении праздников: «Зимой на Масленицу всегда лошадей наряжали и катались вокруг деревни. Летом, если праздник, если даже жатва, как колокола зазвонят на службу, то идем. Накануне в баню ходили. Когда родители в церкви, мы сидим ждем, без них не ели»[24].

Исполнение религиозных обрядов отражено в таблице №3.

Таблица 3. Соблюдение религиозных обрядов
по возрастным группам

Возрастные группы	всегда соблюдают	стараются соблюдать	не соблюдают	Итого
80 и старше	6	2	1	9
75–79	9	2	0	11
70–74	10	5	1	16

[24] ПМА 2011, РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка.

Возрастные группы	всегда соблюдают	стараются соблюдать	не соблюдают	Итого
65–69	3	5	0	8
60–64	7	11	0	18
55–59	5	14	3	22
50–54	9	17	8	34
45–49	4	33	6	43
40–44	9	38	6	53
35–39	5	28	3	36
30–34	4	19	4	27
25–29	4	24	5	33
20–24	3	14	3	20

1.2 в процентном соотношении

всегда соблюдают	стараются соблюдать	не соблюдают	Итого
23,64	64,24	12,12	100

Всего опрошено 330 чел.

Таким образом, респондентов, соблюдающих религиозные каноны, в поселении насчитывается 23,64%. Большая доля опрошенных лишь частично придерживается религиозных норм — 64,24%. Не соблюдают религиозные правила 12,12%. В целом полное либо даже частичное соблюдение обрядов подтверждает высокое религиозное сознание среди респондентов.

Отметим, что, несмотря на православную веру, у населения бытовали и дохристианские традиционные верования. При отсутствии дождя проводился обряд *çумăр чӳк* (*çумăр* — дождь, *чӳк* — жертвоприношение, дар)[25].

В с. Антоновка ритуал вызывания дождя утратил свой прежний образ, но цель, с которой он проводился, сохранилась. По рассказам информаторов, при долгом отсутствии дождя собирались старейшие жители села и решали привезти Табынскую икону Божьей Матери. Икону везли в поле со всходами. Если выбирали поле со стороны с. Табынское, то икону привозили из него, а если со стороны д. Ивановка, то из деревенской церкви. Обряд проводился старожилами, в поле устанавливали стол, обязательными продуктами были хлеб и соль. Затем служили молебен, который могли вести организаторы или приглашенный священник. За проведение службы выплачивали деньги[26].

В заключение отметим, что современное состояние этнографической группы верховых чувашей в Башкирии обстоит следующим образом. До сих пор встречается взаимное противопоставление *вирьял* — *анатри*. Как правило, носит скрытый характер. Респонденты причисляют себя к группе *вирьял*, что, как показывает полевая практика, нечасто встречается в других деревнях и сёлах чувашей. Вероятно, иноэтничное окружение и близлежащие деревни низовых чувашей способствовали формированию единого самосознания. В быту

[25] Салмин 2007, 116.

[26] ПМА 2011, РБ, Гафурийский р-н, с. Антоновка.

сохраняются черты, присущие этнической культуре верховых чувашей, например, своеобразная система питания. Хранятся костюмные комплексы и их элементы, которые функционируют среди жителей с. Антоновка во время праздников и на различных мероприятиях. Среди опрошенных очень высокая степень религиозности, что выражается соблюдением православных обрядов.

Самосознание и причисление себя к одной из этнографических групп, говорит о степени этнической идентичности *вирьял* с. Антоновка. Прочные связи с иными поселениями верховых чувашей Башкортостана способствуют сохранению этнокультуры в целом и отдельных её черт.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнов С. А. (ред.) 1989: Материальная культура. М.

Арутюнов С. А. 2001: Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания / С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина (ред.). М., 10–17.

Воробьев Н. И., *Львова А. Н.*, *Романов Н. Р.*, *Симонова А. Р.* 1956: Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 1. Чебоксары.

Владыкин В. Е., *Христолюбова Л. С.* 1997: Этнография удмуртов. Ижевск.

Иванов В. П. 2005: Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары.

Комиссаров Г. И. 1911: Чуваши Казанского Заволжья. Казань.

Мокшин Н. Ф. 2008: Мордва: мокша и эрзя. Саранск.

Петров И. Г. 1994: Чуваши Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры). Уфа.

Петров И. Г. 2007: Одежда чувашей Урало-Поволжья в обрядах жизненного цикла: историография проблемы. Уфа.

Салмин А. К. 2007: Система религии чувашей. СПб.

Сепеев Г. А. (сост.) 2001: Этнография марийского народа. Йошкар-Ола.

Ягафова Е. А. 2007: Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII — XX вв.). Чебоксары.

Ягафова Е. А. 2009: Чуваши-мусульмане в XVIII — начале XXI вв. Самара.

Ягафова Е. А., *Данилко Е. С.*, *Корнишина Г. А.*, *Молотова Т. Л.*, *Садиков Р. Р.* 2010: Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья. Самара.

Янгузин Р. З. 2007: Этнический состав населения Башкортостана (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.). Уфа.

BASHKORTOSTAN UPPER-LAND CHUVASH ETHNIC IDENTITY IN EARLY 21st CENTURY

V. V. Medvedev

The article considers the ethnographic group of the upper-land Chuvash in Bashkortostan by the example of the village of Antonovka, Gafuriysky district. Results of public inquiry brought forth an attempt to determine the degree of viryal ethnic identity in relation to the lower-land Chuvash at present. Examples of material culture and religious status mark their self-awareness and belonging to the ethnic group.

Key words: ethnology, Anatri, Viryal, the upper-land Chuvash, identity

Материалы научно-методического семинара
«Образы евразийских пространств: пути, перекрестки, святые места» (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН, 4 мая 2012 г.)

© 2012

Е. Н. Романова

СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА ЯКУТИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

На протяжении тысячелетий в экстремальных условиях Северной Азии протекали сложные адаптационные процессы, связанные, прежде всего с хозяйственным и культурным освоением региона. В процессе взаимоотношений человека и природы в рамках традиционной культуры коренных народов Севера был выработан свод уникальных экологических знаний и особая система природоохранных мер, основанная на «очеловечивании» и освящении природных объектов. Неразрывная связь человека с окружающей диктовала определенный поведенческий кодекс: нельзя было наносить раны земле, рубить растущие деревья, срывать живые цветы и т.д. Одним из наиболее важных принципов экологической культуры являлось сознательное нормирование потребления природных ресурсов. В культуре жизнеобеспечения этот принцип воплощался в понятии «меры», предполагавшего изъятие из природного запасника такого количества ресурсов, которое не подрывало бы воспроизводство его основ[1].

Традиционные экологические знания, закрепленные в религиозной практике, регулировали природопользование: это обычаи, обряды и предписания, совершавшиеся на охоте и рыболовстве. Почитание природы нашло отражение и в календарных праздниках: *Ысыах* у якутов, *Бакалдын и Икэнэпкэ* у эвенков, *Шахадьибэ* у юкагиров.

В гармоничном диалоге с миром природы человек выступал частью природы. Сама же природа в лице различных *духов-иччи,* строго «следила» за соблюдением правил использования ресурсов. Всякое насилие над ней в традиционном сознании воспринималось как преступление и предполагало наказание.

Романова Екатерина Назаровна — доктор исторических наук, с.н.с., зав. сектором этнографии народов Северо-Востока России Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. E-mail: e_romanova@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Антропология сельского культурного ландшафта: эволюция взаимоотношений человека и природы Севера», №12–06–98505 -р_восток.

[1] Винокурова, Романова 2002, 122.

Традиционное природопользование коренных народов Якутии определяло оригинальный хозяйственно-культурный тип, а следовательно, способствовало формированию и сохранению этнической культуры. Элементы природного ландшафта, флоры, фауны и хозяйственной деятельности закрепились на уровне этнически значимых символов, которые широко были представлены в традиционной, а затем и в актуальной культуре — например, в современных гербах муниципальных образований (*улусах*) республики.

Так, центральной фигурой герба Горного улуса является изображение лося из наскальных рисунков эпохи позднего неолита на берегу р. *Сиинэ*. В традиционном мировоззрении коренных народов петроглифы выступали в качестве объекта поклонения и маркировали ландшафты, которые выделялись как священные[2].

Образ культурного ландшафта презентируется в гербе Сунтарского улуса, который входит в Вилюйский регион, где до настоящего времени, сохраняющего глубинные фольклорные традиции народа саха-якутов. На гербе изображено ритуальное сооружение — элемент праздничного пространства, а также силуэты людей, танцующие обрядовый танец *осуохай* — символ национального праздника *Ысыах,* что подчеркивает сакральный ландшафт сунтарской земли[3].

Универсально у народов Севера культурное освоение территорий происходило в соответствии с традиционной мировоззренческой системой. По определению В. Л. Каганского, всякое земное пространство, жизненная среда группы людей есть культурный ландшафт, если она освоила это пространство утилитарно,

[2] Герб МО «Горный улус(районы), http: // www.sakha.gov.ru.

[3] Герб МО «Сунтарский улус(районы), http: // www.sakha.gov.ru/ node/29811.

семантически и символически[4]. В рамках культуры природные и хозяйственные объекты организовывались в многоуровневые пространственные символы. В этнических картинах мира они выступали основными категориями «сакральной топографии».

Согласно традиционному мировоззрению коренных народов Якутии, почитаемые объекты, расположенные в природном пространстве, выступали в качестве живой субстанции. Концентрация духовной энергии, как положительной, так и негативной, обусловила разделение природной территории на священные и нечистые места.

Священными объектами считались: перевалы; водоразделы; деревья; наскальные изображения; объекты природы необычного вида; места древних поселений; территории, отмеченные историко-культурными памятниками, ритуальной архитектурой, жертвенными знаками (*кэрэх*). В категорию священных мест входили Великие долины (У*луу сирдэр*), которые отличались редкой природной красотой. По старинным поверьям, «имея прекрасный вид сверху, они приносят несчастья своим обитателям», жители такой местности обречены на неблагополучную и несчастливую жизнь»[5]. В традиционной культуре было принято воздерживаться от прямого указания этих локусов, от какого-либо публичного «картографирования», открытого обозначения или простого озвучания.

В то же время у коренных народов Якутии существовала категория «опасных» территорий. К таковым могли быть отнесены могилы предков, шаманские захоронения, «худые» места, связанные с войнами между родами, или с эпидемиями и т.п. «Напряженными» локусами считались места с «тяжелым дыханием»: места, где происходили убийства, несчастные случаи, шаманские состязания, ритуалы в честь злых духов или же камлания с проклятиями. Опасными считались и местности, по которым проходили так называемые «шаманские дороги» *(ойууна артыга)*, «пути дьявола» *(абааһы суола)* в направлении «запад-север», «открытые места» *(аһагас сир),* через которые проходили злые духи *(уер)*. Названия всех этих местностей табуировались, к ним применяли условные названия *били сир*(«то место»), *онно*(«там»), *сэттээх сир* («гиблое место»)[6].

Религиозный этикет предусматривал в отношении таких мест особую *культуру молчания:* нельзя было указывать на местоположение шаманских захоронений, произносить название местностей, имена шаманов.

Культовые места — священные ландшафты — аккумулировали духовный опыт многих поколений. Они, как правило, находились на территориях традиционного природопользования. Впервые понятие «священная земля» в рамках социологического исследования в 1999 г. было включено в массовый опрос на территории Вилюйского региона (Нюрбинский улус) с целью изучения отношения местного населения к промышленному освоению алмазного месторождения «Накын».

В исследовании участвовало 403 чел., из них 48.39% мужчин и 51.61% женщин; молодежь до 30 лет составляла 31.51%; лица 31–50 лет — 46.89%; люди старше 50 лет — 21.58%. В основной массе в анкетировании были задействованы

[4] Каганский 1995, 31–67.
[5] Данилова 2011, 26.
[6] Данилова 2011, 26.

якуты — 84.86%, эвенки — 1.24%, русские — 10.67% и представители других национальностей — 3.23%. На вопрос *«Что Вы включаете в понятие ытык сир («священная земля»)»* — 50.37% респондентов ответили «древние поселения, родовые земли». Из них 47.78% мужчин (то есть это 49.74% всех мужчин, участвовавших в анкетировании) и 52.22% женщин (т.е. 50.96% всех женщин, принявших участие в исследовании); 29.57% отметивших первый пункт в этом вопросе молодежь до 30 лет; 47.78% — люди 31–50 лет; 22.66% — лица старше 51 года. Выделили этот пункт в анкете 53.26% якутов (93.10% всех выбравших этот ответ). Что касается народностей Севера, то этот пункт отметили 20% респондентов, т.е. 0,49% всех подчеркнувших этот пункт; 25.58% русских также подчеркнули этот вариант ответа (т.е. 5.42% всех подчеркнувших этот вопрос); 15.38% представители других национальностей сделали этот же выбор (т.е. 99% всех подчеркнувших этот пункт).

«Старинные захоронения, кладбища» как священную землю отметило 12.9% респондентов. Из них 53.85% мужчин (14.36% всех мужчин, участвовавших в опросе) и 46.15% женщин (11.54% всех женщин, участвовавших в опросе); 26.01% отметивших второй пункт в этом вопросе — молодежь до 30 лет; 29.85% — люди 31–50 лет; 27.22% — лица старше 51 года. Этот вариант ответа выделили 13.16% якутов и это составило 86.54% всех выбравших этот вариант. Среди русских этот вариант выбрали 16.28%, т.е. 13.46% всех подчеркнувших этот пункт.

Статус священных земель придают «местам, связанных с традиционными верованиями, поверьями» 40.45%. Из них 45.40% мужчин (т.е. — 37.95% всех мужчин, участвующих в анкетировании) и 54.60% женщин (42.79% всех женщин, участвующих в опросе); 36.19% отметивших пункт в этом вопросе — молодежь до 30 лет; 49.69% — люди 31–50 лет; 14.11% — лица старше 51 года. Выделили этот пункт в анкете 4.39% якутов, что составило 60% всех выбравших этот вариант ответа. Что касается народностей Севера, то ответило 4%, т.е. 20% всех подчеркнувших этот пункт; 24% русских (т.е. 13.95% из выборки) выбрали этот пункт ответа[7].

Данный социологический анализ, таким образом, позволил не только охарактеризовать реакцию местного населения на вторжение промышленных компаний в природную систему, но, прежде всего, выявить у современных сельских жителей пласт традиционных представлений о земле как историко-культурной ценности. В категорию первостепенных священных мест вошли *родовые места* и *места поклонения духам и отправления обрядов.*

Современное экономическое развитие республики Саха (Якутия) представлено крупномасштабными промышленными проектами. В соответствии со «Схемой комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 г.» предполагается реализация крупнейших инвестиционных проектов — освоение Талаканского, Среднеботуобинского, Иреляхского месторождений нефти, Чаяндинско-Ботуобинской группы месторождений газа, Эльгинского месторождения коксующихся углей, Куранахского, Нежданинского, Нижнеякокитского, Кючусского месторождений золота, месторождений железной

[7] Отношение населения Нюрбинского улуса к промышленному освоению алмазного месторождения «Накын». Научный отчет Института гуманитарных исследований АН РС(Я). Рукопись.

руды в Южной Якутии, свинцово-цинкового месторождения «Сардана», золото-урановых месторождений Эльконской группы, строительство якутского участка нефтепровода «Восточная Сибирь–Тихий океан», строительство магистрального газопровода из Якутии на Дальний Восток и др.

Этнокультурная экспертиза, проведенная в 2008 г. Институтом этнологии и антропологии РАН в местах строительства нефтепровода ВСТО, показала, что культурные ландшафты, включающие взаимосвязанные культовые и памятные места, центры исторических поселений, места совершения религиозных обрядов, представляют особую проблему для строительства промышленных объектов. Они не имеют обозначений, часто ничем не отличаются от окружающих природных объектов, их невозможно перенести. В связи с нарушением целостности этих объектов возникает отрицательное отношение коренного населения к строительству[8].

Экспертиза, проведенная учеными Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН по Чаяндинскому месторождению в 2011 г., подтвердила, что при строительстве магистрального газопровода негативное воздействие будет оказано на природный ландшафт Олекминского улуса. На границе Олекминского заповедника, вдоль течения р. Олекмы на участке от устья р. Тас-Миеля, расположены многочисленные археологические памятники (стоянки, захоронения, писаницы). По р. Лене от Тинной до с. Инньях расположены 20 археологических памятников, среди которых уникальные пещерные памятники *Хаиргас* и *Курачан*.

Особую тревогу вызывает территория традиционного природопользования тянских эвенков, находящаяся в границах республиканского резервата Чароуда, где по р. Токко расположены археологические памятники *Чаруода, Улахан-Сегеленнях,* писаницы *Булус, Суруктаах-Хая-Токко* и др. Весьма возможно, что по направлению рек могут находиться родовые захоронения и культовые святилища эвенков Тяни. Есть опасность затопления священных мест эвенков и других коренных народов водами каскада ГЭС в Алданском и Нерюнгринском р-х Якутии[9].

Проблемы сохранности сакральных ландшафтов Якутии вызывают беспокойство населения в связи с рядом нарушений подрядных организаций в ходе освоения все новых и новых территорий. Так, возле карьера «Тит-Ары» Хангаласского улуса из-за взрывных работ произошло крушение части скалы, где расположены писаницы. Священные места долины *Куорээйи,* связанные с жизнью и бытом легендарных прародителей якутского этноса *Эллэя* и *Омогоя* и являющиеся местом шаманских захоронений, выделяются под дачные застройки и частную сельскохозяйственную деятельность[10].

Конфликт, возникающие между аборигенной (традиционной) культурой и промышленным природопользованием сопровождались рисками возникновения стрессовых ситуаций среди коренных народов; происходила активизация про-

[8] Сирина, Жуковская, Инешин, Рагулина, Тюхтенева 2008.

[9] Научный отчет «Научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса (этнологическая экспертиза)». Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Рукопись, 93–94.

[10] Текущий Архив Республиканской Общественной организации «Ытык Сирдэр» («Священная земля»).

тестного поведения. На предотвращение подобных процессов были направлены законодательные практики Якутии.

В настоящее время в Республике Саха (Якутия) создана правовая база, достаточная для эффективной работы в области сохранения и использования памятников истории и культуры (1997 г., 2006 г.). Начиная с 1996 г. на территории Якутии действует республиканский закон «Об особо охраняемых природных территориях Республики Саха (Якутия)».

Природные территории относятся к объектам национального достояния Республики Саха (Якутия) и Российской Федерации. Выделена сеть национальных природных резерватов (*ытыккэрэсирдэр*): национальные парки (*аанайылгалар*); ресурсные резерваты (*эркээйисирдэр*); охраняемые ландшафты (*улуутуелбэлэр*); памятники природы (*айылгамэнэлэрэ*). Статья 6 закона дает определение национальных природных резерватов как совокупности природных объектов и комплексов, полностью или частично изъятых из хозяйственного использования с учетом местных обычаев и верований для сохранения естественной природной среды, недровых богатств и традиционных форм хозяйствования.

В Законе «Об особо охраняемых природных территориях Республики Саха (Якутия)» от 06.05.1996. З N 114-I категория «священных земель» (*ытык сирдэр*) представлена в статье 7 «*Ресурсные резерваты»*.

Примечательно, что в течение последних лет Парламент Республики Саха (Якутия) — *Ил Тумен* не раз принимал дополнения и изменения в вышеназванный закон (2003 г., 2007 г., 2011 г.). Такая активная работа с законом в первую очередь объясняется бурным промышленным освоением региона и выработкой долгосрочной стратегии в области охраны природного и культурного наследия.

В новой редакции закона охраняемыми ландшафтами объявляются участки земли и водных объектов с целью сохранения природных ландшафтов (долин рек, *аласов*, озер, лесных массивов, гор), считающихся коренными народами священными и характеризующиеся гармоничным взаимодействием человека и земли. Охраняемые ландшафты являются ландшафтами высокой эстетической и хозяйственной ценности (статья 9.).

В систему особо охраняемых природных территорий (*ытыккэрэсирдэр*) наряду с территориями традиционного природопользования коренных малочисленных народов Якутии внесены сакральные природные объекты. Отметим, что в законе «Об особо охраняемых природных территориях Республики Саха (Якутия)», принятом в 2011 г., категория « священные земли» не выделена из комплекса ресурсных резерватов, в то время как категории «сакральные природные объекты» посвящена отдельная статья.

В законе дается следующее определение: «Сакральный природный объект — почитаемые в народе элементы ландшафта (деревья, ключи, скалы, холмы и другие), являющиеся местами поклонения, отправления обрядов и одновременно элементами культурного наследия этносов, имеющие значение как особые места единения человека с природой»[11]. На территории сакрального природного объекта запрещены любые действия, влекущие нарушение естественного состояния природного объекта или его территории. Охрана таких объектов осуществляет-

[11] Закон Республики Саха (Якутия «Об особо охраняемых природных территориях Республики Саха (Якутия) от 25.12.2003 ЗN214 –III»статья12.».

ся при полном согласии и поддержке людей, сохраняющих традицию почитания данных объектов[12].

Республиканская система особо охраняемых природных территорий (ООПТ) — *ЫтыкКэрэСирдэр* является региональной частью сети ООПТ Российской Федерации и объединяет в единую сеть особо охраняемые природные территории федерального, республиканского и местного (улусного, муниципального) значения. В настоящее время под особую охрану взято 908,24 тыс. км^2, или 30% площади Республики Саха (Якутия). Уникальность природных комплексов региона предопределяет исключительную значимость природоохранных мероприятий в условиях интенсивного промышленного развития. Одновременно сохранение священных территорий имеет большое значения для актуализации коллективной идентичности.

Адаптационный механизм культуры северных скотоводов — саха к новым географическим и природно-климатическим условиям заключался в инновационной стратегии пространственного, хозяйственного, ментального освоения Севера и Арктики. Пространственное освоение означало расселение по территории, хозяйственное — организацию жизнедеятельности, ментальное — символизацию окружающего мира и утверждение «сакральной топографии», согласно культурной памяти предков.

В этнокультурном наследии народа саха сакральные ландшафты, связанные с местами поклонения божествам и духам, соотнесены с главным календарным праздником якутов *ЫСыахом*, содержание которого определяют обряды поклонения небесным божествам *айыы* и духам природы. Эстетическая и культурная палитра представлений об этом празднике — еще один ключ к пониманию гармонии человека с окружающей средой.

Согласно праздничной традиции, для проведения *ЫСыаха* отводились места, почитаемые как сакральные. Именно по этой причине местность *Ус Хатын* (*три березы*), расположенная недалеко от г. Якутска — столицы республики, в конце 1990-х гг. стала местом проведения главного республиканского *ЫСыаха*. Именно здесь, согласно мифам, в древности легендарный прародитель якутов *Эллэй*, совершил первый обряд моления небесным божествам *айыы* и духам местности.

С 2005 г., в соответствии с постановлением Правительства, местность *Ус Хатын* входит в республиканскую систему особо охраняемых территорий — *Ытык Сирдэр* («*Священные места*»). В настоящее время архитектурно-этнографический комплекс *Ус Хатын* является одним из наиболее посещаемых сакральных центров. Здесь воссозданы праздничные символы якутской культуры. Современный ритуальный ландшафт *Ус Хатын* включает арку *Аан Аартык* — символическую границу мира небесных божеств и мира людей; ритуальный комплекс поклонения священным местам *АанАлахчын, АйыыСитимэ* («*Хозяйка-божество Земли*»); ритуальный комплекс обряда встречи Солнца, как Верховного божества *айыы* (*Кюнюкорсюю*); ритуальный комплекс коллективного кумысопития *Юрюнг Тунах* («*белая благодать/изобилие*»); ритуальный комплекс кругового танца *осуохай*; церемониальное сооружение *Могол ураса* — атрибут публичной власти, где устроитель, хозяин *ЫСыаха* принимает почтенных гостей праздника (резиденция

[12] Закон Республики Саха (Якутия «Об особо охраняемых природных территориях Республики Саха (Якутия) от 25.12.2003 3N214 –III»статья12.».

президента Республики Саха (Якутия) и главы столицы республики); центр этнической музыки *ТойукТогойо* («*Истоки древних песнопений*») и др.[13]

Актуализация феномена сакральных территорий в Якутиии происходит в контексте развития новых экологических проектов. Одним из них является музеографическое освоение территории республики. Создание экологических музеев в Аллаиховском, Амгинском, Олекминском улусах — яркое тому подтверждение.

В 2008 г. в столице республики Якутске была проведена первая республиканская конференция, посвященная священным местам в Якутии. Главным итогом конференции стало подписание Меморандума о совместной деятельности в области изучения, охраны и использования священных мест Якутии Министерствами охраны природы, культуры и духовного развития, образования, Министерством по делам предпринимательства, туризма и занятости и Городского округа «Город Якутск». В этом же году была зарегистрирована общественная республиканская Ассоциация *Ытык сирдэр* («Священные места»). Ею был разработан Кодекс для посещения сакральных мест, центральным положением которого является уважение к традициям и обычаям местного населения и соблюдение особых ритуальных предписаний, связанных с посещением священных мест[14].

В 2012 г. в Якутске был проведен научно-практический семинар «Составление реестра священных (сакральных) мест на территории Республики Саха (Якутия)», организованный Министерством, Ассоциацией *Ытык Сирдэр*, АГИИК, Домом традиционной культуры *Арчы*. Он обозначил необходимость принятия срочных организационных мер для защиты сакральных мест и придания им правового статуса. Необходимо начать активную работу по картографированию сакральных природных объектов и культовых мест для составления реестра священных мест на территории республики. Эта работа станет частью республиканской и общероссийской программы по сохранению культурного наследия.

Сегодня священные места как своего рода «фигуры воспоминаний» (по Яну Ассману) выполняют роль «внутренних» текстов культуры: соединяя прошлое, настоящее и будущее, они выступают одним из важных составляющих этнической идентичности как стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

Винокурова Л. И., Романова Е. Н. 2002: Земля коренных народов Якутии: сакральная территория, право на землю и современное законодательство // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. 28, 121–132.

Данилова Н. К. 2011: Традиционное жилище народа саха. Пространство. Дом. Ритуал. Новосибирск.

Каганский В. Л. 1995: Мир культурного ландшафта // Наука о культуре: итоги и перспективы. 3, 31–67.

Романова Е. Н., Игнатьева В. Б. 2011: Якутский национальный праздник Ысыах в ситуации перехода: исторический миф, этнокультурный образ и современный праздничний нарратив // ЭО. 4, 29–40.

Сирина А. А., Жуковская Н. Л., Инешин Е. М., Рагулина М. В., Тюхтенева С. П. 2008: Газ на экспорт: этнокультурные проблемы транспортировки // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 205, 3–21.

[13] Романова, Игнатьева 2011, 36–37.

[14] Материалы республиканской конференции «Сакральные ландшафты: правовые и духовные аспекты». Рукопись.

© 2012

Т. М. Садалова, Е. В. Самушкина

СВЯЩЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ*

Конец XX — начало XXI в. ознаменовались возрастающим интересом к историко-культурному наследию. Обращение к традициям и прошлому в гуманитарном академическом дискурсе второй половины XX в. связывается с особым отношением ко времени и сформировавшимся в эпоху постмодерна презентизмом, когда с помощью понятий «память», «наследие», «юбилейные торжества» современное общество пытается освятить собственную идентичность[1].

Сохранение памяти рассматривается в рамках концепции мемориальных мест, которые (наряду с событиями, предметами и проч.) выполняют символическую роль, создают представление сообщества о себе и о своей истории[2].

Этнические сообщества и представляющие их элиты обращаются к прошлому в целях поиска «подлинности» и, по заключению Э. Смита, заново «открывает» этноисторию, предоставляя убедительные нарративы — доказательства исторической преемственности с героическим прошлым. Важное значение в этих поисках имеет территория исторической родины. Этнические лидеры «мечтают только о земле своих предполагаемых предков и священных местах, по которым ходили их герои и ученые мужи, где они сражались и учительствовали. Другими словами, данная территория должна быть превращена в «этноландшафт», поэтический ландшафт, который служит продолжением и выражением характера этнического сообщества, воспеваемый сам по себе в стихах и песнях»[3].

Современное восприятие прошлого во многом определяет понятие «наследие». Согласно существующему определению, культурное наследие — это «совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в контексте конкретно-исторических задач современности в соответствии с объективными критериями общественного прогресса»[4]. К культурно-историческому наследию относят предметы материальной культуры, образ жизни той или иной этнической группы, фольклор, обычаи, а также культурные и природные ландшафты.

На Алтае проблема сохранения историко-культурного наследия декларируется в программах и законодательных актах, среди которых закон «Об историко-культурном наследии Республики Алтай»; программа «Проблемы сохранения и приоритеты развития культуры Республики Алтай»; закон «О регулировании от-

Садалова Тамара Михайловна — доктор филологических наук, главный специалист Министерства культуры Республики Алтай. E-mail: sadalova-t@mail.ru

Самушкина Екатерина Викторовна — научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: Khakassie@yahoo.com

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 12–01–00199а.

[1] Hartog 2003, 156–157.

[2] Нора, Озуф, де Пюимеж, Винок 1999.

[3] Смит 2004, 125.

[4] Алякина 2005, 319.

ношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай»; «Об охране объектов культурного наследия Республики Алтай».

В соответствии с федеральным законодательством в официальных документах республики приводится категория культурного наследия, которое определяют как «результаты жизнедеятельности людей в исторической перспективе, представляющие собой материальную, духовную, интеллектуальную ценность и выступающие в виде материальных объектов»[5].

К объектам культурного наследия в Республике Алтай относятся памятники, ансамбли и достопримечательные места, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Особое внимание уделяется нематериальному наследию. Принятый в 2009 г. закон «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» декларирует практики выявления, возрождения, сохранения и использования объектов нематериального культурного наследия; устанавливает полномочия органов государственной власти в данной области, предполагает создание государственного реестра объектов нематериального культурного наследия.

Согласно этому документу, культурное наследие определяется как обычай, форма представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, не имеющие индивидуального авторства. Явления духовной культуры должны быть признаны сообществами, группами или и индивидами, передаваться из поколение в поколение, воссоздаваться сообществами в определенном экологическом пространстве; формировать у этнических групп, проживающих в республике, «чувство самобытности», вырабатывать чувство уважение к культурному разнообразию региона.[6]

Основными видами нематериального культурного наследия в Республике Алтай названы традиции, исполнительские искусства, обычаи, обряды, народные праздники, знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами, являющиеся культурными ценностями народов Республики Алтай.

Священные территории и объекты Республики Алтай», представляя неотъемлемую часть культурного ландшафта, являются одними из базовых аспектов культурного наследия. В настоящее время рабочим документом по сохранению священных центров является Реестр культовых объектов и достопримечательных мест Республики Алтай, в котором уточнены названия и отдельные параметры сакральных мест. Он составлен с учетом традиционных воззрений коренного населения, в рамках которых возникло понятие «*байлу jер*», обозначавшее почитае-

[5] Республики Алтай от 16 сентября 2003 г. № 14–16 «Об охране объектов культурного наследия в Республике Алтай, http: // zakon.scli.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/index.php?do4=document &id4= 08b4af1d-f751–465a-b53c-ff766607a62f

[6] Республики Алтай от 16 сентября 2003 г. № 14–16 «Об охране объектов культурного наследия в Республике Алтай, http: // zakon.scli.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/index.php?do4=document&id4= 08b4af1d-f751–465a-b53c-ff766607a62f

мые горы, перевалы, целебные источники — *аржаны*, места обрядовых молений и освященные родовые территории, места исторических событий.

Согласно мифологическим представлениям, священные места находятся под особым покровительством духов гор — *туу ээзи*, рек — *суу ээзи*, озер — *кӧл ээзи*, перевалов — *ажу ээзи*, отдельных урочищ — *јер ээзи*, целебных источников — *аржан ээзи.* Особенно почитали на Алтае духов священных гор — *ыйык туу ээзи*. Чаще всего хозяина гор «видели» в облике седого старика на белом коне, иногда светловолосой женщины. В начале XX в. под влиянием религиозного движения бурханизма традиционный пантеизм трансформировался в представления о едином божестве или духе Алтае — белом старце — *Алтай-ээзи,* или о Божестве-Алтай — *Алтай-Кудай.* К концу XX в. образ *Алтай-Кудая* окончательно оформился, вобрав в себя черты хозяев *ыйык туу* и небесного божества *Тенери*.

Считается, что моления священным горам влияют на благополучие местных жителей. Проведение регулярных молений позволяет установить контакт с духами гор. Несоблюдение традиции приводит к негативным моментам: болезням, смерти, неудачи в делах. С освященными территориями на Алтае связан сложный и очень устойчивый ритуально-мировоззренческий комплекс, в который наряду с образами духов-покровителей входят обряды и жертвоприношения в их честь — *туу ээзин (Алтай ээзин / Алтай-Кудайды) такыыр* (*такыр* — жертвовать, дарить, преподносить) или *Алтайды кодурер* (*кодӱрер* — молитвенно восхвалять). В начале лета совершается ритуал *Алтайды такыганы* (Восхваление Алтая/Освящение Алтая) или *Јажыл бӱр* (Весенняя листва), посвященный цветению природы.

Согласно традиции, с наступлением холодов мир трансцендентный погружается в глубокий сон. Поэтому перед долгой зимой, во время осеннего листопада, проводятся большие осенние моления *Сары бӱр* (Желтая листва), после которых духи гор «отдыхают» до пробуждения весной.

Летние и осенние моления проводятся на возвышенностях на солнечной стороне, где устанавливается *обо таш* /*кӱрее таш* — конусообразное сооружение из сложенных камней. После проведения молений местность переходит в статус освященной и ее нельзя осквернять: нельзя рубить деревья с жертвенными лентами *кыйра* или *јалама*, нельзя забирать камни с *обо таш* и т. д..

Повсеместно на Алтае сакральные места имеют статус особых зон, которые традиционно признаются на уровне мифо-ритуальных практик и обычного права. В целом по Республике Алтай в настоящее время насчитывается 342 сакральных объектов. В каждом районе, по переданным в Министерство культуры данным, имеется около 20 культовых объектов и сакральных мест (вершины гор, горы, перевалы, целебные источники, тагылы (жертвенники), родовые места, места молений и т. д.). К наиболее важным относятся: г. Бабырган (Бозыр-Таш), расположенная на левом берегу р. Катунь возле с. Заречная; религиозно-ритуальный комплекс в 3 км к северу от с. Каярлык; г. Белуха и т.д.

Министерством культуры Республики Алтай издано методическое руководство по сохранению и паспортизации сакральных мест. Карта священных мест Алтая, разрабатывается как выражение сродненности обитателей края с освоенным ландшафтом и является частью глобальной схемы, которая объемлет все мирозданье от жилища до космоса. В то же время она служит базовым фундаментом охранных механизмов, поддерживаемых государством.

В документах, посвященных проблемам развития культуры региона, отмечается, что Алтай является уникальным историко-ландшафтным заповедником, где происходило становление и развитие евразийской цивилизации. В документе «Проблемы сохранения и приоритеты развития культуры Республики Алтай», отмечается, что «Алтай является местом становления и развития древних культур и этносов, распространившихся затем на обширные пространства Евразийского материка, местом взаимодействия индоевропейских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов»[7].

На уровне административно-политического и общественного дискурса об Алтае как об особом природном и культурном ландшафте подчеркивается его срединное положение в евразийском пространстве. Центр в культуре универсально маркируется как сакральное место и мифологизируется, приобретая специфические коннотации, связанные с присутствием в нем «национального духа»[8].

В рамках публицистических дискурсов Алтай соотносится с образом мифического центра мира — Шамбалой. Шамбала (Шамбхала) в буддистской мифологии ваджраяны — это страна, расположенная севернее реки Сита (отождествляемой или с Таримом, или с Амударьей, или с Сырдарьей), окруженная восемью снежными горами[9]. Одним из первых поисками мифической страны на Алтае в начале XX в. занялся российский художник и философ Н. К. Рерих. В составе организованной им Центрально-Азиатской экспедиции 1926 г. он посетил старообрядческое поселение Верх-Уймон. Там Н. К. Рерих записал легенды об удивительной стране свободы и справедливости — о Беловодье, бытующие среди алтайских старообрядцев. Опираясь на рассказы о Беловодье Н. К. Рерих, синтезировав буддистскую и старообрядческую традиции, сформулировал миф о легендарной стране, северные ворота в которую находятся на Алтае. Свои идеи он изложил в дневниках «Алтай-Гималаи» и «Сердце Азии»[10].

Интерес к мистической Шамбале возродился в 1970-е гг., когда силами энтузиастов — последователей Н. К. Рериха на Алтае в с. Верх-Уймон был построен музей[11]. Тогда же началось распространение мистического учения агни-йоги. Сакрализация природы человека и одухотворение окружающего его пространства последователей Рериха и агни-йоги были близки традиционным воззрениям алтайцев[12].

Начиная с 1980-х гг. на Алтай стали приезжать почитатели Н. К. Рериха, искавших Шамбалу, мудрость прошлых эпох и древних культур. В основном это были представители интеллигенции из крупных городов России. В окрестностях с. Усть-Кокса они стали строить «город Солнца», или «Звенигород»[13]. Коренные жители, за редким исключением, не принимали активного участия в рериховском движении, но пропаганда агни-йоги и создание образа Алтая-Беловодья-Шамба-

---

[7] ГАРА. Ф. Р .190. Л. 103–104.
[8] Тимофеев 2005, 146.
[9] Токарев 1982, 639.
[10] Наследие 2004, 257–264.
[11] Звезда Алтая 15.10.1990.
[12] Бурдо, Филатов 2005, 29–30.
[13] Шамбала по-сибирски, http: // www.itogi.ru/Paper2006.nsf/Article/Itogi_2006_08_12_23_0339.html.

лы во многом способствовали активизации религиозных поисков и мифотворчества в регионе.

Наследие Н. К. Рериха было использовано в квазиисторических построениях. Так, известный российский публицист М. И. Аджи в рамках культуртрегерской концепции тюркской истории поместил Шамбалу (Шамбхалу) на Алтае, объявив, что этот регион стал духовным центром, в котором, якобы, зародилось христианство[14].

Один из духовных лидеров Алтая конца XX — начала XXI в. Н. Шодоев связал легендарную страну — Беловодье, описанную Н К. Рерихом, с бурханизмом — белой верой, которую исповедует большая часть местного коренного населения[15]. Продолжением мистического дискурса стали многочисленные сюжеты в республиканской прессе, которые, кроме прочего, связывают Шамбалу с потусторонним миром, где обитает грифон — «защитник Алтая», вошедший в число официальных геральдических символов республики[16].

Органично вписывается в построения на тему сакрального центра мироздания образ родины, сформулированный в рамках «духовно-экологической» концепции Д. Мамыева. По версии лидера движения «Тенгри», Алтай является территорией, обладающей божественной аурой; он также обладает особым значением в планетарном масштабе, так как выполняет роль «моста в новое социальное время»[17].

Алтай для коренного тюркоязычного населения, согласно построениям Д. Мамыева и его единомышленников, является не только местом проживания, но и «храмом», где достигается духовное и физическое очищение; алтайцы, аккумулирующие опыт многих народов и религий, являются хранителями этой особой территории[18].

К святым местам Д. И. Мамыев относит г. Белуху в Усть-Коксинском р-не РА и Государственный Каракольский природный парк «Уч Энмек» в Онгудайском р-не Республики Алтай[19]. По его заключению, на Алтае существует множество культовых природных объектов, «под которыми обычно понимают почитаемые в народе элементы ландшафта, являющиеся местами поклонения, отправления обрядов и, одновременно, элементами культурного наследия этносов или отдельных социальных групп»[20]. Они почитаются представителями коренного населения и описываются как территории с уникальной первозданной природой, имеющими особый духовный статус[21]. Священные места являются неотъемлемой частью семейной, родовой обрядности.

Одним из значимых локусов современного Алтая являются родовые места, где представители родов проводят поклонение своим предкам. Эти места традиционно принадлежат родам и связываются с какими-либо историческими событиями. Показательным в этом плане считается вершина Семинского перевала — *Дьал Мёнку*, где, согласно легендарной традиции, предки рода (*сеока)* майманов

[14] Постскриптум 13.08.2001.
[15] Постскриптум 10.01.2002.
[16] Постскриптум 27.06.2005.
[17] Мамыев 2003, 33.
[18] Мамыев 2003, 33.
[19] Мельченко, Мамыев 2007.
[20] Мамыев 2004.
[21] Каракольский природный парк.

после битвы с китайскими карательными войсками совершили обряд поклонения. В Кош-Агачском р-не древним родовым урочищем сагалов является Елангашская долина. Считается, там жил их предок *Елангаш*. Их родовая святыня — *г. Тепсен-Баш*. Рядом находятся почитаемые места кыпчаков, где еще в 1930–1940-е гг. были их родовые захоронения.

Почитания родовых мест связано с обрядом восхваления духов местности, с историческими фактами почитания духов предков и жертвоприношениями в их честь. Место проведения ритуалов — *курее таш* обозначено небольшими каменными сооружениями — *тагылами,* количество которых растет от посещения к посещению. Участниками обряда освящения родовых мест являются представители одного рода и приглашенные родственники. Церемонии проводится два раза в году одним из родовых старейшин или человеком, владеющим сакральными знаниями. Места проведения родовых молений имеют высокий статус для всех жителей региона, которые под угрозой возмездия обязаны соблюдать ряд запретительных норм по отношению к ним: не осквернять местность громким шумом, не охотиться, не рубить деревья на освященной горе, не разрушать возведенные *куре таш* и т.д.

Еще одним значимым для самоидентификации коренного населения Алтая элементом являются археологические памятники. Данные объекты историко-культурного ландшафта рассматриваются как сооружения, связанные с представлениями о предках — как «могилы предков». Всплеск интереса к археологическим памятникам в регионе фиксируется с 1990-х гг. С этого времени на республиканском уровне инициируются дискуссии по поводу правомерности проведения археологических раскопок, в том числе против исследований на плато Укок в Кош-Агачском р-не Республики Алтай. Во время культурологических мониторинговых исследований в 1996 г. в Кош-Агачскому р-ну были зафиксированы однозначные ответы по отношению к археологическим памятникам на Укоке, что они являются захоронениями предков.

С конца 1990-х гг. на Алтае разворачивался широкий общественный дискурс по поводу культурного археологического наследия. В ходе обращения к археологическим реалиям в Республике Алтай на рубеже XX-XXI вв. сложился мифологизированный образ так называемой принцессы Укока. Он стал формироваться после археологических раскопок 1993 г. на плато Укок, где в одном из курганов была найдена мумия женщины европеоидного облика, принадлежавшей к элитным слоям общества скотоводов-кочевников IV–III вв., к пазырыкской культуре скифского круга.

В ходе реинтерпретации археологических артефактов в республиканской прессе появились различные трактовки этого феномена. Согласно первой версии, мумия — это «принцесса Укока» («Алтайская принцесса», «царица Укок», «ледяная принцесса», «принцесса Кыдын»); вторая гласит, что знаменитая археологическая находка — это Очы Бала, легендарная богатырша — защитница алтайского народа.

Согласно легенде, которая сегодня популярна на Алтае, Очы Бала является предком алтайского народа. Про эпическую героиню Н. Шодоев писал: *«Ее зовут Очы Бала, и гробница ее считалась священным местом. Для наших предков Очы Бала святая, как Иисус Христос для христиан! Ее деяния воспеты в древних*

эпосах. Принцесса Очы Бала, словно Жанна д'Арк, возглавила поход на врагов. Она победила, но вскоре после битвы ее душа ушла в вечность. И Принцессу с почестями похоронили на плато Укок — в месте, которое, по древним поверьям, связывает Землю с Космосом. Ведь рядом, совсем рядом, Гималаи и легендарная Шамбала. Все эти века ее дух оберегал наш народ»[22].

С образом «принцессы» на Алтае связывают апокалиптические сюжеты. Среди местного населения бытует мнение, что археологические раскопки, в результате которых была потревожена «принцесса Укок», привели к катаклизмам экономического и природного характера. Причиной очередного всплеска интереса к «эпической героине» стало землетрясение 2003 г., произошедшее в Кош-Агачском р-не Республики Алтай.

В периодической печати Республики Алтай на протяжении 2000-х гг. появлялись письма, подписанные местными жителями, с просьбой вернуть священную реликвию алтайского народа на место упокоения. Авторы обращений, подчеркивая родство алтайцев с «принцессой Укока», отмечали, что образ исторической героини слился в сознании народа с Очы Бала: *«…Мы, жители Республики Алтай, обращаемся к вам просьбой о скорейшем решении вопроса возвращения известной женской мумии — «принцессы Укока»… мы считаем, что мумия «принцессы с плато Укок», которая слилась с образом эпической защитницы алтайского народа Очы Бала, должна быть не только возвращена на родную землю, но и захоронена на том же месте с соблюдением всех правил захоронения древности, то ест, учитывая фактор благоприятного времени года. Мы считаем, что на месте захоронения должна быть сооружена стела, а рядом установлена доска с краткой информацией об этом месте на алтайском, русском, английском языках. Это событие вызвало бы большое уважение к руководителям Республики Алтай.*

Мы много общаемся с людьми Горного Алтая, и они жалуются, что вера народа Алтая не уважается. Многие говорят: «Мы с уважением относимся ко всем религиям, но почему не уважают веру наших предков, которые не строили храмов, считая священными горы, реки Алтая? Плато Укок всегда было для нас священным, и люди не нарушали покой тех, кто лежит там. Захоронение «принцессы Укока» — это не только религиозное и духовное, но и культурно-историческое наследие всех народов Алтая. Многие духовные лидеры Алтая связывают болезни, бедствия в республике именно с раскопкой и вывозом «принцессы» за пределы Алтая. Возвращение мумии «принцессы Укока» будет означать победу всех жителей Республики Алтай»[23].

В ходе обсуждения проблемы на протяжении 2000-х гг. неоднократно подчеркивалось, что залогом успешного развития Республики Алтай в будущем может стать возвращение знаменитой мумии на место захоронения или в Республиканский краеведческий музей им. В. А. Анохина. К 2012 г. это проблема получила свое юридическое и организационное завершение. «Принцесса Укока» вошла в число символических объектов, которые являясь свидетельствами иных эпох, придали региональному (этническому) сообществу ощущение вечности, укоренности во времени и пространстве. Исторические символы и святые места Алтая,

[22] Тельников 2007.
[23] Звезда Алтая 18.03.2003.

напоминая о событиях и прошлого, стали мощными факторами актуализации его культуры и сохранения наследия.

Почитание священных мест, которое осуществляется на основе интерпретации традиционных культур и этнического прошлого, воспроизводится на уровне общественных и повседневных практик[24].

Признавая значение сакральных центров в сохранении культурного наследия, Министерство культуры Республики Алтай в настоящий момент разработало проект Постановления Правительства Республики Алтай Положения «О сохранении и развитии сакральных мест Республики Алтай». В нем обозначены меры по благоустройству и сохранению сакральных мест на всей территории Республики Алтай. В ходе подготовки проекта были проведены встречи с общественностью республики, ведомственными организациями, представителями муниципальных образований. По мнению разработчиков проекта, документ призван способствовать сохранению целостности сакральных мест, ограждению от вмешательств со стороны представителей других религий. В числе ключевых моментов в государственном урегулировании вопросов о сакральных местах нужно учитывать высокую заинтересованность местного населения в сохранении данных мест и объектов. Сакральные места материализуют интересы общества, связанные с прошлым и будущим. Сегодня на Алтае обращение к памятникам историко-культурного наследия, к сакральным местам становится важным фактором самоидентификации этнического и в целом регионального сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

Алякина К. В. 2005: Культурное наследие как гипертекстуальное пространство // Контексты социального знания. Самара, 317–326.

Бурдо М., *Филатов С.* (ред.) 2005: Республика Алтай // Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1. М.; СПб., 29–30.

Мамыев Д. И. 2003: Духовная культура Алтая — экология жизни. Горно-Алтайск.

Мельченко В. Е., *Мамыев Д. И.* 2007: Сакральное пространство Алтая в социально-экономическом контексте. [Электронные ресурс]. — Режим доступа: http: // rgo.msk.ru/commissions/cultural/2006_03_22–2.html.

Смит Э. 2004: Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.

Тельников Г. 2007: Алтайцы просят вернуть мумию их царицы назад. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http: // zhizn.ru/article/incident/4213/.

Тимофеев М. Ю. 2005: Нациосфера. Опыт анализа семиосферы наций. Иваново.

Токарев С. А. (ред.) 1982: Мифы народов мира. Т. 2. М.

Нора П., *Озуф М.*, де *Пюимеж Ж.*, *Винок М.* 1999: Франция — память. СПб.

[24] Смит 2004, 458.

© 2012

И. В. Октябрьская

ПУТЬ ЧЕРЕЗ ПЕРЕВАЛЫ. КОНЦЕПЦИЯ ПУТИ В ФОЛЬКЛОРНО-ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ АЛТАЯ*

На всем протяжении человеческой истории культура в глобальном измерении предстает как деятельность по организации пространства. Кочевые культуры, став реальностью Центральной Азии несколько тысячелетий назад, формируют систему ценностей, в которой категории движения и покоя, уравновешивая друг друга, определяют формы освоения пространства и в конечном итоге смысл и содержание человеческой жизни. Состояние жизни характеризуют различные понятия: оттур — «сидеть», «быть», «находиться», «жить» (временно); тур — «стоять», «устоять», «встать», «находиться», «жить» (туруш — «жизнь», «состояние», «постоянство»); жадыр — «лежать», «находиться», «жить», жадыш — «жизнь», «образ жизни»; öс — «вырасти», «жить», «подниматься», «возрастать», өзөр — «жизнь», өскөндьер — «родина»; бар — «идти», «ходить» (вообще), «уходить», «умереть» (якутский язык); дьур — «ходить», «находиться», «жить», дьӯрӯт — «жизнь», «образ жизни», «биография», дьурт — «народ», «стойбище», «государство»; амыр — «мир», «покой», «спокойствие», «отдых», амыт — «живое существо»; амы, амы-тын (тувинский язык) — «жизнь», амырдыш — «покой», «спокойствие», амыдырал — «жизнь как деятельность общества», «жизнь как форма существования материи»[1].

Движение и покой были одинаково важны для определения жизни у тюрков Южной Сибири. Будучи чрезвычайно мобильным, общество кочевников-скотоводов особенно трепетно относилось к покою в пределах малой родины. Расположенная, согласно мифологическим представлениям, в центре вселенной, она имела четкие координаты; была максимально освоена, упорядочена, защищена[2].

Озабоченные благополучием обжитого пространства алтайские шаманы обращались в духам-покровителям. В молитве к защитнику дома — Дьяику звучали простые и проникновенные слова:

Пусть выкроит счастье головы!
Что называется страданием, то пусть не будет.
Прошу всегда жить спокойно,
Пусть не случается ничего дурного[3].

В эпике покой и статика родного стойбища служили условием возмужания героя. Концепцию центра — срединной окультуренной области, родовой земли традиционное сознание, руководствуясь принципами прерывности и качественной неоднородности пространства, разрабатывало с особой тщательностью.

Октябрьская Ирина Вячеславовна — доктор исторических наук, зав. отделением этнографии ИАЭТ СО РАН. E-mail: siem405@yandex.ru

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 12–01–00199 а, № 11–21–17002.

[1] Тенишев 1961, 232–233.

[2] Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова 1988, 29–71.

[3] Анохин 1924, 100–101.

Картины своей земли в тюркской мифо-поэтической традиции имели атрибутивное оформление. Описание малой родины включало все природные уровни — реку, гору, степь, тайгу, — монохронность которых подчеркивала ее целостность. Возникнув в рамках мифологической концепции мира, эта модель осталась актуальной на протяжении столетий, и постепенно обретала свойства символа: в 1917 г. слоган «Дьер-су Хаар Алтай» как обозначение родины — совокупности земли и воды, сохраненное фольклором, была перенесена на знамя 1-го съезда коренных обитателей Алтая[4].

Целостность родной земли в эпической традиции тюрков Алтая была противопоставлена дискретности пространства внешнего мира. Путь являлся формой их объединения в ходе постижения. Он начинался от порога дома и исчерпывал собой «социализацию» героя. Для кочевников это была универсальная парадигма, одинаково значимая для эпоса и жизненных (закрепленных обрядами) практик[5].

Устойчивость, замкнутость, покой, являясь важнейшими критериями идеального локуса и необходимыми условиями существования человека, не означали его абсолютной неподвижности. В фольклорной традиции неспособность к передвижению дряхлеющего хана была признаком приближения его физической и — главное — гражданской смерти. Подобно старости, печатью социальной и физической неполноценности было отмечено «младенчество» эпического героя. Неподвижность служила одним из характерных признаков его ущербности. До тридцати лет пребывал в материнской утробе герой сказания «Келер-Куш». До тридцати лет не вставал на ноги и не мог ходить Эрке-Мендир, единственный сын Алтай-Буучая. Только с приобретением воинского статуса, накануне женитьбы, он поднялся[6].

К описанию странствий героя сводилось содержание тюркских эпических сказаний. Становление эпического богатыря маркировалось обретением снаряжения, доспехов, коня, невесты и числом рубежей, преодоленных на пути к счастью.

Путь через границы и перевалы, проделанный героем в поисках невесты или хана-захватчика, являл собой неопределенную длительность. Скорость, будучи одним из проявлений богатырской мощи (сравнимой с силой шамана-медиатора), задавала его параметры и напряженный ритм сказаний.

Путь героя определялся целью путешествия — совершением подвига во имя счастья семьи и рода и возвращения домой; именно тогда он становился судьбой и имиджем. Это определяло эпический пафос и содержание сказаний, включая сказание о шорском богатыре Алтын Сырык.

Мало ли [времени] едет, много ли едет.
Когда славный Алтын Сырык
Семьдесят миров проехал,
Семьдесят царств миновал,
Славный золотогривый бело-серый конь
В семь прыжков
На свистящий хребет поднялся,
На гладкую седловину спустился!

[4] Сагалаев, Крюков 1991, 198.
[5] Липец 1984, 155.
[6] Кучияк 1940, 112; Суразаков 1961, 160–163.

Тогда Алтын Сырык увидел, ол:
На его родной земле
Сколько скота прибавилось –
Пастись земли не хватает,
Сколько людей прибавилось –
Жить земли не хватает[7].

Являясь показателем человеческой адекватности и жизненной активности, путь был одним из ключевых образов благопожеланий и напутствий и в эпической традиции, и в повседневных практиках.

Благославляя на дорогу, телеуты произносили:
Через горы пропусти,
Через быстрые реки переезжавши,
Едущего в дороге направляй.
Обратную дорогу покажи [8].

Невозможность движения в мифоэкологическом сознании кочевников было тождественно смерти и являлось устойчивой темой проклятий. В эпосе они сопровождали противоборство богатырей:

Достойнейший их мужей Алып-Хусхун
Ай-Хуучин проклятию предал:
«Там, куда бежит
Треухий Пего-саврасый конь,
[Река] Хан-Хара-суг, бурля и свирепствуя, пусть преградит ему путь!
Когда через нее [конь] галопом проскачет,
Пусть упадет и умрет!
Без коня оставшись, Ай-Хуучин
Пусть в черную сучку с черными глазами
Превратиться и останется [ею]!»[9]

В мифо-ритуальных практиках кочевников-скотоводов, считавших неподвижность признаком бездеятельности, физической и социальной неполноценности, этот образ имел очень большое значение.

На преодоление мнимой первородной неполноценности ребенка были направлены церемонии «разрезания пут», известные многим тюркским народам Центральной Азии и Сибири. Их совершали в тот момент, когда ребенок делал первые шаги. У алтайцев родственники, заметив первые попытки ребенка пойти самостоятельно, старались острием ножа сделать несколько надрезов по земле или по полу между ножками. Подобные обряды знаменовали вступление человека на жизненный путь.

Путь являл собой квинтэссенцию бытия. В лирике Алтая XX в. этот образ был соотнесен с судьбой поэта. В стихотворении Л. Кокышева «Аргамак» путь

[7] Короглы 1998, 391.
[8] Архив МАЭ. Ф.15. Оп. 1. Д. 41. Л.17.
[9] Романенко 1997, 269.

стал символом творчества и вдохновения, преодолевающего не только пространство, но и время:

И мчимся мы сквозь время,
И скачке нет конца.
Меня встречают люди,
Как воина и певца!
Мелькают царства, рушась,
А я лечу, лечу,
Скорее в наше Время
Я доскакать хочу.
Но сколько всевозможных —
Попробуй-ка, сочти! –
Воздвиглось предо мною
Препятствий на пути[10].

В эпических, сакральных и поэтических текстах Алтая путь являлся формой освоения физического, социального и историко-культурного пространства. В прошлом у народов Южной Сибири существовало представление, согласно которому после смерти человека его «душа»-двойник повторяла путь, проходя по тем местам, где человек бывал при жизни. Биография покойного разворачивалась в обратном порядке. При этом «траектория» пространственно-временных перемещений выступала своеобразной характеристикой умершего. Не случайно шорские шаманы во время обряда изгнания ўзўт´а — «души» умершего — восклицали: «Назови имя и путь свой!» Считалось, что подобное знание давало его обладателю власть над духом. С той же формулой, согласно сакральным текстам телеутов, обращались божества и к самому шаману во время его путешествий по иным мирам. «Из какой земли, напевая, пришел? Имя и путь твой назови, кам!» — требовали божества. Им вторили эпические богатыри: «Как твое имя? Какой твой путь?», — спрашивали друг у друга при встрече персонажи южно-сибирской этики[11].

Путь живого человека — в жизни и в фольклоре обязательно предполагал возвращение. Проклятие: «Да будет тебе дорога, чтобы идти, да не будет дороги для возвращения!» — было равнозначно пожеланию смерти.

Напротив, путь неживого лежал только в одну сторону. Стремясь предотвратить возможный возврат умерших, шорцы по дороге с кладбища запутывали следы. Провожая душу покойного, телеуты на седьмой день после смерти произносили:

Вперед дорога тебе да будет.
Обратно дороги не было бы!
В сторону не оглядывайся,
Назад не дыши.
К дверям обратно не возвращайся,
Ко мне в дом не приходи[12].

[10] Фонякова 1982, 181.
[11] Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова 1989, 136; Октябрьская 1997, 73
[12] Архив МАЭ. Ф.15.Оп. 1. Д. 41. Л.6.

Безвозвратность в тюркской модели мира была приговором к небытию. Траекторию перемещение живых в пространстве задавали: цикличность, осмысленная предопределенность и линейность. «Нежить», соотносимая с иным миром, не поддавалась линейному измерению. Перемещения обитателей потустороннего мира отличались хаотичностью и описывались с помощью образов водоворотов, вихрей и смерчей. Обращаясь, например, к одному из духов болезней, телеутские шаманы говорили:

Живущая на соединения девяти рек,
На девяти водоворотах крутящихся,
Чистое дитя притягивающая…
Еще ниже отправившись
Через двенадцать соединений рек,
Через двенадцать крутящихся водоворотов,
От белого моря своего вышедшая[13].

Образ пути — прямого или запутанного, обратимого и необратимого, «живого» или «мертвого» — в традиционных представлениях тюрков Сибири был сопоставлен вариативным моделям бытия и небытия.

Божества, патронирующие пути реального мира, в мифо-ритальной традиции приравнивались к божествам судьбы. В шаманском пантеоне Алтая фигурировал персонаж Кагыр-ган (Кааргaн), посредник между Ульгенем и Эрликом. Он жил на перекрестке семнадцати дорог, где вершился суд и наказание человека.

Божества путей — «бог путей на пегом коне» и «бог путей на вороном коне» — были известны в тюркской традиции еще с древнетюркского времени — они упоминались в священной книге «Ырк битиг». Согласно трактовке, предложенной С. Г. Кляшторным, йол тенгри — божества пути являлись младшими божествами и родичами верховного бога Тенгри; они, выполняя его волю, связывали верхний и средний миры — «обслуживали» дорогу, вниз по которой шли в средний мир души будущих живых существ, вверх отправлялись души животных, принесенных в жертву и души умерших детей. По заключению Л. П. Потапова, с этими персонажами могло быть соотнесено известное телеутам еще в начале XX в. йер-йол пайана — божество земных дорог, ездившее на пегом коне[14].

Заручившись поддержкой богов, выступавших проводниками в странствиях, скотоводы-кочевники осваивали мир во всех его направлениях. Их географическая эрудиция была чрезвычайно обширной. В традиционной картине мира реальные знания, унаследованные коренными обитателями Алтая от древних предков и умноженные в ходе этно-культурных и политических контактов позднего времени, переплетались с фантастическими образами. Это нашло отражение в шаманском фольклоре.

Умение определиться в пространстве и грамотно выстраивать маршруты передвижений сакральная практика Саяно-Алтая приравнивала к способности властвовать над миром. Неслучайно значительная часть шаманской посвятительной церемонии телеутов отводилась географическим импровизациям неофита. Демонстрируя знание/видение мест, с которыми было связано изготовление его атрибутики, и прежде всего бубна, начинающий шаман должен был красноречиво

[13] Каруновская 1926, 34.
[14] Кляшторный 1977, 134–136; Потапов 1977, 175–176.

описать их[15]. В этот момент шаман обращался к двадцати семи духам земного пути, которые являлись персонификацией основных ландшафтных объектов, как реальных, так и мифических. Его путь связывал между собой все эти объекты, подтверждая их существование, и являлся главным способом освоения.

Картографируя маршруты своих хождений в верхний и нижний миры, шаманы Саяно-Алтая легко ориентировались в реальном и мифическом пространствах. Во время церемонии посвящения телеутский шаман демонстрировал профессиональные навыки, воссоздавал целостный образ мира с «верхней проекции»:

Когда кругом поглядели,
Видна была местность далеко за
Пределами степи Бачат, матери моей.
То была земля, которая видна была
За пределами — за пазухой, — Малого Бачата [16].

Взгляд с высоты, с вершины, характерный для шаманских и эпических пейзажных зарисовок, был предопределен особенностями картины мира кочевников-скотоводов, формировавшейся в горно-степном поясе Евразии. Завораживающая магия высоты, неотделимая от ощущения сродненности с землей предков, пронизывала и поздние лирические, и традиционные обрядовые и сакральные тексты коренных обитателей Южной Сибири.

Запечатленная поэтическими текстами разных эпох масштабность стереоскопического пространственного видения формировалась в процессе практического освоения пространства. Реальный и мифический космос скотоводов кочевников Центральной Азии был полон контрастов. Сложившиеся в макрорегионе регионе хозяйственные модели, основанные преимущественно цикличной (вертикальной, меридиональной) системе кочевания, актуализировали силовые линии, сопрягающие верх и них, при безусловном семантическом преобладании верха. Экстенсионал высоты — манящий и пугающий одновременно — служил устойчивой характеристикой тюркского менталитета.

Знаменитые строки: «Ты все поймешь, когда тебя удачей одарит судьба и родина, природа, высота в душе твоей сольются воедино», — принадлежащие современному алтайскому поэту Б. Укачину, апеллировали к многовековому, накопленному его народом, опыту духовного постижения мирозданья[17].

Образ высокогорья, с которым было связано становление и существование тюркских народов, закономерно олицетворял собой родную земли. Выражением преданности горному краю стали стихи П. Самыка:

Это наши отцы,
И они неприступны и горды,
Это наши спасители, Боги пришедшие к нам,
Молчаливы они —
С великаньими ликами горы. И народ мой вовек
Благодарен и предан горам[18].

[15] Дыренкова 1947, 159.
[16] Дыренкова 1947, 165.
[17] Укачин 1986, 88.
[18] Самык 1989, 78.

Взгляд с высоты, с вершины, из поднебесья господствовал в описаниях отчего края:

Треуголен ты, Хан-Алтай,
Когда взглянешь на тебя с высоты
Со стороны поглядишь на тебя.
Ты блестишь, как девятигранный алмаз!
Когда же со ската горы окинешь взором тебя,
То как плеть расплетенная тянутся
Хребты твои![19]

Этот фольклорный фрагмент стал эпиграфом поэтического эссе алтайского художника Г. Гуркина «Алтай и Катунь» 1915 г., в котором выдающийся мастер, равно владеющий кистью и словом, передал ощущение первозданной мощи и необозримости горного края, используя традиционные образы и проекции.

Воссозданная Г. Гуркиным панорамность описания среднего мира была характерна для аутентичной мифо-поэтической сакральной традиции Алтая традиции. Отправляясь на запад, на восток или на юг от освоенного (сакрального) локуса, шаманы начинали описания с деталей ландшафта, хорошо известных присутствующим. В их импровизациях реальное пространство неуловимо обретало качество иного мира. Все, что лежало за пределами доместицированного локуса, в тюркской космологической модели наделялось свойствами инаковости.

Описывая устройство мифического космоса алтайских шаманов, А. В. Анохин так характеризовал самую мрачную его зону — место обитания владыки мира мертвых Эрлика: «Эрлик живет в нижнем (подземном) мире…, во дворце из черной грязи, а по другим версиям — во дворце из черного железа с оградой. Дворец его стоит при слиянии девяти рек в одну Тойбодым, которая течет человеческими слезами, или около моря Бай-Тенис с водяными чудовищами абра или јутпа. Через Тойбодым протянут мост из конского волоса. Царство Эрлика населяют бесчисленное множество душ умерших людей… Если кто вздумал самовольно уйти из его царства, то ступив на волосяной мост, обрывается и падает в волны реки, которая приносит дерзкого беглеца обратно к берегам владений Эрлика…

К Эрлику есть дорога, но пролегает она через большие препятствия, которые называются пӱдак. По этой дороге могут пройти шаманы во время камлания. Кроме того, эти лица имеют способность проникать во дворец (örgö) Эрлика и непосредственно вести с последним разговор. Эрлик ездит на черной лодке без весла, на черном иноходце или упряжном животном (kölkö) — на лысом быке. Питается Эрлик красной, кровавой пищей, пьет внутреннюю легочную кровь. Пищу и питье принимает на заре красного вечера. Изображений Эрлику не делают»[20].

Одинаково трудным был для шаманов Алтая путь и в нижний, и в верхние миры. Индивидуальный для каждого шамана он был показателем его подготовки и практики.

По материалам А. В. Анохина, верховное божество алтайцев — «Ӱlгäн — благодетельное существо, он живет за месяцем, солнцем, выше звезд небесных… Путь к нему лежит через семь, а по другим версиям через девять препятствий (пӱдак). Этот путь доступен только шаманам мужчинам во время камлания.

[19] Чевалков 1990, 223.
[20] Анохин 1924, 3–4.

Но шаман достигает только пятого препятствия (алтын казык) — золотой кол и возвращается обратно. Ульгень имеет дворец (öргö) с золотыми воротами и золотой престол (алтын шірä). По виду он предстает человеком»[21].

Среди сакральных «меморатов» Алтая известны шаманские рисунки. Один из них, изображающий путь шамана в область «лучезарного Ульгеня», в 1913 г. опубликованный Г. Н. Потаниным. Графическая схеме обозначала путь и многочисленные препятствия — кривая была перечеркнута в девяти местах, где шаману предстояло преодолеть тогус чайкам — «девяти зыбунов». После этого он встречал Когуша (Ульгены jолы бай Кögуш — дороги Ульгеня священный Когуш). Другие препятствия были обозначены на рисунке концентрическими кругами, среди них: водное вместилище синих песков, земля белых песков и т. д. В местности, выше которой не поднимаются облака, обитал Ак-Ульгень в окружении солнечных лучей[22].

Преодолевали скалы, ядовитые моря, болота, крутящиеся водовороты и сухостойкие леса, шаманы достигали желаемого единения с божеством. Результатом мучительного экстаза становилось обретение света, получение благодати и преображение мира.

В сакральной графике описание личных путей шамана зачастую приближалось к обобщенной картограмме, сводившей многообразие реальных и мифических ландшафтов к обозначению вершин и провалов, сопрягающая высоты и пропасти. Кривая подъемов и спусков также являлась символическим выражением земного существования человека в его пространственно-временной целостности.

Известно, что родовые шаманы кумандинцев, предсказывая новорожденному будущее, предначертанную божеством дорогу жизни — «пом чöлы» — «скалистый путь», сообщали родственника те моменты («пом», «бом» — «скала», «утес»), когда ему будет грозить смерть; их могло быть от семи до девяти: «В предначертании указано, сколько жить, сколько «бомов» пережить, когда умереть человеку». Стремление преодолеть жизненные преграды, угадав свой путь, рождало слова молитвы, обращенной к горам — покровителям: «Кудай дал мне жизнь, девять «бомов» ей угрожают; как девять «бомов» обойти, каким путем подскажи…»[23].

Понимание неизбежности преград и их преодоления формировало личностные стратегии, отраженные сакральными текстами Алтая:

Растущая жизнь моя мала,
Коротки в росте годы мои,
Как будет на земле большого
Препятствия?
Даст ли хоть одно решение?
Создаст ли, приравняв к коню
(до возраста, когда человек
Управляет конем)?
Жизнь непрекращающуюся даст ли?[24]

[21] Анохин 1924, 9.
[22] Потанин 1915, 102.
[23] Славнин 1991, 195–196.
[24] Анохин 1924, 82.

От рефлексии в мифо-ритуальном формате кочевая культура переходила к авторским поэтическим суждениям, принимающим форму общефилософских обобщений, подобных тем, что звучат в стихах Б. Укачина:

Всему грядет конец законный
Судьба людская под луной
Идет над пропастью бездонной
Скользящей узенькой тропой[25].

Осознание притяжения высоты и неизбежности преград, характерное для традиционной концепции жизненного пути, продолжало отчетливо звучать в профессиональной лирике Алтая XX в. Путь для поэта становился поиском самого себя, своей сущности и предназначения. Неслучайно первый сборник Б. Укачина, изданный в 1960 г., носил название «Дороги».

Тема перевала в жизни и творчестве была представлена подборкой стихов «В эти дни под родным небосводом…» 1982 г. алтайского поэта А. Ередеева:

Много у нас впереди перевалов,
Всяческих трудностей и передряг.
Много у нас впереди перевалов —
Что ж спотыкаешься мой аргамак?
Что за предчувствия сердце смутили?
Ветер ли, сплетник, тебя настращал»
Эй, поделись, аргамак, — ведь не ты ли
В сказках батырам судьбу предвещал?
Если ж ты просто не в духе немного,
Если не радует новый подъем —
Друг не печалься! Зовет нас дорога,
Завтра — не завтра, а счастье найдем![26]

Тема пути, перевалов и преград определяет размышления о смысле жизни и творчества алтайских поэтов. Для многих из них путь превращается в образ метаморфический, олицетворяющий не только поэтическое служение, личную судьбу, но и судьбу этноса. В ходе его интепретации диапазон современной лирики расширяется до историко-культурных и цивилизационных обобщений. Завещанием новым поколениям звучат ранние стихи Б. Укачина:

Легко и свободно шагай по планете,
Но помни повсюду родимый свой край
И в буйном, порывистом ветре столетья
алтайскую шапку свою не теряй![27]

Путь, лежащий через преграды незнания и отчаяния, ведет поэта к постижению и обретению родины и собственной идентичности неотделимой от идентичности его народа. В современной культуре Алтая образ пути, восходящий к традиционным мифо-поэтическим концепциям кочевников, символизирует целостный

[25] Укачин 1986, 70.
[26] Фонякова 1982, 111.
[27] Церенов 2007.

многомерный мир, с его прошлым, настоящим и будущим в единстве природы, человека и общества.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин А. В. 1924: Материалы по шаманству у алтайцев. Л.

Дыренкова Н. П. 1947: Материалы по шаманству телеутов. Л.

*Каруновская Л. Э.*1926: Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. МАЭ. Л., 19–36

Кляшторный С. Г. 1977: Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. М., 134–136

Короглы Х. Г. (отв. ред.) 1998: Шорские героические сказания. Новосибирск.

Кучияк П. 1940: Ойротские народные сказки. Новосибирск.

Липец Р. С. 1984: Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.

Львова З. Л., *Октябрьская И. В.*, *Сагалаев А. М.*, *Усманова М. С.* 1988: Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск.

Львова Э. Л., *Октябрьская И. В.*, *Сагалаев А. М.*, *Усманова М. С.* 1989: Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск.

Октябрьская И. В. 1997: Сравнительный анализ традиционных картин мира Севера и Юга // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 68–77.

Паслей Самык 1989: Солнечный дождь. М.

Потанин Г. Н. 1915: Этнографические сборы А. В. Анохина // Труды ТОИС. Томск, 100–104.

Потапов Л. П. 1977: Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Л., 175–176.

Романенко Т. В. (ред.) 1997: Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин». Новосибирск.

Сагалаев А. М., *Крюков В. М.* 1991: Г. Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск.

Славнин В. Д. 1991: Архаика в духовной культуре кумандинцев: Вселенная и человек, время и календарь // Методы реконструкций в археологии / А. П. Деревянко (ред.), Новосибирск, 195–196.

Суразаков С. С. 1961: Героическое сказание, о богатыре Алтай-Буучае. Горно-Алтайск.

Тенишев Э. Р. 1961: Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков / Е. И. Убрятова (ред.). М., 232–233.

Укачин Б. 1986: Поступь времени на земле. М.

Фонякова И. (пер.) 1982: Горы и звезды. Лирика Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Церенов В. 2007: Светлолицый воитель Алтая. К 60-летию Бронтоя Бедюрова // Сибирские огни. Электронный ресурс. — [Режим доступа]. http: // magazines.russ.ru/sib/2007/4/ce12-pr.html

Чевалков М. В. 1990: Памятное завещание. Горно-Алтайск.

© 2012

В. А. Бурнаков

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ В САКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХАКАСОВ*

Реалии нашего времени характеризуются, с одной стороны, процессами глобализации и культурной унификации, а с другой — стремлением этнических культур сохранить свою уникальность и неповторимость. Для хакасов, как и других коренных народов Сибири, остро стоит вопрос сохранения традиционных ценностей и в целом — историко-культурного наследия. В Республике Хакасия ключевыми символами в этом процессе выступают каменные изваяния, в том числе широко известное среди хакасов каменное изваяние *Улуғ Хуртуях Тас* (*«Великая каменная бабушка»*). Научный и общественный интерес к данному вопросу огромен.

Традиционно в культуре хакасов значительное место отводилось отдельным камням и каменным изваяниям, относящимся к различным историческим эпохам, начиная от II тыс. до н.э. и заканчивая VI–XIII в. н.э. Как правило, они устанавливались в межгорных котловинах и по долинам рек. Как правило, это были не очень большие по площади степные долины с панорамой на величественные, почитаемые горы.

Каменным изваяниям — *Иней тас*, а также менгирам — *кӱзе* (*обаа*) устраивали жертвоприношения. Известный исследователь Н. Ф. Катанов в конце XIX в. сообщал о том, что хакасы «почитают их как своих предков и мажут им рот маслом и сметаной»[1]. Согласно хакасскому фольклору, памятники *кӱзе* представляют застывших в камне богатырей, души которых стали или звездами на небе, или горными духами на земле. Поэтому их именовали «*алып кӱзе*» — богатырские обелиски.

Стелы, изображающие фигуры людей, также называли *иней-тас — «бабий камень», апсах тас — «старик-камень», хыс- кӱзе — «девичий обелиск», ӧрекен тас — «старуха-камень», хуртуях тас — «старушечий камень»*[2].

Среди почитаемых каменных изваяний наиболее ярким является «*Улуғ Хуртуях Тас*». Особое отношение народа к этому сакральному объекту привлекало внимание многих исследователей. Первым же из них, кто обнаружил и описал этот священный камень, был знаменитый немецкий ученый-натуралист Д. Г. Мессершмидт, побывавший в Хакасии в XVIII в. В его дневнике имеется запись, упоминающая *Улуғ Хуртуях Тас*, датированная 18 августа 1722 г.: *«Она иссечена из серого песчаника и косо врыта землю. Сзади на спине висит толстая коса, какую*

Бурнаков Венарий Алексеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: venariy@ngs.ru

* Работа выполнена в рамках проектов РГНФ № 12–01–00199 а «Священные места славянских, тюркских, финно-угорских народов в культурном пространстве Западной Сибири. Типология и сравнительный анализ (конец XIX — начало XXI в.)» и ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

[1] Катанов 1893, 539.

[2] Бутанаев 2003, 193–195.

еще и теперь носят калмыцкие и татарские женщины. Надписи на статуе не видно. Языческие ис-бельтирские татары (хакасы. — В. Б.*) оказывали ей большое почтение; каждый из них три раза ездил вокруг нее и по совершении этой церемонии приносил ей в жертву часть своего провианта или клал ей пищу у подножия под траву, с тем, чтобы она могла питаться ею сообразно своему аппетиту. На вопрос мой: почему они думают, что этот безжизненный камень заслуживает такого почета, и неужели они не видят, что жертва их потом съедается хищными птицами, лисами и т.д., они отвечали, что, по словам предков их, эта Куртуяк была важная матрона и Кайра-ханом или всемогущим богом превращена в камень и что они в память ее оказывают ей этот почет, хотя полагают, что иногда жертву их поедают хищные птицы. Я не умел решить вопроса, не слышали ли эти народы, по преданию от евреев, о превращении жены Лота в столб сланный, или не были ли эти народы в Великой Татарии остатком исчезнувших израильских племен, как это уже предполагали многие из наших европейских ученых; с своей стороны я никаких дальнейших предположений высказать не могу»*[3].

Не менее ценные сведения об *Улуг Хуртуях Тас* представил другой известный исследователь — П. С. Паллас, посетивший эти места в 1771–72 гг. Ученый представил более полное описание этого изваяния: *«На несколько сот сажень от оного камню к западу находится могила оставленная большими плитами, и окладенная многими другими могилами, которая имеет у себя один толстый и брюшисто окруженный, к низу уже, а к верху завостреной, вышиною в человека врытый брус, которой острою своею верхушкою и высеченною стороною стоит к востоку и при том наклоном к могиле. К вострому его концу имеется чрезвычайной величины женский образ, гораздо больше и яснее вырезан, нежели на прежних каменьях, рот разиня, так как обыкновенно каменосеки на фигурках для украшения представляют, однако все уже обветшало. На брюхе камня на той самой стороне проведены поперек некоторые черты и красивые кривые росписи. Оной брус называется у здешних языческих Татар Куртеяк таш (бабей камень) или Улу-Куртеяк (великая Баба). Оне когда осенью походят за промыслом соболей, то молются с благоговением ему о щастии, и при молитве помазывают отверстый рот жиром, или вкладывают в него несколько масла»*[4]. Стоит отметить, что П. С. Паллас первым из ученых отметил факт почитания *Улуг Хуртуях Тас* в целях получения счастья и удачи в промысловой деятельности.

О сакральном камне, его религиозных функциях, а также о поклонении ему в XIX в. писал Г. Спасский. Его материалы дополнили и уточнили сведения предыдущих исследователей: «*Гранитный камень, именуемый на языке кочующих на Саянских степях народов куртьяк таш (старуха камень). Он поставлен на довольно обширном кургане, на равнине, ограничиваемой с полуденной стороны рекою Абаканом, в Енисей впадающею, а с прочих сторон невысокими глинистосланцевыми холмами и состоит из бруса, имеющего на остром верхнем конце безобразно высеченное очертание женского лица. Кочующие оказывают сему истукану уважение и отправляясь на звериный промысел, а иногда и проезжая только мимо чтят его разными приношениями, как то: кладут в отверстый рот исту-*

[3] Цит. по: Радлов 1989, 432.
[4] Паллас 1788, 501–502.

кана: масло, табак и проч. Вокруг кургана, на коем находится сей истукан, стоят еще несколько необработанных плит»[5]*. Материалы Г. Спасского, к сожалению, без ссылок на него позднее были включены статским советником И. Пестовым в его книгу «Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г.»*[6].

Более расширенные данные об *Улуг Хуртуях Тас* с привлечением фольклорного материала обнаруживаем в этнографическом исследовании И. П. Корнилова: *«На узкой и длинной долине реки Абакана, стесненной с обеих сторон цепями гор, между множеством старинных могил неизвестного времени и народа, обозначенных огромными вертикально врытыми камнями, возвышается большой и безобразный каменный истукан, изображающий женщину и называемый "Улу-Куртеяк" — Великая старуха. — Отправляясь на звериный промысел или проезжая мимо, инородцы подходят к нему с поклонами, обливают его молоком, "аракою", — вином, перегоняемым из молока, — а выпуклое, грубо изваянное лицо истукана с отверзлым ртом, обмазывают сметаною и салом, с таким усердием, что рот ненасытной старухи почернел от жирного слоя. Если охота была неудачна, то некоторые, в негодовании от обманутых ожиданий, наказывают истукана плетью или палками. Каменная старуха, по рассказам инородцев, жила целые века в мире и согласии с супругом своим, таким же каменным болваном. Они прижили сына и дочь. Вдруг, на старости лет, супруги поссорились и развелись. Старик остался за Саянским хребтом, в китайских пределах, а старуха с детьми переселилась в реку Абакан. Старуха и теперь невредима, ибо ее оставили в покое; но детям ее не посчастливилось: любители старины вырыли обоих и перенесли в Сагайскую думу. Дочь поставлена против церкви и служит коновязью; мальчишки, резвясь, исколотили и истерли бывшие на камне иссечения; сын был выше сажени; но у него отбит нижний конец почти на аршин; эта каменная колода валяется ныне возле дома купца Г. М. Ан… На одной из безлесных гор, возвышающихся против Улу-Куртеяка, очень ясно виден каменный гребень, вырезавшийся из недр горы на поверхность; он кажется издали дорожкою, нисходящею от вершины горы к ее подошве; инородцы уверяют, сто старуха шла с детьми по этой горе, и каменная дорожка — след ее шагов»*[7]. Опубликованные материалы И. П. Корнилова об этом священном камне позднее были использованы князем Н. А. Костровым в его «Очерках быта минусинских татар»[8].

Информативные сведения о культе каменных изваяний у хакасов, в том числе и *Улуг Хуртуях Тас*, а также описание способов их почитания встречаются и в работе А. А. Кропоткина «Саянский хребет и Минусинский округ». Исследователь отмечал, что местные жители «*оказывают им знаки уважения: мажут им рот сметаною, выколачивают в честь их пепел трубки и т.п. На камнях бывают изображены солнце, звезды, люди, верблюды и проч.*»[9].

Выдающийся ученый, академик В. В. Радлов, изучая культуру, быт и языки тюркских народов Сибири, также обратил внимание на широкое распространение у хакасов культа *Улуг Хуртуях Тас*. Он описал каменное изваяние и сопровождаю-

[5] Спасский 1818, 22–23.
[6] Пестов 1833, 69–70.
[7] Корнилов 1851, 16–17.
[8] Костров 1884, 230.
[9] Кропоткин 1895, 49.

щую его мифо-ритуальную практику. Исследователь сообщал: *«Куртуяк-тас (Камень старухи), как его теперь называют абаканские татары (хакасы — В. Б.). Он находится близ устья реки Аскыс, на Абакане, и стоит около квадратного погребения с огромной каменной оградой. Камень имеет форму почти четырехгранной призмы, очень грубо обтесан, и только его верхний конец является изображением человеческой головы. Лицо сделано превосходно и отчетливо передает черты старухи, несмотря на то, что резкость черт в значительной степени сглажена выветриванием. Население до сих пор оказывает этому изваянию известные почести. Ему приносят жертвы, смазывая камень жиром»*[10].

Из современных исследователей, глубоко занимавшихся изучением феномена каменных изваяний в культуре хакасов следует выделить В. Я. Бутанаева. В его монографии «Бурханизм тюрков Саяно-Алтая» была рассмотрена культовая практика хакасов, связанная с *Улуг Хуртуях Тас*[11]. Кроме того, совместно с И. И. Бутанаевой им были опубликованы оригинальные фольклорные материалы, в том числе, касающиеся рассматриваемого каменного изваяния, собранные в ходе многолетних полевых исследований[12].

Представленный обзор свидетельствует о том, что на протяжении более чем трех столетий феномен сакрализации хакасами каменного изваяния *Улуг Хуртуях Тас* привлекал к себе внимание многих ученых. Однако стоит признать, что полученные ими сведения все же имели фрагментарный и отрывочный характер. Слабо изученным остается анализ места и роли *Улуг Хуртуях Тас* в традиционной религиозной системе хакасов. Недостаточно полно представлен фольклорный материал по проблеме. Введение в научный оборот новых материалов по данному этнокультурному явлению и его анализ позволяют в некоторой степени восполнить образовавшиеся лакуны.

В ходе архивных поисков в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (далее МАЭ РАН) в рукописи Н. С. Тенешева «Хакасские легенды» (Ф. 5. Оп. 6. Д. 20) были обнаружены уникальные материалы, касающиеся *Улуг Хуртуях Тас.* Они были записаны исследователем в 1950-х гг. в Аскизском и Таштыпском р-х Хакасии. Для данной работы набольший интерес представляет текст «Хуртуях Тас или Тас Иней», датированный 16-29 июля 1957 г., записанный на тетрадных листах на хакасском языке, он сопровождается авторским переводом.

Фольклорно-этнографический материал был записан от следующих информантов: Максима Владимировича Торбостаева, 1867 г. р., в пос. Сартак Аскизского р-на; Чигоя Сандыкова, 1863 г.р., с. Перевозная Аскизского р-на; Чапрах Уксековой, 1862 г.р. с. Карагай Таштыпского р-на; Еремея Аф. Сыргашева, 1865 г.р., с. Хызыл Суғ Таштыпского р-на.

Важнейшим в плане достоверности полученных сведений явилось то обстоятельство, что в качестве его информантов выступили носители традиций, прекрасно знавшие обычаи и фольклор своего народа. Труд Н. С. Тенешева был структурирован следующим образом: в первой части излагается непосредственно текст мифа, во второй — дается описание ритуальных практик и обстоятельств, при которых они совершаются. Приводятся тексты шаманских молитв-обраще-

[10] Радлов 1989, 432.
[11] Бутанаев 2003, 192–200.
[12] Бутанаев, Бутанаева 2008, 143−144; Бутанаев, Бутанаева 2010, 72−73.

ний к *Улуг Хуртуях Тас* в авторском переводе. Данный архивный материал в научный оборот вводится впервые.

Согласно повествованию, в незапамятные времена в верховьях р. Абакан на горе Ах-Тасхыл жили два могучих богатыря. Они были супругами. Мужчину звали *Ах-Хулун («Белый жеребенок»)*, женщину — *Ай-Арыг («Чистая Луна»)*. Однажды они увидели, как гибнут и страдают простые люди от грозных и своенравных рек Абакан и Таштып. Богатыри, сжалившись над людьми, решили им помочь. Требовалось прорыть по прямому пути новые русла для Абакана и Таштыпа. При этом с водных путей необходимо было убрать крупные камни, образовавшие труднопроходимые пороги. Кроме того, в долинах этих рек нужно было создать хорошие луга с сочными травами, пригодными для скотоводства и земледелия. На возвышенности было задумано сотворить богатые лесные массивы, где бы обитало множество зверей и птиц. *Ах-Хулун*, спускаясь с верховьев Абакана, стал прорывать его новое русло, попутно удаляя множество ненужных рукавов этой реки. *Ай-Арыг* же приступила к работе с верховьев реки Таштыпа. Прорывала для нее новое русло. Богатыри договорились соединить эти реки у горы *Пис таг* (у с. Усть-Таштып). Когда богатырь *Ах-Хулун*, очистив и воссоздав новое русло Абакана, дошел до условленного места, то обнаружил, что *Ай-Арыг* опередила его. Она, увлекшись работой и не дожидаясь мужа, продолжила прокладывать новое русло Таштыпа. И ушла дальше вниз. *Ах-Хулун*, поднявшись на гору *Пис таг*, стал внимательно рассматривать верховье р. Таштыпа, откуда шла *Ай-Арыг*. Он обнаружил, что его супруга в спешке не создала хороших лугов с сочными травами. На таштыпских горах было мало богатого леса, пригодного для охоты. *Ах-Хулун*, увидев это, сильно огорчился. Богатырь спустился с горы и поспешил за *Ай-Арыг*, продолжая проделывать новое русло Абакану. *«Богатыркой рожденная Ай-Арыг»,* пробивая новое русло р. Таштыпу, наконец соединила Таштып с Абаканом около селения *Тиректер аалы* (*«Тополя»*), расположенного выше с. Бельтыры. Здесь же *Ай-Арыг* стала дожидаться мужа. Вскоре прибыл *Ах-Хулун*. При встрече с женой с досадой и укором сказал ей: *«Ты направила течение р. Таштыпа по новому руслу — это очень хорошо для народа. Но только мало создала удобных лугов и открытых пространств. Жителям этой долины оставила мало земель для выпаса скота. В таежных местах сотворила недостаточно растительности и хвойных лесов, чтобы там обитало множество зверей и птиц. Для жителей долины мало создано охотничьих угодий. Хотя ты и богатырка, но для народа тобою сделано мало пользы. Свою богатырскую силу ты не смогла в полной мере и с пользой для народа применить»*. После этих слов *Ах-Хулун* отправился обратно в верховья р. Абакана, оставив в одиночестве *Ай-Арыг* на этой земле. Идя вверх по Абакану, немного не дойдя до устья р. Арбаты, богатырь превратился в невысокую скалу, одиноко стоящую среди лесного массива. *Ай-Арыг* же вскоре отправилась вслед за супругом. Остановившись у горы *Хан-Хула Хая* (около улуса Перевозная У-Есинского с/совета), поднялась на ее вершину. Богатырка стала всматриваться в таежные просторы верховьев Абакана. Вскоре она увидела мужа, превратившегося в скалу, стоящую в долине левого берега Абакана. *Ай-Арыг* завопила от горя и стала причитать и проклинать: *«Зря обиделся на меня, мой супруг, Ах-Хулун. Обидевшись, ты покинул меня, одинокую бросил на чужой стороне. Тебе в разлуке со мной не суждено было долго жить. Ты на своем пути превратился в голую скалу*

среди густых березовых и сосновых лесов. В ясные жаркие дни, пусть у тебя сохнет рот, а в дождливые дни, промокай в воде. Никто к тебе не придет. Никто тебя не будет поить водой. Никто тебя не будет кормить. Я же пойду и сяду возле большой дороги. Мимо меня каждый день будет проходить и проезжать множество народа. Все люди будут угощать меня разнообразной пищей. Кормить маслом и поить арагой (вином). Добрых людей я буду наделять счастьем (талан, ырыс). К скоту скот буду прибавлять. К людям людей буду прибавлять. Недобрых же людей буду наделять несчастьем и горем».

Ай-Арыг, сказав эти слова, спустилась с Хан-Хулахая и пошла вниз по Таштыпу. Остановилась у дороги, близ с. *Тиректер аалы,* и превратилась в каменную старушку, известную у хакасов под названием *Улуг Хуртуях Тас* или *Тас Иней*. С тех пор люди стали почитать *Улуг Хуртуях Тас*. Все проходившие или проезжающие мимо нее обязательно ее угощали. Рот и нос ее мазали маслом, жиром, брызгали на нее вино (арагу). Все люди просили у *Улуг Хуртуях Таса* благополучия в пути и успехов в делах[13].

В мировоззрении хакасов было распространено убеждение, что каменное изваяние *Улуг Хуртуях Тас* наделялось особой чудодейственной силой и было способно исполнять людские просьбы. Верили, что в нем сосредоточена сакральная энергия, которая может защитить от бед и обеспечить благополучие.

К *Улуг Хуртуях Тас* обращались в различных жизненных ситуациях. В традиционном сознании «каменная бабушка» с ее нарочито выделенным животом воспринималась в качестве символа плодородия. Она почиталась как одна из главных покровительниц женщин. Оплодотворяющую мощь этого изваяния подчеркивала его фаллическая форма. Священный камень в мироощущении хакасов воплощал собой двуединое божественную целостность, в которой гармонично сочетаются мужское и женское начала.

Согласно традиционной мифологии, в изваянии соединялись элементы человеческого и природного, и оно имело трансцендентный характер. При его анализе можно согласиться с мыслью М. Элиаде, изучавшего образ и функции священного камня в архаических обществах, и отмечавшего, что «его сила, его неподвижность, его размер и его странные очертания — ничто из этого не является человечным; они показывают присутствие чего-то, что чарует, ужасает, притягивает и угрожает, — все сразу. В его величии, его твердости, его форме и его цвете человек встречает реальность и силу, принадлежащие какому-то иному миру, нежели тот профанный мир, частью которого является он сам»[14].

Хакасы верили и по-прежнему верят, что *Улуг Хуртуях Тас* обладает особой духовной силой и способностью помогать людям в различных жизненных обстоятельствах. В первую очередь к ней всегда обращались и продолжают обращаться те женщины, которые страдают бесплодием. Молитву-обращение[15] к каменному божеству женщин по поводу бесплодия удалось записать Н. С. Тенешеву:

---

[13] Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Лл. 11–14 об.

[14] Элиаде 1999, 156.

[15] Записано со слов Чапрах Уксековой, 10/V. 1953 г. В свою очередь она лично услышала эту молитву-обращение от жительницы с. Карагай Таштыпского района по имени Тана, которая обращалась к Улуг Хуртуях Тасу в 1890-х годах (Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Л. 16 об.).

Стоящая возле большой дороги
И в долине большой реки,
Хан и повелитель всех женщин,
Хуртуях Тас, моя бабушка.
В долине Абакана
Нет старше тебя человека,
Нет старше тебя хана.
Если я подниму руку,
Пусть будет (іліг) угощение для тебя,
Если я открою пазуху,
Пусть будет для тебя (чачыг) угощение.
Я заколола белую ярку,
Привезла к тебе,
Угощаю тебя жирным мясом.
Ешь, угощайся жиром и мясом.
Пусть мое угощение
Идет на пользу твоему желудку.
Нос и рот угощаем маслом,
Рот и язык кормим жиром и мясом.
На земле у всех живых существ есть плод, есть дети.
У зверей и птиц дети тоже есть,
У скота дети тоже есть,
У насекомых дети тоже есть.
У человека дети тоже есть.
У меня несчастной, нет счастья на ребенка,
У меня нет плода, нет ребенка.
Все живущие на земле животные,
Хотя и не видят пользы от своих детей,
Однако живут на свете только ради потомства.
Если нет приплода, нет детей,
То у такого животного нет жизни.
Я, проливая слезы свои, прошу вас,
Моя старая бабушка,
Чтобы ты мне, бездетной женщине, дала ребенка.
Когда у меня нет приплода, ребенка,
То на свете у меня нет жизни[16].

В прошлом к *Улуг Хуртуях Тас* обращались не только женщины, но и мужчины. Обычно это происходило в тех случаях, когда они отправлялись за невестой, в том числе и с целью ее умыкания. Текст такой молитвы записал Н. С. Тенешев от непосредственного исполнителя этого обряда Чигоя Сандыкова, который в 1900-х гг. со своими родичами из улуса Перевозная У-Есинского с/совета отправился в соседний улус Бельтыры с целью карамчения (умыкания) девушки. В процессе обращения мужчины просили *Улуг Хуртуях Тас «держать открытым впереди лежащий путь», а «позади остающийся путь бронировать (хуйахтирга)»*. Вери-

[16] Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Л. 16 об.

ли, что в таком случае, запланированная акция пройдет успешно. Молитва имела следующее содержание:

Стоящая в долине большой реки,
Возле большой дороги,
Богатырка, Тас Иней!
Старше тебя нет никого
В долине реки Абакана!
Если я подниму руку,
Пусть для тебя будет угощение (іліг),
Когда я открою пазуху,
Пусть для тебя будет угощение (чачыг).
Голову настоящего хлеба (пищи)
Я привез в подарок тебе,
Не брезгай, принимай (угощает ее еще вином),
Маслом двурогого (т.е. коровы) угощаю тебя,
Не сомневаясь, бери.
Не брезгай, не серчай,
Ешь, пей то, чем Вас угощаем!
Человека, за которым мы специально едем,
Помоги привезти (т.е. просит помощи похитить девушку)[17].

У каменного изваяния отдельные мужчины также проводили ритуал, направленный на удачу в похищении лошадей у русского населения. Так, известный конокрад из с. База по имени Мухлай перед тем как отправиться со своими подельниками на эту акцию, так обращался к *Улуг Хуртуях Тас*:

Ты часовой большой дороги.
Ты старше всех, Тас Иней (т.е. Каменная Бабушка)!
Если я подниму руку,
Пусть будет угощение для тебя (іліг).
Если я открою пазуху,
Пусть будет угощение для тебя (чачыг).
Белым салом угощаю тебя,
Впереди стоящий мой путь,
Открыто держи,
Позади остающийся мой путь,
Бронируй кольчугой
До нашего возвращения.
Если мы будем гнать табун чалого жеребца,
Пусть петухи с красными гребешками,
Не кричат.
Русские с красными глазами,
Пусть не просыпаются.
Если мы будем гнать табун вороного жеребца,
Пусть петухи с черными гребешками
Не кричат,

[17] Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Л. 15 об.

Русские с зелеными глазами,
Пусть не просыпаются[18].

Как уже было отмечено ранее, большой популярностью каменное божество пользовалось у охотников, отправлявшихся на промысел. Они обращались к *Улуг Хуртуях Тас* с целью благополучной охоты, «угощали» вином и «кормили» маслом. От известного в тех местах охотника Е. А. Сыргашева Н. С. Тенешев записал текст молитвы для обряда, который проводился в 1925-1926 гг.:

Ты, часовой у большой дороги,
Ты старше всех людей,
Моя бабушка, Тас Иней.
В долине реки Абакана
Старше тебя нет человека.
Если я подниму руку,
Пусть до тебя доходит мое угощение (іліг),
Если я открою пазуху,
Пусть до тебя доходит мое угощение (чачыг).
Мы белым салом кормим тебя,
Пусть будет оно питательно для желудка твоего.
Впереди стоящий наш путь
Открыто держи.
Позади остающийся наш путь,
Бронируй кольчугой
До нашего возвращения.
Облегчи наш трудный, утомительный путь.
Задерживай ноги и крылья зверей и птиц[19].

Вера в сакральную силу каменного изваяния *Улуг Хуртуях Тас* была очень устойчивой. В советский период истории его востребованность у местного населения продолжала сохраняться. С 1954 г. памятник был увезен в Абаканский краеведческий музей. Через несколько десятков лет, в 2003 г. было принято решение вернуть *Улуг Хуртуях Тас* на свое исконное место в Аскизский р-н, в местность *Хамхазы*, где был организован музей.

Ныне «Каменная бабушка» пользуется огромной популярностью не только у хакасов, но и у представителей других этносов. Ни одна хакасская свадьба, проходящая как в окрестностях музея, так и в сопредельных районах, не обходится без посещения и поклонения *Улуг Хуртуях Тас*.

Можно констатировать, таким образом, что на протяжении более чем трех веков каменное божество *Улуг Хуртуях Тас* у хакасов имело высокий сакральный рейтинг. В традиционном сознании его образ сочетал черты культурного героя и божества плодородия. Мифологическое мышление, «очеловечивая» камни, на мифо-ритуальном уровне осваивало природное пространство.

В традиционном обществе одной из самых главных ценностей была жизнь самого человека, его потомства и всего рода. И не случайно, в подавляющем большинстве в камнях видили мифических женщин-прародительниц, обеспечивающих непрерывность и процветание жизни. На протяжении столетий эти камни

[18] Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Л. 15 об.
[19] Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Л. 17.

являлись сакральными символами неиссякаемой жизненной силы родной земли. Они являлись воплощением первопредков. *Улуг Хуртуях Тас*, как и подобает божеству, осозналась вне каких-либо рамок. Отсюда проистекала убежденность в ее чудодейственных свойствах, способных оказать помощь как женщинам, так и мужчинам, обращавшимся к ней в различных жизненных ситуациях, как несколько столетий назад, так и в наши дни. В наши дни образ *Улуг Хуртуях Тас* стал восприниматься в качестве одного из ключевых символов этнокультурного возрождения хакасов.

ЛИТЕРАТУРА

Бутанаев В. Я. 2003: Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан.

Бутанаев В. Я. 2003: Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан.

Бутанаев В. Я., *Бутанаева И. И.* 2008: Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан.

Бутанаев В. Я., *Бутанаева И. И.* 2010: Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. Абакан.

Катанов Н. Ф. 1893: Среди тюркских племен // Известия Императорского Русского Географического Общества. XXIX, 519-541.

Корнилов И. П. 1851: Очерки быта лесных зверопромышленных инородцев Восточной Сибири // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Т. 10, 16–17.

Костров Н. А. 1884: Очерки быта минусинских татар // Труды IV археологического съезда. Казань. Т. 1, 208-248.

Кропоткин А. А. 1895: Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. «Восточные окраины России. Восточная Сибирь». Т. XII. Ч. 1. СПб.

Паллас П. С. 1788: Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 3. СПб.

Пестов И. 1833: Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. М.

Радлов В. В. 1989: Из Сибири: Страницы дневника. М.

Радлов В. В. 1989: Из Сибири: Страницы дневника. М.

Спасский Г. 1818: О сибирских древних курганах // Сибирский вестник. 2, 22–23.

Элиаде М. 1999: Очерки сравнительного религиоведения. М.

© 2012

Г. В. Любимова, М. О. Бут, Д. С. Лугоненко

«САД КАК РАЙ». ПРАКТИКИ САКРАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ СИБИРИ

Одним из следствий социально-политических перемен последних трех десятилетий стало возрождение религиозности. Наряду с активизацией интереса к традиционным для России религиям возникли новые формы религиозной и духовной жизни. К ним относятся такие религиозные движения, как Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, Свидетели Иеговы и другие, в том числе новые религиозные движения (НРД) — Церковь Последнего Завета и движение анастасиевцев. Для них характерно и создание собственной идеологии, и обращение к характерным для традиционных религий сюжетам и темам. Одной из востребованных в контексте формирования идеологии и мифологии российских НРД является концепция рая.

При анализе ее современных версий, необходимо обратиться к истокам христианской традиции, в рамках которой сложились концепты «рай как сад» и «рай как град», занявшие важное место системе ценностей и картине мира Старого света.

Обе трактовки рая, известные в христианстве, основывались на библейских текстах. В ветхозаветном прочтении рай — это Эдемский сад; в Новом Завете рай предстает как град божий Иерусалим. Каждая из моделей («рай как сад» и «рай как град») получили самостоятельное развитие в историко-культурном развитии Европы.

В ветхозаветной традиции понятия «рай» и «сад» в ряде случаев отождествлялись и выступали как взаимозаменяемые. Если обратиться к тексту Ветхого Завета, то можно обнаружить, что слово «рай» как таковое в нем отсутствует. Ему же соответствует выражение «сад в Эдеме», «сад Господень» (Быт 2:8, 10, 15; 13:10)[1], что позволяет говорить о синонимичности этих понятий. Создание рая и «насаждение» сада выступают как тождественные понятия, являющиеся метафорами творения жизненного пространства, неотделимыми от создания человека как такового. Можно говорить о том, что рай и сад в Ветхом Завете изначально неразрывно связаны между собой, и сад является не метафорическим значением, а, скорее, конкретным его воплощением рая[2].

В созданном Эдемском саду были помещены первые люди. Вслед за Богом, выступившим в роли творца и, следовательно, первого садовника, «насадившего рай в Эдеме на востоке» (Быт. 2:8), первочеловеку было определено «возделы-

Любимова Галина Владиславовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: terra-gl@mail.ru

Бут Мария Олеговна — аспирантка Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: maria_but@mail.ru

Лугоненко Дарья Сергеевна — магистрант Новосибирского государственного университета. E-mail: lugonenko@gmail.com

[1] Бондарко 2003, 12.

[2] Бондарко 2003, 12.

вать» и «хранить» сад (Быт. 2:15), в котором, согласно писанию, Бог «произрастил всякое дерево «приятное на вид и хорошее для пищи» (Быт. 2:9). Среди них были «древо жизни» и «древо познания добра и зла». Согласно Божественной заповеди, человек мог «вкушать от всякого дерева в саду…» (Быт. 2:16). Запрет был наложен только на «древо познания» — вкушение его плодов грозило смертью (Быт. 2:17).

Таким образом, райский сад с одной стороны имел сугубо «утилитарную» функцию (был источником пищи для первых людей), а с другой — эстетическую, т.к. служил услаждение взора. Нахождение человека в райском саду было предопределено — он должен был ухаживать и возделывать сад и тем самым получать пропитание.

Сад был средством обеспечения их жизни и смыслом существования, выраженным идеей возделывания. Эдемский сад, будучи отправной точкой человеческого бытия, являлся тем местом, из которого происходила жизнь и из которого разворачивалось время-пространство[3].

Важной характеристикой образа сада в ветхозаветной традиции является его замкнутость. На наличие ограды как особого признака сада указывает, в частности, его этимология. Так, греческое «παράδεισος» происходит от древнеиранского «pari-daēza» — «отовсюду огороженное место». По этой же схеме образованы: английское «garden» — «сад» (от «guard» — «охранять; оберегать, защищать, ограждать»), французское «garder» (от «охранять; пасти скот»). Глубинное родство подобных представлений можно видеть и в одном из названий сада — «виноград», и в синонимичном — «огород»[4].

Отгороженность рая определяла его сущность. Райский сад изначально представлял собой закрытое пространство — некий ограниченный со всех сторон локус. Его утрата представлялась в виде изгнания за пределы сада, врата которого был поставлен охранять Херувим (Быт. 3:24). Известно, что и сам первочеловек был призван охранять Эдемский сад (Быт. 2:15). То есть райский сад предстает как некая ценность, то, что необходимо оберегать.

Со времени создания текстов Песни Песней образ «запертого сада» вошел в любовную лирику в качестве устойчивой метафоры невесты, обладание которой уподобляется обретению рая (райскому наслаждению). Сопутствующие этому образы мифологемы «заключенного колодезя» и «запечатанного источника» стали аллегорией девственности и непорочности возлюбленной Соломона: «Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник» (Песнь Песней 4:12).

Позднее, уже в Средние века, эти образы были широко освоены европейской культурной традицией. Образ «сада огражденного» (hortus conclusus) стал отождествляться с Девой Марией и ее непорочностью, что послужило основой для популярного сюжета «Богоматерь в розовом саду» / «Богоматерь заключенная». Сад, будь то рай Эдемский или «сад заключенный», являлся воплощением святости и нуждался в защите. Во всех трех приведенных сюжетах обращает на себя внимание связь образа сада и мотивов невинности и чистоты.

Защищенность и отгороженность изначального сада делали свободным его от стандартов внешнего мира — пребывание первых людей в райском саду не было

[3] Бондарко 2003, 14.
[4] Лихачев 1991, 25.

обременено культурными условностями; они еще не были отделены от природы. Эдемский сад был пространством, где было неактуальным понятие стыда — чувства по своей природе социального, напрямую связанного с культурой. Нагому человеку, пребывающему в Эдеме наряду с другими природными творениями, культура была незнакома. Следствием изгнания из рая стало осознание человеком собственной наготы как чего-то постыдного и греховного.

Если сад в Ветхом Завете — это творение божье, то город — творение человеческое. Первый город был построен Каином — человеком падшим (Быт 4:17). Это рождало негативную оценку градостроительства; город представал суррогатом утраченного райского блаженства.

В Ветхом Завете образ сада был символом мира в его изначально совершенном состоянии, универсальным символом начального времени или времени космогонии. Когда время Творения было завершено и началось время историческое[5], мир утратил первозданное состояние: Адам и Ева были изгнаны из Эдема. Именно на этом «переломе времен» возникла тоска по «раю утраченному». Со временем она стала одной из составляющих мифологемы «рай как сад». В европейской христианской традиции образ райского сада стал предметом ностальгии, обращенной к прошлому, символом идиллического существования, лишенного хаоса и греха.

В основе концепции «рая как града небесного» лежал образ Града Божьего Иерусалима из новозаветного текста «Откровения» Иоанна Богослова. Дальнейшее обращение к образу рая в период Средневековья и Нового времени было тесно связано с развитием идеи прогресса. Связь с новозаветным прототипом обнаруживалась в таких урбанистических утопиях эпохи Возрождения, как «Город Солнца» Томазо Кампанеллы или «Христианополис» Иоганна Андреэ. Создание концепции города счастья являлась попыткой человека, изгнанного из рая, обрести его вновь.

Консервативная по своей сути, ветхозаветная концепция «рай как сад» была ориентирована на поиск спасения в прошлом, ушедшем (ветхом) времени и формировала идеализированное восприятие «не оскверненной культурой» природы — идеологию социального натурализма. Напротив идея «рая как града» была устремлена в будущее. Открытая всему новому эта концепция опиралась на идею прогресса как способа спасения и провоцировала идеализацию человеческой цивилизации в целом[6].

Христианство, являясь одной из доминант развития европейского и шире евразийского культурного пространства, оказало определяющее влияние на формирование многих этнических (этно-конфессиональных) картин мира. Мифологема «сад как рай» получила свое развитие и осмысление в русской культуре, пронизанной идеями, концептами и образами народного православия. Образ сада был адаптирован к русской традиции и получил в ней дальнейшее развитие.

Наиболее ярко и всесторонне образ сад был представлен в русской свадебной обрядности. Символическое значение ключевого момента предвенечного этапа свадьбы — прощания невесты с «девьей красотой» — определялось ее переходом в новый социовозрастной статус и новый семейный коллектив[7]. Подробно в лите-

[5] Дружиненко 2003, 88.
[6] Иванова 2003, 132.
[7] Любимова 2004, 66.

ратуре рассмотрены разнообразные формы предметного воплощения «красоты», так или иначе связанные с девичьей прической или головным убором. В их числе были символы, восходившие к образу дерева[8]. Это могло быть либо настоящее деревце, украшенное бусами, цветами и лентами, либо предметы, являвшиеся его символами — ветка, веник и даже обычная палочка[9].

Обычно свадебное деревце сооружали из вечнозеленых пород деревьев, таких как ель, сосна или пихта. Однако в ряде случаев его изготавливали из плодовых деревьев — вишни, яблони, сливы и др. В цикле песен, относящихся к предвенечному этапу свадьбы, обращает на себя внимание сравнение невесты с «вишенкой в саде» или «яблонькой», явно отсылающее к символике зрелости и плодоношения. Образ цветущего сада выступал в роли своеобразного двойника девушки, и олицетворял молодость, полноту жизненных сил и физическую зрелости невесты.

Тот же мотив получил развитие в обряде «посада», когда происходило окончательное прощание невесты с «красотой». В обрядовой практике украинских переселенцев Сибири при сажании невесты за стол фигурировало маленькое деревце (украшенная цветной бумагой и лентами елочка — *«елец», «ельчик»*), которое в начале обряда обходили вокруг трижды: *«Девку садили на посад, коло елец у ней стоял»*, а девки со свашками пели: *«Край стола елочка стояла, / Под той елкой Нюрочка сидела, / Да гостей чествовала, / Пейте вы, гости, гуляйте, / Да тольки мине не берите, / Я у мамочки една, една / Да як ружа в городе, / Да як вишенка в саде…». «Когда невесту со двора увозили, тогда и елец со стола снимали»* (с. Петропавловка, Маслянинский р-н Новосибирской обл.)[10]. Наличие на столе украшенного деревца позволило Т. А. Бернштам связать название «посад» не только со словом «садить», но и с понятием «зеленого сада», «рая» — местом рождения и смерти девичьей души[11].

Понятие «красоты» в традиционной лирике сибирской свадьбы оценивалось как некая принадлежность семьи (всего рода-племени)[12]. В свадебных причитаниях невеста говорила о том, что отдаст *«свою девью красоту / По сестрицам да по подруженькам, / По всему да роду племени»*[13]. Все это подчеркивает принадлежность «красоты», с одной стороны, к девичеству как возрастной группе, а с другой — к освоенному пространству семьи, противопоставляемому «чужому» пространству жениха.

Вне зависимости от формы предметного воплощения «красоты» в свадебной лирике она предстает как некая живая сущность. «Красота» может быть «посажена» в сад, или «отлететь» «на деревце в зелен сад»[14]. Путь «красоты», трактуемый обычно как путь в иной мир, представляет собой сложную траекторию[15]. Вначале «красота» отлетает за «горы высокие», «реки глубокие», «леса дремучие», «болота тонучие», затем поднимается вверх — «на самый крест», на «маковку божьей церкви», падет вниз — «на матушку сыру землю», и, наконец, прорастает «тра-

[8] Денисова 1995, 59, 94.
[9] Любимова 2004, 70.
[10] Любимова 2004, 70, 75.
[11] Бернштам 1982, 58-60.
[12] Байбурин 1993, 70.
[13] Путилов 1981, 46.
[14] Гусев 1973, 220.
[15] Любимова 1998, 439-443.

вой-муравой», расцветает «цветами лазоревыми» и созревает «черной ягодкой-смородинкой»[16]. Таким образом, сад оказываются тем местом, куда возвращается «красота» и где происходит происходит полный цикл ее перевоплощений.

Именно в свадебном ритуале отчетливо проявляется образ сада как убежища. Прибытие свадебного поезда во главе с женихом в дом невесты воспринимается и описывается в категориях нападения, захвата, взлома, которым полагается оказывать условное сопротивление[17]. В обряде актуализируется символы ограды и тына; а сад, принимающий часть «красоты», выступает своеобразным заграждением, крепостью, отождествляемой с девичьей невинностью и чистотой.

Поскольку образ сада в свадебной обрядности символизировал добрачную жизнь девушки от момента рождения, до смерти ее девичьего «Я», до вступления в брак, он являлся символом счастливого, беззаботного бытия «под волей батюшкиной, негой матушкиной». Прощаясь с «красотой», девушка расставалась с прежней жизнью, родительским домом, садом — на уровне ритуальной парадигмы происходило «изгнание из рая».

Образ сада в фольклорно-этнографической традиции будет неполным, если не упомянуть о символике плодового дерева в славянской традиции. Будучи частью сада, плодовые деревья, как показала Т. А. Агапкина[18], аккумулируют целый спектр преставлений, для которых конкретная природа фруктового дерева не имеет значения. Особое место плодового дерева в русской традиционной культуре обусловлено его исключительной близостью к человеку. Фруктовые деревья и сад в целом, безусловно, принадлежат культурному пространству, возделанному и облагороженному человеком. Они отделены от внешнего мира физической границей (забором) и выступают как часть освоенной (родовой) территории.

В рамках данной модели происходит отождествление человека и сада, человека и дерева. В жизни фруктового дерева, как и в жизни человека, акцентируются моменты рождения и смерти, периоды расцвета, плодоношения и увядания. В мифоритуальной сфере и сад, и фруктовое дерево нередко выступают в роли своеобразного двойника человека. В классической работе А. Н. Афанасьева приведены многочисленные примеры этой символической взаимосвязи: ребенка приобщают к энергии роста, свойственной фруктовому дереву; бесплодная женщина «заимствует» у дерева способность к плодоношению и пр.[19].

Фольклорные и этнографические материалы показывают также, что территория сада выступает как пограничное пространство, о чем свидетельствуют обычаи закапывать в саду детский послед, или выливать под садовое дерево воду, в которой купали новорожденного[20]. Послеродовые ритуалы, подчеркивает А. К. Байбурин, совершались по схеме погребального обряда: послед обмывали, «одевали» (заворачивали в чистую тряпку) и снабжали продуктами (хлеб, зерно, яйца)[21]. К этому же семантическому кругу в славянской традиции относился обычай хоронить в саду под деревом некрещеных или мертворожденных детей,

[16] Путилов 1981, 47-56.
[17] Байбурин 1993, 191.
[18] Агапкина 1994, 84.
[19] Агапкина 1994, 86, 87.
[20] Агапкина 1994, 95.
[21] Байбурин 1993, 42.

а также так называемых заложных покойников[22] , сажать на могилах плодовые и вечнозеленые деревья[23].

В религиозно-обрядовых практиках русских сад, таким образом, выступал как маргинальная территория, обозначающая подвижную границу своего и чужого миров. Сад был символом потустороннего мира, или входа в него. Кроме того, в саду была высока вероятность встречи с разного рода «нечистью» — существами, обитающими в потустороннем мире. Именно в таких ситуациях сад проявлял себя как место контакта обитателей двух миров.

Анализируя маргинальную позицию сада, можно согласиться с мнением И. И. Свириды[24] о том, что образ сада разными способами был соединен с образом arbor mundi и благодаря этому соотносился с подземным, земным и небесным миром, с макрокосмом и микрокосмом.

Подобные смысловые коннотации, возникающие в народном православии, в традиционной обрядности и в символическом строе русской литературы, формировали широкий контекст образа сада в русской традиции. Он трансформировался от эпохи к эпохе, от монастырской, крестьянской, усадебной культуры к культуре дачи.

Новое прочтение образ сада приобрел в России конца XX — начала XXI в., когда глобальный экологический кризис, политические и социально-экономические преобразования актуализировали проблему личного хозяйства, «родовой территории», «места спасения». Интерес к жизни на земле и ее возделыванию сопровождался духовными поисками.

Мировая тенденция создания экопоселений проявилась в стране в конце 1980 — начале 1990-х гг. С начала 1990-х гг. ряд сельских районов России, в том числе Сибири, стали местом проведения религиозных экспериментов. Ориентированные на поиск альтернатив техногенной цивилизации участники НРД проповедовали исход из больших городов в сельские коммуны и построение на их основе экопоселений. В настоящее время их численность в России составляет около двух сотен[25].

Тенденция к дезурбанизации в массовом сознании опиралась на представление о том, что перманентную стабильность в условиях кризиса может обеспечить только крестьянское хозяйство, собственное подворье, сад[26].

Апелляция к традиционным для христианства и народного православия сюжетам, характерная для российских НРД экологической направленности, сочетается с сайентификацией в духе эколого-экуменистких идей. Вместе с тем обусловленная распадом советской системы «неопределённость» российского общества в конце XX — начале XXI в. способствует актуализации эсхатологических настроений.

В центре эсхатологических ожиданий экологически ориентированных НРД находится предшествующий концу света период бедствий, который может различаться по длительности, но наиболее драматичный его момент соотносится с

[22] Агапкина 2002; Байбурин 1993.
[23] Агапкина 1994, 95.
[24] Свирида 2007, 310.
[25] Кулясов 2004, 3.
[26] Виноградский 1996, 11.

настоящим временем. Как отмечает М. В. Ахметова, чем острее эсхатологические настроения, тем больше образы Апокалипсиса интерпретируются сквозь призму современных реалий[27]. Подобный тип восприятия и соответствующая модель поведения, названные А. А. Панченко эсхатологическими, предполагают необходимость радикального изменения привычного образа жизни[28].

Подобная идеология определяет содержание духовных откровений основоположника Церкви Нового Завета — Учителя Виссариона (в миру — С. А. Тороп), которые впервые были изложены в публичной проповеди в 1991 г., а затем обобщены в нескольких томах Последнего Завета. Церковь Последнего Завета стала одним из самых крупных в Сибири неорелигиозным учением. Заповедный участок тайги в районе озера Тиберкуль был объявлен территорией, обладающей особой «духовной аурой», а вся Сибирь — «единственным на земле местом», сохранившим «безграничное море нетронутого леса», и потому — способным принять огромное количество людей для формирования нового общества. Несколько полузаброшенных деревень Курагинского р-на Красноярского края, а также возведенная на горе Сухой «Обитель Рассвета», получившая статус «эконоосферного поселения», с середины 1990-х гг. стали местом реализации грандиозного замысла, суть которого заключалась в создании сообщества людей, живущих в согласии с законами природы и абсолютно свободных от негативных поступков и мыслей[29].

На базе общинного жизнеустройства предполагалось развитие малых производств, ремесел и народных промыслов, которые могли бы обеспечить экономическую независимость поселения от внешнего мира, в том числе от крупной промышленности, а также от состояния энергетических и дорожно-транспортных сетей[30].

Одним из важных принципов существования экопоселения была объявлена ориентация на ручной труд, принципиальный отказ от использования сельскохозяйственной техники и обработка земли с использованием тягловой силы животных. Считается, что техника, означающая «привязанность к миру денег», попирает достоинство земли и расслабляет работающего на ней человека. Земледельческий труд воспринимается при этом как акт очищения человека, ступень на пути его эволюции.

В основе принципов взаимоотношений человека с природной средой, изложенных в текстах Церкви Последнего Завета, лежат представления о том, что все сокровища Земли не в состоянии удовлетворить растущие потребности человечества. По этой причине необходимо бережно относиться к природным богатствам, использовать их только в тех случаях, когда это действительно необходимо для выживания человека, а если и брать что-то, то обязательно с благодарностью и возвращать с чистыми намерениями и бережным отношением. В противном случае человека ожидают природные катаклизмы.

Культурное освоение таежного ландшафта Восточных Саян с самого начала сопровождалось сакрализацией окружающего пространства и связанной с ней ак-

[27] Ахметова 2010, 14.
[28] Панченко 2003, 354.
[29] Любимова 2012, 144-146.
[30] Итоговые материалы 2-й Международной научно-практической конференции «Новое Сознание — Новый Человек — Новое Общество», 15-16 августа 2009 г., Красноярский край, Курагинский р-н, д. Петропавловка (личный архив Г. В. Любимовой).

туализацией мифологем «рай как сад» и «рай как град». Четко выраженная трехступенчатая структура экополиса служит неким подобием принятой в общине социальной иерархии. Нижний ярус — Обитель Рассвета — является местом расселения самых преданных и проверенных последователей Виссариона. В среднем ярусе — Небесной Обители — расположены жилища самого Учителя и его ближайших учеников. Наконец, верхний ярус, совпадающий с сакральным центром общины, отмечен Храмовой Вершиной, на которой регулярно проводятся богослужения. Отметим, что прежние названия обители (Новый Иерусалим, Город Солнца, Город Мастеров) отсылают не столько к ветхозаветному образу града как суррогату утраченного райского блаженства, сколько к новозаветному прочтению образа, а также урбанистическим утопиям эпохи Возрождения, устремленным в будущее и соотнесенным с идеей прогресса. Вместе с тем, виссарионовцы строят новое общество как альтернативу современному индустриальному обществу, а все, что оказывается за пределами их «ковчега», считается потенциальным объектом апокалиптических событий и эсхатологических ожиданий, что соотносится с негативным образом града в Ветхом Завете.

Разработанная идеологами Церкви Последнего Завета концепция спасения предполагает создание гармоничного сообщества, отказавшегося от достижений цивилизации и возвратившихся к патриархальной крестьянской жизни на земле. Ветхозаветная концепция «рай как сад» определяет личные деятельностные парадигмы последователей Виссариона. В их числе семья Владимира Романова — путешественника и садовода из Казахстана, который с 1994 г. обосновался в Сибири и на 25 сотках земли стал выращивать алматинские яблони, груши, вишни, черешни, сливы. Он был одним из первых поселенцев деревни Петропавловка. В его таежном саду зацвели розы, орхидеи; стали плодоносить жимолость, облепиха, ежевика; мечтой первопоселенца остались абрикосы[31].

Построение Нового Общества уподобляется последователями Виссариона «садовничеству» как в прямом, так и в переносном смысле. В итоговых материалах проходившей в общине в 2009 г. конференции сказано: «Мы должны понимать, что Общество Будущего невозможно построить, его можно вырастить в наших душах как особые очень добрые, нежные, родные отношения друг к другу… В этом «садовничестве», кроме желания вырастить в себе ростки новых качеств, нужны ещё и знания, как это правильно сделать… что должен делать человек в конкретных жизненных ситуациях, чтобы душа его расцветала, чтобы он был творцом Мира в отношениях с ближним»[32].

Цветущая земля и расцветающие на ней новые отношения людей являются высшей ценностью и смыслом жизни общинников из поселений Церкви Последнего Завета. Земля, как учит Виссарион, это гигантских размеров разумное существо, своего рода живой, чувствующий и реагирующий на внешние воздействия организм, проявляющий активное начало в тех случаях, когда человек причиняет ей боль. К ней нужно относиться, как к матери. Плоды, взятые у земли насильно, пустые — они «не несут силы» и, следовательно, не имеют для человека

[31] Селиванова 2007, 114.

[32] Итоговые материалы 2-й Международной научно-практической конференции «Новое Сознание — Новый Человек — Новое Общество».

пользы[33]. Почитание Земли определяет содержание новых ритуалов Церкви Нового Завета — Праздника Добрых Плодов (ежегодно отмечается в середине августа), а также аграрных культов.

Несколько иным по форме, но в то же время сходным по содержанию является учение о взаимоотношении человека и природы, возникшее в рамках движения «Звенящие кедры России» — движения анастасийцев. Его идеология связана с именем литературно-мифологического персонажа, героиня серии книг «Звенящие Кедры России», опубликованных во второй половине 1990-х гг. российским писателем и предпринимателем В. Мегре. Считается, что проживающая в глухом таежном уголке, на берегу Оби Анастасия обладает целым рядом сверхъестественных способностей — таких как дар провидения, способность общаться с животными и растениями. Владея тайными знаниями о законах Вселенной, она якобы открыла их В. Мегре, ставшему основателем движения за возрождение «родовых поместий».

Главную опору страны в условиях экономической нестабильности и мировых катаклизмов анастасиевцы видят в садоводах-дачниках, богиней и покровительницей которых и является Анастасия. Именно дачники, чья скромная и самоотверженная деятельность по производству «экологически чистого продукта» предполагает непосредственный контакт с землей, не дают свершиться экологической катастрофе, поскольку только «питающий» землю ручной труд способен возместить ущерб, наносимый земле техно- и антропогенным воздействием[34].

Вместе с тем, проживая в городе и подвергаясь его пагубному воздействию, дачники лишены возможности полноценной реализации единства человека и природы. По этой причине главное место в идеологии анастасийства занимает концепция садоводства, воплощенная в идею создания родовых поместий (усадеб) в сельской местности.

Так же как и адепты Церкви Последнего Завета, анастасийцы отрицают городской образ жизни и считают его губительным, вместе с тем они окончательно не обрывают связи с городом, продолжая ездить туда на работу и контактировать с горожанами, тем самым пытаясь «изменить город изнутри»[35] путем популяризации идей Анастасии и собственным личным примером.

Основная форма организации анастасиевцев — родовые поселения, включающие в себя определенное количество (от 2-3 до нескольких десятков) поместий. Каждое поселение носит автономный и независимый характер: хозяйственные и организационные вопросы (обустройство дорог, вывоз мусора и пр.) решаются путем договоренности владельцев.

Под определение родовой усадьбы попадает «участок земли для постоянного проживания семьи, размером не менее гектара, на котором семья с любовью может построить свой дом, посадить Родовое дерево, собственный лес, сад и огород, обустроить пруд»[36]. Таким образом, родовое поместье — это целый усадебный комплекс, направленный на достижение максимальной автономии и независимости от внешнего мира. Его компонентами являются жилой дом, огород, хозяй-

[33] Последний Завет 1996, 128-129, 142, 193, 195, 206, 208, 389.
[34] Мегре 1998, 243.
[35] Мегре 1998, 286.
[36] Карабинский 2005.

ственные постройки и сад, наделенный (помимо утилитарных функций) определенной родовой символикой. Именно в саду предполагается посадить родовое древо — символ «укоренения» на данной территории семьи и, следовательно, апроприации пространства.

Развивая идею «родового гнезда», анастасиевцы акцентируют связь поколений, объединенных понятием малой родины. Усадьба, по их версии, должна строиться «на века» и передаваться по наследству из поколения в поколение. Здесь всё должно напоминать о предках: «вышитая бабушкой скатерть, построенный прадедом дом, заложенная прапрадедом дубрава»[37]. А главным символом связи поколений является родовое древо, посаженное основателем поместья. Экологическая ориентация движения анастасийцев определяет смысл их аграрных практик: и земледелие, и садоводство, трактуются как процесс взаимообмена энергией человека и земли, как физическое и духовное самосовершенствовании.

Неотъемлемым элементом усадьбы становится живая изгородь, призванная отделить ее от негативного экологического воздействия внешнего (городского, индустриального) окружения. Таким образом, поместье анастасиевцев стремится к замкнутости от внешнего мира, обретению автономности и формированию своего собственного микромира ради формирования нового человека.

Образ поместья, аккумулирующий значение таких понятий, как «родной дом», «родовое гнездо» и пр., наделяется сакральным статусом, идеализируется и мифологизируется, что способствует его переходу в категорию духовных ценностей. Анастасиевские родовые поместья оказываются в рамках жесткой антитезы, где загородному поселению противостоит город, символизирующий разрушительное начало, приближающее конец света (подобно тому, как это описано в Ветхом Завете).

Важным компонентом идеи родовых поместий (как и классических усадеб) является сад, который трактуется в русле библейской мифологемы и отождествляется с садом Эдемским — ср.: «Что вернее: надеяться попасть туда [в рай] после смерти или [уже сегодня] начать сажать «райские» деревья?»[38]. В идеологии анастасиевцев сад становится олицетворением жизни; а человек, стремящийся к гармоничному единению с природой, уподабливается дереву, укорененному на родовой земле.

Идея воспитания нового человека, который сможет благополучно пережить глобальные катастрофы и построить свой «райский сад», оказывается созвучной идеям, соотносимым с образом сада в библейской традицией.

Поселенцы-анастасиевцы осваивают заброшенные сельские территории, покупают и строят в вымирающих деревнях дома. Они на практике пытаются реализовать ветхозаветную концепцию «рай как сад», апеллируют к прошлому как к источнику спасения, возвращаются к аграрным языческим культам и натуральному земледелию.

Идеология новых религиозных движений Сибири включает концепции, ориентированные на выстраивание нового социального и духовного универсума[39]. Воспроизведенные в них библейские мифологемы «рай как сад» и «рай как град»

[37] Мегре 1998, 243, 245.
[38] Карабинский 2005.
[39] Панченко 2003, 354.

ориентируется на образцы, представленные историческим христианством и народным православием.

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина Т.А. 1994: Южнославянские поверья и обряды, связанные с плодовыми деревьями в общеславянской перспективе // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 84-113.

Агапкина Т.А. 2002: Мифоэпические основы славянского народного календаря. Весеннее-летний цикл. М.

Афанасьев А.Н. 1896: Поэтические воззрения славян на природу. Т.2. М.

Ахметова М.В. 2010: Конец света в одной отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.

Байбурин А.К. 1993: Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.

Бернштам Т.А. 1982: Обряд «расставание с красотой» (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. Л., 58-60.

Бондаренко Н.А. 2003: Сад, рай, текст: аллегория сада в немецкой религиозной литературе позднего Средневековья // Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Simposium». 31, 11-30.

Виноградский В.Г. 1996: Российский крестьянский двор. Эволюция повседневного существования. Крестьянский семейный двор как субъект рынка: эволюция и перспективы развития // Мир России. Т. 5. 3, 3-76.

Голубкова О.В. 2009: Душа и природа: этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск.

Григорьева Л.И. 1999: Ушедшие в город Солнца // Наука и религия. 2, 14-16.

Григорьева Л.И. 2002: Религии “Нового века” и современное государство (Социально-философский очерк). Красноярск.

Гусев В.Е. (ред) 1973: Лирика русской свадьбы. Л.

Денисова И.М. 1995: Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М.

Дружиненко А.А. 2003: Сад и руина (тождественное различие двух символов и его архетипический исток) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 5, 86-94.

Иванова С.М. 2003: Рай как творческое состояние души // Образ рая: от мифа к утопии. Серия “Symposium”.31, 132-137.

Карабинский В. 2005: Что такое родовое поместье и почему поселение называется родовым? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rodoposelenia.ru

Кулясов И.П. 2004: Экопоселения на Северо-Западном Кавказе и в Горном Алтае: инициативы создания // Экопоселения в России и США. Труды ЦНСИ. Вып. 10, 3-34. СПб.

Лихачев Д.С. 1991: Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб.

Любимова Г.В. 1998: Образ дерева в свадебной обрядности старожилов и переселенцев Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск.

Любимова Г.В. 2004: Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX — начало XX вв. Новосибирск.

Любимова Г.В. 2005: Вопросы экологии в религиях «Нового века» (на материале сибирского региона) // Сибирь на перекрестье мировых религий. Материалы второй меж-

региональной научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, профессора НГУ Михаила Иосифовича Рижского. Новосибирск.

Любимова Г.В. 2008: Способы сакрализации пространства в современных предметной области экологической культуры религиозно-обрядовых практиках (на материалах сибирского региона) // ПИФК. 22, 554-566.

Мегре В. 1998: Родовая книга. Ростов-на-Дону.

Панченко А.А. 2003: Утопия “Последнего завета” // Отечественные записки. 3, 314-322.

Потанина Р.П. 1981: Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Новосибирск.

Пропп В.Я. 1934: К вопросу о происхождении волшебной сказки (волшебное дерево на могиле)// Советская этнография. 1-2, 128-151.

Путилов Б.Н. (ред.) 1981: Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Новосибирск.

Свирида И.И. 2007: Между sacrum и profanum: топосы сада // Категории и концепты славянской культуры. М., 308-325.

Селиванова Н. 2007: О доме Романовых, таёжных яблонях и орхидеях // Ваш Дом. 21, 114-116.

Трофимчук Н.А. (ред.) 1998: Новые религиозные культы, движения и организации в России. С ловарь-справочник. М.

Элиаде М. 2002: История веры и религиозных идей. Т. 1 От каменного века до Элевсинских мистерий. М.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2012

В. В. Дементьева

ПОИСКИ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА НА ДРЕВНЮЮ ИСТОРИЮ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МОДЕЛЕЙ Я. БУРКХАРДТА И ЭД. МЕЙЕРА*

Завершившееся первое десятилетие XXI в., на отрезке которого — как всегда в начале нового века (а тем более тысячелетия) — историки особенно интенсивно обсуждали дальнейшие пути развития своей науки, ознаменовано было стремлением к взаимопроникновению исследовательских сфер, до того существовавших относительно самостоятельно, что проявилось в междисциплинарности, методологической «всеядности», «глобализации» исследовательского поля и т.д. Видимо, не без влияния политических причин в Европе разрабатывалось направление “histoire croisée”, “gekreuzte Geschichte”, «пересекающейся истории» с ее транснациональными установками и методами компаративистики. Не обошли эти тенденции стороной, естественно, и изучение древней истории, — в числе прочего сильно выраженным стал призыв к преодолению имеющегося разрыва между изучением древневосточной и античной («классической», греко-римской) истории, особенно заметный в немецкой историографии, где эти сферы традиционно обособлены, и слово Althistoriker, «историк, занимающийся древностью», означает, что он изучает именно европейскую древность, а древневосточную изучает другой специалист –Altorientalist (и Alte Geschichte не содержит в себе понятия Alter Orient). В немалой степени материальные возможности Германии позволили им разбежаться по своим отдельным «квартирам» (хотя, естественно, что немецкие историки ищут причины этого в сугубо исследовательской плоскости). В российской науке, где в сознание специалистов с ранних лет внедряется объединяющее понятие «древний мир», а условия их деятельности таковы, что одни и те же преподаватели университетов часто читают лекционные курсы и по Древнему Востоку, и по Античности, «дистанцированность» этих двух областей куда меньше. Отечественные ученые, имеющие своей областью исследований Древний Восток, более тяготеют, как кажется, в своих профессиональных изысканиях к антиковедам, чем к востоковедам, занятым поздними эпохами. Выражением этой значительной «синтезированности» является и издание в 2011 г. первого тома шеститомной «Всемирной истории», и, первоочередно, журнал «Вестник древней истории», синергетический вклад которого трудно переоценить.

Тем не менее, и для нас, российских историков, не бесполезно внимание немецкой историографии к необходимости усиления «объединительных тенденций» в рамках древней истории, тем более что именно немецкие умы в конце XIX — начале XX вв. разрабатывали концепции универсальной истории в контексте древней, оказав существенное влияние и на российскую науку.

Дементьева Вера Викторовна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра антиковедения Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. E-mail: antik-yar.ru; vv_dementieva@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант 10–06–00140-а «Системный анализ античной государственности на основе информационных подходов и создания проблемно-ориентированных баз данных» и в рамках Госконтракта № 16.740.11.0104 на выполнение научно-исследовательских работ по теме «Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование».

Особенно настойчиво призыв к нахождению исследовательских перекрестков путей изучения древневосточной и греко-римской истории прозвучал в статье Йозефа Визехёфера «Древняя история и Древний Восток, или Речь в защиту универсальной истории»[1], опубликованной в сборнике с говорящим названием “Getrennte Wege?”, в котором нащупывались «точки пересечения» названных сфер. Автор стремится, как он сам отмечает, «не только повысить ценность Древнего Востока за счет греческой и римской истории», но и показать, что Ближний Восток должен рассматриваться «интегральной составной частью древнего мира», так, чтобы Греция и Рим понимались «лишь внутри гораздо большего окружающего мира». Это должно относиться, на взгляд Й. Визехёфера, не только к периодам, в которые македонские или римские династии определяли историю Ближнего Востока, но и ко временам, когда, как в греческой архаике, «культурное влияние Востока на культуры Запада было очевидным», или, как в эпоху эллинизма, «западно-восточный и восточно-западный обмен был определяющим фактором всей эпохи», или же когда, как в Римской Империи, благодаря восточной торговле или постоянно возраставшему значению ближневосточных религий, «восточная доля в культурных контактах была заметной», либо же, как в Северо-Западной Индии кушанского времени, «различные западные и многообразные восточные традиции соединялись в поразительный симбиоз»[2]. Ставя ряд вопросов, относящихся к дискутируемой проблеме дефиниции понятия «Древний Восток», его содержательного, географического, хронологического и т.д. наполнения, Й. Визехёфер подчеркивает, что отнюдь не только античные греки пришли к идее, которая в современном смысле сегодня понимается «европейской», а географическое понятие Европы никогда в античности не коррелировало с культурным и политическим ее пониманием (не трудно здесь, разумеется, увидеть и прямое воздействие современной политики). Немецкий исследователь выражает надежду, что универсально-исторические установки предмета древней истории сделаются абсолютно необходимыми, так же как в других дисциплинах преодолеваются, хотя и с трудом, национальные и континентальные границы[3]. При этом он акцентирует необходимость соединения пространственно-описательной и типологически-сравнительной универсальной истории, отсылая читателя к работе Кристофа Хачера[4], давно уже привлекшей наше внимание своим анализом моделей универсальной истории (в контексте древней) — Я. Буркхардта и Эд. Мейера.

Проанализируем подробно взгляд, предложенный К. Хачером на две концепции названных авторов, отражающий вечные поиски историков теоретических ориентиров, в котором одним из приоритетных методов интерпретации той или иной теории выступает схематизация, — создание рисунков со схемами и диаграммами. Это один из современных подходов к рассмотрению историографии, позволяющий наглядно выявит суть построений того или иного историка. Естественно, что схема любой концепции всегда огрубляет ее содержание, отрезает многие, в том числе и важные детали, но, вместе с тем, она позволяет выделить главное и в визуальном образе это главное продемонстрировать. Задача сведения к графической схеме непростая, но, если решение ее оказывается удачным, то результат помогает как в научном осмыслении теорий, так и в практике преподавания. Естественно, что наш анализ построений К. Хачера будет опираться, во-первых, на сопоставление непосредственно с моделированием исторического процесса Я. Буркхардтом и Эд. Мейером (в их произведениях на языке оригинала[5]) и на осмысление их универсально-исторических теорий, проведенное другими исследователями, на которых будем ссылаться по ходу нашего изложения.

«Красной нитью» через работу К. Хачера проходят следующие утверждения, которые, собственно, он декларирует уже во введении[6], — коротко мы их сформулируем так:

1. С XIX в. существуют две основополагающие различные модели «универсального историописания» применительно к древней истории. Одна из них — модель Якоба Буркхардта, представляющая собой способ *типологически-сравнительного* изучения *истории культуры* древности.

---

[1] Wiesehöfer 2007, 595–613.
[2] Wiesehöfer 2007, 595–596.
[3] Wiesehöfer 2007, 612
[4] Hatscher 2003, 144.
[5] Burckhardt 1978; Meyer 1910; 1902. Перевод отдельных произведений на русский язык см.: Буркхардт 2003, Мейер 2004.
[6] Hatscher 2003, 11–12.

Вторая — основанный Эдуардом Мейером *пространственно-описательный* подход к *истории государств* древнего мира.

2. Традиция описания всемирной истории применительно к древней в XX в. почти исключительно развивалась по примеру Эд. Мейера[7]. Но сегодня универсально-исторический подход, разрабатывавшийся в этом направлении, находится в кризисе.

3. Если есть стремление раскрыть возможности универсальной истории в рамках истории древней, нужно пристально посмотреть на другой тип историописания всемирной истории, т.е. следует вернуться к модели Я. Буркхардта.

К. Хачер рассматривает два подхода к написанию древней истории — как истории универсальной и как греко-римской[8].

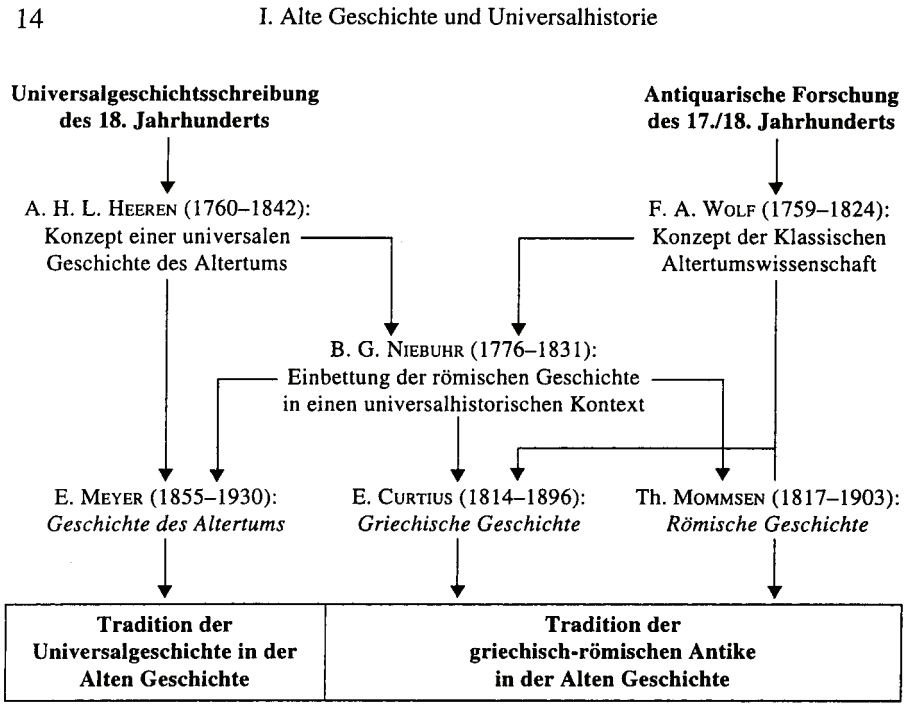


Abb. 1: Zwei Traditionen in der Alten Geschichte

Рис. 1. Схематическое изображение К. Хачером (S. 14) двух подходов к изучению древней истории.

К. Хачер отмечает, что с начала XIX в. «имеются две традиции и модели древней истории». С одной стороны — концепция греко-римской истории Фридриха Августа Вольфа, которая в единстве с классической филологией, мифологией, археологией, эпиграфикой и нумизматикой образует канон «наук о древности» и которая — как дисциплина — была отделена от всеобщего изучения истории. С другой стороны существует понимание древней истории как «истории государств древности», и в этом заложен элемент универсальной истории. Одни авторы, соответственно, концен-

[7] О том, что в России взгляды Эд. Мейера были подхвачены такими крупными историками, как Р. Ю. Виппер, Д. М. Петрушевский, М. И. Ростовцев, пишет Ю. И. Семенов: Семенов 2003, 8.

[8] Hatscher 2003, 13–27.

трировались на истории Греции и Рима, другие представляли иную модель — сравнительную истории древности[9]. Направление «универсальной истории» при создании картины древности К. Хачер выводит, как видим по рисунку, от Арнольда Германа Людвига Геерена, уделявшего значительное внимание изучению взаимоотношений (в первую очередь торговых) древних народов. Поддерживает это утверждение и Й. Визехёфер, называющий Геерена первым и долгое время последним, кто написал целиком историю древности[10].

Одну из причин интереса к универсально-историческим вопросам с позиций древней истории К. Хачер находит в занятиях античными источниками[11]. В противоположность «тут и там встречающимся утверждениям, что античность не стремилась дать всемирно-исторический набросок», — отмечает он, — исследователи нередко находят уже в начале европейского историописания универсально-исторические попытки составить представление об известном тогда мире Средиземноморья. От сочинений Геродота или Полибия оно развивалось к трудам Фукидида и Саллюстия. Отталкиваясь от единичных вопросов, таких как возникновение конфликта между греками и персами у Геродота или возвышение Великого Рима у Полибия, греческие и римские авторы включали все больше народов и культур в описание античного мира. Легко может оказаться, подчеркивает К. Хачер, что понимание истории как универсальной в античности наметилось уже у Диодора Сицилийского (Diod. I. 3.2). К. Хачер напоминает, что Бартольд Нибур дал оценку Рима как моря, в котором соединились многочисленные потоки ранних исторических процессов у народов, населявших Средиземноморье, опираясь не только на универсальную историю Августа Людвига Шлётцера, но и на отображение истории у Помпея Трога. И сегодня, — пишет Хачер, — возвращаются авторы к таким источникам, как Геродот, Полибий, Диодор или Помпей Трог для современных набросков универсальной истории.

На взгляд К. Хачера, собственно и Я. Буркхардт, и Эд. Мейер преследовали в своем интересе к универсальной истории двоякую цель: во-первых, они рефлексировали по поводу теории и методики для описания и преподавания истории в ее всеобъемлющем освещении, во-вторых — в поисках конкретных, фактических подходов к изложению истории[12]. В то время как Я. Буркхард распространял свой структурно-сравнительный эскиз и на последующие социально-исторические типы, — утверждает К. Хачер, — Эд. Мейер все прочнее, на его взгляд (по нашему мнению — излишне категоричный), стоял на позициях пространственно-описательного подхода в традициях универсально-исторического изложения XVIII века. По справедливому мнению современного антиковеда, для немецкоязычной науки о древности в общем и целом долгое время (и в XX в.) была характерна «антикварная точность и педантичное собирание доказательств», «кропотливое документирование» как высшая цель[13]. Разрыв между развивающейся специализацией и теоретическим обобщением, как и «теоретическое воздержание» в исследованиях все увеличивались. Сочинения Я. Буркхардта, подобно трудам Макса Вебера, находили внутри профессионального цеха историков длительное время, — считает Хачер, ограниченный интерес[14]. В числе работ, развивавших этот интерес к историографическим глобальным построеням, он называет исследования Альфреда Хойса, Карла Криста и Уильяма Колдера[15]. Они — вместе с другими — внесли существенный вклад, на его взгляд, тем, что создали «историю историографии» как исследовательское поле в древней истории, хотя, разумеется, и до них были многочисленные примеры единичного изучения таких сюжетов.

К. Хачер выделяет в рассмотрении универсальной истории две плоскости — философскую и научно-историческую. В первой он выделяет линейно-эволюционную и культурно-циклическую модели, во второй также две модели: пространственно описательную (которую связывает с именем Эд. Мейера) и структурно-сравнительную (идущую от Я. Буркхарда)[16].

---

[9] Hatscher 2003,15.

[10] Wiesehöfer 2007, 608.

[11] Hatscher 2003,16–17.

[12] Hatscher 2003, 19–20.

[13] Hatscher 2003, 21.

[14] К. Хачер специально занимался изучением типологизации господства у М. Вебера, и мы анализировали ряд его положений, см.: Дементьева 2004, 101–118.

[15] Hatscher 2003, 23–24.

[16] Hatscher 2003, 33.

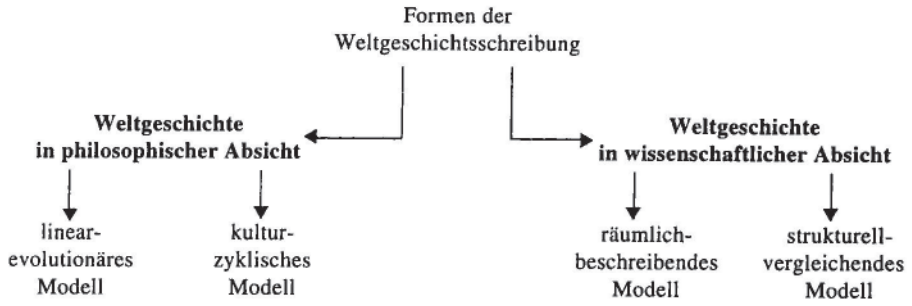


Abb. 2: Formen der Weltgeschichtsschreibung

Рис.2 Схематическое изображение К. Хачером (S. 38) форм написания всемирной истории.

Культурно-циклическую модель в философском взгляде К. Хачер связывает, естественно, с именами Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби, которые изучали универсально-исторические процессы в определенном подходе рассмотрения «высоких культур». Универсальная история становится для них историей отдельных таких культур (цивилизаций), имевших свой жизненный цикл (возникновение, становление, расцвет и умирание).

Какой мы можем дать комментарий к этому рисунку К. Хачера? Думается, что точнее будет не рассматривать как параллельные философский и собственно исторический подходы, а вывести на культурно-циклический подход и пространственно-описательную, и структурно-сравнительную модели. Они обе имеют под собой отнюдь не линейно-эволюционную модель, а предвосхитили построения О. Шпенглера и А. Тойнби. Во многом Шпенглер и Тойнби в создании теории локальных цивилизаций шли, на наш взгляд, по пути Эд. Мейера, создавая тоже пространственную модель, но в более широком взгляде, абстрагируясь в большей степени, чем это было у Мейера, от государства как опорного основания этой модели. Правда, если влияние мыслей Эд. Мейера о культурных кругах (и параллелей древности со средневековой Европой и Новым временем в ней, — о них см. ниже) на Тойнби обычно признается с уверенностью, то на Шпенглера — лишь как возможное, что отмечает Юрген Дайнингер[17]. Александр Демандт, обращая внимание на то, что последнее обычно не признается, видит причину этого в том, что если на заимствованный материал Шпенглер охотно давал отсылки, то происхождение его мыслей остается сокрытым. А. Демандт приводит аргументы в пользу наличия влияния идей Мейера на Шпенглера, особенно модели движения культурных кругов, замечая, что «зависимость Шпенглера от Мейера в этой концепции бросается в глаза»[18]. Такая позиция представляется нам верной.

К. Хачер анализирует учение Я. Буркхардта о трех «потенциях» (потенциальных возможностях, способностях, силах что-то сделать (в русском переводе А. Дранова и А. Гаджикурбанова[19] они названы просто «силы»; иногда дается перевод этого слова как «власть», что, видимо, не совсем правильно) и шести «обусловленностях» (в русском переводе использовано словосочетание «обусловливающие моменты»[20]), которыми он фактически набросал «типологическую модель» истории[21]. Три различные человеческие потребности — Хачер их формулирует как политические, метафизические и критические — создали каждая одну из трех исторических потенций: государство, религию и культуру. В то время как обе первые, по Буркхардту, считаются «стабильными», куль-

[17] Deininger 1990, 144.
[18] Demandt 1990, 176.
[19] Буркхардт 2004, 560.
[20] Буркхардт 2004, 77.
[21] Hatscher 2003, 46.

тура понимается «подвижной». Ему не был интересен «вопрос о приоритете между этими тремя», он рассматривал «их взаимное воздействие друг на друга»; в этом можно усмотреть его близость к Ш. Монтескье, — полагает К. Хачер.

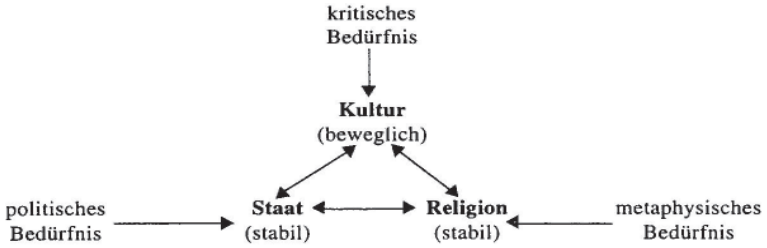


Abb. 3: Die „drei Potenzen" der Geschichte und ihre „sechs Bedingtheiten" nach Jacob BURCKHARDT

Рис. 3. Схематическое изображение К. Хачером (S. 47) «трех потенций» и «шести обусловленностей» исторического процесса, предложенных Я. Буркхардтом.

Напомним, что базельский историк выводил из изменения потенций свою следующую умозрительную схему: 1. Культура обусловлена государством («культура обусловленная влиянием государства»). 2. Государство обусловлено культурой («государство, обусловленное влиянием культуры»). 3. Культура обусловлена религией («культура, обусловленная влиянием религии»). 4. Религия обусловлена культурой («религия, обусловленная влиянием культуры»). 5. Государство обусловлено религией («государство, обусловленное влиянием религии»). 6. Религия обусловлена государством («религия, обусловленная влиянием государства»). Причем, явление в своем изменении — в теории Буркхардта — каждый раз переходит в свою противоположность.

К. Хачер отмечает, что внутри этого систематического каркаса Я. Буркхардт хронологически «проходит» историю шесть раз. При этом противопоставляет он фазы сильного доминирования «государства» таким, в которых «религия» и «культура» задают тон, и ему удается показать универсально-исторические параллели. Подход Я. Буркхарда, по мнению К. Хачера, непосредственно предвосхитил тем самым типологический способ рассмотрения, разработанный М. Вебером.

Альфред фон Мартин, немецкий социолог и историк, осмысливая в свое (послевоенное) время учение Буркхардта о трех потенциях[22], формулировал лежащие в их основе потребности следующим образом: материальная и духовная потребности удовлетворяются культурой, метафизическая — религией, а также задавался вопросом, — какой человеческой потребности служит государство? И отвечал на него — «правовой потребности», «потребности в обеспечении правопорядка» («гарантии соблюдения законности»). Расхождения между исследователями в определении («назывании») потребностей, в качестве ответа на которые возникает действие буркхардтовых потенций, обусловлено тем, что у самого Буркхардта четко «названа по имени» только метафизическая потребность, которую призвана удовлетворить религия. Две другие исследователям его теории приходится формулировать — на уровне одного термина — самим, поскольку они у швейцарского ученого даны посредством довольно пространных описаний, поэтому различия в формулировках у тех, кто анализирует его текст, неизбежны. А. фон Мартин, не рисуя непосредственно графическую схему, давал все же своим описанием, так сказать, «визуальную картинку», в которой государство располагается на одном полюсе («полюсе власти»), культура — на противоположном («полюсе свободы»), а религия стоит между ними. Она может оказаться на стороне власти и тогда становится угрожающим элементом для свободы, но она может тяготеть и к полюсу последней. Нам представляется, что выбранная А. фон Мартином для его умозрительной схемы диспозиция трех потенций Буркхадра в какой-то мере точнее, чем на рисунке, предложенном К. Хачером, передает взгляд великого швейцарца.

Определенным недостатком, на наш взгляд, схемы рис. 3 К. Хачера является ее некоторое противоречие мыслительной конструкции Я. Буркхарда, утверждавшего, что три «потенции» (культура,

[22] von Martin 1948, 49–64.

государство, религия) требуют последовательного рассмотрения этих явлений, одновременная же двойная обусловленность у него исключается. Явление X не рассматривается одновременно как обусловленное явлениями Y и Z[23]. В схеме же К. Хачера этот важный момент элиминируется, более того, схему можно понимать именно как двойную обусловленность каждого явления. Заметим, что конструкция шести состояний — при всей своей абстрактности — у Буркхарда довольно запутанна, что и не позволило, видимо, Хачеру отразить ее четко в отдельной схеме.

Известный немецкий философ Эберхард Гризебах писал, что Буркхардт углубил разработку смысла «универсальности, цельности и возможностей интеллектуального рассмотрения», который у него сформировали учителя — Леопольд фон Ранке и Бернхард фон Куглер[24]. «Политические и религиозные потенции связаны у него с культурой и одухотворены ею»; по Буркхардту, они действуют на более высоком поле культуры спонтанно, отражаясь в богатстве духовных форм, «которые мы имеем обыкновение называть культурой и привычно рассматриваем в качестве цели и содержания исторического существования». Возможно, что именно в отмеченном Э. Гризебахом отношении К. Хачер стремился отразить в своей схеме имманентно присущее «культурное содержание» двух других потенций — государства и религии, но два пласта модели Буркхадрта (последовательность действия потенций и воздействие их друг на друга), по всей видимости, трудно соединимы в одной схеме (или, во всяком случае, непротиворечиво должны быть соединены в ней как-то иначе).

Анализ теории Я. Буркхарда, проведенный К. Хачером, выявляет признание швейцарским ученым двойственности (дуализма) власти государства и религии для цивилизаций древности, а для греко-римской античности — преобладание государства в качестве общего правила, но с подчеркиванием особого значения культурного очага в Афинах.

	Kultur	Staat	Religion
Alte Weltkulturen		**„Doppelmacht“ von Staat und Religion**	
Zusammenbruch der Alten Welt			
Griechisch-römische Antike	„Culturherd“ Athen	**Vorherrschaft des Staates**	
Krise der Völkerwanderung			
Mittelalter		„Gewaltstaat“ Friedrichs II.	**Vorherrschaft der Religion**
Renaissance und Reformation			
Neuzeit	„Culturherd“ Florenz	**Vorherrschaft des Staates**	
Revolutionszeitalter			
Moderne	**Vorherrschaft der Kultur**		

Abb. 4: Abwechselnde Dominanzen der „drei Potenzen“ und wichtige Abweichungen

Рис. 4. Схематическое изображение К. Хачером (S. 48) поочередного доминирования «трех потенций» и значимых отклонений от него в модели Я. Буркхарда.

[23] Burckhardt 1978, 84.
[24] Grisebach 1943, 168.

Пояснения значений слов: der Gewaltsstaat — могущественное (сильное) государство; der Kulturherd — очаг культуры; die Abweichung — отклонение, расхождение; der Zusammenbruch — развал, распад, крушение; die Völkerwanderung — переселение народов; die Vorherrschaft — господство, преобладание.

К. Хачер пишет, что в начале истории «высоких культур» Я. Буркхард устанавливает очень большую связь государства и религии. В дальнейшем всегда именно государство явственнее кристаллизуется как «господствующая потенция». Этот принцип остается у него, отмечает Хачер, в силе и для греческих полисов (в общем и целом), и для Рима[25]. Однако можно позднейшие полисы греков, прежде всего колонии, характеризовать так, что в них «изначально культура (торговля, ремесло, свободная философия и т.д.)» были существенными и определяющими, и, наконец, даже «прорыв демократии» должен рассматриваться как «торжество государства, определяемого культурой». Высшая точка этого развития, в соответствии с Буркхардтом, Афины, которые сегодня «более интересны как очаг культуры», чем как «государственная сущность». «Рим как государство», напротив, по мнению Буркхардта, «остался превосходящим свою культуру во всех фазах».

Еще А. фон Мартин отмечал, что Я. Буркхардт — как историк — «подтягивал» пограничные случаи «в круг своего рассмотрения», — например, деспотию в Египте, где «религия играла собственную значительную роль», но он же, опять-таки как историк, видел амбивалентность и альтернативные возможности каждого развития — государственного, религиозного, культурного. Для каждой из трех потенций имеется «перепутье», на котором возможны варианты отнесения развития к той или другой стороне[26].

По Я. Буркхардту, подчеркивает К. Хачер, новая фундаментальная констелляция формируется с победой христианства и становлением средневекового западноевропейского мира: «религия» в последовательной цепочке потенций занимает доминирующую позицию. Для Буркхарда это «величайшее преобразование, которое когда-либо произошло». Новое усиление государства связано у Буркхардта с Фридрихом II и его Священной Римской империей. Самое раннее завершение этого «нового государства» находит Буркхардт при Людовике XIV и его подражателях, с их явно прослеживаемой «высшей и сильной принудительной властью почти над всеми областями культуры». С XVIII века начинает преобладать, все более очевидным образом, «новая (современная) культура». Это время, в котором Буркхардт сам жил, означало для него, полагает Хачер, одновременно наличие большого кризиса.

Заметим, что К. Хачер предлагает в схематизированном виде развитие «универсальных потенций всемирной истории» по Буркхардту только на примере европейской истории (от второго этапа и далее), что, собственно, снижает пафос универсальности сравнительно-типологического подхода Буркхарда, за который так ратует Хачер. В контрасте с этим мы видим у Хачера схему теории Эд. Мейера как по-настоящему универсальной истории[27].

К. Хачер усматривает влияние на Эд. Мейера таких историков, как Арнольд Германн Геерен и Георг Бартольд Нибур, давших импульс к написанию трудов по мировой истории. Кроме того, воздействие на Мейера, указывает Хачер, оказал обширный труд «История древности» Макса Дункера (1811–1886), в котором автор соединил знания историков своего времени со знаниями лингвистов и ориенталистов. Арнальдо Момильяно, ранее Хачера сделавший такой вывод, подчеркивал, что традиция написания универсальной истории оставалась в Германии жизненной, в 80-е гг. XIX в. имелся ее непосредственный пример в лице пожилого Ранке[28]. Частями универсальной истории в рамках древности были: великие монархии Передней Азии, история евреев до рождения Христа, греческая и римская истории, — именно их включил в свой труд прямой предшественник Мейера, по определению Момильяно, М. Дункер. Но, на взгляд итальянского ученого, Эд. Мейер не просто продолжил эту традицию. Ни один из его предшественников не обладал такими языковыми знаниями, как он, и не был так одарен, как он, способностями критического мышления. Хорошо известно, что Эд. Мейер изучал, кроме классических языков (которые знал еще с гимназических

[25] Hatscher 2003, 48–49.
[26] von Martin 1948, 53–54.
[27] Hatscher 2003, 53–76.
[28] Momigliano 2000, 259.

времен), древнеегипетский, санскрит, арабский, персидский, тюркские языки; он интересовался семитской филологией, был англофилом, являлся почетным доктором по семи отраслям знаний[29]. Что касается критического метода работы Мейера, то по типологии исторических исследований, предложенной Фридрихом Ницше — «монументальная история», «антикварная история» и «критическая история», — принадлежат его работы, как подчеркивает А. Демандт, к последнему из названных направлений[30]. Добавим к этому еще наблюдение Лучано Канфоры: в трудах Мейера пересекались его интерес к вариантам политической организации древнего общества и философско-политические размышления о возникновении и «начале всех начал» государственности, интерес к социально-экономическим проблемам древнего мира и изучение им конституционных форм древности[31]. Все это, как не трудно увидеть, в совокупности обеспечило и глубину исследовательского проникновения в мировую историю, и широту ее охвата в модели Мейера.

Центральное значение для всемирно-исторической перспективы взгляда Эд. Мейера имеет понятие «культурного круга», поэтому естественно, что К. Хачер его подробно анализирует. В нем люди объединены в историческую общность поверх расовых, этнических и языковых границ. Мейер отклонял национально-государственное сужение «культурного круга», справедливо полагает К. Хачер, — древняя история была для него, поэтому, ничем иным как частью истории всего человечества.

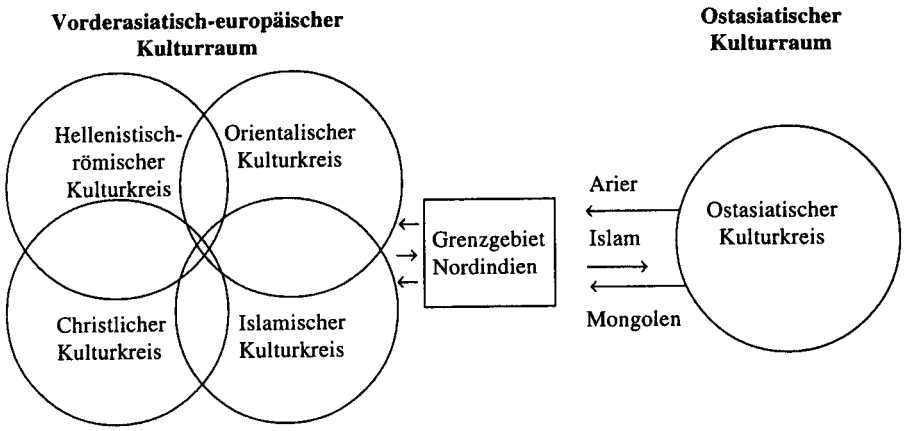


Abb. 5: Kulturkreise der Weltgeschichte nach Eduard Meyer

Рис. 5. Схематическое изображение К. Хачером (S. 60) культурных кругов всемирной истории по Эд. Мейеру.

К. Хачер констатирует, что Эд. Мейер различал в совокупности три «больших культурных круга» в «двух больших главных регионах». С одной стороны, он усматривал переднеазиатско-европейское культурное пространство, чьи четыре малых культурных круга, *восточный и эллинско-римский* в древности, *христианский и исламский* в Средние века и Новое время, он объединил в два больших (двойных) культурных круга, собственно, *восточно-эллинский и христианско-исламский.* С другой стороны, Эд. Мейер отделял от этого комплекса восточно-азиатский культурный круг. Для обоих культурных кругов *переднеазиатско-европейского пространства* было характерно то, что между ними были установлены устойчивые сильные взаимодействия, так что — как акцентирует Хачер — «только симметрично принимая их во внимание, в совокупном рассмотрении можно полностью понять их историю». Связи с восточноазиатским культурным кругом проявились, по мнению Мейера,

[29] Demandt 1990, 161–165; Christ 1994, 155–156; Momigliano 2000, 255–257.
[30] Demandt 1990, 159,162.
[31] Canfora 1995, 45.

лишь незначительно, поэтому нельзя историю их народов объединить с историей западных народов, она не составляла с ними непосредственного единства. Для Северной Индии Эд. Мейер сделал исключение, т.к. она, в его понимании, составляла «пограничную область» развития двух систем. «Всемирная история» означала для Мейера историю «всех трех регионов» в их совокупности. Для «древних стадий развития» являлись оба «больших главных региона», по Мейеру, обособленными общностями с собственной историей.

На данной диаграмме Хачера, как видим, стрелочка, направляющая ариев к Индии, дана от восточно-азиатского культурного круга. Вероятно, имеется в виду представление Эд. Мейера — в отношении индоевропейской проблемы — не о собственно прародине индоевропейцев («восточно-азиатское пространство» не может им быть), а о том, что арийские племена в III тыс. до н.э. находились уже в Средней Азии, которая, естественно, географически к «переднеазиатско-европейскому культурному кругу» Мейера не может быть отнесена.

К. Хачер отмечает, что прежде всего на основании хозяйственного развития древнего мира сформулировал Эд. Мейер на повороте веков свое собственное понимание — вторую параллельную историческую смену кругов в переднеазиатско-европейском культурном пространстве: каждой стадии развития античного культурного круга корреспондирует соответствующая фаза «средневековоновистического» круга. Схема кругов по Эд. Мейеру изображается К. Хачером в следующем виде:

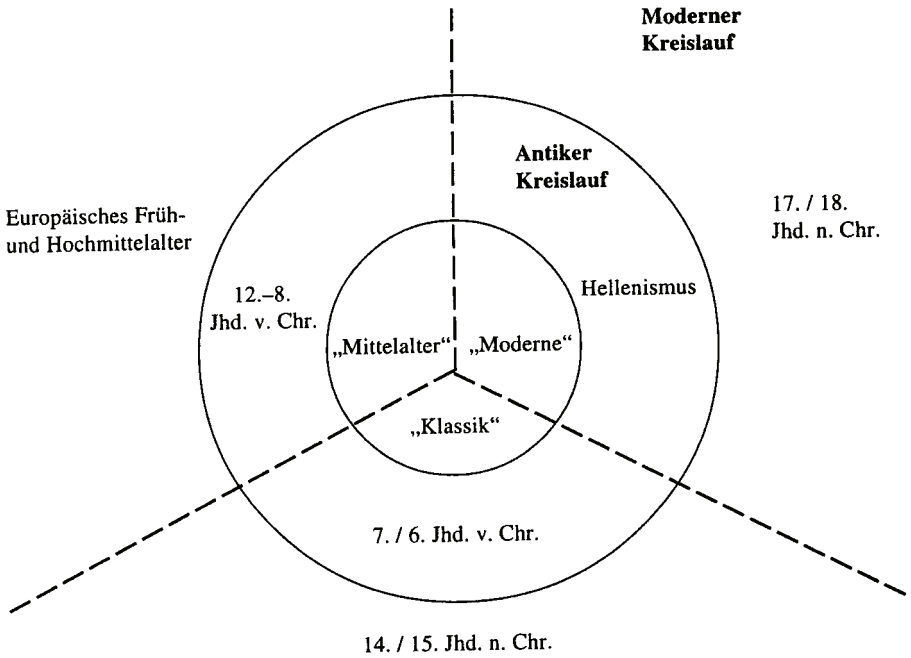


Abb. 6: Parallele Kreisläufe der vorderasiatisch-europäischen Kulturkreise nach Eduard MEYER

Рис. 6. Схематическое изображение К. Хачером (S. 68) параллельного кругового движения переднеазиатско-европейского «культурного круга».

Как видим на диаграмме (рис. 6), античный культурный круг включает в себя «греческое Средневековье», т.е. XII–VIII вв. до н.э., «классику», начавшуюся в VII/VI вв. до н.э., и «модерн» в виде «эллинизма». «Новый культурный круг» имеет следующие соответствия: «Средневековье» как первый этап (европейское раннее и развитое Средневековье в обычном значении этого понятия), «классику» XIV–XV вв., «модерн», начавшийся в XVII/XVIII вв.

К. Хачер подчеркивает, что в указанной связи получает особую окраску общепринятый как обозначающий эпоху термин «Средние века». Эд. Мейер в этот термин вкладывал правила, которыми связаны друг с другом определенные хозяйственные, политические и культурные порядки. В этом, специфически понимаемом Мейером «Средневековье» преобладала «малая государственность», господствовали натуральное хозяйство и патриархальные порядки. Такие параллели «греческое Средневековье» имеет, в его восприятии, не только с «христианским Средневековьем», но, например, со Среднеегипетском царством и Японией.

К. Хачер обращает внимание, что, хотя Мейер принципиально противопоставлял свою концепцию отвергаемым «историческим законам» и типизации, совершенно очевидно, что он демонстрирует здесь содержательную близость к созданному Максом Вебером «идеальному типу»[32].

Повторение цикла в современности трактуется у Мейера следующим образом. Ситуация в мире ко времени начала Ганнибаловой войны, — пишет К. Хачер, — напоминает Мейеру современную ему ситуацию перед началом Первой мировой войны. Во время этой войны Германия напоминает ему, соответственно, Рим времен Второй Пунической. Англия, на его взгляд, принуждает Германию к чрезмерной экспансии так же, как Ганнибал Римскую республику. На исходе мировой войны Мейер, однако, устанавливает, что дальнейшее продолжение аналогии Германия — Рим и Англия / Соединенные Штаты — Карфаген больше невозможно. Хачер делает заключение, что эта оценка положения в мире дается с «немецкого взгляда» и она — конечно, с заметными ограничениями — имеет многосторонние параллели с «Закатом Европы» Освальда Шпенглера[33].

К. Хачер подводит такие итоги своему рассмотрению: в конце XIX — начале XX вв. центральными были две различающихся всемирных истории, противопоставленные друг другу, но обе антиковедческого происхождения: с одной стороны, *универсально организованная история культуры в смысле Якоба Буркхардта*, с другой стороны — *объединенная история государств древности Эдуарда Мейера*[34]. «Школу» в строгом смысле этого слова оба они не основали. После Буркхардта и Мейера все более и более исследователи углублялись в узкоспециальные и конкретные исследования. Определяющая сквозная мысль, лейтмотив работы К. Хачера, — универсально-исторический подход продолжался только в русле теории Мейера, а пафос анализа К. Хачера — призыв развивать сравнительно-типологический метод Буркхардта.

Сделаем несколько своих замечаний по данной позиции, признавая высокую эффективность, в целом, схематической интерпретации, предложенной К. Хачером, и ее высокую степень наглядности в выявлении сути теорий.

Представляется, что К. Хачер не совсем точно называет метод Мейера пространственно-описательным. Он пространственно-сравнительный. И этот подход ориентирован у Мейера не только на историю государств, как формулирует современный исследователь, — это видно уже из трактовки ключевого понятия его концепции — «культурного круга». Хачер сам признает, что в изучении истории древности центром притяжения для Мейера была греческая культура[35] (в широком смысле слова).

К. Хачер призывает взять на вооружение модель Я. Буркхарда. Но почему историки в XX веке пошли (те, кто воспринял универсально-исторический подход) в своем осмыслении всемирной истории за Мейером, а не Буркхардтом? Потому, что этот путь для изучения социумов прошлого более реалистичен, дает возможность изучения определенного общества в пространственно-хронологическом срезе отдельным историком. Как бы ни был заманчив призыв «следовать дорогой Буркхардта», на практике применение сравнительно-типологического метода означает, что для сравнения будут браться не только свои, но и многочисленные чужие реконструкции (или только чужие). Это связано с тем, что историк обычно не может быть равно хорошо подготовлен к чтению источников на большом количестве различных языков, — соответственно он для сравнения вынужден будет брать результаты других (работающих в разных методиках и подходах) исследователей, — времена энциклопедистов, увы, миновали. А такой способ работы — по многим причинам не слишком привлекательная перспектива. Метод же Мейера в основе своей дает больше возможности и индивиду-

[32] Hatscher 2003, 68–69.
[33] Hatscher 2003, 70–71.
[34] Hatscher 2003, 75–76.
[35] Hatscher 2003, 74–75.

ального, и коллективного написания истории во всемирном контексте. Другое дело — попытаться масштабно соединить с ним принцип типологизации, содержащийся в теоретических построений Бурхардта (но вряд ли сами эти построения).

Как нам кажется, эффект от интерпретации Хачером двух моделей универсальной истории, во многом противоположный преследуемой автором цели. Хачер призывает «вернуться к Буркхардту», а его схемы доказывают большую разработанность и логичность, а главное, применимость теории Мейера. Парадокс в том, что схемы Хачера для теории Мейера показывают именно модель универсальной истории (при всей специфичности трактовки ее движения), чего нельзя сказать о схемах, представляющих концепцию Я. Буркхардта. Сложность сведения модели Я. Буркхардта к схемам, которая видна в исследовании Хачера, свидетельствует, не в последнюю очередь, о большей — по сравнению с моделью Мейера — «философской размытости» самой теории и трудностях ее использования как методологического инструментария историка.

Очевидно только, что стремления к универсально-историческому описанию прошлого, в том числе и древности, должны активизироваться, и, полагаем, будут активизироваться в ближайшем будущем, — при этом рациональные зёрна обеих представленных моделей обязаны быть так или иначе учтены. В российской науке о древнем мире для этого есть свои стимулы и свои благоприятствующие этому факторы — в первую очередь наличие журнала «Вестник древней истории», своим существованием и своим содержанием уже 75 лет неизменно поддерживающего идею единства истории человечества в ракурсе древнего её пласта.

ЛИТЕРАТУРА

Буркхардт Я. 2004: Размышления о всемирной истории. М.

Дементьева В.В. 2004: «Харизматическое господство»: концепция Макса Вебера в современной романистике // Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике / В. В. Дементьева (ред.). Т.2. М., 101–118.

Мейер Э. 2003: Труды по теории и методологии исторической науки. М.

Семенов Ю. 2003: Эдуард Мейер и его труды по методологии и теории истории // Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки М., 3–21.

Burckhardt J. 1978: Weltgeschichtliche Betrachtungen. Stuttgart.

Canfora L. 1995: Politische Philologie. Altertumswissenschaften und moderne Staatsideologien. Stuttgart.

Christ K. 1994: Fallstudien wissenschaftlicher Konzeptionen des 20. Jahrhunderts. I. Eduard Meyer // Caesar. Annäherungen an einem Diktator. München, 155–165.

Demandt A. 1990: Eduard Meyer und Oswald Spengler Lässt sich Geschichte voraussagen? // Eduard Meyer. Leben und Leistungen eines Universalhistorikers / W. M Calder, A. Demandt (hersg.). Leiden; New York; Kobenhavn, Köln, 159–181.

Deininger J. 1990: Eduard Meyer und Max Weber // Eduard Meyer. Leben und Leistungen eines Universalhistorikers / W. M. Calder, A. Demandt (hersg.). Leiden; New York; Kobenhavn; Köln, 132–158.

Grisebach E. 1943: Jacob Burckhardt als Denker. Leipzig;Bern.

Hatscher Ch. 2003: Alte Geschichte und Universalhistorie (Weltgeschichtliche Perspektiven aus althistorischer Sicht). Stuttgart.

von Martin A. 1948: Burckhardt und Nitzsche. Philosophieren über Geschichte. Krefeld.

Meyer Ed. 1910: Kleine Schriften. Zur Geschichtstheorie und zur wirtschaftliche und politische Geschichte des Altertums. Halle.

Meyer Ed. 1902: Zur Theorie und Methodik der Geschichte. Geschichtsphilosophische Untersuchungen. Halle.

Momigliano A. 2000: Vorbemerkurgen zu einer Diskussion über Eduard Meyer *// Momigliano A.* Ausgewählte Schriften und Geschichtsschreibung. Bd. 3. Die moderne geschichtsschreibung der Alten Welt / G. W. Most (hrsg.). Suttgart; Weimar, 255–272.

Wiesehöfer J. 2007: Alte Geschichte und Alte Orient, oder: Ein Plädoyer für Universalgeschichte // Getrennte Wege? Kommunikation, Raum und Wahrnehmung in der Alten Welt. Frankfurt am Main, 595–613.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	—	Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т., Долгоруков В.С. (ред.) Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984.
АДСВ	—	Античная древность и средние века. Свердловск
АИКСП	—	Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья / В.Ф. Гайдукевич и др. (ред.) Л., 1968.
АМА	—	Античный мир и археология, Саратов
АО	—	Археологические открытия. Москва
АЦВМ	—	Античная цивилизация и варварский мир / Б.А. Раев (ред). Новочеркасск
БИ	—	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
БС	—	Боспорский сборник. Москва
ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации
ДАС	—	Донецкий археологический сборник. Донецк
ДБ	—	Древности Боспора. Москва
ДВФУ	—	Дальневосточный федеральный университет
ДГКСА	—	Кошеленко Г.А. (ред.) Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург
ИАК	—	Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.; Петроград
ИАЭ СО РАН	—	Институт археологии и этнографии СО РАН
КСИА	—	Краткие сообщения ИА АН СССР. Москва
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
НА ЧГИГН	—	Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
НЭ	—	Нумизматика и эпиграфика, Москва
ОГАЧО	—	Объединенный государственный архив Челябинской области.
ПИСПЭЭ	—	Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
РГАСПИ	—	Российский государственный архив социально-политической истории
РО ИРЛИ	—	Рукописный отдел Института русской литературы
САИ	—	Свод археологических источников. Москва
СА	—	Советская археология. Москва
СГЭ	—	Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград
ТГЭ	—	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград
ТОНГЭ	—	Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Ленинград
ХСб	—	Херсонесский сборник. Севастополь
AAASH	—	Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AJPh	—	American Journal of Philology
ASCS	—	Ancient Civilisations from Scythia to Sibiria. Leiden
AS	—	Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. London
BAR	—	British Archaeologist Reports. Oxford
BS	—	Byzantinoslavica. Praha
CIL	—	Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I-XVI. Leipzig, Berlin, 1862-1943.
CQ	—	Classical Quarterly. Oxford
CR	—	Classical Revue, Oxford
DHA	—	Dialogues d´histoire ancienne. Paris
DMF	—	Dictionnaire du Moyen Français (1330–1500) // sous la direction de R. Martin: version 2010. ATILF CNRS — Nancy Université.
ESAR	—	Frank T. (ed.) An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. IV. Baltimore. 1938
IGRP	—	Cagnat R., Jouguet P., Toutain J., Lafaye G. (eds.) Inscriptiones graecae ad res
ILS	—	Inscriptiones Latinae Selectae. Berolini.

JHS	—	Journal of Hellenic Studies. London
JRAS	—	Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, Cambridge
JRS	—	Journal of Roman Studies. London.
KlP	—	Der kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. I–V. München, 1964–1975
MBAH	—	Münsterische Beiträge zur antiken Handelsgeschichte. St. Katharinen
Nndi	—	Novissimo Digesto Italiano
OJA	—	Oxford Journal of Archaeology, Oxford
PATABS I	—	Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006 / D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.) Paris – Istanbul. 2010
PG	—	Patralogiae graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris
PLG	—	Poetae lyrici graeci. Collegit Th. Bergh. 4. Auflage. 3 T. Leipzig. 1923
RE	—	Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Reallexikon der Klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart. 1893–1980
RE	—	Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft von Pauly–Wissowa G. Stuttgart
RGZM	—	Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz, Bonn
RhM	—	Rheinisches Museum FÜR Philologie
RIB	—	Roman Inscriptions of BriTAIn. Oxford, 1965.
Sdhi	—	Studia Et Documenta Historiae Et Iuris
Vani IX	—	Pont-Euxin et commerce. Actes du IXe Symposium de Vani. / Faudot M., Frayste A., Geny E. (eds.). Paris. 2002
ZPE	—	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn
	—	romanas pertinentes. 4 T. Paris. 1906-1927 (repr. 1975)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

Ефремов Н. В. (Грейфсвальд) — К вопросу о торговых путях в Восточном Причерноморье в эллинистический период или об одном историческом мифе 3
Каретникова В. А. (Ярославль) — Подготовка к соисканию магистратских должностей в Римской республике III–I вв. до н.э.: аргументы в пользу потенциального кандидата 27
Павлов А. А. (Сыктывкар) — Римские концепции плебейского трибуната: Марк Веррий Флакк 40
Данилов Е. С. (Ярославль) — Несостоявшийся император Марк Оклатиний Адвент .. 54
Жаровская А. Н. (Ярославль) — Неформальная элита времен Тиберия: Марк Габий Апиций 60
Мишуров Н. В. (Ярославль) — К вопросу об авторстве работ, приписываемых римскому историку Сексту Аврелию Виктору 68
Дмитриев В. А. (Псков) — «Ночное сражение» под Сингарой: к вопросу о хронологии военно-политических событий середины IV в. н.э. в Верхней Месопотамии .. 77

ПЛЕМЕННОЙ МИР

Бродянский Д. Л. (Владивосток) – Совы в первобытном искусстве 87

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Когут Е. В. (Москва) — Эволюция права собственности византийской женщины по актам Афонских монастырей в эпоху Палеологов 96

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Иванов А. Г. (Магнитогорск) — Советско-канадские образовательные обмены конца 1950-х — 1960-ее гг. 104

ИСТОРИЯ РОССИИ

Макаров А. Н. (Магнитогорск) — Советский индустриальный фоторепортаж 1930-х гг. как средство стереотипизации массового сознания 111
Потемкина М. Н. (Магнитогорск) — Историческое пространство эвакуации (1941–1945 гг.) 124
Рябова Т. С. (Магнитогорск) — Стратегии выживания беспризорников Челябинской области в экстремальных условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 133

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Шулежкова С. Г. (Магнитогорск) — «Понеже люблю свой природной русский язык…» (к 330-летию со дня смерти протопопа Аввакума) 141
Абрамзон Т. Е. (Магнитогорск) — Плачи по Ломоносову: поэтика скорби 148
Баканова Н. В. (Магнитогорск) — Место крестьянского труда в системе ценностей Г. И. Успенского 160
Жаткин Д. Н., Холодкова Ю. В. (Пенза) — Осмысление творчества Томаса Гуда в русской литературной критике второй половины 1850-х — начала 1860-х гг. 169
Макаричев Ф. В. (Санкт-Петербург) — «Случайно расширившийся» персонаж в «Преступлении и наказании» 177
Хуббитдинова Н. А. (Уфа) — Интертекстуальность поэзии М.Акмуллы (к 180-летию башкирского просветителя) 185
Тимофеева О. Е. (Санкт-Петербург) — Образ Мессии в рассказе А. Белого «Адам»... 191
Смыковская Т. Е. (Благовещенск) — Образ иконы в художественном мире повести Л. Бородина «Царица смуты» 201
Кенько А. А. (Магнитогорск) — О литературоцентризме творчества В. Пьецуха 211
Ничипорчик Е. В. (Гомель) — Здоровье как ценность в паремиологической картине мира (на материале русских и итальянских пословиц и поговорок) 218
Таянова Т. А. (Магнитогорск) — Литература и религия: К вопросу о «двоеверии» религиозного писателя 232

ЛИНГВИСТИКА

Швыдкая Л. И. (Магнитогорск) — Словообразовательный механизм и морфологическая структура слова 241
Войтещук И. В. (Челябинск) — Количественная характеристика природной воды в немецком и русском языках 249
Лунцова О. М. (Магнитогорск) — Трансформация бинарных оппозиций «дружба — вражда», ‘friendsip — enmity’ в градуальные (опыт экспериментального исследования) 255
Ерохина Е. Г. (Москва) — Использование лексических маркеров недостоверной информации в повествовательных стратегиях исторического текста 261

ДОКЛАДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации»
(Магнитогорск, МаГУ, 26-27 октября 2012 г.)

Разумовская В. А. (Красноярск) — Семантика художественного образа в оригинале и переводе: кот Бегемот 268
Ткачева Т. А. (Астрахань) — Прагматический и когнитивный аспекты семантики прилагательного *saige* в «Мемуарах» Филиппа де Коммина 278
Швецова М. Г. (Киров) — Роль СМИ в конструировании образа страны 288

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

Медведев В. В. (Магнитогорск) — Этническая идентичность верховых чувашей Башкортостана в начале XXI в. 299

Материалы научно-методического семинара
«Образы евразийских пространств: пути, перекрестки, святые места»
(Новосибирск, ИАЭТ СО РАН, 4 мая 2012 г.)

Романова Е. Н. (Якутск) — Священные места Якутии: традиции и современность 309
Садалова Т. М. (Горно-Алтайск), *Самушкина Е. В.* (Новосибирск) — Священные территории Республики Алтай 317
Октябрьская И. В. (Новосибирск) — Путь через перевалы. Концепция пути в фольклорно-поэтической традиции Алтая 325
Бурнаков В. А. (Новосибирск) — Каменные изваяния в сакральном пространстве хакасов 335
Любимова Г. В., Бут М. О., Лугоненко Д. С. (Новосибирск) — «Сад как рай». Практики сакрализации пространства новых религиозных движений Сибири 345

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Дементьева В. В. (Ярославль) — Поиски современного универсального взгляда на древнюю историю сквозь призму моделей Я. Буркхардта и Эд. Мейера 357

CONTENTS

HISTORY

ANCIENT WORLD HISTORY

ANCIENT GREECE AND ROME

I. V. Yefremov (Greifswald) — Trade Routes in Eastern Black Sea Region During the Hellenistic Period or a Historical Myth 3
V. A. Karetnikova (Yaroslavl) — Preparation for Magistracy in the Roman Republic of the 3rd — 1st centuries BC: A Case For A Potential Candidate 27
A. A. Pavlov (Syktyvkar) — Roman Conception of Plebeian Tribunate: Marcus Verrius Flaccus 40
Ye. S. Danilov (Yaroslavl) — Marcus Oclatinius Adventus, a Might-Have-Been Emperor . 54
A. N. Zharovskaya (Yaroslavl) — Informal Elite of Tiberian Times: Marcus Gabius Apicius 60
N. V. Mishurov (Yaroslavl) — The Authorship of Writings Accredited to Sextus Aurelius Victor 68
V. A. Dmitriev (Pskov) — The “Night Battle” of Singara: on Chronology of Military-Political Events in Upper Mesopotamia in the Middle of the IV century A.D. 77

PREHISTORY

D. L. Brodyansky (Vladivostok) — Owls in the prehistoric art 87

MEDIEVAL HISTORY

Ye. V. Kogut (Moscow) — Byzantine Woman Proprietary Right on Evidence of Athos Monasteries Records of ohe Palaeologus Times 96

NEW AND MODERN HISTORY

A. G. Ivanov (Magnitogorsk) — Soviet-Canadian Student Exchange in the late 1950-s and During the 1960-s 104

RUSSIAN HISTORY

A. N. Makarov (Magnitogorsk) — Soviet Industrial Photographic Coverage as a Tool for Stereotyping Public Consciousness..... 111
M. N. Potyomkina (Magnitogorsk) — Historic Evacuation Space (1941–1945)..... 124
T. S. Ryabova (Magnitogorsk) — Homeless Child Survival Strategy in Chelyabinsk Oblast in Extreme Conditions of the Great Patriotic War (1941–1945)..... 133

PHILOLOGY

HISTORY OF LITERATURE

S. G. Shulezhkova (Magnitogorsk) — "Why do I Love My Native Russian…" (on the 300th Anniversary of Archpriest Avvakum's Death) 141
T. Ye. Abramzon (Magnitogorsk) — Lamentations for Lomonosov: Poetics of Mourning ... 148
N. V. Bakanova (Magnitogorsk) — Peasant Labor in G. I. Uspensky's Value System 160
D. N. Zhatkin, Yu. V. Kholodova (Penza) — The Interpretation of Thomas Hood's Creative Work by Russian Literary Criticism of the Late 1850s — Early 1860s..... 169
F. V. Makarichev (St.-Petersburg) — "Casually Extended" Character In "Crime And Punishment" 177
N. A. Khubbitdinova (Ufa) — Intertextual Character of M. Akmulla (on the 180th Anniversary of Bashkirian Educator)..... 185
O. Ye. Timofeyeva (St. Petersburg) — The Messiah Image in the Story of A. Bely "Adam" 191
T. Ye. Smykovskaya (Blagoveshchensk) — Icon Image in the Artistic World of L. Borodin's "The Troubles Queen"..... 201
A. A. Kenko (Magnitogorsk) — Literary Centrism of Vyacheslav Pyetsukh's Creative Work 211
Ye. V. Nichiporchuk (Gomel) — Health as a Value in a Paremialogical World Image (based on Russian and Italian Proverbs and Sayings) 218
T. A. Tayanova (Magnitogorsk) — Literature and Religion: Religious Writer's Dual Religious Belief 232

LINGUISTICS

L. I. Shvydkaya (Magnitogorsk) — Word-building Mechanism Versus Morphemic Word-Structure 241

I. V. Voiteshchuk (Chelyabinsk) — Quantitative Characteristics of Natural Water in German and Russian 249
O. M. Luntsova (Magnitogorsk) — Transformation of Binary Opposition 'Firendship — Enmity' Into Gradual Opposition (based on Experiment Data) 255
Ye. G. Erokhina (Moscow) — Employment/Usage of Lexical Markers of Inaccurate Information in Narrative Strategies of the Historic Text 261

REPORTS AND COMMUNICATIONS

The Proceedings of All-Russian Theoretical and Practical Conference "Linguistic and Cross-cultural Communication Issues"
(Magnitogorsk, MaSU, October 26-27, 2012)

V. A. Razumovskaya (Krasnoyarsk) — Artistic Image Semantics in the Original and Translation: Kot Begemot 268
T. A. Tkacheva (Astrakhan) — Pragmatic and Cognitive Aspects of the Adjective Saige in Philippe de Commynes' "Memoires" 278
M. G. Shvetsova (Kirov) — Mass Media Role in Creating Country Image 288

CULTURE

ETHNOLOGY

V. V. Medvedev (Magnitogorsk) — Bashkortostan Upper-land Chuvash Ethnic Identity in early 21st Century 299

The Proceedings of Research Workshop "Eurasian Area Character: Roads, Intersections. the Holy Places" (Novosibirsk, the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, May 4, 2012)

Ye. N. Romanova (Yakutsk) — Yakutia Holy Places: Traditions and the Present 309
T. M. Sadalova (Gorno-Altaisk), *Ye. V. Samushkina* (Novosibirsk) — Altai Sacred Places within the Framework of Cultural Heritage Preservation Program 317
I. V. Oktyabrskaya (Novosibirsk) — A Route between Mountains. Road Conception in Altai Poetic Folklore Tradition 325
V. A. Burnakov (Novosibirsk) — Stone Statues in Sacral Space 335
G. V. Lyubimova, D. S. Lugonenko, M. V. But (Novosibirsk) — Paradise as a Garden. Space Sacralization by New Religious Movements in Siberia 345

FROM SCIENCE HISTORY

V. V. Dementyeva(Yaroslavl) — Quest of a Contemporary Universal View of Ancient History throughout J. Burkhardt's and Eduard Meyer's Models 357

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg. tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann.,ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl.,Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК.63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. 1938: Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье /Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.simonov.co.uk/biography.htm.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2012

Сдано в набор 10.07.2012. Подписано в печать ??.08.2012.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 500 экз. Заказ № ??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство. 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.